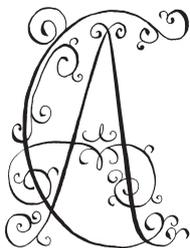

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

3-4 · 2021

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2021

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2021. — Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2021. — 528 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2021 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Индрик», 2021

Slavic Almanac 2021. Issues 3–4 /

Moscow: Indrik, 2021. — 528 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2021) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.

Institute of Slavic Studies RAS

Phone: +7 (495) 938-17-80

Website: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>

E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2021

© Authors, 2021

© Publishing house “Indrik”, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Макарецев М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirillina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

- Флоря Б. Н. (Москва)*. Украинская старшина в контактах между Россией и Левобережным гетманством в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672 гг.) 12
- Великанов В. С. (Москва)*. Чигиринский поход 1674 г.: неудачная попытка установления российского контроля над Правобережьем 28
- Мельчакова К. В. (Москва)*. Герцеговина в «Турецкой империи». Российский консул А. Н. Кудрявцев о жизни края в 1860-е годы 50
- Фролова М. М. (Москва)*. Штурм Троянского перевала 26 декабря 1877 г. и болгары: историографические мифы и реальность 76
- Борисёнок Е. Ю. (Москва)*. К вопросу об языковом аспекте школьной реформы 1958 г.: украинские и общесоюзные реалии .. 98
- Мамедов И. М. (Москва)*. Доктрина «стратегической глубины» А. Давутоглу и Балканы 126

Языкознание

- Ващенко Д. Ю. (Москва)*. Словацкие наречия группы «часто»: проблема квазисинонимии 148
- Черчук О. И. (Москва)*. Семантически связанные заимствования *mentor — kouč — tutor* в чешском и русском языках 170

Этнолингвистика

- Гура А. В. (Москва)*. Заметки о пчеловодческой традиции в Полесье (по материалам Полесского архива) 191
- Поветкина П. Б. (Москва)*. Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о зморах) 209
- Бутов И. С. (Минск)*. Московский архив Комиссии по аномальным явлениям в окружающей природной среде как источник сведений по народной мифологии 229

Литературоведение

- Широкова Л. Ф. (Москва)*. Словацкий «Нарцисс»
с хорватскими корнями. Писатель Рудольф Слобода 260
- Адельгейм И. Е. (Москва)*. «Не нанесенные на карты человеческие
страдания». Проза Иоанны Батор о Валбжихе в контексте
польской постпереселенческой литературы 1990–2010-х гг. 275
- Кожина С. А. (Москва)*. Социально-психологический роман
на современном чешском книжном рынке
(творчество Алены Морнштайновой) 296
- Красовец А. Н. (Москва)*. Транскультурность
в творчестве Йосипа Ости 311
- Старикова Н. Н. (Москва)*. Романы о «вычеркнутых»:
социально-критический дискурс в словенской прозе 2010-х гг. .. 330
- Шатько Е. В. (Москва)*. Фотография в романе сербского писателя
Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире» 344

История науки

- Стыкалин А. С. (Москва)*. Судьба одного университета
в контексте изменения границ в Средней Европе
(Коложвар — Клуж — Сегед) 353
- Лабынцев Ю. А. (Москва)*. В. М. Площанский —
исследователь истории Галицкой Руси и Руси Холмской
(обзор неопубликованных материалов вильнюсских
рукописных собраний ученого) 386
- Носов Б. В., Марней Л. П. (Москва)*. Проблемы истории Польши
и России в первой половине XIX в. в методологических
дискуссиях советских и польских историков второй половины
1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) 407

Публикации

- Кочегаров К. А. (Москва)*. Неизвестная грамота сучавского
митрополита Досифея о расторжении брака гетмана
правобережных казаков Стефана Куницкого (1683 г.) 441
- Ганин А. В. (Москва)*. «Так он остался только нашим
и только своим...»: Драголюб Йованович о Федоре Махине 451

Рецензии и обзоры

<i>Крафл П. (Нитра)</i> . Ободриты и лютичи в современной польской и чешской научной литературе	462
<i>Серапионова Е. П. (Москва)</i> . Живопись Ф. А. Малявина в чешских собраниях	475
<i>Задорожнюк Э. Г. (Москва)</i> . Полтора столетия истории Сербии: уроки модернизации	480
<i>Гусев Н. С. (Москва)</i> . Реакция балканских государств на глобальные экономические кризисы середины XIX — середины XX в.	490
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва)</i> . Польское присутствие на белорусских землях в XX столетии: опыт взаимодействия историков двух стран 2017–2020 гг.	497
<i>Милошевич Ст. (Белград)</i> . Современные семантические исследования в области сербского языка	510

Хроника

<i>Серапионова Е. П. (Москва)</i> . Международная научная конференция «Кризис и государство»	517
--	-----

Content

History

<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The Cossack elite in relations between Russia and the Left-Bank Ukraine during the ruling of the hetman em'ian Mongogreshnyi (1669–1672)	12
<i>Velikanov V. S. (Moscow)</i> . The Chigirin campaign of 1674: An unsuccessful attempt to establish Russian control over the Right-Bank Ukraine	28
<i>Melchakova K. V. (Moscow)</i> . Herzegovina in the “Turkish Empire”. The Russian Consul A. N. Kudryavtsev about the life of the region in the 1860s	50
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . The storm of the Troyan Pass on December, 26, 1877 and the Bulgarians: Historiographic myths and the reality	76
<i>Borisenok E. Yu. (Moscow)</i> . On the question of the language aspect of the school reform of 1958: Ukrainian and All-Union realities	98
<i>Mamedov I. M. (Moscow)</i> . A. Davutoglu’s Doctrine of Strategic Depth and the Balkans	126

Linguistics

<i>Vashchenko D. Iu. (Moscow)</i> . Slovak adverbs belonging to the group “often”: the problem of quasi-synonymy	148
<i>Cherchuk O. I. (Moscow)</i> . Semantically related borrowings <i>mentor</i> — <i>kouč</i> — <i>tutor</i> in the Czech and Russian languages	170

Etnolinguistics

<i>Gura A. V. (Moscow)</i> . Notes on the beekeeping tradition in Polesie (based on materials from the Polesie archive)	191
<i>Povetkina P. B. (Moscow)</i> . The role of object code in the structure of mythological text (straw in Polish mythological legends and folk beliefs about <i>zmora</i>)	209
<i>Butov I. S. (Minsk)</i> . Moscow Archive of the Commission on anomalous phenomena in the natural environment as a source on folk mythology	229

 Studies of literature

<i>Shirokova L. F. (Moscow)</i> . The Slovak “Narcissus” with Croatian roots. Rudolf Sloboda, a writer	260
<i>Adel’geym I. Ye. (Moscow)</i> . “The human suffering unmapped”. Joanna Bator’s prose on Wałbrzych in the context of Polish post-resettlement literature of the 1990–2010s	275
<i>Kozhina S. A. (Moscow)</i> . The socio-psychological novel on the modern Czech book market (based on Alena Mornštajnová’s works)	296
<i>Krasovets A. N. (Moscow)</i> . The transculturality in the artwork of Josip Osti	311
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . Novels about the “erased”: The social-critical discourse in Slovenian prose of the 2010s	330
<i>Shatko Ye. V. (Moscow)</i> . The photography in the novel by Serbian writer Ivan Tokin “The Most Normal Man in the World”	344

History of science

<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The fate of one university in the context of changing borders in Central Europe (Koložsvár — Cluj — Szeged)	353
<i>Labyntsev Yu. A. (Moscow)</i> . V. M. Ploshchansky — researcher of the history of Galician Rus and Kholm Rus (a review of unpublished materials from the manuscript collection of the researcher in Vilnius)	386
<i>Nosov B. V., Marney L. P. (Moscow)</i> . Methodological discussions of Soviet and Polish historians in the second half of 1950s on problems of history of Russia and Poland in the first half of 19th century: An Episode from the history of the Institute of Slavic studies of Russian Academy of Sciences	407

Publications

<i>Kochegarov K. A. (Moscow)</i> . An unknown letter of the Suceava Metropolitan Dositheus on the dissolution of the marriage of the hetman of the right-bank Cossacks Stefan Kunitsky (1683) ...	441
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . “So he remained only ours and only his own...”: Dragoljub Jovanović about Fyodor Makhin	451

 Reviews

<i>Kraft P. (Moscow)</i> . The Obotrites and the Lutici in contemporary Polish and Czech academic literature	462
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . F. A. Malyavin's panting in Czech collections	475
<i>Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)</i> . One and a half century of the history of Serbia: The lessons of modernization	480
<i>Gusev N. S. (Moscow)</i> . The reaction of the Balkan States to the global economic crises of the mid-XIX — mid-XX centuries	490
<i>Borisenok Yu. A. (Moscow)</i> . Polish presence on Belarusian lands in the twentieth century: the experience of interaction between historians of the two countries 2017–2020	497
<i>Milošević St. (Belgrade)</i> . Modern Semantic Study of the Serbian Language	510

Chronicles

<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . An International Academic Conference “Crisis and the State”	517
---	-----

УДК 94(47).04
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.01

Флоря Б. Н.

**Украинская старшина в контактах между Россией
и Левобережным гетманством в годы правления Демьяна
Многогрешного (1669–1672 гг.)**

Флоря Борис Николаевич
Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Украинская старшина в контактах между Россией и Левобережным гетманством в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672 гг.) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 12–27.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.01

Статья поступила в редакцию 17.07.2021.

Аннотация

В статье на основании материалов из архива Малороссийского приказа рассматривается вопрос, насколько и в какой форме представители старшины участвовали в контактах между Россией и Левобережным гетманством в конце 60-х — начале 70-х годов XVII в. Автор анализирует как документы, касающиеся визитов гетманских представителей в Москву, так и материалы о поездках гонцов русского правительства в Батурин, а также иные источники, в частности донесения царских воевод в украинских городах. Они показывают, что в русскую столицу приезжали главным образом особенно доверенные представители гетмана из числа старшины, но никаких частных переговоров они там не вели, сообщая лишь сведения, касавшиеся внутри- и внешнеполитического положения Левобережного гетманства. Подобным же образом проходили и переговоры в ходе визитов в Батурин царских представителей, с которыми встречался сам гетман либо уполномоченный в рамках своей должности генеральный писарь Карп Мокриевич. Даже по мере нарастания конфликта между Многогрешным и казацкой верхушкой последняя не искала поддержки в Москве и в конце концов свергла гетмана без царского указа и информирования русского правительства о своих намерениях.

Ключевые слова

Гетман, старшины, русские гонцы, русское правительство, русско-украинские отношения, Демьян Многогрешный.

На представления о роли старшины в русско-украинских контактах во время гетманства Демьяна Многогрешного наложил свой отпечаток финал правления Многогрешного, ярко описанный в «Руине» Н. И. Костомарова. Гетман, критиковавший русскую политику по отношению к Украине и искавший соглашения с правобережным гетманом Петром Дорошенко, был арестован в результате выступления против него представителей старшины, не желавших разрыва с Россией, и начальника русского стрелецкого гарнизона в гетманской резиденции — Батурине¹. Указанное развитие событий позволяло предполагать, что выступление старшины против гетмана было подготовлено ее предшествующими контактами с русскими властями.

Такие предположения определенно сформулированы в биографии гетмана Демьяна, написанной Т. Г. Таировой-Яковлевой. Исследовательница полагает, что Демьян Многогрешный сам подготовил свое падение, так как позволил разместить в Батурине стрелецкий гарнизон и стал направлять казацких старшин для решения разных вопросов в Москву. В результате «посылаемые им налаживали контакты в Посольском приказе», и у них «рос соблазн» добиваться гетманской власти для себя².

Вопрос о том, каковы были контакты казацкой старшины с Москвой и как они могли повлиять на финал гетманства Демьяна Многогрешного, можно выяснить, обратившись к материалам архива Малороссийского приказа. Они содержат большое количество сведений о контактах Москвы и левобережного гетманства в годы правления Многогрешного.

Вопрос о контактах между русской властью и левобережной старшиной закономерно встал к началу 1669 г., когда актуальным стал вопрос о созыве рады для избрания гетмана и определения условий, на которых

1 *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905. С. 190–206.

2 *Таирова-Яковлева Т. Г.* Гетманы Украины. История о славе, трагедиях и мужестве. М.; СПб., 2011. С. 298–300.

левобережное гетманство войдет в состав Русского государства. В январе 1669 г. для обсуждения этих вопросов в Москву прибыла многочисленная делегация, в состав которой вошли такие видные представители старшинской верхушки, как генеральный обозный Петр Забела и войсковой судья Иван Домонтович. На переговорах с этими людьми был выработан проект договора, утвержденного затем на раде в Глухове³. В Глухове несомненно имели место контакты видных представителей старшины с А. С. Матвеевым, отвечавшим за русскую политику на Украине.

После принятия решений Глуховской рады с текстом Глуховских статей в Москву направилась в апреле 1669 г. делегация во главе с таким выдающимся представителем левобережной старшины, как генеральный войсковой судья Иван Самойлович. Высокий ранг главы посольства был связан с предстоявшим важным событием: утверждением царем Глуховских статей⁴. Однако этой торжественной стороной дело не ограничивалось. Послы должны были информировать русское правительство об установлении на Корсунской раде османского протектората над Правобережным гетманством и договориться о выполнении ряда условий, сформулированных в Глуховских статьях⁵. Послы должны были также просить о содействии находившегося в Москве александрийского патриарха Паисия⁶. Речь шла, таким образом, о важном посольстве во главе с одним из лидеров левобережной старшины. Этому эпизоду в жизни И. Самойловича придает значение его современный биограф А. С. Алмазов. Он полагает, что в это время он мог быть «замечен» главой Малороссийского приказа и царским фаворитом А. С. Матвеевым⁷.

Нет возможности подтвердить или опровергнуть это утверждение. Записи разговоров в Малороссийском приказе в данном случае не

3 См.: *Баранова О. В.* Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х — 70-е годы XVII века // *Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник.* 2004. М., 2005. С. 58–59.

4 См. в речи царя на приеме послов: «на те ваши статьи велели наш, великого государя указ учинити» (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. Д. 70. Л. 612).

5 См. наказ послам: Там же. Л. 13–18.

6 См. присланную с И. Самойловичем грамоту гетмана Демьяна Многогрешного патриарху: Там же. Л. 48–53.

7 *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 50.

сохранились, и само пребывание посольства в Москве было кратким. 12 апреля царь принял послов, а 18-го уже состоялся их «отпуск»⁸. Но даже если бы какие-то контакты и установились, они не прослеживаются в дальнейшем ни в Москве, где таким контактам мог препятствовать гетман, ни в Батурине (и на это стоит обратить особое внимание!) при его посещении русскими гонцами.

Положение Левобережного гетманства в 1669 г. было сложным. Южные полки в течение длительного времени не подчинялись гетману Демьяну, а с Правобережья происходили нападения войск Петра Дорошенко. В этих условиях гетманство нуждалось в помощи и его контакты с Москвой были особенно частыми. Поездки в русскую столицу с грамотами гетмана совершали служащие его канцелярии, такие как Ф. Тихонов или Петр Домонтов. При этом в целом ряде случаев, когда в посланиях Многогрешного поднимались важные вопросы, в Москву направлялись представители старшинской верхушки. Так, 27 мая 1669 г. в столицу прибыло посольство во главе с генеральным есаулом М. Гвинтовкой для обсуждения ряда важных вопросов. Посольство просило о помощи против войск Петра Дорошенко и поляков⁹. Просьба была удовлетворена¹⁰. В начале августа 1669 г. в Москву прибыл другой член старшинской рады — П. Грибович¹¹. Гетман опасался, что Днепр перейдут татары — союзники запорожцев, и просил помощи¹². В конце октября в Москву приехал генеральный хорунжий Василий Свиридов¹³. Многогрешному оказали дипломатическую помощь, направив царские грамоты на Запорожье и в южные полки¹⁴.

В конце января 1670 г. Москву снова посетил М. Гвинтовка, собиравший о подчинении гетману Демьяну южных полков¹⁵. В связи с этим в полки были отправлены «милостивые» царские грамоты¹⁶.

8 См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 70. Л. 519, 597, 600–612.

9 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЮЗР). Т. 8: 1668–1669, 1648–1657 / [ред. Н. И. Костомаров]. СПб., 1875. С. 173–176, 179–181.

10 Там же. № 52. С. 178.

11 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.

12 Там же. Л. 25–33.

13 О его поездке см.: АЮЗР. Т. 9: 1668–1672 / [ред. Н. И. Костомаров]. СПб., 1877. № 18, 20.

14 Там же. №. 27, 28/1.

15 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 5. Л. 350, 355–355об.

16 Там же. Л. 382, 385–386.

Если внутренний кризис таким образом был в основном преодолен, то начались очередные нападения войск Петра Дорошенко. С просьбой о помощи прибыл в начале марта посол гетмана — бунчужный К. Строевский¹⁷.

Таким образом, в мае 1669 г. — марте 1670 г. целый ряд представителей старшинской верхушки Левобережья принял участие в поездках в Москву. Кто были эти люди? Уже Н. И. Костомаров, изучая обширное дело об «измене» Д. Многогрешного, констатировал, что М. Гвинтовка и П. Грибович были ближайшими соратниками гетмана, осужденными вместе с ним¹⁸. К. Строевский не был осужден, но принадлежал к кругу лиц, которых выдвигал Многогрешный. Осенью 1671 г. он получил важный пост переяславского полковника¹⁹.

Таким образом, контакты с Москвой находились в руках узкого круга приближенных к гетману и проводивших его политику лиц. Их визиты в Москву не означали установления контактов русского правительства с левобережной старшиной как особой политической силой. В частности, сообщения в Малороссийский приказ посланцев гетмана Демьяна касались положения в южных полках и контактов этих полков с Запорожьем, но из них нельзя было узнать об интересах и проблемах старшины. Тем более указанные донесения не содержали никаких критических замечаний по адресу гетмана и его политики.

Осенью 1669 г. возобновились поездки русских гонцов в Батуриин. В декабре 1669 г. — январе 1670 г. Левобережье посетил подьячий Малороссийского приказа Михаил Савин. С ним в Батуриине беседовал генеральный писарь Карп Мокриевич, сообщавший о положении на Правобережье и сношениях Левобережного гетманства с Запорожьем²⁰. Другие представители старшины контактов с Савиным не имели.

С весны 1670 г. положение гетманства стабилизировалось, и представители старшины в посольствах в Москву больше не участвовали. Посылавшиеся Многогрешным гонцы, разумеется, передавали то, что им было поручено от гетмана, внутренней жизни Левобережья касались только сообщения о том, как идет подчинение гетману южных полков.

Таким образом, прямые контакты представителей старшины с Москвой прекратились. Однако встречи с посещавшим Левобере-

17 Там же. Л. 499, 509об.

18 *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 190–191, 200–201, 204.

19 Там же. Л. 185.

20 АЮЗР. Т. 9. № 39. Стб. 158–159.

жье русскими гонцами по-прежнему осуществлялись. В конце марта 1670 г. на Левобережье снова приехал М. Савин. С ним опять беседовал Карп Мокриевич, рассказывая о сношениях с правобережным гетманом Дорошенко. Из других старшин с М. Савиним встречался только бывший прилуцкий полковник Лазарь Горленко, говоривший о сложностях в отношениях гетмана с южными полками²¹. Как узнал М. Савин, 17 апреля в Батурине собралась рада, выразившая готовность поддержать гетмана в борьбе со «своевольниками». М. Савин передал в Москву сообщение, что большинство полковников в реальности не поддерживают Многогрешного. Однако об этом ему сообщил не кто-то из старшин, а гетманский челядник Жидецкой²², по поручению гетмана посещавший Москву в начале ноября 1669 г.²³ В данном случае, возможно, таким образом до сведения Москвы доводилась информация о недовольстве гетмана Демьяна старшиной.

Возможно, последняя не искала в 1671 г. контактов с Москвой из-за того, что и гетман и старшина стремились не допустить на территории Левобережья народных волнений при поддержке Запорожья в условиях, когда на соседних территориях разгоралось восстание Степана Разина.

В июне 1670 г. Батурин посетил новый русский гонец С. Щеголев с просьбой воспрепятствовать уходу казаков к Разину. О положении дел ему подробно рассказал сам гетман, и ни с какими старшинами он не встречался²⁴. Затем была достигнута договоренность о совместных действиях русских и гетманских войск против сторонников Разина на Слободской Украине. Уже в сентябре 1670 г. Многогрешный послал отряд для соединения с армией Белгородского разряда, назначив командовать им своего брата Василия и ближайшего соратника М. Гвинтовку²⁵. Казацкий отряд участвовал в военных действиях вплоть до ноября 1669 г.²⁶, но это не привело к установлению контактов между старшиной и русскими военачальниками. В сентябре 1670 г. в Батурине снова побывал М. Савин, которого гетман подробно

21 АЮЗР. Т. 9. № 45. Стб. 185–186.

22 Там же. Стб. 187–188.

23 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 5. Л. 146 и сл.

24 Там же. Л. 883–886об.

25 АЮЗР. Т. 9. №. 57. Стб. 25; *Стецюк К. І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ, 1960. С. 334–335.

26 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 9. Л. 337об.–338; *Стецюк К. І.* Народні рухи... С. 338.

информировал о положении дел. Многогрешный жаловался, что его «мало любят», так как он людей «от всякие шатости унимает»²⁷. Речь шла, конечно, в данном случае о «шатости» со стороны старшины и простых людей, от которых гетмана должен был защищать только что пришедший в Батурин стрелецкий гарнизон²⁸.

Важный материал об отношениях Многогрешного, старшины и русских властей на Украине содержится в ряде свидетельств о внутривоеводическом кризисе на Левобережье, толчком к которому послужила тяжелая болезнь гетмана в декабре 1670 г.

Сведения о событиях, происходивших в это время на Левобережье, содержатся главным образом в свидетельствах двух лиц — находившегося в Батурине русского гонца К. Бухвостова и близкого к гетману Демьяну нежинского протопопа Симеона Адамовича. Ряд данных сообщает в своих отписках нежинский воевода И. И. Ржевский, сохранилось и донесение начальника стрелецкого гарнизона в Батурине М. Колупаева. В связи с болезнью Многогрешного для решения вопроса об управлении гетманством в Батурине собрались «полковники, сотники и бурмистры»²⁹. Без каких-либо прений участники рады провозгласили временным («наказным») гетманом Василия Многогрешного и 6 января принесли ему присягу³⁰. При этом совместно действовали ближайшие соратники гетмана М. Гвинтовка и Василий Многогрешный, другие представители старшины и глава стрелецкого гарнизона Батурина.

Всё это происходило в условиях начавшихся на Левобережье народных волнений. Уже в конце декабря нежинский воевода сообщал в Москву, что «и в Батурине, и в Борзне, и в многих городех в казаках и в мужиках чинитца... смятенье великое»³¹. Поэтому на раде, избравшей Вас. Многогрешного, было принято решение «лекомысленных и шатосных людей укреплять и от всякого дурна унимать всем заодно»³². В другом сообщении налицо гораздо более острые формулировки: «в котором месте или городе заведетца какое дурно... и то

27 АЮЗР. Т. 9. № 63. Стб. 261–263.

28 О присылке стрельцов гетман благодарил через М. Савина (Там же. Стб. 263).

29 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 10. Л. 82об–83.

30 Там же. Кн. 9. Л. 234, 238, 319об.–331; кн. 10. Л. 105об–106.

31 Там же. Кн. 10. Л. 103–103об.

32 Там же. Кн. 9. Л. 238.

дурное место снести мечем и огнем»³³. В письме царю Симеон Адамович призывал задержать в Батурине стрелецкий гарнизон: «ныне отпускать их невозможно для шатости малороссийское». По этой же причине («для шатости малороссийское») он предлагал также собрать в Севске 7-тысячный русский корпус³⁴. С. Адамович боялся также Дорошенко и запорожцев, но ни о каких разногласиях в среде казацкой верхушки он в своем письме не сообщает, не пишут о них ни К. Бухвостов, ни М. Колупаев. Очевидно, в условиях волнений произошла определенная консолидация правящей верхушки Левобережья. Неудивительно, что источники говорят о контактах М. Колупаева лишь с Василием Многогрешным. Лишь Карп Мокриевич в соответствии со своей должностью сообщал К. Бухвостову «о турских и волоских и мунтянских войсках и о хане крымском»³⁵.

Сразу по выздоровлении гетман предпринял важный шаг. Он отправил в Москву выходца с Правобережья — полковника Игната Шульгу, хорошо осведомленного о планах Дорошенко и его контактах с Османской империей и Крымом. Этого человека доставил в Москву М. Гвинтовка³⁶. Таким образом, осуществление важных контактов с Москвой гетман последовательно доверял лишь своему ближайшему окружению. Какие-либо попытки старшины установить с русским правительством особые самостоятельные связи в источниках не просматриваются. Рассмотрение всех этих фактов показывает, что, вопреки мнению Т. Г. Яковлевой, гетман Демьян вовсе не открыл старшинам дорогу в Москву, а, наоборот, последовательно стремился этого не допустить. Не бывавшие в столице старшины не могли «налаживать контакты в Посольском приказе». Важно подчеркнуть, что они не пытались налаживать подобные контакты и с русскими гонцами или воеводами русских гарнизонов в украинских городах. Это, вероятно, не в последнюю очередь объяснялось тем, что между гетманом и старшиной, как показали события зимы 1670/1671 гг., в это время не было противоречий. Кроме того, в Москве были до-

33 Там же. Л. 321об.

34 Там же. Кн. 10. Л. 107об.–108. См. также: *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 732–734.

35 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 9. Л. 243.

36 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. Д. 424. Л. 13–14.

вольны гетманом и его политикой³⁷ и не имели намерений искать ему оппонентов на Левобережье.

В первые месяцы 1671 г. контакты между Многогрешным и царскими властями были частыми, имея вполне упорядоченный характер. В Москву совершали поездки с грамотами гетмана служащие невысокого ранга. Важные перемены произошли в мае 1671 г., когда в Батурине был созван широкого состава съезд «всего старшого и меншого товариства»³⁸. На раде был принят ряд важных решений, касающихся внутренней жизни гетманства, тексты которых были отправлены для ознакомления в Москву³⁹. Одновременно были избраны представители для участия в будущих русско-польских переговорах⁴⁰. Казацкую делегацию на переговорах предстояло возглавить киевскому полковнику Константину Солонине, а с сообщением об этом и с текстами решений съезда выехал в Москву полтавский полковник Ф. Жученко⁴¹. К. Солонина и Ф. Жученко не принадлежали к близкому окружению гетмана и сохранили свои посты после низложения Многогрешного. В ходе своей поездки Солонина длительное время провел на русской территории — сначала на границе у Смоленска, а затем в Москве. К сожалению, не удалось обнаружить данных о его контактах с А. С. Матвеевым или с другими представителями левобережной старшины.

В ходе майского съезда под давлением его участников гетман Демьян вынужден был отступить от некоторых направлений своей политики. Об этом, среди прочего, свидетельствует и механизм принятия решений на раде, когда полковники принимали одни предложения гетмана и уклонялись от других⁴². Определенный выигрыш для Многогрешного состоял в том, что в дальнейшем, обращаясь с разными

37 3 февраля 1671 г. Демьяну Многогрешному и его потомкам была передана во владение Шептаковская сотня Стародубского полка. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 9. Л. 587.

38 О составе съезда см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 81. Л. 338.

39 Текст предложений гетмана и ответов полковников см.: Там же. Оп. 2. Кн. 9. Л. 854–862.

40 См. об этом в грамоте гетмана царю: Там же. Л. 850об.

41 См. запись о его «распросе» 22 мая в Малороссийском приказе: Там же. Л. 844. Он сообщил, что на Левобережье «все смирно».

42 См. подробней: *Флоря Б. Н.* Рада старшины Левобережного Гетманства в Батурине в мае 1671 г. и ее решения // *Славянский альманах*. 2021. № 1–2. С. 26–32.

предложениями в Москву, он мог при этом апеллировать к решениям всего «малороссийского народа», принятым в ходе майской рады.

Однако сложившимся положением дел гетман Демьян удовлетворен не был, и, как известно, летом 1671 г. между и ним и значительной частью казацкой верхушки начался конфликт, в ходе которого ряд полковников лишился должностей, а некоторые из них даже оказались в тюрьме. О начале конфликта сообщал в Москву М. Колупаев, а затем и сам гетман сообщил об этом посланцу царя А. Танееву⁴³. При этом обращает на себя внимание, что низложенные полковники не пытались вступить в контакты ни с М. Колупаевым, ни с А. Танеевым. Ко второй половине 1671 г. относится целый ряд отписок киевских и нежинских воевод, но они также не содержат подобных сведений, хотя нежинский воевода И. И. Ржевский достаточно долго сотрудничал с низложенным нежинским полковником Ф. Уманцом.

После мая 1671 г. в переговорах с Москвой участвовали, как и ранее, служащие гетмана, которые, конечно, ничего не сообщали об отношениях гетмана и старшины. Начавшиеся осложнения в отношениях между Россией и левобережным гетманством из-за земель по реке Сож также не побудили смещенных полковников и других представителей старшины к какой-либо активности на этом направлении.

Для темы отношений гетмана, Москвы и левобережной старшины представляют интерес свидетельства о конфликте Многогрешного с одним из наиболее авторитетных представителей старшины — перяславским полковником Дмитрашкой Райчей. В октябре 1671 г. гетман Демьян вызвал полковника в Батурино, но тот не приехал и «заперся» в Барышовке, очевидно готовясь к отпору⁴⁴. Гетман попросил военной помощи у киевского и нежинского воевод, получив от последнего отряд из 200 стрельцов⁴⁵. Одновременно гетман просил о военной помощи царя⁴⁶. В результате соответствующие указания были посланы командующему войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановскому и киевскому воеводе Г. Козловскому, который не хотел давать гетману

43 Сообщения М. Колупаева см.: Там же. Кн. 13. Л. 263. О заявлениях А. Чаяново см.: Там же. Кн. 19. Л. 70б–8.

44 О неподчинении полковника см. в грамоте гетмана царю от 12 октября: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 19. Л. 165–166. О том, что полковник «заперся в Барышовке», см.: АЮЗР. Т. 9. № 147. Стб. 792.

45 АЮЗР. Т. 9. № 116. Стб. 574; Там же. № 119. Стб. 597.

46 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 19. Л. 167.

войска без царского указа⁴⁷. Призывая к отпору жителей Барышовки, Дмитрашка Райча сообщал им, что «посылал казаков за Днепр к Ханенку и к Серику» и они «тотчас пришлют его оборонить»⁴⁸. Таким образом, влиятельный левобережный полковник готов был искать контактов с Запорожьем, но не пытался обращаться к царю, зная, что тот поддерживает гетмана.

Как известно, с конца 1671 г. отношения Многогрешного с Москвой осложнились. Как происходило их обострение, было хорошо показано еще Н. И. Костомаровым в «Руине». Вопрос о причинах этих осложнений заслуживает особого внимания. Для темы данного исследования важно установить, как реагировала на происходящее казацкая верхушка.

Первые столкновения и выражения недовольства со стороны гетмана московской политикой имели место на встрече Многогрешного с М. Савиным 18 декабря 1671 г.⁴⁹ С такой открытой критикой русской политики гетман выступил впервые. Характерно, однако, что и после этого старшина не предприняла попыток вступить в контакт с М. Савиным или русскими воеводами в городах Левобережья. А на Рождество в Батурине собрался съезд старшины и казаков, поддержавший предложения гетмана провести западную границу гетманства по реке Сож⁵⁰.

Новый посланец царя А. Танеев посетил гетмана 7 февраля⁵¹. С этим гонцом старшины также не встречались. Однако с ним увиделся новый начальник стрелецкого гарнизона в Батурине Г. Неелов, сообщивший о подозрительных контактах Многогрешного с Петром Дорошенко, цитировавший его заявление, что даже если царь уступит полякам Киев, то Войско Запорожское города не отдаст⁵². Эти сведения, судя по всему, Г. Неелов почерпнул из каких-то сообщений недовольных гетманом старшин. Неслучайно он говорил А. Танееву и о гонениях гетмана на представителей казацкой верхушки (так, стародубский полковник П. Рославец был посажен в тюрьму). Очевидно, ее представители уже начали искать почву для устранения неугодного

47 Там же. Л. 171 и след.

48 АЮЗР. Т. 9. № 120. Стб. 581.

49 АЮЗР. Т. 9. № 127. Стб. 603–604.

50 См. об этом в грамоте гетмана царю от 10 февраля 1671 г.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 19. Л. 239.

51 Отчет А. Танеева см.: АЮЗР. Т. 9. № 139. Стб. 629 и след.

52 АЮЗР. Т. 9. № 138. Стб. 642–644.

гетмана с помощью русского правительства, но действовали осторожно, в частности, как представляется, потому, что каких-либо связей в Москве у недовольных старшин не было.

По-видимому, общение старшин с Г. Нееловым продолжалось, и в итоге он отправил командующему войсками Белгородского разряда Г. Г. Ромодановскому «письмо» «о измене гетманской»⁵³. Действия старшин активизировались после встречи гетмана с А. Танеевым 7 марта 1672 г.⁵⁴ Как известно, на этой встрече гетман подверг резкой публичной критике русскую политику по отношению к гетманству и даже заявил, что если царю Киев и другие малороссийские города «не надобны», то Войско Запорожское будет искать себе другого государя. В грамоте на имя Алексея Михайловича от 10 марта таких слов не было⁵⁵, но они были публично произнесены и давали основания обвинить гетмана в «измене». В ночь с 7 на 8 марта состоялась встреча А. Танеева с генеральным обозным Петром Забелой, войсковыми судьями И. Самойловичем и И. Домонтовым, на которой, обвиняя гетмана в измене, старшины просили санкции из Москвы на его арест, для чего из Путивля должен был быть прислан «отряд выборных конных людей»⁵⁶. 10 марта А. Танеев выехал в Москву, а в ночь с 12 на 13 марта старшины вместе с начальником стрелецкого гарнизона Г. Неловым арестовали гетмана, не дожидаясь царского «указа»⁵⁷. Очевидно, сыграло свою роль то, что старшина смогла убедить Г. Неелова в необходимости как можно скорее помешать планируемому отъезду гетмана в Киев, где он может соединиться с Петром Дорошенко. Последующие усилия, предпринятые с целью добиться легитимации предпринятых действий, подробно рассмотрены в историографии.

Рассмотрение свидетельств о контактах России и Левобережного гетманства в годы гетманства Демьяна Многогрешного позволяет сделать совершенно определенный вывод. В течение длительного вре-

53 «Письмо» разыскать не удалось. Сообщения о нем см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 19. Л. 324–325; Ф. 124 (Малороссийские дела). Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 44.

54 Отчет А. Танеева о встрече см.: АЮЗР. Т. 9. № 146. Стб. 665–679. Подробнее описание встречи см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 183–184.

55 Ее текст см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 19. Л. 345–351.

56 АЮЗР. Т. 9. № 145. Стб. 673–678. *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 186–187.

57 См.: АЮЗР. Т. 9. № 147. Стб. 686–689.

мени за исключением круга лиц из ближайшего окружения гетмана казачьих старшины не принимали участия в переговорах с Москвой и не прилагали усилий для установления «своих» связей ни с Малороссийским приказом, ни с представителями русской власти на Левобережье. Со своей стороны и русское правительство не прикладывало стараний для налаживания контактов с казацкой верхушкой. В этом плане положение дел серьезно отличалось от отношений московской духовной и светской власти с духовенством Левобережья. Многие представители этого слоя неоднократно посещали Москву, добиваясь рассмотрения в столице самых разных проблем, и русское правительство неоднократно принимало решения, затрагивавшие вопросы церковной жизни в этом регионе. Более того, представители левобережного духовенства неоднократно оказывали содействие русским властям и гетману при решении различных вопросов русско-украинских отношений. Со светской верхушкой гетманства дело обстояло иначе. Нет оснований говорить о ее сколько-нибудь заметном вовлечении в это время в формирующуюся систему русско-украинских связей. Ее автономность на рубеже 60–70-х гг. XVII в. была достаточно определенно выражена. Переворот 1672 г. не был подготовлен с опорой на связи старшины в Москве и был совершен без царского «указа»⁵⁸. Характерно, что из претендентов на гетманскую булаву после ареста Многогрешного⁵⁹ никто не имел каких-либо прочных контактов в столице. Такие связи русскому правительству и старшине предстояло налаживать в будущем.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8: 1668–1669, 1648–1657 / [ред. Н. И. Костомаров]. СПб.: Типография В. В. Працц, 1875. [2], 10, 400, 23 с.; Т. 9: 1668–1672 / [ред. Н. И. Костомаров]. СПб.: Типография М. Эттингера, 1877. [2], 26 стб., 988 стб., 24 с.

58 7 марта из Москвы был отправлен к гетману Демьяну М. Колупаев с различными предложениями: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 91. Л. 172 и сл.

59 О таких претендентах см.: *Алмазов А. С.* Политический портрет... С. 48.

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. 288 с.

Баранова О. В. Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х — 70-е годы XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 40–66.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литератором и ученым («Литературный Фонд»), 1905. XV, 815 с.

Стецюк К. І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1960. 364 с.

Таурова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. История о славе, трагедиях и мужестве. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб., 2011. 470 с.

Флоря Б. Н. Рада старшины Левобережного Гетманства в Батурине в мае 1671 г. и ее решения // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 26–32. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.02.

Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1899. XIV + 1104 стр.

References

Almazov, A. S. *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoïlovicha v kontekste rusko-ukrainskikh otnosheniï (1672–1687 gg.)*. Moscow: Publishing House of the Rumyantsev Museum, 2012, 288 p.

Baranova, O. V. “Dogovory Voïska Zaporozhskogo s Rossiï i praktika vzaimootnosheniï storon vo vtoroi polovine 50-kh — 70-e gody XVII veka.” *Belorussia i Ukraina: istoriia i kul'tura*. 2004, ed. by B. N. Floria, Moscow: Nauka, 2005, pp. 40–66.

Floria, B. N. “Rada starshiny Levoberezhnogo Getmanstva v Baturine v mae 1671 g. i ee resheniia.” *Slavianskii al'manakh*, no. 1–2, 2021, pp. 26–32. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.02.

Kostomarov, N. I. *Sobranie sochineniï. Istoricheskie monografiï i issledovaniia. Vol. 6, iss. 15: Ruina. Getmanstva Brukhovetskogo, mnogogreshnogo i*

Samoïlovich; iss. 16: Mazepa i mazesintsy. St Petersburg: Literaturnyi Fond, 1905, 815 p.

Stetsiuk, K. I. *Narodni rukhy na Livoberezhniï i Slobids'kiï Ukraïny v 50–70-kh rokakh XVII st.* Kyiv: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1960, 364 p.

Tairova-Iakovleva, T. G. *Getmany Ukrainy. Istoriiia o slave, tragediiaakh i mu-zhestve*. Moscow, St Petersburg: Tsentrpoligraf, Russkaia troïka-SPb., 2011, 470 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.01

Florya B. N.

The Cossack elite in relations between Russia and the Left-Bank Ukraine during the ruling of the hetman Dem'ian Mongogreshnyi (1669–1672)

Boris N. Florya

Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The Cossack elite in relations between Russia and the Left-Bank Ukraine during the ruling of the hetman Dem'ian Mongogreshnyi (1669–1672) // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 12–27 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.01

Received: 17.07.2021.

Abstract

The paper deals with the problem of participation of the Cossack elite in relationships between the Russian government and Dem'ian Mnogogreshnyi, the hetman of the Left-Bank Ukraine in the end of the 1660s and the beginning of the 1670s. The author has studied documents, concerning visits of hetman's envoys to Moscow and trips of Russian couriers to Baturin, as well as other sources, such as reports of Russian voivodes in Ukrainian cities. All those materials show, that people from inner circle of Dem'ian Mnogogreshnyi mainly visited the Russian capital, and they didn't have any privet negotiations, reporting only the information about the situation in and out of the Left-Bank

Ukraine in such way, as they were instructed by the hetman. The negotiations between clerks of Little Russia office, who came Baturin were carried out in the same way, when chief clerk Karp Mokrievich met with them to speak officially about hetman's policy. Even as the conflict between the hetman and Cossack elite of the Left-Bank Ukraine erupted, the latter didn't ask any support in Moscow and eventually toppled and arrested Mnogogreshnyi without tsar's order, not giving any information to the Russian government about the conspiracy.

Keywords

The Cossack elite, Russian envoys, The Russian government, Russian-Ukrainian relationships, Dem'ian Mongogreshnyi.

Чигиринский поход 1674 г.: неудачная попытка установления российского контроля над Правобережьем

Великанов Владимир Сергеевич
Кандидат экономических наук, редактор
Фонд «Русские Витязи»
125009, Нижний Кисловский переулок, 6, стр. 1, Москва, Рос-
сийская Федерация
E-mail: vladvelikanov@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-7521-9355

Цитирование

Великанов В. С. Чигиринский поход 1674 г.: неудачная попытка уста-
новления российского контроля над Правобережьем // Славянский
альманах. 2021. № 3–4. С. 28–49. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.02

Статья поступила в редакцию 06.04.2021.

Аннотация

В статье описывается неудачная попытка российского правитель-
ства установить контроль над Правобережной Украиной летом
1674 г. На Переяславской раде 17 марта 1674 г. казацкая старшина
правобережных полков и гетман М. Ханенко, ставленник Речи
Посполитой, принесли присягу на верность царю и избрали гет-
маном «обеих сторон Днепра» И. С. Самойловича, что означало
переход всей Украины под российскую юрисдикцию. С этим
решением ожидаемо не согласился турецкий вассал правобе-
режный гетман П. Д. Дорошенко, который при помощи крым-
ских татар продолжил вооруженную борьбу за Правобережье.
Эти действия вынудили российское правительство направить
на правый берег Днепра армию кн. Г. Г. Ромодановского, которая
в конце июля осадила дорошенковскую столицу Чигирин. Уз-
нав об этом, турецкий султан Мехмед IV отменил свой поход на
Львов и двинул свои войска к Киеву и Чигирину. Ромодановский,
узнав о подходе противника, поспешил отойти обратно на левый
берег Днепра, а турки, обеспечив безопасность Дорошенко, огра-
ничились разорением Правобережной Украины. В результате к
сентябрю 1674 г. под контролем российских властей остались
только восточные (приднепровские) районы Правобережья, а за-
падные и южные перешли под контроль П. Д. Дорошенко.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1672–1681, Польско-турецкая война 1672–1676, Правобережная Украина, П. Д. Дорошенко.

Летом 1674 г. российское правительство решило силой принудить правобережного гетмана П. Д. Дорошенко признать решения Переяславской рады 17 марта 1674 г. и направило к гетманской столице Чигирину армию под командованием кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. С. Самойловича. К сожалению, в отечественной историографии этим событиям уделено очень мало внимания, и в работах дореволюционных исследователей (Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев и др.)¹ они описаны лишь в самых общих чертах. Последующие авторы, как правило, использовали именно их работы. В украинских летописях С. Величко и Самовидца кампания 1674 г. также описана очень кратко². Украинская историография (соответствующие разделы монографий Д. И. Дорошенко³, В. Смолия и В. Степанкова⁴, и др.) основывается в основном на опубликованных источниках, без привлечения новых дополнительных архивных материалов. Практически единственное специализированное исследование, посвященное событиям лета 1674 г. на Украине, — это статья украинского исследователя М. Г. Крикуна, однако в ней основное внимание уделено судьбе Ладыжина и Умани, а действия царских войск под Чигирином рассмотрены в самых общих чертах⁵. В исследовании польского историка М. Вагнера, посвященном Польско-турецкой вой-

1 Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1830. Часть вторая. От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы. С. 148–156; Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 15. С. 247–258; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1856. Кн. 3. Т. XII. Стб. 468–476; и др.

2 Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 119–121; Величко С. Літопис. Київ, 1991. Т. 2.

3 Дорошенко Д. И. Гетьман Петро Дорошенко: огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. С. 496–528.

4 Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011. С. 501–528.

5 Крикун М. Г. Турецький похід у Правобережну Україну 1674 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 123–164.

не 1672–1676 гг., действия турецко-татарских и царских войск летом 1674 г. описаны в основном на основании статьи М. Г. Крикуна⁶. Детальный анализ опубликованных источников и ввод в научный оборот дополнительных архивных материалов позволяют более подробно изучить планы российского правительства в отношении Правобережья и судьбы гетмана П. Д. Дорошенко, а также действия российских войск под Чигирином летом 1674 г.

17 марта 1674 г. в Переяславле состоялась рада, на которой казацкая старшина и выборные казаки 10 (из 11) правобережных полков, а также назначенный ранее Речью Посполитой правобережный гетман М. Ханенко принесли присягу на верность царю и избрали новым гетманом «обеих сторон Днепра» левобережного гетмана Ивана Самойловича. Там же царские представители вручили казакам Переяславские статьи 1674 г., в которых были зафиксированы условия, на которых правобережное казачество согласилось принять царское подданство⁷. В целом они соответствовали тем актуальным условиям, на которых Левобережная Украина находилась в составе Российского государства (Глуховские статьи 1669 г. и Конотопские статьи 1672 г.)⁸. Войско Запорожское полностью сохраняло широкую внутреннюю автономию, с собственным самоуправлением, судопроизводством, армией (казацким реестром в 20 тыс. чел.) и бюджетом. Российское правительство также гарантировало право собственности на все приобретенные старшиной и казачеством имущество и земли, а также все права православной церкви. Все это выгодно отличало условия, предлагаемые казачеству Москвой, от условий, выдвигаемых Варшавой, которые содержали обязательный возврат имений прежних землевладельцев (шляхты), а также униатской и католической церковей. Фактически решения Переяславской рады означали переход всего Правобережья («аж по самый Дністр»)⁹ под царскую власть и объединение его с Левобережьем.

6 *Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze, 2009. Т. 2. S. 62–67.

7 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АЮЗР). СПб., 1879. Т. 11 (1672–1674). Стб. 390–402; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Ч. 4. С. 301–304.

8 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 78.

9 Літопис Самовидця. С. 118.

Правобережный гетман П. Д. Дорошенко ожидаемо не согласился с решениями Переяславской рады: в роли единого гетмана он видел себя и был не готов уступать власть И. С. Самойловичу. Однако он не имел достаточно сил для вооруженной борьбы и вступил в переговоры с кн. Г. Г. Ромодановским и И. С. Самойловичем о своем возможном переходе в царское подданство, надеясь выиграть время до подхода крымского хана Селима I Гирея, которого он просил о помощи¹⁰. Также гетман постарался заручиться поддержкой казачества Запорожской Сечи, начав переговоры с кошевым атаманом И. Серко о совместных действиях¹¹.

Власти Речи Посполитой также не признали перехода Правобережья под царскую власть. В апреле 1674 г. новым польским королем, вместо умершего в ноябре 1673 г. Михаила Корибута Вишневецкого, был избран польский коронный гетман Ян Собеский, владевший крупными имениями на Украине и принадлежавший к той части политической элиты Речи Посполитой, которая не собиралась идти на компромисс в решении украинского вопроса. Уже в марте 1674 г. российский посланник в Варшаве В. М. Тяпкин сообщал, что участники сейма не готовы идти на какие-либо уступки России ради заключения союза против османов и в Варшаве все очень встревожены известиями о Переяславской раде («зело тому страшны и сумнительны»)¹². Еще до своего избрания королем Я. Собеский отправил в конце февраля в Подолию коронный отряд А. Модржевского, занявшего большую часть Подольского полка и в марте двинувшегося дальше на земли Брацлавского и Кальницкого полков. В то же время коронные власти были не готовы весной 1674 г. к вооруженному противостоянию с царскими войсками, и в Варшаве возобладала позиция о необходимости заключения тактического антиосманского союза с Москвой, отложив при этом решение вопроса с Правобережьем и Киевом на будущее. Соответствующие инструкции в начале апреля были направлены А. Модржевскому, которому было предписано остановить продвижение вглубь правобережных полков и вместо этого договориться с кн. Г. Г. Ромодановским и гетманом И. С. Самойловичем об операциях против турок и татар и ремонте крепости в Баре¹³. При этом параллельно король Ян Собеский пытался договориться через

10 АЮЗР. Т. 11. Стб. 557–558.

11 Там же. Стб. 429.

12 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 79.

13 АЮЗР. Т. 11. Стб. 435.

крымских татар о мире с турками и убедить в конце мая П. Д. Дорошенко перейти под польскую власть¹⁴.

В свою очередь в Москве, получив известия о Переяславской раде, посчитали задачу установления сюзеренитета над Правобережьем выполненной и в конце марта распустили по домам большую часть ратных людей Белгородского и Севского полков, принимавших участие в зимнем походе 1673/1674 г. армии кн. Г. Г. Ромодановского. На правом берегу Днепра должны были остаться небольшие царские гарнизоны в занятых в феврале 1674 г. Каневе (воевода кн. М. Г. Ромодановский, стрелецкие приказы Б. Пыжова и А. Жукова, около 800 чел.) и Черкассах (кн. И. И. Вердеревский, стрелецкие приказы И. Грибоедова и Р. Ефимьева, 1,3 тыс. чел.). Кн. М. Г. Ромодановский был 5 апреля отпущен со службы, а новым каневским воеводой был назначен А. Колтовской, с которым должны были нести службу два стрелецких приказа из Киева (Е. Вешнякова и А. Писарева, 706 чел.)¹⁵. Вместо кн. Г. Г. Ромодановского новым царским главнокомандующим на малороссийском направлении 23 марта 1674 г. был назначен его старший брат князь Федор Григорьевич Ромодановский¹⁶. До данного момента кн. Ф. Г. Ромодановский делал исключительно придворную карьеру, лишь однажды, в 1664–1665 г., побывав на воеводстве во Пскове, но по местническому счету он был старше своего младшего брата, поэтому кн. Г. Г. Ромодановский был назначен к нему «товарищем» и сходным воеводой. Непосредственно в полку кн. Ф. Г. Ромодановского должны были нести службу 4649 дворян и детей боярских украинских, резанских, заоцких и северских городов¹⁷. Его воеводским товарищем был назначен стольник князь Василий Михайлович Гагарин, местом сбора определен Рыльск¹⁸. Кн. Г. Г. Ромодановский после возвращения из Москвы должен был продолжить ведать Севский и Белгородский разрядные полки, его товарищами остались его сын кн. М. Г. Ромодановский, П. Д. Скуратов и кн. И. И. Ведеревский, бывшие с ним в зимнем походе 1673/1674 г.¹⁹

14 Там же. Стб. 468, 479–480.

15 Синбирский сборник. М., 1845. Т. 1. С. 127–129.

16 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 475. Л. 4.

17 Там же. Л. 8–10.

18 АЮЗР. Т. 11. Стб. 477.

19 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 475. Л. 5.

Неурегулированность статуса Правобережья в польско-российских отношениях привела к целому ряду вооруженных столкновений между «коронными» и «царскими» казаками. В частности, уже 13 марта польский полковник С. Лавницкой жаловался киевскому воеводе кн. Ю. П. Трубецкому, что верные М. Ханенко казаки отказываются впускать в Дымер (этот городок в 45 км к северу от Киева по Андрусовскому договору относился уже к владениям Речи Посполитой) польских солдат на том основании, что они вместе с гетманом принесли присягу царю²⁰. Подольский полковник О. Гоголь, ранее в марте 1674 г. признавший решения Переяславской рады²¹, уже в апреле поспешил признать королевскую власть, и в начале мая И. С. Самойлович назначил на его место Михаила Зеленского, в помощь которому был направлен охочеконный полк А. Мурашко. Новый полковник довольно быстро установил свою власть над большей частью полка и вытеснил сторонников Гоголя и поляков²². Убедившись, что поляки не собираются воевать с русскими и надеяться на их поддержку в противостоянии с И. С. Самойловичем бесполезно, О. Гоголь решил вновь сменить сюзерена и вернуться к П. Д. Дорошенко, рассчитывая благодаря ему получить помощь и защиту у турок и крымских татар. Правобережный гетман принял перебежчика и отправил в середине июня подольского полковника к турецкому султану с письмом, в котором сообщал о планах российского правительства идти к Чигирину и просил прислать турецкие и татарские войска. Царские войска в боевых действиях против поляков и их сторонников не участвовали: как раз весной 1674 г. начались переговоры с поляками и литовцами о возможном антиосманском союзе, и в Москве не хотели обострять ситуацию. Тем не менее И. С. Самойловичу в конце мая (27.05) были даны инструкции о фактическом вытеснении поляков с территории правобережных полков²³.

В начале апреля к П. Д. Дорошенко пришли 5 тыс. крымских татар Джамбет Гирея. Гетман тут же попытался переломить ситуацию в свою сторону и отправил их к Корсуню вместе со своим братом, паволоцким полковником А. Дорошенко, а также разослал универсалы правобережной старшине с призывом переходить на его сторону²⁴. Местечки

20 Синбирский сборник. Т. 1. С. 118–119.

21 АЮЗР. Т. 11. Стб. 411.

22 *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 79.

23 АЮЗР. Т. 11. Стб. 459–460.

24 Там же. Стб. 437–439, 441–442.

Баклея (Булыклевка) и Орловка поддались на уговоры гетмана и сдались, после чего были разграблены крымскими татарами, а их жители уведены в плен²⁵. Активизация боевых действий застала российское командование врасплох. Основные силы Ромодановского были еще в марте распущены по домам, и с И. С. Самойловичем в Переяславле, который он выбрал своей новой столицей, было всего несколько тысяч казаков и царских ратных людей, которые страдали от нехватки припасов и массово сбежали со службы («ныне войска мало <...> все от великих нужд, что от лошадей, опали, и сами голодны стали, по домом розбрелись, и выслать их ныне, покамест не отпочинуть и не паки не приберутся во всякие воинские запасы, трудно»)²⁶. В связи с этим гетман просил как можно скорее прислать к нему на помощь войска кн. Ф. Г. и Г. Г. Ромодановских. В Переяславль был спешно направлен кн. Г. Г. Ромодановский, и там же должны были собираться на службу ратные люди Белгородского и Севского полков.

К началу мая в городе находилось 2 тыс. белгородских ратных людей («рейтар и драгун и салдат»), 3 приказа московских стрельцов (около 1,5 тыс. чел.), Сумский и Ахтырский полки (2,5 тыс. чел.), а также бывший при гетмане комарицкий драгунский полк А. Гамолтона (830 чел.)²⁷. Узнав о разорении татарами местечек Баклея и Орловка, кн. Г. Г. Ромодановский отправил в начале мая (4-го или 6-го) против них сводный отряд численностью около 5–6 тыс. чел.: «рейтарского строю полковника Моисея Беклемишева, а с ним Севского и Белгородского полков копейщиков 50, рейтар 306, солдат 290, московского дворянина Ивана Лутовинова с ним яицких, донских и орешковских казаков 225 человек да сумского полковника Гарасима Кондратьева с полком; а гетман Иван Самойлович переяславского полковника Дмитрашку Райчу, да с ним полтавского, галицкого, миргородского, прилуцкого полковников с полками»²⁸. Кроме этого, к ним должны были присоединиться казаки правобережных Черкасского, Каневского, Корсуньского, Тарговицкого и Уманского полков, собравшиеся у Корсуня²⁹. Сам И. С. Самойлович ожидал подхода оставшихся 5 левобережных полков (Стародубский, Черниговский, Нежинский, Прилуцкий и Киевский), после чего также

25 Там же. Стб. 462, 464.

26 Там же. Стб. 429.

27 Там же. Стб. 438, 448, 464, 478.

28 Там же. Стб. 463.

29 Там же. Стб. 467.

планировал двинуться на Правобережье³⁰. Захваченные в конце мая под местечком Мглеев (укр. *Млів*, ныне Черкасская обл. Украины) охочеконным полковником Саввой Ясеринским несколько пленных татар сообщили, что у П. Д. Дорошенко в Чигирине всего 3 тыс. пеших и тысяча конных (включая 400 татар-липков), а крымский хан с ордой все еще находится в Крыму, и когда и куда он пойдет в поход — о том неизвестно³¹.

Получив эти сведения, Дмитрашка Райча разделил свои силы и 8 июня встал с основным отрядом лагерем под местечком Смелое (укр. *Сміла*, ныне Черкасская обл.), а два полка, Гадячский и Уманский, расположились в 5 верстах у местечка Балаклея (укр. *Балаклія*, Черкасская обл.). Этим решил воспользоваться А. Дорошенко, скрытно подошедший к Балаклею с отрядом в 1,5–2 тыс. «серденят и черемис» и 4–6 тыс. крымских татар и атаковавший царских казаков рано утром 9 июня, рассчитывая захватить их врасплох, когда они будут выводить коней на выпас. Но казаки оказали упорное сопротивление, а Дмитрашка Райча, услышав шум боя, тут же отправил на помощь 3 тыс. чел., которые сошлись с противником на реке Ташлык. Дорошенковцы и татары были разбиты и бежали, оставив 21 пленного, знамя самого А. Дорошенко, 2 татарских бунчука и 3 литавры. В числе убитых, по данным пленных, был султанский бунчужный и множество ногайских мурз, а сам А. Дорошенко был ранен³². После боя дорошенковцы отошли в Чигирин, а крымские татары оставили П. Д. Дорошенко и ушли на юг в степь³³. Дмитрашка Райча, преследуя противника, переправился через Тясмин и пошел к Жаботину³⁴, но 11 июня был отбит³⁵. Убедившись, что приднепровские территории очищены от татар и дорошенковцев, переяславский полковник отошел к Корсуни и Черкассам.

П. Д. Дорошенко оказался в очень сложной ситуации. Собственных сил противостоять объединенной армии кн. Г. Г. Ромодановского и И. С. Самойловича у правобережного гетмана не было, а крымские татары его фактически бросили. Пытаясь выиграть время, Дорошенко задержал в Чигирине царских посланцев Е. Терпигоева и О. Лукьяно-

30 Там же. Стб. 468.

31 Там же. Стб. 468.

32 Там же. Стб. 494, 516.

33 Там же. Стб. 502.

34 Там же. Стб. 517.

35 Там же. Стб. 505.

ва, приехавших к нему в начале июня с очередными предложениями о принятии царского подданства. Одновременно Дорошенко неоднократно отправлял гонцов к султану и крымскому хану с просьбой как можно скорее прислать ему на помощь войска. 15 июня в султанскую ставку был отправлен И. Мазепа с очередным письмом гетмана, содержащим жалобы на покинувших его крымских татар. Дорошенко просил прислать 20 тыс. подкрепления, иначе он не сможет долго оборонять Чигирин в случае подхода царских войск («а ратных людей к нему в помощь недель за 5 или за 6 не пришлют, и он де Дорошенко боронится не учнет и из Чигирина побежит к турецкому султану, потому что место не опасное и хлебом голодно»)³⁶. В районе реки Ингул (приток Буга) на небольшой конвой И. Мазепы напали запорожские казаки, захватившие его в плен вместе со всеми гетманскими письмами. Кошевой атаман И. Серко, который еще в марте договаривался с П. Д. Дорошенко о совместных действиях вместе с крымским ханом против королевских и царских войск³⁷, теперь после некоторых колебаний отправил захваченные бумаги в Переяславль к И. С. Самойловичу. Гетман в тот же день, 5 июля, переслал их в Москву.

Между тем в Москве уже начали терять терпение, и 27 мая кн. Г. Г. Ромодановскому и И. С. Самойловичу был отправлен царский указ (повторен 6 июня) идти на Правобережье «над Петром Дорошенко и над Чигирином промысл чинить, по прежнему нашему великого государя указу и по указным статьям, и по его Дорошенкову намерению»³⁸. Самойлович еще 9 июня выступил из Переяславля к Каневу, где переправился на правый берег и встал лагерем под Черкассами, ожидая подхода царских войск³⁹. Ромодановский в это время находился в Переяславле, ожидая сбора своих войск («ратные люди в полку не все в сборе»)⁴⁰. Вместе с ним в походе должны были принять участие Севский и Белгородский разрядные полки, усиленные 4 приказами московских стрельцов, — всего по спискам 34 тыс. чел. (см. Таблицу 1). Белгородский разрядный полк был практически в полном составе, в Белгороде для обороны южных рубежей с кн. Б. Е. Мышецким остались лишь один рейтарский полк П. Стромичевского, драгунский полк Л. Вяземского и два слободских черкасских, Харьковский и Балакле-

36 Там же. Стб. 560.

37 Там же. Стб. 429.

38 Там же. Стб. 461, 488.

39 Там же. Стб. 494, 498.

40 Там же. Стб. 517.

ский — всего по спискам около 4,5 тыс. чел.⁴¹ Из Севского разрядного полка один комарицкий драгунский полк П. Гордона с мая сменил на «годовалой службе» в Киеве полк Ю. Инглиса, который после возвращения в Севск был распущен по домам, а полк А. Гамолтона находился при гетмане И. Самойловиче. Из 4 приказов московских стрельцов в наличии фактически были только два (Б. Пыжова и И. Грибоедова), а два приказа (А. Жукова и Р. Ефимьева) все еще находились в гарнизоне Черкас, так как назначенный им на перемену приказ М. Лупандина прибыл лишь в середине августа.

Пока на Днепре происходили описываемые события, турецкая армия выдвигалась к Днестру. На военном совете с участием султана еще в начале апреля было принято решение, что основной удар в кампанию 1674 г. будет нанесен в направлении Львова с целью взять реванш за поражение Хусейн-паши под Хотинном в ноябре предыдущего 1673 г. и принудить Речь Посполитую принять условия Бучачского мира 1672 г.⁴² Планы похода на Киев или Левобережье на тот момент предметно не рассматривались, так как туркам было необходимо завершить войну с Речью Посполитой. Войска в походе должен был возглавить сам султан Мехмед IV вместе с великим везирем Кепрюлюзаде Фазыл Ахмед-пашой. Турецкая армия должна была насчитывать 52,6 тыс. чел., к которым должны были присоединиться крымский хан Селим I Гирей (около 30 тыс. чел.), а также валашский и молдавский господари со своими войсками (10–15 тыс. чел.)⁴³.

В середине июня султан с великим везирем встали лагерем под Цецорой (рум. *Țicora*), ожидая сбора всех войск и подхода крымского хана с ордой. Сюда в султанскую ставку 25 июня прибыл оставшийся верным П. Д. Дорошенко подольский полковник О. Гоголь, сообщивший о попытках поляков договориться с российским правительством об антитурецком союзе и о планируемом походе российских войск к Чигирину. Служивший в 1674 г. свите великого везира П. Татаринов позднее в распросе в Малороссийском приказе упомянул, что, узнав о польско-российских переговорах, якобы «турки устрашились» и попросили крымского хана, чтобы он замирил их с поляками⁴⁴. В реальности турецкое правитель-

41 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 808. Л. 556–558.

42 *Wagner M. Wojna...* Т. 2. S. 50.

43 *Великанов В. С., Нечитайлов М. В.* Щит и меч султана: армия Османского государства в конце XVI — начале XVIII в. М., 2019. С. 480–483.

44 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 537об.

ство на протяжении всего 1674 г. продолжало отвергать любые попытки компромисса с Речью Посполитой, и сам факт участия султана в военном походе требовал убедительной военной победы.

К Хотину, ранее, в конце 1673 г., занятому поляками, в середине июля был отправлен вали Дамаска Хусейн-паша с несколькими тысячами янычар и осадной артиллерией, но поляки поспешили 18 июля сдать крепость без сопротивления⁴⁵. В это время султан получил известия, что персы готовятся напасть в Ираке и Закавказье, воспользовавшись выдвижением основных сил турецкой армии на Украину. Поход на поляков было решено не отменять, но переброска на Днестр войск из азиатских регионов была спешно отменена, и на персидскую границу были отправлены дополнительные подкрепления.

Тем временем 20 июля в султанскую ставку приехал очередной гонец от П. Д. Дорошенко с сообщением о том, что царские войска переправились через Днепр и идут к Чигирину. Это был уже прямой вызов султану, на который необходимо было реагировать. На военном совете в качестве вариантов ответных действий рассматривался поход либо к Чигирину, либо к Киеву. В тот же день в лагерь прибыл валашский господарь Георге Дука, который сообщил, что в его свите есть «гречанин Андрей» («человек недобр велик, борода руса, усы велики»), который знает все дороги «в московские земли». Тот рассказал, что наиболее удобный путь к Киеву пролегает через Умань и дорога займет около 20 дней⁴⁶. Было решено отменить поход на Львов и вместо этого двинуться на Киев.

Ромодановский переправился через Днепр 18 июля и соединился с И. С. Самойловичем около Черкасс. Их объединенная армия 20 июля выступила к Чигирину. Вперед 21 июля был выслан прилуцкий полковник Л. Горленко с выборными казаками («с частью войска конного перед собою сторожею»), который атаковал и разбил в пяти верстах от Чигирина сторожевой отряд дорошенковцев. Взятые в плен казаки сообщили, что бывшие при гетмане крымские татары Джамбет Гирея и Селим Гирея ушли к хану под Каменец-Подольский, и в Чигирине остался лишь Мустафа-мурза Доирской со 150 татарами, но Дорошенко уже отправил к хану за помощью Г. Гамалея. Царские войска продолжили поход к Чигирину, и 23 и 24 июля в лагерь к кн. Г. Г. Ромодановскому приехали делегации жителей остававшихся ранее верными

45 *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących*. Warszawa, 1825. T. 2. S. 110.

46 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 540–540об.

П. Д. Дорошенко городков Жаботина и Медведкова, сообщившие о готовности принести присягу царю. Туда для принятия присяги были отправлены рейтарский полковник М. Беклемишев и сумский Г. Кондратьев со своими полками⁴⁷.

Основные силы Ромодановского подошли к Чигирину 23 июля. Царские войска встали лагерем у бора около небольшого озера, а гетманские — левее в сторону города. В тот же день дорошенковцы силами около тысячи человек произвели вылазку из Чигирина, но были легко отбиты, потери обеих сторон составили всего по несколько десятков человек. Следующие два дня были потрачены царскими войсками на обустройство лагеря и сооружение 11 шанцев напротив города⁴⁸. 25 июля был проведен смотр войск кн. Г. Г. Ромодановского, на котором в наличии имелось 22,8 тыс. чел., на службе «не бывали» из числа Белгородского и Севского разрядного полков 11 377 чел. (см. Таблицу 1)⁴⁹. Воевода жаловался в Москву, что «в полку малолюдно, и многие пеши и безоружены», что было связано, в первую очередь, с проблемами с выплатой жалования. В начале июля кн. Г. Г. Ромодановскому было прислано жалованье, но оно было дано не в полном объеме («не всем сполна»). Кроме этого, жалованье не получили те ратные люди, которые бежали со службы после зимнего похода 1673–1674 гг., а также драгуны полка А. Гамолтона, бывшие при И. С. Самойловиче. В результате ратные люди «оскудали и одолжали великими долгами, и лошадами опали, и ружье и служилую рухледь испродали и проели, и платьем ободрались», и, не имея средств для несения службы, сбегали по домам, либо при попустительстве городских воевод не являлись на сбор⁵⁰. Войска И. С. Самойловича насчитывали 15–20 тыс. чел. Таким образом, общая численность царских сил под Чигирином в конце июля 1674 г. составляла 35–40 тыс. чел. Артиллерия объединенной армии насчитывала 120 орудий, большинство из которых были полковые пушки калибром 2–4 фунта, и лишь 8 орудий у Ромодановского имели калибр 13–14 фунтов. Ядра и порох были взяты в поход из расчета 70 выстрелов на орудие⁵¹. Необходимо отметить, что в украинской историографии численность войск Ро-

47 АЮЗР. Т. 11. Стб. 594–595.

48 Там же. Стб. 654.

49 РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 24. Л. 1303–1321об.

50 АЮЗР. Т. 11. Стб. 542–543.

51 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 770. Л. 145–146.

модановского на основании нарративных источников традиционно оценивается в 100 тыс. чел., а Самойловича — в 50 тыс. чел.⁵² В современной польской историографии указанные нарративные оценки считают завышенными, однако точные сведения о численности царских войск отсутствуют в работах польских исследователей⁵³.

26 июля Ромодановский начал бомбардировку Чигирина с шанцев на левом берегу Тясмина, но из-за недостатка крупнокалиберных орудий и значительного расстояния до города огонь не причинил каких-либо значительных повреждений (кроме этого, две крупнокалиберные пищали «от многие стрельбы раздуло»)⁵⁴. Сам город, по оценке царского воеводы, был плохо укреплен, но «лих замок», и Ромодановский решил взять его измором, плотно блокировав его со всех сторон и лишив воды⁵⁵.

Для этого 28 июля на другой берег Тясмина был отправлен отряд полковника И. Саса (Острогожский и Сумский полки) и гетманский бунчужный Л. Полуботок с выборными левобережными казаками. Им навстречу выступил А. Дорошенко с 3 тыс. «черемис и серденят и казаков», который после боя в четырех верстах от города был вынужден отступить обратно в Чигирин. Царские войска взяли в плен 21 казака и черемиса, но и сами потеряли 15 «боярских всяких чинов людей в загоне»⁵⁶. По словам пленных и перебежчиков, чигиринский гарнизон насчитывал не менее 7,5 тыс. чел., но не имел достаточных запасов продовольствия: «конницы 6 тыс. чел., да серденят 1500 чел., кроме чигиринских жителей мещан; а с мещанами де будет всех с 15 тыс.; а голод де в городе большой»⁵⁷. Ромодановский оставил свой основной лагерь на левом берегу Тясмина, но на правый были переправлены около 15 тыс. чел. (Сумской и Острогожский слободские полки и половина драгунского полка Л. Вяземского, «да по 10 чел. с сотни со всех стрелецких приказов» — от царских войск и несколько левобережных казачьих полков)⁵⁸, которые надежно блокировали город с «крымской стороны». В тот же день, 28 июля, к Дорошенко отправили стрельца с предложением о сдаче, но тот ответил, что готов

52 Крикун М. Турецкий похід... С. 135–136.

53 См. напр.: Wagner M. Wojna... Т. 2. S. 63.

54 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 770. Л. 145–146.

55 АЮЗР. Т. 11. Стб. 572.

56 Там же. Стб. 602.

57 Там же. Стб. 603.

58 Там же. Стб. 602.

вести переговоры только с сыном воеводы или его товарищем, и чтобы впредь ему таких «худых людей» не присылали. Вернувшись, стрелец сообщил, что «видел Дорошенкова беспрестани пьяного, и ходит по шинкам, и перед ним де играют в волюнки и в скрипки; а пехоты и конницы видел чигиринских жителей и иных... тысяч с 6, а пушек много и велики; толко <...> хлеб дорог и соль»⁵⁹.

В конце июня на территории Могилевского, Уманского и Торговицкого полков появились первые отряды крымских татар, и от захваченных пленных стало известно, что султан с везирем и крымским ханом идут к Каменцу⁶⁰. Эти известия заставили И. С. Самойловича еще до начала осады Чигирина отправить к Днестру для наблюдения за противником переяславского полковника Дмитрашку Райчу с отрядом в 10–15 тыс. чел. («со всеми теми полками, при нем будучими [казаки 5 левобережных полков, бывшие с ним под Смелою, и охочеконный полк А. Мурашки. — В. В.], придав ему все полки сие заднепровские, опричь Черкаского и Торговицкого, Каневский, Корсуньский, Уманский, Калницкий, Брясловский и Могилевский»⁶¹). Ромодановский в свою очередь послал вместе с ними московского дворянина Ивана Лутовина с орешковскими, донскими и яицкими казаками (225 чел.). 30 июля они прислали пленного татарина Шабанку, сообщившего, что султан и хан планируют идти «под Умось и под Киев, и к Дорошенку на выручку». При этом крымский хан уже переправился через Днестр и стоит с ордой в местечке Мясковице⁶².

Турецкая армия выступила из Цецоры к Сороке (молд. *Soroca*), находившейся на берегу Днестра, 20 июля. Первым к городу 27 июля подошел крымский хан, в тот же день переправившийся на левый берег реки. Турецкие войска пересекли Днестр 29–30 июля и двинулись к Умани⁶³. Первоначально их маршрут шел на север через местечко Стена (в 40 км от Сороки), которое было взято 1 августа, при этом местные жители, оказавшие сопротивление, были перебиты («турки те городки приступом взяли, и жителей всех з женами и з детми высекли») ⁶⁴. Далее турки повернули на восток и через Комаргород и Тимановку (которые также были разорены, а жители перебиты или взяты в полон) двинулись к Ла-

59 Там же. Стб. 571.

60 Там же. Стб. 581–583, 586–588.

61 Там же. Стб. 545.

62 Там же. Стб. 542.

63 Крикун М. Турецкий похід... С. 131–133.

64 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 528об.–529.

дыжину. Крымские татары шли южнее султанской армии вдоль Днестра. Украинский историк Крикун отмечает, что турецкие отряды не пытались отклоняться к северу к занятым поляками Шаргороду и Немирову и целенаправленно двигались к Киеву⁶⁵. Казаки Д. Райчи отошли на левый берег Буга, не вступая в серьезные бои с противником.

6 августа передовой отряд турок Юсуф-паши (250 чел.) подошел к Ладыжину, в котором кроме местных жителей находилось по разным оценкам от 1,5 до 6 тыс. чел. казаков Самойловича (вероятно, 2–4 тыс. чел.) под командованием охочеконного полковника Андрея Мурашко⁶⁶. Казаки вышли из Ладыжина и разбили передовой отряд противника, захватив 14 пленных и 2 знамени, но после подхода еще 3 пашей с новыми отрядами вынуждены были отойти в город. На другой день, 7 августа, к Ладыжину подошли основные силы турецкой армии. Город стойко оборонялся три дня, отбив 9 (по другим данным — 10) приступов, но в итоге 9 августа был вынужден сдаться. Турки нарушили условия сдачи и сожгли Ладыжин, перебив и пленив всех его жителей⁶⁷. Крымский хан с ордой в осаде участия не принимал и, переправившись через Буг ниже города, двинулся прямо на восток к Чигирину.

9 августа в осадном лагере под Чигирином стало известно о приближении крымских татар, за которыми следуют турецкие войска. Не дожидаясь подхода основных сил противника, кн. Г. Г. Ромодановский снял осаду и, «огородясь табором», начал отход к Черкассам, куда прибыл 12 августа «безо всякого неприятельского насильства, в целости»⁶⁸. В тот же день хан соединился с П. Д. Дорошенко под Чигирином и также выступил к Черкассам, надеясь перехватить отступающие царские войска на переправе через Днепр. Боярин встал укрепленным лагерем прямо под городом, а гетман — правее в поле. 14 августа к городу подошли крымские татары, но, убедившись, что лагерь хорошо укреплен и внезапной атаки не получится, отказались от атаки, ограничившись схватками небольших отрядов конницы в поле перед укреплениями (воевода в своей отписке упоминал об атаках на свой обоз, которые были отбиты). В тот же день хан Селим I Гирей с П. Д. Дорошенко ушли обратно к Чигирину⁶⁹.

На следующий день, 15 августа, войска кн. Г. Г. Ромодановского начали переправу на левый берег Днепра и встали укрепленным лагерем на-

65 Крикун М. Турецкий похід... С. 137.

66 Там же. С. 140–141.

67 Там же. С. 140–147.

68 АЮЗР. Т. 11. Стб. 636.

69 Там же. Стб. 636–637, 653–655.

против Черкасс. Вместе с ним находился И. С. Самойлович с пятью левобережными полками (Киевский, Нежинский, Черниговский, Прилуцкий и Стародубовский) общей численностью около 10 тыс. чел. Полтавский полк прикрывал переправы у Кременчуга, Миргородский — у Чигириной Дубравы, Лубенский — у Еремеевки. На правом берегу под Каневым остался наказной гетман Дмитрашка Райча со своим Переяславским полком, а также с четырьмя правобережными (Черкасский, Каневский, Корсуньский и Кальницкий). Уманский, Белоцерковский и Брацлавский правобережные полки находились «в осаде» в своих городах. Кошевой атаман И. Серко, стоявший с запорожцами в Капустиной долине, узнав о походе хана к Днепру, пошел в Сечь, планируя собрать казаков и, пользуясь отсутствием в Крыму хана с ордой, атаковать Перекоп⁷⁰.

Крымский хан и П. Д. Дорошенко от Черкасс вернулись обратно к Чигирину, откуда сразу же выехали в султанскую ставку. Через два дня после взятия Ладыжина турецкая армия, соорудив несколько мостов через Буг, продолжила свой марш на Умань, к которой подошла 15 (16) августа. В городе, спасаясь от турок и татар, собрались жители всех окрестных местечек, и их общая численность, по разным оценкам, достигала 30–40 тыс. чел.⁷¹ Уманский полковник С. Яворский с казацкой старшиной выехал навстречу туркам и пытался договориться о принесении присяги и бескровной сдаче города, но был взят в заложники. Командовавший турецкими войсками каймакан-паша (заместитель великого везира) Кара Мустафа-паша потребовал безоговорочной сдачи города, на что жители ответили отказом. Осада продолжалась 10 дней. Турки соорудили несколько осадных батарей и подвели апроши к самым стенам города. Взрывом подземной мины часть городской стены была разрушена, и 25 августа Умань пала. Все жители были перебиты или уведены в плен⁷². В Москве, узнав о взятии турками Умани, опасались, что турки продолжат поход на Киев и Левобережье, и 4 сентября было принято решение о спешном сборе в Севске и Путивле дополнительных войск кн. Ю. А. Долгорукова (30–35 тыс. чел.)⁷³.

70 Там же. Стб. 654, 656, 659.

71 Крикун М. Турецкий похід... С. 151.

72 Там же. С. 152–159.

73 Великанов В. С. Мероприятия по обеспечению безопасности южных рубежей осенью 1674 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.). Ростов-на-Дону, 2019. С. 85–86.

Однако турецкий поход на Киев так и не состоялся. 29 августа в султанской ставке под Уманью состоялся военный совет, на котором было решено отказаться от продолжения похода, так как в сентябре уже надо было отпускать войска со службы и, по общему мнению, удачное время для боевых действий уже было упущено. Великий везир предлагал все-таки нанести удар по полякам, отправив к Каменцу 15 тыс. турок и столько же татар, но от этого предложения также отказались⁷⁴. В тот же день, 29 августа, в султанскую ставку прибыли хан Селим I Гирей и П. Д. Дорошенко⁷⁵. Видя разрушение города и окрестностей, гетман с горечью спросил: как же он будет править разоренным краем?⁷⁶ Сам гетман до султана допущен не был, и его принимал каймакан-паша Кара Мустафа-паша, который довел до его сведения принятые решения и одарил от имени султана кафтаном, доспехом и конем⁷⁷. Дорошенко просил турок оставить ему перед уходом побольше турецких войск («учел плакатца перед ними, чтоб войска сколько ни есть турецкого при нем оставили»). В ответ каймакан-паша поинтересовался, зачем ему турецкие войска, если, согласно рассказам гетмана и хана, царские войска были полностью ими разгромлены и понесли ужасные потери? И предложил оставить на зиму на Правобережье крымскую орду. Понимая, что это обернется полным разорением всех оставшихся под его властью земель, Дорошенко попробовал все-таки уговорить разместить турецкие войска хотя бы в крупных городах (Могилев, Рашков и др.), но ему было отказано⁷⁸. Вскоре после принятого решения о прекращении похода турецкая армия двинулась обратно к Днестру, и 8-го (по другим данным 11-го) сентября переправилась через Буг у Ладыжина⁷⁹. На обратном пути турки и татары разоряли все окрестные местечки, уводя местное население в плен⁸⁰. 19 сентября в султанскую ставку прибыл польский послан-

74 Крикун М. Турецкий похід... С. 159–160.

75 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 542. М. Крикун ошибочно считает, что у Татаринова указана дата по старому стилю (Крикун М. Турецкий похід... С. 160).

76 Там же. Л. 542.

77 Крикун М. Турецкий похід... С. 161.

78 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 542–543.

79 Крикун М. Турецкий похід... С. 160.

80 Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Ч. 2. С. 152; Величко С. Літопис. Т. 2. С. 178; Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Кн. 6. С. 257; и др.

ник Я. Карвовский с предложением заключить мир между Речью Посполитой и Османской империей на условиях довоенного status-quo, т. е. фактического возврата турками Подолии, присоединенной ими к своим владениям в качестве имперской провинции, и Правобережья, которое находилось в вассальной зависимости от султана⁸¹. Эти условия были абсолютно неприемлемы для турок, и Карвовский не был даже допущен к султану.

23 сентября турецкая армия переправилась через Днестр у Сороки и двинулась дальше к Исакче⁸². Гонец от кн. Г. Г. Ромодановского с извещением об отходе турецко-татарских войск от Умани прибыл в Москву 19 сентября, и уже 24 сентября был объявлен царский указ о роспуске армии кн. Ю. А. Долгорукова по домам⁸³.

На этом фактически закончился летний поход 1674 г. царских войск под командованием кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. С. Самойловича к Чигирину с целью силой склонить правобережного гетмана П. Д. Дорошенко к принятию царского подданства. Поход окончился неудачей, однако действия царских войск заставили турецкого султана фактически отменить свой поход в Польшу и дали полякам необходимую передышку для продолжения войны. Ни одна из сторон так и не достигла в 1674 г. своих целей, и борьба за контроль над Правобережьем продолжилась в следующем 1675 г.

Таблица 1. Смотровые списки полка кн. Г. Г. Ромодановского 25 июля 1674 г.

	налицо	нетчиков	всего
Севского полка			
сотенной службы	1023	1148	2171
Копейный полк Г. И. Косагова	142	62	204
Рейтарские полки А. Траурнихта, Я. Тура и Я. Фанговена	847	630	1477
Драгунский полк К. Фанбуковена	788	100	888

81 Woliński J. Przyczynki źródłowe do kampanii 1674 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. Warszawa, 1933. Т. VI. S. 85.

82 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 166. Л. 543.

83 Дворцовые разряды. Т. 3 (с 1645 по 1676 г.). СПб., 1852 г. Стб. 1037, 1043–1044; Великанов В. С. Мероприятия... С. 86–87.

итого	2800	1940	4740
Белгородского полка			
сотенной службы	639	0	639
Копейный полк И. Саса	986	109	1095
Рейтарские полки М. Гопта, А. Цея, М. Дромонта, М. Беклемишева, П. Скоржинского, Г. Полтева, Ф. Ульфа и шквандрона Е. Марлета	6099	1751	7850
половина драгунского полка Л. Вяземского	235	344	579
Солдатские полки Е. Кро, А. Росформа, В. Крюгера, С. Вестова, Ф. Ульфа	5326	2686	8012
Московские стрелецкие приказы Б. Пыжова, И. Грибоедова, А. Жукова, Р. Ефимьева и белгородский жилой приказ И. Левшина	2301		2301
донских казаков	225	27	252
Черкас (Сумский, Ахтырский и Острогожский слободские казацкие полки)	4221	4432	8653
итого	20032	9349	29381
всего	22832	11289	34121

Источник: РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 24. Л. 1303–1321об.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1879. Т. 11 (1672–1674). 820 стб.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М.: Тип. С. Селивановского, 1830. Ч. 2: От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы. 296 с.

Великанов В. С. Мероприяття по забезпеченню безпеки южних рубежів осінню 1674 г. // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.)*. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 83–88.

Великанов В. С., Нечитайлов М. В. Щит и меч султана: армия Османского государства в конце XVI — начале XVIII в. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 632 с.

Величко С. Літопис. Т. 2 / [пер. з книжної української мови, комент. В. О. Шевчука; відп. ред. О. В. Мишанич]. Київ: Дніпро, 1991. 642 с.

Дорошенко Д. И. Гетьман Петро Дорошенко: огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк: УВАН у США, 1985. 712 с.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литератором и ученым («Литературный Фонд»), 1905. Кн. 6. Т. 15. 834 с.

Крикун М. Г. Турецкий похід у Правобережну Україну 1674 року // *Вісник Львівського університету. Серія історична*. Львів, 1999. Вип. 34. С. 123–164.

Літопис Самовидця / ред. кол.: А. Д. Скаба (відп. ред.), І. О. Гуржій, В. А. Дядиченко. Київ: Наукова думка, 1971. 175 с.

Синбирский сборник. М.: Тип. А. Семена, 1845. Т. 1 / [предисл. издателей П., А., Н. Языковых, А. Хомякова и Д. Валуева]. 683 с.

Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко. Політичний портрет: наукове видання. Київ: Темпора, 2011. 632 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Издание высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1856. Кн. 3. Т. XII. 800 с.

Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 3 (65). С. 76–90.

Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących. Warszawa: Nakładem Zawadzkiego i Węckiego uprzywilejowanych drukarzy i księgarzy Dworu Królestwa Polskiego, 1825. Т. 2. 308 с.

Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Zabrze: Inforteditio, 2009. Т. 2. 376 с.

Woliński J. Przyczynki źródłowe do kampanii 1674 r. // *Przegląd historyczno-wojskowy*. Т. VI. Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1933. S. 81–101.

References

- Doroshenko, D. Y. *Het'man Petro Doroshenko: ohliad ŭoho zhyttia i politychnoi diial'nosti*. New York: UVAN in USA, 1985, 712 p.
- Floria, B. N. “Rossiia, Rech' Pospolitaia i Pravoberezhnaia Ukraina v poslednie gody getmanstva P. Doroshenko (1673–1677 gg).” *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3 (65), 2016, pp. 76–90.
- Kostomarov, N. I. *Sobranie sochineniĭ. Istoricheskie monografiĭ i issledovaniia*. Vol. 6, iss. 15, St Petersburg: Literaturnyi Fond, 1905, 834 p.
- Krykun, M. H. “Turets'kyĭ pokhid u Pravoberezhnu Ukraĭnu 1674 roku.” *Visnyk Lvivs'koho universytetu. Serii istorychna*, no. 34, 1999, pp. 123–164.
- Skaba, A. D., editor. *Litopys Samovydsia*. Kyiv: Naukova dumka, 1971, 175 p.
- Smoliĭ, V., Stepankov, V. *Petro Doroshenko. Politychnyi portret*. Kyiv: Tempora, 2011, 632 p.
- Velikanov, V. S. “Meropriiatia po obespecheniu bezopasnosti iuzhnykh rubezheĭ osen'iu 1674 g.” *Voĭna i voĭnskie traditsii v kul'turakh narodov Iuga Rossii (VIII Tokarevskie chteniia): Materialy Vserossiĭskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 17–18 maia 2019 g.)*, ed. by A. L. Boĭko, A. V. Iarovoĭ, Rostov on Don: Al'tair, 2019, pp. 83–88.
- Velikanov, V. S., Nechitaĭlov, M. V. *Shchit i mech sultana: Armia Osmanskogo gosudarstva v kontse XVI — nachale XVIII v.* Moscow: Russkie Vitiazii, 2019, 632 p.
- Velychko, S. *Litopys. Vol. 2*, Kyiv: Dnipro, 1991, 642 p.
- Wagner, M. *Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Vol. 2*, Zabrze: Inforteditions, 2009, 376 p.
- Woliński, J. “Przyczynki źródłowe do kampanii 1674 r.” *Przegląd historyczno-wojskowy. Vol. 4*, Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1933, pp. 81–101.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.02

Velikanov V. S.

The Chigirin campaign of 1674: An unsuccessful attempt to establish Russian control over the Right-Bank Ukraine

Vladimir S. Velikanov

Candidate of Economic Sciences, editor

Foundation “Russian Knights”

125009, Nizhny Kislovsky lane 6, str. 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: vladvelikanov@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7521-9355

Citation

Velikanov V. S. The Chigirin campaign of 1674: An unsuccessful attempt to establish Russian control over the Right-Bank Ukraine // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 28–49 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.02

Received: 06.04.2021.

Abstract

The article dwells upon the failed attempt of the Russian government to establish control over the Right-Bank Ukraine in the summer of 1674. At the Pereyaslav Rada on March, 17, 1674, the Cossacks leaders of the Right-Bank Ukraine and the Polish hetman M. Chanencko took the oath to Tzar and elected I. Samoylovich as a hetman “of the both sides of Dnepr”. From the legal side it resulted in establishing Russian governance over the whole Ukraine. The displaced hetman P. D. Doroshenko did not agree with this decision and continued the resistance with the support of the Ottomans and the Crimean Tatars. It made the Russian government send an army headed by Prince G. G. Romodanovski to establish Russian control over the Right-Bank Ukraine by force. He besieged Doroshenko in his capital Chigirin in the end of July, 1674. When the Sultan Mehmed IV got news about the Russian invasion, he canceled his campaign against the Poles and sent his troops to Kiev and Chigirin. The approaching of the Crimean Tatars forced Romodanovski to lift the siege of Chigirin and to retreat to the left bank of Dnepr. After ensuring the safety of Doroshenko, the Turks plundered the Right-Bank Ukraine. As a result, by September, 1674, only the eastern parts of the Right-Bank Ukraine (along Dnepr) remained under Russian control, while the West and the South were controlled by P. D. Doroshenko.

Keywords

Russian-Turkish War of 1672–1681, Polish-Turkish War of 1672–1676, Right-Bank Ukraine, P. D. Doroshenko.

Герцеговина в «Турецкой империи». Российский консул А. Н. Кудрявцев о жизни края в 1860-е годы

Мельчакова Ксения Валерьевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991. Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kmelchakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Цитирование

Мельчакова К. В. Герцеговина в «Турецкой империи». Российский консул А. Н. Кудрявцев о жизни края в 1860-е годы // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 50–75. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.03

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004.

Статья поступила в редакцию 05.07.2021.

Аннотация

В статье производится обзор и анализ очерка об османской провинции Герцеговине. Он был составлен по заданию директора Азиатского департамента МИД российским дипломатом Алексеем Николаевичем Кудрявцевым, который в 1867–1868 гг. исполнял обязанности российского консула в Мостаре. Предположительно очерк должен был войти в состав книги «Турецкая империя». Сохранилось несколько свидетельств о существовании книги, но обнаружить ее пока так и не удалось. В очерке Кудрявцева речь идет о географии, этнографии и статистике, истории края, а также представлен общий обзор торговли, промышленности и путей сообщения в Герцеговине в 1866 г. Очерк хранится в фондах Архива внешней политики Российской империи и ранее не был опубликован. Из работы Кудрявцева можно узнать о положении Герцеговины и ее проблемах, в тексте дается краткая характеристика каждой нахии. Особую ценность представляет обзор торговых отношений региона. Консул приводит подробный перечень импортируемых и экспортируемых товаров с указанием их стоимости. Статья может быть инте-

ресна исследователям истории Боснии и Герцеговины, деятельности российского МИД, экономической истории и этнографии народов Балкан.

Ключевые слова

Российское консульство в Мостаре, МИД России, герцеговинцы, Боснийский вилайет.

1850–1870-е гг. стали временем знакомства России с миром османских провинций Боснии и Герцеговины. Задача по изучению региона была возложена на плечи дипломатов. Первые донесения из края¹ и первое русскоязычное сочинение о нем принадлежали перу российского консула в Сараеве А. Ф. Гильфердинга². Его работа до сих пор является одним из основных источников по изучению истории и этнографии Боснии и Герцеговины в середине XIX столетия и не обделена вниманием исследователей разных стран. В данной статье речь пойдет о другом российском дипломате, чьи донесения и наблюдения не менее заняты. В фондах Архива внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ) хранится «Краткий очерк Герцеговины в географическом, статистическом, этнографическом, историческом и торговом отношении», составленный российским дипломатом Алексеем Николаевичем Кудрявцевым в 1867 г.³ Этот источник ранее не вводился в научный оборот и может быть интересен исследователям при изучении балканской политики России, российской консульской службы в XIX столетии и истории Боснии и Герцеговины.

Первое российское консульство в этом уголке Балкан открылось в главном городе Боснийского пашалыка Сараеве в 1857 г. В зону его ответственности попала и Герцеговина. Основная задача российских ди-

1 См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864: Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М., 1985; Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. 1857. Д. 2119, 2321; Там же. 1858. Д. 2120, 2322.

2 Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.

3 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 15–36. Копия документа была получена в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (актуальный шифр в АВП РИ: Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 621).

пломатов заключалась в защите прав местного православного населения. Однако практика показала, что они были не в силах следить за обстановкой одновременно в Боснийском пашалыке и в соседнем Герцеговинском санджаке (на тот момент времени это были разные административно-территориальные единицы. — К. М.). Консулам было затруднительно осуществлять длительные переезды по балканскому бездорожью, надолго оставляя Сараево. Ситуация накалилась до предела, когда в конце 1857 г. в Герцеговине разгорелось очередное восстание, следом начались волнения и в Боснии. В командировки в главный город санджака Мостар периодически отправляли секретаря и драгомана российского консульства в Сараево А. С. Ионина, но местные власти не воспринимали его как серьезную политическую силу. Герцеговинский паша даже несколько раз отказывал российскому дипломату в приеме⁴. Сложившаяся ситуация лишней раз убедила министерство иностранных дел (далее — МИД) в необходимости открытия самостоятельного консульства в Герцеговине, что и было сделано 30 августа 1858 г. Расположилось оно в Мостаре⁵. Там же работали дипломаты из Австрии, Франции⁶ и Англии (вице-консульство Англии закрывалось на период с 1864 по 1876 гг.)⁷.

К середине 1860-х гг. в Герцеговине на время утихли волнения. В 1865 г. она официально вошла в состав Боснийского вилайета. В это время в крае активно проводились модернизационные реформы⁸. В данной статье мы сосредоточим внимание на том, какой образ Герцеговины создал российский дипломат А. Н. Кудрявцев в 1867 г. на страницах очерка, позволяющего ознакомиться с состоянием дел этого края и уровнем его развития.

4 О работе А. С. Ионина в Мостаре см.: АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1858. Д. 2322.

5 О работе российских консульств в Боснии и Герцеговине в XIX столетии см. подробнее: *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988; *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 113–125; *Пахомова Л. Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.

6 *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštaja. Tešanj, 2008. S. 7–95.

7 *Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013. S. 62.

8 См. подробнее: *Aličić S. M.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983; *Олюнин С. В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.

А. Н. Кудрявцев

В биографии российского дипломата Алексея Николаевича Кудрявцева (1836–?) много белых пятен. Его профессиональная деятельность частично реконструирована на основании материалов российских архивов боснийским историком Ибрагимом Тепичем в монографии «Босния и Герцеговина в русских источниках: 1856–1878»⁹. Кудрявцев окончил Лазаревский институт восточных языков, а затем поступил на службу в Азиатский департамент МИД. В 1858 г. находился при русской дипломатической миссии в Константинополе. Следующий год провел при российском консульстве в Сараеве. Затем занимал должность драгомана при российском посольстве в Константинополе. В 1862 г. вновь был направлен в Боснию и Герцеговину, где работал секретарем и драгоманом консульства в Сараеве, замещал должность секретаря консульства в Мостаре. В 1864–1867 гг. был консулом в Тулче. С сентября 1867 по май 1868 г. исполнял обязанности консула в Мостаре, затем до апреля 1877 г. занимал пост консула в Сараеве¹⁰.

Деятельность А. Н. Кудрявцева и его донесения представляют большой интерес для исследователей истории Боснии и Герцеговины. Из российских дипломатов, работавших в этих областях до австро-венгерской оккупации (1878 г.)¹¹, он провел в регионе наибольшее количество времени, работая в сараевском консульстве до момента его закрытия¹². В Сараеве дипломат жил с супругой. На Балканах у четы Кудрявцевых родилось четверо детей, а с 1868 г. с ними проживал и пожилой отец дипломата, Николай Федорович¹³.

9 *Tenuš I.* Босна... С. 41–51.

10 С 1878 по 1880 г. Кудрявцев был агентом российского МИД в Одессе, с 1883 г. — генеральный консул в Берлине, в 1889 г. был назначен на пост генерального консула в Стокгольме.

11 См.: *Пахомова Л. Ю.* Балканский лакмус...

12 В апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции. В связи с этим все российские дипломаты были отозваны из Османской империи.

13 В браке с Марией Николаевной Никифоровой у Кудрявцева родилось четверо детей (1867, 1869, 1873, 1875 гг.). Старшая дочь София Алексеевна появилась на свет в Мостаре и была крещена в храме Рождества Богородицы. Восприемником Софии Алексеевны стал секретарь российского консульства в Мостаре В. С. Ионин. Николай Алексеевич родился в Сараеве. Его крестили в храме Михаила и Гавриила. Крестным отцом стал российский консул в Мостаре Н. А. Иларионов. Там же был крещен Владимир Алексеевич. Его восприемником стал австро-венгерский консул С. Тодорович. См.: *Генеалогия рода Кудрявцевых*, сост. Рын-

В Боснии консул освоил сербский язык. На досуге он занимался переводами русскоязычной детской литературы: в 1875 г. министерство просвещения Сербии напечатало переводы четырех книг издания М. О. Вольфа (изначально 30 тыс. экземпляров, в 1878 г. книги были переизданы. — *К. М.*). Кудрявцев также перевел на сербский язык былины «Илья Муромец», «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич» (в Константинополе вышел тираж этой былины и на турецком языке в его переводе. — *К. М.*) и ряд других произведений для детей¹⁴.

Алексей Николаевич Кудрявцев зарекомендовал себя как талантливый дипломат. Его донесения в Азиатский департамент МИД и российское посольство в Константинополе всегда отличались информативностью. Консул уделял большое внимание сбору статистических сведений о населении, состоянии вооруженных сил, торговле, строительстве школ, дорог и мостов в Боснии и Герцеговине. Также он активно сотрудничал с Московским славянским благотворительным комитетом, который в то время работал в связке с российским МИД¹⁵.

«Турецкая империя»

В 1867 г. Кудрявцев получил задание составить краткий очерк о Герцеговине. Вероятнее всего, он должен был войти в состав книги «Турецкая империя». Вопрос о том, что это за книга, остается открытым. Судя по донесениям российских консулов из Боснии и Герцеговины, материалы для этого издания пересылались в МИД с середины 1860-х годов. К примеру, в ноябре 1866 г. статистический очерк о Боснии был отправлен в Азиатский департамент МИД Николаем Александровичем Иларионовым (1844–?)¹⁶. На тот момент он занимал должность секретаря и драгомана консульства в Сараеве.

Самой книги с заглавием «Турецкая империя» обнаружить не удалось ни в библиотеках, ни в фондах АВП РИ. Вероятно, она была

дин И. Ж.: <https://62info.ru/history/node/10843> (дата обращения: 21.10.2018); Югословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског. 40.–80. године XIX века / отв. ред. С. Терзић. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1. С. 313.

14 Югословени... С. 319.

15 См.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах / отв. ред. И. А. Федосов. М., 1960.

16 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 619. Л. 102–109. Копия документа была получена в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (актуальный шифр документа в АВП РИ: Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 619).

опубликована в 1868 или 1869 г. Упоминания о ней встречаются дважды. В августе 1869 г. Н. А. Иларионов переслал в МИД «Записку со сведениями о географическом положении Герцеговины, ее населении, торговле и путях сообщения» (далее — записка). Этот документ хранится в АВП РИ и представлен в сборнике «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»¹⁷. В публикацию не вошло сопроводительное письмо к записке, в котором консул упоминает о том, что данный материал составлен в дополнение к книге «Турецкая империя», присланной из Петербурга 20 февраля 1869 г.¹⁸ Второе упоминание о книге принадлежит самому Кудрявцеву. Он говорит о ней в сопроводительном письме от 28 февраля 1870 г. к другому своему очерку «Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях» (составлен в 1869 г.)¹⁹: «Получив при предписании от 20 февраля прошедшего года за № 630 книгу под заглавием “Турецкая империя” и отвечая предложению начальства проверить и дополнить сведения, касающиеся до вверенного управлению моему императорского консульства, имею честь препроводить при сем в Азиатский департамент составленный мной очерк»²⁰. Очерк Кудрявцева о Боснии был частично опубликован и введен в научный оборот В. Н. Кондратьевой²¹. Вероятно, сведения об этом крае в книге «Турецкая империя» представляют собой упомянутую выше работу Иларионова 1866 г.

17 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875: Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М., 1988. С. 193–200.

18 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 622. Л. 87. Копия документа была получена в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (актуальный шифр документа в АВП РИ: Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 622). Здесь и далее даты в статье даются по старому стилю.

19 Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. 1870. Д. 2332. Л. 49–87.

20 Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 813. Л. 13.

21 Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971. С. 219–225. Также см.: Мельчакова К. В. Очерк «Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях» российского консула А. Н. Кудрявцева / Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2019. С. 37–42.

Скорее всего и очерк о Герцеговине Кудрявцева 1867 г. вошел в состав «Турецкой империи». Совершенно точно он был доступен работникам военного министерства. Об этом свидетельствует материал «Очерки Герцеговины» за авторством подполковника (с 1878 г. генерал-майора) Георгия Ивановича Бобрикова, опубликованный в 1875 г. на страницах журнала «Военный сборник»²². Судя по содержанию статьи, отчасти она основывалась на труде Кудрявцева.

* * *

Работа А. Н. Кудрявцева носит название «Краткий очерк Герцеговины в географическом, статистическом, этнографическом и торговом отношении» и представляет собой 42 страницы рукописного текста²³. Создавалась она в период, когда дипломат временно заменял отбывшего в отпуск консула в Мостаре Иларионова (отпуск длился с сентября 1867 г. по май 1868 г. — *К. М.*). В фондах АВП РИ хранится сопроводительное письмо консула «По поводу Краткого очерка Герцеговины», составленное на имя директора Азиатского департамента МИД Петра Николаевича Стремоухова. Оно датировано 24 января 1868 г.²⁴ В нем Кудрявцев оправдывался: «Слабость труда этого очевидна, ибо предшественники мои не оставили в императорском консульстве, вверенном ныне моему управлению, никаких материалов, которые могли бы послужить исходной точкой для составления очерка более полного, интересного и во всех отношениях полезного»²⁵.

Никаких образцов и инструкций по созданию отчетов подобного рода не было. Кудрявцев при составлении очерка следовал традициям современной ему этнографии. Позже, уже в 1869 г., по поручению министра иностранных дел А. М. Горчакова была издана «Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел»²⁶. Это очень объемный (1014 страниц. — *К. М.*) и бесценный для исследователей истории МИД источник, в котором можно найти ответы на многие вопросы об орга-

22 Бобриков Г. И. Очерки Герцеговины // Военный сборник. 1875. Т. 105. № 10. С. 375–413.

23 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 15–36.

24 Там же. Л. 13–14.

25 Там же. Л. 13.

26 Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Составил по поручению министра иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. 1014 с.

низации работы российских консульств²⁷. В IV отделе книги «Разные правила делопроизводства и сношений центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел» отдельно прописан пункт об обязанностях консулов по предоставлению сведений о торговле, промышленности и государственной экономии с приложением шаблонов отчетов²⁸. Однако отчетов из Боснии и Герцеговины, составленных именно по этим шаблонам, обнаружить не удалось. В книге также не упоминается об обязанностях консулов предоставлять очерки о географии, истории и этнографии вверенных им краев.

Очерк Кудрявцева был составлен в Мостаре и датирован 24 ноября 1867 г. Он разделен на три части: 1) география, этнография и статистика; 2) история; 3) общий обзор торговли, промышленности и путей сообщения в Герцеговине в 1866 году.

География, этнография и статистика

В этой части очерка Кудрявцев говорит о географическом положении и природных особенностях региона. Он описывает реки, горы и равнины, климат, почвы, фауну и флору. Особое внимание консул уделяет важнейшему вопросу о плодородности почв. Неурожаи и голод в Герцеговине были частым явлением и служили поводом к возникновению народных волнений²⁹.

Наиболее интересно Кудрявцев описывает местных жителей. Он приводит статистические данные. Согласно его сведениям, население Герцеговины составляло около 240 000 человек: 110 000 — православных, 81 000 — мусульман, 49 000 — католиков³⁰. Непонятно, откуда Кудрявцев взял эти цифры. В 1864–1865 гг. комиссаром Порты Джевдет-эфенди проводилась перепись населения края³¹. Она грешила массой

27 О работе российских консульств в XIX столетии см.: *Григорьев Б.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010; *Кудрявцева Е. П.* Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019.

28 Справочная книга... С. 99–104.

29 Уже в декабре 1867 г. А. Н. Кудрявцев направил Н. П. Игнатьеву донесение о неурожае и распространении эпидемии холеры в Герцеговине. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 105–106.

30 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 17.

31 См.: *Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja-Luka, 2011.

неточностей. Вслед за ней появились сведения австрийских военных Тёммеля и Роскевича. Они все также противоречат друг другу. Данные, предоставленные Кудрявцевым, отличаются от официальной статистики, сведений иностранных агентов, а также цифр, указанных в записке 1869 г. Иларионовым.

Таблица 1. Статистические данные о населении Боснии и Герцеговины в 1860-е гг.

категория населения	официальная перепись 1865 г. ³²	Кудрявцев 1867 г. ³³	Тёммель до 1868 г. ³⁴	Роскевич до 1868 г. ³⁵	Иларионов 1869 г. ³⁶
Мусульмане	22 154 мужчин	81 000	56 000	55 000	70 070
Католики	72 255	49 000	49 217	42 000	40 600
Православные	мужчин	110 000	101 348	130 000	96 250
Евреи	39 мужчин	—	65	500	105
Цыгане	—	—	1 340	2 500	2 415
Всего	188 896	220 000	207 970	230 000	209 440

«Жители Герцеговины, — сообщает Кудрявцев, — славянского происхождения, чистые сербы³⁷ <...> Аристократия страны, чтобы не потерять своих поместий и богатств, отреклась от православия и приняла Коран»³⁸. Герцеговинских мусульман он также именует сербами. Местное население описывает следующим образом: «Герцеговинцы ростом велики, сильны, храбры и мужественны. Они сохранили самые строгие нравы, точно так же как сохранили святыню предания своего воинственного происхождения. За веру, закон и честь они го-

32 Военно-статистический сборник на 1868 год. Вып. II: Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 192–194.

33 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 17.

34 Там же. С. 194.

35 Там же.

36 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 194–195.

37 Так в тексте.

38 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 16об.

товы страдать и умереть. Они могут переносить и голод, и холод, и невыносимую жару, и самые тяжелые работы, которые не обходят их благодаря системе и политике оттоманского управления. Взамен этих качеств они очень суеверны, беспрестанно в своих изречениях употребляют брань и ругательства»³⁹.

Далее консул ведет речь об устройстве Герцеговины. С 1865 г., после проведения административной реформы, она вошла в состав Боснийского вилайета в качестве одного из санджаков, во главе с мутесарифом (губернатором. — *К. М.*) под высшим начальством вали (генерал-губернатора). Стольным городом Герцеговины являлся Мостар. В составе санджака было 10 нахий (уездов). Во главе всех нахий, кроме Требиньской (управлялась каймакамом), стояли мудирь. Кудрявцев дает краткое описание каждой нахии и ее особенностей.

Сомнительно, что консул мог лично посетить все уголки Герцеговины. Для совершения таких поездок ему было бы необходимо заручиться специальным разрешением российского МИД. Скорее всего, нужные сведения он получил в Мостаре. Представим основные данные о герцеговинских нахиях в форме таблицы.

Таблица 2. Герцеговинские нахии в 1866–1867 гг.

нахия (уезд) / главный город	рассто- яние от Мостара	границы	условия для земле- делия	население	примечания
Мостар- ская / Мостар	–	Столац- кая, Лю- бушская нахии, Босния (Дувнян- ская нахия)	Есть пло- дородные поля. Вы- ращивают виноград, рис, смокву, гранаты, оливки, табак	Право- славные, католики, мусульмане (в Мостаре ок. 20 000 чел.)	В Мостаре находятся: губернатор, начальник войск со шта- бом, военно- судная ко- миссия, пра- вославный митрополит, католический епископ, муфтий и кади,

39 Там же. Л. 17.

					российское консульство, австрийское вице-консульство, французское агентство. Монастырь Житомир-личи
Столацкая / Столац	6 часов езды	Далмация, Требиньская и Мостарская нахии	Есть несколько плодородных полей	Православные, мусульмане, католики	–
Любушская / Любушки	6 часов езды	Далмация, Мостарская нахия, Босния (Ливнянская, Дуванская нахии)	Горы и долины	1 181 православных домов. 200 мусульманских домов в Любушках	Православные монастыри Завала и Добричево
Требиньская / Требине	18 часов езды	Далмация, Столацкая, Невесиньская, Никшицкая нахии	Гориста и неплодородна	3 000 человек в Требине	Православные монастыри Дужи и Косиерово
Невесиньская / Невесине	6 часов езды	Требиньская, Мостарская, Столацкая нахии	Покрыта скалами, неплодородна	Православные, немного мусульман. 383 православных дома в нахии. 150 мусульманских и несколько православных домов в Невесине	–

Никшичская / Никшич	28 часов езды	Требиньская, Невесиньская нахии, Черногория, Скутарский вилайет	Покрыта каменными горами, неплодородна	Преобладает православное население. 835 православных домов	–
Гаточская / Гацко	17 часов езды	Черногория, Албания	–	Мусульман меньше, чем православных. 1 885 православных домов	Православные монастыри: Пива, Биела. Племена: рудинцы, пивляне, дробняки, шаранцы (не признают власти османской империи)
Колашинская / Колашин	–	Гаточская, Фочанская нахии, Черногория	Гориста и неплодородна	Преобладает православное население	Православный монастырь Доволя
Фочанская / Фоча	24 часа езды	Колашинская нахия, Босния (Сараевская, Чайницкая, Вышеградская нахии)	плодородна	Православные, мусульмане. 10 000 жителей в Фоче	4 церкви, православная школа
Неретвинская (Коницкая) / Кониц	12 часов езды	Мостарская, Фойникая нахии, Босния (Рамская нахия)	–	–	–

Все представленные в очерке сведения явно были ориентированы на широкого читателя. Большое внимание консул уделяет тяжкому положению православных жителей края и при любой возможности пытается подчеркнуть их духовную и историческую связь с Россией. Например, говоря о Мостаре, он упоминает о мужской и женской школах, основанных на русские деньги, а также о строящейся в городе православной церкви, «на которую в России монахом Чокорилом⁴⁰ (Чокорило. — К. М.) было собрано до 10 тысяч рублей»⁴¹. Относительно мужской школы Кудрявцев немного лукавит. Она работала много лет и основана была стараниями местной православной общины. О миссии же Прокопия Чокорило хорошо известно. В 1858–1860 гг. он находился в России, и ему удалось собрать значительную сумму денег для строительства большого православного собора Святой Троицы в Мостаре⁴². О неудачах в реализации проекта в очерке Кудрявцев умалчивает. Об этом мы узнаем из его донесения 1867 г. российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву⁴³. Чокорило неграмотно распорядился средствами, их хватило лишь на возведение стен, при строительстве которых была допущена конструкторская ошибка. «На горé ныне величественно стоят четыре стены, указывая народу на его несостоятельность, бессилие, невежество», — сообщал консул в донесении начальству⁴⁴. Кроме того, Кудрявцев упоминает еще об одной деревянной церквушке, воздвигнутой в здании женской школы на средства, пожалованные русской императрицей Марией Александровной. Говоря о монастыре Житомысличи (Мостарская нахия), консул отмечает, что он известен в России благодаря настоятелю Серафиму Перовичу, который в 1865 г. совершил поездку в Москву и Санкт-Петербург для сбора средств на постройку нового храма и открытие семинарии⁴⁵. Несколько раз упоминаются события начала XIX в., связанные с русско-турецкой войной 1806–1812 гг.: осада черногорцами и русскими войсками крепости Никшич⁴⁶, кровопролитный бой у крепости Клубук (Гаточская

40 Так в тексте документа.

41 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 17об.

42 Подробнее см.: Мельчакова К. В. Босния... С. 207–216.

43 АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1867. Д. 2053. Л. 73–75.

44 Там же. Л. 73об.–74. Строительство храма удалось завершить в 1873 г.

45 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 18об.–19. Подробнее о поездке С. Перовича в Россию см.: Мельчакова К. В. Босния... С. 216–221.

46 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 20.

нахия) в 1806 г.⁴⁷ Есть также сведения о пожаловании Александром I средств монастырю Пива (Гаточская нахия)⁴⁸.

История

Самая маленькая часть очерка — «История». Слабость этого раздела консул объясняет отсутствием источников, особенно это касается периода между 1483 и 1830 гг. Причиной этого, по мнению консула, послужили «магометанская беспечность, беспорядок и отсутствие всякого понимания в ведении и сохранении писем и исторических преданий»⁴⁹.

Для описания доосманского периода истории Герцеговины (до 1482 г.) Кудрявцев использовал труды Константина Багрянородного и Мавро Орбини. Говоря о периоде 1483–1831 гг., консул лишь отмечает, что Герцеговина была соединена с Боснией и подчинялась травницкому паше. Затем повествование продолжается с 1832 г. В очерке кратко изложена история борьбы за независимость Герцеговины, упоминается о деятельности Али-паши Ризванбеговича и умирении края Омер-пашой Латасом в 1850 г. Завершается раздел краткой характеристикой современного консулу положения: «История последних годов известна. Герцеговина орошалась кровью и заодно с Черногорией пережила тяжкую эпоху в своем существовании. Она, ныне, при разорении и опустошении своем, при всех неправдах, которые не иссякают вследствие многих и весьма известных причин, живет верой и надеждой в лучшее будущее. Если не славяне-мусульмане, то, конечно, все христиане, православные [и] католики, с трепетом радости и бьющегося сердца, усматривают восходящую зарю зардевшего славянского солнца»⁵⁰.

Примечательно, что Кудрявцев практически ничего не говорит об османской политике в Герцеговине. А ведь именно в это время в регионе проводились реформы⁵¹.

Общий обзор торговли, промышленности и путей сообщения в Герцеговине в 1866 г.

Это последняя и самая большая часть очерка. Здесь выделяется несколько подразделов: а) торговые отношения; б) пути сообщения; в) ввоз; г) вывоз; д) заключения.

47 Там же. Л. 20.

48 Там же. Л. 20об.

49 Там же. Л. 21–21об.

50 Там же. Л. 24.

51 *Aličić S.A. Uređenje...*

В сопроводительной записке Кудрявцев обращал внимание начальства на недостатки обзора: «Слабость и, может быть, не совсем полная и отчетливая передача и группировка сюжетов в торговом отделе проистекает более оттого, что мы, русские консулы, не имеем перед собой ни печатных, ни литографированных торговых отчетов и рапортов, представляемых в императорское министерство»⁵². При французском и итальянском МИД ежегодно издавался журнал с торговыми рапортами консулов. Кудрявцев предлагал ввести такую же практику и в России.

Консул отмечает, что торговля в Герцеговине самая незначительная и нет никаких условий для ее развития: народонаселение разбросано небольшими «кучками», промышленность отсутствует, земледелие ведется по «допотопной системе», а «скотоводство, составляющее самое главное богатство страны, представляется в том самом виде, какой оно должно было иметь во времена библейские»⁵³.

Цифры в очерке Кудрявцев приводит то в рублях, то в пиастрах. По его данным, на 1866 год торговый оборот составил 1 458 898 руб.: ввезено товаров было на сумму — 873 773 руб., а вывезено — 585 125 руб. Ввозная торговля стала превышать вывоз только в 1857 году, когда Порта увеличила число своих войск в Герцеговине⁵⁴.

Так как данные, собранные Кудрявцевым, могут представлять интерес для исследователей, приведем их в форме таблиц.

Таблица 3. Торговые отношения Герцеговины в 1866 г.

торговые партнеры	ввоз из Герцеговины	вывоз в Герцеговину
Триест	кожи, шерсть и воск	колониальные товары, мука, спиртные напитки, мануфактура и др. предметы европейской промышленности
Далмация	скот, немного зернового хлеба, сено и солома, молоко, фрукты и дрова	соль, оливковое масло, соленая рыба, инжир (винная ягода)

52 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 13об.

53 Там же. Л. 24об.

54 Там же.

Босния	вино, табак, фрукты, свежие овощи, сафьяновая кожа, стальные изделия из Фочи	зерновой хлеб, выделанные железо и медь, свинец, мужская и женская обувь, позументы, седла, хомуты, уздечки, константинопольские и румелийские изделия
Черногория (самая незначительная торговля)	дрова, фрукты, овощи, молоко	выделанное железо, зерновой хлеб, табак

Основными торговыми центрами Герцеговины являлись Мостар, Фоча, Столац, Кониц, Любушки, Требине и Никшич. Местные купцы торговали только мелкими товарами. В регионе не было ни иностранных торговцев, ни маклеров, ни банкиров. «Большая часть герцеговинских купцов неграмотна, — сообщает Кудрявцев, — редкие из них читают и пишут; самые образованные едва знают написать торговое письмо и как вносить в реестровую книгу актив и пассив своих торговых дел»⁵⁵. По сообщениям консула, промышленность в регионе была самая ничтожная — водяные мельницы производили крупную муку низкого качества. Также в Мостаре, Фоче, Столаце и Конице располагались небольшие кожевенные заводы. На изготовлении стальных изделий специализировались мастера Фочи. В основном это были ножи, кинжалы и ятаганы, выполненные в восточном стиле. Эти товары вывозились в Боснию, Сербию, Валахию и Египет. Практически в каждом доме располагался ткацкий станок, который местные женщины использовали для семейного потребления. В Боснию и Далмацию вывозились ковры, одеяла и шерстяные попоны, выполненные мастерицами Фочи, Гацко и Мостара. В зажиточных городских домах изготавливали простое мыло из известкового пепла с салом для собственных нужд.

Пути сообщения в Герцеговине также не были развиты. По большей части они представляли собой узкие, извилистые, неровные горные тропинки, пройти по которым были способны лишь местные коренастые лошади. Кудрявцев рассказывает о попытках правительства наладить инфраструктуру. Три года как в вилайете шло сооружение дорог. К 1866 г. было окончено строительство нескольких участков: из Мостара в Любушки — время в пути 6 часов, из Мостара в Столац — 6 часов, из Мостара в Меткович — 8 часов. Строилось главное шоссе из Сараева в Мостар, путь по нему длился бы 24 часа. «Если бы этот участок был сооружен, то с ним началась бы для торговли эра обо-

⁵⁵ Там же. Л. 25об.

гашения и благосостояния», — замечает консул⁵⁶. Перевозка людей и тяжестей осуществлялась на вьюках. Только в 1864 г. стали ездить несколько телег между Мостаром, Столацем и Метковичем.

Как уже говорилось выше, в Герцеговине преобладала ввозная торговля. В основном поставлялись товары австрийских фабрик, на которых производились даже фески, популярные у всех жителей края. Бóльший объем торговли шел через Триест.

Таблица 4. Предметы ввоза в Герцеговину за 1866 г.

товар	откуда	стоимость	примечание
Строевой лес	Триест	37 коп. за длинную доску; 62 коп. за длинную доску с учетом доставки в Герцеговину	В Герцеговине не было ни одной лесопилки
Зерновой хлеб	Босния, Триест, Константинополь, Салоники	270 833 руб. за 2 000 000 ок ⁵⁷ муки и 1 500 000 ок кукурузы, 1 500 000 ок ячменя, 500 000 ок пшеницы	В Герцеговине преобладали каменистые и неплодородные почвы, из-за чего не было возможности обеспечить хлебом все население региона, а также размещенные там правительственные войска
Рис	Италия	39 583 руб. за 315 000 ок	Закупки риса увеличились для содержания солдат (на каждого полагалось по 28 ок в год)

⁵⁶ Там же. Л. 260б. На 1869 г. строительство этого шоссе еще не было завершено. В упомянутой в тексте записке Н. А. Иларионова сообщается, что строительство путей сообщения продвигалось очень медленно, а их качество оставляло желать лучшего. К этому моменту были окончены работы над дорогами Мостар — Благай (8 часов пути) и Требине — Билеч (6 часов пути). См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 199. Строительство дорог было тяжелой ношей для простого населения Герцеговины. См., например: Там же. С. 96–99.

⁵⁷ Окка или око — османская мера веса, равная примерно 1,3 кг.

Колониальные товары: свекловичный сахар, кофе, перец, корица, гвоздика, имбирь, швейцарский, итальянский и голландский сыры, сосиски и колбасы, маринованные оливки и сардины и другие консервы	Триест	Цены в Мостаре: сахар — 35–40 коп. за око; кофе — 68 коп. за око	Сыры и колбасы в основном покупали иностранцы и обеспеченные мусульмане
Хлопок из Манчестера (в виде шерсти и в прядах)	Триест	1 руб. 50 коп. — 2 руб. 50 коп. за око (пряди)	—
Белые и цветные ткани (английские фабрики)	Триест	105 000 руб. за год	—
Кожа	Сараево	—	—
Москательные товары (бытовая химия): квасцы, купорос, индиго, селитра, сандал	Триест	—	—
Свежие и сухие фрукты: лимоны и апельсины; смирнский и коринфский (коринка) изюм, финики, инжир (винная ягода, смоква)	Триест, Далмация	10 000 руб. за 57 000 ок	—
Тесьма, золототканая лента (галуны и позументы)	Венские и моравские фабрики	3 000 руб. за 1866 г.	—
Оливковое масло	Далмация	7 500 руб. за 15 000 ок	—

Шерсть: кашемир, фланель, дамаск	–	1 575 руб. за 1866 г.	–
Сукно (зеленое, красное, синее и фиолетовое)	Австрийские фабрики	9 200 руб. за 1866 г.	–
Фески	Австрийские фабрики	54 000 руб. за 144 000 фесок	–
Металлы: английская и австрийская сталь, английское железо	Триест	3 500 руб. за 25 000 ок стали; 18 000 руб. за железо	Увеличение закупок в связи с постройкой укреплений
Выделанная медь	Триест, Сараево	7 560 руб. за 5 000 ок из Триеста и 2 500 ок из Сараева	–
Олово	Триест	450 руб. за 500 ок	–
Свинец	Сараево	150 руб. за 10 000 ок	–
Галантерея: серебряные браслеты, кольца, посуда, часовые цепочки	Доставка с австрийских, итальянских и швейцарских фабрик	2 500 руб. за 1866 г.	Для небольшой прослойки зажиточных жителей Герцеговины
Повозки и телеги: 1 карета и 6 телег	Триест	–	Для акционерного общества, намеревавшегося заменить вьючный транспорт. Дороги оказались непригодны. Курсировали лишь две телеги между Метковичем и Мо-старом ⁵⁸
Глиняная посуда: фаянс и фарфор	Триест	–	Покупалась османскими чиновниками и иностранцами
Бумага: белая, серая, оберточная, папиросная	Австрийские фабрики	1 500 ок за 1866 г.	–

58 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 30об.

Соленая рыба: треска, сардины (сардели)	Триест, Далмация	2 руб. 40 коп. за бочонок в 100 фунтов (45 кг). 2 500 ок. за 1866 г.	—
Мыло (кандийское)	Триест	35–40 коп. за око. В 1866 г. закуплено на 32 000 ок	—
Соль	Далмация	2 руб. 40 коп. за 1 000 ок. В 1866 г. закуплено 1 200 000 ок	—
Стеклопосуда	Австрийские заводы	3 500 руб. за 30 000 ок	—
Спиртные напитки: ром, водка	Триест	87 500 руб. за 350 000 ок	В основном водка закупалась мусульманами ⁵⁹

Что касается экспорта, то он был небольшим. Значительная часть товаров отправлялась в Далмацию, Боснию и Черногорию. Особенно ценились маленькие, но крепкие, легко переносящие холод и жару герцеговинские лошади. На рынке Триеста в ходу были герцеговинский воск и шкуры лесных зверей. Штучным и необычным товаром являлся герцеговинский шелк. Об этом неожиданном промысле консул писал следующее: «Женщины разводят незначительное количество шелковичного червя, считая это занятие скорее развлечением, соединяющим приятное с полезным, чем прибылью и доходом»⁵⁹. Остальные данные о вывозной торговле, собранные Кудрявцевым, представим в виде таблицы.

Таблица 5. Предметы вывоза из Герцеговины за 1866 г.

товар	куда	всего в Герцеговине	прибыль
Крупный рогатый скот	Далмация	60 000 голов	200 000 руб. за 10 000 голов
Овцы и козы	Далмация	600 000 голов (250 000 — козы, 350 000 — овцы)	1/5 часть на продажу. 1 коза /овца –2 руб.

⁵⁹ Там же. Л. 32об.–33.

⁶⁰ Там же. Л. 31об.

Лошади, ослы и мулы	Далмация, Черногория	14 000 лошадей, 500 мулов и 15 000 ослов	25 000 руб. за 550 голов. Средние цены: вьючная лошадь — 50 руб.; мул — 75 руб.; осел — 10 руб.; верховая лошадь — 75–150 руб.
Зерновой хлеб и рис	Далмация, Черногория	Ощущается недостаток этих товаров в самой Герцеговине	Из пограничных округов вывезено 70 000 ок (рис, кукуруза, пшеница)
Воск	Триест	14 000 ок приготовлено в 1866 г.	12 000 ок Стоимость в Мостаре: 1 руб. 50 коп. за око
Кожи	Босния	17 000 ок выделано в 1866 г.	Продано 5 000 ок
Свежие фрукты	Босния	—	Продано 400 000 ок
Шерсть	Триест	300 000 ок произведено в год	37 500 руб. за 100 000 ок
Сырые воловьи, козы и бараньи кожи	Триест	255 000 ок произведено в 1866 г.	17 000 руб. за 150 000 ок
Звериные кожи: заячьи, лисичьи, волчьи, медвежьи и куньи	Триест	—	20 000 руб. за 2 500 ок
Шелк	Далмация	Добыто 600 ок	130 ок продано
Вино	Босния	2 560 000 ок произведено за 1866 г. в Конице, Любушках, Требине, Мостаре, Столаце	250 000 ок продано
Табак ⁶¹	Босния	1 520 000 ок произведено за 1866 г.	25 000 ок вывезено. Стоимость в Мостаре: 1 руб. за око

⁶¹ Требиньский табак считался одним из лучших в Османской империи.

В заключении к этому разделу Кудрявцев делает три очевидных вывода⁶²:

1. Монархия Габсбургов держит в руках всю герцеговинскую торговлю.

2. Герцеговина в торговом отношении очень отсталая область, но обладает большим потенциалом (скотоводство, лес, виноградарство и шелководство).

3. В Герцеговину не проникают никакие русские товары, ибо русский торговый флаг не виден на Адриатике.

* * *

Таково основное содержание очерка А. Н. Кудрявцева. Исходя из представленных консулом материалов о Герцеговине, можно предположить, что книга «Турецкая империя» была адресована широкому кругу читателей в России и должна была поведать о тяжком положении родственных славянских народов. В каком виде были опубликованы собранные Кудрявцевым сведения, неизвестно. Тем не менее доступный исследователям архивный материал представляет большой интерес и может быть особенно полезным при попытках разобраться в причинах многочисленных волнений в Герцеговине. Перед консулом стояла достаточно сложная задача, так как за короткий срок требовалось собрать большое количество сведений о крае, перемещение по которому было достаточно затруднительным. Не имелось у него и опыта в составлении работ такого жанра. Безусловно, очерк часто грешит необъективностью. Кудрявцев рисует довольно положительный образ православных герцеговинцев, что противоречит его собственным суждениям во многих официальных донесениях. Оценки же османского управления краем исключительно негативные. Однако можно констатировать, что дипломату удалось составить краткую справку о регионе, в которой отражены его проблемы и достоинства. Завершить статью хотелось бы строками самого Кудрявцева из сопроводительного письма к очерку: «Я должен сознаться, что при желании моем дойти если не до безукоризненного, то до терпимого выполнения сего труда я постоянно находился в распре с робостью и неопытностью»⁶³.

62 АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. V–A2. Д. 621. Л. 33об.–34.

63 Там же. Л. 13об.–14.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)

Бобриков Г. И. Очерки Герцеговины // Военный сборник. 1875. Т. 105. № 10. С. 375–413.

Военно-статистический сборник на 1868 год. Вып. II: Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб.: В Военной тип., 1868. 312 с.

Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: В Тип. Имп. Академии наук, 1859. 694 с.

Григорьев Б. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 519 с.

Југословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског. 40.–80. године XIX века / отв. ред. С. Терзић. Т. II. Књ. 1. Београд: Институт историје, 1989. 376 с.

Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1971. 236 с.

Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.

Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.

Мельчакова К. В. Очерк «Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях» российского консула А. Н. Кудрявцева / Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хананова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 37–42.

Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах / отв. ред. И. А. Федосов. М.: Издательство Московского университета, 1960. 362 с.

Олюнин С. В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 130 с.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864: Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. 495 с.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875: Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. 467 с.

Пахомова Л. Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с.

Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Составил по поручению министра иностранных дел М. Никонов. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1869. 1014 с.

Тенић И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.

Aličić S. A. Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine. Sarajevo: Orijentalni Institut u Sarajevu, 1983. 199 s.

Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvetefendije. Banja-Luka: Besjeda, 2011. 103 s.

Radušić E. Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo: Institut za istoriju, 2013. 259 s.

Šljivo G. Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštača. Tešanj: Planjax, 2008. 764 s.

References

Aličić, S. A. *Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine*. Sarajevo: Oriental Institute in Sarajevo, 1983, 199 p.

Grigoriev, B. *Povsednevnaia zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2010, 519 p.

Kondratieva, V. N. *Russkie diplomatičeskie dokumenty ob agrarnykh otnosheniakh v Bosnii i Gertsegovine (60–70-e gg. XIX v.)*. Moscow: Nauka, 1971, 236 p.

Kudriavtseva, E. P. *Ministerstvo inostrannykh del Rossii vo vtoroi chetverti XIX veka*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2019, 590 p.

Melchakova, K. V. “Očerok ‘Bosniia v geograficheskom, istoricheskom, etnograficheskom, statisticheskom i torgovom otnosheniakh rossiiskogo konsula A. N. Kudriavtseva.” *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 21–22 maia 2019 g.*, ed. by E. S. Uzeneva, O. V. Khavanova, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2019, pp. 37–42.

Melchakova, K. V. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-političeskoj zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* Moscow: Indrik, 2019, 432 p.

Nikitin, S. A. *Slavianskie komitety v Rossii v 1858–1876 godakh*. Moscow: Moscow State University Publ., 1960, 362 p.

Oliunin, S. V. *Bosniiskii éialet v kontse XVIII — 70-kh gg. XIX stoletia: osmanskii opyt modernizatsii traditsionnogo obshchestva*. Moscow: Academy of Humanitarian Studies, 2006, 130 p.

Pakhomova, L. Iu. *Balkanskiy lakmus. Avstro-venegerskaia politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiiskaia diplomatiia (1878–1908)*. Moscow: Indrik, 2021, 288 p.

Pasko Vasa-efendija. *Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvet-efendije*. Banja-Luka: Besjeda, 2011, 103 p.

Pisarev, Iu. A., Ekmechich, M., editors. *Osvoboditel'naia bor'ba narodov Bosnii i Gertsegoviny i Rossii. 1850–1864. Dokumenty*. Moscow: Nauka, 1985, 495 p.

Pisarev, Iu. A., Ekmechich, M., editors. *Osvoboditel'naia bor'ba narodov Bosnii i Gertsegoviny i Rossii. 1865–1875. Dokumenty*. Moscow: Nauka, 1988, 467 p.

Radušić, E. *Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. Godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije*. Sarajevo: Institute of History, 2013, 259 p.

Šljivo, G. *Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštača*. Tešanj, Planjaj, 2008, 764 p.

Tepić, I. *Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima: (1856–1878)*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1988, 586 p.

Terzić, S., editor. *Jugosloveni i Rusija. Dokumenti iz arhiva M. F. Rajevskog. 40.–80. godine XIX veka*, vol. 2, iss. 1. Beograd: Institute of History, 1989, 376 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.03

Melchakova K. V.

Herzegovina in the “Turkish Empire”.

The Russian Consul A. N. Kudryavtsev about the life of the region in the 1860s

Ksenia V. Melchakova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kmelchakova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6011-5841

Citation

Melchakova K. V. Herzegovina in the “Turkish Empire”. The Russian Consul A. N. Kudryavtsev about the life of the region in the 1860s // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 50–75 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.03

Received: 05.07.2021.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research and National Science Foundation of Bulgaria, project no 20-59-18004.

Abstract

The present article dwells upon an unpublished essay about the Ottoman province of Herzegovina in the 19th century. The author of this text is a Russian consul in Mostar Alexei N. Kudryavtsev. The essay was written in 1867 and probably should have been included into the book “The Turkish Empire”. There are several evidences about the existence of this book, however it has not been found yet. Kudryavtsev’s essay embraces a wide range of problems of Herzegovina in the 19th century. It deals with the geography, ethnography and statistics, history of the region, as well as provides a general overview of trade, industry and communication routes in Herzegovina in 1866. The text is stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and is being published for the first time. Kudryavtsev’s essay tells us about the situation in Herzegovina and its problems. The consul gives a brief description of each area of Herzegovina. The description of trade relations is particularly important. The Consul provides a detailed list of imported and exported goods with an indication of their value. The article might be of interest to researchers focusing on the history of Bosnia and Herzegovina, on the activities of the Russian Foreign Ministry, and on the economic history and ethnography of the Balkan peoples.

Keywords

The Russian Consulate in Mostar, the Russian Foreign Ministry, the Hercegovinians, the Bosnian Vilayet.

Штурм Троянского перевала 26 декабря 1877 г. и болгары: историографические мифы и реальность

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. Штурм Троянского перевала 26 декабря 1877 г. и болгары: историографические мифы и реальность // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 76–97. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.04

Статья поступила в редакцию 23.03.2021.

Аннотация

В статье рассматривается взятие 26 декабря 1877 г. Троянским отрядом под командованием генерал-лейтенанта П. П. Карцова турецкого укрепления «Орлиное гнездо» или «Курт хисар» (постурецки «Волчья крепость»), построенного на вершине труднодоступного Троянского перевала. Скрупулезное изучение комплекса опубликованных источников выявляет более сложную картину взаимодействия русских и болгар, чем было представлено в марксистской историографии. Обещания болгарского населения оказать русским значительную помощь (предоставить 200 вьючных лошадей, 400 рабочих и т. п.) историками-марксистами выдавались за свершившийся факт, но на самом деле болгары и за высокую плату не выполнили ответственно и сполна своих обязательств согласно достигнутой договоренности. Надежды на реальное содействие болгарских чет во время сражения Троянского отряда с турецким гарнизоном оказались напрасными: за исключением нескольких смельчаков, подавляющее большинство четников лишь присутствовали, находясь в тылу. Карцов, как приятное между болгарам исключение, назвал только два лица, оказавших неоценимые услуги: это настоятель Троянского Успенского монастыря архимандрит Макарий и старшина Троянского окружия Георгий Попов. Нельзя обойти добрым словом и болгар-проводников, которые в тяжелейших условиях не отказывались вести

русские отряды по заснеженным тропам суровых Балкан, а также тех болгар, которые вместе с русскими солдатами впрягались для подъема пушек на Троянскую кручу.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Троянский перевал, Троянский отряд, болгарские четы, П. П. Карцов, В. В. Крестовский, В. А. Сухомлинов.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. памятна своими сражениями и героизмом русских воинов. Штурм турецкого форпоста на Троянском перевале в конце декабря 1877 г. относится «к числу наиболее удачно подготовленных» действий русских войск и является «блестящим примером владения тактикой горной войны»¹.

Преодоление Троянского перевала и взятие турецкого укрепления на его вершине достаточно подробно освещены в историографии (К. И. Дружинин, Н. И. Беляев, И. Пейковски, Ц. Генов, Е. Бей и др.). В марксистской и современной болгарской литературе особое внимание уделяется раскрытию фактов содействия болгар русскому отряду в осуществлении этой операции (Н. И. Беляев, Г. Георгиев и В. Топалов, А. А. Улуян, В. И. Виноградов, И. Пейковски, Ц. Генов, Н. Кунчева, К. Косев, Ст. Дойнов и др.). Однако скрупулезное изучение воспоминаний участников этого похода, в первую очередь мемуаров генерал-лейтенанта П. П. Карцова (1821–1892), начальника 3-й пехотной дивизии и начальника Троянского отряда, а также опубликованных документов в многотомном «Сборнике материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» выявляет более сложную картину взаимодействия русских и болгар.

После падения Плевны 28 ноября² 1877 г. русским войскам предстояло совершить невероятный подвиг — зимой с боями преодолеть Балканы. Благодаря серии рекогносцировок, проведенных подполковником Генерального штаба В. А. Сухомлиновым в ноябре, были исследованы несколько горных троп через Троянские Балканы и было установлено, что в зимнее время из-за того, что снег забил щели между камнями, стал возможен проход через Троянский перевал (1525 м),

¹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 338.

² Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

один из самых высоких и труднопроходимых. Местные горцы называли его «Дери-магаре», т. е. «гибель ослов», даже наиболее выносливые животные не выдерживали трудностей Троянского подъема и гибли, не достигая его скалистой вершины³, — пояснял военный корреспондент штаб-ротмистр В. В. Крестовский, ординарец Карцова. На господствующем пике «Орлиное гнездо» (по-турецки «Курт хисар», т. е. «Волчья крепость») была построена крепость, и туда вели две дороги — от Троянского монастыря и из г. Трояна.

На совещании, состоявшемся в Главной квартире Дунайской армии 12 декабря, было принято решение о переходе отряда Карцова (около 6 тыс. человек) через Балканы от Трояна к с. Теке (совр. Хр. Даново) и Кырнаре в одно время с общим движением вперед генерал-лейтенанта И. В. Гурко на западе (72 тыс. человек) и генерал-лейтенанта Ф. Ф. Радецкого с Шипки (48 тыс. человек), чтобы «одновременным ударом уничтожить Софийскую группировку Балканской армии Турции»⁴.

Разведка (добровольно вызвавшиеся казаки и стрелки — в русской армии того времени их называли охотниками, — переодетые в гражданскую одежду местных жителей, и «испытанные болгары»), посланная Карцовым 12 декабря за Балканы к Калоферу, Карлово, Сопоту и Кырнаре, доставила сведения о силах турок на южной стороне Балкан⁵. 15 декабря Карцов направил на рекогносцировку Троянского перевала отряд, которым руководили подполковник Сухомлинов и подполковник Генерального штаба Ю. А. Сосновский, начальник штаба 3-й дивизии. Им необходимо было также «назначить сборные пункты для болгарских охотников (четников) и передать начальникам чет составленную для них инструкцию»⁶. (К сожалению, мы не располагаем текстом указанной инструкции.) Гужевой путь доходил только до маленькой горной деревушки — Княжевицкие Колибы (Кнежа, ныне Балканец)⁷, а далее

³ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб., 1879. Т. 2. С. 399.

⁴ *Бей Е.* Взятие Троянского перевала: малоизвестные подробности русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. София, 2018. С. 100.

⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб., 1905. Вып. 40. С. 187–188, 189.

⁶ *П. К. [Карцов П. П.]*. Исследование и взятие с боя Троянского перевала на Балканах // Военный сборник (далее — ВС). 1879. Т. 125. № 1. С. 16.

⁷ Колиба (болг.) — хижина, шалаш, домик. Колибами назывались горные деревушки.

транспортировка продовольствия и боеприпасов должна была производиться на вьючных лошадях (вьюках). Офицерами была достигнута договоренность с местными болгарскими-горцами, которые обещали для русского отряда ежедневно давать 200 вьюков и «для подъема орудий сколько понадобится буйволов». Они также заверили Сухомлинова в том, что можно рассчитывать «на 400 рабочих из горцев» для разработки пути и для расчистки сугробов и заносов. Подполковник доложил Карцову о том, что отряд нельзя было прокормить из «местных средств» «по неимению у горцев никаких запасов, но фуража достаточно»⁸.

19 декабря главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, основываясь на результатах этой рекогносцировки, поставил перед генерал-лейтенантом Карцовым, командиром Троянского отряда, перформированного из Ловче-Сельвинского отряда, задачу отвлечь на себя неприятеля от Шипки и тем облегчить общее наступление генерала Радецкого и фланговых его отрядов — генерал-лейтенанта князя Н. И. Святполк-Мирского и генерал-майора М. Д. Скобелева. «Удастся перейти — честь и хвала, а нет — демонстрируй, но работай усердно»⁹, — сказал великий князь, отпуская Карцова из своей юрты.

Наступление Радецкого было намечено на 27 декабря. Шипку и Кырнаре, где предстояло спуститься Троянскому отряду, разделяло более 70 верст, поэтому, чтобы действительно отвлечь от Шипки турецкие таборы (батальоны), следовало начать движение в горах раньше генерала Радецкого. Троянский отряд выступил поэтому 23 декабря в составе около 5300 человек и одной 9-фунтовой артиллерийской батареи тремя эшелонами. В первый эшелон входили три болгарские четы — примерно 1 тыс. человек¹⁰.

Для обеспечения отряда продовольствием, в первую очередь сухарями, в Княжевицких Колибах был устроен склад, куда из Ловчи (ныне Ловеч) на полковых телегах 10-го пехотного Новоингерманландского полка и 10-го стрелкового батальона завезли сухарей на 6 дней. Кроме того, каждый солдат нес с собой сухарный запас на 4 дня. Ежедневное потребление отряда составляло 350 пудов¹¹ сухарей¹².

Удивление (по меньшей мере) вызывает утверждение болгарского историка Н. Кунчевой, в распоряжении которой были воспоминания

8 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 16.

9 Там же. С. 17.

10 Газенкамф М. Мой дневник. 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 303.

11 1 пуд = 16,380496 кг.

12 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 20–21.

П. П. Карцова, что именно население с. Кнежа, т. е. Княжевицких Колиб, проявило «особенное усердие»: оно собирало зерно, молотило, пекло хлеб и сушило сухари, подготовив на складе продовольствие на шесть дней¹³. Данный склад сухарей и продовольствия выдавался за яркий пример проявления экономической помощи болгарского народа. Однако это не так.

Главкомандующий в приказе от 17 октября предписал генералу Карцову создать запас продовольствия на случай длительной осады Ловчи, прибегая «к самым энергическим мерам, забирая его через интенданта как от турецкого населения, так и от болгар»¹⁴. Карцов решил обратиться к реквизиционному способу. Ловченский окружной начальник подполковник Спокойский-Францевич считал, что «нет надобности прибегать к реквизиции, потому что жители округа подлежат десятинному сбору в пользу казны, и потому не только десятая часть урожая может служить для образования запаса на случай осады, но и вместо денежной подати можно потребовать взноса зерна и фуража». Огромные цифры в ведомости «о количестве всего, что может быть свезено с округа в Ловчу в течение месяца», заставляли Карцова сомневаться: «одной пшеницы было обещано 40 000 четвертей и до 50 000 пудов сена»¹⁵.

В первые дни своз зерна шел довольно успешно, но через неделю его поток существенно сократился. Спокойский-Францевич указывал на дефицит подвод в округе. Генерал-лейтенант вытребовал из сельвинского округа до 100 подвод, которые в течение четырех дней подвезли до 4000 пудов сена, но затем поставки сена прекратились. «Замечательно, — подчеркивал Карцов, — что все эти подводчики были турки, жители деревень, не эмигрировавших при приближении русских войск»¹⁶.

Таким образом, к 5 октября 1877 г. на склад в качестве десятинной подати поступили 4000 пудов пшеницы, 600 пудов ржи, 450 пудов овса и 4000 пудов сена. «Всё это не составляло и десятой части того, что было обещано, и громадное количество хлеба пропало для войск»¹⁷, —

13 Кунчева Н. Участието на населението от Ловешкия край в руско-турската война от 1877–1878 гг. // Известия. Исторически музей. Ловеч. 1995. Т. 1. С. 101–102.

14 СМ. Вып. 40. С. 24–25.

15 Карцов П. П. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 5. С. 333.

16 Там же. С. 334.

17 Там же.

замечал Карцов. А за Балканами турки спешно смогли собрать весь десятинный сбор с болгарского населения¹⁸. Таким образом, в данном случае и для данного района Болгарии утверждения болгарских историков о полной готовности болгарского населения помочь своим освободителям в деле сбора десятинного налога и реквизиций оказываются неверными¹⁹. Причем с трудом собранные зерно и сено (при этом в недостаточном количестве) П. Ст. Горанов представлял читателю как выражение отзывчивости населения²⁰. И современный болгарский исследователь Ю. Кузманов в этом вопросе придерживается метода своих предшественников — не замечать «неприятной» информации; приводя сведения о свезенном зерне и сене, он умалчивает, что это была лишь десятая часть того, что следовало доставить на случай длительной осады города²¹.

Наполняя закрома зерном и фуражом на случай осады Ловчи, генерал Карцов также старался решить проблему с ежедневным обеспечением продовольствием своей бригады: «Были дни, что полки, выдав последние сухари, не знали, привезут ли их к завтраму»²². Дело в том, что с 1 октября доставка интендантами сухарей и крупы в Ловчу стала неаккуратной, а с 1 ноября и вовсе прекратилась. Карцов тогда сделал представление начальнику полевого штаба генерал-адъютанту А. А. Непокойчицкому об отпуске взамен сухарей денег на покупку зерна, которое «собственным попечением войска» будет перемолачиваться в муку, а затем из нее будет выпекаться хлеб. Главкомандующий разрешил, и дивизионный интендант подполковник Исаков немедленно получил авансом 8000 руб. «С этих пор и до самого выступления за Балканы Ловче-Сельвинский отряд не знал ни малейших затруднений по провиантскому довольствию»²³, — подчеркивал Карцов.

18 *Горанов П. Ст.* За материалната помощ, оказана от българското население на руските войски през освободителната война // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 128.

19 *Хаджиниколов В.* Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София, 1958. С. 285; *Горанов П. Ст.* За материалната помощ... С. 134.

20 *Горанов П. Ст.* За материалната помощ... С. 133.

21 *Кузманов Ю.* Ловеч в руско-турските войни през XIX век. Ловеч, 2019. Ч. 2. 1877–1878. С. 268.

22 *Карцов П. П.* Воспоминания участника... С. 334.

23 Там же. С. 335.

В счет суммы 8000 руб. дивизионный интендант нанял двух «сметливых и распорядительных болгар», знавших все окрестные села. К каждому из них придавались по два унтер-офицера и по два казака, и, таким образом, образовались две партии закупщиков хлеба в зерне — пшеницы, кукурузы, ржи и ячменя. Продавцам выдавался задаток, а по доставке зерна в Ловчу производился окончательный расчет. «В течение трех недель было закуплено и свезено столько, что продовольствие 5-тысячного отряда могло уже быть обеспечено по 1 февраля»²⁴, — констатировал Карцов. В интерпретации некоторых болгарских историков успех закупок приписывался исключительно деятельности двух болгар — Т. Васильева и Ц. Семкова; при этом авторы забывали указать в своих исследованиях, что те являлись членами закупочной команды, правда, весьма расторопными и осведомленными, и им платили за работу²⁵. Закупленные таким образом зерно и фураж до сих пор интерпретируются как вклад болгарского населения района в пропитание русского отряда²⁶.

В Ловче построили печи в овраге в одну линию на выходе из города (в начале октября работали 10 печей, с 1 ноября — 50²⁷). Здесь посменно день и ночь трудились более 150 хлебопек (русских солдат), для которых были сооружены два теплых балагана-землянки и два склада, один для хлеба, а другой для сухарей. «Все эти постройки, вместе с постоянно действующими печами, представляли вид какого-то подземного завода»²⁸, — отмечал Карцов. Только такое «масштабное» производство (а не жители небольшого поселения — Княжевицких Колиб) смогло обеспечить нужное количество сухарей, доставленных на склад в Княжевицкие Колибы.

Но вернемся к Троянскому отряду. В диспозиции о наступлении колонна под командованием подполковника Сухомлинова обходным движением от Шипково на Рахманли (в четырех верстах от с. Теке) должна была помочь захватить «Орлиное гнездо». Из своих рекогносцировок Сухомлинов знал, что данное направление зимой непроходимо, и тем не менее он сумел добраться до д. Рыбарцы, откуда начался подъем на главный перевал. Пошел снег, «казаки карабкались, хватаясь за камни, за ветви деревьев, покуда вьюга не залепила глаза.

24 Там же. С. 356; СМ. СПб., 1898. Вып. 6. С. 34.

25 См.: Кунчева Н. Участието на населението... С. 101.

26 Кузманов Ю. Ловеч... С. 269.

27 СМ. Вып. 6. С. 34.

28 Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 356.

Проводники отказывались взбираться выше»²⁹, — доносил Сухомлинов Карцову. А в воспоминаниях писал: «Наши болгары не брались быть проводниками». «Не было физических сил пробиваться в снежных сугробах выше человеческого роста», и отряд вернулся в Троян. «Когда я явился к Карцову, тот бросился ко мне со слезами на глазах. Он опасался, что я со своей колонной мог погибнуть»³⁰, — вспоминал подполковник Сухомлинов.

Самая трудная задача выпала 1-му эшелону: проложить дорогу, втащить орудия, «сбить неприятеля» и проч.³¹ 22 декабря войска собрались в Княжевицких Колибах. Очень красочны воспоминания военного журналиста Крестовского. В убогой хатке, где остановился командир 1-го эшелона подполковник Сосновский, вместе с русскими офицерами у пылавшего очага сидели: «почтенный настоятель Троянова монастыря о. Макарий — фигура совершенно иконописная, а также закутанный в бурку, усатый воевода болгарских чет, старый Цеко Петков, по прозвищу “Балканский Орел”, в своем красивом фантастическом костюме, увешанный богатым восточным оружием, и еще управитель Троянского округа Георгий, украшенный георгиевским крестом, как бывший ратник Столетовского ополчения, — личность очень скромная, умная и энергически деятельная: он и болгар собрал в горы для разработки пути, он и фураж доставил в Колибы, и вместе с Сухомлиновым снарядил четы болгарские»³², — писал Крестовский.

Бивак располагался на небольшой горной площадке, где сгущались артиллерия, казачьи сотни, стрелки и болгарские «войники» «в самых разнообразных костюмах, со своим красным крестоносным знаменем». Горели костры, в котлах варилась солдатская каша, «повсюду слышится разнообразный бойкий говор, “братушки” балакают с солдатами и отлично понимают друг друга». Крестовский передал настроение находившихся здесь «болгарских войников», с которыми, вероятно, он сумел поговорить. Болгары были в восторге, «да и как не восторгаться, как не радоваться! Русские — их спасители и братья — переходят Балканы, а вместе с русскими и они, беглецы, опять возвращаются в покинутые места своей родины, но возвращаются уже с оружием в руках, как свободные люди, а не турецкая раба»³³.

29 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 26.

30 Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 38.

31 См. Вып. 6. С. 63.

32 Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 403.

33 Там же. С. 404–405.

На рассвете эшелон тронулся вверх: 10-й стрелковый батальон, рота саперов при двух орудиях, в хвосте следовали пехота и казаки. Однако оказалось, что болгары расчистили только четыре версты тропы, ведшей на перевал, и весьма плохо, так что «саперы должны были беспрестанно останавливаться, то для рубки свалившегося дерева, то для разбивки или спуска в кручу торчащего на пути камня»³⁴, — отмечал Карцов. Г. Котлубей, офицер 30-го Донского казачьего полка, также писал, что четникам «было поручено разработать по мере возможности дорогу в горах и главным образом очистить ее от снега, что было ими исполнено крайне небрежно»³⁵.

Огромных усилий стоил подъем на высоту двух орудий, разобранных на части и уложенных на 16 санях³⁶. Под каждое орудие вместе с двумя зарядными ящиками было запряжено 48 буйволов, его тащили рота пехоты, сотня казаков, в то время как саперы, сбивая камни, срубая деревья, раскидывая снег, расширяли дорогу³⁷. В «Журнале военных действий 3-й пехотной дивизии за время русско-турецкой войны 1877–78 гг.» болгары не упоминались, о них не писал и командир 30-го Донского казачьего полка полковник М. И. Греков, а Карцов в воспоминаниях отмечал, что 23 декабря в подъеме орудий участвовали человек 300 болгар³⁸. Из рассказа Крестовского мы узнаем, как проходил подъем орудия вверх. «В лубки и в салазки, которых всего было восемь, впрягалось по нескольку буйволов, но задача этих животных состояла не в том, чтобы везти, а в том, чтобы только удерживать на месте тяжести, не давая им скатываться вниз, когда люди, запряженные в лямки, выбившись из сил, приостанавливались минутку на подъеме. К каждому салазкам приставлено было по шестидесяти человек четников-болгар, пехотинцев и казаков, которые, чередуясь между собой в две смены³⁹, тащили эти повозки спереди и подпирали их плечами с боков и сзади»⁴⁰.

К полудню шаг за шагом достигли брошенной овчарни, полуразрушенной каменной постройки, бывшей турецким караулом, где

34 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 23.

35 Котлубей Г. Из дневника // СВР. СПб., 1879. Т. 3. С. 597.

36 СМ. Вып. 6. С. 63.

37 Там же. С. 64.

38 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 22–23.

39 Данные о количестве людей, которые тянули салазки с орудиями вверх, в приведенных источниках несколько различаются, но в целом понятно, что этот труд был невероятно тяжелым.

40 Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 405.

по диспозиции должен был находиться перевязочный пункт, т. е. за восемь часов пути преодолели не более девяти верст.

К подножию Троянского перевала подошли в четвертом часу дня. Круто вившаяся по карнизам тропинка требовала чрезвычайного напряжения физических сил стрелков: «от устали в ушах шум, перед глазами красные круги, грудь болит, и каждая мельчайшая вещь кажется страшной тяжестью...»⁴¹. Чтобы протащить вверх орудия, предстояло проложить путь по круче зигзагами. За этот неимоверно тяжелый труд, «для ободрения людей», взялись офицеры Сосновский, Крестовский, Эрнрот и сотник Поцелуев. «По грудь утопая в глубоких снегах, — писал Крестовский, — чуть не на каждом шагу проваливаясь в незримые, запущенные снегом ямины, скользя и падая на гололедице, спотыкаясь о невидимые под снегом камни, мы шли впереди рабочих, в буквальном смысле собственной грудью пролагая дорогу, и в то же время поминутно возвращались назад, чтобы руководить работой болгар и следить за ее исполнением»⁴². Следом за болгарями шли казаки головной сотни и утаптывали путь конскими копытами.

Через три часа отряд достиг вершины первого гребня. Здесь на совещании Сосновский, «вопреки данным ему при отправлении приказаниям»⁴³, предложил командиру 10-го стрелкового батальона полковнику Бородину, не дожидаясь орудий, которые значительно отстали, сделать попытку внезапного ночного нападения. Туман давал возможность скрытно подойти к турецкому укреплению и врасплох овладеть им.

Стрелки и казаки, предводительствуемые несколькими добровольцами из болгар, знакомыми с местностью, двинулись к Орлиному гнезду, вспоминал прапорщик 10-го стрелкового батальона Н. Лешков⁴⁴.

41 *Лешков Н.* Воспоминания участника о действиях Троянского отряда в 1877 году // *ВС.* 1898. № 12. С. 253.

42 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 410–411.

43 Сосновскому было приказано: «занять перевал, если он окажется слабо защищаемым; если же укрепление на перевале окажется сильно занятым, то действовать осторожно, имея в виду демонстративную цель отряда, для отвлечения на себя части сил противника, стоящих против Шипки». В этом случае рекомендовалось занять ближайшие к укреплению высоты и ожидать приближение прочих эшелонов (Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1912. Т. 8. Ч. 1. С. 497).

44 *Лешков Н.* Воспоминания... С. 255.

Именно о нескольких вооруженных болгарях-братушках, выразивших желание идти в первой линии цепи и указывать путь⁴⁵, писал и подпоручик того же батальона, подписавшийся инициалами П. П. Л. Крестовский, не участвовавший в этом бое, отмечал, что впереди отряда шли добровольцы из болгар, человек 50, перемешанные с охотниками из стрелков, затем стрелковый батальон и казачья сотня. Вел их проводник, местный житель, хорошо знавший дорогу к турецкому укреплению, а также ближайший обходный путь и спуски на Теке и Кырнаре. Не успела эта масса людей исчезнуть в непроницаемой мгле, как впереди и несколько влево, на соседней высоте, мгновенно вспыхнуло большое пламя костра, «будто дрова политы какой-нибудь горючей жидкостью»⁴⁶. «Впоследствии оказалось, — констатировал полковник Греков, — что это был предупредительный сигнальный огонь, вследствие чего наши передовые охотники, будучи подпущены к укреплению на самую близкую дистанцию, были встречены сначала отдельными выстрелами, а затем и залпами»⁴⁷.

Взять укрепление «в лоб» оказалось невозможным, пришлось отступать к прежней позиции на первый гребень. Из строя выбыло четыре обер-офицера и 68 нижних чинов, из них 49 человек отморозили ноги⁴⁸. Сосновский послал начальнику Троянского отряда Карцову донесение: «У перевала, 24 декабря, в 3 часа утра. Сейчас возвратился из-под укреплений, которые неузнаваемы. Орудие довезено только до овчарни. Снега на перевале до полутора аршин. Болгары дороги не расчистили. Тревожусь участью Сухомлинова»⁴⁹. Сосновский извещал Карцова также о том, что турецкие укрепления на Орлином гнезде за несколько дней «решительно преобразились и представляют теперь три яруса ложементов», построены новые, которых прежде не было⁵⁰.

Последующие два дня, 24 и 25 декабря, прошли в сосредоточении всего Троянского отряда (прибыли второй и третий эшелоны), в исправлении и улучшении подъема на перевал, во втаскивании двух пушек и в оборудовании для них укрепленных позиций (остальные орудия были отправлены в Ловчу из-за невозможности поднять их на салазках,

45 П. П. Л. От Ловчи до Корнаре // СВР. Т. 3. С. 621.

46 Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 413–414.

47 Греков М. И. В долинах и на высях Болгарии. Воспоминания бывшего командира 30-го Донского казачьего полка. СПб., 1900. С. 58.

48 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 26.

49 Цит.: Лешков Н. Воспоминания участника... С. 257.

50 Там же.

так как под солнцем снег на многих скатах гор растаял). 25 декабря вместе с 3-м эшелоном доставили на бивак и выюки — было привезено вдоволь мяса, вина, крупы, сухарей, ячменя и сена.

Поскольку ночная рекогносцировка доказала, что «атака с фронта в высшей степени рискованна и повлекла бы за собой громадные потери»⁵¹, то искали обходные дороги. Разведчики из болгарских чет сообщили о возможности обойти турецкое укрепление слева и выйти на спуск к д. Кырнаре. Подполковник Сухомлинов с охотниками из казаков проверил этот путь. С рассветом 26 декабря Карцов перешел в наступление двумя колоннами. Левая колонна полковника Грекова обошла правый фланг противника по открытому накануне пути и ударила ему в тыл. Два орудия поддержали метким огнем атаку Грекова, а правая колонна под командованием майора 9-го пехотного Староингерманландского полка Духновского ринулась в штыковую атаку, оставшиеся в живых турки бросились бежать. Казаки пустились их преследовать, они буквально «пронизали» улицы д. Кырнаре насквозь, вместе со стрелками смяли батальон низама⁵², спешивший из Карлово в Кырнаре на выручку, отбили военный обоз из 80 повозок с патронами, снарядами и продовольственными запасами. Ими было «взято знамя, значок черкесской сотни и много пленных, в числе коих и сам командир батальона»⁵³. Во всех селениях долины р. Гиопса (Стрямы) проживали исключительно турки, которые их спешно бросили. В них было оставлено много скота, сена, зерна и продуктов.

«Что за торжественная была эта минута!» — восклицал Крестовский. «Итак, невозможное или почитавшееся до сих пор невозможным достигнуто, наконец, русскою грудью! Непроходимый Троян побежден маленьким русским отрядом»⁵⁴.

Анализируя ход боевых действий, Карцов подчеркивал: «Не удайся обходное движение левой колонны, и никакие усилия целого корпуса не могли бы одолеть позиции с фронта»⁵⁵. «Пророческие предсказания военных авторитетов не сбылись, и казавшееся непреодоли-

51 СМ. Вып. 6. С. 65.

52 Сухопутная армия Османской империи состояла из низама (войска действительной службы, срок службы — 6 лет), редифа (обученные резервные войска, в них состояли 3 года) и мустахфиза (ополчение, куда перечисляли из редифа и пребывали 8 лет).

53 СМ. Вып. 6. С. 67.

54 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 437.

55 *П. К. [Карцов П. П.]*. Исследование и взятие с боя... С. 38.

мым побеждено комбинацией движений, энергией и настойчивостью начальников частей отряда и не имеющими предела выносливостью, отвагой и храбростью русского солдата»⁵⁶, — констатировал он. Из допросов плененных турецких офицеров выяснилось, что против русских на перевале сражались четыре табора низама, около 100 человек султанской гвардии, два табора мустахфизов. До 22 декабря охрана «Орлиного гнезда» осуществлялась всего двумя ротами, а все остальные таборы были присланы форсированным маршем от Шипки. Стало известно, что всем турецким отрядом командовал Раффик-бей, который сумел спастись бегством⁵⁷.

За два дня сражений, 23 и 26 декабря, потери Троянского отряда составили 155 человек. У неприятеля было взято в плен 64 человека, в том числе один штаб- и два обер-офицера⁵⁸. На рапорте начальника Троянского отряда главнокомандующему имеется пометка императора, считавшего невыполнимым зимний поход через Балканы, — «Молодецкое дело!»⁵⁹.

Русских воинов, осматривавших после сражения место, где прошел бой 23 декабря, потряс садизм турок: восемь стрелков 10-го батальона лежали на снегу «обезображенными до невероятия». При этом мучительным истязаниям подверглись раненые (их было четыре человека), которых в темноте не смогли отыскать санитары во время ночной рекогносцировки 23 декабря. «Нет сил и слов описать то чувство, которое испытываешь, видя воочию подобные зверства. Это совсем не то, что слышать или читать о них с чужого рассказа»⁶⁰, — писал Крестовский. Турки, когда их упрекали в изуверствах над ранеными, всегда сваливали вину на черкесов и башибузуков. Однако черкесская сотня, прикрывавшая обоз, по словам плененных, к «Орлиному гнезду» не поднималась. Здесь сражалась исключительно регулярная пехота — низам⁶¹.

Крестовский заметил, что болгары, появившиеся вслед за штурмовавшими ротами, «шарили по обширным, поместительным землянкам, расположенным позади люнета; там они находили и кофе, не остывший

56 Там же.

57 СМ. Вып. 6. С. 67; П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 47.

58 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 42.

59 Бей Е. Взятие Троянского перевала... С. 102.

60 Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 438.

61 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 39; Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 439.

еще на тлеющих очагах, и пшеничный хлеб, и много баранины, а еще больше жестяных коробок с патронами»⁶². Штаб-ротмистр обратил внимание на пять «типических личностей», которые в особенности выделялись среди болгар-четников и окрестных жителей. «Это седокудрый старец-священник в камилавке и с посохом, два молодых дьякона с винтовками за спиной и патронташами вокруг пояса и две прелестные девушки-болгарки, лет 17–19-ти, тоже с ружьями и патронными сумами». Они бежали из-под Филиппополя и теперь возвращались вместе с русскими войсками к себе домой. Крестовский отмечал, что лица девушек и дьяконов «пылали увлечением, восторгом, вдохновением», что они громко кричали приветственное «ура» казакам и солдатам. Русский офицер любовался красивыми и храбрыми амазонками, одну из которых звали Марицей, а другую Бойкой⁶³.

Во время движения вниз, в Долину роз, Крестовский оглянулся: самой снежной вершины — «черепа» — уже не было видно, но уступы, которые «обширным амфитеатром развертывались над головами» офицеров, были покрыты «множеством пестрых человеческих групп, спускавшихся книзу; тут находились и наши отсталые, и целые массы болгар, мужчин и женщин, неведомо как и откуда вдруг набравшихся в хвосте нашей колонны». Один из офицеров сказал: «Взгляните на эти массы людей, ведь это словно какое-то великое переселение... словно библейский народ на рубеже земли обетованной!» Крестовский не мог не согласиться: «И действительно, общая картина в эту минуту, при победных кликах войска и при этом багряном солнечном блеске, являла собою дивную декорацию, исполненную торжественного величия и высокого драматизма. Тот народ, что валил теперь по пятам русского солдата, — народ, угнетенный пятивековым рабством, мог смотреть на расстилавшиеся у ног его пространства как на обетованную землю своей будущей свободы, искупленной ценой русской крови!»⁶⁴

Подполковник 10-го пехотного Новоингерманландского полка А. И. Пирожников сугубо прагматично и реалистично прокомментировал это движение «толп болгар обоого пола, или изгнанных прежде из своих деревень с южного склона Балканских гор, или же пришедших вознаградить себя за разорение, причиненное ранее турками, на счет оставляемого теперь в руках русских турецкого имущества». «Ничем не руководимые, кроме жажды наживы и мести, болгары в первый же

62 Крестовский В. В. Двадцать месяцев... С. 440.

63 Там же. С. 440–441.

64 Там же. С. 445.

день принялись убивать пленных, не только мужчин, но и женщин, а громадные выюки потянулись было к северному склону Балкан. Но нашим братушкам пришлось оставить это занятие: назначены были коменданты деревень, и они, к удивлению своему, увидели, как наши солдаты, лихо дравшиеся с турками, не только сами не грабят, но и им, болгарам, не дают ни грабить, ни убивать. Таким образом, создавалась административно-военно-полицейская служба рот, увеличившая несколько число нарядов»⁶⁵, — писал Пирожников.

Подводя итоги победной операции, Карцов не мог не остановиться на действиях болгар и болгарских чет. Оказывается, 22 декабря в Трояне генерал Карцов издал «Приказ болгарским четам и добровольцам Троянского отряда». И хотя этот документ входил в известный «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (Вып. 40), его никогда не цитировали в научных исследованиях. А содержание «Приказа» стóит того, чтобы еще раз быть опубликованным полностью:

«Болгары Троянского окружия. С разрешения Августейшего Главнокомандующего я принимаю вас в состав моего отряда с следующими условиями: 1. Полное послушание вашим начальникам и старшинам. 2. Соблюдение порядка и строгое исполнение службы, для которой будете назначаемы. Знайте, что за всякий малейший грабеж и поджоги турецких домов и скирд хлеба или сена я поступлю по всей строгости военных законов, и что всякий, уличенный в этом, будет немедленно расстрелян. За отлучки без разрешения или неповиновение виновный будет отправлен в Ловчу, для предания суду. Если вы добровольно пошли защищать вместе с нами ваших братьий, то докажите вашим врагам, что вы — истинные христиане, а не те же турки-грабители. Турок, мирно остающихся в своих домах и изъявляющих покорность, не смейте трогать. Имущество же бежавших, их хлеб и скот будут правильно распределяемы для ваших нужд и на продовольствие отряда. Подписал: генерал-лейтенант Карцов»⁶⁶.

Этот приказ родился не на пустом месте, поскольку при Карцове шла организация чет в Ловче в сентябре 1877 г., и он разными мерами пытался обуздать творимые четами грабежи мирных жителей — как турок, так и болгар. Причем две из них, четы Ильи Маркова и Христо Иванова-Големия, городской совет Ловчи взял на свое содержание (обе-

⁶⁵ Пирожников А. И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 348.

⁶⁶ СМ. Вып. 40. С. 202.

спечение продуктами)⁶⁷. Но из рапорта начальника Ловченского округа подполковника Спокойского-Францевича от 7 сентября 1877 г. мы узнаем о жалобах горожан на проживавших в городе вооруженных болгар, которые уводили скот и лошадей у мирного турецкого и болгарского населения. Подполковник, собрав воевод, прочитал им правила, согласно которым «забранное четами у неприятеля имущество должно было представляться в ближайшее окружное управление и скот употреблять на нужды болгар, ограбленных турками». Без разрешения окружного начальника это имущество (следовало еще доказать, что оно захвачено у неприятеля) не должно продаваться частным лицам⁶⁸.

Вскоре воевода Гр. Огненов продал часть скота и лошадей и был вызван в окружное управление во второй раз. Воевода заявил там, что сам он готов исполнять приказание, но «его чета не повинуется и полагает своим правом захватывать всё без предъявления властям». Воевода другой четы Корфаногов⁶⁹ заявил, что «его чета бунтует, узнав о невозможности присваивать себе всего добытого в поисках», что, как отмечал Спокойский-Францевич, обнаруживало «задачу и цель их поступления в чету». Данные сведения, в совокупности с жалобами болгар, свидетельствовали о том, что теперь четы, вместо башибузуков, третируют мирное турецкое и болгарское население. Подполковник доложил обстановку генерал-лейтенанту Карцову и, получив его согласие, назначил на 8 сентября собрание всех чет, «бездействующих в городе, для объявления и внушения им правил, а равно и повиновения их начальникам»⁷⁰. Начальник штаба армии генерал-адъютант Непокойчицкий просил Карцова в письме от 28 сентября «собрать наличных предводителей чет к себе и объявить им, что если они будут позволять себе и своим людям нарушение прав собственности и какие-либо насилия над мирными жителями, то с них будет строго взыскано и четы будут упразднены»⁷¹. Разумеется, одними приказами нельзя было остановить четы от грабежа мирного населения. Четоведам стали выплачивать деньги через посредство военных начальников (по 25 коп. в день каждому четнику)⁷².

67 Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее — ОБ). М., 1964. Т. 2. С. 257, 258.

68 СМ. Вып. 40. С. 246.

69 В существующей историографии не упоминается воевода с такой фамилией.

70 СМ. Вып. 40. С. 246.

71 Там же. С. 49–50.

72 ОБ. Т. 2. С. 325.

Генерал Карцов констатировал, что «молодое болгарское население балканских склонов, уцелевшее от турецких неистовств и имевшее возможность заготовить каким-либо оружием, образовало несколько банд, гнездящихся возле наших постов». При этом четами он называл только те отряды, которые имели «какой-нибудь признак организации». Они держались у северных склонов Трояна и Розелита. Для водворения в четах «порядка и некоторой системы действий» Карцов подчинил их предводителей сотенным командирам ближайших казачьих постов: войсковому старшине 30-го Донского казачьего полка Афанасьеву — в Острече, есаулу того же полка Антонову — в Трояне и войсковому старшине 24-го Донского казачьего полка Тарасову — в Микре. Четники сопровождали этих офицеров при поисках, помогали казакам в разведке и содержали передовые караулы в горных проходах⁷³.

Котлубей, офицер 30-го Донского казачьего полка, обратил внимание на присоединившуюся к Троянскому отряду чету Цеко Петковича (Петкова) в 400 человек, которая была им образована недавно и вооружена ружьями, полученными от русского командования. При этом четники сами себя называли башибузуками. Воевода в беседе с русским офицером признавал, что его чета «не составляла почти ничего целого», «его болгары не в состоянии в полном значении слова подчиниться какой бы то ни было власти, так как во всех подобных четах нет внутренней организации, да и притом мирный характер болгар не совпадает с требованиями военной дисциплины». «Они, бедные, — говорил Петкович, — хотят и стараются быть полезными, но не могут»⁷⁴.

Однако надежды, что четы будут действовать в соответствии с приказом Карцова, и расчеты на полноценную помощь болгар-горцев Троянскому отряду в целом не оправдались. Согласно заранее рассчитанному количеству перевозочных средств, необходимых для доставки продовольствия и патронов через Троянский перевал, требовалось не менее 150 вьючных животных ежедневно⁷⁵. Как указывалось, болгары обещали давать ежедневно 200 вьюков. «Вместо этого болгары только в первый день выставили 50, а затем, несмотря на щедрую плату, по 8 франков в сутки, невозможно было достать и 30 вьюков»⁷⁶, — свидетельствовал Карцов и продолжал: «То же самое следует сказать и о рабочих для расчистки дороги. Собранные подводы приходилось караулить, а рабочих окружать

73 Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 342.

74 Котлубей Г. Из дневника. С. 597.

75 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 21.

76 Там же.

часовыми, без чего они разбегались. Вообще готовность болгар помогать нам выражалась больше обещаниями, чем делом». За эшелонами, взбравшимися на подъем, шла «масса кое-как вооруженного народа». Карцов заметил «несколько партий более или менее организованных, со знаменами и предводителями». «Но во время боя никто не видел этих ополченцев, и если было человек 10–15 в цепи, они составляли исключение»⁷⁷. Котлубей свидетельствовал, что четники Ц. Петкова «пробовали идти с нашими стрелками в цепь, но при первом выстреле разбегались»⁷⁸.

В своих воспоминаниях Карцов привел пример, который лучше всего характеризовал фактическое участие болгар. Во время сражения 26 декабря были устроены два перевязочных пункта. «Для того, чтобы санитарам не приходилось носить раненых между пунктами и чтобы они могли быстрее возвращаться к цепи, начальник отряда приказал для переноски к дальнему пункту употребить болгар, которые собрались тут же, за склоном, выжидая конца боя. По первому обращению к толпе желающих не оказалось; по второму, толпа начала было расходиться. Оставалось одно средство — обратиться к угрозе, и оно подействовало...»⁷⁹ — подчеркивал Карцов.

31 декабря 10-й пехотный Новоингерманландский полк пришел в с. Иени-Бэйли (Слатина), «загроможденное трупами женщин и детей, только уже не болгарских, а мусульман: болгарские четники после взятия Троянского перевала мстили за разорение своей родины», — сообщал подполковник Пирожников. «Они поступали со своими врагами не лучше турок. Но здесь виноваты сами турки, воспитавшие массы в слепом поклонении силе во всех ее проявлениях: они собирали то, что посеяли, а болгары отвечали на их вызов». Русский офицер считал, что «не следовало мешать в резню женщин и детей», «и в этом случае не всё может быть извинительно»⁸⁰.

Таким образом, мы видим, что участие болгар-горцев в действиях Троянского отряда не столь значимо, как указывалось в марксистской историографии. Обещания местного населения предоставить русским 200 выюков, 400 рабочих и т. п. историками-марксистами выдавались за свершившийся факт, отчего подобная помощь выглядит значительной и весомой⁸¹.

77 Там же.

78 Котлубей Г. Из дневника. С. 597.

79 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 21–22.

80 Пирожников А. И. История... С. 358.

81 Хаджиниколов В. Икономическата помощ... С. 305; Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. С. 264.

На самом деле было далеко не так, болгары не выполнили ответственно и сполна своих обязанностей согласно достигнутой договоренности с подполковником Сухомлиновым. И эту помощь болгары предоставляли, если предоставляли, не бескорыстно, а за высокую плату. Надежды на реальное содействие болгарских чет во время сражения Троянского отряда с гарнизоном турецкого укрепления оказались напрасными: за исключением нескольких смельчаков, подавляющее большинство четников лишь присутствовали, находясь в тылу. Зато они были храбры и беспощадны по отношению к турецким пленным, старикам, женщинам и детям, следуя примеру башибузуков и черкесов, не гнушавшихся «воевать» с беззащитной райей.

В рассказах Крестовского мы не встретим этих фактов, о которых он, как ординарец Карцова, не мог не знать. Но, как военный корреспондент, он должен был поддерживать в русском читателе притягательный образ единоплеменного и единоверного болгарского народа, поэтому и фигуры, которые он выделил среди четников и болгар, так привлекательны: седокудрый старец-священник в камилавке и с посохом, два молодых дьякона с винтовками за спиной и патронташами вокруг пояса и две прелестные девушки-болгарки, тоже с ружьями.

Карцов же как приятное между болгарами исключение назвал только двух человек, оказавших неоценимые услуги: это настоятель Троянского Успенского монастыря архимандрит Макарий и старшина Троянского окружия Георгий. Первый всю осень распоряжался охраной северных спусков горцами, сопровождал подполковника Сухомлинова во всех рекогносцировках и во время похода через Троянский перевал не оставлял отряда ни на минуту. Утром он провожал эшелоны в горы, руководил там расчисткой пути, вечером являлся к начальнику отряда за приказанием, ночью хлопотал в монастыре по заготовке хлеба и водки и отправлял всё это на выюках к отряду; к рассвету, верхом на горной лошадке, отец Макарий уже был опять на перевале. Георгий, принявший на себя устройство местной полиции в Трояне, где не было никакой гражданской власти, активно содействовал сбору выюков, фуража и подвод под орудия⁸².

Нельзя обойти добрым словом и болгар-проводников, которые в тяжелейших условиях не отказывались вести русские отряды по заснеженным тропам суровых Балкан, а также тех болгар, которые вместе с русскими солдатами впрягались для подъема пушек на Троянскую кручу.

82 П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя... С. 22.

Источники и литература

Бей Е. Взятие Троянского перевала: малоизвестные подробности русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. София: университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2018. С. 97–103.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. 464 с.

Газенкамф М. Мой дневник. 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.

Горанов П. Ст. За материалната помощ, оказана от българското население на руските войски през освободителната война // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 127–138.

Греков М. И. В долинах и на высях Болгарии. Воспоминания бывшего командира 30-го Донского казачьего полка. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1900. 95 с.

Карцов П. П. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб.: Мещерский, 1879. Т. 5. С. 284–433.

Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: «Проф. Марин Дринов», 2007. 410 с.

Котлубей Г. Из дневника // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 3. С. 577–612.

Крестовский В. В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. 671 с.

Кузманов Ю. Ловеч в русско-турските войни през XIX век. Ч. 2. 1877–1878. Ловеч, 2019. 395 с.

Кунчева Н. Участието на населението от Ловешкия край в руско-турската война от 1877–1878 гг. // Известия. Исторически музей. Ловеч. 1995. Т. 1. С. 88–108.

Лешков Н. Воспоминания участника о действиях Троянского отряда в 1877 году // Военный сборник. 1898. № 12. С. 248–264.

Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1912. Т. 8. Ч. 1. 671 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига: документы в трех томах / [ред. С. А. Никитин, В. Д. Конобеев, Д. К. Косев, Г. Д. Тодоров]. М.: Наука, 1964. Т. 2. 648 с.

П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя Троянского перевала на Балканах // Военный сборник. 1879. Т. 125. № 1. С. 5–66.

П. П. Л. От Ловчи до Корнаре // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 3. С. 613–627.

Пирожников А. И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула: Электропечатня и типография Н. Д. Fortunatova, 1913. 426 с.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб.: Военная типография, 1898; Вып. 40. СПб.: Государственная типография, 1905; Вып. 96. СПб.: Типо-литография Н. Л. Ныркина, 1910.

Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 334 с.

Хаджиниколов В. Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: Изд-во «Българската комунистическа партия», 1958. С. 256–307.

References

Beĭ, E. “Vzĭatie Troianskogo perevala: maloizvestnye podrobnosti russko-turetskoĭ voĭny 1877–1878 gg.” *Balkanite i Evropa v Iztochnata kriza 1875–1881 g.*, ed. by P. Mitev, T. Georgieva, Sofia: Sv. Kliment Okhridski Publ., 2018, pp. 97–103.

Beliaev, N. I. *Russko-turetskaia voĭna 1877–1878 gg.* Moscow: Voenizdat, 1956, 464 p.

Gazenkampf, M. *Moĭ dnevnik. 1877–1878 gg.* St Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1908, 624 p.

Goranov, P. St. “Za materialnata pomoshht, okazana ot bŭlgarskoto naselenie na ruskite voĭski prez osvoboditelnata voĭna.” *Istoricheski pregled*, no. 5–6, 1977, pp. 127–138.

Khadzhinikolov, V. “Ikonomicheskata pomoshht, okazana ot bŭlgarskoto naselenie na ruskite voĭski prez rusko-turskata voĭna ot 1877–1878 g.” *Osvobozhdenieto na Bŭlgariia ot tursko igo. 1878–1958.* Sofia: Bulgarian Communist Party Publ., 1958, pp. 256–307.

Kosev, K., Doĭnov, St. *Ot Shipka i Pleven do San Stefano i Berlin.* Sofia: Prof. Marin Drinov, 2007, 410 p.

Kuncheva, N. “Uchastiето na naselenieto ot Loveshkiia kraĭ v rusko-turskata voĭna ot 1877–1878 gg.” *Izvestiia. Istoricheski muzeĭ.* Lovech, vol. 1, 1995, pp. 88–108.

Kuzmanov, Iu. *Lovech v rusko-turskite voĭni prez XIX vek. Iss. 2. 1877–1878.* Lovech: InfoVizhŭn, 2019, 395 p.

Nikitin, S. A., Konobeev, V. D., Kosev, D. K., Todorov, G. D., editors. *Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga. Dokumenty*, vol. 2. Moscow: Nauka, 1964, 648 p.

Pirozhnikov, A. I. *Istoriia 10-go pekhotnogo Novoingermanlandskogo polka.* Tula: N. D. Fortunatov Publ., 1913, 426 p.

Sukhomlinov, V. A. *Vospominaniia Sukhomlina.* Moscow, Leningrad: State Publ., 1926, 334 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.04

Marina M. Frolova

**The storm of the Troyan Pass on December, 26, 1877
and the Bulgarians: Historiographic myths and the reality**

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. The storm of the Troyan Pass on December, 26, 1877 and the Bulgarians: Historiographic myths and the reality // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 76–97 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.04

Received: 23.03.2021.

Abstract

The article focusses on the successful capture on December 26, 1877 of the Turkish fortification “Eagle’s Nest” or “Kurt Hisar” (in Turkish “The Wolf Fortress”), built on top of the hard-to-reach Troyan Pass, led by the Troyan detachment under the command of Lieutenant General P. P. Kartsov. A scrupulous study of the complex of published sources reveals a more complex picture of interactions between Russians and Bulgarians than the one presented in the Marxist historiography. The promises the Bulgarian population has made to provide significant assistance to the Russians (to provide 200 packhorses, 400 workers, etc.) were presented by Marxist historians as a *fait accompli*, but in fact, even for a high fee, the Bulgarians did not fulfill their obligations responsibly and in full according to the agreement reached. Hopes for real assistance from the Bulgarian armed units during the battle of the Troyan detachment with the Turkish garrison turned out to be in vain: with the exception of a few brave men, the overwhelming majority of the Chetniks stayed in the rear. Kartsov, as a pleasant exception among the Bulgarians, named only two persons who rendered invaluable services: Archimandrite Makari, the abbot of the Troyan Assumption Monastery, and George, the foreman of the Troyan district. Gratefully mentioned should be those Bulgarian guides that in the most difficult conditions, did not refuse to lead Russian troops along the snow-covered paths of the harsh Balkans, as well as those Bulgarians who, together with Russian soldiers, harnessed to raise cannons to the Troyan steep.

Keywords

Russo-Turkish War of 1877–1878, Troyan Pass, Troyan detachment, Bulgarian armed units, P. P. Kartsov, V. V. Krestovsky, V. A. Sukhomlinov.

К вопросу о языковом аспекте школьной реформы 1958 г.: украинские и общесоюзные реалии

Борисёнок Елена Юрьевна
Доктор исторических наук, заведующая отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Цитирование

Борисёнок Е. Ю. К вопросу о языковом аспекте школьной реформы 1958 г.: украинские и общесоюзные реалии // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 98–125. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.05

Статья поступила в редакцию 11.03.2021.

Аннотация

В статье анализируются мало изученные в современной историографии языковые аспекты «хрущевской» школьной реформы 1958 г., причины и цели языковых преобразований. Необходимо учитывать, что по сравнению с межвоенным периодом ситуация существенно изменилась. Если в 1920-е гг. политика коренизации проводилась в условиях «капиталистического окружения» и демонстрировала «образцовое решение» национального вопроса, то в 1958 г. Польша уже не была одним из главных врагов, надобность в «витрине» отпала, да и проводники сталинской национальной политики сошли с политического Олимпа. Языковая составляющая школьной реформы значительно облегчала представителям национальных республик как получение образования в центральных вузах, так и продвижение по карьерной лестнице. В то же время язык титульной нации отнюдь не исключался полностью ни из образовательной сферы республики, ни из ее коммуникативного пространства, ни из гуманитарной науки. Можно с уверенностью утверждать, что хватало как недовольных проведенной реформой, главным образом из числа гуманитарной интеллигенции, так и тех, кто охотно воспользовался предоставившимися возможностями. Предложенный в результате школьной реформы 1958 г. курс был своеобразным методом советизации и интеграции при сохранении / признании национального многообразия населения страны.

Ключевые слова

Советская школа, язык обучения, Н. С. Хрущев, Советская Украина.

В современных гуманитарных исследованиях накоплен богатый материал о работе советской школы в УССР, педагогической теории и практике¹, однако языковой аспект системы образования в республике все еще изучен недостаточно. Особый интерес представляет «хрущевская» школьная реформа 1958 г., которая в современной украинской историографии тесно увязывается с процессом русификации, причем последняя иногда оценивается как скрытая², но чаще — как принудительная³, как начало «широкомасштабного, хорошо спланированного наступления партийно-идеологического центра на национальные языки»⁴, языковой денационализации народов⁵, ассимиляции, поскольку «главной этнической базой советской империи были определены русские, русский народ»⁶. Украинацентричный взгляд на проблему, с одной стороны, позволяет рассмотреть малейшие детали, с другой — сосредоточенность на концепции национальной истории затрудняет охват картины в целом. Причинам языковой стороны реформы 1958 г., ее целям и задачам уделяется мало внимания, поэтому хотелось бы остановиться на обстоятельствах принятия Закона об укреплении связи школы с жизнью, сделав предварительно несколько замечаний.

Объявленная в 1923 г. на XII съезде РКП(б) линия на коренизацию в советской национальной политике выражалась в протекцио-

1 См., напр.: Мясников В. А., Овчинников А. В., Козлова Г. Н. Историография общеобразовательной школы РСФСР. М., 2013.

2 Нариси з історії розвитку диференційованого підходу до організації навчання в українській школі (кінець 30-х — 80-ті рр. ХХ ст.): посібник / заг. ред. Н. П. Дічек. Київ, 2017. С. 59.

3 Медвідь Л. А. Історія національної освіти і педагогічної думки в Україні: навч. посіб. Київ, 2003. С. 307.

4 Алексюк А. М. Педагогіка вищої освіти України. Історія. Теорія: підруч. Київ, 1998. С. 208.

5 Даниленко В. М. «Новий» курс у національній політиці радянської держави // Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба: кол. моногр. / відп. ред. В. М. Даниленко. Київ, 2014. С. 67.

6 Даниленко В. М. Міф про «нову історичну спільність» // Гриневич В. А., Даниленко В. М., Кульчицький С. В., Лисенко О. Є. Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3 т. Київ, 2004. Т. 2: Радянський проект для України. С. 449.

низме по отношению к «ранее угнетенным народам» бывшей Российской империи. Большевики объявили о своем стремлении покончить с ассимиляторским наследием царского режима и приступили к интенсивному строительству школ с обучением на родном языке как для титульных наций советских республик, так и для национальных меньшинств. Противники такого протекционизма, ссылавшиеся на то, что «для коммунистов-интернационалистов национальный вопрос в принципе не существует, что это есть только одно из средств изменения быстроты социалистического строительства»⁷, потерпели поражение.

В данной связи стоит отметить три момента. Во-первых, следует учитывать воздействие международной обстановки и геополитических расчетов большевиков на выбор национального курса во внутренней политике. «Враждебное окружение», а особенно внимание Польши к советским украинским и белорусским землям, обусловило необходимость внимательного отношения к мыслям и чувствам представителей титульных наций.

Во-вторых, национальное культурное строительство в 1920–1930-е гг. велось под влиянием сталинского понимания текущего момента. Период победы социализма в одной стране, утверждал Сталин, не создает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков. Наоборот, «этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»⁸.

В-третьих, признание равноправия различных национальных языков отнюдь не исключало потребности в общем — для всего союзного государства — языке. Русский язык был необходим для межэтнической коммуникации в ситуации роста социальной мобильности населения, для нормального функционирования единого информационного пространства, в том числе научного и образовательного, и особенно — в условиях всеобщей воинской обязанности и военной угрозы.

⁷ Выражение автора теории «борьбы двух культур» Д. З. Лебеда. Центральный державний архів громадських об'єднань України (далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11. Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация первоисточников. — *Прим. авт.*

⁸ *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим (18 марта 1929 г.) // *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 345.

Эти три момента определяли параметры для поиска равновесия между родным и русским языками в массовой школе. Изучение и украинского, и русского языка было обязательным в республике. Такое положение сохранялось и во время интенсивного строительства национальной советской школы 1920-х гг., и в период стандартизации и унификации 1930-х. Согласно постановлению 1938 г. о необходимости обучения русскому языку в национальных республиках и областях хотя и увеличивалось количество часов для изучения русского языка в союзных республиках (со 2-го класса в начальной школе и с 3-го — в неполных средних и средних школах), однако отказаться от принципа преподавания на родном языке союзные власти не спешили, особо предупреждая, что «тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в язык преподавания, и тем самым к ущемлению родного языка, является вредной и неправильной»⁹. Впрочем, обеспечить хорошее знание русского языка учащимися национальных школ не удалось: виной тому в немалой степени стали военная разруха, материальные и кадровые трудности, усугубленные переходом с латиницы на кириллицу. Через десять лет после принятия постановления, в феврале 1948 г., эта же проблема была поднята Управлением пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б). Заместитель начальника УПА Д. Т. Шепилов и заведующий Отделом школ УПА Н. Н. Яковлев в записке М. А. Сулову, назначенному в сентябре 1947 г. начальником Управления, указали на то, что «незнание русского языка учащимися по выходе их из нерусских школ союзных и автономных республик серьезно задерживает подготовку кадров национальной интеллигенции». Их предложение заключалось в разрешении «обкомам ВКП(б) и Советам министров автономных республик переводить преподавание в нерусских школах с 5-го класса на русский язык в зависимости от уровня развития родного языка и литературы, с оставлением родного языка в 5–10-х классах как предмета изучения»¹⁰. П. Блитстейн, анализируя споры, начавшиеся во второй половине 1940-х гг. по по-

⁹ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2009. Кн. 2: 1933–1945. С. 391–392, 394.

¹⁰ Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову «Об улучшении преподавания русского языка в нерусских школах СССР» 12 февраля 1948 г. // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. док. М., 2013. С. 392.

воду обучения русскому языку в школах, отмечает, что чиновники автономных республик и областей РСФСР ощущали нажим со стороны родителей, желавших улучшить преподавание русского языка для обеспечения возможности получения высшего образования их детьми. Их оппоненты препятствовали превращению русского языка из предмета изучения в язык обучения, ссылаясь на то, что родной язык является основой преподавания в школах. Чиновники союзных республик стремились сохранить принцип образования на родном языке без изменений¹¹. Несмотря на постепенное увеличение количества часов, выделенных на изучение русского языка, принципиально вопрос оказался решен только в 1958 г.

Впервые проблема реформирования системы образования была поставлена Н. С. Хрущевым в записке в Президиум ЦК КПСС, которую он диктовал в феврале и окончательно оформил 5 марта 1957 г.¹² 29 мая Хрущев собрал совещание в ЦК КПСС, в нем приняли участие заведующий отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В. А. Кириллин, заведующий Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмин, заместитель министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровина, президент Академии педагогических наук (АПН) РСФСР И. А. Каиров, первый секретарь Свердловского обкома, член бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко, министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич, член Бюро ЦК ВЛКСМ З. П. Туманова. Хрущев намеревался поговорить «о перестройке начальной, средней и высшей школы»¹³. Он упомянул: «Этот вопрос встает уже не в первый раз, я даже старался продиктовать такую записку (такая запись есть, когда я диктовал в феврале месяце)»¹⁴. Основные упреки звучали в адрес тех

11 *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011. С. 324–326.

12 На это указывают составители сборника о Н. С. Хрущеве: Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева: в 2-х т. М., 2009. Т. 2. С. 764, комм. 35, 36 к разделу VI. Об этом же пишет Г. М. Иванова: *Иванова Г. М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. М., 2018. С. 236.

13 Из выступления Н. С. Хрущева на совещании в ЦК КПСС по вопросу перестройки начальной, средней и высшей школы. 29 мая 1957 // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени. Т. 2. С. 344.

14 Там же. 345.

выпускников, которые «плохо относятся к тому, чтобы пойти на завод, в колхоз, на ферму, в совхоз». Предпочитая пойти в вуз, молодые люди плохо ориентировались в выбранной специальности, поскольку еще «жизни не знали»¹⁵. Хрущев предлагал различные варианты получения молодыми людьми рабочей специальности, причем работа на производстве становилась условием доступа к высшему образованию¹⁶.

Это совещание прошло незадолго до знаменитого июньского пленума 1957 г., на котором «антипартийная группа» из Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова и «примкнувшего к ним Д. Т. Шепилова» попыталась сместить Хрущева. Ситуация со школой отошла на второй план практически на год, хотя, как указывают специалисты, с запиской Хрущева велась работа: в январе и феврале 1958 г. к записке были подготовлены замечания; обобщены и уточнены материалы отделов ЦК КПСС, министерств и ведомств Союза ССР, работников, занимающихся народным образованием¹⁷.

Основное внимание советского лидера сосредоточилось на политехнической составляющей обучения: вопрос о языке не был затронут Н. С. Хрущевым ни 29 мая 1957 г., ни 18 апреля 1958 г. во время выступления на XIII съезде ВЛКСМ, где он вновь говорил о перестройке системы воспитания «нашего подрастающего поколения в школах», о необходимости «воспитывать у молодежи стремление быть полезной обществу», об улучшении «системы народного образования»¹⁸. Данная проблема не поднималась и в очередном варианте записки Хрущева, который появился 5 июня 1958 г., нередко дословно переключившимся с его речью на съезде комсомола. В этом варианте записки присутствовал любопытный абзац, который был вычеркнут в отредактированном и опубликованном позднее тексте. Речь шла о том, что по материалам пробной выборочной переписи населения, проведенной ЦСУ в августе 1957 г. в семи городах и районах СССР, в ряде случаев имелось значи-

15 Там же. С. 347.

16 Там же. С. 348.

17 Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени. Т. 2. С. 764, комм. 35 к разделу VI; Протокол № 158 от 12 июня 1958 г. Прим. 6 // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2006. Т. 2: Постановления. 1954–1958. С. 1030; *Иванова Г. М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 251–254.

18 Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества. Речь товарища Н. С. Хрущева на XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 г. // Советская культура. 1958, 19 апреля. № 47. С. 1–2.

тельное количество неграмотного населения: «из 735,9 тысячи человек городского населения в возрасте от 9 лет и старше — 49 700 человек, или 6,8 %, назвали себя полностью неграмотными, т. е. не умеющими ни читать, ни писать на каком-либо языке; из 105,7 тысячи человек сельского населения в этом возрасте неграмотных оказалось 14 400 человек, или 13,6 %. Особенно высоким является удельный вес неграмотных среди сельского населения в возрасте 9 лет и старше в Кайтагском районе Дагестанской АССР — 25,4 %, в Болотнинском районе Новосибирской области — 21,2 %»¹⁹. Г. М. Иванова пишет, что эти данные вносил лично председатель ЦСУ УССР В. Н. Старовский²⁰.

12 июня Президиум ЦК КПСС постановил «считать постановку т. Хрущевым вопроса о системе народного образования в СССР своевременной и правильной» и «предрешить обсуждение вопроса о системе народного образования в СССР на пленуме ЦК». Записку решено было разослать членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии, ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам и горкомам²¹. Вскоре, 24 июня, Президиум ЦК рекомендовал партийному и советскому руководству союзных и автономных республик, краевым и областным властям приступить к разработке проекта мероприятий по перестройке системы народного образования, положив в основу предложения Хрущева. Соображения по этому поводу должны были быть представлены в Москву к 1 сентября²².

4 сентября 1958 г. на комиссии по перестройке начальной, средней и высшей школы Хрущев призвал «выходить из области рассуждений к конкретным условиям», поручив республикам разработать «конкретные предложения со своими расчетами — и количественными, и качественными, и материальными». Одновременно к разработке реформы привлекались Академия педагогических наук и высшие учебные заведения²³. Возглавить работу Хрущев уполномочил коллектив, в который, среди прочих, вошли уже упоминавшиеся

19 Записка Н. С. Хрущева о системе народного образования в СССР 5 июня 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 846.

20 *Иванова Г. М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 251.

21 Постановление Президиума ЦК КПСС «О системе народного образования в СССР» 12 июня 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 835.

22 Протокол № 158 от 12 июня 1958 г. Прим. 6 // Там же. С. 1030.

23 Замечания Н. С. Хрущева на комиссии по перестройке начальной, средней и высшей школы. 4 сентября 1958 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени. Т. 2. С. 384.

В. А. Кириллин, Н. Д. Казьмин, И. А. Каиров: «Этот коллектив должен и готовить материал. Возглавит, видимо, тов. Кириллин, а пока в его отсутствие — тов. Казьмин. По высшей школе и среднеспециальному образованию — тов. Елютин, по профессиональному образованию — тов. Зеленко»²⁴ (В. П. Елютин был министром высшего образования СССР, Г. И. Зеленко — начальником Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР). Срок подготовки и сдачи материала был определен в полтора месяца, к 15 октября²⁵.

21 сентября записка Хрущева в переработанном виде была опубликована в центральной печати²⁶. При этом 23 сентября в «Правде» появилась передовица «Важные задачи развития народного образования», в которой указывалось: «Конкретные решения по средней и высшей школе будут приняты окончательно на сессиях Верховных Советов союзных республик, так как решение вопроса о системе образования в каждой республике входит в компетенцию Верховных Советов союзных республик»²⁷.

Вопрос о языке обучения вновь возник в связи с предложением Хрущева разделить среднее образование на два этапа, первый из которых должен был быть обязательным для всех. При этом Хрущев упоминал 7–8-летнюю школу, указывал на недопустимость «перегрузки школьников, вредно отражающейся на их здоровье»²⁸, и одновременно — на неприемлемость снижения качества подготовки поступающих в вузы. Как заявил Хрущев 4 сентября, необходимо «дать более крепкие знания не только теоретического характера и минимум знаний в математике, химии, физике, русском языке, но если человек идет в вуз, то должен иметь знания и навыки профессиональные, это имеет колоссальное значение»²⁹. Эти моменты активно обсуждались

24 Там же. С. 385.

25 Там же. С. 386.

26 Предложения, изложенные в публикуемой записке товарища Н. С. Хрущева, одобрены Президиумом ЦК КПСС. См.: Правда. 1958, 21 сентября. № 264 (14658). С. 2–3; Известия. 1958, 21 сентября. № 227 (12843). С. 2–3.

27 Важные задачи развития народного образования // Правда. 1958, 23 сентября. № 266. С. 1.

28 Записка Н. С. Хрущева о системе народного образования в СССР 5 июня 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 841, 842.

29 Замечания Н. С. Хрущева на комиссии по перестройке начальной, средней и высшей школы. 4 сентября 1958 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени. Т. 2. С. 384.

общественностью. Всероссийское совещание по вопросам перестройки общеобразовательной школы, прошедшее в Москве с 31 июля по 2 августа 1958 г., не сумело внести ясность в данный вопрос. Сторонники 9-летней школы ссылались на то, что к моменту ее окончания дети коренных национальностей будут хорошо владеть русским языком, а другие указывали на отрицательное отношение населения к продлению сроков обучения и призывали решить вопрос в рамках 8-летней школы³⁰.

Центральное партийное руководство предложило свой путь решения проблемы: каждый может свободно выбрать себе школу с соответствующим языком обучения и изучать или не изучать второй язык. Во время выступления на съезде учителей в Киеве в октябре 1959 г. советский педагог Н. П. Кузин объяснял: «Значит ли это, что к изучению второго языка можно относиться как к делу второстепенному? Ни в коем случае. Как раз наоборот, политико-воспитательную и педагогическую работу в школе надо построить так, чтобы изучение второго, добровольно выбранного, языка было делом чести учащихся и проходило на высоком уровне». В то же время он настаивал, что при добровольном изучении второго языка годовая оценка по этому предмету не должна считаться препятствием для перевода в следующий класс³¹.

Руководство КПУ встретило подобные предложения настороженно, поскольку имело все основания опасаться снижения наполняемости украиноязычных школ. Еще до реформы, 28 июля 1956 г., в русскоязычной «Правде Украины» появилась статья Г. Емельяненко «В дружбе народов — наша сила!», а 10 сентября заместитель ответственного редактора газеты Л. Троскунов направил в отдел пропаганды и агитации ЦК КПУ копии писем в редакцию с жалобами из Киева, Ворошиловградской, Сумской, Черкасской областей на ограничение приема в первые классы русских школ, нехватку в них мест, принудительное зачисление в украинские школы³². На одном из

30 Молчанов А. И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пущи»: в 3-х т. СПб., 2005. Т. 2. С. 15; Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 261.

31 Цит. по: Алексюк А. М. Педагогіка вищої освіти України. С. 207–208; Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. Київ, 1997. С. 298.

32 Парахіна М. Б. Особливості русифікації в УРСР у другій половині 1950 — першій половині 1960-х рр. (з історії мовної проблеми) // Український історичний журнал. 2014. № 4. С. 130–131.

совещаний директоров школ в ноябре 1958 г. звучали такие мнения: «Мы не можем согласиться с тем, чтобы родители выбирали для своих детей школу, потому что школа с украинским языком обучения не будет укомплектована»; «Я считаю, что дети должны на Украине изучать русский и украинский языки, но большинство школ должны быть украинскими. Русская школа должна быть одна на район. Если родители будут выбирать школу для детей, то в городе будет русская школа, а в селе — украинская»; «Я не могу согласиться с тем, что родители могут сами выбирать школу для своих детей, поэтому что тогда не будет ни одной украинской школы»³³.

М. Б. Парахина указывает, что 30 октября 1958 г. первый секретарь ЦК КПУ Н. В. Подгорный направил в ЦК КПСС М. А. Сулову замечания относительно пункта 19 («вопрос о языке») проекта тезисов ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране»³⁴. Подгорный отмечал, что русские школы и русский язык постоянно укрепляют свои позиции, что последний стал мощным орудием межнационального общения народов СССР и т. п., но вместе с тем первый секретарь писал о национальном языке как главной форме национальной культуры народов. Указывал он и на то, что «в ряде республик есть значительная часть населения, целые области, которые лишь недавно освободились от гнета иностранных государств, где всячески притеснялись национальный язык и национальная культура, поэтому население, с любовью и уважением относясь к русскому языку, болезненно воспринимает ослабление внимания к изучению национального языка». Подгорный признавал, что русский язык доминировал в городском социуме и это мотивировало родителей отдавать своих детей в русские школы, но данное обстоятельство могло вызвать нездоровые настроения среди части местного населения³⁵. Подгорный предлагал сохранить существующий порядок изучения языков в школах и не включать в тезисы соответствующий пункт. Если же будет принято решение этот пункт оставить, то лидер КПУ предлагал собственный вариант формулировки, в котором, с одной стороны, признавалось право на выбор языка преподавания, с другой — указывалось на обязательность

33 Марчук О. А. Участь вчителів УРСР в освітніх реформаційних процесах (1953–1964 років) // Молодий вчений. 2014. № 12 (1). С. 43.

34 Парахина М. Б. Особливості русифікації в УРСР у другій половині 1950 — першій половині 1960-х рр. С. 133.

35 Там же. С. 133–134.

изучения русского и национального языков³⁶. Таким образом, Киев высказался за сохранение прежней системы школьного обучения и обязательное изучение языка титульной нации.

12 ноября 1958 г. Пленум ЦК КПСС принял тезисы «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», постановив «вынести вопрос об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране на обсуждение Верховного Совета СССР»³⁷. Сначала, 14 ноября, в «Правде» были опубликованы тезисы доклада Хрущева для XXI съезда КПСС, в которых появились знаменательные слова: «В результате победы социализма Советский Союз вступил в новый исторический период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Перспективный план развития Советского Союза на ближайшие 15 лет предусматривает создание необходимых условий для завершения перехода к коммунизму»³⁸. В связи с этим, считал Хрущев, «теперь практически встает задача дальнейшего воспитания всесторонне развитых и подготовленных людей коммунистического общества». Речь шла о повышении их коммунистической сознательности и активности, формировании нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, в духе соблюдения высоких принципов морали нового общества, чем и объяснялась установка на приближение школы к жизни³⁹.

Сами тезисы по вопросам школьной реформы появились в «Правде» 16 ноября. Пункт 19 тезисов гласил, что в советской школе обучение ведется на родном языке, но серьезно изучается и русский язык. При этом «по линии изучения языков в школах союзных и автономных республик существует большая перегрузка детей», поскольку в национальных школах дети изучают три языка — родной, русский и один из иностранных. ЦК предлагал «изучить вопрос о том, чтобы предоставить право родителям решать, в школу с каким языком об-

36 Там же. С. 134.

37 Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 1958, 14 ноября. № 318. С. 1.

38 Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы (Тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС) // Правда. 1958, 14 ноября. № 318. С. 9.

39 Там же. С. 7.

учения отдавать своих детей»: «Если ребенок будет учиться в школе, где преподавание ведется на языке одной из союзных или автономных республик, то он по желанию может изучать и русский язык. И наоборот, если ребенок будет учиться в русской школе, он может по желанию изучать язык одной из союзных или автономных республик. Разумеется, на это надо идти при наличии необходимых контингентов детей для укомплектования классов с тем или иным языком обучения». То есть речь шла о том, чтобы «предоставить родителям право решать, какой язык в обязательном порядке будет изучать ребенок», причем указывалось, что такая постановка вопроса наиболее демократична, устраним какое-либо администрирование и позволит ликвидировать чрезмерную перегрузку школьников изучением языков⁴⁰.

Республиканское руководство пыталось осмыслить сложившуюся ситуацию и определить схему дальнейших действий. 29 ноября свою точку зрения на предстоящую реформу высказал советский лингвист, министр просвещения УССР И. К. Белодед. В документе, адресованном ЦК КПУ и Совету Министров УССР, он настаивал, что ликвидация учебной перегрузки учащихся средней школы не должна производиться за счет отмены изучения украинского или русского языков. По его мнению, необходимо было сохранить обязательное изучение русского и украинского языков, оставив существующий порядок освобождения от изучения украинского языка детей, приезжающих из других республик⁴¹. 8 декабря Н. В. Подгорный проинформировал Москву о ходе обсуждения на Украине тезисов «О связи школы с жизнью». Документ был выдержан в том же духе, что и послание 30 октября. В декабрьском документе подчеркивалось также, что СССР является образцом решения национального вопроса для всех стран мира, иностранные делегации интересуются положением национальных языков, причем недостатки в этом вопросе пытаются использовать против советской действительности. Подгорный высказался за необходимость сохранить существующий порядок обязательного изучения русского и национального языков в школах как оправдавший себя, признавая необходимость более глубокого изучения русского языка. На этих условиях он соглашался оставить тезис о праве родителей решать, в школу с каким

40 Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране. Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правда. 1958, 16 ноября. № 320. С. 2.

41 *Парахина М. Б.* Особливості русифікації в УРСР у другій половині 1950 — першій половині 1960-х рр. С. 135–136.

языком обучения отдавать своих детей⁴². Сторонниками обязательно и равноправного изучения украинского и русского языков во всех общеобразовательных школах были секретарь ЦК КПУ по вопросам культуры и образования С. В. Червоненко, член президиума ЦК КПУ и заместитель председателя Совета министров М. С. Гречуха⁴³.

Своеобразным ответом Подгорному стала появившаяся 19 декабря в «Правде» статья председателя Экономической комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР О. Иващенко под красноречивым заголовком «Расцвет национальных республик Советского Союза». В ней говорилось: «Руководствуясь ленинской национальной политикой, Коммунистическая партия при разработке планов развития народного хозяйства всегда учитывала национальные особенности и интересы союзных республик. Это наглядно выражено в контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на предстоящее семилетие, которые предусматривают дальнейший подъем экономики и культуры всех союзных республик. Верным залогом того, что новый семилетний план будет успешно претворен в жизнь, является морально-политическое единство нашего народа, его тесная сплоченность вокруг Коммунистической партии, братское единение социалистических наций Советского Союза. Контрольные цифры семилетнего плана открывают необозримые перспективы дальнейшего расцвета всей нашей многонациональной Родины и каждой союзной республики»⁴⁴.

Стоит заметить, что предстоящая реформа вызывала тревогу, прежде всего, в национальных союзных республиках, где в сохранении положения языков титульной нации в системе образования были заинтересованы чиновники и гуманитарная интеллигенция. Если в РСФСР ситуация была иной, и местные власти уже давно ставили вопрос об увеличении количества часов русского языка в национальных школах⁴⁵, то советская национальная элита других республик понимала, что «языковой пункт» фактически означал отход от одного из принципов коренизации — об обязательном изучении языка титульных наций

42 Там же. С. 136–137; *Молчанов А. И.* Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 2. С. 24–25.

43 *Котигоренко В. О.* Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт. Київ, 2004. С. 205.

44 *Иващенко О.* Расцвет национальных республик Советского Союза // Известия. 1958. 19 декабря. № 301. С. 3.

45 См.: *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? С. 323–327.

в школах. В предложенных союзным руководством тезисах речь шла не просто о возможности выбирать ту или иную школу, а о возможности изучать по желанию русский язык или язык союзной республики. Республиканские чиновники понимали, что практически это даст основание желающим не изучать язык титульной нации.

«Правда» и «Известия» ввели специальные рубрики, посвященные обсуждению предстоящей школьной реформы. Количество статей, в которых так или иначе упоминалась языковая проблема, уступало количеству статей по другим вопросам образования. Тем не менее языковой аспект реформы не был обойден вниманием. Безусловно, всегда отмечалась необходимость изучения русского языка. Т. Пулатов, министр просвещения Таджикистана, писал, что в его республике «русский язык стал вторым родным языком для школьников»⁴⁶, а секретарь ЦК КП Литвы В. Нюнка полагал, что «нельзя себе представить образованного человека в нашей стране, не владеющего или слабо владеющего русским языком»⁴⁷. При этом пути решения «языковой проблемы» могли иметь различные нюансы: одни отстаивали необходимость изучения всеми школьниками и национального, и русского языков, другие соглашались на необходимость изучения национального языка для представителей титульной нации. Например, министр просвещения Армянской ССР Ш. Симонян считал нужным «изучение русского языка сделать обязательным во всех школах республики, а изучение родного языка сделать обязательным для детей коренной национальности, обучающихся в школах, где преподавание ведется не на родном языке»⁴⁸. Председатель Совета Министров Латвийской ССР В. Лацис писал о целесообразности изучения в русских школах латышского языка и признавал необходимость совершенствования изучения русского языка в латышских школах, в том числе и учитывая возможность получения образования в центральных вузах: «Сотни латышских юношей и девушек после окончания средней школы успешно учатся в вузах Москвы и Ленинграда, чему способствует знание русской речи»⁴⁹. Министр просвещения Грузинской ССР Г. Джибладзе также обращал

46 *Пулатов Т.* Учитывать местные условия // Известия. 1958, 21 ноября. № 278. С. 4.

47 *Нюнка В.* Назревшая государственная задача // Правда. 1958, 19 ноября. № 323. С. 3.

48 *Симонян Ш.* Перед лицом новых задач // Правда. 1958, 27 ноября. № 331. С. 3.

49 *Лацис В.* Смотреть далеко вперед // Правда. 1958, 29 ноября. № 333. С. 3.

внимание на то, что владение русским языком является условием получения образования за пределами республики: «Поэтому мы считали бы нужным изучение русского языка сделать обязательным для детей коренной национальности. Весьма целесообразно также в русских школах Грузии изучение грузинского языка»⁵⁰.

Председатель постоянной комиссии по народному образованию Кишиневского городского Совета В. Китаев настаивал, что «объем программ для всех восьмилетних школ Советского Союза должен быть одинаков»: «Это даст возможность детям при переезде в другие республики нормально продолжать учебу. В программах и учебниках могут быть лишь некоторые изменения по естествознанию, географии, истории, связанные с национальными и географическими особенностями республики»⁵¹. Прозвучали и предложения увеличить длительность обучения в школах республик на 1 год по сравнению со школами РСФСР, учитывая то, что школьники изучают три языка — титульной нации, русский и иностранный⁵². О необходимости 9-летнего срока обучения для национальных республик писал секретарь ЦК КП Азербайджана А. Байрамов, отказывавшийся менять порядок изучения языков и настаивавший на необходимости изучения русского языка в национальных школах, а языка коренного населения — в русских⁵³.

22 декабря, в день открытия сессии Верховного Совета СССР, в «Правде» появилась статья двух украинских поэтов Микола Бажана и Максима Рыльского с заголовком «Во имя человека». Поэты настаивали, что единственно правильным является решение «об обязательном и равноправном изучении и украинского, и русского языков во всех школах УССР», а исключения могут быть допущены «лишь для небольшого контингента детей тех семей, которые по обстоятельствам работы вынуждены часто менять место жительства (скажем, семьи военных)»⁵⁴. Таким образом, статья М. Бажана и М. Рыльского, на которую принято

50 *Джибладзе Г.* Несколько мыслей // Известия. 1958, 21 декабря. № 303. С. 4.

51 *Китаев В.* Нерешенные проблемы // Известия. 1958, 17 декабря. № 299. С. 3.

52 *Вайде Л.* Исходить из местных условий // Правда. 1958, 25 ноября. № 329. С. 4.

53 *Байрамов А.* Учитывать национальные особенности республик // Правда. 1958, 11 декабря. № 345. С. 3.

54 *Рыльский М., Бажан М.* Во имя человека // Правда. 1958, 22 декабря. № 356. С. 3.

ссылаться в современной украинской литературе, не была единственной или исключительной публикацией по языковой проблеме в период обсуждения перспектив развития образовательной системы в 1958 г.

Обсуждение школьной реформы на сессии состоялось 23 и 24 декабря. 23 декабря с докладом о перестройке общего среднего образования выступил И. А. Каиров. Он отметил, что вопрос об изучении языков в школах обсуждался «с большим вниманием и интересом», что выступавшие присоединились к высказанной в тезисах мысли о перегрузке детей, изучающих «одновременно три языка — родной, русский и один из иностранных». Объясняя позицию центральных властей, Каиров подчеркивал, что сформулированное в тезисах ЦК КПСС предложение о предоставлении родителям права выбора языка обучения детей получило одобрение: «В зависимости от этого в школах, где преподавание ведется на языке одной из союзных или автономных республик, по желанию учащиеся могут изучать русский язык. В школах, где преподавание ведется на русском языке, по желанию учащиеся могут изучать язык одной из союзных или автономных республик»⁵⁵. В то же время он заметил, что «в ходе обсуждения тезисов некоторые участники внесли предложение сделать обязательным изучение в школах союзных и автономных республик двух языков — родного и русского. Выказывалось и такое предложение, чтобы считать обязательным изучение родного языка для детей коренной национальности и русского языка во всех школах республики». Поэтому Каиров предложил республикам самим решать вопрос о ликвидации перегрузки учащихся⁵⁶.

На следующий день прошли выступления в прениях. Задал им тон П. М. Машеров (в то время — первый секретарь Брестского обкома КПБ), подчеркнувший обязательность изучения в национальной школе русского языка. На сессии этот тезис звучал особенно часто. Касаясь проблемы языка титульной нации, будущий первый секретарь ЦК КПБ заявил: «Изучение национального языка должно быть, как правило, обязательным для детей коренной национальности. Однако в этом случае следует предоставить право самим родителям решать вопрос, в какой школе их дети будут обучаться: в школе, работающей на русском языке, или в школе, где преподавание ведется на языке национальном»⁵⁷.

55 Заседания Верховного Совета СССР 5-го созыва, вторая сессия (22–25 декабря 1958 г.): стенографический отчет. М., 1959. С. 253.

56 Там же. С. 254.

57 Там же. С. 291.

Представители Украины акцентировали внимание на обязательном изучении и русского, и национального языков в школах. М. С. Гречуха подчеркнул, что «существующий ныне порядок изучения во всех национальных школах русского языка... следует всячески поддерживать и развивать». В то же время «следует сохранить обязательное изучение национального языка в национальных школах»⁵⁸. С. В. Червоненко был еще более категоричен: «Многорочный опыт постановки народного образования в республике показывает, что обязательное изучение русского и национального языков полностью себя оправдывает»⁵⁹.

А. П. Лупан из Молдавии, поддержав предложение об изучении во всех школах республики русского языка, настаивал на необходимости изучения национального языка в молдавских и русских школах республики⁶⁰. Об этом же говорили Э. К. Берклав и А. Я. Пельше из Латвии⁶¹, М. А. Гедвилас из Литвы⁶², Х. К. Пири из Эстонии⁶³. Аналогичной позиции об обязательном изучении двух языков придерживались представитель Азербайджана Ф. М. Халилова⁶⁴ и И. В. Абашидзе из Грузии⁶⁵. При этом последний подчеркнул статус языков титульной нации: «Мы считаем, что местные государственные языки должны занять обязательное место в учебных планах школ республики»⁶⁶. Стоит напомнить, что в конституции СССР 1936 г. речь шла о языках союзных республик, термин «государственный» по отношению к языкам не употреблялся. И. С. Дolidзе из Юго-Осетинской автономной области, также рассуждавший об изучении двух языков, назвал русский вторым родным: «Рабочие, колхозники, вся грузинская общественность считают, что русский язык — это второй родной язык, и изучение его в школах республики должно быть обязательным»⁶⁷.

Н. Додхудоев из Таджикистана считал: «Нельзя жить в одной семье, не зная языка старшего брата, принесшего народам свободу,

58 Там же. С. 297.

59 Там же. С. 356.

60 Там же. С. 329.

61 Там же. С. 341, 409.

62 Там же. С. 404.

63 Там же. С. 379–380.

64 Там же. С. 312.

65 Там же. С. 346.

66 Там же. С. 347.

67 Там же. С. 385.

счастье и культуру»⁶⁸. Тот же мотив и упоминание «старшего брата» звучали в выступлении У. К. Вахабова из Узбекистана⁶⁹. Ф. З. Загафуранов из Башкирии, признавший закономерным обязательное изучение русского языка, подчеркнул, что обучение на родном языке является завоеванием ленинской национальной политики⁷⁰. М. Абдыкулов из Киргизии говорил о совершенствовании изучения русского языка, поскольку в высшей школе много внимания уделялось подготовке специалистов с гуманитарным образованием, тогда как «республика ощущает острый недостаток в технической интеллигенции — в инженерах и техниках, особенно из числа киргизов»⁷¹.

В этой ситуации пункт 19 тезисов не стали включать в общесоюзный закон, поскольку после должны были быть приняты соответствующие законодательные акты в республиках. Т. А. Аллахвердиев из Азербайджана считал нужным подчеркнуть: «Высказанное тов. Каировым предложение, чтобы вопросы о языках, изучаемых в школах, рассматривали и решали Верховные Советы союзных республик, по моему, абсолютно правильное и соответствует задачам расширения прав союзных республик. Что касается нас, азербайджанцев, то для нас изучение русского языка является традицией, а не новым делом, и отказываться от изучения русского языка в азербайджанских школах мы не думаем»⁷². В результате Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР включал только слова о том, что «в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики все народы в Советской стране имеют школу на родном языке»⁷³.

В РСФСР соответствующий закон был принят на сессии Верховного Совета РСФСР 16 апреля 1959 г. без каких-либо потрясений. Во время обсуждения представитель Татарской АССР К. Ф. Фасеев вынужден был признать сокращение «контингента учащихся в татарских школах». Помимо мер по улучшению преподавания русского языка в национальных школах, он предложил «с согласия родителей ввести преподавание татарского языка и литературы для детей татар, обучающихся в русских

68 Там же. С. 362.

69 Там же. С. 432.

70 Там же. С. 427.

71 Там же. С. 467–468.

72 Там же. С. 419.

73 Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Там же. С. 603.

школах»⁷⁴. Представители Удмуртии (С. А. Ефремов), Бурятии (Д. Ц. Цыремпилон) и Магаданской области (Т. С. Иваненко) советовали в первых классах вести обучение на родном языке: первоклассники просто не имели необходимого знания русского языка⁷⁵. Впрочем, Ф. Х. Мустафина из Башкирской АССР придерживалась другой точки зрения, она рекомендовала «отвести в учебном плане национальных школ максимально возможное количество часов на русский язык и изучать его по 11-й класс включительно»⁷⁶. И. А. Алмазов из Чечено-Ингушской АССР говорил об укреплении национальных школ и недостаточном количестве учителей⁷⁷. Статья 15 принятого единогласно⁷⁸ закона гласила: «Установить, что обучение в школе проводится на родном языке учащихся. Предоставить право родителям решать, в школу с каким языком обучения отдавать своих детей. В школах, в которых обучение ведется на языке автономной республики, автономной области или национального округа, изучение русского языка проводится по желанию учащихся так же, как в русских школах учащиеся по желанию могут изучать язык автономной республики, автономной области или национального округа»⁷⁹.

На Украине комиссию по вопросу разработки проекта закона о школьной реформе возглавил заместитель председателя Совета Министров УССР М. С. Гречуха. Как указывает М. Б. Парахина, «языковая статья» первоначально, по состоянию на 23 марта 1959 г., была сформулировала весьма категорично: «Установить, что во всех типах школ Украинской ССР, в которых обучение проводится на украинском или русском языках, изучение украинского и русского языков является обязательным. Порядок изучения украинского языка учащимися, прибывшими из других республик, устанавливается Советом Министров УССР. В школах с другими языками обучения изучение русского языка является обязательным». Под «другими языками обучения», указывает Парахина, имелись в виду молдавский, польский и венгерский⁸⁰. Однако,

74 Заседания Верховного Совета РСФСР 5-го созыва, первая сессия (14–16 апреля 1959 г.): стенографический отчет. М., 1959. С. 82–83.

75 Там же. С. 101–102, 120, 198.

76 Там же. С. 141.

77 Там же. С. 187.

78 Там же. С. 222.

79 Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР // Там же. С. 243.

80 *Парахина М. Б.* Особливості русифікації в УРСР у другій половині 1950 — першій половині 1960-х рр. С. 139–140.

как отмечает украинский специалист, 7 апреля комиссия направила в ЦК КПУ новый вариант, «взамен ранее посланного, отредактированный и согласованный с центральными организациями». На следующий день ЦК рассмотрел проект и принял его «в основном», поручив Гречухе окончательно его отредактировать с учетом прошедшего обмена мнениями. Вариант 7–8 апреля предусматривал: «Установить, что обучение детей во всех типах общеобразовательных школ Украинской ССР осуществляется на их родном языке, изучение которого является обязательным. Изучение второго языка народов СССР осуществляется по желанию и выбору родителей и учащихся при наличии соответствующих контингентов. В школу с каким языком обучения отдавать своих детей, решают родители. Учитывая, что в республике с каждым годом увеличивается стремление к овладению русским языком, который является могучим средством межнационального общения и укрепления дружбы народов СССР, а также принимая во внимание важность изучения национального языка, Совету Министров Украинской ССР обеспечить все необходимые условия для изучения русского языка в школах с украинским языком обучения и украинского языка в школах с русским языком обучения всеми детьми, которые изъявили желание изучать эти языки»⁸¹.

Однако и эти формулировки сохранить не удалось, и статья 9 закона была принята Верховным советом УССР 17 апреля 1959 г. в следующей редакции: «Обучение в школах Украинской ССР осуществляется на родном языке учащихся. В школу с каким языком обучения отдавать своих детей, решают родители. Изучение одного из языков народов СССР, на котором не ведется преподавание в данной школе, осуществляется по желанию родителей и учащихся при наличии соответствующих контингентов.

Поручить Совету Министров Украинской ССР разработать мероприятия, которые обеспечивали все необходимые условия для изучения и улучшения качества преподавания в школах с украинским или другим языком обучения русского языка, являющегося могучим средством межнационального общения, укрепления дружбы народов СССР и приобщения их к сокровищам русской и мировой культуры, а также украинского языка в школах с русским или другим языком обучения всеми учащимися, родители которых и сами учащиеся избрали этот язык для изучения»⁸².

81 Там же. С. 140.

82 Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования Украинской ССР» // Заседания Верховного Совета Украинской ССР пятого созыва. Первая сессия. 15–17 апреля 1959 г.: стенографический отчет. Киев, 1959. С. 249–250.

Судя по опубликованному стенографическому отчету сессии Верховного Совета УССР, принятие закона прошло спокойно, а пресловутую «языковую статью» выступавшие в прениях депутаты (помимо министра просвещения И. К. Белодеда, начальника Украинского республиканского управления трудовых резервов Д. Т. Ищенко и министра высшего образования Г. Г. Ефименко выступили 28 человек) не затрагивали, хотя практически вся сессия была посвящена школьной реформе. И. К. Белодед, который не мог обойти вниманием этот вопрос, заявил: «Ленинская национальная политика Коммунистической партии обеспечивает всем народам нашей Родины возможность учить своих детей на родном языке. В Украинской ССР родителям предоставляется право определять, на каком языке должны учиться их дети». Одновременно он не преминул подчеркнуть: «Изучение одного из языков народов СССР, на котором не проводится преподавание в данной школе, следует осуществлять по желанию родителей и учащихся при наличии соответствующих контингентов. Это положение отражено в проекте Закона, представленном на рассмотрение Верховного Совета УССР и которым поручается Совету Министров Украинской ССР разработать мероприятия, обеспечивающие все необходимые условия для изучения и улучшения качества преподавания в школах с национальным языком обучения — русского языка, что является могучим средством междунационального общения, укрепления дружбы народов СССР и приобщения учащихся к богатствам русской и мировой культуры, а также национального языка в школах с русским языком преподавания всеми учащимися, изъявившими желание изучать эти языки»⁸³. М. С. Гречуха ограничился стереотипной фразой: «Мудрая ленинская национальная политика нашей партии, направленная на всестороннее развитие социалистических наций, на укрепление нерушимой дружбы народов Советского Союза, создала необходимые предпосылки для экономического и культурного развития всех союзных республик, в том числе и Советской Украины»⁸⁴.

Таким образом, сохранить в том или ином виде формулировку об обязательном изучении украинского языка во всех школах комиссия Гречухи не смогла. Сторонникам прежних национально-языковых установок существенно повлиять на ситуацию не удалось: идеологическая линия в это время уже менялась. В республиках законы обсужда-

83 Заседания Верховного Совета Украинской ССР пятого созыва. Первая сессия. 15–17 апреля 1959 г. С. 28.

84 Там же. С. 205.

лись и принимались весной 1959 г., уже после того, как на XXI съезде КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.) Н. С. Хрущев заявил о победе социализма не только полностью, но и окончательно⁸⁵, а на общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта — о том, что по мере реализации планов коммунистического строительства «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью»⁸⁶. 8 июня 1959 г. резкой критике за нарушение ленинских принципов в подборе кадров подверглось руководство Латвийской ССР. «Под предлогом выдвижения работников, знающих латышский и русский языки, проводится определенная линия на замену кадров нелатышской национальности латышами. При этом не учитывается, что в республике, кроме латышей, насчитывается 38 % русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей», — говорилось в записке, подготовленной комиссией, выезжавшей с проверкой в Латвию. Резкой оценки — за открыто националистическую позицию — удостоился и ратовавший за необходимость обязательного изучения национального языка в школах Э. К. Берклав. Большая группа руководящих работников, обвиненных в национализме, была снята с должностей⁸⁷. Очевидно, что в установках партии произошли значительные перемены: вместо лозунгов о расцвете национальных культур теперь звучали слова об их сближении, что очевидным образом отражалось и на языковой политике в области школьного образования. Тенденция еще более укрепилась, когда на XXII съезде в 1961 г. начали говорить о новой исторической общности людей различных национальностей — советском народе⁸⁸, а в новой программе партии был зафиксирован тезис о сближении наций, хотя и признавалось, что «стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»⁸⁹. Стоит заметить, что Н. С. Хрущев вновь

85 Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 106–107.

86 Речь товарища Н. С. Хрущева на девятой общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г. // Правда. 1959, 27 марта. № 86. С. 2.

87 Докладная записка комиссии ЦК и КПК КПСС в Секретариат ЦК КПСС о недостатках работы с кадрами в Латвийской ССР. 8 июня 1959 г. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 224, 231, 232.

88 XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года: стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 153.

89 Программа КПСС. М., 1961. С. 113.

обратился к школьному вопросу в конце 1963 г. 23 декабря на заседании Президиума ЦК КПСС он выступил «против неразумной траты денег на обучение молодых людей» и предложил «все школы перевести на 8-классное образование»⁹⁰. Вопрос языка обучения партийный лидер не поднимал. При пересмотре ключевых положений реформы 1958 г. после отставки Хрущева ее языковой аспект также не затрагивался, и в принятых 19 июля 1973 г. основах законодательства о народном образовании среди главных принципов четвертым пунктом значился следующий: «свобода выбора языка обучения: обучение на родном языке или на языке другого народа СССР»⁹¹.

Таким образом, в 1923 г., объявляя о новом курсе партии — ко-ренизации, И. В. Сталин вынужден был считаться с «капиталистическим окружением» и необходимостью демонстрировать «образцовое решение» национальных и языковых вопросов. В 1958 г., учитывая, что Польша уже не являлась одним из главных врагов, надобность в «витрине» отпала, да и проводники сталинской национальной политики уже сошли с политического Олимпа. В то же время языковая составляющая школьной реформы значительно облегчала представителям национальных республик получение образования в центральных вузах, особенно технического и естественнонаучного направления, а следовательно, и продвижение «наверх». В условиях социальной мобильности населения знание русского языка было очевидным плюсом. На одном из совещаний в Минске в 1957 г., посвященном преподаванию белорусского и русского языков в школе, прозвучало: «А если мой или Ваш сын поедет в другую республику, а там литовский язык. Его заставят сдавать. Это недопустимо. Это практически неосуществимо. Это значит ограничить наших детей при поступлении в вуз»⁹². Фактически реформа давала ответ на этот вопрос, предоставляя возможность отказаться от языка союзной республики.

В результате получения родителями права выбора школы для своих детей количество русских школ и учеников в них неуклонно росло, особенно в крупных городах и промышленных центрах, прежде всего на Украине и в Белоруссии, население которых не испытывало значительных трудностей при переходе на русский язык.

⁹⁰ *Иванова Г. М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 318–320.

⁹¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании // Известия. 1973, 20 июля. № 168. С. 2.

⁹² *Молчанов А. И.* Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пучины». Т. 2. С. 17.

Анализируя сложившуюся тенденцию, В. М. Алпатов подчеркивает, что «главным здесь было желание родителей ради блага детей дать им образование на языке, способствовавшем их последующей карьере»⁹³.

В то же время язык титульной нации отнюдь не исключался полностью ни из образовательной сферы республики, ни из ее коммуникативного пространства, ни из гуманитарной науки. Пресловутый пятый пункт в анкетах продолжал существовать. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что хватало как недовольных проведенной реформой, главным образом из числа гуманитарной интеллигенции, так и тех, кто охотно воспользовался предоставившимися возможностями. Предложенный в результате школьной реформы 1958 г. курс был своеобразным методом советизации и интеграции при сохранении / признании национального многообразия населения страны.

Источники и литература

Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ).

Алексюк А. М. Педагогіка вищої освіти України. Історія. Теорія: підруч. Київ: Либідь, 1998. 557 с.

Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолінгвістическіе проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, Институт востоковедения РАН, 2000. 224 с.

Блитштейн П. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 гг. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–335.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 1. 592 с.

Даниленко В. М. «Новий» курс у національній політиці радянської держави // Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба: колективна монографія / відп. ред. В. М. Даниленко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 50–136.

⁹³ *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000 гг. Социолінгвістическіе проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 107.

Даниленко В. М. Міф про «нову історичну спільність» // Гриневич В. А., Даниленко В. М., Кульчицький С. В., Лисенко О. Є. Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3 т. Київ: Наукова думка, 2004. Т. 2: Радянський проект для України. С. 448–469.

Заседания Верховного Совета СССР 5-го созыва, вторая сессия (22–25 декабря 1958 г.): стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1959. 710 с.

Заседания Верховного Совета РСФСР 5-го созыва, первая сессия (14–16 апреля 1959 г.): стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета РСФСР, 1959. 282 с.

Заседания Верховного Совета Украинской ССР пятого созыва. Первая сессия. 15–17 апреля 1959 г.: стенографический отчет. Киев: Издательство политической литературы УССР, 1959. 266 с.

Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 430 с.

Известия Советов депутатов трудящихся СССР: газета. 1958, 1973.

Котигоренко В. О. Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт. Київ: Світогляд, 2004. 722 с.

Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні в ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ: Основи, 1997. 423 с.

Марчук О. А. Участь вчителів УРСР в освітніх реформаційних процесах (1953–1964 років) // Молодий вчений. 2014. № 12 (1). С. 42–45.

Медвідь Л. А. Історія національної освіти і педагогічної думки в Україні: навч. посіб. Київ: Вікар, 2003. 335 с.

Молчанов А. И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пущи»: в 3-х т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 2. 416 с.

Мясников В. А., Овчинников А. В., Козлова Г. Н. Историография общеобразовательной школы РСФСР. М.: Институт эффективных технологий, 2013. 184 с.

Нариси з історії розвитку диференційованого підходу до організації навчання в українській школі (кінець 30-х — 80-ті рр. ХХ ст.): посібник / заг. ред. Н. П. Дічек. Київ: Педагогічна думка, 2017. 768 с.

Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущева: в 2 т. / гл. ред. Н. Г. Томилина. М.: МФД, 2009. Т. 2. 880 с.

Парахіна М. Б. Особливості русифікації в УРСР у другій половині 1950 — першій половині 1960-х рр. (з історії мовної проблеми) // Український історичний журнал. 2014. № 4. С. 128–146.

Правда: газета, орган ЦК КПСС. 1958.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3-х т. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 2: Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А. А. Фурсенко. 1120 с.

Программа КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.

Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 774 с.

Советская культура: газета, орган Министерства культуры СССР и Центрального комитета профессионального союза работников культуры. 1958.

Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. док. / сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2013. 949 с.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим (18 марта 1929 г.) // Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 333–355.

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М.: РОССПЭН, 2009. Кн. 2: 1933–1945 / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. 1095 с.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года: стенографический отчет: в 3-х т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 1. 608 с.

References

Aleksiuk, A. M. *Pedahohika vyshchoi osvity Ukraïny. Istoriia. Teoriia: pidruch.* Kyiv: Lybid', 1998, 557 p.

Alpatov, V. M. *150 iazykov i politika: 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva.* Moscow: Kraft, 2000, 224 p.

Blitsteïn, P. “Natsional'noe stroitel'stvo ili rusifikatsiia? Obiazatel'noe izuchenie russkogo iazyka v sovetskikh nerusskikh shkolakh, 1938–1953 gg.” *Gosudarstvo natsii: Imperiia i natsional'noe stroitel'stvo v èpokhu Lenina i Stalina*, ed. by R. G. Sunia, T. Martin, Moscow: ROSSPÈN, 2011, pp. 310–335.

Danylenko, V. M. “Mif pro ‘novu istorychnu spil'nist'.” *Ukraïna i Rossiia v istorychnii retrospektyvi. Vol. 2: Radians'kyi proekt dlia Ukraïny*, ed. by V. A. Hrynevych, V. M. Danylenko, S. V. Kul'chyt's'kyi, O. Ie. Lysenko, Kyiv: Naukova dumka, 2004, pp. 448–469.

Danylenko, V. M. “Novyi' kurs u natsional'niï politytsi radians'koï derzhavy”. *Sotsial'ni transformatsii v Ukraïni: pizniï stalinizm i khrushchov's'ka doba: Kolektyvna monohrafiia*, ed. by V. M. Danylenko, Kyiv: NASU Institute of History of Ukraine, 2014, pp. 50–136.

Dichek, N. P., editor. *Narys z istorii rozvytku dyferentsiiovanoho pidkhodu do orhanizatsii navchannia v ukraïns'kii shkoli (kinets' 30-kh — 80-ti rr. XX st.)*. Kyiv: Pedahohichna dumka, 2017, 768 p.

Gatagova, L. S., Kosheleva, L. P., Rogovaia, L. A., Kadio, Dzh., editors. *TsK VKP(b) i natsional'nyi vopros. Vol. 2: 1933–1945*. Moscow: ROSSPĖN, 2009, 1095 p.

Ivanova, G. M. *Sovetskaia shkola v 1950–1960-e gody*. Moscow: Moskovskoe vremia, 2018, 430 p.

Khlevniuk, O. V. et al., editors. *Regional'naia politika N. S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiinye komitety. 1953–1964 gg*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2009, 774 p.

Kosheleva, L. P., Khlevniuk, O. V. et al., editors. *Sovetskaia natsional'naia politika: ideologiya i praktiki. 1945–1953*. Moscow: ROSSPĖN, 2013, 949 p.

Kotyhorenko, V. O. *Etnichni protyrichchia i konflikty v suchasniï Ukraïni: politolohichni kontsepti*. Kyiv: Svitohliad, 2004, 722 p.

Kravchenko, B. *Sotsial'ni zminy i natsional'na svidomist' v Ukraïni v XX st.*, transl. by V. Ivashko, V. Korniienko. Kyiv: Osnovy, 1997, 423 p.

Marchuk, O. A. “Uchast' vchyteliv URSS v osvityakh reformatsiïnykh protsesakh (1953–1964 rokiv).” *Molodyi vchenyi*, no. 12 (1), 2014, p. 42–45.

Medvid', L. A. *Istoriia natsional'noi osvity i pedahohichnoi dumky v Ukraïni*. Kyiv: Vikar, 2003, 335 p.

Miasnikov, V. A., Ovchinnikov, A. V., Kozlova, G. N. *Istoriografiia obshcheobrazovatel'noi shkoly RSFSR*. Moscow: Institut éffektivnykh tekhnologii, 2013, 184 p.

Molchanov, A. I. *Rossia, Ukraina i Belorussiia ot N. Khrushcheva do “Belovezhskoi pushchi”*, vol. 2. St Petersburg: Vladimir Dal', 2005, 416 p.

Parakhina, M. B. “Osoblyvosti rusyfikatsii v URSS u druii polovyni 1950 — pershiï polovyni 1960-kh rr. (z istoriï movnoi problemy).” *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, no. 4, 2014, pp. 128–146.

Tomilina, N. G., editor. *Nikita Khrushchev: Dva tsveta vremeni: dokumenty iz lichnogo fonda N. S. Khrushcheva*, vol. 2. Moscow: MFD, 2009, 880 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.05

Borisenok E. Yu.

**On the question of the language aspect of the school reform of 1958:
Ukrainian and All-Union realities**

Elena Yu. Borisenok

Doctor of History, Head of the Department

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Citation

Borisenok E. Yu. On the question of the language aspect of the school reform of 1958: Ukrainian and All-Union realities // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 98–125 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.05

Received: 11.03.2021.

Abstract

The article analyzes the linguistic aspects of the “Khrushchev” school reform of 1958, as well as the reasons and goals of language transformations, which are little studied in the modern historiography. Compared to the interwar period, the situation has changed. In the 1920s, the policy of korenization was carried out in the conditions of the “capitalist environment” and demonstrated an “exemplary solution” to the national question. In 1958, Poland was no longer one of the main enemies, the need for a “showcase” had disappeared, the agents of Stalin’s national policy had left the political scene. The language component of the school reform made it easier for representatives of national republics to get education in central universities and to advance their career. But the language of the so-called titular nation was not completely excluded from the education system, the communication space, and the humanities. It can be argued that there were opponents of the reform (especially among the humanitarian intelligentsia) and supporters of the reform, who took advantage of the new opportunities. The course proposed by the school reform of 1958 was a kind of method of Sovietization and integration while preserving / recognizing the national diversity of the country’s population.

Keywords

The Soviet school, language of instruction, N. Khrushchev, the Soviet Ukraine.

Доктрина «стратегической глубины»

А. Давутоглу и Балканы

Мамедов Ильгар Махалович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ilgarmm@yandex.com

ORCID: 0000-0003-4032-4571

Цитирование

Мамедов И. М. Доктрина «стратегической глубины» А. Давутоглу и Балканы // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 126–147.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.06

Статья поступила в редакцию 07.06.2021.

Аннотация

А. Давутоглу определяет Турцию как центральную региональную державу, расположенную в центре Афро-Евразии и окруженную регионами, с которыми у нее есть не только географическое соседство, но также исторические и культурные связи. Эти регионы вокруг Турции делятся на три пояса и составляют «стратегическую глубину» турецкого государства. Балканы являются одним из таких регионов. Двумя базовыми осями, на которых основана балканская геополитика Турции, являются Босния и Герцеговина и Косово. Боснийский, албанский, являющийся продолжением косовского, и македонский вопросы являются ключевыми региональными проблемами. А. Давутоглу рассматривает их с точки зрения глобальных, региональных и местных противоречий. Турции следует отслеживать внешние региональные факторы и внутренние региональные балансы. На глобальном уровне Анкара стремится к построению нового международного политического, экономического и культурного порядка. На региональном, балканском, — к созданию регионального порядка, основанного на принципах региональной ответственности, вовлеченности и экономической интеграции и учета европейской интеграции. Здесь наблюдается несовместимость региональной и европейской интеграции, противоречие между ними, что создает дилемму для балканской политики Турции.

Ключевые слова

Балканы, близлежащий бассейн, геокультурные связи, геополитика, геоэкономика, «стратегическая глубина», центральная держава.

Профессор Ахмет Давутоглу, бывший министр иностранных дел и премьер-министр Турции, заложил концептуальные основы внешней политики правительства Партии справедливости и развития (ПСР). Историк В. Демир отмечает, что А. Давутоглу привнес в турецкую внешнюю политику новаторскую теоретическую основу, элементы которой пытался последовательно и систематически применять¹. В настоящей статье мы рассмотрим его доктрину «стратегической глубины» применительно к Балканам.

1. Ближний сухопутный бассейн

А. Давутоглу выступал за необходимость пересмотра позиции Турции после окончания холодной войны, когда она была прифронтовой страной. В начале 1990-х гг. Турция стала рассматриваться им как мост между Востоком и Западом. Давутоглу указывал, что новая позиция Турции имеет как географическую, так и историческую основу. С точки зрения географии Турция, находящаяся посередине обширной земной суши Афро-Евразии, может быть определена как центральная держава со множеством региональных характеристик. Как Россию, Германию, Иран и Египет, Турцию невозможно объяснить географически или культурно, связывая ее с одним-единственным регионом. История также выдвигает Турцию на центральную позицию благодаря разнообразию регионального окружения этой страны².

Описывая геополитику Турции, А. Давутоглу приходит к выводу о необходимости создания «укрепленной глубины с долгосрочными культурными, экономическими и политическими связями». Во внешнеполитической стратегии Турции особое значение приобретают три геополитических региона: 1) ближний сухопутный бассейн: Балканы — Ближний Восток — Кавказ; 2) ближний морской бассейн: Черное море — Адриатическое море — Восточное Средиземноморье — Красное море — Персидский залив — Каспийское море; 3) ближний

1 *Demir V. Historical Perspective: Ottomans and the Republican Era // Turkey's Public Diplomacy / eds. B. S. Çevik and Ph. Seib. New York, 2015. P. 59.*

2 *Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight. Turkey. Vol. 10. 2008. No. 1. P. 77–79.*

континентальный бассейн: Европа — Северная Африка — Южная Азия — Центральная и Восточная Азия³. Эти взаимосвязанные пояса, расположенные вокруг Турции, являющиеся продолжением друг друга и конусообразно расширяющиеся вокруг Турции, составляют «стратегическую глубину» Турции.

А. Давутоглу указывает, что Турция исторически и географически является неотъемлемой частью близлежащего сухопутного пояса. Основные вопросы внешней политики Турции являются естественным результатом событий, происходящих в этом поясе. Турция, заинтересованная в интеграции с Западной Европой и в региональных связях, не должна отчуждаться от этого региона. Не следует забывать, предупреждает А. Давутоглу, что международная позиция Турции, ее политический, экономический и культурный вес будут продолжать зависеть от ее зрелости и деятельности внутри этого пояса. Анатолийская страна, которая не может быть эффективной в происходящих событиях на Балканах, Кавказе и Ближнем Востоке, не может сохранить влияние на этой геополитической территории и не может быть открытой миру⁴.

2. Геополитические императивы и внешнеполитическая стратегия на Балканах

Балканы являются одним из трех регионов близлежащего сухопутного бассейна. Оценивая геополитическое и геокультурное значение Балкан, А. Давутоглу пишет, что спускающийся из степей Евразийского материка в Средиземное море и разделяющий Восток и Запад Балканский полуостров на протяжении XX столетия был одним из основных регионов конфликтов благодаря чувствительным линиям геокультурного и геополитического разграничения⁵.

Подобное положение, по мнению А. Давутоглу, подтолкнуло к ликвидации искусственных конструкций, вызванных стратегическими балансами холодной войны. Крайне драматичное урегулирование конфликтов в Югославии посредством установления чувствительных границ, геополитический разрыв, вызванный радикальными изменениями в стратегическом балансе, вызвали активизацию геокультурных и геоэкономических факторов. Благодаря этому изменению правовые нормы, защищающие современные межгосударственные границы, потеряли

3 *Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu.* İstanbul, 2001. S. 118.

4 *Ibid.* S. 119.

5 *Ibid.* S. 120.

свое значение и вступили в игру геополитическое, геокультурные и геоэкономические элементы. Наиболее интенсивными и болезненными последствиями этих региональных геополитических изменений являются события в Боснии и Герцеговине (БиГ) и Косово⁶.

По мнению А. Давутоглу, важным результатом событий на Балканах с конца 1980-х гг. становится все нарастающий вопрос социально-политической и социально-культурной идентичности, который начал проявляться и в международных отношениях. Республика Турция, построенная на развалинах Османского государства, которая в конце Первой мировой войны была вынуждена отказаться от своих прав на ближайший сухопутный бассейн и отступить в Анатолию, в конце века столкнулась с необходимостью заполнить пустующую нишу «политического центра», возникшей в связи с ликвидацией Османского государства⁷.

В этой связи А. Давутоглу задается вопросом: завершена ли ликвидация Османской империи? Отвечая на него, он указывает, что Османское государство с точки зрения международного права было ликвидировано. Но геополитический и геокультурный вакуум, к которому эта ликвидация привела, породили новые точки противостояния на Балканах. Тот факт, что после этнических конфликтов в БиГ и Косово как боснийские, так и албанские элементы обратились в первую очередь к Турции, является важным внешнеполитическим показателем⁸.

Совершенно естественным становится, что основой политического влияния Турции на Балканах, согласно А. Давутоглу, являются мусульманские общины. Ошибочность прошлой политики рассмотрения этих общин в качестве груза внешней политики Турции стали для Давутоглу очевидными. В первую очередь, в двух государствах с большинством мусульманского населения, БиГ и Албании, являющихся естественными союзниками Турции, возникла идея превратить совместную историю в естественный союз. По мнению Давутоглу, турецкие и мусульманские меньшинства в Болгарии, Греции, Македонии, Санджаке, Косово и Румынии также являются важными элементами балканской политики Турции⁹.

Двумя важнейшими целями внешней политики Турции в кратко- и среднесрочной перспективе являются стабилизация и усиление БиГ и Албании, а также создание международной правовой основы, которая

6 Ibid. S. 111.

7 Ibid. S. 122.

8 Ibid.

9 Ibid. S. 122–123.

возьмет под свой зонтик безопасности этнические меньшинства региона. В рамках этой основы Турция должна постоянно стремиться к обладанию правом вмешиваться в вопросы, связанные с мусульманскими меньшинствами на Балканах. Ярким примером, по мнению А. Давутоглу, является современное вмешательство в кипрский вопрос. Автор убежден, что обладание Турцией таким правом на Балканах может быть возможно только при активном проведении балканской политики, учитывающей культурные и исторические факторы¹⁰.

Турция, ради неповторения балканской катастрофы проводя активную политику в вопросах, затрагивающих будущее мусульманских общин в регионе и отслеживая внутрорегиональные балансы и внешне-региональные факторы, вынуждена, по мнению А. Давутоглу, проявлять осторожность, чтобы не оставаться в одиночестве перед лицом балканского блока. Среди внешнерегиональных факторов, с одной стороны, должен быть отслежен баланс между Россией и Германией, с другой стороны, следует проводить балансирующую политику в отношении близлежащих к региону центров силы, каковыми являются Европа и Россия, и дальних центров силы: США, Японии и Китая¹¹.

Безопасность Балкан становится все более важным фактором в контексте безопасности западных границ Турции. Созданную в Восточной Фракии посредством многосторонних и двусторонних соглашений в период холодной войны линию безопасности А. Давутоглу предлагает переместить дальше на Запад. В этом плане создание зонтиков безопасности внутри и за пределами региона, которые будут балансировать влияние России в регионе (и, в частности, подготовка рамочного плана, гарантирующего внутреннюю безопасность и территориальную целостность Албании, БиГ и Македонии), по его мнению, неизбежно¹².

Вне этого политического измерения турецкой внешней политике на Балканах нужна экономическая основа. В данных рамках требуется обеспечение эффективной координации как наземного, так и морского транспорта Балкан с Ближним Востоком и Азией. Эти транспортные пути должны и обеспечивать сотрудничество, и быть задействованы как элемент внешней политики. А. Давутоглу считает необходимым образовать совместные проекты, призванные соединить линии Стамбул — Адриатика и Стамбул — Дунай¹³.

10 Ibid. S. 123.

11 Ibid. S. 123–124.

12 Ibid. S. 124.

13 Ibid.

3. Системные/глобальные противоречия на Балканах

А. Давутоглу считает, что двумя базовыми осями, на которых основана балканская геополитика, являются БиГ, центр оси Драва — Сава, находящаяся между Хорватией и Сербией, а также Косово, центр оси Морава — Вардар, находящееся между Сербией, Македонией, Болгарией и частично Грецией. Эти две оси являются линиями интенсивного геокультурного противостояния и разделения, обусловившими вовлеченность глобальных и региональных игроков в стратегический узел на Балканах. Конфликты в БиГ и Косово Давутоглу оценивает через призму трех связанных между собой плоскостей. Первая плоскость — противоречия на уровне системы международных отношений с участием глобальных игроков; вторая — балканские региональные противоречия, находящиеся в пределах Восточной Европы и Восточного Средиземноморья; третья — наименьшие, но наиболее серьезные противоречия, вытекающие из связей с ближайшими соседями БиГ и Косово и вызванные геокультурным разделением в регионе¹⁴.

Системные противоречия, обостряющие боснийский и косовский кризисы, А. Давутоглу рассматривает под тремя основными рубриками: (а) противоречие глобальных интересов между США и Европой/Германией, (б) внутриконтинентальные противоречия между Великобританией/Францией, Германией и Россией и (в) противоречия на уровне международного права и организаций. А. Давутоглу указывает, что Балканы и Ближний Восток, подвергшиеся самому жесткому и искусственному двойному расколу в эпоху биполярной структуры холодной войны, в возникшей после этого динамичной международной конъюнктуре стали свидетелями возникновения противоречий между великими державами, желающими расширить свои сферы влияния. Вскоре после окончания войны в Персидском заливе и консолидации американского господства на Ближнем Востоке в глобальной системе безопасности место противостояния между глобальными державами сместилось на Балканы¹⁵.

4. Балканские балансы / противоречия

Наряду с глобальными противоречиями А. Давутоглу рассматривает балансы и противовесы, существующие на самом полуострове. Касательно Греции он указывает, что она пыталась проводить сбалансированную политику в отношении Югославии во время холодной во-

14 Ibid. S. 291–292.

15 Ibid. S. 293.

йны, после ее окончания сблизилась с Сербией, стремясь разработать политику, основанную на совместном контроле над Албанией и Македонией. Отделившиеся от Югославии Словения и Хорватия вступили в сообщество центральноевропейских и адриатических стран, сближаясь с Италией и Германией. В этом смысле они заняли положение, аналогичное Австрии и Венгрии. Обладая преимуществом, обусловленным нахождением в дунайском бассейне, Румыния начала проводить политику моста между Центральной Европой и Черным морем. Турция же, с одной стороны, сталкиваясь, будучи неподготовленной, с кризисами в регионе, решила считаться со своей историей; с другой стороны, пыталась не отдаляться от зон балансов в регионе¹⁶.

Перед лицом сербско-греческого союза в отношении Македонии и Албании А. Давутоглу предлагает рассмотреть союз Турции с БиГ и Албанией, находящимися в конфликтных отношениях как с Сербией, так и с Грецией¹⁷.

С точки зрения А. Давутоглу, Македония, на которую больше всего влияет распространение косовского кризиса, одновременно является узловой точкой балканского вопроса. Македония, оставшаяся под давлением со стороны Сербии, Греции и Болгарии, также испытывает серьезные проблемы с албанцами, которые составляют примерно половину населения страны¹⁸.

Что же касается Болгарии, имеющей серьезные противоречия с Сербией и Грецией в отношении Македонии и Западной Фракии, как и исторические претензии к обоим регионам, то она, будучи близка к Турции по этим вопросам, с учетом существования турецкого меньшинства может проводить конъюнктурную политику в отношении этнических прав, подобную политике сербо-греческого альянса. Это делает региональную роль Болгарии критически важной.

Румыния, с другой стороны, не является прямой стороной конфликтов, поэтому она пытается занять конъюнктурную позицию для улучшения ее экономического положения. Однако после вмешательства НАТО в косовский вопрос, если находящаяся под контролем на юге этническая вражда распространится на север и также активизируется венгерское меньшинство в Трансильвании, а параллельно этому начнет действовать венгерское меньшинство в сербской Воеводине, может встать вопрос о возможности сербско-румынского сближения, которое, в частности по-

16 Ibid. S. 301.

17 Ibid. S. 302.

18 Ibid.

средством прямого влияния на навигационную безопасность Дуная, может принести балканские проблемы в Центральную Европу¹⁹.

Боснийско-хорватско-сербский геокультурный конфликт по геополитической линии Драва — Сава вместе с албанско-сербско-македонским геокультурным конфликтом на геополитической линии Морава — Вардар порождают риск их распространения с линией этнического раздела в региональную плоскость²⁰.

5. Конфликт в Боснии и Герцеговине

А. Давутоглу полагает, что «Дейтонское соглашение, которое несет в себе дипломатические следы реальной политики, а не универсальные ценности человечества и международного права, является конъюнктурным документом, вызванным международными системными балансами». Анализируя выгоды Дейтонского соглашения, полученные каждой из общин, проживающих в БиГ, Давутоглу указывает, что сербы, согласно международному общественному мнению несущие ответственность за этническую бойню, с помощью этого соглашения избавились от психологического давления. Хорватия же посредством равного статуса хорватов в БиГ получила возможность еще более усилить внутреннюю консолидацию страны. Вопреки всему с трудом выжившие бошняки приняли текст Дейтонского соглашения, который пусть номинально, но признает внутреннюю целостность страны с точки зрения международного права. Вместе с тем, как считает Давутоглу, несоответствие между политическим разделом и стратегическими линиями безопасности, вызванное Дейтонским соглашением, серьезно ослабляет статус БиГ. В результате этого раздела мусульмане оказались отрезанными хорватами от моря, а сербами от водного пути по реке Дрина²¹.

Тем не менее Дейтонское соглашение фактически сохранило для бошняков их страну. В то же время сербские и хорватские общины БиГ получили свою «глубину» в виде Сербии и Хорватии. С учетом вышесказанного, по мнению А. Давутоглу, получение БиГ геополитически жизнеспособной стратегической «глубины» в условиях статуса, предоставленного Дейтонским соглашением, основывающегося на международных гарантиях, зависит от достижения четырех важных стратегических условий.

19 Ibid.

20 Ibid. S. 303.

21 Ibid. S. 304–305.

Первым из них является превращение стратегической линии из Центральной Боснии через Мостар к морю в одну из базовых основ целостности страны и важный инструмент ее экономической и политической интеграции²².

Второе условие — это укрепление срединной и восточной Боснии вдоль Дрины, где сербами были совершены наиболее крупные этнические чистки. Эта линия является наиболее важным стратегическим регионом. Связка Сараево — Горажде, которая является единственной опорой на этой линии, должна быть усилена. Необходимо планировать постепенный перенос этой линии в направлении Зворника и Фочи. Разрыв связей между Санджаком и Косово с БиГ означает оставление бошняков в зоне влияния хорватов, а Санджака и Косово — полностью в сфере влияния сербов.

Третьей геополитической необходимостью обеспечения безопасности БиГ как жизнеспособного государства является укрепление власти по линии Север — Юг, которая, начинаясь в Сараево, простираясь от Приедора и Добоя до Брчко, фактически делит контролируемые сербами районы на две части²³.

Четвертое требование, которое имеет значение с точки зрения внутренней целостности БиГ, заключается в том, чтобы связь между Центральной Боснией и Бихачем была основана на прочном фундаменте. Это положение имеет большое значение как с точки зрения того, чтобы Бихач не превратился в гетто, так и того, чтобы Центральная Босния приобрела «глубину» в западном направлении. Единственной гарантией территориальной целостности БиГ являются международные силы стран НАТО, размещенные в ней после подписания соглашения²⁴.

6. Косовский кризис

Определение сербского геополитического жизненного пространства, простирающегося от Дуная до Адриатики, делало боснийскую и албанскую составляющие этого жизненного пространства как стратегическим врагом, так и легкой, лишенной внешней поддержки мишенью. С точки зрения сербов, существует четыре базовых элемента, отличающих Косово от БиГ. Первый касается демографической структуры Косово. В отличие от БиГ, Косово, где около 90 % населения состоит из албанцев, демографически представляет собой гораздо

22 Ibid. S. 305.

23 Ibid. S. 306.

24 Ibid. S. 307.

более однородную структуру. Эта ситуация также создает геокультурные рамки, определяющие второе фундаментальное различие. Высокая внутренняя социально-культурная и социально-политическая интеграция в Косово, наличие социальной структуры, чрезвычайно устойчивой к культурной ассимиляции, в сочетании с историческими утверждениями сербов о том, что Косово является их родиной, породило конъюнктуру, которая привела к немедленному замораживанию этнического / религиозного противостояния. В отличие от этих трех элементов, потворствующих сербским этническим чисткам в Косово, четвертый элемент, вытекающий из статуса Косово, предоставил сербам важное пространство для маневра²⁵.

А. Давутоглу рассматривает проблемы, связанные с будущим косовского вопроса, на трех уровнях. Первый уровень касается статуса Косова, который является основной точкой конфликта. Самая серьезная проблема на втором уровне, связанном с внутрорегиональными балансами конфликта, касается будущего албанского вопроса, вызванного фрагментированной албанской демографической структурой. Окончательное решение косовского вопроса в первую очередь касается Албании и Македонии, а затем почти всех стран региона. Вероятность того, что косовский вопрос также активизирует вопрос албанский, центральную проблему Балкан, является с точки зрения региональных балансов наиболее важной. Образовавшаяся в результате конфликта миграция, которая была направлена из Косово в Албанию, Македонию и Болгарию, а оттуда в Турцию, вызвала серьезные риски в межрегиональном балансе. В частности, чрезвычайно важным является положение Македонии, в которой сложился крайне чувствительный этнический / религиозный баланс. Системные противоречия международных сил составляют третий уровень. Наиболее важным элементом текущего статуса Косово являются гарантии международных сил. Однако масштаб этих сил и внутренние противоречия содержат элементы, которые могут определять будущее региона и негативно влиять на него²⁶.

Основываясь на своем анализе, А. Давутоглу делает вывод о том, что Турции необходимо извлечь следующие важные уроки из последствий косовского конфликта как в международных отношениях, так и в региональных балансах: 1) изменчивые и динамичные условия периода после холодной войны приводят к немедленному и непо-

25 Ibid. S. 309–310.

26 Ibid. S. 312–314.

средственному отражению глобальной международной конкуренции в чувствительных региональных поясах; 2) подобная конъюнктура, создавая важные внешнеполитические преимущества для стран, которые повышают стратегическую гибкость, увеличивает риски для стран, которые теряют эту гибкость; 3) отражение глобальной конкуренции на Балканах также сопровождается возрастанием значения исторических процессов. В условиях, когда венгры, хорваты и словенцы были близки к Германии, сербы — к России, а болгары, румыны и греки — к обеим сторонам, США решили поддержать албанцев и бошняков. Турция должна попытаться реализовать свои региональные интересы, пересекающиеся с США, не сталкиваясь с Германией и Россией и не прерывая с ними дипломатические контакты; 4) перед лицом антиосманского и антитурецкого образа, который часто создается сербами и греками на Балканах, крайне важно, чтобы Турция реагировала на глобальную конкуренцию в регионе. Турция, в частности, должна сформировать новый баланс и достичь гармонии между тремя политическими культурами и внешней политикой, связанными с Балканами²⁷.

7. Внешнеполитическая стратегия Турции

А. Давутоглу полагает, что внешнеполитическая стратегия Турции может заключаться в пересмотре отношений с центрами силы и создании стратегической «глубины» с долгосрочными культурными, экономическими и политическими связями²⁸. Турция начала переориентировать свою внешнюю политику на основе этого видения, стараясь использовать географические преимущества и исторические связи. С этой целью Давутоглу предложил пять принципов внешней политики Турции. Во-первых, если нет баланса между безопасностью и демократией в стране, у нее не может быть шанса создать по соседству зону влияния. Во-вторых, это «политика ноль проблем с соседями Турции», в результате которой значительно улучшились отношения с Сирией, Грузией, Болгарией, Ираном. В-третьих, развитие отношений с соседними регионами. В-четвертых, приверженность многовекторной внешней политике. Отношения Турции с другими глобальными игроками должны быть взаимодополняющими, а не конкурентными. В-пятых, ритмичная дипломатия. Рассматривая международные встречи, которые Турция проводила с 2003 г., Даву-

27 Ibid. S. 314–316.

28 Ibid. S. 318.

тоглу приходит к выводу, что его страна приобрела большее влияние в международных организациях²⁹.

М. Штавица, характеризуя принцип «политики нулевых проблем с соседями», отмечает, что Турция должна избавиться от традиционной психологии враждебного окружения. Вместо этого соседство должно восприниматься как благоприятная возможность, а не угроза³⁰.

А. Давутоглу впоследствии выделил некоторые из этих принципов. Во-первых, уделяя самое пристальное внимание защите турецких национальных интересов, Анкара будет также проводить внешнюю политику, основанную на моральных ценностях, а не на меркантильных интересах. Анкара не будет ограничиваться только Турцией, а будет также работать над защитой прав турок за рубежом. Особенно ученого беспокоит рост ксенофобских настроений в некоторых западных странах³¹.

Во-вторых, Анкара инициировала серьезную реструктуризацию министерства иностранных дел, а также повышение качества его кадров за счет новых образовательных программ. В то же время были расширены дипломатические представительства за рубежом. Турция также стала активно участвовать в таких новых областях, как международная помощь в целях развития, миротворчество и посредничество³².

В-третьих, турецкая внешняя политика будет вестись автономно. Турция страдает от ощущения, что другие державы разрабатывают региональную политику, а она лишь выполняет возложенные на нее роли. Политика в отношении соседей разрабатывается с тщательным учетом собственной оценки ситуации. Анкара по собственному усмотрению будет координировать свою политику с политикой западных партнеров, но никогда не допустит, чтобы такое партнерство негативно сказалось на отношениях Турции с соседями³³.

В-четвертых, Анкара будет проводить внешнюю политику, основанную на ее видении регионального порядка, который строится на основе представительной политической системы, отражающей за-

29 *Davutoğlu A.* Turkish Foreign Policy Vision... P. 79–83.

30 *Shtavica M.* Turkish Relations with Balkan Countries and its Influence During AKP's 2002–2013 Era. P. 7. URL: https://www.academia.edu/11814316/Turkish_Relations_with_Balkan_countries_and_its_influence_during_AKPs_2002-2013_era (дата обращения: 24.07.2019).

31 *Davutoğlu A.* Principles of Turkish Foreign Policy and Regional Political Structuring // SAM Vision Papers. April 2012. No. 3. P. 5.

32 *Ibid.* P. 5–6.

33 *Ibid.* P. 6–7.

конные требования народа, где региональные государства полностью интегрированы друг с другом вокруг основных ценностей демократии и подлинной экономической взаимозависимости. На глобальном уровне Анкара будет стремиться к построению нового международного порядка, который будет иметь три измерения: политический порядок, основанный на диалоге и многосторонности, экономический порядок, основанный на справедливости и равенстве, и культурный порядок, основанный на всеобщем участии и согласии³⁴.

Характеризуя эти принципы, А. Давутоглу в то же время подчеркивает, что Турция обладает рядом преимуществ, которые делают ее уникальной страной, способной реагировать на множество вызовов, связанных с политическими преобразованиями в соседних регионах. Во-первых, внешняя политика Турции формулируется с опорой на целостное понимание исторических тенденций и активную повестку. Позиция Турции отражает ее историческую «глубину», географическое положение и богатый опыт в международных делах. Анкара формулирует политику через твердую и рациональную оценку долгосрочных исторических тенденций и понимание места Турции в международной политике. Во-вторых, Турция добилась прогресса в установлении стабильного и мирного внутреннего порядка, на котором она может строить активную внешнюю политику. Только те правительства, которые пользуются политической легитимностью и уважают свободы, могут достичь мира и стабильности. В-третьих, реинтеграция Турции с ее соседями станет еще одним преимуществом для ее внешней политики. Одной из сильных сторон внешней политики является продолжающийся процесс воссоединения с народами региона, с которыми у Турции общая история и которые готовы разделить с ней общую судьбу. Эта цель также означает, что Турция будет стремиться к устранению разногласий с соседними странами. За счет расширения связей с соседями Турция будет лучше подготовлена к тому, чтобы играть роль ответственной державы на глобальном уровне³⁵.

А. Давутоглу подчеркивает, что трансформация внешней политики является результатом деятельности всех субъектов, участвующих в ней. Успех Турции — это результат не только государственной политики, но и деятельности гражданского общества, бизнес-сообщества и многих других организаций, действующих в рамках нового видения. Приводя несколько примеров, он называет Конфедерацию бизнесменов и про-

34 Ibid. P. 7.

35 *Davutoğlu A. Principles of Turkish Foreign Policy...* P. 3–4.

мышленников Турции, которая организовала африканский саммит и приезд в Турцию большого числа африканских министров. Ассоциация турецких промышленников и предпринимателей проводит лоббистскую деятельность, направленную на облегчение вступления Турции в ЕС. Независимая ассоциация промышленников и предпринимателей активно участвует в организации деловых мероприятий в Персидском заливе, объединяя ведущих игроков мировой экономики и финансов. Кроме того, существует много других организаций гражданского общества, деятельность которых способствует реализации международных устремлений Турции, например те которые работали в опустошенных районах после землетрясения 2005 г. в Пакистане и цунами в Индийском океане. Поэтому турецкие организации гражданского общества являются неотъемлемой частью внешней политики³⁶.

8. Основы балканской политики Турции

Важнейшей предпосылкой балканской политики А. Давутоглу считает регионализм. Он отмечает, что региональное сотрудничество все больше становится реальностью XXI столетия, поскольку многие страны продвигаются к более тесному культурному, экономическому и политическому взаимодействию, если не интеграции, на региональном уровне. Балканский регион, который традиционно считался образцом фрагментации и дезинтеграции, теперь, по мнению Давутоглу, имеет шанс стать еще одним формирующимся региональным пространством, в котором будет преобладать культура сотрудничества. К этой новой эпохе Давутоглу предлагает подойти как к периоду восстановления, сотрудничества и созидания³⁷.

А. Давутоглу представил три методологических и четыре политических принципа, которые в своей целостности могли бы помочь сформулировать новый подход к региональному сотрудничеству на Балканах. Первый методологический принцип подчеркивает важность применения подхода, ориентированного на развитие, в отличие от подхода, ориентированного на кризис. Второй принцип требует принятия подхода, направленного на будущее, а не на прошлое. Третий принцип предполагает подход, основанный на моральных ценностях, а не на региональных проблемах. По мнению Давутоглу, чтобы быть эффективными в практическом плане, эти методологические принципы

36 *Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision...* P. 83–84.

37 *Davutoğlu A. A Forward Looking Vision for the Balkans // SAM Vision Papers. October 2011. No. 1. P. 3–4.*

должны дополняться принципами политическими. В качестве первого политического принципа А. Давутоглу предложил региональную ответственность и вовлеченность. Вторым принципом является региональная реинтеграция. Третий принцип заключается в важности учета процесса европейской интеграции. Четвертый принцип требует выработки общей позиции в региональных и глобальных организациях³⁸.

С тех пор как Османское государство доминировало на Балканах, отмечает А. Давутоглу, традиционная османская/турецкая балканская политика имеет две основные опоры: бошняки и албанцы. Эти два народа Балкан переложили ответственность за свою судьбу в балканской геокультуре, держащейся на католическо-православно-исламской или римско-германо-русско-османской традиции, на ислам и османов³⁹.

А. Давутоглу указывает, что БиГ по-прежнему выполняет роль передового форпоста распространяющихся вглубь Центральной Европы политических, экономических и культурных связей Турции. Албания является барометром балканской политики Анкары. Невозможно обеспечить длительное влияние в регионе Турции, которая не может поддержать стабильность и безопасность Албании. Подчеркнув роль и значение БиГ и Албании, Давутоглу очерчивает более широкую геополитическую картину Балкан. С точки зрения Турции, начинающийся на северо-западе пояс на линии Бихач — Центральная Босния — Восточная Босния — Санджак — Косово — Албания — Македония — Кырджали — Западная Фракия с Восточной Фракией является жизненной магистралью балканской геополитики и геокультуры. Во время боснийской войны сербы стремились прервать связи на этой линии и, с одной стороны, захватив Восточную Боснию, разорвали связь Центральной Боснии с Санджаком и Косово, а с другой стороны, пытались изолировать Бихач. В последующие периоды войны, когда связь между Бихачем и Центральной Боснией была восстановлена, операция по этнической чистке в Восточной Боснии полностью разрушила связь между Санджаком и БиГ⁴⁰.

Далее А. Давутоглу подробно описывает геополитическое значение Косово в вышеуказанном поясе. Косово представляет собой географический центр связи между боснийско-санджакской осью, где бошняки составляют большинство населения, и македонско-албанской осью, где большинством населения являются албанцы. Ликвидация Косово

38 Ibid. P. 5–10.

39 *Davutoğlu A. Stratejik Derinlik...* S. 316.

40 Ibid. S. 317.

превратит боснийский элемент в меньшинство в Центральной Европе, в то время как албанцы перестанут быть этнической группой на Балканах, став маргинальной общиной на Адриатике. Обеспечение внутренней безопасности общин, живущих в этом поясе, сохранение культурного бытия, усиление экономической и социальной инфраструктуры, увеличение связи между общинами в поясе сделают Турцию сильной в условиях и мира, и напряженности в регионе. В противном случае демографическая ликвидация этого пояса приведет к значительному снижению эффективности Турции на Балканах⁴¹.

А. Давутоглу утверждает, что стратегия Турции в регионе пострадала от того, что она застряла между двумя крайностями — абсолютного господства или абсолютного отказа от него во время и после распада Османской империи. Другими словами, Турции не нужно покидать регион: если она не может доминировать, она может иметь влияние. По словам Давутоглу, Балканы были одним из примеров тактического бездействия из-за того, что они были зажаты между этими двумя крайностями господства и отказа от влияния. Он утверждает, что нежелание признавать важность исламской культуры было явным недостатком, который повлиял на турецкую позицию в отношении войны в БиГ. Более того, по его словам, Турции необходимо пересмотреть оборону Западной Фракии и Стамбула вне параметров холодной войны: в новых региональных условиях обороне может способствовать активное использование дипломатической и военной «зоны влияния», которая будет создана в регионе. А. Давутоглу предлагает участие в балканской повестке путем дипломатических и военных отношений с БиГ, Албанией, Косово и Македонией, что также послужило бы противовесом сербско-греческой коалиции⁴².

9. Межрегиональная зависимость и внутрирегиональные балансы

Возможность Турции достичь этой стратегической цели зависит от того, как она будет устанавливать глобальный и региональный балансы. Наиболее фундаментальная особенность, которая отличает Турцию от других балканских государств и дает ей значительное стратегическое преимущество, заключается в том, что она одновременно является ближневосточной, восточно-средиземноморской и кавказской страной.

41 Ibid. S. 318.

42 *Rüma I. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: Overestimated Change within Underestimated Continuity? // Turkey in the 21st Century: Quest for a New Foreign Policy / ed. Ö. Z. Oktav. Farnham, 2011. P. 138.*

Ни одно другое балканское государство не обладает возможностью вести подобную многостороннюю внешнюю политику. Сегодня существует взаимозависимость между разными областями региона, и именно Турция может лучше всех использовать эти связи⁴³.

А. Давутоглу полагает, что Турция, находясь перед необходимостью учета глобальных сил и балансов во внутрирегиональных отношениях, и в своей балканской политике должна развивать активную и эффективную дипломатию, которая будет постоянно следить за региональными балансами. На Балканах он выделяет три кольца, которые проходят по оси Косово.

Первое кольцо, состоящее из Косово/Сербии, Албании и Македонии, — внутреннее, в котором преобладают противоречия, вызванные существующим разделом этнических албанцев. Второе кольцо, охватывающее страны, вовлеченные в расширившийся конфликт, состоит из Греции, Югославии (расширенной Сербии), Болгарии, Турции, БиГ. Третье кольцо включает в себя страны, которые могут повлиять на баланс в двух внутренних поясах, а именно Хорватию, которая может вмешаться в положение в БиГ, Венгрию, которая может вмешаться в ситуацию в Воеводине, и Румынию, которая может повлиять на все эти балансы благодаря своему географическому положению. В отношении этих трех колец, считает А. Давутоглу, необходимо осуществлять скоординированную дипломатию.

Самым важным в первом кольце балансов, с точки зрения Турции, является превращение Албании в мощную структуру и всестороннее сотрудничество с этой страной на Балканах. Иначе возможно увеличение влияния Греции и Италии на Албанию в противовес Турции. Албанский кризис и его последствия имеют потенциал для более глубокого регионального конфликта, чем в БиГ⁴⁴. Наиболее чувствительной точкой первого кольца А. Давутоглу считает македонско-албанские отношения. Существование македонского государства, находящегося под давлением Сербии, Греции и Болгарии, может быть защищено вместе с албанцами, которые составляют примерно половину населения Македонии.

Стремления стран, находящихся во втором кольце, к внутреннему альянсу должно быть сбалансировано постоянными противоположными альянсами. Самое главное здесь состоит в предотвращении антитурецкого регионального союза, который может сформироваться путем перехода Болгарии к сербско-греческому альянсу. Возможный

43 *Davutoğlu A. Stratejik Derinlik...* S. 318.

44 *Ibid.* S. 319.

сербско-греческо-болгарский блок откроет путь к росту давления на стратегический пояс, являющийся жизненно важным для Турции, распаду Македонии и фактическому разрыву отношений с БиГ и Албанией. Поэтому А. Давутоглу считает необходимым расширить как двусторонние, так и многосторонние отношения с Болгарией, в том числе по балканским вопросам.

Связи с Румынией, Венгрией, Словенией и Хорватией, находящимися в третьем кольце, должны быть расширены. В частности, должны быть еще более углублены экономические отношения с Румынией, которые уже находятся в очень хорошем состоянии. В случае возникновения балканского кризиса должна быть открыта транспортная линия, проходящая через Румынию и Дунай⁴⁵.

10. Глобальные стратегические инструменты в балканской политике

Согласно А. Давутоглу, есть два инструмента, которые может использовать Турция: системный и альтернативный. Системным инструментом является НАТО, в которое входит и Турция. США проводят благоприятную политику в отношении близких к Турции бошняков и албанцев. Второй важный инструмент, помимо системной роли НАТО, включает в себя Организацию исламской конференции (ОИК), которая может рассматриваться частично как несистемная⁴⁶.

Есть две причины для сохранения БиГ несмотря ни на что: конфликты между системными силами и психологическая и дипломатическая поддержка исламского мира. Сегодня оба этих инструмента, с одной стороны, ООН и НАТО, с другой стороны, ОИК, должны использоваться и в отношении Косово. Турция, стремясь продумать стратегические и тактические шаги, направленные на защиту своих интересов на Балканах, и в частности в Косово, должна предвидеть возможные последствия развития событий⁴⁷.

А. Давутоглу поставил амбициозную задачу — используя международные платформы, последовательно вовлечь Турцию в глобальные вопросы, что будет означать трансформацию Турции к 2023 г., столетия образования республики, из центральной державы, окруженной регионами, в глобального игрока⁴⁸.

45 Ibid. S. 320.

46 Ibid. S. 321.

47 Ibid. S. 322.

48 *Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision... P. 96.*

Заключение

А. Давутоглу, *геополитически* определяя Турцию как центральную державу, окруженную регионами, с которыми имеются географические, исторические и культурные связи, предлагает создать «стратегическую глубину», состоящую из ближнего сухопутного, морского и континентального поясов. Эти взаимосвязанные пояса являются продолжением друг друга и конусообразно расширяются вокруг Турции.

Балканы являются одним из трех регионов близлежащего сухопутного пояса. Основой политического влияния Турции здесь являются бошняки и албанцы. Двумя базовыми осями, на которых основана *балканская геополитика*, становятся БиГ и Косово. Хотя Дейтонское соглашение сохранило БиГ как государство, однако разделило его так, что бошняки оказались отрезанными от морских и сухопутных выходов во внешний мир. Косовский кризис активизирует албанский вопрос, являющийся другой центральной проблемой Балкан. Ликвидация Косово превратит бошняков в меньшинство в Центральной Европе, а албанцы станут меньшинством в Юго-Восточной Европе. Македония, имеющая проблемы с Сербией, Грецией и Болгарией, а также со своим албанским населением, является еще одной узловой точкой балканского вопроса. Узкий пояс, соединяющийся линией Бихач — Центральная Босния — Восточная Босния — Санджак — Косово — Албания — Македония — Кырджали — Западная Фракия с Восточной Фракией, становится жизненной артерией балканской геополитики и геокультуры.

Конфликты в БиГ и Косово А. Давутоглу оценивает под углом зрения *глобальных, региональных и местных противоречий и балансов*. Необходимо соблюсти баланс в отношении как России и Германии/Европы, так и США. На региональном уровне, чтобы не оставаться в одиночестве перед лицом антитурецкого балканского блока, Давутоглу предлагает союз Турции с БиГ и Албанией, а также сотрудничество с Болгарией — в противовес союзу между Сербией, Грецией и Болгарией.

Внешнеполитическая стратегия Турции может заключаться в пересмотре отношений с центрами силы. На глобальном уровне Анкара будет стремиться к построению нового международного политического, экономического и культурного порядка. На балканском уровне видение Анкары — это региональный порядок, где местные государства экономически интегрированы друг с другом.

Регионализм А. Давутоглу считает важнейшей *основой и предпосылкой балканской политики*, подчеркивая в этой связи важность

принципов региональной ответственности и вовлеченности, региональной реинтеграции с учетом европейской интеграции, а также общей позиции в международных организациях.

Наряду с выделением БиГ и Косово в качестве основы турецкого влияния А. Давутоглу также отмечает использование экономических рычагов и вовлечение неправительственных игроков по всему полуострову, что создает определенный дисбаланс. Нельзя также не заметить несовместимость региональной и европейской интеграции, даже их противоречие, что создает для балканской политики Турции дилемму. Став членами ЕС, балканские страны теряют интерес к региональной интеграции. Важная для Турции гео-историко-культурная полоса с преимущественно мусульманским населением, прямо посередине разделяющая Балканы на три части, может отвечать российским интересам. В северной части помимо Болгарии и Румынии оказывается Сербия, с которой у России существуют особые отношения. В средней части — БиГ, Албания и Македония, страны, представляющие интерес для Турции. В южной части остается Греция. Россия и Турция могут действовать как самостоятельно, так и в партнерстве в своих «зонах интересов».

Источники и литература

Davutoğlu A. A Forward Looking Vision for the Balkans // SAM Vision Papers. October 2011. No. 1.

Davutoğlu A. Principles of Turkish Foreign Policy and Regional Political Structuring // SAM Vision Papers. April 2012. No. 3.

Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 582 s.

Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight. Turkey. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–78.

Demir V. Historical Perspective: Ottomans and the Republican Era // Turkey's Public Diplomacy / eds. B. S. Çevik and Ph. Seib. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 43–65.

Rüma I. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: Overestimated Change within Underestimated Continuity? // Turkey in the 21st Century: Quest for a New Foreign Policy / ed. Ö. Z. Oktav. Farnham: Ashgate, 2011. P. 135–157.

Shtavica M. Turkish Relations with Balkan Countries and its Influence During AKP's 2002–2013 Era. URL: https://www.academia.edu/11814316/Turkish_Relations_with_Balkan_countries_and_its_influence_during_AKPs_2002-2013_era (дата обращения: 24.07.2019).

References

- Davutoğlu, A. *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, 582 p.
- Davutoğlu, A. "Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007." *Insight. Turkey*, vol. 10, no. 1, 2008, pp. 77–78.
- Davutoğlu, A. A "Forward Looking Vision for the Balkans." *SAM Vision Papers*, no. 1, Oct. 2011.
- Davutoğlu, A. "Principles of Turkish Foreign Policy and Regional Political Structuring." *SAM Vision Papers*, no. 3, April 2012.
- Demir, V. "Historical Perspective: Ottomans and the Republican Era". *Turkey's Public Diplomacy*, ed. by B. S. Çevik, Ph. Seib, New York: Palgrave Macmillan, 2015, p. 43–65.
- Rüma, I. "Turkish Foreign Policy towards the Balkans: Overestimated Change within Underestimated Continuity?" *Turkey in the 21st Century: Quest for a New Foreign Policy*, ed. by Ö. Z. Oktav, Farnham: Ashgate, 2011, pp. 135–157.
- Shtavica, M. *Turkish Relations with Balkan Countries and its Influence During AKP's 2002–2013 Era*, https://www.academia.edu/11814316/Turkish_Relations_with_Balkan_countries_and_its_influence_during_AKPs_2002-2013_era. Accessed 24 July 2019.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.06

Mamedov I. M.

A. Davutoglu's Doctrine of Strategic Depth and the Balkans

Ilgar M. Mamedov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ilgarmm@yandex.com

ORCID: 0000-0003-4032-4571

Citation

Mamedov I. M. A. Davutoglu's Doctrine of Strategic Depth and the Balkans // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 126–147 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.06

Received: 07.06.2021.

Abstract

A. Davutoglu defines Turkey as a central regional power located in the middle of Afro-Eurasia and surrounded by regions with which it does not only have geographical proximity, but also historical and cultural ties. Consisting of three belts, these regions constitute the strategic depth of Turkey. The Balkans are one of them. The two basic axes on which Turkey's Balkan geopolitics is based are Bosnia and Herzegovina, and Kosovo. The Bosnian, the Macedonian, and the Albanian issues (the latter being an extension of the Kosovo issue) are key regional problems. A. Davutoglu considers them from the point of view of global, regional, and local challenges. Turkey should keep track of external regional factors and internal regional balances. At the global level, Ankara is striving to build a new international political, economic, and cultural order. Regionalism is the most important basis and requirement for the Balkan policy aimed at creating a regional order based on the principles of regional responsibility, inclusiveness, and economic integration, and aspirations for European integration. There is an incompatibility, moreover, a contradiction of regional and European integration, which creates a dilemma for the Balkan policy of Turkey.

Keywords

Adjacent basin, Balkans, central power, geo-cultural ties, geopolitics, geo-economics, strategic depth.

УДК 81'367.624.4-162.4(045)
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.01

Ващенко Д. Ю.

**Словацкие наречия группы «часто»:
проблема квазисинонимии¹**

Ващенко Дарья Юрьевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Цитирование

Ващенко Д. Ю. Словацкие наречия группы «часто»: проблема квазисинонимии // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 148–169.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.01

Статья поступила в редакцию 22.07.2021.

Аннотация

В статье на материале Национального корпуса словацкого языка (Slovenský národný korpus) рассматривается семантика словацких лексем *často* и *neraz* — двух наиболее частотных наречий, входящих в семантическую группу темпоральных слов с общим значением высокой повторяемости действия. Анализируются характеристики наречий, их относительная сочетаемость, которая вычленяется при помощи меры ассоциации \logDice , а также взаимная встречаемость наречий в пределах одного контекста. Выполненный анализ показал, что наречия не являются полными синонимами. Для *často* основную сферу сочетаемости образуют коллокации с глаголами и причастиями, обладающие семантикой обнаружения, появления; сочетания с фреквентативными глаголами. *Neraz*, в свою очередь, тяготеет к частицам, подчеркивающим значительность ситуации, а также к частицам со значением ‘буквально, действительно’; из глагольных коллокаций для наречия свойственны главным образом сочетания с ментальными предикатами, обозначающими процесс убеждения. Отдельную тематическую область, с которой связано употребление наречия *neraz*, формируют слова, так или иначе обо-

¹ Выражаю глубокую признательность рецензенту за ценные замечания и исправления.

значающие жизненные трудности. Тем самым семантика *často*, в отличие от *neraz*, предполагает регулярность повторяемости; *neraz* обозначает не только нерегулярные, но в первую очередь нестандартные ситуации, это наречие в значительной степени ориентировано на субъекта восприятия. В случае совместного употребления обоих наречий там, где не происходит их нейтрализации, ситуация, обозначаемая *neraz*, чаще имеет место после ситуации, обозначенной *často*, и является ее прямым следствием. Кроме того, *často* может маркировать ситуации более частотные, нежели *neraz*.

Ключевые слова

Семантика, темпоральная лексика, наречие často, наречие neraz, сочетаемость, меры ассоциации, словацкий язык, корпусная лингвистика.

1. Предметом рассмотрения в статье являются словацкие темпоральные наречия, общее значение которых предполагает, что ситуация повторяется с определенной периодичностью и число таких повторений представляется говорящему высоким. В словацком языке данную группу, в порядке убывания частотности в Словацком национальном корпусе (Slovenský národný korpus, далее SNK)², формируют следующие лексемы: *často* (479 938 вхождений), *neraz* (59 093), *viackrát* (41 206), *mnohokrát* (15 198), *veľakrát* (12 976), *častokrát* (8609), *podchvilou* (5586), *čochvíľa* (3545). Наиболее частотным здесь является *často*, встречаемость *neraz* и *viackrát* примерно в десять раз ниже, при этом оба наречия сопоставимы по частотности; наконец, относительно распространены и сравнимы между собой в отношении употребительности наречия *mnohokrát* и *veľakrát*.

Мы рассмотрим два наиболее употребительных темпоральных наречия из этой группы — *často* и *neraz*. В толковых словарях и словарях синонимов словацкого языка они фактически трактуются как синонимы. Так, в «Кратком словаре словацкого языка» (KSSJ) *často* толкуется через лексемы *veľa rás*, *mnohokrát* и через антоним *zriedka*. В «Словаре современного словацкого языка» (SSSJ) у *často* различаются два значения, ср.: «*často* 1. многократное повторение (нерегулярное), в обильном количестве, частотно»... «2. во многих случаях, нередко».

² Slovenský národný korpus — prim-9.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <https://korpus.juls.savba.sk>.

«Словарь синонимов словацкого языка» (SSS) указывает, что «*často* выражает (нерегулярную) повторяемость действия, состояния и т. д., при этом число повторений велико». В свою очередь, для *neraz* KSSJ приводит синонимы *nie raz, často, veľa ráz*. SSSJ дает следующее толкование: «*neraz*... 1. достаточно часто. 2. нерегулярно, через некоторые промежутки времени». SSS интерпретирует *neraz* через синонимы *často* и *veľakrát*. Тем самым для обеих наречий выделяются два значения — фреквентативное и экзистенциальное³, причем для *často* в качестве основного называется фреквентативное значение, в то время как для *neraz* — экзистенциальное. Других различий между данными наречиями в толковых словарях и словарях синонимов не проводится.

В наши задачи входит рассмотрение семантики наречий *často* и *neraz* на основе их сочетаемостных характеристик и установление между ними отношений синонимии / квазисинонимии. Отдельно мы рассмотрим совместное употребление наречий и случаи возможной контекстуальной синонимии между ними⁴.

Работа выполнена на материале Словацкого национального корпуса (SNK). Версия *prim-9.0-public-sane*, которой мы здесь пользуемся, была актуализирована в 2020 г. и насчитывает 1621 млн словоупотреблений, из которых 73,6 % приходится на публицистические тексты, 16,2 % — на художественные, 9,2 % — на научные и профессиональные, 0,9 % — на иные. Специфику SNK составляет довольно большой объем переводных текстов: при общем размере подкорпуса художественных текстов в 263 млн словоупотреблений / 208 млн слов объем оригинальных словацких художественных текстов составляет 93 млн словоупотреблений / 74 млн слов. В наших подсчетах мы будем учиты-

3 Е. В. Падучева для русского наречия *часто* выделяет собственно темпоральное значение ‘через короткие промежутки времени’, значение ‘когда X, то во многих случаях Y’ и значение ‘во многих случаях’ (Падучева 2009 [1989]: 235).

4 В современной русистике наречия группы «часто» анализируются в работе (Степаньчева 2010), где автор на основании комплексного анализа наречий *часто* и *зачастую* приходит к выводу об их неполной синонимии, заключающейся в том, что *часто* может употребляться как в темпоральном значении (‘через короткие промежутки времени’), так и в квантитативном (‘во многих случаях’), ср. (Там же: 73). Отдельно рассматривается функциональный и стилистический потенциал наречий. Оба наречия упоминаются и в монографии Е. С. Яковлевой (Яковлева 1994), которая видит разницу между ними в модально-оценочной отмеченности *зачастую* и ее отсутствии у нейтрального *часто* (Там же: 300).

вать в том числе переводные тексты; жанрово-стилистическая маркированность местоимений в рамках данной статьи не рассматривается, данный вопрос требует специального исследования.

При анализе мы пользуемся корпусными данными двух типов. Сначала будут рассмотрены показатели мер ассоциации, когда во внимание принимается сочетаемость каждой из лексем, образующих соотносительную пару, и по определенной формуле вычисляется мера притяжения между ними (Stefanowitsch 2020)⁵. В отличие от данных абсолютной частотности (общее число сочетаний двух лексем в Корпусе), которые помогают установить ограничения на сочетаемость, меры ассоциации выявляют тенденции к совместной встречаемости лексем и определяют не ограничения как таковые, но «зоны преимущественной сочетаемости», тяготение слова к определенному кластеру лексики. При работе с близкими синонимами это дает хорошие результаты в случае, если разница между лексемами минимально ощущается носителями языка. Мы здесь будем пользоваться только одной мерой ассоциации — \logDice , которая является основной в рамках обслуживающей Словацкий национальный корпус программы NoSketchEngine. Как мера ассоциации \logDice предлагается в статье (Rýchly 2008), апеллирующей к более ранней работе Л. Дайса (Dice 1945). На словацком материале см. применение данной меры в (Kesselová 2017). Во всех случаях мы анализировали меры ассоциации между лексемами, а не между словоформами (в окне поиска было введено lemma, но не word). Расстояние между коллокатами было выбрано от -6 до 6 токенов, списки полученных коллокаций содержат первые 60 вхождений. Далее будут проанализированы данные совместной встречаемости лексем *často* и *neraz*, причем в качестве опорной леммы было выбрано более частотное *často*, расстояние между коллокатами задавалось от -6 до 6 токенов. Случаи препозиции / постпозиции *neraz* по отношению к *často* рассматривались отдельно.

2. Данные \logDice для наречий *často* и *neraz*.

2.1. Показатели меры ассоциации для наречия *často* демонстрируют следующую картину.

5 «Меры ассоциации — статистические формулы, вычисляющие силу синтагматической связи элементов в составе устойчивого словосочетания на основе частоты совместной встречаемости, частот в данном корпусе каждого отдельного слова и других характеристик» (Захаров, Масевич 2014: 49).

2.1.1. Высшие строчки занимают сочетания наречия *často* с глаголами и причастиями с семантикой обнаружения, появления: *vyskytovať sa* ‘встречаться’, *vyskytujúci sa* ‘встречающийся’, *objavovať sa* ‘появляться’ (1), (2):

(1) *Veľa ľudí na Slovensku má problémy s inkontinenciou, chronickými ranami, kŕčovými žilami či hypertenziou. Ide o zdravotné problémy a ochorenia, ktoré sa vyskytujú pomerne často, viac sa objavujú u staršej generácie, či telesne postihnutých.* (Многие в Словакии имеют проблемы с инконтиненцией, хроническими язвами, судорогами или гипертонией. Речь идет о проблемах и заболеваниях, которые **встречаются относительно часто**, причем больше у людей старшего поколения или лиц с ограниченными физическими возможностями).

(2) *Divácke očakávania boli asi iné, pričom sa často objavuje názor, že naše vystavené práce nie sú také dobré, ako tie predchádzajúce.* (Ожидания зрителей, впрочем, были иными, причем **нередко встречается** мнение, что наши выставленные работы не так хороши, как предыдущие).

2.1.2. Другую обширную группу коллокаций составляют сочетания с фреквентативными глаголами — *vidat’ (sa)*, *vidavať (sa)* ‘время от времени видеть(ся)’ (3), (4), *myslievať* ‘время от времени думать’ (5):

(3) *Často som vidal krvné bunky v mikroskope. Dôverne poznám funkciu a tvar každej z nich <...>. (Я часто видел кровяные клетки крови в микроскопе. Я досконально знаю функцию и форму каждой из них <...>).*

(4) *Za posledných šesť mesiacov som ju často vidaval v bare, a tu vidíte ľudí bez prikras.* (За последние шесть месяцев **я ее часто видел** в баре, а тут вы видите людей как они есть).

(5) *O čom asi rozmýšľal? V poslednom čase veľmi často mysleval na otca, stále ho mal pred sebou, živého, bez náhodných chýb <...>.* (О чем же он думал? В последнее время он **очень часто думал** об отце, тот стоял у него перед глазами, живой, без случайных ошибок <...>).

2.1.3. К предыдущей группе примыкают сочетания с фреквентативом *chodiť* ‘время от времени ходить, навещать’, а также с лексемой *navštevovať* ‘посещать’. Глагол здесь подчеркивает положи-

тельное отношение говорящего (так любил, что посещал/навещал). В (6) говорящий рассказывает о своей любви к Словакии, в (7) — о любви к другу.

(6) *Chodieval som veľmi často na Slovensko, mám tu veľa priateľov, strávil som tu veľa času v mladosti. (Я очень часто посещал Словакию, у меня тут много друзей, в молодости я провел тут много времени).*

(7) *Bol kamarátom, ktorého som do poslednej chvíľe často navštevovala. Nedá sa naňho zabudnúť. (Он был другом, которого я до последнего часто навещала. О нем невозможно забыть).*

2.1.4. Наконец, частотными для *často* являются сочетания с глаголом *používať* ‘использовать’. В (8) приложение отслеживает, насколько интенсивно используется мобильный телефон, в (9) говорится о частотности добавления орехов в блюдо.

(8) *Problémom je, že mnohí ľudia strácajú pojem o čase, keď sa “hrajú” s telefónom. Preto odporúča inštaláciu aplikácie Menthal, ktorá používateľa informuje o tom, ako často telefón používa. (Проблема в том, что многие люди теряют представление о времени, когда «играют» с телефоном. Поэтому он рекомендует установить приложение Ментал, которое информирует пользователя о том, как часто он использует телефон).*

(9) *Kari jedlá sú stredne štiplavé, vindaloo je najštiplavejšie, jedlá, kde je kurkuma, sú pripravené na mliečnom základe. Sú jemnejšie a voňavejšie, často sa do nich používajú orechy, mandle či kešu oriešky a myslím, že Slovákom by veľmi chutili. (Блюда с карри средние по остроте, виндалу самое острое, блюда, в которых есть куркума, готовят на молочной основе. Они более нежные и ароматные, часто в них добавляют орехи, миндаль или кешью, и я думаю, словакам они должны очень понравиться).*

2.2. Коллокации, характерные для *neraz*, распадаются на две большие группы — сочетания с частицами и с глаголами.

2.2.1. Из сочетаний с частицами для *neraz* свойственны коллокации с лексемами, подчеркивающими значительность ситуации, — ср. *priam* ‘действительно, в самом деле’, *poriadne* ‘значительно, как следует’. Речь идет не столько о высокой частотности повторения,

сколько о качественной нестандартности происходящего. В (10) мальчик, по словам его матери, является крайне чувствительным. В (11) женщина настолько устала, что еле терпит ту, о ком идет речь, т. е. «часто» здесь означает «гораздо чаще, чем хотелось бы».

(10) *Takí ako môj syn sú pre nich ľahká korisť. Čosi už videl, čosi sa dozvedel, veľa číta. Neraz priam vyskočí od pohnutia, keď v knihe objaví presne to, na čo predtým prišiel sám.* (Такие, как мой сын, для них легкая добыча. Он кое-что уже видел, кое-что узнал, много читает. **Часто** он **буквально** подпрыгивает от напряжения, когда в книге находит именно то, к чему прежде пришел сам).

(11) *Pokiaľ sa pamätám, vždy bývala taká nevrľá — kade chodila, tade hundrala. Ustavične mi niečo vyčítala a hrozila zatratením duše. Neraz bola priam neznesiteľná.* (Сколько я себя помню, она всегда была такой раздражительной, ходила везде, ворчала. Всё время меня в чем-то упрекала, грозила, что я погублю свою душу. **Часто** она была **просто** невыносимой).

2.2.2. Высокие показатели меры ассоциации для *neraz* имеют сочетания с частицами *doslova* ‘буквально, дословно’, *dokonca* ‘буквально, даже’, *veru* ‘действительно’, *ba* ‘даже’. Так, в (12) энтузиасты фиксируют традицию на грани исчезновения, в (13) описывается крайне затруднительная ситуация — покупатели вынуждены стоять в очереди за тележкой, чего в норме не должно быть, в (14) жители дома должны были бы подкладывать дрова в очаг, однако не делали этого.

(12) *“Žijeme v zmiešanom prostredí maďarsko-nemecko-slovensko-mantáckom a radi by sme špecifiká tejto zaujímavej kultúry, vytváranéj celé desaťročia, zachovali aj pre budúcnosť. Neraz ide doslova o kriesenie takmer mŕtvych tradícií,” konštatovala.* («Мы живем в смешанной венгерско-немецко-словацко-карпатонемецкой среде и хотели бы сохранить для потомков своеобразие этой интересной культуры, которая складывалась десятилетиями. **Часто** речь идет **фактически** о воскрешении почти что мертвой традиции», — констатировала она).

(13) *Ešte pred rokom v Malackách pôsobili len dva veľké supermarkety, počas víkendov a sviatkov boli tieto predajne značne preplnené, čo výrazne znížilo komfort nakupovania. Neraz ľudia museli dokonca vystáť rad na nákupný vozík.* (Еще год назад в Малацках работали только

два больших супермаркета, в выходные и праздники эти магазины были сильно переполнены, что существенно снижало комфортность процесса покупки. **Часто** людям приходилось **буквально** выстаивать очередь за тележкой).

(14) *Izbu osvetľovalo len matné svetlo, ktoré vyžarovala pahreba na kochu. Neraz veru zabudli na ňu prihodiť ďalšie polienko.* (Комнату озарял только тусклый свет: догорали остатки дров в камине. **Часто** они **даже** забывали подбросить в него дров).

В следующих двух примерах происходит градация ситуаций по нестандартности. В (15) говорящий рассказывает о своем социально маркированном отношении к людям (равнодушие, злость), при этом более агрессивное поведение вводится через *neraz*. В (16) противопоставляются две ситуации — та, которая соответствует ожиданиям слушающего, и та, что им не соответствует, при описании второй употребляется *neraz*.

(15) *Vykonal som množstvo nepekých vecí. Bol som ľahostajný k ostatným ľuďom, nevšimá som si ich city, ba čo viac, neraz mi robilo radosť ubližovať im.* (Я совершил много некрасивых поступков. Я был равнодушен к другим людям, не принимал во внимание их чувства, **более того, часто** мне доставляло удовольствие обижать их).

(16) *Mám zásadu prijímať na oddelenie len takých lekárov a ošetrovatel'ky, čo sa hlásia dobrovoľne. Nikdy som však nemal nedostatok personálu. Ba práve naopak, neraz som musel ľudí odmietat'.* (Я из принципа принимаю в свое отделение только тех врачей и медсестер, которые находят нас сами. При этом у меня никогда не было недостатка в персонале. **Даже наоборот, часто** мне приходилось отказывать людям).

2.2.3. Из глагольных коллокаций для *neraz* характерны в первую очередь сочетания с ментальными предикатами, обозначающими процесс убеждения, ср. глаголы *presvedčiť' (sa)* ‘убедить(ся)’, *dokázať* ‘доказать’, к ним примыкает глагол *spôsobovať* ‘вызывать, обуславливать’. В (17) пациентка не хочет воспринимать рациональную аргументацию, и говорящему трудно ее убедить. В (18) сперва утверждается, что спортсмен подтверждал свой титул чемпиона, после чего приводится пример такой победы. В (19) речь о предельно напряженной и при этом объяснимой ситуации.

(17) “*Tento marker bol navyše často aj falošne vyšší, hoci žena bola zdravá. Musela potom podstúpiť mnoho vyšetrení a okrem iného bolo neraz náročné presvedčiť ju, že rakovinu vaječníkov nemá,*” *tvrdí gynekológ MUDr. Peter Ilavský.* («Данный маркер к тому же часто давал ложноположительный результат, хотя женщина была здорова. Потом было много обследований и, кроме прочего, **часто было непросто убедить** ее, что рака яичников у нее нет», — утверждает гинеколог др. Петер Илавский).

(18) *Peter Sagan už neraz dokázal, že v stúpaniach vie súperiť s najlepšimi. Pred piatimi rokmi vyhral mimoriadne náročnú šiestu etapu na Tirreno — Adriatico.* (Петер Саган **уже не раз доказал**, что при подъемах он может соперничать с фаворитами. Пять лет назад он выиграл чрезвычайно важный этап Тиррено — Адриатики).

(19) *Tendencia zdôrazňovať negatívne stránky a rozpory medzi náboženstvami neprestajne spôsobuje nové, neraz celkom zbytočné problémy.* (Тенденция акцентировать негативные стороны и противоречия между конфессиями постоянно **провоцирует** новые, **часто** совершенно ненужные проблемы).

2.2.4. Наконец, еще одна группа коллокаций связана с тематической группой, характеризующей жизненные трудности, ср. *ťažký* ‘тяжелый’, *zložitý* ‘сложный’, *trpieť* ‘страдать’, *žiaľ* ‘к сожалению’. Ср.: в (21) речь о тяжелом состоянии здоровья, в (22) говорящий отмечает, что междугородние поездки могут даваться пассажирам тяжело, в (23) человек страдает от депрессии, в (24) описывается крайне вредная для экологии ситуация:

(21) *Opatrenie si podľa nej vynútili opakujúce sa situácie, keď pre zaparkované autá sa k centrálnemu príjmu nemohli dostať záchranné vozidlá s pacientmi, neraz aj vo veľmi ťažkom stave.* (Меры предосторожности, по ее словам, были спровоцированы повторяющимися ситуациями, когда из-за припаркованных машин к центральному входу не могли попасть кареты скорой помощи с пациентами, **нередко даже в очень тяжелом** состоянии).

(22) *Predovšetkým prosím rodičov a učiteľov, aby svojim deťom, žiakom a študentom povedali, že s objemnými batohmi na chrbtoch v autobusoch MHD znepríjemňujú cestujúcim neraz aj tak zložité cestovanie.* (В первую очередь я прошу родителей и учителей, пусть скажут сво-

им детям, ученикам и студентам, что своими объемными рюкзаками за спинами в междугородних автобусах они портят пассажирам **часто и без того непростую** поездку).

(23) *K jeho priateľom v Prahe patrili Willy Haas a jeho spolužiak Franz Werfel. Vášnivo až do noci vedel diskutovať o literatúre, sám však nebol literárne veľmi činný. Neraz celé dni trpel depresiami.* (Его друзьями в Праге были Вилли Хаас и его однокурсник Франц Верфель. Он мог страстно до поздней ночи спорить о литературе, однако сам как литератор был не слишком активным. **Нередко он целыми днями страдал** от депрессии).

(24) *V týchto dňoch sme až príliš často svedkami nezdravého javu, keď najmä z našich záhrad sa po širokom okolí valí dym. Občania totiž pália opadané lístie zo stromov. Žiaľ, neraz v plameňoch sa ocitajú aj rôzne odpady, čo životné prostredie ešte viac zhoršuje.* (В эти дни мы даже слишком часто становимся свидетелями вредной для здоровья ситуации, а именно когда из наших садов на всю округу валит дым. Это граждане жгут опавшую листву. **К сожалению**, в пламени **часто** оказывается различный мусор, что еще больше загрязняет окружающую среду).

3. Во второй части статьи будут рассмотрены случаи совместного употребления *často* и *neraz*. Их общее число составляет 826 вхождений, случаи препозиции *často* по отношению к *neraz* насчитывают 573 вхождения, а случаи постпозиции — 254 вхождения, что примерно вдвое меньше. Контексты взаимной сочетаемости наречий делятся на две группы — те, в которых наблюдается их контекстуальная синонимия, и те, где этого не происходит и каждое из наречий демонстрирует свою специфику.

3.1. Случаи, в которых наречия взаимозаменяемы, могут быть следующими:

3.1.1. Одно из наречий маркирует множество, а второе выделяет в нем «интенсивное» подмножество, либо же одно наречие обозначает более стандартное множество, а второе — менее стандартное.

См. примеры с препозицией *často*, где после *neraz* стоят модификаторы *aj, i* ‘даже’, *priam* ‘прямо, дословно’. В (25) работа говорящего часто сопряжена с радостью, но в ряде случаев еще и с трудностями (т. е. по факту и с радостью, и с трудностями). В (26) *často* маркирует более частотную и менее напряженную ситуацию (просто уставшая учащаяся), *neraz* — менее частотную и более напряженную (уставшая до опустошенности).

(25) *Zdá sa, že mne v Rumunsku boli zverené osudy detí. Venujem sa im, často s radosťou, no neraz aj s ťažkosťami.* (Кажется, что в Румынии мне были вверены судьбы детей. Я посвящаю себя им, **часто** с радостью, но **нередко и** преодолевая трудности).

(26) *Vstávala zavčasu a niekedy študovala aj do druhej po polnoci. Usilovné štúdium bolo korunované dobrými výsledkami v škole, ale jej zdravotnému stavu to neosožilo. Často sa cítila ustatá, neraz priam vyčerpaná.* (Она вставала рано и иногда занималась до двух ночи. Усердная учеба имела своим результатом хорошую успеваемость в школе, но здоровью это не способствовало. Она **часто** чувствовала себя уставшей, **нередко прямо-таки** опустошенной).

Ср. аналогичные случаи с постпозицией *často*, когда это наречие маркирует подмножество ситуаций в некотором более значительном множестве. В (27) деревья вырубают в том числе во время гнездования птиц, в (28) на фермеров оказывают дополнительное давление те, кто по идее должен их защищать.

(27) *Štátom dotované firmy, vyrábajúce drevenú štiepku na energetické účely totiž neraz necitlivo vyrúbu tieto dreviny, často aj počas hniezdenia, upozorňuje ornitológ.* (Дело в том, что фирмы, находящиеся на государственном финансировании и производящие деревянную щепу для энергетики, **нередко** бездумно вырубает эти деревья, **часто даже** во время гнездования, подчеркивает орнитолог).

(28) «<...> *Je znepokojujúce, že tieto peniaze nejdú tam, kde by mali, najmä na podporu malých farmárov, ktorí sú na Slovensku neraz pod tlakom veľkých zoskupení a často aj pod tlakom štátnych orgánov, ktoré nekonajú v ich prospech,*» vysvetlil Štefanec. («<...> Беспокоит, что эти деньги идут не туда, куда должны были бы идти, а именно на поддержку мелких фермеров, которые в Словакии **нередко** находятся под давлением больших кооперативов, а **часто и** под давлением государственных органов, которые действуют не в их интересах», — объяснил Штефанец).

3.1.2. Другим случаем контекстуальной нейтрализации наречий является их употребление в ситуациях, ранжированных по частотности. Как правило, в этих случаях *často* всё же маркирует большую частотность, нежели *neraz*. Так, в (29) наречие *vždy* 'всегда' называет

общее явление, в котором затем выделяются две группы ситуации — более стандартные (*často*) и менее стандартные (*neraz*):

(29) *Jozef Adamec má miesto vo vitríne slovenského futbalu. Aj v hráčskom oddelení, aj v trénerskom. Vždy svojský, často originálny, neraz prekvapivý. V dobrom či zlom, ľudský. Obyčajný v tom pravom zmysle slova.* (Йозеф Адамес занял свою нишу в словацком футболе. И среди игроков, и среди тренеров. **Всегда** свой, **часто** оригинальный, **нередко** удивительный. В хорошем и в плохом — человечный. Обычный в прямом смысле слова).

В (30) обобщающее *vždy* стоит в постпозиции к *často* и *neraz*, из которых *často* называет основное множество, а *neraz* — дополнительное подмножество:

(30) *Pri robote s drevom sa často poranil, neraz pritom tiekla krv, no vždy to riešil vreckovkou alebo nejakým domácky pripraveným preparátom. Aj teraz.* (При работе с деревом он **часто** ранил себя, **нередко при этом** текла кровь, но **всегда** он выходил из ситуации при помощи носового платка или какого-нибудь домашнего средства. Вот и сейчас).

В следующих примерах *často* употребляется синонимично тому кванторному наречию, которое указывает на максимальную частотность повторения — *vždy* (31), *zvyčajne* ‘обычно’ (32):

(31) *Moc nás vždy alebo často nútila zabúdať. Moci neraz vyhovujú spretrhané súvislosti <...>.* (Власть нас **всегда или часто** заставляла забывать. Власти **нередко** выгодны запутанные обстоятельства <...>).

(32) *Kolomanovia sú záhadní. Svoje aktivity uskutočňujú najradšej v noci. Neraz sa prejavujú ako nevlúdni. Často sú mlčanliví, utiahnutí do seba a ťažko menia svoje názory. Zvyčajne sú to disciplinovaní študenti, schopní značného vypätia.* (Коломаны — загадочные личности. Активную деятельность они больше любят вести ночью. **Нередко** выглядят нелюбезными. **Часто** они молчаливы, погружены в себя, с трудом меняют свои взгляды. **Обычно** это дисциплинированные студенты, способные переносить серьезные нагрузки).

Встречаются случаи, когда употребление второго наречия выполняет сугубо усилительную функцию. В следующем примере выска-

зывание не содержит других кванторных наречий, т. е. употреблены только *neraz* и *často*, при этом *často* уточняет *neraz* и подчеркивает, что речь идет о максимальной частотности:

(33) *Odvtedy, ako Radeka vymenovali za Čičerinovho zástupcu, Repnin sa s ním stretával na Ludovom komisariáte, a neraz, ba veľmi často, sa s ním rozprával.* (С тех пор как Радека назначили заместителем Чичерина, Репнин встречался с ним в Народном комиссариате, и **нередко, даже очень часто**, с ним разговаривал).

3.2 Контексты, где наречия проявляют свою специфику, могут быть следующими:

3.2.1. Препозиция *často* по отношению к *neraz*; при этом ситуация, обозначенная *neraz*, происходит после ситуации, обозначенной *často*, и является ее прямым следствием. В частности, подобное встречается в сложноподчиненных предложениях с придаточными относительными. Контекст имеет общий вид «появляется X (*často*), который делает Y (*neraz*)» — при этом действие Y, как правило, носит аномальный, по мнению говорящего, характер. Ср.: в (34) собеседник считает говорящего способным (*často*), сам говорящий считает себя неспособным, но все-таки делает то, что от него хотят (*neraz*), в (35) в библиотеку приходят студенты (*často*), которые находят в ней редкие книги (*neraz*):

(34) *Ďalšia vec, ktorá ma na Janovi strašne baví je, že chce odo mňa často veci, na ktoré mu neraz poviem: “Si ty normálny? To je technicky nemožné.” On však povie: “Ale ty si to vymyslíš.” A on vie, že si to vymyslím.* (Что мне еще в Яне страшно нравится — он **часто** хочет от меня **то, про что** я ему, **как правило**, говорю: «Ты в своем уме? Да это технически невозможно». На что он говорит: «Но ты ведь придумаешь». И он знает, что я придумаю).

(35) *Usilujú sa, berúc na vedomie záujem a požiadavky čitateľov rozširovať knižný fond rovnomerne pre všetkých potenciálnych záujemcov. Často prichádzajú študenti, ktorí tam neraz nájdu odbornú knihu ľahšie než v univerzitnom meste.* (Они стараются, учитывая интересы и пожелания читателей, расширять книжный фонд пропорционально для всех потенциальных посетителей. **Часто** приходят студенты, которым найти здесь книги по специальности **нередко** проще, нежели в университетском кампусе).

Подобное наблюдается также в сложносочиненных предложениях с союзом *a* ‘и’ — общий контекст имеет вид «*často* X *a* (potom) *neraz* Y», ср.: в (36) сначала люди узнают пилота, а затем просят у него автограф, в (37) информация о городе висит в сети несколько лет, после чего теряет актуальность:

(36) *Stano sa za svoju robotu nehanbí, tvrdí, že sa vyučil za letec-kého mechanika a obrábať kovy či zvárať nezabudol. Pri robote ho ľudia často spoznávajú a neraz ho žiadajú o podpis na fotografie, ktoré majú doma.* (Стано своей работы не стыдится, утверждает, что выучился на авиамеханика, но при этом не забыл, как работать с металлом или со сваркой. Когда он работает, люди **часто** узнают его **и нередко** просят подписать фотографию, которая есть у них дома).

(37) *Viceprimátor Martin Turčan hovorí, že aj vedenie mesta vníma potrebu zjednodušiť a sprehľadniť webovú stránku mesta. “Treba ju v prvom rade očistiť od starých vecí, ktoré tu často visia roky a neraz sú už zbytočné.”* (Вице-мэр Мартин Турчан говорит, что руководство города понимает необходимость сделать сайт города более простым и доступным: «В первую очередь необходимо очистить его от старого контента, который **часто** висит годами **и нередко** уже не нужен»).

В (38) *neraz* появляется в придаточном следствия, вводимом союзом *takže* ‘то есть, поэтому’:

(38) *Bankomaty sú im cudzie, vedeniu účtu by mnohí nerozumeli. Ona sama si chodí po dôchodok na poštu. “Som často mimo domu, takže neraz bol pre mňa problém, aby som dopoludnia vyčkávala, kým poštárka príde <...>,” hovorí Anna Kleinová.* (Банкоматы им не под силу, в счетах многие просто не разберутся. Она сама ходит за пенсией на почту. «Меня **часто** нет дома, **поэтому** мне **нередко** труднее ждать полдня, пока придет сотрудница почты <...>», — говорит Анна Кляйнова).

Ср. аналогичные случаи с препозицией *neraz*, когда следствие предшествует причине: в (39) люди двигаются неправильно (*neraz*), поскольку не знают, как на самом деле надо двигаться (*často*), в (40) посетители библиотеки благодарны (*neraz*) тому, кто нашел их забытые документы (*často*), в (41) найти виновного сложно (*neraz*), так как водители совершают нарушения в труднодоступных местах (*často*):

(39) *Našu kapacitu efektívne a tvorivo pracovať neraz obmedzujú fyzické problémy. Často si neuvedomujeme, ako nesprávne sa pohybujeme — sedíme, šoférujeme — a tak nemáme potrebu pohybovať sa lepšie.* (Наш ресурс для эффективной творческой работы **часто** стопорят физиологические проблемы. **Порой** мы не понимаем, как неправильно мы двигаемся — сидим, водим машину; тем самым у нас не возникает потребности двигаться лучше).

(40) *“Ani si neviete predstaviť, čo všetko dokážu ľudia zabudnúť v knihách. V prípade zabudnutých osobných a iných potrebných dokladov kontaktujeme vlastníka ihneď, tí sú neraz povďační, lebo často ich ani nenapadne, že takú dôležitú vec, ako je napríklad občiansky preukaz, si založia do požičanej knihy. <...>,” povedala na margo výstavy riaditeľka mestskej knižnice Dušana Šinalová.* («Вы даже не представляете, сколько всего люди могут забыть в книгах. В случае, если кто-то забыл личные и другие крайне необходимые документы, мы тут же оповещаем их владельца, и **часто** они нам за это благодарны, **поскольку порой** им даже в голову не придет, что такую важную вещь, как, например, паспорт, они могут положить в библиотечную книгу. <...>», — сказала «на полях» выставки директор городской библиотеки Душана Шиналова).

(41) *Dokazovanie páchatel'a dopravného priestupku je neraz zložité. Vodiči sa často spoliehajú na to, že policajné hliadky sa na niektoré miesta nedostanú a ich priestupok tak nikto nezaznamená.* (Доказать, кто виновен в дорожно-транспортном происшествии, **нередко сложно**. Водители **часто** пользуются тем, что дорожные патрули в некоторые места не доедут и их нарушение никто не зафиксирует).

Также нам встретилось несколько примеров, в которых, напротив, высказывания с *neraz* маркируют причину, а высказывания с *často* — следствие. Все они, однако, обладают определенной спецификой ввиду того, что во всех этих случаях причиной положения дел, маркированного с помощью *často*, является «экстремальный», нестандартный характер вызывающей его ситуации. Во всех этих случаях наречия появляются в придаточном причины, вводимом союзами *lebo*, *pretože* ‘потому что’, и придаточном следствия, вводимом *preto* ‘поэтому’. Так, в (42) археологи изучают единственное, что осталось от далекого прошлого, в (43) преподавательница действует не по правилам, поэтому ссорится с коллегами, в (44) защитники животных сдаются, так как сталкиваются с большими трудностями в работе:

(42) *Pohrebiská a hroby často skúmajú archeológovia, pretože sú neraz jediným pozostatkom dôb dávno minulých.* (Могильники и могилы **часто** составляют предмет интереса археологов, **поскольку нередко** они являются единственным свидетельством эпох давно минувших).

(43) *Naozaj jej už slabol zrak a bola čoraz zábudlivejšia, no — pabože — aká to bola schopná učiteľka! Keď nám chcela nejaký postup dôkladnejšie vysvetliť, alebo keď nás chcela zapáliť za metódu, ktorú zo svojho hľadiska pokladala za veľmi užitočnú, neraz porušovala predpisy. Preto často bývala s lekármi na nože, no tak nás pripravila, že keď sme sa s ňou lúčili, boli by sme zvládli pôrod aj so zviazanými očami.* (У нее уже начинало слабеть зрение, она становилась всё более забывчивой, но — боже мой — какая это была талантливая преподавательница! Когда она хотела нам что-то объяснить подробнее, или когда она хотела заинтересовать нас методом, который считала очень эффективным, она **нередко** нарушала инструкции. **Поэтому** она **часто** была с врачами в контрах, но она так нас подготовила, что, когда мы с ней прощались, мы могли бы принять роды с завязанными глазами).

(44) *Ako vyzdvihli zástupcovia britskej Kráľovskej spoločnosti na ochranu zvierat, vystúpenia slovenských delegátov pôsobili ako pozitívny príklad práve pre tých, ktorí musia v ochranárskej činnosti prekonávať neraz nepredstaviteľné prekážky a často sa preto vzdávajú.* (Как подчеркнули члены британского Королевского общества защиты животных, выступления словацких делегатов стали позитивным примером именно для тех, кто вынужден в своей деятельности защитника животных преодолевать **нередко** невероятные препятствия и кто именно **из-за этого часто** сдаётся).

3.2.2. Высказывание с *neraz* поясняет и комментирует высказывание с *často*. В (45) говорящий впечатлен своим знакомым и в результате размышлений приходит к новым выводам, в (46) объясняется, что проблемы с водой заключаются в отсутствии водоснабжения. В (47) говорящий сначала постулирует наличие некоторых трудностей (*často*), а затем конкретизирует, в чем эти трудности состояли (*neraz*):

(45) *Nezдал sa mi hlúpy, často ma prekvapil praktickou múdrosťou, neraz som si práve pri ňom pomyslel, že niet priamej súvislosti medzi jemnou tvárou a inteligenciou.* (Он мне казался неглупым, **часто** по-

ражал меня своей практической мудростью, и нередко, глядя на него, я именно про него думал, что нет прямой связи между утонченным лицом и интеллектом).

(46) “*Z detstva si pamätám, že sme často mali problémy s vodou, neraz bola vypnutá,*” *spomína starosta Miloš Šustek.* («С детства я помню, что у нас **часто** были **проблемы** с водой, **нередко** она была отключена», — вспоминает староста Милош Шуштек).

(47) — *Myslím si, že každý má právo mať zlý deň. Komfort doktora ide bokom. Či je to kôň, pštros, či jedovatý had, pacient je prvoradý. Je to veľmi často náročné, robil som neraz ťažké operácie v teréne na pasienku.* (Я думаю, у каждого есть право на неудачный день. Комфорт доктора на последнем месте. Конь это, страус или ядовитая змея, пациент на первом месте. **Часто** это **очень трудно, нередко** мне приходилось делать тяжелые операции в поле на пастбище).

3.2.3. Высказывание с *neraz* содержит один из вариантов реализации некоторой ситуации, названной в высказывании с *často*, т. е. сначала называется общее положение дел, которое затем комментируется на примере конкретных случаев. Ср. (48), где сначала говорящий утверждает, что он встречался в Америке с земляками, а затем приводит пример их совместного времяпрепровождения:

(48) *Za morom ste počas viacerých rokov žili v rôznych mestách. V ktorom ste sa cítili najlepšie? “Asi v Bostone. Žije tam pomerne veľa Čechov a Slovákov. S krajanmi sme sa stretávali dost’ často, neraz sme si vyšli na večeru a človeku bolo hneď veselšie.”* («За океаном вы много лет жили в разных городах. В каком вам больше всего понравилось?» — «Думаю, в Бостоне. Там живет довольно много чехов и словаков. С земляками мы встречались **довольно часто, нередко** мы выбирались поужинать, и настроение сразу улучшалось»).

В (49) речь идет о трудностях работы этимолога, которые конкретизируются при реконструкции лексического значения (ср. *napríklad* ‘например’), в (50) описывается пример кардинальных изменений после лечения у психиатра:

(49) *Nie som si istý, či v etymológii možno hovoriť o rozriešení či definitívnom vyriešení sporných otázok. Pracujete s jazykovým mate-*

riálom, ktorý je často len zlomkovitý, neraz nemáme dostatočné svedectvá napríklad o tom, aké významy malo nejaké slovo počas uplynulých stáročí; mnohé veci len predpokladáme či, odborné povedané, rekonštruujeme. (Я не уверен, что в этимологии можно говорить о решении или окончательном разрешении спорных вопросов. Мы работаем с языковым материалом, **часто** обрывочным, **нередко** у нас нет достаточных свидетельств, **к примеру** о том, какие значения слово имело в минувшие столетия, многие вещи мы лишь предполагаем, или, говоря нашим профессиональным языком, реконструируем).

(50) “*Liečba robí často zázraky. Neraz sa z večne podráždenej starej ženy, ktorá sa stihne so všetkými pohádať, stane celkom prívetivá starenka,*” *hovorí psychiatricka.* («Лечение часто творит **чудеса**. **Нередко** вечно раздраженная старая женщина, которая норовит со всеми поругаться, превращается во вполне приветливую старушку», — говорит психиатр).

3.2.4. Высказывание с *často* указывает на высокую повторяемость ситуации, в котором *neraz* вводит «нестандартных» участников ситуации либо «экстремальные» обстоятельства; ср. (51), где обычные явления приводят к необычным последствиям, и (52), где *neraz* подчеркивает длительность ситуации, т. е. тот, о ком идет речь, часто шил долго, при этом значительную часть от «часто» он шил очень долго.

(51) *Často neraz banálne úrazy môžu vyvolať komplikované stavy. “Čo spôsobí malý kamienok v topánke, vie vari každý z vlastnej skúsenosti: bolesť, pľuzgier, zápal, infekciu <...>.”* (**Часто самые** банальные проблемы могут привести к затруднительным ситуациям. «Что может повлечь за собой маленький камешек в ботинке, наверняка любой из нас знает на собственном опыте: боль, мозоль, воспаление, инфекцию <...>»).

(52) *Tejto profesii zostal verný do smrti. <...> Často sa neraz celé hodiny nepohol z miesta, kde šil, ani neodložil stolček spod nôh, ktorým si ich podopieral.* (Этой профессии он остался верен до самой смерти. <...> **Часто он целыми часами** не двигался с места, где шил, и не убирал из-под ног стульчик, на который он их ставил).

Ср. также сходные случаи с препозицией *neraz*:

(53) “Upozorňujete, že za psa je zodpovedný jeho majiteľ, alebo človek, ktorý ho vedie. Cez prázdniny sa o týchto domácich miláčikov starajú **neraz iba** deti, ktoré **často** nevedia, aké sú ich povinnosti.” («Обращаем внимание, что за собаку отвечает ее хозяин либо человек, который ее выгуливает. Во время каникул за своими домашними питомцами **нередко** следят **одни только** дети, которые **часто** не знают, каковы их обязанности»).

(54) *Vzťah talianskej markízy a francúzskeho generála a neskôr československého ministra vojny sa slubne rozvíjal, hoci dvojicu jeho **neraz nebezpečné** misie **často** rozdeľovali.* (Отношения итальянской маркизы и французского генерала, а позднее чехословацкого министра обороны бурно развивались, хотя пару **часто** разлучали его **подчас небезопасные** миссии).

3.2.5. Высказывание с *často* содержит внешнюю интерпретацию ситуации, а высказывание с *neraz* — ее восприятие говорящим. В (55) люди понимают (*neraz*), что закон плохо работает (*často*), в (56) участники ситуации поражены (*neraz*) увиденным (*často*):

(55) *Jednotlivé rezorty musia riadiť odborníci, aj na regionálnej úrovni. To sa **často** nedeje. Chýba systém. **Neraz sa** po schválení zákona **zistí**, že to nakoniec nefunguje.* (Конкретные ведомства должны возглавлять специалисты, даже на региональном уровне. **Часто** этого не происходит. Отсутствует система. **Нередко** уже после того, как закон принят, выясняется, что он не работает).

(56) *Ludia, ktorí lieky užívajú pravidelne, sú **neraz prekvapení**, ako **často** sa ceny liekov menia.* (Люди, которым надо регулярно принимать лекарства, **нередко удивляются**, как **часто** цены на лекарства меняются).

Как следует из выполненного анализа, наречия *často* и *neraz* не являются полными синонимами. В значении *často* актуализирована сема кратности, наречие маркирует ситуации регулярные, в то время как *neraz* подобной регулярности не предполагает. При этом значение *neraz* предполагает не только распространенность ситуации, но в первую очередь ее нестандартность, а частотность действия здесь переосмысливается как показатель несоответствия положения дел ожиданиям говорящего. Ориентация *neraz* на субъекта восприятия обуславливает его употребление для указания на ситуации, непосредственно переживаемые говорящим. По факту *neraz* употребляется в значении

‘чаще, чем следовало бы’. Тем самым *často* тяготеет к обозначению ситуаций типовых, стандартных, в то время как *neraz* используется для маркирования ситуаций сложных и нестандартных, в случае же совместного употребления *často* также может маркировать случаи более частотные, нежели *neraz*.

Источники и литература

Захаров, Масевич 2014 — *Захаров В. П., Масевич А. Ц.* Информационные технологии в лингвистических исследованиях: учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 117, [2] с.

Падучева 2009 [1989] — *Падучева Е. В.* Наречие как кванторное слово // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 231–244.

Степанычева 2010 — *Степанычева Е. М.* К вопросу о грамматико-лексикографическом описании русских кванторных наречий // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 5. С. 69–79.

Яковлева 1994 — *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

Dice 1945 — *Dice L.* Measures of the amount of Ecologic Association between species // *Ecology*. 1945. Vol. 26. No. 3. P. 297–302.

Kesselová 2017 — *Kesselová J.* Osobné zámeno ja ako prostriedok personálnej deixy v dialogickej komunikácii v slovenčine // Вісник Дніпропетровського університету. 2017. Т. 25. № 11. Серія: Мовознавство. Вип. 23 (1). С. 46–54.

KSSJ — *Krátky slovník slovenského jazyka / red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj.* 4 vyd. Bratislava: Veda, 2003. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата последнего обращения: 15.09.2021).

Rychlý 2008 — *Rychlý P.* A lexicographer-friendly association score // *Proceedings of recent advances in Slavonic natural language processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák.* Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9.

SSS — *Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková.* 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата последнего обращения: 15.09.2021).

SSSJ — *Slovník súčasného slovenského jazyka. [Zv.] 1: A–G / eds. K. Buzássyová, A. Jarošová.* Bratislava: Veda, 2006. [Zv.] 3: M–N / ed. A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2015. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата последнего обращения: 15.09.2021).

Stefanowitsch 2020 — *Stefanowitsch A.* Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin: Language Science Press, 2020. 490 p.

References

- Buzássyová, K.; Jarošová, A., editors. *Slovník súčasného slovenského jazyka, [zv.] 1: A – G*. Bratislava: Veda, 2006, <https://slovník.juls.savba.sk/>. Accessed 15 September 2021.
- Dice, L. “Measures of the amount of Ecologic Association between species.” *Ecology*, vol. 26, no. 3, 1945, pp. 297–302.
- Jarošová, A., editor. *Slovník súčasného slovenského jazyka, [zv.] 3: M–N*. Bratislava: Veda, 2015, <https://slovník.juls.savba.sk/>. Accessed 15 September 2021.
- Kačala, J., et al. *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4 v. vyd., Bratislava: Veda, 2003, <https://slovník.juls.savba.sk/>. Accessed 15 September 2021.
- Kesselová, J. “Osobné zámeno ja ako prostriedok personálnej deixy v dialogickej komunikácii v slovenčine.” *Visnyk Dnipropetrovs'koho universytetu*, vol. 25, no. 11, *Seriia “Movoznavstvo”*, no. 23 (1), 2017, pp. 46–54.
- Paducheva, E. V. “Narechie kak kvantornoe slovo.” *Stat'i raznykh let*, by E. V. Paducheva, Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (LRC Publishing House), 2009, pp. 231–244.
- Pisárčiková, M., editor. *Synonymický slovník slovenčiny*. 3. nezm. vyd., Bratislava: Veda, 2004, 998 p., <https://slovník.juls.savba.sk/>. Accessed 15 September 2021.
- Rychlý, P. “A lexicographer-friendly association score.” *Proceedings of recent advances in Slavonic natural language processing, RASLAN 2008*, ed. by P. Sojka, A. Horák, Brno: Masaryk University, 2008, pp. 6–9.
- Stefanowitsch, A. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020, 490 p.
- Stepanycheva, E. M. “K voprosu o grammatiko-leksikograficheskom opisanií russkikh kvantornykh narechií.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiya*, no. 5, 2010, pp. 69–79.
- Yakovleva, E. S. *Fragmenty russkoj iazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)*. Moscow: Gnozis, 1994, 343 p.
- Zakharov, V. P., Masevich, A. Ts. *Informatsionnye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniikh: uchebnoe posobie*. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2014, 117, [2] p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.01

Vashchenko D. Iu.

Slovak adverbs belonging to the group “often”: the problem of quasi-synonymy

Daria Iu. Vashchenko

PhD in Philology, senior researcher

Institute of Slav Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russia

E-mail: daranis@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1628-3861

Citation: *Vashchenko D. Ju.* Slovak adverbs belonging to the group “often”: the problem of quasi-synonymy // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 148–169 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.01

Received: 22.07.2021.

Abstract

The article examines the semantics of the Slovak lexemes *často* and *neraz*, the two most frequent adverbs included in the semantic group of temporal words with a common meaning of high repeatability of action, based on the material of the National Corpus of the Slovak language. The characteristics of adverbs, their relative compatibility, which is isolated using the logDice association measure, as well as the mutual occurrence of adverbs within the same context are analyzed. The analysis showed that adverbs are not complete synonyms. For *často*, the main sphere of compatibility is formed by collocations with verbs and participles, which have the semantics of detection, appearance; combinations with representative verbs. *Neraz*, in turn, tends to particles that emphasize the significance of the situation; also to particles with the meaning ‘literally, really’, from verbal collocations, adverbs are mainly characterized by combinations with mental predicates denoting the process of persuasion. A separate thematic area for the adverb is formed by words that somehow denote life difficulties. Thus, the semantics of *často*, unlike *neraz*, presupposes regularity of repetition; *neraz* denotes not only irregular, but primarily non-standard situations, the adverb is largely focused on the subject of perception. In the case of the joint use of both adverbs, where their neutralization does not occur, the situation designated *neraz* often occurs after the situation designated *často*, and is its direct consequence. In addition, *často* can mark more frequent situations than *neraz*.

Keywords

Semantics, temporal vocabulary, adverb často, adverb neraz, compatibility, association measures, Slovak language, corpus linguistics.

**Семантически связанные заимствования
mentor — *kouč* — *tutor* в чешском и русском языках¹**

Черчук Ольга Игоревна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9270-0773

Цитирование

Черчук О. И. Семантически связанные заимствования *mentor* — *kouč* — *tutor* в чешском и русском языках // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 170–190. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.02

Статья поступила в редакцию 24.05.2021.

Аннотация

Заимствования играют немаловажную роль в русском и чешском языке, проникая во все сферы жизни общества. Ведущими функциями заимствований является номинативная, направленная на обозначение новых предметов и явлений в разных сферах жизни, а также синонимическая, разграничивающая оттенки значений и конкретизирующая лексику. Близость значений единиц квазисинонимического ряда приводит к трудностям установления специфики каждого слова. В статье описан поиск перевода и семантической систематизации квазисинонимического ряда *mentor* — *kouč* — *tutor* в чешском языке в сравнении с русским языком (*ментор* — *коуч* — *тьютор* соответственно). Исследование проводилось на материале поисковых систем Google.ru, Seznam.cz и чешской базы данных Neomat. В ходе исследования нами была предпринята попытка разграничения семантического объема терминов, используемых для описания разных профессий с общим значением ‘учитель’. В статье обращается внимание на дифференциацию лексического значения слов: исследуемые единицы не являются взаимозаменяемыми, в определенных контекстах они могут заменяться единицами языка-реципиента, но в отношениях полной синонимии, по нашему мне-

¹ Выражаю глубокую благодарность рецензентам журнала и редактору О. В. Трефиловой за ценные замечания и рекомендации при подготовке статьи.

нию, находится только пара *ментор* — *наставник* в русском языке. Семантика опорной чешской лексемы *učitel*, как и соотносимой с ней русской лексемы *учитель*, не дублирует семантику заимствований.

Ключевые слова: *чешский язык, русский язык, заимствования, чеш. mentor, kouč, tutor; ментор, коуч, тьютор; синонимы, образование, обучение, квазисинонимия, корпусная лингвистика.*

В лексико-семантическом поле «Обучение, передача опыта, наставничество» как в чешском, так и в русском языке с недавнего времени представлены особые заимствования, различающиеся оттенками значений. Лексема *učitel* ‘учитель’, используемая при описании самых разных ситуаций, всегда была доминантой в ряду синонимов с одним узуальным значением: *учитель* — *преподаватель* — *педагог* — *наставник*. Дифференциация между этими лексемами не представлялась затруднительной, однако в настоящее время есть вероятность столкнуться со сложностями при разграничении семантики слов этого терминологического ряда и определении гипонимических корреляций, так как в указанный ряд лексем влились иноязычные по происхождению наименования, обладающие своей спецификой. Причинами появления заимствований стало развитие новых сфер наставничества и обучения: в центре по-прежнему школа и вузы, популярностью пользуется наставничество на работе, оказывается помощь и поддержка на психологических курсах и курсах развития, в бизнес-проектах. Влияние на активизацию употребления заимствований оказывают также социально-психологические причины, например престижность нового слова².

Интересными с точки зрения сопоставительного исследования чешского и русского языков представляются следующие линейные межъязыковые лексические соответствия³:

- *mentor* (рус. *ментор*, от англ. *mentor*), которое анализируется с учетом неосемантизации лексемы;
- *kouč* (рус. *коуч*, от англ. *coach*);
- *tutor* (рус. *тьютор*, от англ. *tutor*).

Предпримем попытку определить, как соотносятся семантически данные терминов в чешском языке в сравнении с русскими лексическими единицами. При анализе новых слов уделим внимание их

² О причинах появления иноязычных заимствований см., например: (Воронцова 1996: 147).

³ О межъязыковых и переводных соответствиях см. (Стернин 2006).

семантическому объему и статистическим данным, а также обратим внимание на специфику значения каждой пары, основываясь на примерах, которые мы приводим ниже.

Мы позволим себе называть отношения между исследуемыми словами квазисинонимическими, руководствуясь тем, что синонимический ряд не имеет внутренней структуры, в то время как для квазисинонимов характерны различия в значении и, как следствие, определенная семантическая структура⁴.

При выборе материала для анализа мы руководствовались частотностью употребления слов в современных чешском и русском языках (т. е. достаточной степенью адаптации и укоренения в языке⁵). Вхождение заимствований в употребление подтверждает массив данных в поисковых системах Интернета. В таблице 1 приводится количество контекстов, обнаруженных поисковой системой⁶ (см. таблицу 1). Следует отметить, что в процессе заимствования степень интеграции лексемы в языке-реципиенте определяется в том числе частотностью употребления. Проверка лексики на частотность употребления позволяет исключить окказиональные заимствования.

Таблица 1

чешский язык	число контекстов	русский язык	число контекстов
<i>mentor</i>	819 000	<i>ментор</i>	548 000
<i>kouč</i>	922 000	<i>коуч</i>	3 460 000
<i>tutor</i>	733 000	<i>тьютор</i>	801 000

4 Комплексная подача отношений квазисинонимии и семантическая структура классов квазисинонимов представлены, например, в работе (Апресян 1995: 255).

5 См. (Příručka 2021). Pecuře Internetová jazyková příručka (URL: <https://pri-rucka.ujc.cas.cz/>, дата обращения: 01.04.2021) — лингвистический справочник, созданный Институтом чешского языка Академии наук, который предлагает парадигму склонения всех трех слов в соответствии с родовой принадлежностью существительного и характером конечного гласного. В настоящей статье мы рассматриваем новые значения указанных слов, однако следует отметить уже имеющиеся толкования данных единиц в чешском языке: *mentor* — проповедник, моралист (от имени собственного Ментор — наставник сына Одиссея Телемаха), *kouč* — спортивный тренер.

6 Поиск контекстов производился с настройками поиска материала только на определенном языке (Google.cz, Google.ru). В процессе поиска с помощью фильтров мы исключили омонимию *kouč* ‘спортивный тренер’.

Интересно проследить, как различается семантический объем чешской единицы *kouč* и русской *коуч*. Осмелимся предположить, что дельта между двумя количественными показателями употребления лексем может быть связана, во-первых, с использованием в чешском языке неадаптированной графической формы *coach*, которая также встречается, но в гораздо меньшей степени (частотность употребления графической формы *coach* не представляется нам возможным отследить в силу технических трудностей: слишком много торговых марок с таким названием). Во-вторых, следует оговорить, что *kouč* — лексема многозначная: до появления нового лексического значения слово *kouč* уже обозначало профессию спортивного тренера. Вероятно, омонимия могла снизить количество употреблений слова с новой семантикой во избежание недоразумений и смешения дискурсов.

Возможно, что различие объемов употребления чешского *mentor* и русского *ментор* может объясняться наличием в русском языке большего количества синонимов и аналогов к исследуемому слову. Так, например, русское *ментор* можно без ущерба для смысла заменить на *наставник*, в то время как все чешские аналоги имеют различные оттенки значения. Подробнее о паре *mentor* — *ментор* см. ниже.

Для уточнения контекстных значений нами привлекались Чешский национальный корпус (СНК, версия SYN_v8), Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и чешская база данных Neomat. Портал Neomat разрабатывается Институтом чешского языка Академии наук Чешской республики и включает данные по новым словам, фиксируя как неологизмы, так и заимствования (по состоянию на октябрь 2021 г. архив включает более 350 000 единиц). Корпусные данные являются бесценным источником при поиске примеров употребления исследуемых единиц, так как позволяют конкретизировать значение лексем в письменных текстах. Однако в настоящей работе мы привлекали и поисковые системы, поскольку данных НКРЯ оказалось недостаточно при поиске нужных контекстов. Различные объемы корпусов также не позволили нам сравнивать количество употреблений исследуемых единиц, поэтому для данного сравнения мы воспользовались поисковыми системами.

Ментор — *mentor*

В Академическом словаре иностранных слов чешского языка (Petráčková, Kraus 1995) мы обнаруживаем следующее определение (здесь и далее перевод с чешского наш. — О. Ч.):

mentor, -a m (*mentorka*, -y ž)

1. Kdo mentoruje, kazatel, mravokárce (nazv. podle řec. mytol. Mentora, vychovatele Odysseova syna) [Тот, кто наставляет, проповедник, моралист. От имени собственного Ментор, наставник сына Одиссея].

2. Kdo osobně někoho vede, zaučije v nějakém oboru [Тот, кто лично ведет кого-либо, обучает какой-либо специальности].

mentorský: m. tón; — m. kurz [прилагательное *менторский*: менторский тон, менторский курс].

mentorsky [наречие *менторски*].

Тем самым чешские толковые словари фиксируют, в частности, неосемантизацию лексемы *mentor*, в отличие от словарей русских, где до сих пор лексема *ментор* может снабжаться пометой *ирон.*, что свидетельствует о некотором отставании данных словарей от современного дискурса, особенно в Сети (см. далее):

МЕНТОР, -а; м. (обычно ирон.). О ком-л., постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем. По имени воспитателя сына Одиссея из поэмы Гомера “Одиссея”. *Менторов никто не любит. Говорить тоном ментора. Менторский, -ая, -ое. М. тон беседы. М-ое воспитание. М-ая роль. Менторски*, нареч. *Поучать м. Разъяснять м. что-л.* (Кузнецов 2000).

МЕНТОР, ментора, м. (греч. Mentor — имя воспитателя Телемаха, сына Одиссея) — 1) воспитатель, наставник; 2) так называется метод воспитания растительных гибридов (Егорова 2014).

В современном русском секторе Интернета, однако, слово *ментор* регулярно используется в его новом значении ‘эксперт в какой-либо области’, а также выступает как стилистически нейтральная единица:

(1) *Также участникам помогут менторы — профессиональные журналисты и эксперты по обработке и визуализации данных*⁷.

Таким образом, *ментор* (в его новом значении) — это сотрудник с опытом и знаниями, который может помочь и советом, и делом своим менее опытным коллегам. Ментор может участвовать и в оценке вы-

⁷ «Новая газета» проведет хакатон о миллениалах // LENTA.RU. 2018. 5 мар. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/05/novaya/> (НКРЯ).

полнения работы младшим коллегой. Однако в русском языке уже есть слово с подобным денотативным значением — это слово *наставник*:

(2) По итогам взаимодействия **ментор** и новичок заполняют анкеты, где **наставник** описывает качества нового сотрудника, а стажер — полученные знания⁸.

Как показывает пример (2), данные лексемы могут употребляться в качестве синонимов. Однако сравнение контекстов русскоязычных интернет-источников позволяет выделить следующее отличие *ментора* от *наставника*:

— наставник обладает большим практическим опытом в решении тех и иных проблем, посредством систематического обучения наставник развивает аналогичные способности и навыки у своего подопечного, передает свой опыт, оказывает психологическую поддержку;

— ментор обладает теоретическими знаниями, он является в первую очередь экспертом, оказывающим помощь в решении проблемы:

(3) В-третьих, у **ментора** знания есть всегда по той теме, которой он учит. А вот **наставник** может и не иметь теоретических знаний, зато иметь большой практический опыт⁹.

В то время как в русском языке слова *ментор* и *наставник* можно рассматривать в качестве синонимов, в чешском языке поиск синонима к слову *mentor* вызывает трудности. В словаре синонимов и антонимов (Slovník českých synonym a antonym 2012) в одном ряду с лексемой *mentor* стоят *školitel* (инструктор, научный руководитель, лектор) и *poradce* (советник, советчик, консультант). Однако эти слова выражают разные семантические оттенки, что позволяет называть такой ряд квазисинонимичным:

(4) *Využít můžou i služby odborných mentorů a poradců, kteří jim poradí, jak zlepšit své podnikání.* (Они могут использовать также серви-

8 «Новая газета» проведет хакатон о миллениалах // LENTA.RU. 2018. 5 мар. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/05/novaya/> (НКРЯ).

9 Михайлова И. Коучинг, менторинг, наставничество: сходства и различия. URL: https://imcoach.su/kouching_mentoring_nastavnichestvo_skhodstva_i_razlichiya (дата обращения: 30.09.2021).

сы профессиональных **менторов** и **консультантов**, которые посоветуют им, как улучшить свою предпринимательскую деятельность)¹⁰;

(5) *Mladým zájemcům ve věku od 18 do 30 let bude následně nabídnut mentor (poradce) z řad úspěšných podnikatelů, který je podpoří radou i konkrétní pomocí, např. při vypracování obchodního či podnikatelského plánu.* (Молодым заинтересованным лицам возраста 18–30 лет будет впоследствии предложен **ментор (консультант)** из ряда успешных предпринимателей, который поддержит их советом и конкретной помощью, например, при разработке торгового или предпринимательского плана)¹¹.

Появление значения ‘наставник’ у лексемы *mentor* в чешском языке относится к середине 1990-х гг. В специальном исследовании мы читаем: «К сожалению, слово *mentor* в чешском языке имеет иное значение, чем в английском. *Mentorovat* понимается в нашей стране как поучать, управлять, порицать (чеш. *poučovat, dirigovat, kárat*). Поэтому следует найти другой чешский эквивалент слову *mentor*. Пока что наиболее подходящим нам кажется слово *průvodce*» (Elblová 1997: 385).

Однако *průvodce* — это ‘гид, экскурсовод, проводник’, в переносном значении — ‘популяризатор, пропагандист’, что не соответствует обновленному значению слова *mentor*. Таким образом, семантически точный синоним к слову *mentor* в чешском языке отсутствует. В обнаруженных нами примерах *průvodce* и *mentor* являются однородными членами предложения, но не становятся дефиницией друг для друга.

(6) *Byl to vynikající učitel, mentor, přítel a průvodce do světa umění.* (Это был выдающийся учитель, **ментор**, друг и **проводник** в мир искусства)¹²;

(7) *Má být lektorem, mentorem, psychologem, průvodcem i koučem, který pomáhá přivádět nápady na svět.* (Он должен быть лектором, **ментором**, психологом, **проводником** и коучем, который помогает рождаться идеям)¹³.

10 Český Exportér, č. 4/2014. Здесь и далее примеры из Чешского национального корпуса (ČNK) даются со ссылкой на источник так, как они представлены в корпусе.

11 Hospodářské noviny, 23.03.1998.

12 Deníky Bohemia, 10.11.2012.

13 Lidové noviny, 06.06.2017.

Что касается межъязыковых соответствий, то русскому слову *наставник* в чешском языке могут соответствовать следующие слова: *vedoucí* ‘руководитель’, *vychovatel* ‘воспитатель’, *učitel* ‘учитель’, *rádce* ‘советчик’. Для наглядности приводим таблицу предполагаемых квазисинонимов:

Таблица 2

	<i>mentor</i>	<i>ментор</i>
полный синоним	—	<i>наставник</i>
квазисинонимы (частичные / контекстуальные)	<i>školitel</i> ‘инструктор’, ‘лектор’, ‘научный руководитель’, <i>poradce</i> ‘советник, советчик’, <i>průvodce</i> ‘гид’, <i>vychovatel</i> ‘воспитатель’, <i>učitel</i> ‘учитель’, <i>rádce</i> ‘советчик’	<i>воспитатель, советчик, учитель</i>

Семантический объем лексемы *mentor* выявляется благодаря примерам из разных сфер функционирования данной профессии:

(8) *Mentor seniora není pečovatel či asistent, ale společník a školitel* <...>. *Mentori podporují starší lidi, kteří dosud nebyli aktivní, protože se nedokázali najít v rychle se měnící realitě.* (**Ментор** для пожилого человека не является ассистентом или социальным работником, он компаньон и инструктор <...>. **Ментор** поддерживает пожилых людей, которые не были активными, потому что не могли найти себя в быстро изменяющейся реальности)¹⁴.

Для обозначения ученика ментора существует английское слово *mentee*. *Mentee* — это человек, которого обучает ментор:

(9) *Mezi mentorem a mentee fungoval rovnocenný vztah, založený na vzájemné důvěře a vymezený přesně stanovenými pravidly.* (Между **ментором** и **менти** существовали равноценные отношения, основанные на взаимном доверии и регулируемые строго установленными правилами)¹⁵.

14 Haló noviny, 02.02.2017.

15 Moderní řízení, č. 5/2013.

Не найденный нами в Академическом словаре иностранных слов чешского языка *mentee* обнаруживается в контекстах базы данных неологизмов Neomat с 1999 г., см. (Neomat 2021):

(10) *Když člověk začíná pracovat pro Allianz, absolvuje týdenní intenzivní školení. Je mu přiřazen tzv. mentor — zkušenější reprezentant, který svého nového kolegu zaučuje.* (Когда человек начинает работать в фирме Allianz, то проходит недельное интенсивное обучение. К нему прикрепляется так называемый **ментор** — опытный работник, который инструктирует нового коллегу)¹⁶.

Из контекстов следует, что *mentor* и *mentee* являются лексически-ми конверсивами — словами, имеющими обратную ролевую структуру, но при этом принадлежащими к одной части речи¹⁷ (ср. примеры лексических конверсивов: *ученик* — *учитель*, *покупать* — *продавать*):

(11) *Jak se hledají ideální dvojice mentor a mentee? Co když mezi nimi nefunguje ta správná chemie?* (Как ищется идеальная пара **ментора** и **менти**? Что если между ними не появляется та надлежащая химия)¹⁸?

(12) *Mentor předává menteemu užitečné rady pro profesní i osobní růst. Nejen mentor v tomto vztahu bývá přínosem, ale i mentee může mentora obohatit o cennou zpětnou vazbu a neotřelý pohled na věc.* (**Ментор** дает **менти** полезные советы для профессионального и личностного роста. Не только **ментор** в этих отношениях приносит вклад, но и **менти**, обладая неизбитым взглядом на вещи, может обогатить **ментора** через обратную связь)¹⁹.

Mentor имеет самостоятельную дефиницию, *mentee* же может быть истолковано только через семантически самостоятельный конверсив. В интернет-словаре иностранных слов (Slovník cizích slov 2021) *mentee* определяется так: *podřízená osoba; chráněnc; student či studentka, které poskytuje pomoc mentor* [подчиненное лицо, студент или студентка, которому/ой оказывает помощь ментор].

16 Nejdražší je nepojistit se. 1999. 13 okt. URL: <http://www.neologismy.cz/heslo/mentor/106428>.

17 Об отношениях конверсии см. (Апресян 1995: 256–285, особенно 263).

18 Marie Claire, č. 10/2016.

19 Deníky Bohemia, 22.10.2005.

Точного синонима *mentee* в чешском языке не существует, вместо *mentee* может использоваться ряд синонимов, отличающихся друг от друга оттенками значений: *klient* ‘клиент’, *chráněnc* ‘протече, ставленник’ или *svěřenec* ‘воспитанник, подопечный’:

(13) *Skamarádil se s ním a vytvořil se mezi nimi vztah mentora a chráněnce.* (Он подружился с ним и выстроил между ними отношения ментора и **подопечного**)²⁰;

(14) *Někdy vzniká dlouhodobý vztah mezi starším nadřízeným a mladším nadějným **podřízeným**, kdy starší se stává průvodcem, rádcem a mentorem na cestě kariérou i poté, co se jejich cesty pracovní rozejdou.* (Иногда возникают длительные отношения между старшим начальником и младшим многообещающим **подчиненным**, при которых старший становится проводником, советчиком и ментором при выстраивании [младшим] карьеры и в дальнейшем, когда их дороги разойдутся)²¹.

Кроме того, с помощью стандартной словообразовательной модели (с помощью суффикса *-n-*) образуется отглагольное прилагательное *mentorovaný* (от *mentorovat*), которое интерпретируется нами как аналог слову *mentee*. В русском языке подобного отглагольного прилагательного мы не обнаружили:

(15) *Mentoring je profesionální vztah dvou osob, kdy mentor předává své zkušenosti a znalosti **mentorovanému**. Mentor tak působí jako průvodce v určité oblasti <...>.* (Менторингом называют профессиональные отношения двух людей, при которых ментор передает свой опыт и знания **подопечному**. Ментор, таким образом, действует в качестве проводника в определенной области <...>)²².

Аналогична ситуация с употреблением *менти*, лексического конверсива *ментора*, в русском языке — слово употребляется исключительно в контекстах менторских программ, описания компетенций ментора и т. д. Однако в русском языке есть слово *подопечный*, которое точнее всего характеризует заимствование, см. далее таблицу 3.

20 Kellerman Jonathan. *Oběti* / překlad: Zuzana Pernicová. Ostrava: Domino, 2012.

21 *Moje psychologie*, č. 2/2012.

22 *Hospodářské noviny*, 22.09.2014.

При формировании пары *наставник* — *подопечный* предполагается, что первый не только достиг мастерства и готов делиться опытом, но чаще всего является старше подопечного.

Должен ли быть *mentor* старше *mentee*? В классическом понимании менторства (или менторинга) — безусловно. Менторинг — эмоциональная связь между старшим и более опытным с младшим, где старшие помогают младшим ориентироваться в обществе и мире социальных отношений и культурных ценностей (Brumovská, Málková 2010).

Таблица 3

	<i>mentee</i>	<i>менти</i>
полный синоним	—	<i>подопечный</i>
квазисинонимы (частичные / контекстуальные)	<i>chráněnc</i> ‘протезе’, <i>svěřenec</i> ‘воспитанник’, <i>klient</i> ‘клиент’	<i>опекаемый, протезе</i>

Таким образом, следует признать семантическую самостоятельность лексем *mentor* и *mentee* в чешском языке, тогда как в русском языке лексема *ментор* и приобретающая популярность лексема *менти* имеют синонимы, которые могут заменять иностранные аналоги:

(16) *Встречайте наши фотографии с сессии для менти, которая прошла вчера <...>*²³;

(17) *Начало набора менти на новый 8-й сезон — 01.10.2021*²⁴;

(18) *Говорим о том, может ли лидер быть ментором для своей команды, как измерить успех в менторинге и то, как быть успешным менти*²⁵.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) лексема пока отсутствует, однако в сфере предпринимательства, стажировок, до-

23 Общественное Объединение «Женский Форум “Курак”». 2019. 16 июня. URL: <http://kurak.kg/2019/06/16/> (дата обращения: 29.09.2021).

24 Клуб менторов Физтех-Союза. URL: <https://phystech-union.org/klub-mentorov/> (дата обращения: 29.09.2021).

25 Вера Гаврилова. Утро с ментором: навык быть менти: [видео]. URL: https://radio.mediametrics.ru/utro_s_mentorom/62856/ (дата обращения: 29.09.2021).

полнительного образования это слово активно употребляется. Возможно, оно помогает новомодным проектам становиться коммерчески успешными: покупают то, что вызывает интерес.

В русском секторе Интернета пара *ментор* — *менти* вытесняет соответствующие аналоги *наставник* — *подопечный*, см. контексты, где автор при желании мог заменить прилагательное *менторский* на *наставнический*, *ментор* на *наставник*, а *менти* на *подопечный*:

(19) *Менторы* привлекались в программу на добровольных началах, и с каждым проводилось интервью на предмет их мотивации как *ментора*. Любой желающий студент ВятГУ смог присоединиться к программе в качестве *менти*²⁶;

(20) <...> мы используем слово «менторинг», возможно, потому, что рабочий язык общения — английский. Мы называем менторингом как программы для руководителей, где *ментор* и *менти* обладают большим опытом и навыками, так и программы для технических специалистов. В последнем случае *ментор* помогает *менти*, уровень экспертизы которого намного ниже, прокачать свои технические скиллы²⁷.

Коиџ* — *коуч

Слово с недостаточной семантической освоенностью и размытыми интерпретациями — *kouč* (рус. *коуч*, от англ. *coach*).

Академический словарь чешского языка фиксирует следующие значения:

1. *Kouč*, -e m (živ.) <a> sport. (pův. v amer. prostředí) vedoucí sportovního družstva, trenér [спортивный тренер, руководитель спортивной команды].
2. *Kouč*, -e m (než.) <a> kajuta kapitána [капитанская каюта] (уточним, что в нашем исследовании омонимы не анализируются).

26 Открытие менторской программы ВятГУ. Установочная встреча менторов и менти [Киров, 19 октября 2019 г.]. URL: <https://leader-id.ru/events/30749> (дата обращения: 30.09.2021).

27 Замечательные цифры (рубрика «Секреты управления персоналом»: [интервью с Еленой Вартас] // Отдел кадров: [журнал]. 2019. № 9 (сентябрь). URL: https://otdelkadrov.by/number/2019/9/Zamechatelnye_tsify/ (дата обращения: 30.09.2021).

В этом словаре нет толкования слова *kouč* как наставника.

Современные словари русского языка отмечают: «Коуч — тренер-консультант; специалист по коучингу» (Скляревская 2006; Тришин 2013).

Проанализировав извлеченные путем сплошной выборки интернет-контексты, мы выделили следующие семы чешского слова *kouč* и русского слова *коуч*:

— *kouč* / *коуч* работает с людьми, знакомит их с разными точками зрения;

— *kouč* / *коуч*, в отличие от ментора, не советует клиенту и не влияет на него:

(21) *Neutralita je totiž důležitá, aby kouč viděl problém opravdu objektivně a podvědomě se nesnažil koučovaného dovést k řešení, jaké by si přál on sám.* (Важно сохранять нейтралитет, чтобы **коуч** объективно смотрел на проблему и не пытался подсознательно привести клиента к такому решению, к которому он пришел бы сам)²⁸;

— *kouč* / *коуч*, в отличие от ментора, может и не быть экспертом в области решаемых задач:

(22) *Kouč je expert na člověka: nemusí rozumět problému, který koučovaný řeší <...>. Klient musí na rozdíl od psychoterapie řešení svých problémů vymyslet sám a v relativně krátkém časovém horizontu.* (**Коуч** является экспертом по людям: он не должен понимать проблемы, которую решает его клиент <...>. В отличие от психотерапии [здесь] клиент должен прийти к решению своих проблем сам и за относительно короткий промежуток времени)²⁹;

— *kouč* / *коуч* работает по взаимному соглашению с клиентом как в течение определенного срока, ограниченного временем осуществления того или иного проекта, так и на долгосрочной основе:

(23) *V základu doporučujeme deset setkání po hodině, někdy se ale téma vyřeší dříve, někdy naopak kouč s koučovaným naváží dlouhodobý vztah.* (В качестве основы мы рекомендуем десять часовых встреч, иногда проблему можно решить раньше, иногда **коуч** и его подопечный создают долгосрочные отношения)³⁰;

28 Ekonom, č. 44/2010.

29 Týden, č. 37/2006.

30 Moderní řízení, č. 9/2012.

(24) **Коучинг** часто носит краткосрочный характер и связан с достижениями организационной значимости³¹.

Таблица 4

	<i>kouč</i>	<i>коуч</i>
полный синоним	—	—
квазисинонимы (частичные / контекстуальные)	<i>spolupracovník</i> 'сотрудник', <i>průvodce</i> 'гид', <i>důvěrník</i> 'доверенное лицо', <i>partner</i> 'партнер'	<i>тренер, советчик,</i> <i>консультант, мотиватор,</i> <i>инструктор, гуру,</i> <i>учитель</i>

Таким образом, лексические единицы *kouč* и *коуч* пока не обладают детализированной семантикой, их значение в зависимости от контекста видоизменяется: расширяется или сужается. Стоит также учитывать ироничные окказиональные употребления и немалую степень деривационной активности лексем *kouč* и *коуч*, ср., например, *ракоуш* и *недокоуч* — мошенники или непрофессионалы в своем деле:

(25) **Ракоуш** je to. Nic mě nenaučil, nijak mi nepomohl, byla to zráta času. (**Недокоуч** это. Ничему меня не научил, была просто трата времени)³²;

(26) *Общаясь сегодня с коллегой-коучем, я поняла причину такой тенденции: все дело в профессионализме и наличии огромного количества недокоучей на рынке*³³.

Вызывает определенные трудности поиск лексического конверсива слов *kouč* / *коуч*, который бы обозначал того, кого консультирует *kouč* / *коуч*. Для именованя такого человека в английском языке есть

31 Разница между коучингом и наставничеством // Разница между = Spot the difference. URL: <https://ru.spot-the-difference.info/difference-between-coaching> (дата обращения: 07.10.2021).

32 Čeština 2.0. URL: <https://cestina20.cz> (дата обращения: 07.10.2021).

33 Почему «коучинг не работает»? // 5 сфер. URL: <https://5sfer.com/pochemu-koucing-ne-rabotayet/> (дата обращения: 07.10.2021).

слово *coachee*, однако ни в чешском, ни в русском оно не прижилось. В чешском образовался дериват *koučovaný*, русский язык обходится привычным *клиент*, однако встретилось и прилагательное *подкоучиваемый*, которое можно охарактеризовать как окказионализм, имеющий, возможно, оттенок иронии. Использование слова *coachee* для обозначения клиента подчеркивает, надо полагать, финансовую сторону взаимоотношений в этой паре:

(27) *Je-li koučovaný v nepřehledné životní či profesní situaci, kouč ti může pomoci vnést do toho jasno a celý problém rozdělit na menší, které bude moci zvládnout.* (Если **клиент** находится в затруднительной жизненной или рабочей ситуации, коуч может помочь ему привнести ясность и всю проблему разделить на несколько меньших, которые он будет в состоянии решить)³⁴;

(28) *Типичная ситуация, когда подкоучиваемый считает, что он исчерпал свои возможности и не видит вариантов, и хочет, чтобы коуч поработал за него*³⁵.

Таблица 5

	<i>koučee</i>	<i>коучи</i>
полный синоним, перевод	<i>koučovaný</i>	—
квазисинонимы (частичные / контекстуальные)	<i>klient</i> ‘клиент’, <i>chráněnc</i> ‘протееже, ставленник’	<i>клиент, подкоучиваемый</i> (ирон.) ³⁶

***Tutor* — тьютор**

Следует также охарактеризовать особенности семантики слова *tutor* (рус. *тьютор* от англ. *tutor*), которое обозначает субъекта образовательного процесса. По-видимому, этому термину можно дать достаточно четкое определение: и в русском, и в чешском речь идет о педагогиче-

34 Moderní řízení, č. 1/2001.

35 Техника коучинга GROW // Экономические и финансовые книги. URL: http://www.srines.com/book_1364_chapter_36_4.2_Tekhnika_kouchinga_GROW.html (дата обращения: 07.10.2021).

36 Окказионализм, встречается, как правило, в переводах английских текстов.

ской должности. *Tutor* / *тьютор* руководит учебным процессом в образовательных учреждениях. Его задачи состоят в том, чтобы проводить консультации с учениками, разбирать пройденный материал, помогать им. В отличие от репетитора, *tutor* / *тьютор* не проводит занятий, а контролирует учебный процесс, разрабатывает индивидуальный план обучения, решает трудности психологического характера. Кроме того, так могут называть помощника преподавателя в профессиональном образовании в фирмах. Исторически же речь идет о помощнике профессора в классических университетах Оксфорда и Кембриджа, см. (Уварова, Максимченко 2012). Иногда отмечается, что параллельно *tutor* / *тьютор* сотрудничает с профессорско-преподавательским составом университета, но не входит в него, см. (Романова 2017).

В таблице 6 представлены слова, которые имеют общие семы с лексемой *тьютор*:

Таблица 6

	<i>tutor</i>	<i>тьютор</i>
полный синоним, перевод	—	—
квазисинонимы (частичные / контекстуальные)	<i>poručník</i> ‘опекун’, <i>vychovatel</i> ‘воспитатель, педагог’, <i>učitel</i> ‘учитель’	<i>nastavnik</i> , <i>репетитор</i> , <i>преподаватель</i>

Компонентный анализ лексических значений квазисинонимических рядов в чешском и русском позволяет выделить то общее, чем обладает каждое слово из таблицы, а именно сему ‘обучать, наставлять’. Но в отличие от вышеприведенных лексем *tutor* (*тьютор*) выполняет функцию просветителя и осуществляет наставничество прежде всего в сфере образования, а не в бизнес-проектах:

(29) *Škola poskytuje rodičům i pomoc takzvaného **tutora**, většinou učitele ve výslužbě nebo studenta, který jen za stravu a ubytování může rodiče na několik týdnů ve výuce vystřídat.* (Школа предоставляет родителям и помощь так называемого **тьютора**, в большинстве случаев учителя в отставке или студента, который лишь за питание и проживание может на несколько недель сменить родителей с целью обучения детей)³⁷;

37 Lidové noviny, č. 294/1999.

(30) *Tutor* <...> *opravdu není učitel v obecném chápání pedagogické funkce*. (**Тьютор** <...> действительно не является учителем в общем понимании педагогической функции)³⁸;

(31) *Výuka je založena zejména na samostudiu, učitele zastupuje takzvaný tutor*. (Обучение основано главным образом на самообразовании, учителя заменяет так называемый **тьютор**)³⁹;

(32) *Zаметную роль в процессе обучения играет также преподаватель-консультант (тьютор), который закрепляется за группой студентов*⁴⁰;

(33) *Карьерный тьютор (от англ. tutor — учитель, наставник) в нашем понимании — не просто квалифицированный преподаватель, формально передающий студентам некую сумму знаний и представлений о будущей деятельности в рамках своей учебной дисциплины в объеме, предусмотренном Госстандартом, а заинтересованный в их развитии специалист-наставник, состоявшийся профессионал, обладающий авторитетом в определенной сфере и реализующий собственные проекты*⁴¹.

Выводы

Таким образом, словами, связанными синонимической корреляцией, являются *ментор* — *наставник*, *менти* — *подопечный*, *койсее* — *койсовану*, остальные единицы языков-реципиентов являются их квази-синонимами и не могут полноценно заменять исследуемые слова из-за различий в оттенках значения.

Анализ слов *mentor/ментор* — *койсч/коуч* — *tutor/тьютор*, являющихся гипонимами по отношению к более общему понятию «учитель», показывает определенную непрозрачность их лексических значений

38 *Bednařiková Iveta*. Tutor a jeho role v distančním vzdělávání a v e-learningu. Olomouc: Univerzita Palackého, 2013.

39 *Mladá fronta DNES*, 01.04.2003.

40 *Баева Л. В.* Проблемы и перспективы развития открытого дистанционного образования в условиях электронной культуры // Информационное общество. 2017. Вып. 3. С. 48–59. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/9883a19543e0bbc144258264003ec19f>.

41 *Карьерный тьюторинг — психологическое сопровождение карьеры* // Управление персоналом. 2004. 15 нояб. (НКРЯ).

для неосведомленной аудитории при достаточной степени освоенности их в языке Интернета, как в чешском, так и в русском его секторе (под освоенностью мы понимаем наличие достаточного количества контекстов). Исследуемые слова в достаточном количестве представлены в Чешском национальном корпусе (ČNK), в то время как в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) зафиксированы лишь единичные случаи контекстов с данными словами. Количество контекстов в разных корпусах нам не представляется возможным сравнивать ввиду разного объема корпусов: НКРЯ содержит почти миллиард словоупотреблений, входящий в состав ČNK подкорпус современных чешских письменных текстов *Syn_v8*, которым мы пользовались при поиске примеров, имеет объем более четырех миллиардов токенов.

Попытавшись семантически разграничить исследуемые слова, мы можем указать причины активного использования таких иностранных слов с не до конца ясным значением: во-первых, это отсутствие в принимающих языках функционально-семантического эквивалента, во-вторых, оценка такой лексики как социально престижной, модной, молодежной, на которую обращают внимание. Поиск аналога или точного перевода становится неактуальным, так как специфическое звучание и зачастую туманность значения заимствованного слова повышают его популярность в языке-реципиенте, создавая условия для деривационного развития нового корня.

Источники и литература

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII, 472 с.

Воронцова 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др.]; [отв. ред. Е. А. Земская]; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. [2-е изд.]. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 473, [5] с.

Егорова 2014 — Словарь иностранных слов современного русского языка: [100 000 слов и выражений] / [сост.] Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с. (Библиотека школьных словарей: БШС).

Кузнецов 2000 — Большой толковый словарь русского языка / отв. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Романова 2017 — *Романова Е. А.* Позиция тьютора в системе современного высшего образования // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 4–3 (58). С. 53–55.

Скляревская 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний / [авт.-сост. Г. Н. Скляревская и др.]; под ред. Г. Н. Скляревской; С.-Петербург. гос. ун-т, Филол. фак., Ин-т филол. исслед. СПбГУ. М.: ЭКСМО, 2006. 1131, [2] с.

Стернин 2006 — *Стернин И. А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.

Тришин 2013 — *Тришин В. Н.* Словарь синонимов ASIS. 2013. [Слова на букву «к»]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-202-54.htm#zag-120896>. (дата обращения: 15.04.2021).

Уварова, Максимченко 2012 — *Уварова Н. М., Максимченко Т. В.* Контекст деятельности тьютора. Зачем колледжу нужен тьютор? // *Научные исследования в образовании*. 2012. № 1. С. 46–52.

Brumovská, Málková 2010 — *Brumovská T., Málková G.* Mentoring: výchova k profesionálnímu dobrovolnictví. Praha: Portál, 2010. 152 s.

ČNK — Český národní korpus [Национальный корпус чешского языка]: <http://ucnk.ff.cuni.cz/index.php>.

Google. Поисковая система Интернета. 2021. URL: <https://www.google.com> (дата обращения: 01.04.2021).

Elblová 1997 — *Elblová M.* Student vysoké školy jako mentor a tutor // *Pedagogika*. 1997. Roč. 47, č. 4. S. 384–386.

Neomat 2021 — Databáze excerpčního materiálu Neomat. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. 2021. URL: <http://www.neologismy.cz/> (дата обращения: 01.04.2021).

Petráčková, Kraus 1995 — *Akademický slovník cizích slov / kolektiv autorů pod vedením V. Petráčkové a J. Krause*. Praha: Academia, 1995. 834 s.

Пříručka 2021 — *Internetová jazyková příručka [online] (2008–2021)*. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR. URL: <https://prirucka.ujc.cas.cz/> (дата обращения: 01.04.2021).

Slovník cizích slov 2021 — *ABZ.cz: slovník cizích slov*. 2021. URL: <https://slovník-cizich-slov.abz.cz/web.php/slovo/mentee> (дата обращения: 01.04.2021).

Slovník českých synonym a antonym 2012 — *Slovník českých synonym a antonym*. Verze 2.0. Lingea s.r.o., 2012. URL: <https://www.nechybujte.cz/slovník-ceskych-synonym> (дата обращения: 01.04.2021).

References

- Apresyan, Yu. D. *Izbrannye trudy. T. I: Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka*. 2nd ed., Moscow: “Shkola Iazyki russkoĭ kul’tury” (LRC Publishing House), Vostochnaia literatura RAN, 1995, VIII, 472 p.
- Brumovská, T., Málková, G. *Mentoring: výchova k profesionálnímu dobrovolnictví*. Praha: Portál, 2010, 152 p.
- Egorova, T. V., compiler. *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo iazyka: [100 000 slov i vyrazheniĭ]*. Moscow: Adelant, 2014, 800 p. (Biblioteka shkol'nykh slovarĕi).
- Elblová, M. “Student vysoké školy jako mentor a tutor.” *Pedagogika*, roč. 47, č. 4, 1997, pp. 384–386.
- Kuznetsov, S. A., editor. *Bol'shoĭ tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka*. St Petersburg: Norint, 2000, 1536 p.
- Petráčková, V., Kraus, J., editors. *Akademický slovník cizích slov*. Praha: Academia, 1995, 834 p.
- Romanova, E. A. “Pozitsiia t'itutora v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniia.” *Mezhdunarodnyĭ nauchno-issledovatel'skiĭ zhurnal*, no. 4–3 (58), 2017, pp. 53–55.
- Skliarevskaia, G. N., et al. *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka. Aktual'naia leksika: ok. 8500 slov i ustoĭchivykh slovosochetaniĭ*. Moscow: ĖKSMO, 2006, 1131, [2] p.
- Sternin, I. A. *Kontrastivnaia lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniia*. Moscow: Vostok-Zapad, 2006, 206 p.
- Trishin, V. N. *Slovar' sinonimov ASIS*. 2013, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-202-54.htm#zag-120896>. Accessed 15 April 2021.
- Uvarova, N. M., Maksimchenko, T. V. “Kontekst deiatel'nosti t'itutora. Zachem kolledzhu nuzhen t'itutor?” *Nauchnye issledovaniia v obrazovanii*, no. 1, 2012, pp. 46–52.
- Vorontsova, V. L., et al. *Russkiĭ iazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)*, ed. by E. A. Zemskaya, 2nd ed., Moscow: LRC Publishing House, 2000, 473, [5] p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.02

Cherchuk O. I.

Semantically related borrowings *mentor* — *kouč* — *tutor* in the Czech and Russian languages

Olga I. Cherchuk

Graduate student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9270-0773

Citation

Cherchuk O. I. Semantically related borrowings *mentor* — *kouč* — *tutor* in the Czech and Russian languages // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 170–190 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.2.02

Received: 24.05.2021.

Abstract

The change in the vocabulary of the Russian and Czech languages is largely due to borrowings. Different interpretations of the semantics of words and vague semantics do not affect the popularity of these words among native speakers. The article describes the search for an accurate translation and semantic systematization of the synonymic series *mentor* (*ментор*) — *kouč* (*коуч*) — *tutor* (*тьютор*) in the Czech and Russian languages. The proximity of the meanings of the the quasi-synonyms leads to difficulties in revealing the specifics of each word. Due to the similarity of the organization of the grammatical systems of the Russian and Czech languages and due to the similar process of the globalization in both languages the comparative approach is used. The research was carried out on the material of the search engines Google.ru, Seznam.cz, as well as the Czech database Neomat. In certain contexts these words are interchangeable with units from the recipient language, but in a relationship of complete synonymy, in our opinion, there is only a pair *ментор* — *наставник* in Russian language. We also noted the reasons for the active use of such foreign words: firstly, the absence of a functional-semantic equivalent in the receiving languages, and secondly, the assessment of such vocabulary as socially prestigious, fashionable, to which attention is paid.

Keywords

Czech language, Russian language, borrowings; Cz. mentor, kouč, tutor; Rus. ментор, коуч, тьютор; synonyms, education, corpus linguistics, quasi-synonymy.

УДК 398.34:638.1(=161)(045)
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.01

Гура А. В.

Заметки о пчеловодческой традиции в Полесье (по материалам Полесского архива)

Гура Александр Викторович,
ведущий научный сотрудник,
доктор филологических наук,
Институт славяноведения РАН,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 32-А.
E-mail: avgura@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-0985-8639.

Цитирование

Гура А. В. Заметки о пчеловодческой традиции в Полесье (по материалам Полесского архива) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 191–208. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.01

Статья поступила в редакцию 19.07.2021.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

Аннотация

Очерк пчеловодства в Полесье, одной из архаических славянских зон, написан на материале, собранном в 1970–1980-е гг. в экспедициях Института славяноведения РАН под руководством Н. И. Толстого по программе Полесского этнолингвистического атласа и хранящемся в архиве Отдела этнолингвистики и фольклора института. Частично он дополнен сходными данными из соседнего польского Подлясья, народная культура которого во многом родственна полесской. Архивные материалы демонстрируют не столько материальную, сколько духовную сторону этой традиционно мужской хозяйственной деятельности. В статье рассмотрены народные представления о святости пчелы; обычаи и поверья, относящиеся к календарному циклу; народные верования, магические действия, обереги и запреты, связанные с приобретением и разведением пчел и со смертью пчеловода. Особое место пчеловодства в традиционной культуре Полесья объясняется специфическим сочетанием древнего бортниче-

ства и языческой архаики с христианской символикой и совсем поздними инновациями торгово-промышленного и научно-хозяйственного характера. Корпоративность и автономность этой культурной сферы обеспечивали сохранность древнего пласта верований, но одновременно способствовали открытости к новым, специальным знаниям и влиянию книжной культуры (рукописное распространение пчеловодческой традиции, например в виде пасечных книг, проникновение в эту социальную среду научно-просветительной литературы по пчеловодству и спрос на нее), а также наделяли фигуру пчеловода чертами чародея, носителя тайных знаний, доступных лишь посвященным.

Ключевые слова: *Полесье, пчеловодство, пчелы, мед, воск, славянские архаические зоны, традиционная культура, магия, поверья.*

Материалы по пчеловодству из Полесского архива Института славяноведения, собранные по программе Полесского этнолингвистического атласа, носят выборочный характер, ориентированный не на материальную, а на духовную сторону этой традиционно мужской хозяйственной деятельности. Неслучайно поэтому внимание собирателей было сосредоточено в основном на ритуально-магической практике, поверьях, оберегах и запретах, связанных с разведением пчел и добычей меда и воска, на пчеловоде как представителе профессионального знания, на символике пчел в народных представлениях и фольклорных текстах. В ряде случаев полесский материал дополнен сходными данными из польского Подлясья, традиция которого в значительной степени является естественным продолжением полесской.

Пчелы пользуются у полешуков особым почитанием. В волинском Полесье пчелу называют *божа мудрость* и благодарят пчеловода за мед словами: «Хай Бог тобі мудрыть!» (В.¹ Лбш. Березичи, зап. автора). Широко распространенный у славян запрет убивать пчелу известен также в Полесье и в соседнем польском Подлясье (Б. Стл. Радчицк, ЕН; Б. Млр. Мыслячи; Р. Дбр. Лесовое; Хелмское воев., Окшув, зап. автора). Убиение пчелы, даже случайное, считалось особо тяжким грехом, по сути дела преступлением (Р. Ркт. Боровое, ММГ; Г. Ллч. Стодоличч, ОВС; Речицкое Полесье, Pietkiewicz 1938: 44). Божественной природой пчел объясняется поверье, что гром не бьет в улей с пчелами (Р. Дбр. Озерск, зап. автора). Но однажды, когда сатана, по легенде, попытался

¹ Здесь и далее в скобках указываются сокращенные названия областей и районов, их расшифровку см. в конце статьи.

укрыться от Бога в улье, молния настигла его и там (Г. Хнк. Избынь, АБС). Пчелы считаются Божьим творением. Согласно легенде, Бог, создав пчелу, сказал: «Будэ дотуда жыть, докуда будэ свет исновать» [Она будет жить до тех пор, пока свет существует]. Когда же все пчелы на земле изведутся, наступит конец света (Р. Ркт. Каменное, зап. автора). По-видимому, с теми же представлениями связана также сказка или легенда из Пинского Полесья, записанная в кратком пересказе: «Е ка́зка, як пчела́ веро́вку ви́ла до нэба́. Она́ ўпа́ла, розбі́лася, а по е́е хрэбе́ту всі на нэ́бо выбіра́ліс. С пэ́лэвіны² веро́вку ви́лы і до нэ́ба лэ́злі по пчелі́ному хрэбе́ту» [Есть сказка, как пчела веревку вила до неба. Она упала, разбилась, а по ее хребту все на небо забирались. Из опилок веревку вили и на небо залезали по пчелиному хребту] (Б. Пнс. Кончицы, ЛМИ).

Глава роя — пчелиная матка. В гомельском Полесье ее происхождение связывают с женщиной: «От я чу́ла тако́е, шчо йшла жэ́ншчына да й вайшла ў пчо́лку, аберну́лася, зна́чыць, пчо́лкаю, дак з яе, з жэ́нчыны туй, зрабі́лася ма́тка, шчо ў ро́ю» [Вот я слышала, что шла женщина и воплотилась в пчелу, обратилась в пчелу, так из нее, из этой женщины, сделалась матка, которая в пчелином рою] (Г. Хнк. Вел. Бор, ЛНВ). Когда пчелы должны были роиться, группа пчел-разведчиков (*ска́лі*, *соби́р. скаль*) искали подходящее место для роя или проверяли специально приготовленный улей, а потом вели туда матку с роем (Ж. Овр. Журба, зап. автора; Г. Мзр. Махновичи, НПА). В хорошую погоду пчелы роются на ветках. Хозяин окропляет их водой, чтобы не улетели, срезает ветку, кладет на чистую простыню или скатерть, опять кропит водой. Затем деревянной ложкой разгребает пчел, находит матку и кладет в улей. Услышав, как *завинéла* матка, пчелы *одным швом* влетают в улей. Там для них ставят рамки с медом, чтобы они немного подкормились (Б. Стл. Радчицк, ОН). Если умрет пчелиная матка, умрет весь рой (В. Лбш. Ветлы, ОАТ; Г. Гом. Грабовка, ОАТ). Мертвых пчел следовало похоронить рядом с ульем, закопать на пасеке (Г. Брг. Верх. Жары, АААс; Б. Прж. Смоляны, ЕЯС; Б. Стл. Радчицк, ОН; Ч. Кзл. Олбин, РАГ; Бн. Клм. Челхов, ФКБ). Живые пчелы сочувствуют мертвым: «А дру́ги пчэ́лы — над ні́мі жужжа́ць, горіо́уюць, як лю́ди» (Г. Брг. Верх. Жары, АААс).

Пчелы уподобляются людям по целому ряду признаков. Об их смерти говорится в Полесье так же, как о смерти человека, а не ско-

2 Вероятно, должно быть «с пылови́ны» от *пылови́на, -ы (ср. бел. гроднен. *пілавіны*, *піло́віны*, укр. зап.-полес. *пилови́нне*, лемков. *пиловина* ‘опилки’).

тины. Для обозначения смерти пчелы (пчел) используются три группы глагольной лексики.

1) К первой группе относятся в разных фонетических вариантах однокоренные глаголы: *умерла / умерли*, распространенный на всей территории Полесья и в Подлясье (Белостокский пов., Нецки; Хелмский пов., Окшув, соб. записи) и *померла / померли*, более редкий, но тоже известный в разных районах Полесья. Реже встречаются глаголы *замерла / замерли* — в Брестской (Малоритский, Кобринский р-ны), Житомирской (Новоград-Волинский, Овручский р-ны) и Черниговской (Куликовский, Городнянский р-ны) областях и *отмерла / отмерли* — в Брестской (Пружанский, Пинский р-ны), Брянской (Трубчевский р-н) областях, а также отглагольное *отмор* в Лельчицком р-не Гомельской обл.: «Кажуть: отмор пчёл. <...> Мой ба́тько пойде да ска́же: “Ох, и отмору багáто!”» [Говорят: «отмор пчел». <...> Мой отец сходит и скажет: «Ох, и много отмора!»] (Симоничи, ЕВР). О полной, поголовной смерти пчел говорят *вымерли*.

2) Вторая лексическая группа связана с корнем **gub-*: *погибла / погибли* — в Волинской (Любешовский р-н), Житомирской (Овручский р-н), Гомельской (Мозырский, Лоевский р-ны), Киевской (Чернобыльский р-н) и Черниговской (Репкинский р-н) областях; *погнули* — в Ровенской (Рокитновский р-н) и Гомельской (Лельчицкий р-н) областях; *загнули* — в Ровенской (Заречнянский р-н) и Гомельской (Лельчицкий, Мозырский р-ны) областях; *сгнули* — в Ровенской обл. (Рокитновский р-н) и *выгибли* — в Житомирской (Олевский р-н) и Гомельской (Лельчицкий р-н) областях.

3) В третьей группе относятся глаголы с корнем **rad-*: *пропала / пропали* — в Волинской (Любешовский р-н), Ровенской (Рокитновский р-н), Житомирской (Новоград-Волинский, Овручский р-ны), Гомельской (Хойникский, Лоевский, Ветковский р-ны), Киевской (Чернобыльский р-н), Черниговской (Козелецкий, Репкинский, Городнянский р-ны) и Сумской (Шосткинский р-н) областях; *упала / упали* — только в Гомельской обл. (Лельчицкий, Гомельский р-ны).

Объясняют такое отношение к пчеле тем, что она святая (Б. Млр. Олтуш, ИК; Г. Лчч. Стодоличи, ССБ; Ч. Грд. Хоробичи, зап. автора; Ч. Рпк. Вел. Вель, ТВВ); трудолюбива, как человек (В. Ргн. Речица, ТВК, АВТ-А; В. Лбш. Ветлы, ОЮР; В. Лбм. Грабово, МВГ; Б. Млр. Олтуш, ИК; Б. Кмн. Николаево, ДАЖ; Б. Прж. Загорье, ЕАС; Ч. Рпк. Вел. Вель, ТВВ; Хелмский пов., Окшув, зап. автора); имеет душу (Р. Ркт. Боровое, ААА, НМЯ; Ж. Н.-В. Курчица, зап. автора; К. Чрнб. Копачи, ЕМН), которая от умершего человека «в пчёлку переходить» (Р. Ркт. Боровое, ААА, НМЯ), «на пчёлку скида́ецца» (Ж. Овр. Выступовичи, ВИХ); что пчела кормит и

лечит медом (В. Лбм. Грабово, МВГ; В. Лбм. Забужье, НМ; Б. Пнс. Ласицк, ЕМН; Г. Жтк. Дяковичи, АБМ; К. Чрнб. Копачи, ЕМН); дает воск для церковных свечей (Г. Лоев. Новокузнецкое, СП; Ч. Рпк. Вел. Вель, ТВВ) и на свечу умершему (К. Чрнб. Копачи, ЕМН), а также живет в улье таким же сообществом, как люди в селе или в семье (Б. Пнс. Ласицк, ЕМН; Г. Мзр. Барбаров, ОВБ).

В западном Полесье пчелиный рой может символизировать человеческую семью также в снотолкованиях: рой пчел во сне означает большую семью (В. Ртн. Щедрогор, ААА; Б. Млр. Радеж, АЛЛ; Б. Стл. Радчицк, ААП; Р. Ркт. Глинное, ИАМя); поимка роя — для беременной женщины рождение сына (Б. Млр. Радеж, АЛЛ); вылет пчел из улья — уход детей из родного дома (Б. Млр. Олтуш, ИК; Б. Пнс. Ласицк, ЕВК; Б. Стл. Радчицк, ААП); переселение роя — переселение хозяина дома (Б. Пнс. Ласицк, ТИП), переселение или разделение семьи (Б. Млр. Радеж, АЛЛ); снятся пчелы — прибытие родственников (Р. Срн. Чудель, КК; Ч. Кзл. Олбин, РАГ) или уход их из семьи (Р. Срн. Чудель, КК).

Образ души как пчелы присутствует в быличке, записанной в Пинском Полесье. Сестра везла хоронить умершего брата в другое село за сорок километров, и дорогу похоронной процессии перешла кошка или собака. Согласно поверью, это означает, что покойник будет «ходить» после смерти. После похорон информантка в разговоре о брате сказала: «Хиба он якi зна́хор, коб вин от так ходiў!» [Разве ж он колдун какой, чтоб вот так ходить!] А ночью скрипнула дверь и слышалось жужжание. И словно бы пчела села ей на щеку и ужалила в губы. «Нэ кажы́ бiльшэ» [Не говори больше], — раздался голос, а затем удаляющееся жужжание и скрип закрываемой двери. После этого брат больше к ней не являлся (Б. Пнс. Ласицк, ОВС, ЕВК).

С представлениями о пчелах как душах связана, по-видимому, и вера в то, что пчелы являются предвестницами смерти. Повсеместно в Полесье пчелы, пчелиный рой снятся к смерти, особенно если пчелы кусают (Б. Лнн. Велута, ТВС; Ж. Лгн. Нов. Рудня, ЕЭБ; С. Глх. Вольная Слобода, НПД; Бн. Клм. Челхов, ОВС; Бн. Свс. Доброводье, б/с), если рой вылетает из улья (Г. Мзр. Дорошевичи, СМТ; Г. Клн. Золотуха, АЕЗ; Г. Брг. Вел. Жары, АААс; Г. Втк. Присно, МГБ, АЛТ; Ж. Овр. Деревцы, зап. автора; Ж. Крс. Полесское, НФК; Ж. Лгн. Червоная Волока, ЕЭБ), улетает со двора (Г. Лоев. Ручаевка, СП), летит возле дома (Ж. Овр. Деревцы, зап. автора), в окно (К. Чрнб. Копачи, ОБШ), залетел в дом (Б. Лнн. Велута, ТВС; Г. Птр. Комаровичи, зап. автора; Г. Брг. Верх. Жары, ВЮМ; К. Чрнб. Копачи, ОВС, ОБШ; Ч. Кзл. Олбин, РАГ), летел и сел (Г. Клн. Малые Автюки, ГЮН), сел на дерево (Г. Клн. Золотуха, АЕЗ) или на человека (Б. Млр. Олтуш, зап. автора; Б. Пнс. Кончицы, ЛМИ; Г. Клн. Золотуха, АЕЗ; Г. Лоев. Ручаевка, СП; Г. Гом. Грабовка, ОВС).

Покровителями пчел и пчеловодов в Полесье считают святых Зосиму и Савватия и молятся им о пчелах: *Савастѣй и Зѳосим* — «ѳта пѳрвые пчалавѳды», они «арганизаваѳли пчалавѳцтва з дѳкава ѳ культуѳрнае» (Ч. Грд. Хоробичи, зап. автора). С просьбами о пчелах обращались также к другим святым: «И Микѳла, и Юрий, и Варвѳра-мѳучелница — их прѳсяць, як с пѳѳломы тѳрдно» [И Николай, и Юрий, и Варвара-мученица — их просят, когда с пчелами проблемы] (Р. Ркт. Боровое, ААА, НМЯ).

С приобретением и разведением пчел связаны различные представления, магические действия и запреты. Так, в Полесье и в Подлясье считают, что лучше всего «ведутся» краденые пчелы (Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 143; Ч. Грд. Хоробичи, ОАТ; Г. Птр. Комаровичи; Хелмский пов., Окшув, зап. автора) или прилетевшие сами (Белостоцкий пов., Тополяны, зап. автора). В Волынском Полесье выше всего ценятся найденные пчелы, а краденые, как считается, рано или поздно выведутся (В. Лбш. Березичи, зап. автора). При этом распространено представление, что у вора, укравшего пчел, они жить не будут (Р. Ркт. Боровое, ММГ; Г. Ллч. Стодоличи, ОВС). Воровство пчел считается большим грехом. Расправлялись с таким вором жестоко: о нем заявляли сельскому старосте, водили его по селу и били палками чуть не до смерти, а в старое время могли и убить (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС). Своих пчел хозяева стараются никому не давать, иначе они перестанут плодиться (В. Лбш. Любязь, ЕАЗ). В черниговском Полесье верят, что пчелы не будут «вестись» у скупого хозяина. Поэтому пчеловоды в случае приобретения у них пчел прибегают к различным ухищрениям, «шоб роя дать, а саўсем пѳолы ни аддать. Гаварили так: “ѳта тебе, а ѳта мене“, — часть жа пѳол табе, а часть мене» (Ч. Рпк. Вел. Злеев, зап. ОАТ и автора). Поскольку пчелы воспринимались как Божий дар, продажа их почиталась делом богопротивным, которого пчеловоды всячески стремились избежать. В прилегающих к Волынскому Полесью на западе Грубешовском и Замойском поветах Польши считают, что пчелы, купленные после смерти их прежнего хозяина, у нового владельца «вестись» не будут (Fischer 1921: 276).

В Черниговской обл. при основании пасеки первый рой живым закапывали на ее территории (Грд. Хоробичи, ОАТ). Перед тем как поместить приобретенных пчел в улей, трижды обходили с ними вокруг дома, чтобы они не улетали (Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 143). Для защиты пчел от порчи и сглаза на пасеке или в саду, где стояли ульи, выставляли на палке конский череп (Б. Млр. Радеж, ТВК, ЕВЗ; Б. Прж. Загорье, ЕАС; Б. Прж. Задворяны, ЕАС; Ч. Грд. Хоробичи, зап. автора; Ч. Чрн. Плехов, ЕВМо; ПЭС: 143). Чтобы пчел не сглазили, их не показывали посторонним людям (Б. Кбр. Онисковичи, МИС; Ч. Грд. Хоробичи, ОАТ).

Ряд запретов связан со стуком. В Волынской обл. верят, что пчелы будут умирать, если стучать ложкой (В. Лбш. Ветлы, ТАА). В Гомельской обл. запрещается бить кулаком по столу, иначе нельзя будет посадить пчел (Г. Ллч. Замошье, АЛТ, СНЖ), а также разбивать яйца о стол, иначе пчелы не будут давать мед (Г. Ллч. Стодоличи, ТИР). После захода солнца не выносят мусор, не выливают воду на улицу и не дают никому ничего из своей хаты, потому что пчелы могут перевестись, град может побить посевы и т. д. (Б. Лхв. Туховичи, ВФТ). Особенно это касается одалживания в чужой дом или в другое село прядильных и ткацких орудий (за исключением бёрда): прялки, основы, нита, гребня и т. п., — во избежание гибели пчел и пожара (Р. Ркт. Боровое, ААА, НМЯ).

Магические способы разведения пчел держатся пчеловодами в тайне (Б. Кбр. Онисковичи, МИС). В Гомельской обл. известен обычай ткать обыденное полотенце: «Кто пчёлами занимáлся, дак за адíн день нўжна напράсть и насукáть и палатéнца вýtкать, мэтра два. Штоб як сóнце зáйдед, ужé показáть то палатéнце. Штоб пчёлы вяліся — тако́й абы́чай был» (Г. Клн. Золотуха, АОТ). Для успешного разведения пчел ульи обвязывают ниткой (В. Лбш. Любязь, ЕАЗ; Г. Мзр. Барбаров, ИБУ), иногда красной (С. Шст. Клышки, ЕАЧ; С. Глх. Дунаец, б/с), окуривают древесной трухой (Б. Кмн. Николаево, ДНШ), опрыскивают пчел водой из колодца (Б. Кбр. Онисковичи, МИС; Б. Лхв. Туховичи, ТИЛ). Различные способы используются для поимки роя, посадки и привлечения в улей. Например, кропят вылетевший рой святой водой, чтобы посадить его (Б. Брз. Спорово, ОАС; Р. Ртн. Щедрогор, МАБ); для переселения собирают рой освященной пасхальной скатертью в плетеный короб или корзину, в которой носили святить пасхальный кулич и яйца, и накрывают сверху этой скатертью (Ж. Н.-В. Курчица, зап. автора, ГИК; Ж. Лгн. Червоная Волока, ММГ); для пойманного роя берут улей с чужой пасеки и после захода солнца прослушивают его с правой стороны, спокойны ли в нем пчелы, останутся в нем жить или уйдут из него (Бн. Клм. Челхов, ФКБ).

Распространен календарный и семейный обычай, основанный на имитативной магии, — просить присутствующих в доме пчеловода посидеть, чтобы у него сadiлись пчелы, т. е. чтобы рой занял улей. В большой праздник хозяин-пчеловод обращается к своим гостям (Ж. Овр. Журба, зап. автора) или к любому зашедшему в хату: «Сядáйтэ, шоб пчо́лы сiлы!» (Р. Срн. Чудель, зап. автора). На крестинах просят гостей: «Садiтэся скаре́й, дак бўдуць пчо́лы садiцца» (Г. Мзр. Барбаров, зап. автора). На свадьбе заставляют присутствующих присесть со словами: «Сядáйтэ, хай пчо́лы сядуць!» (Р. Дбр. Озерск, зап. автора), «Седáйте, — кáжуть, — моi гóсти золоты́е, ек пчо́лы седáюць» (В. Лбш. Ветлы, ОАТ),

«Садісь, хай у хузіяна роі садяця!» (В. Лбш. Березичи, зап. автора). С той же целью усаживают за поминальный стол пришедших на «деды»: «на дяды сидяць, шоб саділыса пчэлы на вўлей» (Г. Ллч. Замошье, АЛТ, СНЖ). В Рождественский сочельник, когда выносят кутью, дети садятся за стол и «гудўт: у-у-у! — шоб пчóлы сядáлы» (Ж. Н.-В. Курчица, зап. ГИК и автора); [мы, дети,] «бзэкаемо як пчїлка: бз-з-з-з! и сѣдаемо ўже вечѣрати — шоб рий сѣдал ў вўлий» (В. Ргн. Щедрогор, МАБ). Когда хозяйка ставит на стол кутью, хозяин гудит, как пчела, и говорит детям: «Сядáйтэ, дѣты, шоб у нас пчóлы сядáлы». С той же целью хозяйка на Пасху поднимает всю семью до восхода солнца, чтобы успеть позатракать раньше других (Ж. Овр. Журба, зап. автора).

Пчеловодческая традиция встроена в структуру народного календарного цикла. Так, на Варвару (4/17.XII) в Ровенской обл. варят вареники, хозяин идет с ними в лес и там бросает их на хвойное дерево. На то дерево, на которое попадет вареник и к которому прилипнет, затягивают улей для пчел (Р. Ркт. Боровое, ММГ, ОАЗ). Ставят ульи также в саду и обвязывают их сплетенными хвойными ветками (Р. Ркт. Боровое, ММГ). В тот же день до восхода солнца колдуньи брали воду из трех чужих колодцев, чтобы у них «велись» пчелы (Р. Ркт. Каменное, зап. автора).

В Филиппов день (14/27.XI) перед наступлением Рождественского поста в домах пчеловодов лепят вареники, которые наполняют начинкой из конопли и груш, чтобы пчелы наполняли ульи медом (Г. Ллч. Симоничи, ТЯ).

На Святки, когда обычно приглашают мороз на ужин, в семье пчеловода приглашают того, у кого также имеются пчелы (К. Чрнб. Копачи, КЕР). Перед ужином по росе на крышке, которой был накрыт горшок с кутьей, хозяин гадает о том, с какой стороны летом ждать прилета пчелиного роя (Г. Ллч. Стодоличи, ЛНВ) и каким вообще будет год для пчел (там же, СМТ).

На Рождество бортники обвязывают соломой сосну с бортью и наносят у себя дома кресты воском на потолочной балке посреди хаты (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС).

В канун Нового года (на *Шчóдрика*) обвязывают ульи перевяслом из соломы или сена, чтобы пчелы «велись» — *шчóдрїліса* (Б. Стл. Радчицк, ААП, ОН). Перед Богатой кутьей белят печь, «шоб пчóлы богáто замáзывали» — замазывали щели в улье клейким прополисом, утепляя стены улья (Ж. Овр. Выступовичи, ОАТ, ФКБ). Девушки в этот вечер гадают о замужестве, слушая возле ульев, гудят ли пчелы: если звуков не слышно, их ждет спокойная семья, а если слышится пчелиный

гул — сварливая (Б. Кбр. Онисковичи, ЕАХ). На *Шчэдрэца* стараются есть мед для того, чтобы он не переводился (Б. Стл. Верх. Теребежов, ОАТ). В первый день Нового года хозяин утром идет посмотреть пчел: если они вылетели, значит, в этом году будет много меда, а если сидят в улье, год будет неурожайный (Г. Ллч. Симоничи, ЕВТ). Вылетевшие из улья пчелы, замерзнув, падают на снег. Хозяин смотрит, в какой стороне они лежат на снегу, и определяет направление, в каком надо ставить ульи для отроившихся пчел. Рой полетит летом садиться именно в ту сторону, в какую вылетели пчелы в новогоднюю ночь (Г. Ллч. Симоничи, ЕВТ). На удачное роение пчел нацелен и новогодний ритуальный диалог между хозяином, вышедшим на улицу, и его женой: «Добры вэчор, кумá! Де вáши ро́й мота́юца?» — «В о́гoрoде на ѓруши» или: «Кумá, кумá, где вáши ро́й сидáють?» — «Чы на хвóи, чы на ѓрушы» (Ж. Овр. Тхорин, ЕСЛ, АВТ, ГИК). Чтобы пчелы роились раньше, надо рано утром на Новый год тайком, чтобы никто не видел, принести в хату воды и опрыскать ею улей (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС).

На Крещение (6/19.I) владельцы пчел должны присутствовать на водосвятии и отстоять весь чин «крепко» и «тихо», чтобы «велись» пчелы (Г. Втк. Присно, МГБ, АЛТ). Пасечник старается первым набрать воды, освященной священником (Ч. Клк. Ковчин, МАБ). Святой водой в тот же день окропляют пчел (Ж. Н.-В. Курчица, зап. автора), а позже — вылетевший рой, чтобы он больше не улетал (В. Лбш. Ветлы, ОАТ), ульи внутри (Р. Ркт. Боровое, ММГ), ульи и мертвых пчел (*пудмóр*), чтобы «велись» пчелы (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС). Кроме того, водой, взятой на Крещение из трех колодцев, окропляют пчел и ульи (Ч. Рпк. Вел. Весь, ТВУ; Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 143–144; Б. Кмн. Николаево, ДНШ), в том числе для защиты пчел от дурного глаза, когда весной ульи выставляют из мшаника на пасеку (Ч. Грд. Хоробичи, ОАТ).

Выставляют ульи после зимовки или вешают их на деревья и выпускают пчел из ульев на «Теплого Алексея» — в день св. Алексея, человека Божия (17/30.III) (Ж. Овр. Журба, зап. автора; Г. Лоев. Ручаевка, НР; Ч. Клк. Ковчин, НМЯ, МНТ). Согласно поговорке, в этот день «Рыба на нерест, корова на верес, а пчела на улье» (Г. Лоев. Ручаевка, ЛНВ), варианты: «...а бортник на хвою» (Ж. Овр. Журба, зап. автора), «...пчеловод за веревку и на хвою пчел глядеть» (Г. Лоев. Ручаевка, НР).

Другой день, к которому приурочен вылет пчел в Полесье и в польском Подлясье (Белостокское воев., Тополяны, зап. автора), — это Благовещение (25.III/7.IV). Выставлять ульи на Благовещение и обвязывать их от сглаза суровыми нитками принято в черниговском Полесье (Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 144). Согласно распространенной полесской

примете, за сколько дней до Благовещения пчелы вылетят из улья, столько же дней после Благовещения еще отсидят в нем, т. е. столько дней еще продлятся холода (Б. Млр. Радеж, ТВК, ЕВЗ; Б. Кмн. Николаево, ДНШ; Б. Пнс. Камень, зап. автора; Ж. Овр. Журба, зап. автора; Р. Срн. Чудель, СМТ; Г. Жтк. Дяковичи, АБС; К. Чрнб. Копачи, ОБШ). В пинском Полесье считают, что для того, чтобы пчелы не роились, нужно на Благовещение до восхода солнца пошевелить ульи (Б. Пнс. Ласицк, ЕМН). То же время, до восхода солнца на Благовещение, использовалось колдунами для отбирания меда у чужих пчел. По рассказам, один такой колдун в селе ходил к чужим пчелам, что именно там делал, неизвестно, но умирал в муках, так что пришлось перекладывать его на лавку и даже сверлить потолок. А как только умер, то под лавку потекла сладкая липкая вода, потому что он колдовством забирал себе мед от чужих пчел (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС).

В первую неделю Великого поста запрещалось сновать, иначе пчелы вместо того, чтобы вылетать, будут «сновать» возле улья (Ж. Овр. Тхорин, ОВБ). Не спуют также в средопостье (среду на Крестопоклонной неделе), чтобы хозяин не запутался в *жени* — в веревке, которой привязывается бортник, когда влезает на дерево для осмотра бортей (Г. Ллч. Стодоличи, СМТ).

В средопостье также пекут хлебцы в виде крестика, чаще всего три, один из которых берут с собой, когда первый раз ходят смотреть пчел и мед в ульях (Ж. Н.-В. Курчица, зап. ГИК и автора; Ж. Ол. Перга, ЕСЛ; Ж. Лгн. Червоная Волока, ЕЭБ, АВА; Ж. Овр. Тхорин, ГИК, СМТ; Р. Ркт. Боровое, ОАЗ, ААА, НМЯ, ТАК, ММГ; Г. Ллч. Замошье, АЛТ, СНЖ; Г. Ллч. Симоничи, ЕТ; Г. Ллч. Стодоличи, ТАА, ОВС, СМТ). Этот хлебец оставляют возле пчел (Г. Ллч. Стодоличи, ТАА), съедают сами возле ульев, чтобы мед был хороший (Р. Ркт. Боровое, ММГ), или приносят потом домой и отдают детям (там же, ОАЗ, ААА, НМЯ) или скотине (там же, ОАЗ).

Во время пасхальной службы пчеловоды стоят и долго читают Евангелие, чтобы пчелы «велись» (Г. Гом. Грабовка, ОАТ). На возглас священника «Хрыстос воскрес!» отвечают: «Я пчолы осажаяю» (Б. Кбр. Онисковичи, ОВС, МИС). Во время освящения куличей на пасхальной ночной службе стараются вытянуть ниточку из ризы священника, говорят, что пчелы «цепляются» на эту ниточку. И даже попытки защитить священника оказываются тщетными (В. Ртн. Щедрогор, МНТ).

При первом громе пчеловоды примечают: в какой стороне его услышали, в ту сторону будет садиться рой (Г. Ллч. Симоничи, ЕВТ).

На Русальной (Троицкой) неделе нельзя лазить на деревья проверять ульи. В гомельском Полесье рассказывают, как один человек полез

на сосну за ульем, а его умершая сестра, ставшая после смерти русалкой, посоветовала ему подтянуть *жень* — веревку, по которой он залез: «Братко Ива́нко! Пудтягни свою жэнь! Бо русалки ухóплять!» [Братец Иванко! Подтяну свою жень! Иначе русалки схватят!] А русалки уже ухватились за веревку, забрались на дерево да там в ветвях его и зашкочотали (*зашлокотáли*). Он упал с дерева и умер (Г. Ллч. Симоничи, ОВС).

Считается, что, если пчелы отроились до Спаса (1/14.VIII), они сумеют себе на зиму заготовить корм (Бн. Клм. Челхов, ФКБ). В Спасовку (Успенский пост, 1/14–14/27.VIII) обвязывают улей освященной ниткой, чтобы пчелы были здоровы (Ч. Чрн. Плехов, ИБУ).

В Вышевичах Радомышльского р-на Житомирской обл. на Прецистую (Рождество Богородицы, 8/21.IX) справляли местный храмовый праздник, называемый «медовым». На церковном дворе пчеловоды варили мед, угощали им и продавали его. Устраивался обед для тех, кто не имел родных, для прохожих и проезжих. Хозяйки приносили каждая угощение со своего стола и ставили на столы, расставленные во дворе (ОАТ).

В Полесье есть обычай, согласно которому собранным из бортей медом угощают всех встречающих, выносят его на двор, несут в подарок в корчму, веря, что старания пчеловода несут добро и умножают дар Божий (Moszyński 1928: 43). В Житомирской обл. первый мед вынимают в мае и созывают детей отведать меда. Считается, что меда жалеть нельзя (Ж. Овр. Журба, зап. автора). В Волынской обл. хозяин во время сбора меда угощает каждого прохожего, кто посмотрит на его работу, а потом потчует и других собранным медом, исходя из представления, что, как он делится медом с людьми, так и ему Бог дает (В. Лбш. Ветлы, ОАТ, ЛДИ). При этом за мед нельзя говорить «спасибо», а следует благодарить словами: «Шоб Биг пчóлы мандрува́ў!» [Чтобы Бог пчел умудрял!] (там же, ЛДИ). В Гомельской обл. во время сбора меда одни пчеловоды также подзывали увиденных поблизости односельчан и давали им хлеба и меду (Г. Ллч. Стодоличчи, ОВС), а другие, наоборот, старались никому меда не давать, чтобы пчелы не покинули ульи (там же). В Черниговской обл. мед выкачивают на Преображение, тогда же освящают его и угощают им всех желающих (Ч. Рпк. Вел. Злев, ПЭС: 143). В Брестской обл. считается, что медом нужно угостить всякого, кто придет, когда качают мед (Б. Кбр. Засимы, зап. автора). Продавали пчеловоды собранный мед неохотно — боялись, что пчелы перестанут «вестись» (Б. Млр. Радеж, ТВК, ЕВЗ).

Пасечники опасаются давать мед для тяжелобольного человека, считая, что если он умрет, то и пчелы постепенно вымрут (Б. Млр. Мо-

краны, ССБ; Б. Млр. Олтуш, ММГ; Р. Зрч. Нобель, ТАА, АЛТ; В. Лбш. Березичи, зап. автора; В. Лбш. Любязь, ЕАЗ), а если и дают, то из уже покинутого пчелами улья (В. Ртн. Щедрогор, МАБ) или же только за плату, хотя бы символическую (Б. Млр. Олтуш, ММГ; Подлясье, Ломжинское воев., Кольненский пов., Козёл, Archiwum ИНКМ: 3). Не дадут меда даже самому хозяину пчел, если он перед смертью его попросит (Б. Стл. Радчицк, ААП). На поминки тоже не дают меда от своих пчел, чтобы они не вымерли (Г. Мэр. Махновичи, НПА; Ж. Овр. Журба, зап. СПб и автора; Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 143; Ч. Рпк. Вел. Весь, ТВУ), а когда давали, то требовалось вернуть тарелку не пустой, а с яйцом, блином или чем-либо подобным, «шчоб спорилося у пчолок» (Б. Стл. Радчицк, ААП). По той же причине не дают воска на свечи для похорон (Г. Втк. Присно, МГБ, АЛТ; К. Чрнб. Копачи, ЕМН; Ч. Рпк. Вел. Весь, ТВУ; Ч. Рпк. Вел. Злеев, ПЭС: 143). И наоборот, на свадьбу («вяселле») охотно давали из трех роев (от троих владельцев пчел) воск для двух больших свечей жениху и невесте, которые потом слепляли вместе. Считалось, что это идет на пользу пчелам, они лучше «ведутся» и будут «весёлые» (К. Чрнб. Копачи, ЕМН).

Обычай и поверья, связанные со смертью пчеловода, демонстрируют тесную связь пчел со своим хозяином. В Полесье распространено представление, что смерть пчеловода влечет за собой и смерть его пчел. При этом полагают, что умерший обладал магическим знанием: «Той хозьяин, шо умэра́эт и пчо́лы умэра́ют, то вин шо-то знаў до тэх пчол» (Б. Кбр. Онисковичи, МИС). В западном Полесье пчелам сообщают о смерти хозяина: «Пчо́лки, ўстава́йце, бо хозьяин умира́е» [Пчелки, вставайте, хозяин умирает] (Б. Млр. Радеж, ТВК, ЕВЗ). Или говорят: ««Нэма́ ва́шого хазя́йина, и вам по світу йты» — то пчо́лы по світу йду́ть» [Нет вашего хозяина, и вам по миру идти — вот пчелы и расходятся по миру] (В. Лбш. Любязь, ЕАЗ). В восточном Полесье жена умершего идет к пчелам и причитает возле них (С. Шст. Клышки, ЕАЧ), например: «Нема кому́ вас догляда́ть, як му ужэ́ бўдомо жыць...» [Некому о вас позаботиться, как же нам теперь жить...] (Г. Ллч. Стодоличи, ОВС). Согласно поверью, умерший хозяин забирает пчел с собой (Б. Кмн. Николаево, ДНШ; Ж. Н.-В. Курчица, зап. автора), берет на тот свет долю принадлежавшей ему живности: «Мертвэ́ц берэ́, ча́сть с собой уллі́, худóбу» (Ч. Грд. Мошенка, СЕН). По рассказу информантки из Житомирской обл., ее деда-пасечника пчелы провожали до самой могилы: «Хазя́ин умира́е и пчо́лы за собо́й забира́е. Мой дэд умэ́р и пчо́лы умэ́рли, пошлі́ за дэ́дом. Каза́ли, ста́ры Хвэ́дор зна́е шось. Як дед мой умэ́р, то пчо́лы на труну́ так и сэлы там. Так пискóм и засы́пали йих. Як наро́д проводи́ў дэ́да, так и пчо́лы лэ́тели. Вон шось знаў за

йих. Вон знаў, да сынám нэ оста́виў» [Хозяин умирает и пчел с собой забирает. Мой дед умер и пчелы умерли, пошли за дедом. Говорили, старый Федор знает что-то. Когда дед мой умер, пчелы прилетели и сели на гроб. Так песком и засыпали их. Когда народ провожал деда, то и пчелы летели. Он что-то знал о них. Он знал, да сыновьям не передал] (Ж. Н.-В. Курчица, зап. ИГБ, ЕВМ и автора). Говорят, что пчелы сами чувствуют смерть хозяина и погибают: «Пчо́лы пропаду́т, оні са́ми чу́ют» (Ж. Лгн. Червоная Волока, АВА). В Брянской обл. информантка рассказала, как пчелы почувствовали смерть ее отца: «То́лька вы́несли гроб — клубка́ми вы́шли из кало́д, все да аднаго́» [Как только вынесли гроб — клубками вылетели из колодочных ульев, все до одного], но за гробом не полетели, «у сенца́х атста́ли». Когда родственники вернулись с кладбища, пчелы уже находились в улье. Пчел отдали брату покойного, и тогда все они *атмёрли* (Бн. Трб. Радутино, ГИК). В Житомирском Полесье верят, что «еси хазя́ин помира́е, то ціе пчо́лы то́жэ пропада́ют. Трэ́ба их прода́т да замені́т дру́гие» (Ж. Овр. Журба, зап. автора). В восточной Польше (включая Подлясье) считают, что владелец большой пасеки должен успеть перед смертью привести ее в порядок и продать, потому что у его наследников пчелы «вестись» не будут и быстро погибнут (Замойский и Грубешовский пов., Fischer 1921: 276). Во избежание смерти пчел в Гомельском Полесье всем, даже ближайшим родственникам, запрещается ходить к ульям и смотреть пчел, когда их умерший хозяин лежит в хате (Г. Клн. Золотуха, ВВП). В Брестском Полесье в случае смерти пчеловода стараются как можно быстрее, пока он еще не похоронен, переставить ульи на другое место (Б. Кбр. Онисковичи, МИС).

В комплексе практических и магических действий, обычаев и представлений, связанных с пчеловодством в Полесье, сталкиваются и тесно переплетаются сохранявшееся до недавнего времени древнее бортничество и архаические языческие верования, традиция и символика христианства и совсем уже поздние инновации, относящиеся к торгово-промысловой и научно-хозяйственной сферам. Если языческое и христианское начала мирно уживаются в пчеловодческой практике, взаимодействуя и взаимодополняя друг друга (святость пчелы и ее богородичная символика согласуются с ее ролью доброй, неутомимой труженицы, приносящей пользу людям), то вовлечение пчеловодства в сферу торговых отношений порождает подчас взаимоисключающие обычаи и представления. С одной стороны, принято угощать своим медом как даром Божиим бесплатно, а с другой — запрещается давать мед даром, следует заплатить за него хотя бы сим-

волицескую копейку. Воровство пчел осуждается, но считается, что лучше всего «ведутся» краденые пчелы. Убиение пчел расценивается как тяжкий грех, но при этом их живьем закапывают на новой пасеке. По словам К. Мошиньского, запрет убивать пчел удивительным образом уживается с их истреблением порой при выемке меда, однако в Полесье подобных противоречий можно найти немало (Moszyński 1928: 37). Пчеловодство занимает особое место в общей системе народной культуры. Вследствие своей корпоративности и автономности эта культурная сфера не только стала хранилищем древних традиций и архаического пласта верований, но и отличалась особой восприимчивостью к влиянию книжной культуры. Это проявляется в активном проникновении христианского элемента в эту область народной культуры, в распространении пчеловодческой традиции, специальных заговоров и молитв в письменной форме (в виде рукописных пасечных книг, календарных записей и т. п.), а еще позже — в проникновении в крестьянскую среду научно-просветительской литературы по пчеловодству, в освоении специальных знаний и изобретений в этой отрасли хозяйства. Всё это наделяло чертами сакральности и фигуру пчеловода как носителя тайных знаний, доступных лишь посвященным.

Сокращения названий областей и районов

Б. — Брестская обл.

Брз. — Березовский
Кбр. — Кобринский
Кмн. — Каменецкий
Лнн. — Лунинецкий
Лхв. — Луховицкий
Млр. — Малоритский
Пнс. — Пинский
Прж. — Пружанский
Стл. — Столинский

Бн. — Брянская обл.

Клм. — Климовский
Свс. — Севский
Трб. — Трубчевский

В. — Волынская обл.

Лбм. — Любомльский
Лбш. — Любешовский

Ртн. — Ратновский

Г. — Гомельская обл.

Брг. — Брагинский
Втк. — Ветковский
Гом. — Гомельский
Жтк. — Житковичский
Клн. — Калинковичский
Ллч. — Лельчицкий
Лоев. — Лоевский
Мзр. — Мозырский
Птр. — Петриковский

Ж. — Житомирская обл.

Крс. — Коростеньский
Лгн. — Лугинский
Н.-В. — Новоград-Волынский
Овр. — Овручский
Ол. — Олевский

К. — Киевская обл.

Чрнб. — Чернобыльский

Р. — Ровенская обл.

Дбр. — Дубровицкий

Зрч. — Заречненский

Ркт. — Рокитновский

Срн. — Сарненский

Хнк. — Хойникский

С. — Сумская обл.

Глх. — Глуховский

Шст. — Шосткинский

Ч. — Черниговская обл.

Грд. — Городнянский

Кзл. — Козелецкий

Клк. — Куликовский

Рпк. — Репкинский

Собиратели

ААА — А. А. Архипов

АААс — А. А. Астахова

ААП — А. А. Плотникова

АБМ — А. Б. Мороз

АБС — А. Б. Страхов

АВА — А. В. Андреевская

АВТ — А. В. Топорова

АВТ-А — А. В. Тер-Аванесова

АЕЗ — А. Е. Зайцев

АЛЛ — А. Л. Лучанская

АЛТ — А. Л. Топорков

АОТ — А. О. Толстихина

б/с — собиратель не указан

ВВП — В. В. Плешакова

ВИХ — В. И. Харитонова

ВФТ — В. Ф. Трайковская

ВЮМ — В. Ю. Миськив

ГИК — Г. И. Кабакова

ГЮН — Г. Ю. Никипорец

ДАЖ — Д. А. Жук

ДНШ — Д. Н. Шамко

ЕАЗ — Е. А. Замышляева

ЕАС — Е. А. Сафронова

ЕАХ — Е. А. Халнеева

ЕАЧ — Е. А. Черепанова

ЕВЗ — Е. В. Здановская

ЕВК — Е. В. Какорина

ЕВМ — Е. В. Максимова

ЕВМо — Е. В. Моргорская

ЕВР — Е. В. Рычагова

ЕВТ — Е. В. Тростникова

ЕМН — Е. М. Назарова

ЕН — Е. Наркевич

ЕСЛ — Е. С. Лебедева

ЕТ — Е. Тарасова

ЕЭБ — Е. Э. Будовская

ЕЯС — Е. Я. Синковец

ИАМя — И. А. Мямикеева

ИБУ — И. Б. Успенский

ИГБ — И. Г. Безрукова

ИК — И. Кондрашева

КЕР — К. Е. Рутковская

КК — К. Корнелюк

ЛДИ — Л. Д. Ильчук

ЛМИ — Л. М. Ивлева

ЛНВ — Л. Н. Виноградова

МАБ — М. А. Бобрик

МВГ — М. В. Готман

МГБ — М. Г. Боровская

МИС — М. И. Самойлова

ММГ — М. М. Гончаренко

МНТ — М. Н. Толстая

НМ — Н. Мисник

НМЯ — Н. М. Якубова

НПА — Н. П. Антропов

НПД — Н. П. Дейниченко

НР — Н. Романенкова

НФК — Н. Ф. Калюк

ОАЗ — О. А. Золотарева	СПБ — С. П. Бушкевич
ОАС — О. А. Слиж	ССБ — С. С. Бродский
ОАТ — О. А. Терновская	ТАА — Т. А. Агапкина
ОБШ — О. Б. Шаталова	ТАК — Т. А. Коновалова
ОВБ — О. В. Белова	ТВВ — Т. В. Вак
ОВС — О. В. Санникова	ТВК — Т. В. Козак
ОН — О. Норина	ТВС — Т. В. Сурмачевская
ОЮР — О. Ю. Рюрикова	ТВУ — Т. В. Уткина
РАГ — Р. А. Говорухо	ТИЛ — Т. И. Лопатина
СЕН — С. Е. Никитина	ТИП — Т. И. Пищало
СМТ — С. М. Толстая	ТИР — Т. И. Рудницкая
СНЖ — С. Н. Железнова	ТЯ — Т. Яковлева
СП — С. Пумпянская	ФКБ — Ф. К. Бадаланова

Источники и литература

Полесский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва).

Archiwum IHKM — Archiwum materiałów terenowych Zakładu Etnografii Instytutu Historii Kultury Materialnej PAN. Warszawa. Nr 1182-VI. W. Koziol, pow. Kolno.

ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1983. 288 с.

Fischer 1921 — *Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego*. Lwów: Nakładem Zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1921. XII, 440 s.

Moszyński 1928 — *Moszyński K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczyckiego*. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. XVI, 342 s.

Pietkiewicz 1938 — *Pietkiewicz C. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne*. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1938. XVI, 459 s.

References

Fischer, A. *Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego*. Lwów: Nakładem Zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1921, XII + 440 s.

Moszyński, K. *Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczyckiego*. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928, XVI + 342 s.

Pietkiewicz, C. *Kultura duchowa Polesia rzeczyckiego. Materiały etnograficzne*. Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1938, XVI + 459 s.

Polesskii etnolingvističeskii sbornik. Materialy i issledovaniia. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Nauka, 1983, 288 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.01

Gura A. V.

**Notes on the beekeeping tradition in Polesie
(based on materials from the Polesie archive)**

Aleksandr V. Gura

Doctor of Philology, lead researcher

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: avgura@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0985-8639

Citation: *Gura A. V.* Notes on the beekeeping tradition in Polesie (based on materials from the Polesie archive) // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 191–208 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.01

Received: 19.07.2021.

Acknowledgements

The article is prepared according to the Russian Scientific Foundation project no. 17-18-01373 “Slavic Archaic zones in the space of Europe: ethnolinguistic studies”.

Abstract

An essay on beekeeping in Polesie, one of the archaic Slavic zones, was written on material collected in the 1970s — 1980s in expeditions of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences under the leadership of N. I. Tolstoy according to the program of the Polesie Ethnolinguistic Atlas and stored in the archives of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute. The Polesie program is focused mainly on traditional spiritual culture: on ritual and magical practices, beliefs, apotropaic magic and prohibitions associ-

ated with breeding bees and the extraction of honey and wax, on the symbolism of bees, etc. In the complex of magical actions, customs and beliefs associated with beekeeping in Polesie, honey hunting and pagan beliefs that have survived until recently, Christian symbolism and very late innovations of a commercial and trade, scientific and economic nature collide and intertwine. The pagan and Christian principles co-exist peacefully in beekeeping practice, complementing each other (the holiness of the bee and its Mother of God symbolism are consistent with its role as a kind, tireless toiler who benefits people), while the inclusion of beekeeping in the sphere of trade relations sometimes gives rise to mutually exclusive customs and ideas. Beekeeping occupies a special place in the system of folk culture. Due to its corporatism and autonomy, this cultural sphere not only became a repository of ancient traditions and archaic strata of beliefs, but also was distinguished by a special susceptibility to the influence of book culture. All this endowed the figure of the beekeeper with the features of sacredness as a bearer of secret knowledge accessible only to the initiated.

Keywords

Polesie, beekeeping, bees, honey, wax, Slavic archaic zones, traditional culture, magic, beliefs.

Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о зморах)

Поветкина Полина Борисовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: diana_middls@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Цитирование

Поветкина П. Б. Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о зморах) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 209–228. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Статья поступила в редакцию 14.04.2021.

Аннотация

Статья посвящена изучению взаимосвязи разных видов культурных кодов в славянской народной культуре, главным образом предметного, персонажного и вербального. Данная проблема рассматривается на примере соломы как особой предметной реалии в мифологическом тексте о зморах. В статье исследуются мотивы и сюжеты, связанные со зморой, в составе которых встречается солома; место этих мотивов и сюжетов в структуре мифологического текста; проблема их картографирования; параллели к ним в народной культуре других западных славян; отражение следов народных представлений о связи зморы с соломой в других фольклорных жанрах; различные способы использования соломы в качестве оберега от зморы; а также функции соломы как элемента материальной культуры, имеющие отношение к исследуемой проблематике. Поскольку упоминания соломы встречаются многократно и в разных контекстах в мифологическом тексте о зморах, в статье высказывается предположение, что они могут рассматриваться как связанные фрагменты, появившиеся в результате распада синкретического народного мировоззрения.

Ключевые слова

Польская народная демонология, солома, предметный код, фольклор, мифологический текст, персонажный код, змора.

Изучение образов и мотивов славянской мифологической прозы в настоящее время является актуальным: в этом направлении в последние десятилетия активно ведутся исследования, что обусловлено объемом накопленного, систематизированного, но далеко не полностью проанализированного и опубликованного материала. Особенно выделяются проблема соотношения имени и образа, а также имени и функции мифологического персонажа (МП), проблема описания и сравнения МП, проблема картографирования славянской мифологии и т. д. В ряде исследований рассматривается предметный мир славянской народной культуры, в том числе мифологического текста (см., например: Виноградова, Толстая 2010; Гура 1995; Толстая 2010).

Изучение предметных реалий в культурном тексте может пролить свет на то, как устроена связь между персонажным, предметным, акциональным и вербальным кодом в народной картине мира. Статья посвящена исследованию взаимосвязи разных типов культурных кодов в славянской народной культуре. Материалом для решения данной проблемы в статье послужат польские фольклорные тексты, в которых встречается солома как особая предметная реалья. В статье будут рассмотрены следующие вопросы: в каких мотивах и сюжетах, связанных со зморами, в польской народной культуре встречается солома, какое место эти мотивы и сюжеты занимают в структуре мифологического текста о змомах, какие параллели к данным мотивам и сюжетам встречаются у других западных славян, как следы связи соломы со зморой отражаются в других фольклорных жанрах; каковы способы использования соломы в качестве апотропея и какие функции соломы как элемента материальной культуры касаются интересующей нас проблематики. Также будет затронута проблема картографирования образа зморы и связанных с ним мотивов и сюжетов.

Функции соломы в славянской народной картине мира исследуются в ряде работ российских и польских этнолингвистов и этнографов (Белова 2012; Bartmiński, Bielak 2017; Tymochoicz 2017), однако роль соломы в мифологическом тексте о змомах в них только затрагивается и не анализируется подробно.

Упоминания предметной реалии «солома» регулярно и в разных контекстах встречаются в польских быличках и поверьях о змомах. Представляется, что многократные упоминания соломы в польском мифологическом тексте о змомах могут рассматриваться как связанный ряд фрагментов, возникших в результате распада мифопоэтического народного мировоззрения. Чтобы снова собрать этот «пазл», кажет-

ся существенным выделить и проанализировать типы контекстов, в которых возникает тема соломы в мифологическом тексте о зморах.

Змора — МП польского фольклора, основная функция которого — душить (давить) людей во сне, — имеет несколько вариантов локальных наименований: *zmora*, *mara*, *gnieciuch*, *duciciel*, *koszmar* и др. (Pełka 1987: 157). Как правило, в тексте тема соломы возникает в связи с женскими персонажами такого типа (*zmora*, *mora*, *gniotka* и т. д.), но иногда появляется и по отношению к мужским (например, *gnieciuch*).

При выделении типов контекстов, в которых появляется солома в мифологическом тексте о зморах, главными источниками послужили основные польские журналы по этнографии и фольклору второй половины XIX — начала XX в. и собрание сочинений О. Кольберга — эпохальный труд, содержащий фольклорные материалы практически со всей территории современной Польши. Также были использованы архивные материалы Польского этнографического атласа с 1980-х гг. до начала XXI в., содержащие информацию из 231 населенного пункта, и работы по польской демонологии. Полученный корпус насчитывает приблизительно 1200 текстов.

В первую очередь статья нацелена на то, чтобы обратить внимание на большую значимость соломы для мифологического текста о зморах и привести доказательства этого, поэтому предложенная классификация контекстов, в которых встречается солома, и информация об ареалах их распространения впоследствии может быть дополнена и уточнена.

В мифологическом тексте о зморах на польском языке предметная реалья «солома» может быть выражена с помощью слов и словосочетаний *śłomka*, *żdźbło śłomy*, *śłoma* и их диалектных вариантов. Кроме того, представляется, что в некоторых случаях семантика соломы может подразумеваться в текстах и без эксплицитного использования слова «солома». Так, в ряде случаев в сообщениях информантов появляется слово *żdźbło*, которое в польском языке может обозначать не только соломинку, но также стебелек или травинку (см.: *Żdźbło*). По-видимому, в мифологических рассказах о зморах слово *żdźbło* обозначает именно соломинку. Такой вывод можно сделать на основании того, что это слово встречается в тех же самых мотивах и сюжетах о зморе, в которых информанты прямо говорят о соломе. Ареалы бытования этих вариантов также очень схожи (см. ниже). Данную точку зрения подкрепляет и позиция носителей языка. В своей статье о зморах Северин Удзеля приводит два текста, расположенных один за другим, в первом из которых встречается слово *śłomka*, а во втором — *żdźbło*. Исследователь считал второй текст вариантом первого в свя-

зи с упоминанием соломы в обоих (Udziela 1900: 404). О синонимии слов *słomka* и *źdźbło* в языке и фольклорных текстах писали также Е. Бартминьский и А. Беляк: «*źdźbło jest istotnie synonimem słomki*» [в сущности, «*źdźbło*» является синонимом слова «*słomka*»] (Bartmiński, Bielak 2017: 115). В таком случае количество рассматриваемых примеров расширится.

Наиболее часто солома служит ипостасью зморы и упоминается в мотиве превращения. В указанных выше источниках мотив превращения зморы в соломинку встречается около пятидесяти раз. Если придерживаться точки зрения, что слово *źdźbło* в быличках и поверьях о зморах также обозначает соломинку, число примеров увеличивается до пятидесяти пяти.

Интересно, что в случаях, когда информанты перечисляют разные ипостаси зморы, облик соломинки обычно присутствует в конце или в начале перечислительного ряда, что свидетельствует о его значимости: «*To była zmora, bo ona w byle co się przerzuci: w źdźbło słomy, w kotka, w pieska itd.*» [Это была змора, потому что она может превратиться во что угодно: в соломинку, кота, собаку и т. д.]; «*Zmora mogła przybierać różne postacie: słomy, myszy, nitki*» [Змора могла приобретать разный облик: соломы, мыши, нитки]; «*Dusza opuszczała ciało noszą w postaci ćmy, kota, a nawet źdźbła słomy*» [Ночью душа покидала тело в образе мотылька, кота и даже соломинки]; «*w postaci kota, myszy, ćmy, kawałka tkaniny, źdźbła słomy*» [в облике кота, мыши, мотылька, кусочка ткани, соломинки] (Kolberg 2005: 389; PAE 13.30. I: 43; PAE 36.31.VIII: 43; PAE 37.30.I: 43). Несмотря на то, что в большинстве наших источников сообщения информантов содержатся в пересказах исследователей, эта закономерность обнаруживается во многих текстах, поэтому ее трудно списать на искажение собирателем порядка слов информанта во время записи. Более того, в некоторых рассказах специально подчеркивалось, что соломинка является самой распространенной ипостасью зморы: «*Może zamienić się w jakiś przedmiot, najczęściej źdźbło słomy*» [Она может превратиться в какой-нибудь предмет, чаще всего в соломинку]; «*przybierała postać najczęściej źdźbła słomy*» [чаще всего она принимала облик соломинки] (PAE 17.26.XIV: 43; PAE 23.31.VII: 43).

Если принять основную функцию зморы (душение человека во сне) за центральную часть рассказов о МП этого типа, превращение зморы в соломинку может происходить как в предшествующей части фольклорного текста, в момент прихода зморы в дом, чтобы душить, так и после этого. Разумеется, многообразие возможных сочетаний мотивов не сводится к этим двум вариантам, а из-за специфики метода собирания

материала для Польского этнографического атласа и некоторых других источников не всегда удается определить, в каком месте в повествованиях информантов встречается мотив превращения зморы в соломинку, но эти два типа рассказов выделяются достаточно четко.

В первом случае обычно сообщается, что до момента повествования змора приходила душить человека, поэтому однажды он решает ее подстеречь и видит, как змора в облике соломинки проникает в комнату сквозь щель: «*Roz pokłóciły sie tu dwie sąsiady, a jedna z nich była zmorą. Wiecór , jak sie wszyscy spać pokładli, przysła do ty sąsiady ta zmora i zaczęła ją dusić i kąsać, a ta baba ani dychnąć ni mogła. Tak było bez kielka nocy. Roz, jak tylko zaczęno sie ściemniać, baba pozamykała dźwi i myśli: bodej całą noc cekać, zeby te zmorę przyłapać. Siedzi, siedzi, a wtem patrzy — a tu dźbło pcho się bez dziurke od kluca do izby. Baba zaroz sie domyślała, ze to pewnikiem ta zmora, bo ona moze przybrać postać różną*» [Однажды поссорились две соседки, а одна из них была зморой. Вечером, когда все легли спать, эта змора пришла к той соседке и начала ее душить и кусать, а эта баба даже вздохнуть не могла. Так было несколько ночей. Однажды, когда только начало темнеть, баба закрыла двери и думает: буду ждать хоть всю ночь, чтобы змору поймать. Сидит, сидит и вдруг смотрит — соломинка лезет в комнату сквозь замочную скважину. Баба сразу же поняла, что это точно змора, потому что она может принять разный облик] (Udziela 1900: 404). Информация о том, что змора уже приходила душить человека, в этом случае может присутствовать в тексте до появления зморы в облике соломинки, но специфика быличек первого типа заключается в том, что человеку, как правило, удается предотвратить нападение в момент, о котором идет речь, так как он замечает змору в облике соломинки до начала душения и предпринимает необходимые действия. В поверьях такого типа может быть сказано, что змора сначала превращается в соломинку, а потом начинает душить или иным способом вредить людям: «*Zmora może przy drzwiach zamkniętych dostać się do osoby, którą dusi, w kształcie słomki przez otwór od klucza albo przez szparę w drzwiach*» [Змора может попасть к человеку, которого душит, сквозь закрытую дверь, в облике соломинки через замочную скважину или щель в двери] (PAE 20.27.II: 45).

Во втором случае превращение зморы в соломинку следует за моментом душения, когда после пробуждения или при попытке поймать змору информант находит соломинку на груди или рядом с собой: «*Do jednej z inf. przychodziła w nocy gniotka i dusiła ją. Tak było przez dłuższy czas, i było to dla inf. bardzo męczące. Kiedyś po przebudzeniu informatorka*

znalazła leżącą obok siebie słomę. Połamała ją — na drugi dzień przysłała do niej sąsiadka, cała połamana. Stąd informatorka wywnioskowała, że to sąsiadka była ową gniotką» [К одной из инф. ночью приходила змора и душила ее. Так было долгое время, и для инф. это было очень мучительно. Однажды после пробуждения информантка нашла соломинку, лежащую рядом с ней. Она поломала ее, а на следующий день к ней пришла соседка, вся переломанная] (РАЕ 17.31.X: 43). В источниках было найдено 10 примеров второго типа. Если человеку удастся поймать змору в облике соломинки после душения, он должен крепко ее держать, и тогда можно заставить ее дать обещание больше не приходиться или получится распознать ее (см., например: Kolberg 1967: 478; РАЕ 17.31.X: 43; РАЕ 26.28.VI: 44–45). Такой тип превращения зморы в соломинку характерен для части текста, которая следует за душением, но это еще не самый конец текста, и после превращения повествование некоторое время продолжается. Мотив превращения зморы в соломинку после душения иногда может осложняться чередой последовательных превращений зморы из одного облика в другой: «Zmora może się przemienić w jakąkolwiek istotę — bądź żyjącą, bądź martwą, gdy jest w niebezpieczeństwie; kto przytomnego umysłu wtenczas, gdy go snem dręczy lub ssie, łapie to, co jest koło niego lub na nim: bądź słomka, kot — i tym potrzyma mocno, chociaż mu się w najokropniejsze gady zamienia, nie puszcza, ta na koniec dla bojaźni staje się, czym jest, i prosi o wolność» [Змора может превратиться в какое-нибудь существо или предмет — что-то живое или неодушевленное, когда она в опасности; если кто-то пребывает в полном сознании в момент, когда змора мучает его сном или сосет, он хватает то, что находится рядом с ним или на нем, соломинку или кота, и крепко это держит и не отпускает, хотя бы змора превращалась в самых ужасных гадов; наконец, от страха она становится тем, чем является, и просит освободить ее] (Kolberg 1967: 479). Еще более редкий вариант превращения зморы в соломинку после душения, который встречается только у Казимира Вуйчицкого, интересен тем, что это происходит после поимки зморы в бутылку непосредственно перед ее уничтожением (Wójcicki 1867: 67).

Как можно заметить в приведенных выше цитатах, превращение зморы в соломинку периодически сочетается в тексте с мотивом проникновения в комнату сквозь щель или замочную скважину: «Północ prawie wybiła na kościelnym zegarze, gdy wtem ujrzał, że przez kluczową dziurkę przesuwa się ździebełko słomy do izby» [На часах в костеле почти пробила полночь, когда он увидел, что через замочную скважину в комнату протискивается соломинка] (Morcinek 1929: 92–93). Нам

удалось найти не менее 17 таких примеров. Возможно, отчасти этот мотив связан с тем, что в Польше раньше обкладывали соломой двери и заделывали ею щели в целях утепления домов (Bartmiński, Biela 2017: 117; Tymochołowicz 2017: 148). Данная практика нашла отражение и в мифологическом тексте о персонажах, душащих людей во сне: герой былички из окрестностей Ропчиц затыкал соломой щели в окнах и дверях, через которые входил *gnieciuch* (Udziała 1886: 112). Но, разумеется, только влиянием окружающих элементов материальной культуры мотив проникновения сквозь замочную скважину объяснять нельзя, поскольку он известен в связи с МП этого типа не только у славян, но и в скандинавских странах, где обнаружить ипостась соломинки у подобных персонажей нам пока не удалось: он встречается в сюжете о браке с персонажами этого типа, отмеченном в указателе финской мифологической прозы Марьятты Яухийнен со ссылкой на параллели в каталоге норвежских мифологических рассказов Рейдара Торальфа Кристиансена (Jauhainen 1998: 315, 361–362).

Змора принимает облик соломинки также в группе сюжетов о ее распознавании. Распознавание зморы может происходить с помощью перерезания или ломания соломинки, ее фиксации на одном месте до утра тем или иным способом или битья до тех пор, пока она не примет облик человека. Мотив проникновения зморы сквозь щель или замочную скважину встречается в этих сюжетах часто, хотя и не всегда. Чаще всего в источниках фиксируются сюжеты о перерезании и о фиксации зморы на месте до утра (11 и 9 примеров). Сюжет о распознавании зморы в облике соломинки с помощью долгого битья был обнаружен нами только один раз (РАЕ 26.29.XV: 45). Эти сюжеты встречаются в быличках и поверьях в развернутом виде или только фрагментарно: «*jakby przyciąć taką słomkę zmore to pół kobiety zostanie z jednej strony drzwi, a pół z drugiej strony*» [если перерезать такую соломинку, то половина женщины останется с одной стороны двери, а половина с другой]; «*Jeden człowiek we wsi złapał zmorę. Zaczął się na zmorę i ją ułapił. Wtedy zmore zmieniła się w źdźbło słomy, i chłop przebił tę słomę poświęconą szpilką, wyszedł na dwór i wraził szpilkę ze słomą w okno, a następnie poszedł spać. Gdy się rano obudził, szpilką przybita była jedna kobieta ze wsi, która zaklinała go, aby jej nie wydał*» [Один человек из деревни поймал змору. Он подкараулил змору и схватил ее. Тогда змора превратилась в соломинку, и мужик пробил эту соломинку освященной шпилькой, вышел во двор и вбил шпильку с соломой в окно, а затем пошел спать. Когда он проснулся утром, шпилькой была прибита одна женщина из деревни, которая умоляла его не выдавать

ee]; «Gdy zmoreę zamienioną w mysz, żabę czy słomę się złapie, to należy ją tak długo bić, aż się zamieni w człowieka» [Когда поймают змору, превратившуюся в мышь, лягушку или соломинку, нужно бить ее до тех пор, пока она не превратится в человека] (РАЕ 22.34.IX: 43; РАЕ 26.28.VI: 44–45; РАЕ 26.29.XV: 45).

Необходимо учитывать, что при распознавании с помощью перерезания, фиксации или долгого битья змора и подобные ей персонажи могут не только принимать облик соломинки, но также выступать в других своих ипостасях, например, превращаться в коша, мышь, мотылька, нитку и т. д. (см., например: РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 36.31.VIII: 43; РАЕ 37.30.I: 43). Из перечисленных выше сюжетов о распознавании, связанных со зморой, наиболее полно тема соломы раскрывается в сюжете о распознавании с помощью перерезания. Несмотря на то, что в сюжете о перерезании облик зморы тоже может варьироваться, число ипостасей существенно более ограничено по сравнению с другими сюжетами о распознавании: в этом сюжете змора обычно принимает облик длинных тонких предметов, например соломинки или нитки, поскольку их можно легко перерезать или сломать, причем облик соломинки является более частотным. Кроме того, в таком сюжете часто присутствует мотив проникновения сквозь замочную скважину, который поддерживается небольшим размером и вытянутой формой ипостасей зморы, а также развязкой сюжета, когда перерезавший соломинку человек поутру обнаруживает половину женщины с одной стороны двери, а половину с другой. Перерезанная соломинка настолько тесно связана со зморой в народном сознании, что она появляется не только в быличках или поверьях об этом МП, но также в приметах, свидетельствующих о ночном визите зморы: «O robycie zmorę w izbie sądzono po “uciętych źdźbłach słomy”» [О пребывании зморы в доме судили по перерезанным стебелькам соломы] (РАЕ 37.30.I: 45). Поэтому сюжет о распознавании зморы с помощью перерезания можно считать основным сюжетом о зморе в облике соломинки.

Змора может выступать в виде соломинки и в другом чрезвычайно характерном для нее сюжете о распознавании. В этом случае во время или после душения жертва обещает зморе подарок или угощение, за которым та возвращается в человеческом облике на следующий день (см., например: Kolberg 1962: 43). Этот сюжет и облик соломинки в нем являются настолько типичными для зморы, что его следы можно обнаружить не только в польских быличках и поверьях, но и в других фольклорных жанрах, например приметах и толкованиях снов. Так, найденная на полу соломинка предсказывала приход

гостя (в Кашубии даже приход женщины). Эти же значения в числе прочих приписываются и соломе, увиденной во сне (Bartmiński, Bielak 2017: 126, 127). Таким образом, в толкованиях снов и приметах повторяется даже структура и логика мифологического сюжета.

Мотив превращения зморы в животное или предмет, в том числе соломинку, может чередоваться в мифологических текстах с мотивом выхода души из спящего тела зморы в определенном облике. В двух примерах, один из которых относится к окрестностям Замостья, а другой записан от информанта, происходящего из Жешовского района, сказано, что душа может покидать спящее тело зморы в облике соломинки или на стебле соломы (РАЕ 36.31.VIII: 43; РАЕ 11.28.VI: 43). В этих примерах отражаются польские народные представления о соломе как месте пребывания души. Так, около Познани и Кракова считали, что на рождественской соломе отдыхают души предков, и именно «благодаря контакту с душами солома приобретала волшебную силу» (Тумошович 2017: 151); «во время прохождения похоронной процессии солому разбрасывали по дороге, чтобы душа могла на нее присесть» (Ibid.: 152); в Дзялдово для этого на перекресток клали связку соломы. Солома, на которой лежал умерший, служила «душам как место отдыха, никто из местных жителей не мог на нее присесть, ее опасно избегали» (Тумошович 2017: 152); «бытовало мнение, что на такой соломе отбывает посмертное наказание душа, а это наказание будет длиться до тех пор, пока тело лежит в доме» (Bartmiński, Bielak 2017: 122–123); «от возвращения души, которая могла бы навредить домашним и навлечь чью-то смерть, защищались, оставляя солому в отдалении от домов» (Тумошович 2017: 152); «телегу, на которой везли гроб, переворачивали колесами вверх, чтобы *wytrzepać duszę* (вытряхнуть душу), если она запуталась в соломе, чтобы она не осталась около дома» (Bartmiński, Bielak 2017: 122–123); линейная форма соломы символизировала путь на тот свет (Белова 2012: 107).

Народные представления о душе проявляются на разных уровнях и в мифологическом тексте о зморах. Для персонажей этого типа характерен мотив выхода души из спящего тела; в некоторых местах зморой может становиться душа умершего человека, в том числе члена семьи (РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 11.29.XV: 43; Udziela 1900: 408–409), а ипостаси зморы (например, мышь, мотылек и т. д.) являются одновременно и формами существования души (Виноградова 1999: 141–160; см., например: РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 11.29.XV: 43). Около Тчева говорили, что когда приходит умерший родственник, он оставляет на полу соломинку с колосом, которая появилась неизвестно откуда (РАЕ

20.12.IV: 29), что морфологически воспроизводит мотив обнаружения зморы в облике соломинки после душения. Вероятно, общим знаменателем в народных представлениях о связи соломы с душой и души со зморой служит выход души из тела и ее пребывание недалеко от него, что объединяет и души недавно умерших людей, и змору, душа которой покинула ее тело во время сна.

Упоминание соломы многократно встречается также в текстах о способах защиты от зморы. В польских быличках и поверьях периодически возникает следующий сюжет: если змора душист человека, необходимо положить ему в постель сноп соломы или соломенную куклу, а сам человек должен спрятаться под кроватью или уйти спать в другое место. После этого одураченная змора мстит и в ярости пробивает ножом сноп или куклу или отрубает кукле голову, но больше не возвращается (см., например: Sulisz 1906: 75; Świątek 1893: 519; Ulanowska 1884: 291). Нам удалось обнаружить шесть фиксаций этого сюжета в чистом виде и две записи, содержащие близкие ему мотивы. В одной из двух фиксаций последнего типа сказано только о необходимости поставить сноп соломы на кровать, чтобы защититься от зморы, и месть зморы не упоминается (Peřka 1987: 160). Во втором случае говорится, что если человека душист змора, следует положить ему в кровать на место головы сноп соломы или камни, и тогда змора будет душить их, а не человека (РАЕ 18.20.XVI: 45). Строго говоря, последний случай уже не является разновидностью сюжета про месть зморы, но данный сюжет и этот пример объединяет стратегия переключения внимания зморы с жертвы на сторонний объект. Существенно, что во всех восьми примерах речь идет о том, чтобы положить в кровать перед сном какой-либо предмет из соломы (сноп соломы, соломенную куклу, чучело из соломы в крестьянской одежде). В этом проявляется апотропеическая функция соломы в славянской народной культуре — в польской традиции солома выступает в качестве оберега от несчастья, насекомых и нечистой силы, а также болезней людей и домашних животных (см. подробнее в: Белова 2012: 111; Bartmiński, Bielak 2017: 124–125; Tymochowicz 2017: 147, 151, 153). Так, чтобы защитить скотину от ведьм, на дверях коровника вешали сноп соломы, а на Пасху домашним животным давали есть солому с соломенной крыши (Bartmiński, Bielak 2017: 124); «в целях защиты от злых сил с кануна Рождества до праздника Трех королей или с середины до конца Великого поста в окнах помещали крестики из соломы или теста» (Ibid.: 125). Апотропеическая функция соломы известна не только у славян, но также на территории Германии (Ibid.:

117). В сюжете про месть зморы отражаются и реалии — солома у славян была распространенным материалом при изготовлении кукол, предназначенных для обрядовых целей или игры и выступавших в том числе в качестве заместителя человека (Tymochowicz 2017: 147; Виноградова, Толстая 2004: 27–28).

В Польше известны и другие, значительно более редкие способы защиты от зморы, в которых фигурирует солома. В отличие от рассмотренных выше мотивов и сюжетов, они относятся к периферии сюжетно-мотивного фонда мифологического текста о зморе и, как правило, зафиксированы по одному разу. Так, в Ястковицах около Тарнобжега для защиты от зморы клали нож под солому (PAE 32.31.X: 45). Острые колющие и режущие предметы, как и солома, применялись в качестве апотропеев, но любопытно, что в этом способе защиты от зморы присутствуют те же элементы, что и в сюжете про месть зморы, т. е. солома и нож.

Не менее важно и то, о какой именно соломе здесь идет речь, поскольку во многих регионах Польши раньше спали на соломе или набивали ею подушки и сеники, служащие в качестве матрасов (Bartmiński, Bielak 2017: 115–117; Tymochowicz 2017: 148; Simonides 1984: 106). Это нашло отражение также в польском устном народном творчестве, в частности в песнях и пословицах, согласно которым сон на соломе был для крестьян обычным делом: «Moja miła matuchno, jak się spało miluchno, gdyś mię kryła w pierzynie, teraz muszę na słomie» [Моя милая матушка, как мне хорошо спалось, когда ты укрывала меня периной, а теперь я вынуждена спать на соломе]; «A jo nieboziuchna na goły słomie, przewróće sie z bocku na bok, nikoguj przy mnie» [А я, бедняжка, на голой соломе перевернусь с боку на бок, никого нет рядом со мной]; «Dwóch się zgodnych na jednej słomie prześpi» [Двое сговорчивых на одной соломе поспят]; «Tak się dobrze można wyspać na słomie jak na pościeli» [На соломе можно выпасться так же хорошо, как на постели]; «Doma le je doma, choćby w łóżku była le goła słoma» [Дома есть дома, хотя бы в кровати и была одна солома] (Bartmiński, Bielak 2017: 115, 116). Поскольку в польской народной традиции змора нападает на человека преимущественно во время сна, при анализе поверий и быличек о зморах необходимо учитывать условия, в которых спали жители польских деревень. Обыкновение спать на соломе находит отражение даже в самом мифологическом тексте о зморах. В одной из кашубских быличек солдат, которому удалось подслушать ночной разговор змор, спит на соломе, которую ему специально для этого приносят (Kolberg 1965: 416). В двух других найденных нами примерах предписывалось сжечь солому, на которой человека душила

змора, или не спать на ячменной соломе, чтобы уберечься от этого МП (Peřka 1987: 160). Данные примеры подтверждают, что зоны Польши, в которых солома или изделия из нее были предназначены для сна, и ареал распространения мифологического текста о зморах пересекаются. Сном на соломе или соломенном сеннике отчасти может объясняться и распространенность у зморы облика соломинки, так как в быличках часто говорится о том, что рассказчик находит превратившуюся в соломинку змору рядом с кроватью или прямо в ней. Дорота Симонидес напрямую связывает эти два обстоятельства друг с другом: «В домах, в которых нет сенников, нет обоснования для рассказов о зморе, входящей сквозь замочную скважину в облике соломинки» (Simonides 1984: 106).

Иногда сюжет о распознавании зморы может возникнуть в контексте защиты от зморы. Так, в одном примере рекомендуется сломать лежащую на полу соломинку, когда послышится скрип двери, сигнализирующий о появлении зморы (Baranowski 1981: 72).

Двойственное восприятие соломы в польской народной культуре (с одной стороны, как берега от зморы, с другой стороны — как ее ипостаси) проявляется также в том, что в разных локальных традициях ей приписываются противоположные значения. Так, в окрестностях Радома и Ружана над Нарвой считалось, что пшеничная солома и солома с засушенными цветами василька отпугивает змор, тогда как в восточной части Польши ячменная или овсяная солома их привлекает (Baranowski 1981: 73). Следует отметить, что змора — не единственный МП в польском фольклоре, ипостась которого связана с соломой, хотя в случае с ней это наблюдается наиболее регулярно. Так, в Великой Польше зафиксировано представление о том, что в соломинку может превратиться ведьма (впрочем, обычно этот мотив все-таки связан со зморой, которая в некоторых польских локальных традициях сближается с ведьмой); в Силезии снопом соломы становятся *ogniki* (блуждающие огни), а в Кашубии в горящий стог соломы обращается *latalēca* (дух зерна) (Bartmiński, Bielak 2017: 116–117). О демонической природе персонажа может свидетельствовать также наличие у него соломенной шляпы (Bartmiński, Bielak 2017: 117). Представления о связи демонов с соломой известны и в других славянских народных традициях (Белова 2012: 112–113).

Солома использовалась в качестве берега от зморы не только для людей, но и для домашних животных, прежде всего лошадей, так как в Мазурии, окрестностях Серадза и некоторых других частях Польши были зафиксированы представления о том, что змора заезживает или душит коней (Kolberg 1967: 478; Toeppen 1892: 178). Под Кельцами для

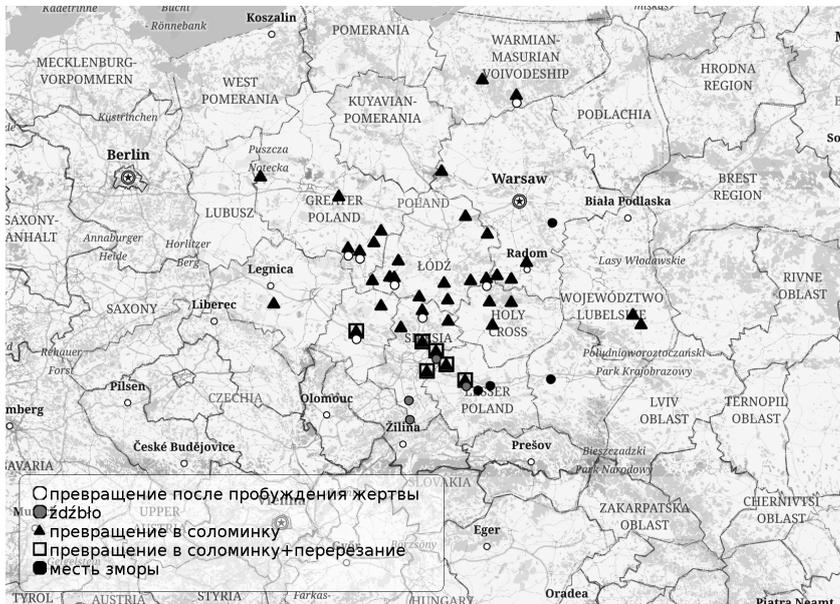
защиты от этого рекомендовалось поместить в гриву коня венок из соломы с красной лентой (РАЕ 26.29.XV: 45), а около Радзеюва — потереть коня связкой соломы по хребту (РАЕ 20.21.III: 31, 43). Помимо апотропеических функций соломы эти способы защиты домашних животных отражают связь соломы со скотом, так как солома часто использовалась на территории Польши как корм и подстилка для лошадей и коров (Bartmiński, Bielak 2017: 114, 117–118; Tymochowicz 2017: 146). Змора тоже связана со скотом и местом его обитания, поскольку она вредит домашним животным и нападает на людей, ночующих не только в доме, но и в конюшне. В одной из быличек спящий в конюшне герой узнает о приближении зморы по шуршанию соломы (Udziela 1900: 403). Еще в одном тексте змора нападает на человека в другой хозяйственной постройке, пол которой устлан соломой (Udziela 1900: 401–402).

Установить границы ареалов распространения описанных выше мотивов, сюжетов, способов защиты и других упоминаний соломы в мифологическом тексте о зморах возможно только приблизительно. Во-первых, не во всех случаях достаточно количества примеров для картографирования. Кроме того, в источниках XIX — начала XX в. точное место записи часто бывает не указано, а в Польском этнографическом атласе большая часть информации о западной части Польши исходит от переселенцев из других ее областей, современной Украины или Белоруссии, и не всегда можно установить, кому из информантов принадлежит данное сообщение. Тем не менее на основании карты и подготовительных таблиц некоторые наблюдения могут быть сделаны.

Мотив превращения зморы в соломинку лучше всего подходит для картографирования, так как мы располагаем большим количеством его фиксаций. Согласно нашим источникам, он зафиксирован в основном в южной части Польши, в Силезии, окрестностях Познани, Кракова, Кельц, Лодзи, в Мазурии и Мазовии с наибольшей концентрацией в треугольнике Радом — Ополе — Краков. По свидетельствам Бохдана Барановского, данный мотив встречается в восточной Мазовии, Подлясье, а также в районе Лодзи и Опочно, что частично совпадает с нашими наблюдениями (Baranowski 1981: 72).

Превращение зморы в соломинку, когда человек ловит ее после пробуждения, встречается в зоне с примерными границами Петркув-Трыбунальский — Ополе — Остров Велькопольский.

Сюжет о распознавании зморы с помощью перерезания соломинки в основном сосредоточен в районе Кракова и Катовиц. Приблизительно там же и еще южнее находятся примеры употребления в этом сюжете слова *źdźbło*.

Солома в мифологическом тексте о зморах

Наконец, сюжет про месть зморы и защиту от нее с помощью подкладывания снопа соломы в кровать отмечен в окрестностях Кракова, Жешува и Гарволина. Можно осторожно предположить, что, поскольку области, в которых змора превращается в соломинку, и ареалы, где солома от нее защищает, по крайней мере отчасти пересекаются, возможно, солома используется в качестве оберега от зморы именно из-за своей связи с ней. Народная традиция знает подобный механизм защиты от нечистой силы, когда символическое изображение демона или отождествляемый с ним предмет используется в функции апотропея. Один из примеров такого способа защиты известен в польской традиции как раз в связи со зморой — чтобы уберечь от нее скотину, в конюшне вешают зеркало (см., например: РАЕ 30.19.VII: 43).

Ряд параллелей к рассмотренным выше мотивам, сюжетам и апотропейским практикам встречается у других западных славян. Мотив превращения в соломинку МП, который душит людей по ночам, известен у чехов и лужицан (Czerny 1898–1899: 498, 503, 505, 506; Máchal 1907: 17). В Чехии ипостась соломинки встречается у персонажей типа зморы в сюжете о распознавании с помощью фиксации: кузнец прибывает найденную соломинку к воротам, а утром обнаруживает там прибиту за юбку куму (Czerny 1898–1899: 506). В лужицком фолькло-

ре зафиксирован мотив превращения такого персонажа в соломинку после нападения, когда человек его ловит, и соломинка остается у него в руке (Czerny 1898–1899: 498, 503, 505, 506). Как и в польском фольклоре, у лужичан за этим следует разного рода распознавание — соломинку крепко держат до самого утра, помещают в закрытый сосуд или прибивают к стене, и впоследствии она превращается в живого или мертвого человека (Czerny 1898–1899: 503, 505, 506). Так же, как и у поляков, в лужицком фольклоре МП такого типа может проникать в дом через замочную скважину или маленькую щель, но нам пока не удалось установить, превращается он при этом в соломинку или нет (Czerny 1898–1899: 498). Лужичане использовали солому и в качестве оберегов от персонажей типа зморы — привязывали две соломинки к замочной скважине крест-накрест (Czerny 1898–1899: 502).

Представляется, что подобное функционирование соломы в мифологическом тексте и апотропеических практиках, связанных со зморями, говорит о важной роли соломы в народных представлениях о зморе и наличии тесной связи между ними в народной картине мира поляков и других западных славян. На данном этапе не совсем понятно, является ли это западнославянской особенностью, как это можно предположить из наших данных, или характерно также для других славян или неславянских стран Европы. Ответ на этот вопрос требует более обширных сравнительных исследований МП этого типа у разных славянских и европейских народов.

Источники и литература

Архив Польского этнографического атласа (Цешин). Вопросник № X: Demony, półdemony i istoty nadprzyrodzone w opowiadaniach i wierzeniach ludowych / отв. ред. Ю. Гаек. Вроцлав, 1980.

PAE 22.34.IX — Babice, ок. Oświęcimia (1987), sygn. PAE 22.34.IX, s. 43–46.

PAE 32.31.X — Jastkowice, ок. Tarnobrzega (1987), sygn. PAE 32.31.X, s. 43–46.

PAE 17.26.XIV — Jezioro, ок. Ostrowa Wielkopolskiego (1982), sygn. PAE 17.26.XIV, s. 43–46.

PAE 13.30.I — Książnica Śląska, ок. Dzierżoniowa (1983), sygn. PAE 13.30.I, s. 43–46.

PAE 23.31.VII — Lelów, ок. Włoszczowy (1983), sygn. PAE 23.31.VII, s. 43–46.

PAE 17.31.X — Ligota Prószkowska, ок. Opola (1984), sygn. PAE 17.31.X, s. 43–46.

PAE 11.29.XV — Lubomin, ок. Wałbrzycha (1983), sygn. PAE 11.29.XV, s. 43–46.

PAE 26.28.VI — Modliszewice, ок. Końskich (1983), sygn. PAE 26.28.VI, s. 43–46.

PAE 20.21.III — Orle, ок. Radziejowa (1980), sygn. PAE 20.21.III, s. 43–46.

PAE 26.29.XV — Promnik, ок. Kielc (1982), sygn. PAE 26.29.XV, s. 43–46.

PAE 30.19.VII — Przedświt, ок. Ostrowa Mazowieckiego (2000), Sygn. PAE 30.19.VII, s. 43–46.

PAE 11.28.VI — Słup, ок. Jawora (1983), sygn. PAE 11.28.VI, s. 43–46.

PAE 20.27.II — Szklana Huta, ок. Sieradza (1980), sygn. PAE 20.27.II, s. 43–46.

PAE 20.12.IV — Szczerbięcín, ок. Tczewa (1985), sygn. PAE 20.12.IV, s. 43–46.

PAE 18.20.XVI — Wójcin, ок. Mogilna (2000?), sygn. PAE 18.20.XVI, s. 43–46.

PAE 36.31.VIII — Wólka Łabuńska, ок. Zamościa (1981, 2001), sygn. PAE 36.31.VIII, s. 43–46.

PAE 37.30.I — Wysokie, ок. Zamościa (1981), sygn. PAE 37.30.I, s. 43–46.

Белова 2012 — *Белова О. В.* Солома // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 107–113.

Виноградова 1999 — *Виноградова Л. Н.* Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: сборник к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 1999. С. 141–160.

Виноградова, Толстая 2004 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Кукла // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 27–31.

Виноградова, Толстая 2010 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Веник (метла) в обрядах и верованиях // Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 70–96.

Гура 1995 — *Гура А. В.* Борона // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 235–238.

Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Зеркало в традиционных верованиях и обрядах // Толстая С. М. Семантические категории языка культуры.

Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 97–114.

Baranowski 1981 — *Baranowski B.* W kręgu upiórów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981. 326 s.

Bartmiński, Bielak 2017 — *Bartmiński J., Bielak A.* Językowo-kulturowy obraz słomy w polskiej lingwokulturze. Szkic etnolingwistyczny // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Lublin, 2017. T. 29. S. 111–133.

Czerny 1898–1899 — *Czerny A.* Istoty mityczne Serbów Łużyckich // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. Warszawa, 1898–1899. T. 12. Z. 1, 3, 4. S. 188–210, 467–506, 667–692.

Jauhainen 1998 — *Jauhainen M.* The type and motif index of Finnish belief legends and memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1998. 362 p.

Kolberg 1962 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 15. W. Ks. Poznańskie. Cz. VII. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962. 324 s.

Kolberg 1965 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 39. Pomorze. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965. 570 s.

Kolberg 1967 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 46. Kaliskie i Sieradzkie. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967. 588 s.

Kolberg 2005 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Krakowskie. Suplement do t. 5–8. T. 73, cz. II. Poznań: Instytut im. Oskara Kolberga, 2005. 543 s.

Máchal 1907 — *Máchal J.* Bájessloví slovenské. V Praze: Nakl. J. Otty, 1907. 174 s.

Morcinek 1929 — *Morcinek G.* Powiarki Śląskie // Zarianie Śląskie. Cieszyn, 1929. R. 5. Z. 2. S. 91–94.

Pełka 1987 — *Pełka L.* Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987. 236 s.

Toeppen 1892 — *Toeppen M.* Wierzenia mazurskie // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. Warszawa, 1892. T. 6. Z. 1. S. 145–184.

Tymochowicz 2017 — *Tymochowicz M.* Słoma w kulturze tradycyjnej // Studia Etnologiczne i Antropologiczne. Katowice, 2017. T. 17. S. 146–160.

Simonides 1984 — *Simonides D.* Śląski horror: o diabłach, skarbnikach, utopcach i innych strachach. Katowice: Śląski Instytut naukowy, 1984. 144 s.

Sulisz 1906 — *Sulisz J.* Zapiski etnograficzne z Ropczyc // Lud. Lwów, 1906. T. 12. S. 57–81.

Świętek 1893 — *Świętek J.* Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1893. 728 s.

Udziela 1886 — *Udziela S.* Materyały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków, 1886. T. 10. S. (75)–(156).

Udziela 1900 — *Udziela S. Świat nadzmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły. Cz. II // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. Warszawa, 1900. T. 14. Z. 4. S. 399–411.*

Ulanowska 1884 — *Ulanowska S. Niektóre materyały etnograficzne we wsi Łukówcu (mazowieckim) // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków, 1884. T. 8. S. (247)–(323).*

Wójcicki 1867 — *Wójcicki K. Fantastyczne postacie ludowe. Zmora // Kłosy. Czasopismo ilustrowane tygodniowe. Warszawa, 1867. T. IV. Nr 84. S. 67.*

Źdźbło — *Źdźbło // Słownik języka polskiego PWN, URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/zdzblo;2547930.html> (дата обращения: 09.04.2021)*

References

Baranowski, B. *W kręgu upiórów i wilkołaków. Łódź: Łódź Publ., 1981, 326 p.*
 Bartmiński, J., Bielak, A. “Językowo-kulturowy obraz słomy w polskiej lingwokulturze. Szkic etnolingwistyczny.” *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, vol. 29, 2017, pp. 111–133.

Belova, O. V. “Soloma.” *Slavianskie drevnosti: Ètnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, pp. 107–113.

Gura, A. V. “Borona.” *Slavianskie drevnosti: Ètnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, pp. 235–238.

Jauhainen, M. *The type and motif index of Finnish belief legends and memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1998, 362 p.*

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 15: W. Ks. Poznańskie. Iss. 7. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962, 324 p.*

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 39: Pomorze. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965, 570 p.*

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 46: Kaliskie i Sieradzkie. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967, 588 p.*

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Krakowskie. Suplement do t. 5–8. Vol. 73, iss. 2. Poznań: Oskar Kolberg Institute, 2005, 543 p.*

Máchal, J. *Bájeslovi slovanské. Prague: J. Otty Publ., 1907, 174 p.*

Morcinek, G. “Powiarki Śląskie.” *Zaranie Śląskie*, vol. 5, no. 2, 1929, pp. 91–94.

Pełka, L. *Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987, 236 p.*

Simonides, D. *Śląski horror: o diabłach, skarbnikach, utopcach i innych strachach. Katowice: Silesian Institute, 1984, 144 p.*

Sulisz, J. “Zapiski etnograficzne z Ropczyc.” *Lud*, vol. 12, 1906, pp. 57–81.

Tolstaia, S. M. *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoj étnolingvistike*. Moscow: LIBROKOM, 2010, 368 p.

Tymochowicz, M. "Słoma w kulturze tradycyjnej." *Studia Etnologiczne i Antropologiczne*, vol. 17, 2017, pp. 146–160.

Udziała, S. "Świat nadzmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły. Cz. II." *Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, vol. 14, no. 4, 1900, pp. 399–411.

Vinogradova, L. N. "Material'nye i bestelesnye formy sushchestvovaniia dushi." *Slavianskie étiudy: sbornik k iubileiu S. M. Tolstoï*, ed. by T. A. Agapkina, Moscow: Indrik, 1999, pp. 141–160.

Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M. "Kukla." *Slavianskie drevnosti: Étnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoï. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, pp. 27–31.

Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M. "Venik (metla) v obriadakh i verovaniakh." *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoj étnolingvistike* by S. M. Tolstaia, Moscow: LIBROKOM, 2010, pp. 70–96.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Povetkina P. B.

**The role of object code in the structure of mythological text
(straw in Polish mythological legends and folk beliefs about *zmora*)**

Polina B. Povetkina

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: diana_middels@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Citation

Povetkina P. B. The role of object code in the structure of mythological text (straw in Polish mythological legends and folk beliefs about *zmora*)// *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 209–228 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Received: 14.04.2021.

Abstract

The article is devoted to the study of the relationships of different types of cultural codes in Slavic folk culture, and focuses on object, character, and verbal codes. This problem is considered in the article on the

example of straw as a special element of object code in the mythological text about *zmora* and in the context of its functioning. The article investigates mythological motifs and plots associated with *zmora*, which include straw; the place of these motifs and plots in the structure of the mythological text about *zmora*; the problem of their mapping; reflection of traces of folklore notions in which *zmora* is connected with straw in other folklore genres; different ways to protect yourself against *zmora* using straw; the functions of straw as an element of material culture, which are related to the problem under study, as well as parallels to the above in the folk culture of other Western Slavs. The article draws conclusions about a significant role of straw in Polish beliefs and legends about *zmora*. It is also suggested that the repeated mentions of straw in the Polish mythological text about *zmora* can be considered as related fragments that emerged as a result of the disintegration of a whole mythopoetic folk worldview.

Keywords

Polish folk demonology, straw, object code, folklore, mythological text, character code, zmora.

**Московский архив Комиссии по аномальным явлениям
в окружающей природной среде как источник сведений
по народной мифологии¹**

Бутов Илья Станиславович

Кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник
Республиканская лаборатория историко-культурного наследия
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и лите-
ратуры НАН Беларуси»
220072, ул. Сурганова 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь
E-mail: illiabutov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3187-3552

Цитирование

Бутов И. С. Московский архив Комиссии по аномальным явлениям
в окружающей природной среде как источник сведений по народ-
ной мифологии // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 229–259.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.03

Статья поступила в редакцию 30.06.2020.

Аннотация

Информация из узкопрофильных метеорологических архивов крайне редко становится предметом рассмотрения фольклористов или этнографов. В статье впервые публикуются письма, посвященные осмыслению необычных небесных и метеорологических явлений, пришедшие в 1984–1989 гг. в московский филиал Архива Комиссии по аномальным явлениям в окружающей природной среде (АКАЯОПС). Всего было проанализировано около 4 тыс. писем различной тематики из самых различных регионов России, Белоруссии и Украины. В выборку были включены только те рассказы, которые можно трактовать как былички о встрече со сверхъестественными существами и

¹ Автор выражает благодарность А. Б. Петухову за возможность ознакомиться со всем массивом писем АКАЯОПС, С. Н. Ефимову и Т. В. Авилину за консультации в области астрономии и фольклорной астрономии, Т. В. Володиной и Е. М. Боганевой за предварительное рецензирование рукописи статьи, а также Р. В. Соложеницыну за помощь в обработке изображений.

рассказы о наблюдении необычных явлений главным образом в первой половине XX в. (знамения и предзнаменования, чудеса, «огненные змеи»), материалы по народной астрономии, а также свидетельства о реакции населения на эти события. Письма демонстрируют, как образованные адресанты наделяют чертами сверхъестественного некоторые природные явления (гало, световые столбы, полярное сияние, кометы, болиды и т. д.). Рассматриваемые сообщения более насыщены описаниями подробностей, чем традиционные былички, в них почти всегда довольно точно обозначены хронологические рамки произошедшего. Сами сообщения, которые в большинстве своем можно отнести к постфольклору, содержат современные фольклорные нарративы, в которых фольклорное может размываться, уступая место «научному», но при этом повествование вписывается в традиционные фольклорные схемы.

Ключевые слова

Народная мифология восточных славян, мифология атмосферных явлений, народная астрономия, былички, огненный змей, чудеса, знамения, предзнаменования, война.

Несмотря на то что архивы некоторых существовавших в Советском Союзе организаций по сбору узкопрофильных метеорологических данных от населения до сих пор находятся в частных руках, они могут представлять интерес для исследователей и являться уникальным источником информации по этнографии, народной астрономии, фольклористике и смежным с ними дисциплинам. Один из них — Архив Комиссии по аномальным явлениям в окружающей природной среде (АКАЯОПС, сокращенно КАЯ). Комиссия была создана в начале 1984 г. по решению академика Б. Н. Ласкорина (председателя Комитета по проблемам окружающей природной среды Всесоюзного совета научно-технических обществ (ВСНТО) СССР) и действовала как подразделение ВСНТО. Как только адрес этой комиссии появился в СМИ (в газетах «Социалистическая индустрия», «Известия», «Труд» и др.), со всех концов страны в Москву на абонентский ящик 764² стали поступать сообщения очевидцев о самых разных явлениях, в

² В одной из публикаций за 1984 год была допущена опечатка и был неверно указан абонентский ящик 664. Несмотря на это, на почте всё равно перенаправляли такие письма на ящик 764.

основном о тех, которые они сами интерпретировали как *аномальные природные явления*. Последние письма в Комиссию пришли в 1990 г., но фактически к этому времени она уже прекратила свое существование. Всего было получено около 12 тыс. писем, которые для облегчения работы были распределены в филиалы Комиссии (Киевский, Ленинградский, Новосибирский и др.). В Московском филиале осталось около 4 тыс. писем.

Наряду с сообщениями, в которых были описаны явления, действительно не поддающиеся какой-либо классификации, здесь оказалось много писем о более или менее обыденных явлениях природы: падениях метеоритов, полярном сиянии, гало и иных оптических эффектах в атмосфере, смерчах, миражах, шаровых молниях, извержениях вулканов и т. п. Члены КАЯ в меру своих сил пытались направлять их заинтересованным организациям (например, в Комитет по метеоритам (КМЕТ) и др.). Впрочем, иногда было и наоборот: некоторые письма в КАЯ пересылались из КМЕТ, Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга (ГАИШ), отдельных планетариев, метеостанций и др. Строго говоря, информанты в основной своей массе создавали современный фольклор о природных явлениях. Однако в нашу выборку попали только те рассказы, которые можно трактовать как былички о встрече со сверхъестественными существами и рассказы о наблюдении необычных явлений главным образом в первой половине XX в. (знамения и предзнаменования, чудеса, «огненные змеи»), материалы по народной астрономии и астрологии, а также свидетельства о реакции населения на эти события. Ранее эти письма не вводились в научный оборот, поэтому их публикация может стать ценным подспорьем для исследователей, незнакомых с этим источником.

Каждое письмо в АКАЯОПС получало свой индивидуальный архивный номер, на который мы и ссылаемся. Существовало как минимум два способа нумерации писем: в 1984 г. использовалась сквозная нумерация, которая включала год и номер письма в порядке получения (1984-1, 1984-2 и т. д.), с 1985 г. письмам начинает присваиваться буквенно-цифровой код (например, 0153М, где М — Московское отделение), причем если члены КАЯ вступали в переписку с адресантом, то последующие письма от того же человека могли получать к своему коду еще и дополнительную букву в номере (например, 0153М-а, 0153М-б и т. д.). В примечаниях указывается дата, которая была проставлена в письме самим автором, в случае же, если ее нет, письмо датируется по почтовому штемпелю (по дате отправления). Возраст или год рождения

авторов писем указан только в том случае, если он содержится в тексте письма. Личные адреса и телефоны респондентов опускаются. Письма публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

География рассматриваемых сообщений довольно широкая, встречаются рассказы из следующих областей: Воронежской, Екатеринославской (ныне Днепропетровской), Московской, Пензенской, Иркутской, Тамбовской, Тульской, Казанской, Вятской, Курской, Ивановской, Тюменской и Могилевской.

Обращение к фольклорной тематике позволило сформировать вполне конкретную выборку писем. Проанализированы все сохранившиеся письма Московского отделения архива, что составляет примерно треть общего объема, который вместе с московскими включает также документы региональных отделений Комиссии, а именно Киевского, Ленинградского и других региональных архивов.

Знамена

Считается, что перед крупными военными конфликтами и в первое время после их начала люди начинают видеть различные знамена на небе (Балашова 2014; Белова 2013; Добровольская 2010). В 1913–1914 гг. ряд таких знамений были засвидетельствованы в самых разных регионах Российской империи. Перед Первой мировой войной многие видели «красную тучку» (Пришвин 2007: 317), «облако в виде снаряда» (Православные чудеса 1995: 70–71), необычайно яркие звездопады (Бутов 2020а: 48), кресты в небе (Евдокимов 1915) и др. Произошедшее в самом начале войны солнечное затмение также было истолковано как дурной знак (Пришвин 2007: 318). Довольно часто люди видели на небе огненный крест/кресты. В начале августа 1914 г. один казак со станции Миасс Оренбургской губернии рассказывал о том, что он видел в небе сразу два огненных креста³. Как пишет Д. Байрау, «стандартные небесные явления», к которым он относит и явление на небе креста или других священных знаков, как правило, указывали врагу дорогу домой: немцам — на запад, туркам — на юг (Байрау 2008: 766–767). Однако далеко не всегда наблюдатели акцентируют внимание на том, куда указывает тот или иной явленный в небе объект. Например, в уникальном свидетельстве И. П. Ерофеевой из Краснодара очень подробно описаны небесные фигуры, в том числе и крест, но сама она не пыталась связать видение, которое она описывает, с последующей войной или указать направление фигур:

3 ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 437. Л. 561–561об.

Уважаемые товарищи!

Мне никогда не приходилось встречаться с необъяснимыми атмосферными явлениями. С таким явлением встречалась моя мать, к сожалению, ныне покойная.

Однако она иногда при случае вспоминала об увиденном, а однажды рассказала мне все очень подробно в надежде, что я как физик сумею найти объяснение.

Это произошло в марте 1913 г.⁴ около 9-8^{ми} утра в городе Екатеринославе (Днепропетровске). Мать была в то время девочкой-подростком, шла по бульвару в гимназию. День был холодным, ветренным и сырым после ночного дождя, но совершенно ясным. Было уже светло. Внимание матери привлек серп месяца. Как ей показалось, он ничем не отличался от обычного, кроме того, что был необыкновенно ярко-золотым для светлого утра и расположен прямо в зените. Она остановилась и, закинув голову, внимательно посмотрела на серп. В это время возле серпа вспыхнула ярко-золотая звездочка (по виду похожая на обычную небесную звездочку, по расположению, напоминающая мусульманский полумесяц со звездой). Это очень удивило мать, она пыталась понять увиденное, ушла с бульвара, но явление не изменилось. Все казалось происходило очень высоко в небе.

Вскоре месяц стал блекнуть, стал пепельным, как обычный месяц в свете дня;⁵ (пепельно-белым), а затем погас. Через некоторое время звездочка померкла, побелела и погасла тоже. Мать некоторое время продолжала смотреть вверх и вдруг на том же самом месте вспыхнул золотой крест. Крест был совершенно правильным, по форме похожим на кресты на фургонах скорой помощи.

И месяц, и звездочка и крест были четко отграничены и не имели вокруг никаких гало, лучей и. т. п. Когда крест стал пепельно-белым, а затем погас, мать сообразила, что опаздывает в гимназию и бросилась бежать, уже больше не глядя в небо. Она очень хотела рассказать об увиденном в гимназии, но на уроки опоздала и поняла, что ее рассказ в такой ситуации показался бы весьма странным.

Об увиденном она рассказала дома, но отец пристыдил ее за то, что она повторяет какие-то непонятные бабьи разговоры, а брат, который был в то время ярым противником религии стал еще и вы-

4 Так в письме: буква «в» зачеркнута. Далее зачеркнутые буквы передаются так же — с помощью зачеркивания.

5 Запятая зачеркнута.

смеивать ее (мой дед был участником революции 1905 г., а брат матери впоследствии воевал в бригаде Котовского).

Моя мать была человеком чрезвычайно рациональным, не признавала не только мистики, но даже фантастики. Ни с какими загадочными явлениями больше не встречалась. Она очень сожалела о том что не решилась тогда остановить никого из из редких прохожих, согнувшихся от холодного ветра, и ничего не рассказала учителям. Она считала, что тогда несомненно нашлось бы какое-либо разумное объяснение явлению. <...>⁶

Комплекс уникальных природных явлений наблюдался и накануне Великой Отечественной войны: различные небесные знамения (зареве, красное небо, «цветной шлейф», «необычное солнце»); фигуры на небе (в частности, Богородицы, святых, а также кресты); чудеса, связанные с иконами; необычное поведение животных и т. д. (Бутов 2020а). Большинство этих событий, по сообщениям информантов, предвещало беду. При этом одним из самых распространенных предвоенных знамений снова оказалось явление креста. Красочное описание одного из таких явлений католического креста содержится в письме В. Д. Федорова из Истринского района Московской области:

<...> Было это до войны. Мы шли с отцом из леса. И вдруг я увидел на небе крест, католический. Он был из облака. Я показал на это отцу. Он страшно поразился. И сказал: «Ну, сынок, быть войне!» И скоро началась война. Крест был на западе. Вот он⁷. Вот, что это было, то клянись прахом отца и матери⁸.

Кроме креста перед войной на небе могли видеть и столб (Балашова 2014). Часто за «столбы» принимали северное сияние (Мифологические рассказы 2013: 659). Про огненный столб в небе, трансформировавшийся в цифру «5» с овалом в верхней части, пишет фармацевт на пенсии из Пензы В. А. Кирилина, 1923 г. р. Пятёрка здесь, по мнению автора письма, — продолжительность военного конфликта в годах:

6 АКАЯОПС, № 1984-361М, письмо И. П. Ерофеевой от 25.10.1984 г., г. Краснодар.

7 Здесь в письме вставлен рисунок, см. рис. 1.

8 АКАЯОПС, № 3512М, письмо В. Д. Федорова от 29.09.1989 г., п/о Октябрьское Истринского р-на Московской обл.

Рис. 1. Рисунок В. Д. Федорова

<...> Хочу сообщить, что такое явление я лично видела года за 2-3 до начала войны. Тогда мне было лет 15. Проживали мы в Усть-Узе Пензенской об. и р-на. Видимость была в стороне Пензы. Выходя из дома, часов в 10 вечера в середине лета. Небо было яркое без звезд. И вдруг я увидела на небе Огненный столб. Ярко золотистого красного цвета. Столб длиной 2-3 метра, шириной в 1 метр. А возможно и большего размера (невспомню). Я была так поражена видимостью, что не смогла отарвать глаз от этого видения, и кого-то позвать увидеть это. Сразу я подумала, что это изменения луны, но когда осмотрела небо, то луна была на своем месте, на много дальше и левее этого столба и выше. В течение часа я наблюдала (а возможно и дольше.) Через какое-то время. Столб взорвался на многие лучи молниеносно. Один пошел на землю. А около столба появились яркие разные цвета в виде электричества и вместо столба образовалась яркая широкая красивая цифра «5» червонного золота. Интересно было смотреть на чистое небо. Вроде бы большую часть неба занимала эта яркая цифра 5. На верху конца пятерки было округление с большой мяч. Через какое-то время опять произошла молниеносная реакция и цифра 5 стала меркнуть — темнеть. И в конце концов, на верху цифры 5 было темное пятно, и все пропало. Всю жизнь это явление у меня напоминалось. И когда началась война, я подумала, что это было к началу войны. Где она прошла в течение 5 лет⁹.

9 АКАЯОПС, № 0856М, письмо Валентины Алексеевны Кирилиной, 1923 г. р., от 09.02.1985 г., г. Пенза.

Авторы некоторых писем акцентируют внимание на световых проявлениях и цветовых характеристиках мистических «столбов», пытаясь найти им аналогии в военной действительности, например путем сравнения вспышек на небе от «столбов» и от военных орудий:

<...> А второе явление уже 1941 г. Иркутская обл. Жигаловский р-н село Тутура. Конец июля или начало августа. Целую неделю, где-то с 10 вечера и до рассвета, в одно и тоже время и место по небу вспыхивали, вроде появлялись из-за горизонта аранжево-красные столбы, да было и так светло, что приходилось закрывать окна ставнями, чтоб поспать. Ни грозы, ни молнии, ни шума не было. Прошла неделя и больше этих столбов не было. Спрашивали у учителей, те тоже ничего не объясняли — не могли. Если думать, что война отблеск орудий, но ведь 5 тыс км от Москвы до Иркутска и до Жигалово 300 км. Никто не мог объяснить. <...> ¹⁰

В конце 1920-х — начале 1930-х гг., согласно записям из Эстонского фольклорного архива Эстонского литературного музея (Eesti Kirjandusmuuseumi Eesti Rahvaluule Arhiiv, ERA), сделанным на псковско-эстонском пограничье, явление красных столбов в небе однозначно интерпретировалось как предвестие скорой войны / революции¹¹. Обращает на себя внимание также место явления такого столба, описанного в письме Н. П. Третьяковой, — над церковью, т. е. над сакральным местом:

<...> Было это в 1932–1933 году. Было мне тогда 7-8 лет (теперь 61 год). Жила я в селе Третьяки Борисоглебского района Воронежской области. В школу еще не ходила. Зима была холодная и я редко выходила на улицу.

Однажды я вышла во двор. Это было примерно в 16-17 часов. Папа поил корову. *Я увидела высоко в небе (над церковью) большой огненный столб (в прямом смысле этого слова)*¹². Столб был ярко красный. Я спросила у папы, что это за столб? А он мне сказал, что

¹⁰ АКАЯОПС, № 3197М, письмо Мирославы Павловны Каминской от 19.08.1987 г., г. Калуга.

¹¹ ERA Vene 1, 167 (16) [здесь Vene — русская коллекция, 1 — первый том коллекции, 167 — страница в дневнике собирателя, 16 — номер записи].

¹² Курсив в письмах везде наш: выделены фрагменты, важные для обсуждаемой темы.

это бывает в большой мороз¹³. Но больше я никогда не видела такого явления (или даже не знаю, как его назвать)¹⁴.

Интересно, что трактовка увиденных на небе неизвестных природных явлений как предзнаменований частично сохранялась у представителей старшего поколения и в 1980-е гг. В одном из писем, хранящемся в АКАЯОПС, его автор, Т. Комарова, указывала, что видела в конце декабря 1985 г. в Пензенской области на небе небольшое облачко, которое стало постепенно увеличиваться в размерах. Когда она рассказала об этом односельчанам, местные старушки вспомнили, что «перед войной были какие-то столбы на небе» и «эти облака тоже перед чем-то плохим»¹⁵. То же самое явление на небе, но уже наблюдаемое в Тамбовской области, комментирует аналогичным образом и другой анонимный автор письма: «Матеря наши, все же они прожили больше нас, говорят, что это к Войне, как было в 1941 году являлись иконы Божьей Матери и столбы огненные»¹⁶.

В нескольких письмах речь идет о явлении некоей картины на небе, которое также было осмыслено старыми жителями как признак окончания войны. Среди таких картин, упоминаемых исследователями, выделяются сцены битвы и всадник на лошади (Балашова 2014: 236–237; Фурсова 2017: 129–131). М. В. Лучкова (возможно, Лугкова), воспитанница детдома, увидела на небе солдат, идущих с востока на север (т. е., по всей видимости, уже в сторону Германии).

Что я видела в деревне Обухове Ногинскова р-он¹⁷. Я пришла с работы с фабрики в 11 часов ночи я работала 4 часа как было ити в общежите страшно, я ждала рабочих старше меня. Когда я пришла в общежити то увидела много людей все были на улице возле домов.

13 Ответ отца Н. П. Третьяковой подразумевал, что это так называемый световой (или солнечный) столб — вертикальная полоса света, оптический эффект, возникающий в результате отражения света от плоских ледяных кристаллов, взвешенных в воздухе.

14 АКАЯОПС, № 2788М, письмо Нины Петровны Третьяковой, 61 год, от 02.02.1985 г., г. Минск.

15 АКАЯОПС, № 0251М, письмо Татьяны Комаровой от 15.07.1985 г., с. Поим Пензенской обл.

16 АКАЯОПС, № 1726М, анонимное письмо от 01.02.1985 г., г. Тамбов (по штемпелю).

17 Московской области.

Я стала смотреть тоже и зимой прогремел гром и стало показаться с Востока на Север шли солдаты шли шли и очень было много, и еще на волах ехали запрежены и бабы полоскали белье и шли раненые на костылях. Ани шли не к нам на встречу а от нас в даль. Так исчезает все и опять прогремит гром Я видела на небе¹⁸. гром и опять сначала. появляются опять на небе¹⁹ так и так было часа два не больше. А старые жители говорить. Кто жил в деревне это конец войны А когда — началась война тоже так было все шли солдаты шли шли без конца. А в каком году это было когда фашист подходил к Москве, моя сестра жила в Болошеве²⁰ и их детдом хотели выкуйрват²¹ на Кавказ, дет-дом назывался Максимовский²², а меня было уже 14 годов то меня послали работать в фабрику Ковровой конбинать, мы с ней жили двоим в дет-доме Потом фашиста...²³

Школьница Наталья Кобзарь из пос. Бегичевский Тульской области в своем письме рассказывает о некоем «дяде», который сообщил ей о своем схожем предвоенном видении. Перемещение на юго-запад человека в этом видении, возможно, воспринималось позже как предзнаменование отступления наших войск в этом направлении.

<...> Один дядя рассказывал, что перед войной по небу шел обыкновенный человек. Просто человеческого роста. *Он шел на юго-запад*. Люди которые первые его увидели, подняли всю деревню и смотрели. Это происходило ночью. <...>²⁴

Несмотря на скудость описания, в Комиссии сочли рассказ интересным и сделали дополнительный запрос. Во втором письме девоч-

18 Предложение «Я видела на небе» приписано внизу страницы, следующая страница начинается снова словом «гром».

19 Слова «на небе» вписаны над строкой.

20 Имеется в виду пос. Болшево, с 2003 г. район подмосковного города Королёва.

21 Эвакуировать.

22 Детский дом в д. Максимовке рядом со ст. Болшево, открыт не позднее 1927 г., ныне Болшевский детский дом, находится в границах г. Королёва.

23 АКАЯОПС, № 2820М, письмо Марии Владимировны Лучковой (или Лугковой) от 02.02.1985 г., г. Озёры Московской обл.

24 АКАЯОПС, № 1640М, письмо Натальи Кобзарь, 11 лет, от 06.02.1985 г., пос. Бегичевский Богородицкого р-на Тульской обл.

ка рассказала, что мужчина, рассказывавший о человеке в небе, уже уехал из их местности, и она вспомнила только, что его звали Сергей Иванович, а познакомилась она с ним через его внучку, которая также уехала вместе с ним²⁵.

Явление некоего святого на небе в 1944 г. описывает Р. Е. Смирнова из г. Наро-Фоминска Московской области. Несмотря на то что женщина не пишет именно про святого, скорее всего боясь насмешек (нужно учитывать время и советский менталитет), на рисунке из письма отчетливо виден нимб²⁶ над головой человека из ее видения.

Здравствуйте!

18/IV 86 г.

Давно собиралась Вам написать, но не знаю как и описать то, что я видела в марте-апреле м-це 1944 г. Было это в г. Казани. в Ленинском районе. Шла я на работу к 7 ч. утра на фабрику кинопленки № 8 им. Куйбышева (а жила я на поселке Фотожелатинового завода). Так вот: дорога наша шла вдоль забора и когда повернула за угол²⁷ путь, кот. я шла я указала знаком «тире» за это время я увидела как на небе выше зданий, как бы шел или плыл человек в белом одеянии ноги почти скрыты, чуть видны — вот такой формы²⁸.

Это мы все видели, кто шел на работу в продолжении 10-15-20 минут. Все, конечно, очень удивились, и не знали на что можно подумать.

За эти 42 года, я получила высшее образование, много читала и читаю, но, однако, не могу ответить: что это такое было? <...>²⁹.

Предзнаменования

В отдельную группу можно выделить предзнаменования чьей-либо гибели или каких-то знаковых изобретений. Вот какой рассказ в КАЯ отправил И. Ф. Бояринцев из Куйбышева. В нем явившееся в 1914 г. в Орловском уезде «бегущее пламя» сочли предвестником скорой кончины брата адресанта:

25 АКАЯОПС, № 2192М, письмо Натальи Кобзарь от 26.11.1986 г., пос. Бегичевский Богородицкого р-на Тульской обл.

26 Хотя, конечно, утверждать это с уверенностью нельзя. Можно также высказать предположение, что это корона Божьей Матери, кокошник и т. п.

27 В этом месте письма вставлен рисунок, см. рис. 2, левая часть.

28 После этого предложения в письме вставлен рисунок, см. рис. 2, правая часть.

29 АКАЯОПС, № 2955М, письмо Руфины Ефимовны Смирновой от 18.04.1986 г., г. Наро-Фоминск Московской обл.

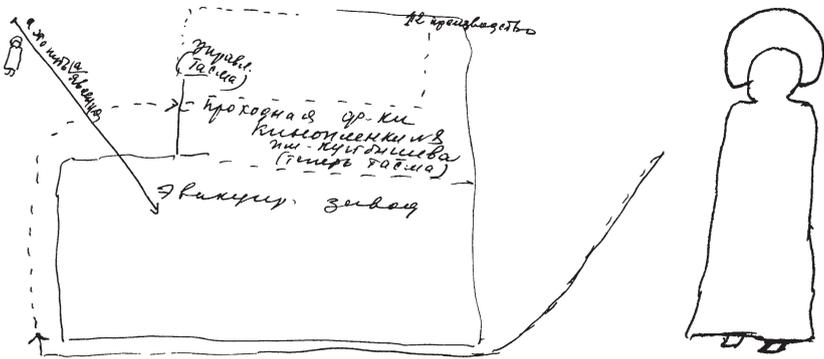

Рис. 2. Рисунок Р. Е. Смирновой

Уважаемые товарищи!

Прочитал я в газете «Труд» статью за 30 января 1985 г. №24 «Ровно в 4-10» и мне вспомнился рассказ моего покойного отца о необычном явлении. Связано ли оно с описанным в газете не знаю, но рассказ считаю достоверным.

Мой старший брат Бояринцев Иван Федорович 1894 1884 г. рождения (меня тоже Иваном зовут) жил в г. Екатеринбурге, служил у купцов. В 1914 г. он должен был призываться в армию. Родители, проживавшие в бывшей Вятской губернии, Орловского уезда (ныне уездный город называется Халтурин), Шараповской волости (волость находилась в с. Великорецком), дер. Стожары, просили его приехать домой и здесь осуществить призыв.

Через несколько дней после приезда он заболел. Его положили в больницу в селе Великая река.

Числа 23-25 ноября 1914 г. Мой отец Бояринцев Федор Ильич вместе с соседом Бояринцевым Василием Фадеевичем (он тоже умер) поехали в больницу навестить сына.

Проезжая проселочной дорогой, на лошади, отец заметил примерно в километре бегущее пламя, которое несколько секунд бежало от деревни Верхний Починок в сторону деревни Кулиговшино. Пробежав некоторое расстояние, пламя исчезло.

Заметив бежавшее пламя, отец полагая, что ему почудилось, спросил Василия Фадеевича видит ли он? (не сказав что). Последний ответил, что видит. По прибытии в больницу они узнали о смерти Ивана. Диагноз: тиф.

Аналогичный рассказ я слышал и от Василия Фадеевича. Оба, т. е. Василий Фадеевич и мой отец заслуживают доверия. Они не

были суеверны, но и у них вкралось сомнение: не было ли это явление предзнаменованием. <...>³⁰

Видения могли знаменовать и появление каких-то технологических новшеств. Ф. И. Корчевая описала свое видение, имевшее место уже в послевоенное время — в 1947 г., которое, вероятно, посетило ее в с. Пушкинское Курской обл. (если судить по адресу автора письма). Она видела сменяющиеся картинки на небе (грабли, солдат с ружьем, двух солдат с ружьями, стадо каких-то животных и зимний лес). Сама женщина уже *post factum* решила, что всё это знаменует появление телевидения.

Уважаемый зам. пред. комиссии, прочитав в газете Труд статью «Ровно в 4 часа 10 мин.» я решила написать Вам письмо и рассказать что я видела на небе.

Мне сейчас 52 года, а было это в 1947 году, когда я училась в 6 классе.

Я бы никогда этого не написала, да дочь сильно просит. Она говорит, мама умрешь ты и не узнаешь что «То» было. А видела я вот что.

Было это зимой в декабре-январе м-це. Идем мы с подружками из школы. Школа была от дома км. в 4. Шли не по улице, а в конце огородов. День был морозный, Солнца не видно, вечерело. И вдруг над лесом в небо стал подниматься оранжевый шар. Поднялся на высоту, примерно как солнце летом перед заходом часа за 4 и таких размеров как Солнце и остановился на месте.

Ведь тогда телебашен и телевизоров небыло, но в пределах этого шара стали проходить кадры как в кино. По ходу (слева направо).

Сначала предмет похожий на грабли, что сено горнут³¹, только без колодочки³²; затем один солдат с ружьем за спиной (ружье со штыком); затем два солдата, тоже с ружьями, ружья со штыками, идут строго чеканя шаг; затем стадо, не поймешь какое, овец или коров; затем лес зимний, голый и на конце блеснуло и всё окончилось. Нас было трое, мы перепугались и побежали домой. Дома рассказала я никто мне не поверил. Потом, когда я стала взрослой, многим

30 АКАЯОПС, № 1012М, письмо И. Ф. Бояринцева от 30.01.1985 г., г. Куйбышев (Самара).

31 Гребут.

32 То есть без той части, куда вбиваются зубья (и колодка, и зубья у грабель для сгребания сена обычно сделаны из дерева).

рассказывала. Одни говорили что это мне показалось, другие, что это мираж. Да что только не говорили. А вот когда я прочитала эту статью да и другие я подумала, а может уже тогда из других миров прилетал какой-то объект и предсказал, что и на земле будут телепередачи.

Прочитайте пожалуйста, может это пригодится, только не смейтесь. Все это правда³³.

Телевидение и кинематограф в те времена воспринимались как чудо техники. Массового телевидения еще не было, а о походе в кино в суровые предвоенные и военные годы многие, а особенно дети, могли только мечтать. Поэтому такое «явление» сменяющихся картин для некоторых было сродни явлению какого-либо святого или Богородицы в предыдущие годы. М. А. Воеводин, автор одного из писем, направленного в КАЯ, также описывает некое «кино», которое кто-то ему «включил» на стене амбара, где располагалась спальня его детского сада, в середине 1930-х гг.:

Уважаемые товарищи!

Я родился в селе Собчаково, Рязанской обл, Сапожковского р-на. <...> Это было году в 1934-35. Я ходил в детсад, который находился в частном доме. Дом кирпичный. Стояла прекрасная солнечная погода После обеда нас уложили спать в амбаре, где стены оштукатурены и побелены. Я спал почти у двери. Случайно поднял голову и на противоположной двери стене почти под потолком увидел движущиеся фигуры людей, машин и деревьев, почти как в кино, только размеры от стены до стены высотой 30-40 см. Контуры людей и машин двигались группами и в одиночку, навстречу и друг за другом, деревья шевелили ветвями. Машин я до этого не видел. Воспитательница крикнула, чтобы я не крутил головой. Я отвернулся и уснул, больше такого видеть не приходилось. Я понимаю, что это могла быть игра света, блики солнца, но фигуры людей, контуры машин и деревьев все это как в кино (кино я увидел 1-й раз как пошел в школу). Сейчас этот дом сломан. Что это и как могло появиться? Но это реальная вещь, а не игра воображения. <...>³⁴

33 АКАЯОПС, № 3080М, письмо Фаины Ивановны Корчевой от 01.09.1986 г., с. Пушкинское Кореневского р-на Курской обл.

34 АКАЯОПС, № 2252М, письмо Михаила Алексеевича Воеводина от 25.09.1985 г., г. Мытищи Московской обл.

Здесь можно усмотреть аналогии не с кино, а с демонстрациями с помощью «волшебного фонаря» следующих друг за другом отдельных изображений. Проекционные фонари были хорошо известны с XIX в. благодаря представлениям на ярмарках. Обращает на себя внимание и то, что авторы писем ни разу не упоминают о цветном изображении, что, несомненно, врезалось бы им в память. Это, вероятно, свидетельствует о том, что подобное «кино» было всё же черно-белым, в духе времени.

Чудеса

Середина 1920-х гг. в России ознаменовалась мощной волной самых разнообразных чудес (обновление икон и крестов, свечение в закрытых церквях, явление Богородицы и т. д.) (Бутов 2018: 33–65). Нужно отметить, что в Воронежскую область первые слухи об этом пришли с территории Украины еще в 1921–1922 гг. В этот же период некоторые издания сообщали о том, что в ряде церквей по ночам зажигаются лампы и свечи (такие сообщения, в частности, поступали с территории Псковской и Волынской областей). Письмо Н. Я. Данцевой из г. Богучар свидетельствует о том, что подобные толки в 1924–1925 гг. уже циркулировали и в Воронежской области, более того, оно показывает во всех деталях, как они рождались:

Воронежская обл., город Богучар. Товарищи Комиссия по расследованию мнимых пожарищ. Это явление было давно, точно не помню какой год 1924 г или 25 г, мне тогда было 14 лет меня и моих товарищей приняли в комсомол мы часто ходили в город на собрания на концерты, а жили мы за рекой Богучаркой на³⁵ Песковатки однажды идем мимо собора домой и видим, что в окнах горит пламя в соборе, нас было человек сем, мы испугались, что горит в нутри собора, мальчишки сказали, пойдемте сторожа разбудим, сторож нам открыл дверь в³⁶ собор мы зашли в церковь, там тихо спокойно, ни где ничего не горит, запах был какой то, но мы не поняли, сторож закрыл в церкви двери и мы постояли немного смотрим языки пламени опять начали показываться в окнах церкви мы опять к сторожу сторож, тоже видит и сказал, что да, горит опять открыли двери в церковь и опять такая же тишина мы всей компанией обошли всю церковь и ничего не было ни какого огня, а запах ладана когда мы

35 Над предлогом «на» надписано «в».

36 Слова «дверь в» надписаны над строкой.

вышли и опять наблюдали больше такого явления небыло, по дороге домой рассуждали, что зарива ни где никакого небыло потому, что уже было около часа ночи мы домой пришли в 1 час ночи Этот случай мы вспоминали часто но не помню чтобы кто говорил о таком явлении, мы между собой говорили о таком явлении, *а потом у многих местах начали обновляются иконы и плачущая божия мать* и когда милиция обнаружила все эти иконы нам показали, как плачет божия мать и все это устройство. Мы решили, что это делали священо служители. Больше такого не наблюдали. <...>³⁷

Нередки случаи, когда святых начинают видеть в источниках, родниках, колодцах (Бутов 2018: 45, 56, 72). Так, П. И. Ломанин из г. Орла приводит сведения о явлении одной женщине в роднике иконы «с живым лицом Иисуса Христа». К сожалению, автор не указывает даже временной промежуток произошедшего; другие события, о которых он сообщает в том же письме, датированы предвоенными и военными годами.

Группа женщин Орловской области из деревни Лужки ходили на богомоленья к святому роднику. Одной из них в роднике показалась икона с живым лицом Иисуса Христа, через минуту оно исчезло. Спрашивал я у других женщин — видели ли они? — ответили нет³⁸.

Гадания по внешнему облику небесных тел

Как показывает письмо С. Ф. Филимоновой из г. Орла, до середины прошлого века гадание по видимому облику небесных тел было обычным в русской традиционной культуре. Хотя в письме автор высказывает предположение о том, что небесное тело, которое она видела, — это «вечерняя звезда» (т. е. Венера), наличие у нее хвоста заставляет предполагать, что это всё же комета. Сведений о предсказаниях по хвостам комет на территории России в этот период чрезвычайно мало, так что это свидетельство может представлять большой интерес.

<...> А вот в 1947 году мы с семьей жили на Северном Кавказе мне было в то время 17 лет И вот что мы наблюдали целую неделю.

37 АКАЯОПС, № 2088М, письмо Н. Я. Данцевой от 25.02.1985 г., г. Богучар Воронежской обл.

38 АКАЯОПС, № 3203М, письмо П. И. Ломакина от 05.10.1987 г., г. Орел.

Загоралась вечерняя звезда и через несколько времени от звезды начинал расти хвост как у змеи все мы молодые смотрели это зрелище целую неделю, а вот пожилые предугадывали всякие истории <...>³⁹

Если предполагать, что это была именно комета, то на ее роль хорошо подходит комета C/1947 X1, которая была видна невооруженным глазом в течение короткого периода в десятых числах декабря, но в северном полушарии условия для ее видимости были плохими (Bortle 1998). На Северном Кавказе появлялась на юго-западе сразу после захода Солнца на небольшой высоте (несколько градусов) над горизонтом, хвост был направлен влево⁴⁰. Впрочем, нельзя исключать и комбинацию «Венера — комета C/1947 X1», так как Венера находилась от нее поблизости (правее и выше). Между ними был промежуток, но кому-то вполне могло показаться, что хвост растет именно от «вечерней звезды». Стоит также вспомнить представление о «змеиной звезде» — т. е., по мнению Д. Конопляникова, эффекте, вызванном флуктуациями в атмосфере земли и приводящем к тому, что у звезды как бы начинают замечать «хвост», и чем ближе небесное светило к горизонту, тем заметнее этот эффект. Как пояснил информант, «змеиные звезды» похожи на клубки змей, причем в большом количестве их можно наблюдать в полночь (Kanaplianikau 2007).

«Огненные змеи»

Представления об огненном змее, возникшие еще в древности и переосмыслявшиеся на протяжении столетий, довольно вариативны (Мифологические рассказы 2013: 773; Сенаторский 1883: 66–68). Среди проанализированных писем нам также встретилось немало упоминаний об *огненном*, или *красном*, змее. Очевидно, что в нашем случае чаще всего за этим скрывается информация о пролетах болидов или, реже, появлении комет и шаровой молнии. Еще Д. К. Зеленин отмечал, что кометы иногда прямо именовали змеями, а падающие звезды почитали за огненных змеев (Зеленин 1910: 164–166). Как писала еще в 1900 г. о пролете метеора над Сибирью 22 декабря 1899 г. газета «Вос-

39 АКАЯОПС, № 0930М, письмо Софии Федоровны Филимоновой, 1940 г. р., от 11.02.1985 г., г. Орел.

40 Подтверждающие расчеты выполнены астрономом С. Н. Ефимовым онлайн на сайте: <https://ssd.jpl.nasa.gov/horizons.cgi#top> (дата обращения: 20.05.2020).

точное обозрение», крестьяне из с. Распутино стали высказывать свои соображения на этот счет: «Одни доказывали, что это огненный змей, живущий на острове в семи верстах ниже Егоровой; другие утверждали, что это одна из непокорных звезд, которую Господь бросил в тьму кромешную; бабы объясняли проще — по их мнению, это у солнышка от мороза “*ивершек*” оторвался» (Странник 1900: 2–3). В свою очередь, Н. Пузырев упоминал в «Этнографическом обозрении» о том, что слышал от крестьян Тальменской волости Барнаульского округа Томской губернии, будто бы никто не видел огненного или летающего змея днем, «но всегда видели только ночью, летящим по небу к тому дому, в котором жил». Внешний вид змея описывали так: «Длиною он с аршин⁴¹, толщиной в завит⁴² руки у мужчины; цвета огненного; полет его подобен падающей звезде, по дороге от него сыплются искры. Подлетевши к дому, где жил, он рассыпается по крыше искрами, которые тотчас же исчезают». Змея местное население связывало с нечистой силой (К легендам и поверьям о змеях 1897: 126–127). Такие рассказы оставались в ходу и во время Первой мировой войны. В конце декабря 1914 г. крестьяне сел Михайловского и Явленского Петропавловского уезда Акмолинской области говорили о неких «таинственных огнях» в небе, что это летает «огненный змей». Пастух с хутора Алексеевского Уфимской губернии Мензелинского уезда Кармолинской волости рассказал, что 24 или 25 августа 1915 г. из-за леса вылетела какая-то фигура наподобие курятника, и он предположил, «что поднялся змей, как говорят в деревнях» (Бутов 2020б: 32). В сентябре 1914 г. самарский исправник сообщал, что появившуюся в небе комету⁴³ многие местные жители принимали «за движущийся на небе аэроплан или “огненного змея”»⁴⁴. Вплоть до середины 1940-х гг., как показывает фольклорный материал, собранный на эстонско-русском пограничье, всё еще были сильны суеверные представления. Так, одна из рассказчиц слышала от своей матери, живущей в посаде Чёрном, что в 1914 г., почти перед самым началом Первой мировой войны, над лесом пролетел змей с красным гребнем, «только гул гудел в лесу». По народному поверью,

41 0,71 м.

42 *Завит* (обычно *завить*, *заветь*) — предплечье; запястье; тыльная сторона ладони (севернорус., урал., южносиб., см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 319). — *Прим. ред.*

43 Речь в данном случае идет о комете Делавана.

44 ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130. Д. 197. Л. 106–106об.

это предвещало большую войну. Причем говорили, «в какую сторону летит змей, оттуда и война будет» (Авилин 2019: 44).

Анализируя письма из АКАЯОПС, мы пытались обнаружить народные представления, касающиеся необычных атмосферных явлений и космических объектов (пролета метеоритов, появления комет, шаровых и линейных молний и т. д.), распространенные среди населения различных регионов России и в меньшей степени Белоруссии и Украины в первой половине XX в. Было интересно сопоставить их с народными верованиями, которые бытовали на той же территории в конце XIX в. и в канун Первой мировой войны. В обнаруженных нами в архиве рассказах необычные астрономические явления характеризуются как *огненный змей, красный змей, головастик, куча углей, черт* и др.

Д. Смирнова из д. Каменское Наро-Фоминского района Московской области описывает, как она наблюдала явление «огненного змея» в Ивановской области. В народе были разговоры о том, что «мертвые прилетают», и автор письма сначала подумал, что увиденное также представляет явление такого порядка, но позже стал искать связь с молнией, мишенью которой стал дом хозяев сенного сарая, над которым за 30 лет до этого и видели «змея».

<...> Это было летом в 1935–36 годах. Мы с ребятами уже под вечер (солнце закатывалось, закат розовый) бегали на лугу, играли и вот над одним санным сараем (они еще тогда целы были) летел огненный змей» и над крышей сарая рассыпался искрами. Дождя и грозы не было, было сухо. Мы все остолбенели от испуга и вмиг рассыпались по домам. *Ведь, мы слышали разговоры, что мертвые прилетают, так и мы подумали.*

Было это в д. Крапивново теперь Семеновского с/с (а раньше был Пятинский с/с) Вичужского⁴⁵ р на, Ивановской о[бл.]⁴⁶ А потом в 60 годах (после августа в 63 г.) дом хозяев этого сарая сгорел от грозы, а как загорелся я тоже была свидетелем. Был удар грома и вмиг из под крыши Бирюкова дома с улицы появился огонь и дом сразу весь был обжат огнем. Людей в доме не было, (хозяйка лежала в больнице в городе) сгорел очень быстро. А еще я приведу схему расположения домов, сарая и конюшни А конюшня тоже от грозы загоралась. Нет ли связи какой что все это неподалеку случилось, хоть и разделенное годами. А еще в Семеновском совхозе того же

45 Современное написание — Вичугский район.

46 Письмо обрезано при сканировании.

Вичужского р-на есть д. Фроинское-Писцово Троицкого с/с, то на одном порядке этой деревни постоянно случаются пожары от грозы. Вот схема, конечно, примерная⁴⁷ (рис. 3).

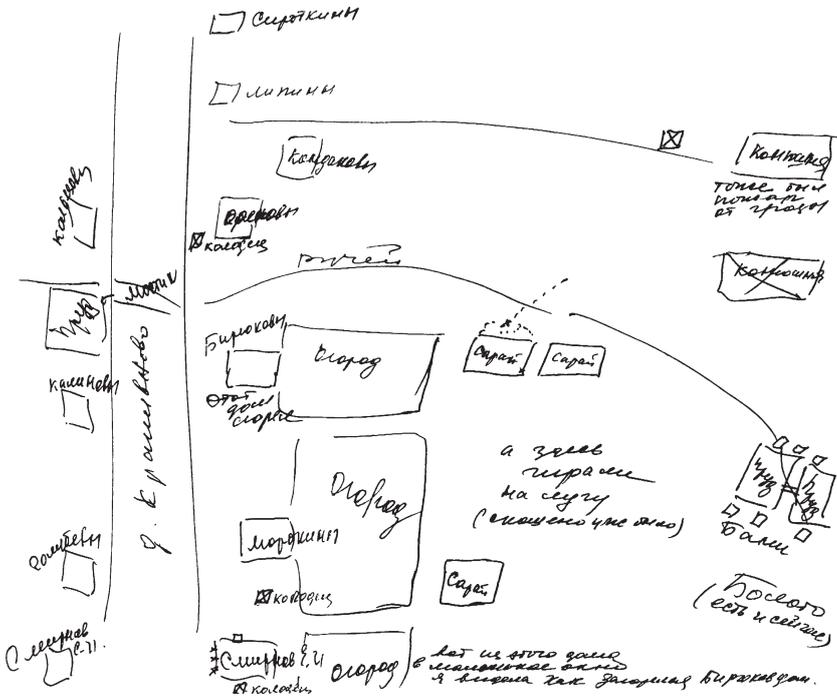

Рис. 3. Примерная схема, составленная Д. Смирновой

Письмо с еще одним, по всей вероятности, наблюдением «огненного змея», которого автор сообщения именует «кучей углей», пришло из Ивановской области. Т. А. Мошкова из Кинешмы даже тщательно зарисовала увиденное, правда, здесь необходимо подчеркнуть, что непосредственно «змеем» она *летуна*⁴⁸ не называла, но характер его движения и подчеркнутый интерес к трубе дымохода, в которую он пытался залететь, выдают в нем «повадки» этого демонологического персонажа.

47 АКАЯОПС, № 3208М, письмо Д. Смирновой от 13.10.1987 г., д. Каменское Наро-Фоминского р-на Московской обл.

48 *Летуна, летавец* — одно из распространенных названий «огненного змея».

<...> То, что я видела своими глазами было давно. Мне было лет 6-7 (что-то ...52-...53 годы). Всю последующую свою жизнь я очень четко помню то, что видела. «Это» врезалось в память очень твердо и отчетливо. Каюсь, я не стала бы писать, если бы видела одна это явление. Вообще буду писать всё как было. Это был теплый летний вечер, что-то около 22 часов, знаете, когда небо с одной стороны уже темно-голубое, а с другой еще светлое. Я тогда жила на фабричном дворе (это так территория около ткацкой фабрики называлась), где в окружении трех построек казарменого типа находился небольшой скверик, и я побежала тем вечером к центру скверика, чтобы сорвать несколько душистых цветков с клумбы (тайком, конечно).

Ну вот! Подбежала я к клумбе, гляжу, а там, около клумбы, молодая женщина с ребенком в колясочке прогуливается. Стою я около клумбы и цветы сорвать боюсь и уходить не хочется. Смотрю на цветы и обдумываю как бы это всё сделать незаметно, слышу — та женщина, что сзади меня охнула. Повернулась я к ней и вижу, смотрит она вверх и я туда же посмотрела. Вижу — на уровне 3-го этажа той казармы, что напротив нас за сквериком была, летит «куча углей». Это сравнение мне тогда подумалось, но скорее это напоминало их только цветом, а так больше походило на кучу, вытянутую, раскаленных булыжников, различной формы и крупноты, не соединенных друг с другом. И надо сказать приличная такая куча, не круглая по форме, а вытянутая, и каждый булыжник как уголек, по цвету, знаете, когда сверху на улях уже нет синего пламени и пламя не перебегает с одного на другой уголек, а как бы успокоилось в них, перед тем как совсем потухнуть.

Ни сияния вокруг этой «кучи», ни пламени сзади ее, не было. Я ее увидела, когда она летела по прямой, затем плавно так вернулась и вверх поднялась, чуть выше крыши. Сейчас не могу точно сказать, правда ли, что «оно» в трубу залетело (или это очень быстро произошло, или что еще), но из той трубы, где «оно» ближе было искры в разные стороны посыпались — это я помню, потому что женщина рядом тоже это видела и еще что-то при этом такое суверенное сказала. <...>

Я попытаюсь набросок сделать⁴⁹.

49 В этом месте письма вставлен рисунок, см. рис. 4.

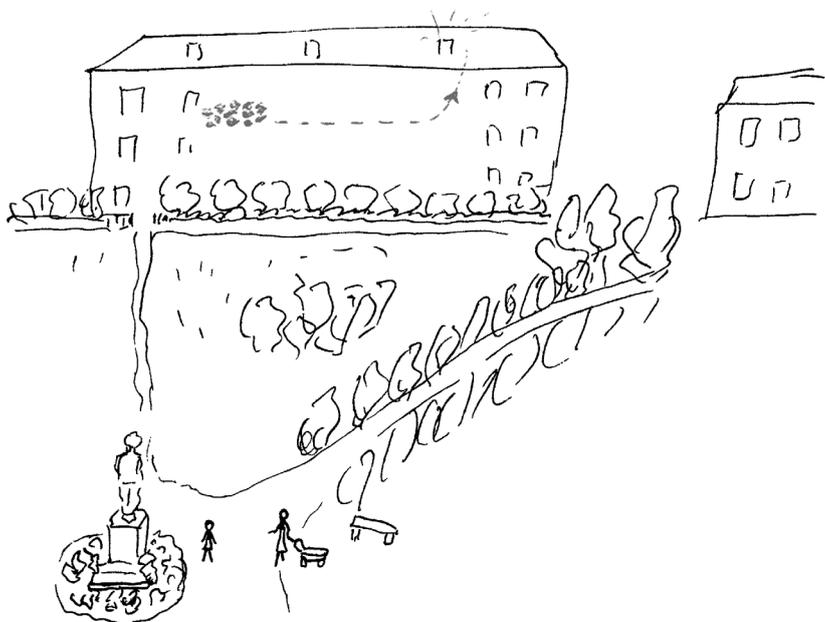

Рис. 4. Набросок Т. А. Мошковой. Примечание автора письма: «Немного далековато получилось. На самом деле до этой казармы от нас не более 10–15 метров было и видно всё было отчетливо. Нет пожалуй метров 20. точнее».

Не думаю, чтобы еще кто это видел, со смены еще не шли, молодежь в клубе была, а пожилые раньше рано спать ложились. А потом эта куча светилась очень мало и всё это заняло минуты 3-4⁵⁰.

Учительница-пенсионерка А. П. Шалянина, 1923 г. р., из Воронежской обл. в 1934 г. также увидела составной объект, складывавшийся, по ее словам, в «огненного змея». Вероятно, она в тот день наблюдала пролет болида, может быть даже знаменитый «болид Циолковского», пролетевший над центральной частью России в мае 1934 г. (Черненко 1975: 91–93). Однако сама женщина уверяет, что событие это имело место в сентябре.

⁵⁰ АКАЯОПС, № 1984–66, письмо Т. А. Мошковой от 21.07.1984 г., г. Кинешма Ивановской обл.

Уважаемые товарищи!

То, о чем я пишу, нашей семье и соседям пришлось наблюдать более 50 лет тому назад (мне было тогда 10 лет).

В середине сентября 1934 г. нам пришлось наблюдать такое явление.

Вечерело. Солнце садилось за тучку, вернее, это было какое-то расплывчатое марево на западной стороне горизонта. Было тепло, тихо и еще светло. Солнце наполовину опустилось за тучку.

Вдруг из глубины неба появился «огненный змей». Летел он в направлении с севера на юг. Это были огненные шары. Первый из них по величине больше солнца, остальные уменьшались, так что последние казались величиной с детский мячик.

Полет их был до того красив, что дух захватывало. Всё это выглядело, примерно, так⁵¹.

Огненные шары скрылись за тучкой раньше, чем село солнце. На небе осталась светлая полоса, которая вскоре слилась с последними лучами солнца. <...>

Р. С. Проживала я тогда в Воронежской обл. Панинском р-не с. Сергеевке⁵².

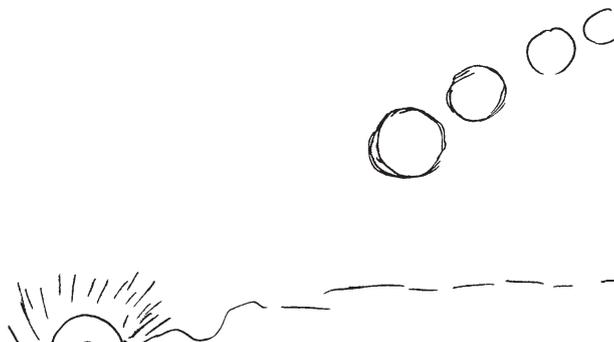

Рис. 5. Зарисовка А. П. Шаляниной

Еще в одном письме также описано явление, которое можно отнести к категории «огненных змеев». Г. А. Попов из Минска писал о том, чему лично был свидетелем в д. Лобановка Чериковского района Могилевской области. Движущийся по небу овал с хвостом местные мужи-

⁵¹ В этом месте письма вставлен рисунок, см. рис. 5.

⁵² АКАЯОПС, № 1031М, письмо Александры Павловны Шаляниной, 1923 г. р., от 31.01.1985 г., г. Усмань Липецкой обл.

ки соотнесли с нечистой силой (чертом), заметив, что «черт золото на хвосте сушит». Несмотря на то что обычно так говорят о заклятых кладах (золото, по сообщениям информантов, «выходит просушиваться») в виде красных огоньков, серебро — в виде синих или белых огоньков, см.: Климович 2015), в данном примере речь идет о летающем змее:

<...> было это приблизительно в 1927-1928 году было зимой а точнее в ноябре или Декабре было вечер был морозный лунный готовились в бане мыться. Этот случай был на территории Могилевской области Чериковском р-не д. Лобановка время было вечернее приблизительно 6-7 часов вечера, а точнее в 18-19 часов стоять мужики и смотреть в небо и я как подросток тоже задрал голову у верх и тоже вижу, как летает овальное какбы диск, и говорить глядика, черт золота на хвосте сушить это действительно мне это крепко запомнилась и не забывается и вот он летал по горизонтали несколько раз пролетал туда и обратно; где делал поворот один раз видно было а на восточной стороне не видно было он отлетал повидимому далеко и я как сейчас представляю на высоте 2-3 км. от поверхности земли в размере он виден был больши метра но при повороте когда он розворачивался у этого придмета какбы получался веер хвост Цвета сам увесь этот придмет был как малина созревшая точно токого цвета погода было с морозам градусав 10-15 мороза и я помню как сейчас он летал спокойно срозворотами может быть розов 7-9 точно сказать немогу но то что он несколько раз розворачивался я сам хорошо это видел и по сей день не могу понять что то был за придмет Я сейчас уже тоже обдумовал что может гроза какая, но почему точно горизонтально летало и по одному направлению и сейчас я тоже думаю, что тогда и грамотных унас небело среди тех мужиков что сказали чорт «на хвосте золота сушить» и никто не оброщался никуда а я сейчас тоже что возможно что сдругой планеты может был данный кораболь.

вот я вам описал полную его форму и цвет и облот летал конечно не по кругу, а какбы по коридору и хороше его было видно Я его вам на черчу вообразимой форме какой он был цвет точно был зрелой малины⁵³

вот такой он был данный придмет и тогда конечно еще небыло вто время космических спутников, так, что то не остатки от короблей а был загадочный какойто придмет <...>⁵⁴.

53 Здесь в тексте вставлен рисунок, см. рис. 6.

54 АКАЯОПС, № 1984–143, письмо Георгия Анисимовича Попова от 31.07.1984 г., г. Минск.

Рис. 6. Рисунок Г. А. Попова

Д. Р. Кезиков из г. Конотопа описывает в письме летящего по воздуху «огненного головастика», которого он с ребятами называл «красным змеем». При полете «змея» маневрировал, то снижая, то увеличивая скорость:

В Комиссию по аномальным явлениям

101000. Москва. Почтамт, аб. ящ. 764

Летящий «красный змей»

Произошло это в деревне, летом. Мы, дети-школьники начальной школы, перед вечером, после дождя играли на улице и вдруг увидали над домами летящий красный предмет, похожий на большого головастика. Мы назвали его «красным змеем». Величина его приблизительно со среднюю дыню, хвост в два раза длиннее головы. Летел он со стороны увала⁵⁵, расположенного восточнее деревни, на высоте примерно 50 метров. Снижался он параллельно склону увала. Над домами несколько (~~снижался~~) приподнялся, затем снова снизился. Скрылся в западном направлении, отклоняясь несколько на юг.

Наблюдалось упомянутое явление в деревне Вознесенке, Казанского района, Тюменской области в 1922 году.

⁵⁵ Увал — вытянутая возвышенность (ува́л — холм, косогор; возвышенное ровное место, удлиненная возвышенность; склон холма, берег реки; оврага; яма, провал, округлый уступ горы и др., см.: Гринченко Б. Словарь української мови: в 4 т. Т. 4. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1959. [Репринт издания: У Києві, 1909]. С. 309; Словник української мови: в 11 т. Т. 10. Київ: Наукова думка, 1979. С. 364; ср.: Словарь русских народных говоров. Вып. 46. СПб.: Наука, 2013. С. 156–158. Здесь увал — холм, возвышенность с ровной поверхностью, см. рис. 7. — Прим. ред).

Если бы у «красного змея» не было хвоста, то можно считать его за шаровую молнию. Но хвост приводит к сомнению. Поэтому я решил вам написать об этом явлении⁵⁶.

Рис. 7. Рисунок Д. Р. Кезикова

Фольклорную оценку встречи с необычными природными явлениями находим в письме В. В. Смирновой: «это блазнит» (чудится, мерещится).

Извините старую. Читала вашу стью про такой огонь. Я такое видела. Огон клуб, катится без шумно и безследа Видела в первых числах 1926го, второва вернее числа, в лесу Вологодской области клуб с корзину что унас в каждом хозяйстве были для носки, сена мякины катился по снегу и не мешали деревья. Спутница моя тетка очен трусливая, ана начала молится и не пошла, ни в перед мне ни позади, только рядом. А дорога узкая, санная, мне нодо пополозу, я ругала ее, идтито плохо. Она говорит это блазнит и наказа не кому не говори. <...> Я старая, 77 лет с 1907^{го}⁵⁷.

Заключение

Проанализированные письма демонстрируют, как некоторые природные явления (гало, световые столбы, полярное сияние, кометы, болиды и т. д.) наделяются грамотными информантами (как минимум читающими газеты и умеющими излагать свои мысли на бумаге) сверхъестественными чертами. Их сообщения более насыщены описаниями мелких деталей, чем традиционные былички, в них почти всегда довольно точно обозначены хронологические рамки произошедшего.

⁵⁶ АКАЯОПС, № 1984–416, письмо Д. Р. Кезикова от 16.08.1984 г., г. Конотоп Сумской обл. Украины.

⁵⁷ АКАЯОПС, № 846М, письмо Веры Владимировны Смирновой, 1907 г. р., от 08.01.1985 г., ст. Крюково Московской обл.

Однако письменные тексты, представленные здесь, в отличие от устного рассказа выглядят вырванными из контекста, и их прагматика отличается от фольклорной. Как отмечает И. С. Веселова, современная фольклорная проза может бытовать не только в устном, но и в письменном виде, при этом может утрачиваться один из основополагающих фольклорных признаков — анонимность (Веселова 1998: 81–83). Проанализированные письма включают элементы фольклорной прозы, некоторые из них почти целиком выстроены как былички, поэтому утверждение И. С. Веселовой может быть экстраполировано и на эти тексты. Как показывают письма, осмысление необычных, уникальных и аномальных явлений обычно вписывается в фольклорную традицию населения того или иного региона, но под влиянием советской атеистической пропаганды авторы некоторых писем не решаются предложить собственное толкование и ссылаются на мнение третьих лиц («местные старушки вспомнили», «а старые жители говорят» и т. д.). Сами же сообщения, которые в большинстве своем можно отнести к постфольклору, содержат современные фольклорные нарративы, в которых фольклорное может вообще размываться, уступая место «научному», при этом повествование вписывается в традиционные фольклорные схемы.

Источники и литература

Архив комиссии по аномальным явлениям в окружающей природной среде (АКАЯОПС).

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).

Eesti Kirjandusmuuseumi Eesti Rahvaluule Arhiiv (ERA).

Авилин 2019 — *Авилин Т. В.* Русский материал по астрономии и метеорологии в Эстонском фольклорном архиве // Живая старина. 2019. № 4. С. 42–45.

Байрау 2008 — *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к 100-летию историка / сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: РОССПЭН, 2008. С. 752–774.

Балашова 2014 — *Балашова А. Ф.* Коммуникативная природа народных рассказов на примере текстов о Великой Отечественной войне в небесных знамениях // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 233–240.

Белова 2013 — *Белова О. В.* Легенды о войне: архетипы в современных фольклорных нарративах // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст: сб. науч. тр. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2013. С. 227–235.

Бутов 2020а — *Бутов И. С.* «Будзе законна вайна»: белорусские материалы о предвестиях Великой Отечественной войны // Живая старина. 2020. № 2. С. 48–50.

Бутов 2020б — *Бутов И. С.* «По имеющимся сведениям в некоторых местностях империи появились воздушные аппараты» // Живая старина. 2020. № 1. С. 32–36.

Бутов 2018 — *Бутов И. С.* Ареал чудес: волны обновлений икон в XIX — первой половине XX века. Минск: Колорград, 2018. 168 с.

Веселова 1998 — *Веселова И. С.* Рассказ как опыт переживания таинственного (по публикациям «желтой прессы») // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 81–83.

Добровольская 2010 — *Добровольская В. Е.* «Все знали, что война будет...» // Живая старина. 2010. № 2. С. 18–21.

Евдокимов 1915 — *Евдокимов Л. В.* Грядущее народов в современных предсказаниях // Военный сборник. 1915. № 2. С. 113–128.

Зеленин 1910 — *Зеленин Д. К.* Народные суеверия о кометах // Исторический вестник. Т. 120. № 4. 1910. С. 161–168.

К легендам и поверьям о змеях 1897 — К легендам и поверьям о змеях. Сообщения М. К. Васильева, Н. Пузырева, С. Шарова и др. // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. 35. № 4. С. 125–128.

Климкович 2015 — *Климкович И. Е.* Инфернальные явления на местах, где, по легендам, спрятаны «проклятые» сокровища // Таинственная Беларусь: материалы конф. (г. Минск, 25 янв. 2015 г.). Минск: Регистр, 2015. С. 51–65.

Мифологические рассказы 2013 — Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 912 с.

Православные чудеса 1995 — Православные чудеса в XX веке. Свидетельства очевидцев. Кн. 2. М.: Трим, 1995. 160 с.

Пришвин 2007 — *Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917 / [подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина]. СПб.: Росток, 2007. 608 с.

Сенаторский 1883 — *Сенаторский Н.* Вера древних русских христиан в небесные знамения. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. [2], 135 с.

Странник 1900 — *Странник.* Распутино // Восточное обозрение. 1900. № 15 (21 янв.). С. 2–3.

Фурсова 2017 — Фурсова Е. Ф. Чудесные видения/знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. История. № 49. 2017. С. 129–131.

Черненко 1975 — Черненко Г. Болид Циолковского // Земля и Вселенная. 1975. № 1. С. 91–93.

Bortle 1998 — Bortle J. E. The bright-comet chronicles // International Comet Quarterly: The ICQ comet information website, cop. 1998. URL: <http://www.icq.eps.harvard.edu/bortle.html> (дата обращения: 13.05.2020).

Kanaplianikau 2007 — Kanaplianikau Dz. Traditional astronomical knowledge in the traditional world-view of Belarusians in 1994–2005 // Archaeologia Baltica. Proceedings of the conference. 2007. P. 45–55.

References

Avilin, T. V. “Russkiĭ material po astronomii i meteorologii v Ėstonskom fol'klornom archive.” *Zhivaia starina*, no. 4, 2019, pp. 42–45.

Balashova, A. F. “Kommunikativnaia priroda narodnykh rasskazov na primere tekstov o Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne v nebesnykh znameniiakh.” *Kommunikativnye issledovaniia*, no. 1, 2014, pp. 233–240.

Belova, O. V. “Legendy o voĭne: arkhetyipy v sovremennykh fol'klornykh narrativakh.” *Problemy istorii Rossii, vyp. 10: Istoricheskiiĭ istochnik i istoricheskiiĭ kontekst: sbornik nauchnykh trudov*, Ekaterinburg: Volot, 2013, pp. 227–235.

Beyrau, D. “Fantazii i videniia v gody Pervoĭ mirovoĭ voĭny: pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na sluzhbe Vere, Tsariu i Otechestvu.” *Petr Andreevich Zaionchkovskiiĭ: sbornik stateĭ i vospominaniĭ k stoletiiu istorika*, compilers L. G. Zakharova, S. V. Mironenko, T. Emmons, Moscow: ROSSPĖN, 2008, pp. 752–774.

Bortle, J. E. “The bright-comet chronicles.” *International Comet Quarterly: The ICQ comet information website*, cop. 1998, <http://www.icq.eps.harvard.edu/bortle.html>. Accessed 13 May 2020.

Butov, I. S. *Areal chudes: volny obnoveniĭ ikon v XIX — pervoĭ polovine XX veka*. Minsk: Kolorgrad, 2018, 168 p.

Butov, I. S. “Budze zakonna vaĭna: belorusskie materialy o predvestiakh Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny.” *Zhivaia starina*, no. 2, 2020, pp. 48–50.

Butov, I. S. “Po imeiushchimsia svedeniiam v nekotorykh mestnostiakh imperii poiavilis' vozdushnye apparaty.” *Zhivaia starina*, no. 1, 2020, pp. 32–36.

Chernenko, G. “Bolid Tsiolkovskogo.” *Zemlia i Vselennaia*, no. 1, 1975, pp. 91–93.

Dobrovol'skaya, V. E. “Vse znali, chto voĭna budet...” *Zhivaia starina*, no. 2, 2010, pp. 18–21.

Fursova, E. F. “Chudesnye videniia/znameniiia nakanune Velikoï Otechestvennoï voïny 1941–1945 gg.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, no. 49, 2017, pp. 129–131.

Kanaplianikau, Dz. “Traditional astronomical knowledge in the traditional world-view of Belarusians in 1994–2005.” *Archaeologia Baltica. Proceedings of the conference*, 2007, pp. 45–55.

Klimkovich, I. E. “Infernal’nye iavleniya na mestakh, gde, po legendam, spriatany “proklatiye” sokrovishcha.” *Tainstvennaia Belarus’: materialy konfrentsii (Minsk, 25 yanv. 2015 g.)*, Minsk: Registr, 2015, pp. 51–65.

Pravoslavnye chudesa v XX veke. Svidetel'stva ochevidtsev, book 2. Moscow: Trim, 1995, 160 p.

Prishvin, M. M. *Dnevnik. 1914–1917*. Ed. by L. A. Ryazanova, Ia. Z. Grishina, St Petersburg: Rostok, 2007, 608 p.

Veselova, I. S. “Rasskaz kak opyt perezhivaniia tainstvennogo (po publikatsiam «zheltoi pressy»).” *Literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1998, pp. 81–83.

Vlasova M. N., compiler. *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'ian XIX–XX vv.* St Petersburg: Pushkinskii Dom, 2013, 912 p.

Zelenin, D. K. “Narodnye sueveriiia o kometakh”. *Istoricheskiï vestnik*, vol. 120, no. 4, 1910, pp. 161–168.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.03

Butov I. S.

**Moscow Archive of the Commission on anomalous phenomena
in the natural environment as a source on folk mythology**

Ilia S. Butov

PhD in Agricultural Sciences, senior researcher

Republican Laboratory of Historical and Cultural Heritage, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences

220072, Surganova str., 1, bldg., Minsk, Republic of Belarus

E-mail: illiabutov@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3187-3552.

Citation: *Butov I. S. Moscow Archive of the Commission on anomalous phenomena in the natural environment as a source on folk mythology // Slavic Almanac. 2021. No 3–4. P. 229–259 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.03*

Received 30.06.2020.

Abstract

The meteorological information from the archives is rarely considered by folklorists or ethnographers. The article is the first to publish letters that reflect on unusual celestial and meteorological phenomena and were received by the Moscow branch of Archive of the Commission on anomalous phenomena in the natural environment in 1984–1989. In total, about 4 thousand letters on various topics from various regions of Russia, Belarus and Ukraine were analyzed. The sample included only those stories that can be interpreted as narratives about encounters with supernatural beings and phenomena mainly in the first half of the XX century (signs and omens, miracles, “fiery dragon”), materials on folk astronomy, as well as evidence of the reaction of the population to these events. The letters demonstrate how educated senders attribute the supernatural to certain natural phenomena (halos, light poles, auroras, comets, fireballs, etc.). The messages under consideration are more full of details than traditional narratives, they almost always fairly accurately indicate the chronological framework of what happened. The messages themselves, which for the most part can be attributed to post-folklore contain modern folklore narratives, where the folklore can generally be blurred, giving way to the “scientific”, but at the same time fits into traditional folklore schemes.

Keywords

East Slavic folk mythology, folk astronomy, folk narratives, fire dragon, miracles, omens, presages.

УДК 821.162.4

Широкова Л. Ф.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Словацкий «Нарцисс» с хорватскими корнями. Писатель Рудольф Слобода

Широкова Людмила Федоровна
Кандидат филологических наук
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. Словацкий «Нарцисс» с хорватскими корнями. Писатель Рудольф Слобода // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 260–274. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Рудольф Слобода — один из ярких и самобытных писателей поколения словацких «шестидесятников». Родился и большую часть жизни прожил в селе Девинска Нова Вес близ Братиславы с преимущественно хорватским населением. Слобода — автор десятков произведений, в числе которых романы, повести, рассказы, эссе, стихи, пьесы, киносценарии. В своем творчестве он основывался на оригинальном «эгоцентричном» видении действительности и исповедально-монологическом типе повествования. Тематами его во многом автобиографической прозы и драматургии были сложные, часто болезненные отношения между людьми, кризисные состояния личности — все, с чем он сталкивался в собственной жизни. Основное пространство книг Слободы — родное село, с его константами и неизбежной трансформацией. Романы писателя, прежде всего — «Нарцисс» (1965), «Разум» (1982) и «Кровь» (1991), отражают важнейшие этапы жизни и душевных метаний автора и его героя: раннюю молодость с ее вхождением в чуждую социальную среду и первыми эротическими опытами; зрелость с семейными проблемами и неудачами, психологическим кризисом; близящуюся старость с угасанием чувств и желаний, с внутренней пустотой. Универсальное звучание «частных» высказываний о экзистенциальных проблемах человека, художественная убедитель-

ность, оригинальность и узнаваемость стилистики — все это делает произведения Рудольфа Слободы частью золотого фонда современной словацкой литературы.

Ключевые слова

Словацкая литература, роман, автобиографизм, герой-повествователь.

Рудольф Слобода — один из ярких и самобытных писателей, принадлежавший к поколению словацких «шестидесятников». Он родился и большую часть жизни прожил в селе Девинска Нова Вес близ Братиславы с преимущественно хорватским населением.

Хорваты пришли на территорию современной Словакии в середине XVI в. Сейчас они относительно компактно проживают в пригородах, ставших частью столицы Братиславы (Девинска Нова Вес, Чуново, Яровце) и в селе Хорватский Гроб. Культурным центром является Девинска Нова Вес, где работает Музей культуры хорватов в Словакии.

Друг и земляк Слободы, писатель Душан Тарагел отмечал: «Девинска Нова Вес богата на литературные таланты, но только у одного из писателей есть здесь собственная площадь с памятником, и это Рудольф Слобода. Самобытная личность, для местных жителей он был чудачком, а для словацких читателей — одним из крупнейших словацких писателей». О хорватских корнях семьи, вспоминая отца, говорила дочь Слободы, Эва: «В период, когда отец писал “Разум”, здесь было меньше жителей, почти все друг друга знали, и многих связывали семейные узы. На памятниках местного кладбища часто повторяются фамилии наших предков, имена старых родов, живших здесь с 1541 г., когда они прибыли сюда из Истрии. В годы, описанные в романе, большинство людей в Девинской Новой Веси имели хорватские корни, многие говорили по-хорватски, но сейчас уже все перемешалось»¹.

Сам Слобода упоминает об этом, хоть и вскользь, в некоторых своих произведениях. В дебютной книге «Нарцисс» (1965) он так описывает родные места: «Деревня лежит на северном склоне девинского холма Кобылы, ее историческая часть зовется Словинец. Здесь говорят на хорватском екавском наречии <...>, разные части деревни называют-

¹ *Jaslovský M.* Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu // SME Kultúra. 07.08.2010. URL: <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

ся Равница, Ковачички, Грба...»², а герой напевает на ходу хорватскую песню на языке своего детства. В романе «Разум» (1982) автор называет район, где жили его герои, «по-хорватски, Gmájna»³. Такого же рода вкрапления есть и в романе «Кровь», и в других текстах Слободы.

Свои произведения он создавал на протяжении почти сорока лет, сохраняя при этом почти неизменными главные творческие принципы — оригинальное «эгоцентричное» видение действительности, исповедально-монологическую манеру повествования, характер центрального героя — рефлексирующего интеллектуала, пытающегося преодолеть свои комплексы. Материалом для его прозы и драматургии неизменно были сложные, часто болезненные отношения между людьми, семейные драмы — все, с чем он непосредственно сталкивался в собственной жизни. А пространство, в котором он располагал своих героев, — это все то же родное село Девинска Нова Вес.

Слобода — автор более двух десятков книг, в числе которых 12 романов («Нарцисс», 1965; «Бритва», 1967; «Серые розы», 1969; «Романетто Дон Жуан», 1971; «Музыка», 1977; «Верность», 1979; «Другой человек», 1981; «Разум», 1982; «Уршуля», 1987; «Рубато», 1990; «Кровь», 1991; «Осень», 1994), 6 сборников рассказов («Редкий случай», 1968; «Глубокий мир», 1976; «Дни радости», 1982; «Потерянный рай», 1983; «Мужской кутеж», 1986; «Бегство из родного села», 1992), стихотворный сборник («Вечерний вопрос птице», 1977), ряд эссе. Обращался Р. Слобода и к драматургии; правда, из нескольких написанных им киносценариев было экранизировано лишь два («Милосердное время», 1975, и «Супружество Карлы», 1988), но пьесы о женских характерах и судьбах «Армагеддон на Грбе» (1993) и «Мачеха» (1995), поставленные в братиславском театре «Асторка Корзо '90», пользовались заслуженным зрительским успехом.

Первая книга Рудольфа Слободы выделялась даже на фоне оригинальных дебютных произведений молодых словацких прозаиков «Поколения 60-х», в числе которых были Ян Йоганидес, Винцент Шикила, Петер Ярош, Павел Виликовский и др. Если другие начинающие писатели отдавали предпочтение малым формам, то книжным дебютом Слободы стал роман. Этот жанр позволил автору показать свои задатки тонкого психолога и беспощадного к своему герою наблюдателя его умственных и душевных метаний. Центральный персонаж, Урбан Хромы, — молодой интеллигент, который пытается сам выстроить свою судьбу, упорно сопротивляясь общему течению. Урбан — своего

2 *Sloboda R. Narcis. Bratislava, 1965. S. 48.*

3 *Sloboda R. Rozum. Bratislava, 1982. S. 156.*

рода лирический герой, первый в ряду близких к автобиографическим персонажей, продолживший под другими именами и в других обстоятельствах свое существование в дальнейшем творчестве Слободы. Создавая индивидуальный и, вместе с тем, обобщенный образ, автор наделил его и фактами собственной биографии, и своими внутренними душевными качествами: склонностью к самоанализу, философствованию, раздвоенностью духовного и телесного, депрессивностью. Герой также нередко погружен в раздумья о бессмысленности существования и о самоубийстве как осознанном выборе.

В романе «Нарцисс», как и в целом в творчестве Слободы, фабула имеет второстепенное значение. Действие сводится к простым, обыденным событиям в жизни героя, которые можно изложить весьма кратко. Главное же содержание произведения составляет фиксация мыслей героя, потока его сознания, его снов, видений, споров с самим собой, экзистенциальных переживаний.

При этом автор в разной степени отстраняется от своего героя: повествование ведется то от 3-го лица («Урбан подумал...»), то от 2-го лица («Ты подумал...»), то от 1-го лица («Я подумал...»). Наряду с главами, полностью посвященными философским размышлениям героя, его нравственным исканиям и видениям, мыслям о морали и грехе, в повести есть и квазифабульные части описательного характера, где излагаются, например, подробности производственного процесса на участках, где трудится Урбан в качестве временного разнорабочего, описывается быт заводских общежитий и промышленный пейзаж города. Здесь представлены и типы «настоящих» (в отличие от Урбана) рабочих, их своеобразные касты и категории престижности: «Жвак не знал устали, сам был сильный и считал, что каждый должен быть таким же. Руки у него были одна сплошная мозоль. Для него было важно, что работа его в сварочном цеху — самая тяжелая из всех»⁴.

Роман «Нарцисс» имеет четкую композицию: он состоит из цельных по структуре глав с названиями, метафорически выражающими их содержание.

В первой главе («Жаркий августовский день воспоминаний») повествователь представляет «нашего героя», недоучившегося студента-философа, в начале его пути к новой, трудовой жизни, которая, как он надеялся, обретет для него смысл и избавит от пустого прозябания, учебной дисциплины и необходимости «занимать какую-то позицию»⁵.

4 *Sloboda R. Narcis*. Bratislava, 1965. S. 77.

5 *Ibid.* S. 206.

В главе «Попытка смерти души» лицо повествования сменяется на 2-е, авторская интонация становится более доверительной, а речь передает не столько действия, сколько сознание героя, часто переходя в его развернутую несобственно-прямую речь: «Ты ясно видишь перед собой круг людей, которым мог бы обо всем поведать, и в то же время сознаешь, что люди эти тебе не нравятся, тебя угнетает мелочность их интересов»⁶; «Ты задумался над обещаниями, которые сам себе дал. Они показались тебе излишне пафосными и пустыми, на деле ты ни к чему не стремился, все тебя устраивало. Но тут же мелькнула мысль — а не пойти ли другим путем? И ты решил подать заявление на теологический факультет»⁷. В этом потоке сознания героя нагнетается ощущение его неудовлетворенности и одиночества, подавленности от любовных неудач, неуверенности в собственных устремлениях и идеалах.

Потребность уединения горожанин Урбан реализует в «бегстве на природу», где он находит забвение и душевный покой: «Ты заглашал дурные мысли, блуждая по лесам»⁸; «После смены я уходил спать в лесные овраги»⁹. Природа порой говорит с ним, питает его силы: «Хвойный шелест леса советовал мне: сядь и поспи, не уходи, отдохни, не мучайся, спи, ведь мой шум — для тебя»¹⁰.

Переживаемый нравственный кризис, физическая и душевная усталость вызывают у Урбана чувство отращения к окружающим, недовольства вновь возникающей, навязанной извне шаблонностью своей жизни: «Мне отвратительна эта дисциплина, массовые выходы на работу, автоматические приветствия, пуск станков — все эти надоевшие стереотипы будней»¹¹. Урбан, индивидуалист по натуре, не находит себе места в обществе, оно, как ему представляется, чуждо и даже враждебно ему: «Я не чувствую себя членом общества, но постоянно ощущаю на себе его пристальный взгляд»¹². В нем снова назревает бунт, и в последней главе «Возвращение» повествователь намечает разные варианты его возможного выхода из тупика.

В финале герой приходит к решению вернуться домой, в пригород Братиславы, и жалеет о потерянном времени: «Урбану жаль, что он не

6 Ibid. S. 134.

7 Ibid. S. 145.

8 Ibid. S. 150.

9 Ibid. S. 191.

10 Ibid. S. 242.

11 Ibid. S. 206.

12 Ibid. S. 207.

жил, как живут другие в его возрасте, от многого отстал, никогда не летал на самолете, не был на море, за границей, что он утратил лучшие воспоминания, отвагу, готовность к риску»¹³. Опору он находит в родном доме, в памяти о предках: «В нем растет что-то светлое: это сознание, что он похож на своего деда, о котором ему когда-то рассказывали. Наверно, это нормально — задумываться о предках, о крови?»¹⁴. Единственным и естественным выходом для него становится возвращение к корням, на свою землю, пусть и с осознанием того, что «годы, прожитые вне дома, были потеряны им понапрасну»¹⁵.

В книгах Р. Слободы, написанных в зрелый период его творчества, прежде всего — в наиболее аутентично передающих его внутренний мир романах «Разум» и «Кровь», вновь встают прежние и возникают новые темы, новые драматические «ситуации инициации»¹⁶ и проблемы, с которыми сталкивается повзрослевший герой, остающийся, по сути, тем же alter ego автора.

В творчестве Слободы бесспорную роль имеет автобиографизм как художественная основа его произведений. Это качество можно рассматривать в двух аспектах: с одной стороны, писатель воспроизводит опыт собственной биографии, своего происхождения и окружения, жизненные реалии, «не боится быть искренним и аутентичным»¹⁷. С другой стороны, он перерабатывает опыт своих внутренних переживаний, саморефлексии, размышлений о важных для него событиях в прошлом и настоящем, возвращается на новом уровне к прежним, повторяющимся мыслям и мотивам. В эссе «Совершенный роман» он говорит о герое произведения как о своем внутреннем собеседнике: «Автор ищет главного героя, с которым будет его “я”, авторский субъект, вести тот самый скрытый диалог, который я считаю признаком настоящего романа»¹⁸; «Диалог автора со своими героями — это и диалог с предыдущими романами, и диалог со своим вторым “я”, это отражение авторского роста, его реакций на импульсы общества»¹⁹.

13 Ibid. S. 296.

14 Ibid. S. 295.

15 Ibid. S. 296.

16 *Prušková Z.* Rudolf Sloboda. Bratislava, 2001. S. 30.

17 *Kopcsay M.* Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný // Literárne noviny. 19.04.2018. URL: <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/> (дата обращения: 10.08.2021).

18 *Sloboda R.* Listy a eseje. Bratislava, 2004. S. 21.

19 Ibid. S. 28.

А в другом месте настаивает на своей фактической тождественности с героем романа «Разум»: «Я был бы гениальным автором, если бы смог подняться над чужой семьей и всего лишь фиксировать происходящее. Но этот герой — я сам»²⁰.

Еще в процессе создания романа «Разум» Р. Слобода сравнивал его по значимости и трудности написания с «Нарциссом»: «Думаю, что такую же славу, как “Нарцисс”, будет иметь и “Разум”. Не потому, что материалом для обоих стала сама жизнь <...>, а потому, что материал этот — тяжелый, сопротивляющийся изображению и отражению»²¹. По свидетельству Д. Тарагела, «Слобода перестал делать записи в своем дневнике и вместо этого начал писать роман о своей жизни»²².

Место действия в романе — родина Слободы, Девинска Нова Вес, ставшая ко времени действия, рубежу 1970–1980-х гг., частью Братиславы с типовыми новостройками и массой чужаков-новоселов. В первой же фразе герой говорит о глубокой привязанности к земле детства: «Когда заходит солнце и дует ветер <...>, где бы я ни был, я вспоминаю свое родное село. <...> Первая звезда вызывала у людей метафизические настроения. <...> За холмом, Кобылой — там я живу»²³. Однако тон дальнейшему повествованию задает картина унылой осенней погоды и мрачное настроение героя, возвращающегося из больницы, «где было так уютно, тепло и хорошо», через город, «сырой, холодный, полный злых, празднующихся людей»²⁴, в свою холодную хибарку на краю «растянувшегося в разные стороны грязного поселка»²⁵.

Повествование в романе ведется от первого лица; автор говорит как бы «от себя» и «о себе», с автобиографическими подробностями, приводя имена и описывая обстоятельства своей жизни. Герой-повествователь рассказывает о сложных отношениях в семье, ссорах с психически больной женой, с матерью-алкоголичкой и с дочерью-подростком, вспоминает о недавно умершем отце и о его жизни, признается в своих слабостях и промахах, в приступах ненависти к окружающим. Он сталкивается с неизбежными трудностями интел-

20 Ibid. S. 88.

21 Průšková Z. Rudolf Sloboda. Bratislava, 2001. S. 119.

22 Taragel D. Ako vzniká hit // SME Kultúra. 01.03.2012. URL: <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

23 Sloboda R. Rozum. Bratislava, 1982. S. 7.

24 Ibid. S. 7.

25 Ibid. S. 8.

лектуала-интроверта, усугубившимися в «среднем возрасте», который пришелся к тому же на застойные годы «нормализации». Его не удовлетворяет шаблонная работа в учреждении культуры, где приходится сочинять типовые киносценарии, ранит отчуждение и равнодушие коллег-сослуживцев, неудачей заканчиваются его эротические увлечения, столкнувшись с пресловутым «разумом» героя, а по сути — его чувством долга по отношению к семье, неуверенностью в себе и обостренной самоиронией.

Подробно описываются его серые будни, мелкие дела по хозяйству, воспроизводятся пустые бессодержательные диалоги: «Дочь показала мне <...> Мать заметила, что я <...> Я сказал ей, что она <...> Дочь упрекнула меня в том, что <...> Я допустил, что <...> Мать спросила меня...»²⁶ и проч. Сюжет развивается неспешно, события фиксируются день за днем, шаг за шагом. Черета монотонных описаний и реплик прерывается, лишь когда герой погружается в свои раздумья, и повествование принимает форму внутреннего монолога.

Внешние события становятся фоном и побудителем развернутых рефлексий героя-повествователя, главное содержание которых — тоска по отцу и чувство вины перед ним, смысл собственной жизни и невозможность изменить ее и, как следствие, навязчивые мысли о самоубийстве. Герой чувствует себя неприкаянным и ненужным, формальная работа «на заказ» его угнетает: «Что я могу дать обществу? Все, что я делаю — это фальшивые, лукавые советы о том, как следует жить, все это ложь, начисто лишенная любви. Я — лишний человек»²⁷. С сарказмом он говорит и о ложных позитивных идеалах, навязываемых обществу, защищая тем самым свое право на пессимизм: «В журнальных статьях преобладает так называемый оптимизм. Без всякой оглядки на человеческую душу, которая может испытывать порой печаль или ностальгию, там призывают сохранять какую-то вечную вымученную улыбку, веселье и бодрость духа»²⁸.

В то же время герой-повествователь на протяжении всего романа обдумывает текст очередного киносценария — сатирической комедии «Дон Жуан из Жабокреков»²⁹. Изначальная схема (увлечение стареющего ловеласа юной девушкой и конфузная развязка после ряда

26 Ibid. S. 81–82.

27 Ibid. S. 243.

28 Ibid. S. 62.

29 В библиографии произведений Р. Слободы указан киносценарий с тем же названием, написанный им в 1982 г.

комических положений) постоянно меняется, сценарий постепенно вбирает в себя собственные впечатления автора: знакомство с безымянной «милой девушкой» во время лечения в санатории, общение с приятелем Яном Годжей и его роковой красавицей-женой Уршулей. Но авантюрно-любовная линия становится все более нелепой, и разочарованный автор пытается нащупать истинный характер центрального персонажа, исходя из собственного мироощущения: «Мы ведь так и не представили нашего героя? Нужно же знать, кто он и что он. И к тому же в фильме должны быть женщины, соблазнение, любовь?! Но почему любовь? Сделаю фильм о ненависти, о человеке, который всех ненавидит»³⁰.

С середины повествования в размеренный ход романа вмешивается драматическая сюжетная линия внешне благополучной семьи Яна и Уршули: жена в порыве ревности убивает мужа и пытается скрыть это, имитируя его поиски. В сюжете романа переплетаются, таким образом, три линии: это повседневная реальность автобиографического героя-повествователя и две вымышленные — романских персонажей Яна Годжи и Уршули и киносценария о словацком Дон Жуане с постоянно меняющимся содержанием.

Работа без творческого вдохновения, бытовые и семейные трудности, внутреннее одиночество — все это выматывает героя, усугубляя его и без того депрессивное состояние. Он все чаще задумывается о самоубийстве, приводя при этом доводы и эмоциональные, и рациональные, идущие от его «разума», иногда споря с самим собой: «Я боюсь думать о будущем. Человечеству я уже ничем не помогу, пора уже сдать. Зачем жить только по обязанности? Но вешаться не буду, дочери было бы за меня стыдно»³¹; «Кому я еще нужен? Отсутствие друзей, бесед, откровенности — все это невыносимо. Наверно, действительно пора повеситься <...> Этот страшный холод, которым веет на меня от всех них, заставляет думать о самоубийстве»³²; «Самоубийство нельзя объяснить страхом перед будущим или болью, это попытка избавиться от невыносимого сознания пустоты»³³. Герой-рассказчик, как и его автор, не предпринимает в этот раз попытки свести счеты с жизнью, но в финале говорит об этом как о свершившемся факте: «Мое

30 *Sloboda R. Rozum*. Bratislava, 1982. S. 93.

31 *Ibid.* S. 231.

32 *Ibid.* S. 247.

33 *Ibid.* S. 260.

состояние — это не скепсис, не злость, не отчаяние. Это просто смерть. Я — мертвая душа, хуже всех преступников мира <...> Я — мертвый человек»³⁴.

Роман «Кровь» (1991) — третий из ряда произведений Р. Слободы с ярко выраженной автобиографической основой. Это роман-исповедь, пронизанный самоиронией и рефлексией по поводу самых ярких впечатлений, а главное — разного рода травм, полученных автором и, соответственно, его героем на протяжении всей жизни. Композиция построена на чередовании небольших глав с названиями, которые задают тему последующим размышлениям центрального персонажа, идентичного автору, но отстраненно представляемого повествователем от 3-го лица как «хозяин» (или «подросток», если идет речь о юности «хозяина»). Слобода и здесь постоянно возвращается к фактам собственной биографии как к наглядным примерам, иллюстрирующим его рассуждения; в разном контексте он вспоминает впечатления сельского детства, разлад в родительской семье, учебу в гимназии и уход из университета, службу в армии, опыт тяжелого физического труда в чуждой для него социальной среде, высказывает свое отношение к политическим событиям, происходившим на его глазах. Нить, которая соединяет эти эпизоды, — сегодняшняя повседневная жизнь хозяина, хроника его быта, повседневных дел по хозяйству, сопровождаемая его часто ироническими размышлениями на моральные, социальные, политические темы современности. И если эпизоды воспоминаний представлены в тексте вне хронологической последовательности, то канва актуального времени повествования ориентирована на смену времен года, чередование астрономических фаз солнцестояний и равноденствий, сезонных работ хозяина в саду и проч.

В нескольких главах повествователь касается темы детства и детских травм, связанных с тяжелым характером отца, уходом из семьи матери и ее последующими замужествами (повторяющийся мотив произведений Слободы): «До самых зрелых лет хозяин не мог простить всего этого своим родителям»³⁵. Учеба же давалась ему легко, он увлекся русской литературой: «Его хвалили, поскольку подросток был начитанным, и подвижное ударение в русском языке для него, хорвата, не представляло трудности»³⁶.

34 Ibid. S. 261.

35 *Sloboda R.* Krv. Bratislava, 1991. S. 8.

36 Ibid. S. 10.

Травмой ранней молодости стали для него несколько лет работы на шахтах и заводах Моравии, куда он отправился, уйдя из университета (этот период описан в романе «Нарцисс»). Иллюзиям о самоутверждении среди простого народа не суждено было сбыться: «То, что он там пережил, до сегодняшнего дня остается одним из его страшных кошмаров. С одной стороны, тяжелая работа, а с другой — весь тот сброд, который наехал в Оставу из всей республики. <...> Душа студента съежилась, истончилась, свернулась в абсолютную точку»³⁷.

В главе «Осведомитель» идет речь о травмировавшем автобиографического героя события уже зрелых лет, когда в разгар политической «нормализации» его пытались привлечь к сотрудничеству с госбезопасностью, поручив следить за настроениями коллег-литераторов. После «собеседования» ему пришлось подписать обязательство о неразглашении: «Это был не протокол о поступлении на службу в органы, а только документ о том, что допрашиваемый не будет о состоявшемся разговоре никому сообщать <...>, но, выйдя на улицу, он понял, что стал доносчиком»³⁸. Эта тема продолжается и в следующей главе, приобретая характер глубокой психической травмы: «С той минуты, когда он был вынужден думать о том, что придется отчитываться перед гэбистами, он ни с кем не мог говорить по душам, никем не интересовался, чувствовал себя конченным предателем и даже не смел надеяться с кем-нибудь подружиться. <...> Поэтому хозяин был человеком убитым, и таковым чувствовал себя еще долгие годы <...> Он не был уверен, что даже Бог смог бы простить такое преступление»³⁹.

Поиски веры, размышления о Боге и грехе — один из главных мотивов книги, к нему повествователь возвращается в нескольких главах. Ощущение своего быстрого старения он связывает с безуспешностью этих поисков: «Его измучило упорное искание невидимого Бога, затерянного среди текстов <...> Хозяин хотел прийти к Богу сам, без церкви и клириков, то есть без всего материального»⁴⁰. Воспитанный с детства в католицизме, герой в юности «стал леваком и марксистом»⁴¹, не видя в этом большой разницы: «Переход от католика к марксисту — совсем безболезненный. Это одна и та же

37 Ibid. S. 22–23.

38 Ibid. S. 53.

39 Ibid. S. 61.

40 Ibid. S. 16.

41 Ibid. S. 20.

ментальность»⁴². К концу жизни он обрел внутреннего Бога, допуская, что «все представления о Боге — людские, антропоморфные, однако <...> его антропоморфизация не обязательно должна отдалять нас от правды»⁴³.

Говоря о своих близких, герой признается, что в самые тяжелые времена только подрастающая дочь «была тем ангелом, который поддерживал в нем жизнь, она была для него Богом и смыслом жизни»⁴⁴. И хотя семья «каждодневно приносила ему столько забот и непреодолимых трудностей»⁴⁵, самым тяжелым грехом он считал для себя уход от психически больной жены: «Если бы хозяин оставил ее, он не имел бы права молиться и просить Бога о помощи»⁴⁶.

О самоубийстве, напротив, Слобода не говорил как о грехе, рассматривая его на протяжении всей жизни (что отразилось во многих произведениях) как выбор свободной личности, оказавшейся в безвыходном положении. Мотив самоубийства представлен и в книге «Кровь», причем с разных углов зрения. В прологе — это ирония над минутной человеческой слабостью: «Еще ночью он хотел расстаться с жизнью путем самоубийства, но достаточно было удалить один несчастный зуб, и жизнь снова показалась ему лучше, чем небытие». Черный юмор звучит далее, когда хозяин выбирает для себя способ умереть: «Он продолжает фантазировать о падении с высоты, или об утоплении, или о казни. Например, он хотел бы быть расстрелянным, как солдат»⁴⁷. Однако настоящие причины его ожесточенности и тяги к смерти коренятся глубоко в психике: «Злость зародилась в нем годам к сорока, и дело было не только в алкоголе или во вступлении советских войск в шестьдесят восьмом, это была невыносимая, постоянная, назойливая мысль о том, что лучше всего было бы повеситься»⁴⁸. Но когда после первой попытки самоубийства (а их было у Слободы несколько) «врачи спрашивали у хозяина о его мотивах, он не мог ответить. Одним из псевдомотивов, которые он все-таки назвал, был страх перед старостью»⁴⁹.

42 Ibid. S. 20.

43 Ibid. S. 277.

44 Ibid. S. 13.

45 Ibid. S. 33.

46 Ibid. S. 86.

47 Ibid. S. 3.

48 Ibid. S. 13.

49 Ibid. S. 207.

В конце книги сам факт самоубийства автобиографического героя, разумеется, не показан. Он просто исчезает: «Однажды хозяин притворился мертвым. Упал на землю и так лежал. <...> Потом он отполз в конец сада и исчез навсегда. <...> Самоубийство — это одна из таких театральных сценок»⁵⁰.

Последняя главка обрывает бесконечное повествование, переходящее от одной темы к другой и от одного периода времени к другому. В рассказ вмещивается голос автора, который говорит о неполноте текста записок хозяина, ограниченных рамками жанра, «называемого в Европе романом»⁵¹. Завершается книга утверждением, словно перефразирующим слова Достоевского о борьбе Дьявола с Богом, где поле битвы — сердце человека: «Сатане не остается ничего другого, как сражаться против Бога. И утешает его только одно: это сражение будет вечным»⁵².

Три представленных романа в наибольшей степени отражают этапы жизни и душевных метаний автора-повествователя — ранняя молодость с ее вхождением в чуждую социальную среду и первыми эротическими опытами; зрелость с семейными проблемами и неудачами, психологическим кризисом; «старость» или ее ощущение в 57 лет, когда герой говорит об угасании чувств и желаний, о пустоте жизни. Их финалы — это характерная, повторяющаяся констатация поражения героя — автобиографического, второго «я» автора.

Универсальное звучание, казалось бы, частных высказываний о экзистенциальных проблемах человека, когда «общечеловеческие, метафизические проблемы раскрываются на фоне микрокосма маленького села»⁵³, психологическая убедительность, оригинальность и узнаваемость стилистики — все это делает произведения Рудольфа Слободы до сих пор востребованными у читателя; они стали частью золотого фонда современной словацкой литературы.

50 Ibid. S. 343.

51 Ibid. S. 343.

52 Ibid. S. 343.

53 *Michalik P.* O slobode a ideológii // Knižná revue. 2009/26. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii> (дата обращения: 10.08.2021).

Источники и литература

Jaslovský M. Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu // SME Kultúra. 07.08.2010. URL: <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Kopcsay M. Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný // Literárne noviny. 19.04.2018. URL: <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/> (дата обращения: 10.08.2021).

Michalík P. O slobode a ideológii // Knižná revue. 2009/26. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii> (дата обращения: 10.08.2021).

Prušková Z. Rudolf Sloboda. Bratislava: Kalligram, 2001. 128 s.

Sloboda R. Narcis. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1965. 300 s.

Sloboda R. Rozum. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 264 s.

Sloboda R. Krv. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991. 344 s.

Sloboda R. Listy a eseje. Bratislava: Kalligram, 2004. 172 s.

Taragel D. Ako vzniká hit // SME Kultúra. 01.03.2012. URL: <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

References

Jaslovský, M. “Devinská Nová Ves Rudolfa Slobodu.” *SME Kultúra*, 07 Aug. 2010, <https://kultura.sme.sk/c/5496309/devinska-nova-ves-rudolfa-slobodu.html>. Accessed 10 August 2021.

Kopcsay, M. “Rudolf Sloboda sa nebál byť úprimný.” *Literárne noviny*, 19 Apr. 2018, <https://literarnenoviny.sk/clanky/rudolf-sloboda-sa-nebal-byt-uprimny/>. Accessed 10 August 2021.

Michalík, P. “O slobode a ideológii.” *Knižná revue*, no. 26, 2009, <https://www.litcentrum.sk/recenzia/krv-rudolf-sloboda-o-slobode-ideologii>. Accessed 10 August 2021.

Prušková, Z. *Rudolf Sloboda*. Bratislava: Kalligram, 2001, 128 p.

Sloboda, R. *Narcis*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1965, 300 p.

Sloboda, R. *Rozum*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982, 264 p.

Sloboda, R. *Krv*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991, 344 p.

Sloboda, R. *Listy a eseje*. Bratislava: Kalligram, 2004, 172 p.

Taragel, D. “Ako vzniká hit.” *SME Kultúra*, 01 March 2012, <https://kultura.sme.sk/c/6277641/ako-vznika-hit-rozum-rudolfa-slobodu.html>. Accessed 10 August 2021.

**The Slovak “Narcissus” with Croatian roots.
Rudolf Sloboda, a writer**

Lyudmila F. Shirokova

Candidate of Letters

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. The Slovak “Narcissus” with Croatian roots. Rudolf Sloboda, a writer // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 260–274 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.01

Received: 28.08.2021.

Abstract

Rudolf Sloboda is one of the brightest and most distinctive writers of the generation of the Slovak “sixties”. He was born and lived most of his life in the village of Devinska Nova Ves near Bratislava with a predominantly Croatian population. Sloboda is the author of dozens of works, including novels, stories, short stories, essays, poems, plays, film scripts. In his work, he was based on the original “egocentric” vision of reality and the confessional-monologue type of narration. The themes of his largely autobiographical prose and drama were complex, often painful relationships between people, crisis states of the personality — everything he faced in his own life. The main space of Sloboda’s books is his native village, with its constants and inevitable transformation. The novels of the writer, first of all — “The Narcissus” (1965), “The Reason” (1982) and “The Blood” (1991), reflect the most important stages in the life and mental wavering of the author and his hero: the early youth marked by entering into an unknown social environment and his first erotic experiences; the maturity with family problems and setbacks, psychological crisis; approaching the old age with the extinction of feelings and desires, that lead to inner emptiness. The universal sound of “private” statements about the existential problems of a person, the artistic persuasiveness, originality and recognizability of his style — all this makes the works of Rudolf Sloboda a part of the Gold Reserve of the modern Slovak literature.

Keywords

Slovak literature, novel, autobiography, hero-narrator.

**«Не нанесенные на карты человеческие страдания».
Проза Иоанны Батор о Валбжихе в контексте польской
постпереселенческой литературы 1990–2010-х гг.**

Адельгейм Ирина Евгеньевна
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: adelgejm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. «Не нанесенные на карты человеческие страдания». Проза Иоанны Батор о Валбжихе в контексте польской постпереселенческой литературы 1990–2010-х гг. // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 275–295. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.02

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Статья посвящена изображению Валбжиха в прозе современной польской писательницы Иоанны Батор (р. 1968), относящейся к поколению детей переселенцев на Возвращенные территории. Движимые потребностью с перспективы постпамяти заново укорениться в пространстве детства, они обратились к судьбам предков — как собственных, так и бывших жителей этих территорий, — значительно обогатив и расширив польскую литературную географию. Историческая травма, терапии которой служит творчество этих писателей, — отложенная травма миграции, опыт детей тех, кто строил свой дом на руинах своей и чужой жизни, опыт детей, повседневное пространство жизни которых постоянно обнаруживало следы изгнанного Другого, переживание Второй мировой войны не в реальности, а в виде разрушительных для психики и идентичности последствий. По разным причинам подлинное художественное осмысление и реализация аутопсихотерапевтического потенциала уникального пространства Возвращенных территорий оказалось возможно лишь после 1989 г. Проза И. Батор относится ко второй фазе этого процесса, когда перспектива своего рода ностальгического археолога, бережно отыскивающего, прочитывающего и воспе-

вающего следы прошлого — немецкого и польского, сменяется перспективой жесткой, лишенной идеализации рефлексии над удвоением в пространстве Возвращенных территорий исторической травмы.

Ключевые слова: *Иоанна Батор, Валбжих, польская постпереселенческая проза, Возвращенные территории, миграция, историческая травма, аутопсихотерапевтические функции художественного текста.*

Валбжих — бывший немецкий город Вальденбург, расположенный на так называемых Возвращенных территориях, отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций, а также переговоров с СССР 1945–1956 гг. В послевоенные годы эти земли были заселены несколькими этносоциальными группами, которые отличались друг от друга не только обстоятельствами миграции (переселение добровольное или насильственное), но и вероисповеданием, ментальностью, бытовой культурой, стереотипами, предубеждениями, наконец, пережитым во время войны¹ и пр.

¹ Всего около 4,5 млн человек: «репатриантов» (а точнее — «экспатриантов») с окончательно утраченных Польшей Восточных Кресов, добровольных переселенцев из Центральной Польши и Великопольши (в том числе тех, кто был ранее выселен властями Третьего рейха с западных и северных окраин Польши на территорию Генерал-губернаторства), репатриировавшихся из СССР польских евреев, которым удалось найти там спасение во время войны, репатриантов из Франции, Германии, Румынии, Югославии, украинцев и лемков, выселенных из юго-восточных районов Польши в рамках операции «Висла» (1947), участников гражданской войны в Греции и др. Кроме того, хотя неофициально немецкое население начали выселять еще до Потсдамской конференции, а за 1945–1949 гг. было выселено более 3,5 млн человек, это происходило постепенно (немцы, особенно специалисты, использовались в качестве рабочей силы, что являлось также воплощением идеи «наказания» гражданского населения за преступления гитлеровской Германии; сами немцы, надеясь на изменение границы, в тех случаях, когда имелся выбор, порой медлили с отъездом, несмотря на санкции, отмененные только в 1950 г., и отсутствие гражданства ПНР, которое они смогли получить только в 1951 г.), а следовательно, были распространены ситуации вынужденного сосуществования, зачастую в одном доме.

В силу ряда причин предметом глубокой художественной рефлексии эта уникальная территория — пространство по сути заново формирующейся идентичности — стала лишь спустя полстолетия.

В литературе социалистической Польши к ней обращались Ю. Хен, Э. Бальцежан, Я. Бжоза, Г. Ворцель, А. Браун, Е. Пытляковский, Х. Пана, А. Ковальская, Л. Голинский, В. Грабский, Э. Паукшта, Р. Цабай, Л. Пророк, Е. Галушка, К. Олексик, З. Тшишка, К. Суходольская, Д. Сидорский, И. Довгелевичова, В. Шевчик, С. Сроковский, В. Жукровский, однако поскольку речь шла об одном из важнейших элементов государственной политики, тема находилась под строгим идеологическим контролем. Одной из главных стратегий власти в первые послевоенные годы стало строительство этнически гомогенного государства: согласно этой политике, Возвращенные территории осваивались не как область исторического сосуществования и взаимопроникновения культур и народов, а как часть новой мононациональной Польши. Все это — наряду с другими политическими и идеологическими мотивами — оказалось причиной того, что на протяжении десятилетий оставалась вопросом в значительной степени табуированным эта двойная трагедия изгнания и искоренения, сфокусированная в пространстве Возвращенных территорий и воплощенная в строке немецкого силезского поэта Хорста Бинека: «...а потом пришли нас выгонять те, кого тоже выгнали, из Львова»². За редкими исключениями проза, освещавшая проблему послевоенной миграции, особенно в 1950–1970-е гг., представляла собой явление скорее социологическое и политическое, чем художественное, и сумела поэтому создать лишь одномерную физическую карту региона: «Изображение местностей, рек и гор, дорог и промышленных предприятий, важнейших достопримечательностей и мест культа оказывалось чаще всего уплощенным — лишённые исторического контекста, местной символики, легенд и бытового знания бывших жителей, они представляли не более чем буквально понимаемой материей или же подчинялись политической идее. Зачастую на панораму новой земли накладывалась идеологическая сетка, базировавшаяся на убежденности в вине немцев и историческом, а прежде всего — моральном праве поляков на западные территории»³. Художественный и аутопсихотерапевтический

2 *Bienek H.* Baracke Deutschland // Deutschland, Deutschland: 47 Schriftsteller aus der BRD und der DDR schreiben über ihr Land. Salzburg, Wien, 1979. S. 18.

3 *Browarny W.* Literacki pejzaż Śląska. Wrocław i Dolny Śląsk w polskiej prozie współczesnej (1946–2005) // Fikcja i wspólnota. Szkice o tożsamości w literaturze współczesnej. Wrocław, 2008. S. 153.

потенциал этого травмированного и травмирующего пространства оказался тогда практически нереализованным.

Еще одним фактором отсрочки художественного осмысления Возвращенных территорий стал психологический «крен» литературы в сторону *утраченного*, поскольку это пространство неразрывно связано с темой Восточных Кресов — пограничья географически, исторически, эмоционально «противоположного»: «Неутоленная тоска <...> привела к тому, что польская литература не получила достаточного художественного стимула для исследования жизни на новом пограничье, на земле пока лишь познаваемой, осваиваемой»⁴.

Миф Восточных Кресов — периферийного пространства, сыгравшего важнейшую роль в формировании национального дискурса, воплотившего идею польскости и одновременно поликультурности, — носит для польской ментальности знаковый характер. Топос Кресов — не просто определенная парадигма мышления о малой родине, опирающаяся в немалой степени на ее идеализацию. Это феномен наложения друг на друга родины идеологической и частной. В процессе насыщения метафорикой и символикой историческая и географическая область постепенно становилась носителем исторической памяти. Окончательно ностальгический миф Кресов — как психологический и художественный опыт вневременного укоренения в утраченном, создававший «общину памяти», служивший экологической нишей⁵ и позволявший обрести иллюзию гармонии в хаосе идеологизированной жизни, облегчить боль искоренения, — сформировался после полной утраты этих территорий, и категория ностальгии заслонила возможность полноценного осмысления нового пограничья.

Освобождение от советского доминирования неизбежно повлекло за собой необходимость заново осмыслить отношения с Другим, проблемы границы, исторической ответственности, исторической памяти: «Оказалось, что советский каблук служил одновременно и прикрытием, отсрочивавшим расплату. После освобождения от него вскрылись долги по отношению к Другому, отнюдь не аннулированные, более

4 *Bakula B.* Między wygnaniem a kolonizacją. O kilku odmianach polskiej powieści migracyjnej w XX wieku (na skromnym tle porównawczym) // *Narracje migracyjne w literaturze polskiej XX i XXI wieku.* Kraków, 2012. S. 166.

5 Неслучайно А. Загаевский и Ю. Корнхаузер в книге «Непредставленный мир» (1974) говорили в связи с литературой Кресов об эскапизме, отказе от участия в реальности.

того, обросшие за это время процентами»⁶. Постепенному проникновению дискурса постколониальной критики в рефлексию над феноменом Восточных Кресов⁷ способствовала и по сей день не законченная общественная дискуссия о Холокосте на территории Польши и соучастии поляков в уничтожении еврейских соседей. В этом контексте миф о поликультурности Восточных Кресов, идеализирующий польский исторический опыт взаимоотношений с Другим, служит своеобразным «алиби», «доказывая» отсутствие в истории Польши колонизаторских эпизодов и являясь очередным примером превращения символического пространства «в реальную сферу политики»⁸. Одновременно стали отмечаться неполиткорректность самого понятия «Кресы» («окраина») и необходимость отказаться от него в пользу термина «пограничье», поскольку первое однозначно акцентирует их *польскую* принадлежность, раздражая «восточных соседей Польши, о чувствах которых нельзя забывать»⁹. В этом контексте попытка объективного осмысления погра-

6 Zajas K. Kresy skreślone, czyli o polskiej wielokulturowości // Wielogłos. 2009. № 1–2. S. 110.

7 Beauvois D. Mit “kresów polskich”, czyli jak mu położyć kres // Polskie mity polityczne XIX i XX wieku. Wrocław, 1994. T. IX; Beauvois D. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, 2005; Bakula B. Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego // Teksty Drugie. 2006. № 6; Gosk H. Opowieści «skolonizowanego/kolonizatora». W kręgu studiów postzależnościowych nad literaturą polską XX i XXI wieku. Kraków, 2010; Gosk H. Kultura po przejściach, osoby z przeszłością. Polski dyskurs postzależnościowy. Konteksty i perspektywy badawcze. Kraków, 2011; Sowa J. Fantomowe ciało króla. Peryferyjne zmagania z nowoczesną formą. Kraków, 2011; Rybicka E. Ponowoczesny regionalizm i badania komparatystyczne // Rocznik Komparatystyczny. 2011. № 2. S. 141–161; Sowa J. Od folwarku na kresach Rzeczypospolitej do Jarmarku Europa. Polska dawna i dzisiejsza w kapitalistycznej gospodarce-świecie // Polska & Asia. Od Rzeczypospolitej szlacheckiej do Nangar Khel. Przewodnik interdyscyplinarny. Poznań, 2013; (P)o zaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL. Polski dyskurs postzależnościowy dawniej i dziś. Kraków, 2013; Historie, społeczeństwa, przestrzenie dialogu. Studia postzależnościowe w perspektywie porównawczej. Kraków, 2014; Gosk H. Wychodzenie z «cienia imperium». Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2015.

8 Mikołajczak M. Geografia wyobrażona w służbie powojennej polityki miejsca. Przypadek arkadii lubuskiej // Geografia wyobrażona regionu. Literackie figury przestrzeni. Kraków, 2014. S. 89.

9 Beauvois D. Mit “kresów polskich”, czyli jak mu położyć kres // Polskie mity polityczne XIX i XX wieku. Wrocław, 1994. T. IX. S. 94.

ничного пространства Возвращенных территорий оказывается жестом психологической компенсации исторических комплексов, связанных и с Холокостом, и с Восточными Кресами. Литература ощутила потребность в обогащении национальной идентичности, символическом восстановлении исторически и идеологически утраченной полиэтничности и полирелигиозности.

Обращение к пространству Возвращенных территорий стало также реакцией на утрату после 1989 г. критерием «польскости» как главного способа самоидентификации его бывлой значимости, определенности и самодостаточности. На фоне интенсивного процесса децентрализации культуры значительная часть прозаиков обратилась к осмыслению пространства «малой родины»¹⁰: художественное его освоение позволяло опереться не на национальную идею, а на семейную память и связь с регионом.

Э. Рыбicka отмечает, что 1990-е гг. для Европы в целом — период «локализации культуры», пристального интереса к бывшим перифериям и пограничьям с их сложным — многонациональным и поликультурным — прошлым, возрождения топоса «малой родины»¹¹. Однако в польской литературе к этому моменту уже существовала богатейшая традиция литературы «частной родины», опирающаяся на эстетическое осмысление Восточных Кресов — прежде всего послевоенная (в значительной части эмигрантская) автобиографическая и мифобиографическая проза Е. Стемповского, Ч. Милоша, Ст. Винценза, Вл. Одоевского, Ю. Лободовского, Ф. Чарнышевича, З. Хаупта, Ю. Стрыйковского, Т. Конвицкого, Л. Бучковского, А. Кусьневича, А. Стойовского и др., сформировавшая семантическую матрицу «малой родины». Именно она сделала возможным столь стремительное формирование в польской прозе 1990–2010-х гг. топоса Возвращенных территорий.

Наконец, важнейшую роль сыграл социолого-психологический фактор: на рубеже 1980–1990-х гг. в литературу пришли дети переселенцев, для которых полное укоренение в пространстве детства оказалось невозможным без рефлексии над судьбами предков — как собственных, так и бывших жителей этих территорий. Именно их детское сознание поражали «доставшиеся в наследство» немецкие надписи, детали немецкого быта, немецкая архитектура и пр. (что,

¹⁰ *Przybylski R. K. Polska małych ojczyzn // Przybylski R. K. Wszystko inne. Poznań, 1994.*

¹¹ *Rybicka E. Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich. Kraków, 2014. S. 477–482.*

кстати, является выразительным свидетельством того, что пропагандированная прапольскость этих земель не выдержала конфронтации с реальной повседневностью существования среди следов немецкого культурного наследия).

Таким образом, лишь *спустя столетия* Возвращенные территории стали предметом свободной художественной рефлексии. И, как предсказывал в середине 1990-х гг. Ч. Милош, — надолго остались значимой темой, будучи одним из важнейших сюжетов, связанных с «послевоенным исходом населения с востока на запад, породившим *не нанесенные на карты человеческие страдания* [курсив мой. — И. А.]»¹².

Романы Иоанны Батор, Бригиды Хельбиг, Зыты Орышин, Павла Хюлле рубежа 2000–2010-х гг. относятся ко второй волне прозы детей переселенцев. Это следующий этап обживания бывшего немецкого пространства: от обнаружения *следов* в 1990-е гг. к анализу *истоков*. Пытаясь проследить генезис и последствия собственной размытой идентичности, авторы-повествователи подробно исследуют уже не предметный мир, а людскую «ткань» пространства бывших немецких, ныне польских городов Штеттин / Щецин, Вальденбург / Валбжих, Зальцбрунн / Щавно-Здруй, Нойдам / Дембно, Альтвассер / Старый Здруй, Данциг / Гданьск и пр.

Иоанна Батор, уроженка Валбжиха, в дилогии «Пяскова Гура» (2009) и «Заоблачье» (2010), а также романе «Темно, почти ночь» (2012) описывает «смену населения» в отныне польском городе: «Под Валбжихом — уголь, а сверху песок и люди, нанесенные со всего света на место тех, кто был изгнан. В бывших немецких домах книги с готическим шрифтом идут на растопку, Шнайдера, который вовсе не напоминает портного, — в расход, Вассер после кипячения превращается в воду»; «Одни <...> в бывших немецких домах, которые заняли родители, переброшенные на территории возвращенные с территорий утраченных, другие выкопаны из мазовецких деревень и скатились в шахты Валбжиха, словно картофелины с пьяной телеги»¹³; «Нас объединяло то, что мы оба были не дома и пытались чем-то заменить то, что замене не подлежит, — подлинную жизнь»; «Они и сами не знали, что привело их сюда, поэтому решили, что не следует требовать ответа на этот вопрос от других»¹⁴.

12 *Miłosz Cz. Miejsca utracone // Miłosz Cz. Szukanie ojczyzny. Kraków, 1996. S. 211.*

13 *Bator J. Piaskowa Góra. Warszawa, 2009. S. 12, 31.*

14 *Bator J. Ciemno, prawie noc. Warszawa, 2012. S. 290, 510.*

История семей состоит из сдвигающихся границ («Мы не раз подходили к этой колючей проволоке — достаточно было сделать один шаг, и ты бы оказался в другой стране. Но и этот шаг делать не пришлось — другая страна сама его сделала»), переселений («Они больше никогда не увидят родной дом»; «Мы снова оказались на пути изгнания, ведущего, быть может, к смерти»; «...успокоился в холодной земле, вдали от родины»; «З. был далеко. Словно в какой-то первой жизни, на другой земле, которую поглотил океан»), которые раскалывают жизнь («Перемазанный в крови коня, он перебрался на другую сторону жизни»; «Мы не знали о капитуляции Гитлера, понятия не имели <...>, что через опустевший город прокатится вскоре новое зло»), прерывают национальные традиции. Предкам не раз приходится выбирать идентичность («<...> и я стал Альбертом Кукулкой, в третий и последний раз сменив идентичность») и утрачивать ее («Я не взял ничего, даже документов, поскольку указанная в них идентичность мне не принадлежала»; «Рассказ пана Альберта погрузил меня в сон, полный подозрений, что никто не является тем, за кого себя выдает <...> даже мое тело казалось мне чужим, подмененным»¹⁵).

На этом следующем этапе художественного освоения пространства Возвращенных территорий проза делает своего рода «шаг вглубь» — от поэтизации в 1990-е гг. мира детства детей переселенцев — к психологии и социологии опыта их родителей, бабушек и дедушек, а также их собственной травме, т. е. от эмпатической *археологии* и *топологии* к эмпатической *биографии*. В 2000–2010-е гг. бывшие немецкие вещи перестают быть завораживающим следующее поколение слоем палимпсеста и изображаются уже как предмет добычи и дележа. Именно сейчас проза обратилась к теме мародерства, достигшего на бывших немецких землях масштабов «золотой лихорадки» и ставшего в первые послевоенные годы важнейшим элементом повседневности: «Весь двор перед домом перекопали в поисках закопанного немцами. Причем каждый мысленно выкапывал свое. Серебряные столовые приборы, которые бабка из-под Самбора собиралась внучке подарить, но не успела и в саду закопала, чтобы уже никогда не выкопать. Вот если бы там закопанное тут выкопать — это было бы справедливо. <...> Как же они копали!»; «Так что люди сидели на корточках и копали в надежде, что в утешение за то, что им пришлось оставить или чего у них никогда не было, здесь выкопают что-то другое, докопаются до чего-то такого, что позволит им встать на ноги. Хоть пару злотых!

15 Ibid. S. 112, 59, 101, 127, 168, 104, 284, 510, 159, 160.

Копали по ночам при свечах и керосиновых лампах, копали с шахтерскими фонариками на лбу, и сосед вставал против соседа; иной раз и кровь лилась, если интересы копающих пересекались. Ясновидящих приводили с палочками и цыганок. <...> Раскопали весь двор дома Халины и Владека, подкопали фундаменты соседнего дома, вырвали полы в деревянных сарайчиках, перекопали одичавшие сады и подкопали асфальт, так что тот провалился. Самые неистовые копали так долго, что исчезали из виду. От них оставались только узкий коридор, из которого летели комья земли, да плачущие жены, а они в конце концов выныривали на другом конце планеты с пустыми руками и, жмурясь на солнце, вдвое превосходящем валбжихское солнце, удивленно глядели на австралийских кенгуру и утконосов»¹⁶). Батор описывает и ощущение свалившегося на счастливицкоз изобилия («...после дождя фарфоровые танцовщицы и пастушки сами высовывали бледные ручки, ножки из-под земли — мол, найдите нас. Хозяйки выходили с корзинкой и собирали их, словно молодые грибочки...»¹⁷), и чувство зависти и сожаления, неизбежно сопутствующее дележу («Другие целые дома отхватили, бабка рассказывала, и в этих домах все было как на тарелочке с голубой каемочкой — постели застелены, столы накрыты, кладовые полны, заходи да живи, такая удача, другим вот повезло, а ему одно дерьмо досталось»; «Так или иначе, опоздали они, не повезло <...>»¹⁸; «Халина бы предпочла, как и каждый в Валбжихе, занять бывший немецкий дом с садом <...>, где новым жильцам случалось выкапывать под кустами целые сервизы с надписью “Бавария”, фигуры святых, набитые монетами, столовые приборы и напольные часы, у которых еще даже завод не кончился...»; «Они добрались до Валбжиха слишком поздно, чтобы принять участие в дележе самого ценного имущества»¹⁹). Предметы не имеют собственного голоса (или — в редких случаях, как в романе Батор «Темно, почти ночь» — он подчеркнуто «негативен») и возникают лишь в связи с реальными людьми — утилитарно или как признак определенного образа жизни, обживания пространства и т. д. Герои *используют* вещи, а не *прочитывают* их: «Она шла в платье, сшитом из немецкой занавески...»; «Наконец-то они перестанут ютиться в бывшей немецкой труппе, будет покончено с гитлеровскими шкапами и гестаповскими унита-

16 Bator J. Piaskowa Góra. S. 69–70, 71.

17 Ibid. S. 72.

18 Bator J. Ciemno, prawie noc. S. 97–98.

19 Bator J. Piaskowa Góra. S. 72, 73.

зами...»; «Халину спасла от голода Гражинка Розпух, подарившая ей бывшую немецкую швейную машинку...»²⁰. Повествование остается эмпатическим, однако направлено на человеческий быт, а не на бытие вещей как носителей ностальгии (своей, своих предков и изгнанных немцев). Сохранившиеся вещи не стремятся о чем-либо рассказать, а просто сосуществуют с вещами переселенцев: «Мой взгляд вылавливал из мрака очередные брошенные вещи, часть из которых была оставлена немецкими хозяевами дома, когда они поспешно покидали город после войны: машинка Зингер с металлическим скелетом и надписью “Вальденбург”, картинка с ангелом-хранителем, который переводит детей через пропасть, некрасивые фарфоровые фигурки пастушек и охотников, покрытые толстым слоем пыли. Наши вещи осели на этих, ранее брошенных, словно борозда, оставленная отступающим ледником, и ветшали теперь вместе с ними»²¹.

Акцент явственно смещается с предметного мира на человека. Своеобразным символом этого изменения в романе Батор «Темно, почти ночь» может служить обнаружение польскими переселенцами в подвале доставшегося им дома немецкого ребенка: «Меня нашла пани Кукулка, когда спустилась в подвал, чтобы взглянуть, что для чего может пригодиться в выделенном им доме. Кроме мешка гнилого лука, старого корыта и двух бутылок масла там обнаружился я» — т. е. переселенцы «получают бывший немецкий дом с довеском в виде бывшего немецкого мальчика»²².

Соответственно и более значимым мотивом, нежели переименование улиц и городов (лейтмотив постпереселенческой прозы 1990-х гг.), становится смена имен и фамилий: «...я стал Альбертом Кукулкой. <...> Если что-то есть на том свете, <...> то я понятия не имею, как мне представиться после смерти»; «Я, их приемный сын, прожил свое как Альберт Кукулка и как Альберт Кукулка в очередной раз встретил Розмари, которую тоже уже звали иначе»²³.

Власти ПНР пропагандировали заселение Возвращенных территорий как соблазнительную возможность начать все сначала, однако это оказывается иллюзией: это пространство ни для кого не становится землей обетованной. Все страдают бездомностью, искорененностью и неукорененностью, раздвоенностью («Владек не доверял

20 Ibid. S. 8, 27, 86.

21 *Bator J. Ciemno, prawie noc.* S. 28.

22 Ibid. S. 509.

23 Ibid. S. 510, 291.

врачам из Валбжиха (там, там были врачи, а тут одни коновалы)»; «По мнению Владека, там все было лучше, и когда порой у него не оказывалось под рукой хорошего молотка, чтобы забить гвоздь или прибить подметку в преддверии зимы, он говорил: там-то у меня был молоток, или — там-то у меня были ботинки, и больше ничего не добавлял, никаких деталей, поскольку для него было очевидно, что разница между молотками и ботинками тамошними и здешними каждому очевидна, как солнце»; «“Там” Владека становилось все прекраснее...»; «Дом? Какой дом? <...> Дом у них был там. Там был дом...»), все чужие друг другу и самим себе («... пока никто здесь не свой»; «Она вдруг понимает, что одной из причин ее печали является отсутствие травы под ногами, с внезапной очевидностью вспыхивает под поникшим великолепием ее прически память сада из Залесья»²⁴; «...были хорошими людьми, очень печальными и обреченными на вымирание, потому что им не удалось пустить корни»; «Пооткрывались! <...> Дыры, щели, шрамы»²⁵).

Страдания «не нанесены на карту», загнаны внутрь, исковерканное и не оплаканное прошлое как немцев, так и поляков не может служить фундаментом ни для поколения переселенцев, ни для поколения их детей, которые вопреки ожиданиям наследуют травму: «Те, кого занесло в Валбжих, размножились в надежде, что дети родятся с корнями, которые им самим отрубили, и тогда они смогут ухватиться за своих укорененных детей и почувствуют себя на своем месте, дома»²⁶. Именно об этой *унаследованной* травме неполной или поверхностной принадлежности к данному от рождения пространству, бездомности, болезненной неоседлости, размытой идентичности проза 2000–2010-х гг. впервые говорит так открыто и жестко: «...трудно идти по следам тех, кого смело ветром истории»²⁷. Это бремя может быть незримым («Страх, в тени которого я жила все эти годы, хотя источника его я по-прежнему не знаю»²⁸) или проявляться в социальном поведении (сын переселенцев в «Пясковой Гуре» боится выходить из дому, поскольку передвижения «ассоциировались у него с трагедией изгнания и утраты имущества, а не с удовольствием знакомства с новыми местами. <...> Сначала он избегал только далеких поездок,

24 *Bator J. Piaskowa Góra. S. 76–77, 69, 12, 64.*

25 *Bator J. Ciemno, prawie noc. S. 290, 163.*

26 *Bator J. Piaskowa Góra. S. 53.*

27 *Ibid. S. 52.*

28 *Bator J. Ciemno, prawie noc. S. 417–418.*

потом неохотно ходил даже на рынок <...> и, наконец, мог прийти уже только до Одры, откуда был виден дом. Постоянно подпитываемый страх вырос в его сердце, окрепнув и сделавшись ядовитым. <...> Он оплел его печень и душил сердце, лез из ушей, распухал на языке. <...> Какой смысл в том, что я делаю вагоны, говорил он, кто знает, может, однажды нас же самих в них и посадят и снова увезут к чертовой матери»²⁹), но неизменно мучительно.

В прозе 2000–2010-х гг. уже отсутствует сентиментальная мифологизация детства с его метафизическими тайнами и открытиями, неразрывно связанными с немецким прошлым. В романе «Темно, почти ночь» Валбжих предстает не раем, но адом детства, фантазмагорическим пространством, впитавшим множество трагедий. Неслучайно автор использует реквизит готического романа и романа-триллера: руины, подземелья, подвалы, лабиринт, загадочные комнаты и таинственные переходы, похищения, безумие, насилие, самоубийства, убийства, некрофилия, поиски клада, письма с того света, таинственные звуки, тени, исчезновения рукописей, издевательство над животными, призраки, калек, странные герои, над которыми тяготеют мрачные тайны, и пр. Инфернальность ощущается в большинстве реальных повседневной жизни описываемого в романе Валбжиха: «...можно выйти за спичками и не вернуться, в ноябре, если хорошенько приглядеться, увидишь, что в каждой луже видна лестница, ведущая под землю»; «дом полон смерти и привидений»³⁰.

Сестра героини, хоть и «читает» — подобно маленьким героям прозы С. Хвина и П. Хюлле 1990-х гг. — окружающее пространство, однако, в отличие от них, читает словно бы негативно: «как по нитке» идет «туда, где когда-то случилось что-то плохое»³¹, словно бы кожей ощущая все сконцентрированное в этой земле зло. Характерно, что взрослая героиня вспоминает, как находила «следы» бывших хозяев в немецком доме своего детства и даже «хранила в спичечных коробках», однако, в отличие от поэтизированных немецких следов в прозе 1990-х гг., они пугают и отталкивают своей интимностью и физиологичностью: «ногти и волосы»; «Ты снова выковыряла немца из пола <...>. Щели, как могилы...»³². Это призраки не только выселенных немцев — здесь «можно было встретить жаждущих мести еврейских узников лагеря Гросс-Розен, которых здесь

29 *Bator J. Piaskowa Góra*. S. 353.

30 *Bator J. Ciemno, prawie noc*. S. 122.

31 *Ibid.* S. 307.

32 *Ibid.* S. 20.

убили и закопали где-то в лесу...»; «Через местные лагеря прошло тринадцать тысяч узников, пять тысяч погибло и лежит в этой земле»³³. Детство героев неотделимо от страшных видений: «... в половине третьего из леса появляются толпы полупрозрачных фигур с красными глазами, лезут по стенам, словно пауки, стучат в окна домов, заползают в подвалы и колотят в пол, просят стакан воды, кусок хлеба, бумагу и карандаш, но никто не слышит их голосов»; «... столько призраков. Немецкие жили в щелях пола и писали под утро в нашей ванной, еврейские заглядывали в окна и подбирали крошки хлеба на подоконнике нашей спальни»; «... в это время призраки немцев идут в туалет»³⁴. Взрослая героиня продолжает бояться («... я боюсь. Этого дома...») и тоскует по «новой, не обремененной прошлым» варшавской квартире, где пол не имеет «щелей, из которых можно выковырять немца или еврея»³⁵. Из страшного дома детства невозможно убежать: «Быть может, мне только снилось, что я — Алиция из того светлого дома, а моя настоящая жизнь все это время шла здесь»³⁶. Другие дома, которые приходится посетить героине в процессе расследования страшных загадок города, оказываются для их хозяев символом не космического порядка, но хаоса распада. Из красивых средневековых домов новых жителей «словно бы изгоняли духи прежних хозяев» — «люди бежали отсюда в непонятной спешке в чудовищные новые блочные коробки»³⁷. «Бывшие немецкие ножи», которые «все еще хранятся в валбжихских домах», идут в дело, словно чеховское ружье («Я стала здесь женщиной, которая носит в сумочке бывший немецкий нож, собственноручно наточенный о каменный порог»³⁸).

В восприятии авторов 2000–2010-х гг. не может служить ни раем, ни началом начал земля, с которой изгнали бывших жителей, безжалостно растоптав и затоптав следы их существования, земля, населенная, в свою очередь, носителями собственной травмы. Неслучайно «Вавилонская башня» (так называют в Валбжихе многоэтажный дом, в котором живут переселенцы) в романе «Пяскова Гура» в конце концов «теряет равновесие и погружается одним краем в размокший хребет Пясковой Гуры» — *чужой* почвы, на которой он был воздвигнут. Пространство описывается при помощи образов, акцентирующих временность, нео-

33 Ibid. S. 43, 87.

34 Ibid. S. 88, 130, 129.

35 Ibid. S. 20, 76.

36 Ibid. S. 138.

37 Ibid. S. 93.

38 Ibid. S. 262, 354.

седлость, неустойчивость. Валбжих — «реальность временная и наскоро смѣтанная»³⁹, «город прибуду», идентичность жителей которого «склеена из кусочков», а жизнь подобна «сошедшему с рельсов и сползающему по горному склону поезду: теряется багаж с нужными вещами, а в окна летит чужое имущество, шишки и птенцы»⁴⁰. Это не только территория формирующейся идентичности, но также и «поле борьбы за символическую власть, поскольку пейзажи могут заключать в себе ряд оспаривающих друг друга памятей. <...> В результате город как поле борьбы является не неподвижным объектом, статичным пространством, а динамическим членом отношений, понимаемым в перспективе, в процессах и практиках забвения, вытеснения, памяти, а следовательно, столкновения различных конфликтующих стратегий», — отмечает Э. Рыбicka. Поэтому в прозе 2000–2010-х гг. метафора палимпсеста, точно отражавшая происходившее в прозе 1990-х гг., перестает быть столь безупречно адекватной: «Говоря о наложении очередных разнокультурных и разновременных слоев города, эта метафора не затрагивает конфликтность, притаившуюся по краям, на стыках между, в щелях между слоями. Палимпсест описывает онтологию, не описывая отношения между ними. Эта метафора — статичная модель, она говорит о городе как о “камере хранения”, *residuum* памяти. Более адекватной представляется в данной ситуации концепция городского пейзажа памяти как поля конфликта, в котором сталкиваются различные дискурсы памяти (и практики памяти), политические, экономические, художественные, примиряющие и противопоставляющие, направленные сверху вниз и снизу вверх»⁴¹.

Неслучайно дом в романе Батор, как уже говорилось, называют Вавилонской башней: хотя все переселенцы «говорили примерно на одном и том же шершавом языке <...>, но зачастую сосед не понимал соседа»⁴². Отсюда фрагментарность повествования, воплощающая специфику отдельных судеб и идентичностей, а также истории Центральной Европы в целом, с характерным для нее наслоением внезапных перемен — миграций, переименований, переселений, войн, передвижений границ. Восстанавливаются не столько слои, сколько осколки — замалчивавшиеся, идеологизировавшиеся, недооценивавшиеся, застревавшие в самых разных местах — между, на стыке, под, на краях, в щелях, повсюду.

39 *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 160.

40 *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 166, 141, 509.

41 *Rybicka E.* Pamięć i miasto. Palimpsest vs. pole walki // *Teksty Drugie*. 2011. № 5. S. 203, 210.

42 *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 32.

Следует добавить, что тексты Батор, как и вся проза этого течения, имеют выраженные аутопсихотерапевтические функции⁴³. Поскольку постпереселенческое повествование в значительной степени связано с травмой, порожденной замалчиванием, вытеснением, здесь используются элементы системно-семейных расстановок Б. Хеллингера — эмпатическое воспроизведение опыта предков и восстановление в правах тех, кто оказался забыт, не оплакан.

Эти психологически-художественные механизмы способствуют реконструкции истории, до сих пор исключенной из польского нарратива, — «непроизвольных, непосредственных свидетельств минувшей эпохи, способных рассказать антиисторию (по отношению к истории, пропагандируемой властью)»⁴⁴. Своеобразная эмпатическая археология и топография в 1990-е гг., а затем эмпатическая биография в 2000–2010-е гг., осмысление прошлого Возвращенных территорий как собственной предыстории, определяющей случайности и закономерности своей судьбы, пробуждают и оживляют данное от рождения, но не вполне освоенное символически пространство. Такое повествование, включающее в дискурс личной памяти бывших обитателей родной земли, проговаривание их и родительской травмы *искоренения* способствует собственному *укоренению* путем создания «автобиографических мест» — «семиотического, символического аналога аутентичного географического места и связанных с ним культурных представлений»⁴⁵. Это, в сущности, и есть обретение подлинной памяти. Постпереселенческое повествование у Батор отсылает также к методу первичной терапии (или терапии первичного крика) А. Янова, реактивирующей первичную травму путем постепенного снятия «словес» психологической защиты и связывания сохраненной и неосознаваемой памяти с телесными реакциями. Главная героиня «Темно, почти ночь» возвращается в родной Валбжих, чтобы провести журналистское расследование дела о похищении детей, а на самом деле — ведомая ощущением, что должна разобраться в себе и истории своей семьи. Батор почти буквально воспроизводит процесс терапии — вплоть до давшего название терапии Янова крика (роль символического терапевта играет мощный «двигатель» сюжета детектива-триллера и профессия

43 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М., 2018.

44 *Assmann A.* Między historią a pamięcią. Antologia. Warszawa, 2013. S. 77.

45 *Czerwińska M.* Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki // *Teksty Drugie*. 2011. № 5. S. 188.

репортера, заставляющие героиню все глубже погружаться в память свою, своей семьи, своих соседей, своего): «Я ощутила такую смесь гнева, тоски и боли, что закричала в пустоту ночного дома, которая ответила мне эхом. Тот день был во мне. Я помнила»⁴⁶. Символическое исцеление совершается также через катартический плач: «Я копила их столько лет, у меня был огромный запас, и мне казалось, что очищающая соленая волна заливают все места, будившие мою печаль, заливают подвал моего дома, подмывает сундук, в котором мы с Эвой прятались от матери <...>, и через окна выливается в сад, в лес, поднимается на поляну, где немецкие солдаты убили еврейских узников, где советские солдаты изнасиловали немецкую девочку»⁴⁷. Последний этап терапии — интеграция биографии повествовательницы, которую писательница наделила рядом автобиографических черт. Символом осознания того, что исковерканное немецкое прошлое является частью идентичности польских жителей Возвращенных территорий, становится «генеалогическое открытие» героини-повествовательницы: всегда считавшая себя чистокровной полькой, она оказывается дочерью поляка и немки, которая подростком была изнасилована вошедшими в Вальденбург советскими солдатами. Требовалось воспроизвести всю историю, найти все элементы мозаики, понять, что пережило пространство Возвращенных территорий. Только в этом случае возможна интеграция биографий этой территории и ее жителей.

Если память о Восточных Кресах закрепилась в польской ментальности и художественном сознании как рефлексия о феномене утраты, то топос Возвращенных территорий структурируется в результате острого переживания утраты *двойной* — от имени поляков и от имени немцев: происходит удвоение перспективы, памяти и пост-памяти, ностальгии и меланхолии, двойное душевное усилие, двойная работа горя. При этом если в 1990-е гг. унаследованный от прозы о Восточных Кресах миф толерантности поликультурного пространства породил идею ностальгического и идеализирующего прочтения «палимпсеста», сам акт повествования о котором казался мгновенным преодолением разграниченности полиэтнического пространства, исцелением своей травмы и искуплением травмы, нанесенной Другому, то в 2000–2010-е гг. формулу диалога все чаще сменял образ конфликта, поликультурность виделась мифом, а путь к излечению травмы — трудным и долгим.

46 *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 235–236.

47 *Ibid.* S. 428–429.

Тем не менее и в это время в основе топоса Возвращенных территорий лежит идея неуничтожимости памяти, передаваемой одним поколением и/или одним народом другому. Возвращенные территории воспринимаются как пространство, способное дать урок памяти, помочь понять, что мерой человечности оказывается не степень укорененности, но осознание собственной преходящести, искоренение в себе ревности к тем, кто был здесь раньше, и к тем, кто придет после. Повествователи проходят путь от «места» (относительно стабильное пространство существования человека, в котором он чувствует себя дома, смыслы и система координат которого им усвоены от рождения или хорошо освоены) через символическое воссоздание «не-места»⁴⁸ (пространства, характерного для субъектов перемещающихся, еще только познающих его элементы) обратно к «месту»: от своей земли через terra incognita к собственной экологической нише.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М.: Индрик, 2018. 648 с.

Assmann A. Między historią a pamięcią. Antologia. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2013. 324 s.

Bakula B. Między wygnaniem a kolonizacją. O kilku odmianach polskiej powieści migracyjnej w XX wieku (na skromnym tle porównawczym) // Narracje migracyjne w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków: Universitas, 2012. S. 161–192.

Bakula B. Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego // Teksty Drugie. 2006. № 6. S.11–33.

Bator J. Ciemno, prawie noc. Warszawa: W.A.B., 2012. 528 s.

Bator J. Piaskowa Góra. Warszawa: W.A.B., 2009. 442 s.

Beauvois D. Mit “kresów polskich”, czyli jak mu położyć kres // Polskie mity polityczne XIX i XX wieku. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. T. IX. S. 93–106.

Beauvois D. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin: UMCS Wydawnictwo, 2005. 792 s.

Bienek H. Baracke Deutschland // Deutschland, Deutschland: 47 Schriftsteller aus der BRD und der DDR schreiben über ihr Land. Salzburg, Wien: Residenz Verlag, 1979. S. 18.

⁴⁸ *Gosk H.* Wychodzenie z «cienia imperium». Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2015. S. 180.

Browarny W. Literacki pejzaż Śląska. Wrocław i Dolny Śląsk w polskiej prozie współczesnej (1946–2005) // Fikcja i wspólnota. Szkice o tożsamości w literaturze współczesnej. Wrocław: Atut, 2008. S. 139–208.

Czerwińska M. Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki // Teksty Drugie. 2011. № 5. S. 183–200.

Gosk H. Kultura po przejściach, osoby z przeszłością. Polski dyskurs postzależnościowy. Konteksty i perspektywy badawcze. Kraków: Universitas, 2011. 460 s.

Gosk H. Opowieści «skolonizowanego/kolonizatora». W kręgu studiów postzależnościowych nad literaturą polską XX i XXI wieku. Kraków: Universitas, 2010. 264 s.

Gosk H. Wychodzenie z «cienia imperium». Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków: Universitas, 2015. 264 s.

Historie, społeczeństwa, przestrzenie dialogu. Studia postzależnościowe w perspektywie porównawczej. Kraków: Universitas, 2014. 520 s.

Mikołajczak M. Geografia wyobrażona w służbie powojennej polityki miejsca. Przypadek arkadii lubuskiej // Geografia wyobrażona regionu. Literackie figury przestrzeni. Kraków: Universitas, 2014. S. 88–106.

Miłosz Cz. Miejsca utracone // Miłosz Cz. Szukanie ojczyzny. Kraków: Znak, 1996. S. 34–50.

(P)o zaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL. Polski dyskurs postzależnościowy dawniej i dziś. Kraków: Universitas, 2013. 604 s.

Przybyłski R. K. Polska małych ojczyzn // Przybyłski R. K. Wszystko inne. Poznań: Obserwator, 1994. S. 174–183.

Rybicka E. Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich. Kraków: Universitas, 2014. 474 s.

Rybicka E. Ponowoczesny regionalizm i badania komparatystyczne // Rocznik Komparatystyczny. 2011. № 2. S. 141–161.

Rybicka E. Pamięć i miasto. Palimpsest vs. pole walki // Teksty Drugie. 2011. № 5. S. 201–211.

Sowa J. Fantomowe ciało króla. Peryferyjne zmagania z nowoczesną formą. Kraków: Universitas, 2011. 584 s.

Sowa J. Od folwarku na kresach Rzeczypospolitej do Jarmarku Europa. Polska dawna i dzisiejsza w kapitalistycznej gospodarce-świecie // Polska & Asia. Od Rzeczypospolitej szlacheckiej do Nangar Khel. Przewodnik interdyscyplinarny. Poznań: Fundacja Malta, 2013. S. 154–186.

Zajas K. Kresy skreślone, czyli o polskiej wielokulturowości // Wielogłos. 2009. № 1–2. S. 2–16.

References

- Adel'gym, I. Ye. *Psikhologiiia poëtiki. Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Indrik, 2018, 648 p.
- Assmann, A. *Między historią a pamięcią. Antologia*. Warszawa: Warsaw University Publ., 2013, 324 p.
- Bakuła, B. "Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego." *Teksty Drugie*, no. 6, 2006, pp. 11–33.
- Bakuła, B. "Między wygnaniem a kolonizacją. O kilku odmianach polskiej powieści migracyjnej w XX wieku (na skromnym tle porównawczym)." *Narracje migracyjne w literaturze polskiej XX i XXI wieku*, ed. by H. Gosk, Kraków: Universitas, 2012, pp. 161–192.
- Bator, J. *Piaskowa Góra*. Warsaw: W.A.B., 2009, 442 p.
- Bator, J. *Ciemno, prawie noc*. Warsaw: W.A.B., 2012, 528 p.
- Beauvois, D. "Mit 'kresów polskich', czyli jak mu położyć kres." *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku*, vol. 9, 1994, pp. 93–106.
- Beauvois, D. *Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914*. Lublin: UMCS Publ., 2005, 792 p.
- Bienek, H. "Baracke Deutschland." *Deutschland, Deutschland: 47 Schriftsteller aus der BRD und der DDR schreiben über ihr Land*, ed. von Jochen Jung. Salzburg, Wien: Residenz Verlag, 1979, p. 18.
- Browarny, W. *Fikcja i wspólnota. Szkice o tożsamości w literaturze współczesnej*. Wrocław: Atut, 2008, 250 p.
- Czermińska, M. "Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki." *Teksty Drugie*, no. 5, 2011, pp. 183–200.
- Gosk, H. *Opowieści "skolonizowanego/kolonizatora". W kręgu studiów postzależnościowych nad literaturą polską XX i XXI wieku*. Kraków: Universitas, 2010, 264 p.
- Gosk, H. *Kultura po przejściach, osoby z przeszłością. Polski dyskurs postzależnościowy. Konteksty i perspektywy badawcze*. Kraków: Universitas, 2011, 460 p.
- Gosk, H. *Wychodzenie z "cienia imperium". Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku*. Kraków: Universitas, 2015, 264 p.
- Gosk, H., Kołodziejczyk, D., editors. *Historie, społeczeństwa, przestrzenie dialogu. Studia postzależnościowe w perspektywie porównawczej*. Kraków: Universitas, 2014, 520 p.
- Gosk, H., Kraskowska, E., editors. *(P)o zaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL. Polski dyskurs postzależnościowy dawniej i dziś*. Kraków: Universitas, 2013, 604 p.
- Mikołajczak, M. "Geografia wyobrażona w służbie powojennej polityki miejsca. Przypadek arkadii lubuskiej." *Geografia wyobrażona regionu. Literackie figury przestrzeni*, ed. by D. Kalinowski, M. Mikołajczak, A. Kuik-Kalinowska, Kraków: Universitas, 2014, pp. 88–106.

Miłosz, Cz. *Szukanie ojczyzny*. Kraków: Znak, 1996, 217 p.

Przybylski, R. K. *Wszystko inne*. Poznań: Obserwator, 1994, 197 p.

Rybicka E. “Pamięć i miasto. Palimpsest vs. pole walki.” *Teksty Drugie*, no. 5, 2011, pp. 201–211.

Rybicka, E. “Ponowoczesny regionalizm i badania komparatystyczne.” *Rocznik Komparatystyczny*, no. 2, 2011, pp. 141–161.

Rybicka, E. *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Universitas, 2014, 474 p.

Sowa, J. *Fantomowe ciało króla. Peryferyjne zmagania z nowoczesną formą*. Kraków: Universitas, 2011, 584 p.

Sowa, J. “Od folwarku na kresach Rzeczypospolitej do Jarmarku Europa. Polska dawna i dzisiejsza w kapitalistycznej gospodarce-świecie.” *Polska & Asia. Od Rzeczypospolitej szlacheckiej do Nangar Khel. Przewodnik interdyscyplinarny*, ed. by M. Cegielski, Poznań: Fundacja Malta, 2013, pp. 154–186.

Zajas, K. “Kresy skreślone, czyli o polskiej wielokulturowość.” *Wielogłos*, no. 1–2, 2009, pp. 2–16.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.02

Adel'geym I. Ye. (Moscow)

“The human suffering unmapped”. Joanna Bator’s prose on Wałbrzych in the context of Polish post-resettlement literature of the 1990–2010s

Adel'geym Irina Yevgenyevna

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adel'geym I. Ye. “The human suffering unmapped”. Joanna Bator’s prose on Wałbrzych in the context of Polish post-resettlement literature of the 1990–2010s // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 275–295 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.02

Received: 28.08.2021.

Abstract

The article is devoted to the depiction of Wałbrzych in the prose of the modern Polish writer Joanna Bator (b. 1968), referring to the generation

of children of migrants to the Returned Territories. Driven by the need to re-root in the space of childhood from the perspective of post-memory, they turned to the fate of their ancestors and of former inhabitants of these territories, significantly enriching and expanding the literary geography of Poland. The historical trauma, to the therapy of which the work of these writers serves, is in fact a delayed trauma of migration. It is the experience of the children of people who built their homes on the ruins of lives (both their own and others') and whose everyday life constantly revealed traces of the expelled Other. In other words, it was the experience of the Second World War. It was lived through not in reality, but in the form of destructive consequences for the psyche and identity. For various reasons, genuine artistic comprehension and realization of the autopsychotherapeutic potential of the unique space of the Returned Territories became possible only after 1989. J. Bator's prose belongs to the second phase of this process, when the perspective of a nostalgic archaeologist who carefully searches, reads and glorifies the traces of the past (both German and Polish), is devoid of idealization and replaced by the perspective of rigid reflection on the doubling of historical trauma in the space of the Returned Territories.

Keywords

Joanna Bator, Wałbrzych, Polish post-resettlement prose, Returned Territories, migration, historical trauma, autopsychotherapeutic functions of a literary text.

Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой)

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Цитирование

Кожина С. А. Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 296–310. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Современный чешский литературный рынок (после 1989 г.) претерпел значительные изменения. Отразилась на его развитии, в частности, коммерциализация сферы культуры. В статье дается характеристика актуального литературного процесса в Чехии, приводятся наиболее успешные (в первую очередь с коммерческой точки зрения) произведения с целью попытаться проследить наиболее яркие тенденции в современной чешской литературе. Приводится обзор современных чешских литературных премий, номинаций, а также произведений-участников. Особый акцент в статье сделан на феномене роста популярности произведений, отражающих события недавней истории (вторая половина XX в.). В качестве примера реализации данных тенденций приводится анализ произведений популярной чешской писательницы Алены Морнштайновой «Контурная карта» (2013), «Отельчик» (2015), «Гана» (2017) и «Тихие годы» (2019). Отдельное внимание при характеристике романов уделяется месту в них исторических сюжетов и мотивов, а также их влиянию на модификацию жанра социально-психологического романа в современной чешской литературе. Особого внимания заслуживает способ художественной переработки Морнштайновой исторического материала, использование его в качестве приема для характеристики

психологических трансформаций персонажей, создания эффекта сопричастности у читателя (посредством «узнавания» себя и своей истории жизни в истории жизни героя).

Ключевые слова

Современная чешская литература, бестселлер, Алена Морнишайнова, социально-психологическая проза.

Чешская литература после 1989 г. на протяжении последующего десятилетия пребывала в поиске новых эстетических платформ. Состояние общества, как и состояние литературного процесса того периода, И. Кратохвил охарактеризовал как «возобновление хаоса»: дефрагментированность, неупорядоченность и утрата заданных извне ориентиров, с одной стороны, разрушили привычный для чешской литературы идеологизированный вектор развития, с другой, однако, создали условия для развития бесконечного множества платформ и течений литературы и искусства в целом. Лишь в начале нового тысячелетия чешская литература обрела более четкие грани, восстановив естественную (обоснованную внутренними тенденциями) линию развития и сохранив плюрализм 90-х гг., но более четко оформившись в рамках отдельных течений, некоторые из которых стали магистральными и отчетливо прослеживаемыми в печатной продукции Чешской Республики на современном этапе.

Так, например, одним из самых ярких, популярных (в том числе и с коммерческой точки зрения) явлений стали произведения, основная идея которых — возвращение к современной истории, истори-

1 См. статью И. Кратохвила «Возобновление хаоса в чешской литературе» (*Kratochvil J. Obnovení chaosu v české literatuře // Literární noviny. 1992. Č. 47. S. 5*). Автор указывает на то, что характерным для чешской литературы на протяжении ее развития являлось сохранение определенного «послания»: «<...> начиная от обязанности быть народообразующей институцией, приказа расцветать во имя чести и славы народа, службы разным идеологиям и казарменной муштры, чтобы служить народу, отображения действительности и реалистического изображения, и заканчивая склоном в политическую оппозицию шестидесятых <...>» — [здесь и далее перевод наш. — С. К.]; в то время как в 1990-х гг. литературный процесс, напротив, отличается отсутствием доминирующей идеологии или центрообразующего типа мышления, что приводило к «необычному состоянию» как для писателей, так и для читателей.

ческий материал может как становиться фоном для всего основного действия, так и реализоваться в рамках отдельных сюжетных линий. Недавнее прошлое позволяло лучше отрефлексировать современность: контраст, возникающий при совмещении событий прошлого с событиями настоящего, — вероятно, один из наиболее действенных способов взглянуть на них под нетривиальным углом, проанализировать индивидуальные и коллективные травмы прошлого, сформировавшие современность². В рамках целого ряда подобных текстов, отображающих события недавнего прошлого, можно также выделить несколько группных подтечений:

— фактографические произведения, стремящиеся к большей объективности и правдивости изложения материала. Часто в жанре мемуаров, романов-дневников или романов в эпистолярном жанре (дневниковые записи чешского режиссера П. Юрачека, дневники и корреспонденция И. М. Ироуса, автобиографические произведения и заметки З. Сверака и др.);

— психологические романы с темой рефлексии и саморефлексии. К данной подкатегории можно отнести как произведения, основной темой которых является изображение межличностных отношений (романы М. Вивега «Вишибалы» / *Vybíjená* (2004) — история взросления и описание современных проблем одноклассников), так и произведения, затрагивающие изменения в социальной и политической структуре общества (например, произведения Е. Кантурковой «Нечас» / *Nečas* (2000) и «Вы нам тоже: моменты из жизни» / *Vy nám taky: momentky života* (2008), романы Вивега «Лучше годы с Клаусом» / *Báječná léta s Klausem* (2002), П. Гуловой «Сторожи гражданского добра» / *Strážci občanského dobra* (2010) и др.).

Особенно коммерчески успешными стали последние из перечисленных романов благодаря попытке в саркастическом ключе рассмотреть современное состояние общества и определить возможные причины возникновения наиболее серьезных проблем в прошлом. Частой темой подобных текстов, балансирующих на границе традиционного социально-исторического романа и сатирического, игрового подхода к повествованию, становилось состояние общества в период нормализации. Все чаще в произведениях данный период предстал не только как время

² Fialová A., Hruška P., Jungmannová L. V souřadnicích mnohosti: Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. Praha, 2014. S. 355.

тотального уничтожения свободы, деформированного тоталитарной системой уклада жизни, но и как источник романтических воспоминаний о детстве, юношестве, первых влюбленностях. Персонажами во многих случаях являлись дети или подростки, что наделяло произведения определенными чертами романа-воспитания: как правило сюжет строился от момента появления персонажа на свет и освещал историю всей его жизни до настоящего дня или смерти героя. Например, одним из первых романов с подобным построением повествования стал еще в конце 1990-х принесший своему автору И. Доушковой невероятную популярность «Грдый Буджеш» / *Hrdý Budžeš* (1998). В романе раскрывается история одной творческой семьи в период нормализации; повествование ведется от лица маленькой девочки, которая пытается осознать правила жизни в тоталитарном обществе, кажущиеся ей нелогичными и странными. Рассказ от лица ребенка с присущей ему наивностью и непредвзятым взглядом на жизнь позволяет продемонстрировать комичность сложившегося уклада. Подобный прием характерен для творчества Б. Грабала и, в целом, не является новаторским для чешской литературы (и мировой вообще), однако во многом именно он позволил произведению Доушковой снискать популярность у читателей. В последующих романах, ставших продолжением «Грдый Буджеш», — «Онегин был русским» / *Oněgin byl Rusák* (2006) и «О белых слонах» / *O bílých slonech* (2008) — несколько романтизированные воспоминания о 1980-х гг. отходят на второй план, уступая больше места критическому анализу. С подобной же темой рефлексии нормализационных процессов мы сталкиваемся и в других произведениях того периода, например, в успешном романе П. Гуловой «Сторожи гражданского добра» 2010 г., в котором так же сделан акцент на мотиве взросления в период нормализации, в романе П. Шабаха «Пьяные бананы» / *Opilé banány* (2001) и др.

Таким образом, можно сказать, что к концу 2010-х гг. на чешском книжном рынке формируется устойчивый пласт романов с рассматриваемой в подобном ключе социальной проблематикой. Об этом свидетельствуют и результаты голосования на присуждении премии «Чешский бестселлер»³. Обладателем премии несколько раз становились Х. Ружичкова — за автобиографию «Дневник между жизнью и

3 Информацию о премии, номинациях и участниках с 2013 г. см. на портале: Český bestseller. URL: <http://www.ceskybestseller.cz/> (дата обращения: 20.04.2021); информацию о первых присужденных премиях можно найти на странице: Přehled literárních cen, archiv ocenění. URL: <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller> (дата обращения: 23.07.2021).

смертью» / *Deník mezi životem a smrtí* и «Дневник между жизнью и смертью II» / *Deník mezi životem a smrtí II*, написанные совместно с журналисткой М. Формачковой (2002 и 2003 гг. соответственно), М. Вивег — за «Рассказы о любви» / *Povídky o lásce*, «Биожена» / *Bio manželka* (2009 и 2010 гг.), З. Сверак — за «Рассказы» / *Povídky* и «Новые рассказы» / *Nové povídky* (2008 и 2011 гг.) и т. д. Особенно часто данную премию получала Г. Павловская (2001, 2004, 2007 гг.), а также она несколько раз побеждала в номинации «Выбор читателей». Однако это автор достаточно неоднозначный, специализирующийся на простых, тяготеющих к бульварному чтиву, романах для женщин. Периодически публикует книги с советами для женщин, кулинарными рецептами и т. д.

Отдельно, однако, стоит рассмотреть сам принцип работы данной премии и условия ее присуждения. Это единственная существующая на территории Чешской Республики литературная премия, которая присуждается не за содержание произведения, а за его коммерческую успешность на рынке. Причем данная оценка проводится лишь в рамках определенных ресурсов: в первую очередь это «основатель» премии, портал Knihcentrum.cz, крупнейший книжный онлайн-магазин, а также службы Audioteka.cz (сайт, а также мобильное приложение, продающее доступ к аудиокнигам и позволяющее их прослушивать онлайн). Премия присуждается с 2001 г. в следующих категориях:

- Чешская беллетристика для детей и юношества,
- Переводная литература для детей и юношества,
- Кулинарные книги,
- Научная и научно-популярная литература,
- Здоровье и здоровый образ жизни,
- Биография,
- Аудиокниги,
- Переводная литература для взрослых,
- Чешская беллетристика для взрослых — Чешский бестселлер (главная номинация).

Премия, несомненно, имеет достаточно высокую ценность в рамках рынка книжной продукции. О результатах конкурса пишут в СМИ, в книжных магазинах книги, победившие в номинации, получают торжественную наклейку «бестселлер в категории...», однако, к сожалению (или к счастью), ни данная наклейка, ни сама премия не характеризуют произведение с точки зрения его роли в литературном процессе в целом. Достаточно часто, что можно видеть на примере произведений Павловской, данная премия присуждается романам «на злобу дня», которые быстро утрачивают актуальность.

Более объективной платформой, анализирующей состояние литературного процесса, а не книжного рынка, является премия Magnesia Litera, присуждаемая с 2002 года в категориях:

- Книга года
- Литера за прозу
- Литера за поэзию
- Литера за научно-популярную литературу
- Литера за перевод книги
- Литера за вклад в издательское дело
- Литера за открытие года
- Литера за вклад в чешскую литературу⁴.

Членами комиссии являются книгоиздатели, председатели союзов писателей и писательских организаций, переводчики, специалисты по мировой и чешской литературе, что делает премию более интересной непосредственно с точки зрения анализа литературного процесса. Однако часто произведения, оказавшиеся в центре внимания судейской комиссии, нацелены на определенную прослойку населения: в первую очередь это потребители элитарной культуры. Таким образом, рассматриваемые работы зачастую объективно интересны и с тематической, и с формальной точки зрения. Большую часть лауреатов в категории «Проза» и «Книга года» также составляют исторические, социально-исторические романы, автобиографические романы с элементами психоанализа и саморефлексии, психологические прозаические произведения, что позволяет (соотнеся с интересами читателей на основе премии «Чешский бестселлер») утверждать о лидирующей роли данных жанров в развитии актуального литературного процесса. Особого интереса заслуживают романы о частных судьбах в истории Чехословакии последних десятилетий.

На волне интереса к романам «о частных судьбах на фоне большой истории» на рынок литературной продукции вошла первая книга писательницы Алены Морнштайновой. Морнштайнова родилась в 1963 г., но литературную деятельность начала только в 2013 г., опубликовав роман «Контурная карта» / *Slepá mapa*. Повествование в романе ведется от первого лица, с позиции (вначале) маленькой девочки Анежки, которая знакомит нас с жизнью трех поколений женщин в ее семье — ее бабушки Анны и мамы Алжбеты. Девочка задумывается, почему имена всех женщин в их семье начинаются на «А» и почему она вообще появилась

4 Подробнее о премии см.: URL: <https://www.magnesia-litera.cz/> (дата обращения: 15.08.2021).

на свет: «Люди приходят на свет по разным причинам — по любви, случайно, по ошибке. Я появилась на свет из-за квартиры»⁵. Подобный обличительный тон повествования, присущий детям (которые не стремятся соблюдать общественные конвенции), постепенно смягчается по мере взросления героини, однако в целом отрывистость повествования и его темп остается быстрым: превалируют простые, малораспространенные предложения, редко с большим количеством придаточных, делающие повествование весьма динамичным. Отсутствие развернутых описаний компенсируется и частотой событий, и умением автора выбирать яркие элементы для создания образов персонажей (например, когда героиня встречается с хозяйкой аптеки, первое, что она подмечает, — ее лакированные туфли с большой золотой пряжкой, признак состоятельности, хорошего вкуса, и, однако, некоторой консервативности). Также способствуют созданию атмосферы времени умело подбираемые автором устойчивые образы, обороты и публицизмы, присущие описываемому периоду. Некоторые из них понятны лишь при знании культурного и исторического контекста.

Однако в центре интереса автора остаются не столько исторические события, сколько их влияние на развитие ключевых персонажей. Психологические особенности многих из них раскрываются лишь в определенных обстоятельствах. Главная героиня «предает» своего первого мужа, решив «подорвать» его партизанскую деятельность во время войны, чтобы, как она считает, сохранить ему жизнь. Однако ее усилия оказываются тщетными, а воспоминания о предательстве и его последствиях — гибели мужа — болезненно сказываются на ее жизни: она считает себя виновной в его смерти. Муж ее сестры, Фридрих, вступает в НСДАП только потому, что надеется, что его, изгоя, никогда не имевшего друзей, кто-то оценит и примет. Этот поступок приводит лишь к тому, что он вынужден застрелить в лагере заключенного, к которому он испытывает своего рода влюбленность (похожую, скорее, на божественное откровение, о чем говорит и стиль повествования, и имя заключенного — Петр, и его рассказы о «праведной жизни», Боге и Добре, которые впервые заставляют Фридриха задуматься о цели своего пребывания в лагере надзирателем, о цели войны и собственной роли в ней). После смерти Петр является ему в видениях и зовет его за собой («Я сейчас не могу с вами говорить. Знаете, я здесь жду Петра. Мы собираемся пожениться и вместе уйти на небеса⁶»). В романе

5 *Mornštajnová A. Slepá mapa. Brno, 2013. S. 6.*

6 *Ibid. S. 123.*

перечислены все ключевые события чехословацкой истории с 1930-х гг. по 1970-е. Судьбы персонажей вплетены в ткань истории, но одновременно сами по себе являются историей, семейной сагой, хроникой, по стилю тяготеющей к жанру дневниковых записей (откровенные, краткие, телеграфичные).

Не менее удачным примером жанра семейной хроники у Морнштайновой можно считать следующий ее роман, «Отельчик» / *Hotýlek* (2015), описывающий историю жизни Вацлава и его семьи с момента рождения главного героя, 1942 г., вплоть до самой его смерти в конце 1980-х гг. Нарративная структура произведения в большей степени соответствует жанру семейной саги: происходит смена 1-го лица повествования, рассказчика, на 3-е. Всеведущий нарратор все так же сухо, с превалированием простых предложений, рассказывает истории жизни всей весьма многочисленной семьи Вацлава. Описания или обширные монологи с элементами психоанализа в произведении практически отсутствуют, компенсируясь сменой точек зрения и демонстрацией отношения персонажей к описываемым событиям при помощи лексических особенностей речи. Так, например, повествование нарратора — нейтральное, соответствующее норме литературного чешского языка, однако часто трансформируется при смещении точки зрения в поле конкретного персонажа: «В школе, правда, говорили, что товарищ учительница эмигрировала, или свалила за бугор, как говорил негодный Прецлик, а господин директор из-за этого порядочно попал, а всю школу перетряхивать не хотел»⁷. Сводный брат Вацлава, Олдржих, «не соответствует облику социалистического гражданина»⁸, поэтому части, повествующие о нем, часто усиливаются посредством жаргонной лексики или обиходно-разговорных выражений. Дедушка Леопольд, управляющий отелем и настоящий делец, оценивая невесту Вацлава, думал, что это «порядочная жена для дела»⁹, которая сможет понять принципы их «деликатной работы» (в отеле нелегально снимали комнаты пары для любовных утех). В сравнении с первой книгой автора многие¹⁰ отмечали местами чрезмерное

7 *Mornštajnová A. Hotýlek. Brno, 2015. S. 30.*

8 *Ibid. S. 49.*

9 *Ibid. S. 60.* При этом используется экспрессивное, разговорное слово *kšeft*, возникшее от немецкого *Geschäft*, которое нередко в произведениях Морнштайновой употребляется в речи торговцев и дельцов (см., например, речь Алоиса Урбанека в романе «Гана»).

10 Например, Л. Зелинкова в рецензии на роман отмечает некоторую схематичность в описании персонажей, существование которых на

упрощение стиля, которое не воспринимается критично лишь благодаря живому сюжету, наличию нескольких любовных линий, за которыми интересно наблюдать, детективному элементу в середине и рамочной композиции (с первой страницы мы знаем, что главный герой мертв, все последующее повествование — его жизнь от рождения до момента, как он поскользнется на слизьяке и разобьет голову о раковину: «И Вацлав, и расплющенный слизьяк погибли на месте. Им и не довелось подумать, что это утро было слишком прекрасным, чтобы умирать»¹¹).

Об успехе данных двух романов могут говорить и переиздания 2018 и 2019 гг., и то, что одни достаточно часто становятся центром дискуссий.

Следующий роман, «Гана» / *Hana* (2017) — без сомнения самый успешный роман Морнштайновой. Автор снова возвращается к повествованию от первого лица, благодаря чему ему удастся проникать в сознание героини, а также ограничивать ее «обзор», создавая сюжет с элементами тайны. Основная «загадка» сюжета — как выстроится жизнь главной героини, семилетней Миры, потерявший всю свою семью в 1954 г. В этот год в Чехословакии, в Валашском Мезиржичи (родной город Морнштайновой), происходит эпидемия тифа, унесшая жизни 11 человек, что стало основой сюжета романа: семья Миры умирает, она оказывается на попечении Ганы, странной, бессловесной, кажущейся старой тети, сестры ее матери. Гана одета во все черное, не говорит, почти не выходит из дома, получает пособие по инвалидности и почти не ест: она постоянно сосет одну старую корку хлеба своим беззубым ртом, пока та совсем не растворится. Со временем Мира меняет жизнь Ганы (чуда, конечно, не происходит, Гана не говорит и ведет себя все так же, но заботится о Мире так, как может), и именно в этот момент повествование переключается и дальше ведется в *ich*-форме от лица Ганы. Мы встречаем ее в больнице, больную тифом и умирающую. В бессознательном состоянии она, ведомая голосами и своими страхами, совершает попытку самоубийства, но выживает. Мы узнаем, что она — еврейка и во время войны вместе с семьей попала в лагерь Терезин, где Гана прожила до самого конца во-

страницах романа как будто направлено исключительно на то, чтобы на их примере проиллюстрировать, какое влияние на человека оказывают переломные моменты истории. См. в: *Zelinková L. RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka // Novinky.cz. 27.07. 2015. URL: <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578> (дата обращения: 15.08.2021).*

¹¹ *Mornštajnová A. Hotýlek. Brno, 2015. S. 6.*

йны. Вся ее семья же погибла в Освенциме. Кроме единственной сестры, Росы, которую удалось спрятать на долгих 3 года на чердаке у знакомых. Гана сухо, безэмоционально описывает все то, что с ними происходило, из чего мы узнаем, что она — косвенная виновница гибели всей семьи: не желая уезжать в Англию и бросать любимого мужчину (не отвечавшего ей взаимностью), она не относит на почту нужные документы вовремя, лишая семью возможности уехать. Она же — причина гибели семьи Росы, о чем мы узнаем в самом конце: именно она принесла пирожные из пекарни в центре города, ставшей источником эпидемии.

Роман, таким образом, также имеет рамочную композицию (в конце мы уже от лица Ганы узнаем о причине смерти семьи Миры), и так же, как и «Отельчик» и, в некоторой степени, «Контурная карта», произведение отличает наличие некой «тайны» (присущей всей истории или характерной только для одного персонажа), которая помогает удерживать читателя в напряжении. В отличие от предыдущих романов, однако, «Гана» лишена сатиричности: безэмоциональность и сухость повествования создают не комичное, но ужасающее впечатление благодаря избранной тематике. Например, особенно жестокими кажутся сцены насилия, подаваемые сухо, нераспространенными предложениями, в которых превалируют глаголы действия.

Среди отзывов на данный роман сложно найти негативные, однако последняя часть и ее совершенно неожиданная высокая мера жестокости вызывали дискомфорт у читателей. Книгу крайне положительно приняли, она практически сразу стала бестселлером. Это одна из самых высоко оцененных книг чешской литературы последнего десятилетия. Достаточно быстро после издания бумажной книги вышли ее аудио- и электронная версия. Появилось большое количество статей и интервью с автором. В одном из них Морнштайнова рассказала, что вдохновение для образа Ганы она нашла в истории своей бабушки, которая заболела во время той самой эпидемии и по неясным причинам также выпала из окна, но осталась жива. Вторым источником вдохновения стали интервью людей, переживших холокост. Морнштайнова отметила, что после просмотра нескольких десятков видео поняла, что все их объединяет одно: нежелание вспоминать и рассуждать, почему выжили именно они, а не их близкие и родные¹². Это тяжелое чувство

12 *Jandrová L.* Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jí velmi ublížit i pomoci // *Novinky.cz*. 28.07.2019. URL: <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325> (дата обращения: 16.08.2021).

вины, которое невозможно осознать и описать, стало важнейшей частью характера Ганы.

Примечательна еще одна особенность издания романа — обложка, которую разработала сама Морнштайнова. Если посмотреть на изображенное на обложке пирожное, традиционный чешский «венец», и прочесть надписи по часовой стрелке, получится “*Maminka má narozeniny*”, “*Ironie osudu*”, “*Rozhlas hlásí smrt*”, “*A co budu dělat já?*” («Мама празднует день рождения», «Ирония судьбы», «Радио сообщает о смерти», «А что делать мне?»). Надписи, во-первых, являются кратким изложением завязки романа, а во-вторых, если сложить первые буквы, образуют акроним имени МИРА. Издательство о тайном смысле обложки не знало.

После «Ганы» Морнштайнова взяла некоторую паузу. Написание следующего романа ушли два года, о чем сам автор говорит как о «дозревании текста». В 2018 г. на книжный рынок вышел роман «Тихие годы» / *Tiché roky*. Повествование ведется снова в *ich*-форме, но в более медитативном тоне. Главная героиня, Богдана, отличается нетривиальным восприятием мира: она романтична, мечтательна и впечатлительна. Снова, что стало уже привычным для произведений Морнштайновой, в центре повествования — тайна, на сей раз связанная с тяжелой атмосферой в доме и ее причиной, а также с тем, почему ее умирающая бабушка назвала ее Бланкой и кто такая Бланка. Грубый и немногословный отец, Сватоплук, является полной противоположностью своей дочери и своей сожительницы, Беллы. Белла в глазах Богданы — удивительный мир, полный запаха клея (она создает коллажи) и лаванды, мечтами об искусстве и Франции. Сватоплук на этом фоне предстает настоящим тираном. Однако при помощи того же приема, что мы встречаем в «Гане», чередования историй Богданы и Сватоплука, мы узнаем, что причиной его закрытости и ненависти к миру стала судьба его первой дочери, Бланки, которая, сбив на машине человека, была вынуждена бежать за границу. Сватоплук тяжело переживал трагедию, но решил вместе с супругой на второго ребенка. Однако супруга почти сразу после появления на свет Богданы умерла от рака, в чем Сватоплук в душе обвинил маленькую дочь. Маленький плачущий и зовущий маму ребенок раздражал его. Параллельно в истории Богданы мы наблюдаем постепенное сближение отца и дочери. Так, уже взрослая Богдана ищет подход к своему отцу, узнает, кто такая Бланка и «страшную тайну семьи», принимает ее, чем словно помогает своему разбитому инсультом отцу ее нести.

Как и во многих произведениях Морнштайновой, в конце происходит раскрытие второй тайны: после смерти жены Сватоплук, разозлившись на Богдану, накричал на нее и бросил на пол, из-за чего девочка осталась немой на всю жизнь. Обнажившаяся тайна раскрывает перед нами тот факт, что все те моменты, когда Богдана «говорит» (а повествование дано именно в *ich*-форме), оказываются лишь ее видением коммуникации с окружающим миром, в реальности же она способна говорить только с Беллой посредством знаков и записок, а также с мужем, понимающим ее без слов. Это вызывает у читателя желание перечитать роман снова, уже зная, что большая часть изображаемых коммуникативных ситуаций — фикция, придуманная Богданой как способ восприятия мира.

Примечательно, что сама Морнштайнова считает последний свой роман более успешным, так как она «всегда хотела написать об отношениях, но [у меня. — *Прим. пер.*] получалось что-то другое»¹³. Оценки читателей, однако, остались на стороне «Ганы», тогда как премию «Чешский бестселлер» в 2019 г. получила именно книга «Тихие годы». Ее стиль, более медитативный и менее сатиричный, все же не лишил притягательности все характерные для Морнштайновой элементы, а именно — глубокую психологизацию персонажей, способность концентрировать внимание читателя на ярких образах, наличие скрытых аспектов повествования (что создает у читателя иллюзию отображения реальной жизни, где будущее скрыто и туманно). Все это позволило роману стать образцом социально-психологического романа в новом тысячелетии.

А. Краликова отмечает, что в современной чешской литературе сформировался целый пласт авторов (П. Соукупова, П. Дворжакова, В. Ганишова, К. Тучкова) с определенной проблематикой текстов: авторы-женщины, центром произведений которых является изображение судьбы женщин¹⁴. Произведения Морнштайновой, несомненно, относятся к этой же категории, однако им удалось достичь куда большего успеха у читательской публики (примечательно, что романы писательницы по объему тиража превзошли знаменитые в Чехии скандинавские детективы и публикации переводов главного автора

¹³ Ibidem.

¹⁴ *Horký P.* Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat // *Respekt*. 26. 2. 2020. URL: <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky> (дата обращения: 16.08.2021).

в данном жанре Ю. Несбё). Обусловлено это, с одной стороны, легкостью повествования (как с точки зрения языка, так и благодаря достаточно простой нарративной структуре), наличию сильной эпической составляющей, за развитием которой читателю интересно следить. С другой стороны, немаловажным фактором является исторический фон, изображение «большой истории», которая, переплетаясь с судьбой персонажей, заставляет ожить в памяти читателя события недавнего прошлого. Нарратив исторической памяти в произведениях Морнштайновой построен по принципу узнавания (использование реальных локусов, событий, фактов), что в совокупности с глубокой психологизацией персонажей позволяет читателям идентифицировать их судьбы со своей. Таким образом, романы писательницы представляют собой удачную комбинацию яркого сюжета, изображения жизни людей, межличностных отношений, семейной саги и «большой истории», подаваемой посредством легкого повествования.

Источники и литература

Český bestseller. URL: <http://www.ceskybestseller.cz/> (дата обращения: 20.04.2021).

Fialová A., Hruška P., Jungmannová L. V souřadnicích mnohosti Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. Praha: Academie, 2014. 817 s.

Horký P. Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat // Respekt. 26.2.2020. URL: <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky> (дата обращения: 16.05.2021).

Jandrová L. Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jím velmi ublížit i pomoci // Novinky.cz. 28.7.2019. URL: <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325> (дата обращения: 15.05.2021).

Kratochvil J. Obnovení chosu v české literatuře // Literární noviny. 1992. Č. 47. S. 5.

Magnesia Litera. URL: <https://www.magnesia-litera.cz/> (дата обращения: 15.08.2021).

Mornštajnová A. Hana. Brno: Host, 2017. 310 s.

Mornštajnová A. Hotýlek. Brno: Host, 2015. 319 s.

Mornštajnová A. Slepá mapa. Brno: Host, 2018. 396 s.

Mornštajnová A. Tiché roky. Brno: Host, 2019. 296 s.

Přehled literárních cen, archiv ocenění. URL: <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller> (дата обращения: 23.07.2021).

Zelinková L. RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka // *Novinky.cz*. 27.7.2015. URL: <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578> (дата обращения: 15.08.2021).

References

Český bestseller, <http://www.ceskybestseller.cz/>. Accessed 20 April 2021.

Fialová, A., Hruška, P., Jungmannová, L. *V souřadnicích mnohosti Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích*. Prague: Academie, 2014, 817 p.

Horký, P. “Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat.” *Respekt*, 26 Febr. 2020, <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky>. Accessed 16 May 2021.

Jandrová, L. “Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jím velmi ublížit i pomoci.” *Novinky.cz*, 28 July 2019, <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325>. Accessed 15 May 2021.

Kratochvíl, J. “Obnovení chosu v české literatuře”. *Literární noviny*, vol. 47, 1992, p. 5.

Magnesia Litera, <https://www.magnesia-litera.cz/>. Accessed 15 Aug. 2021.

Mornštajnová, A. *Hotýlek*. Brno: Host, 2015, 319 p.

Mornštajnová, A. *Hana*. Brno: Host, 2017, 310 p.

Mornštajnová, A. *Slepá mapa*. Brno: Host, 2018, 396 p.

Mornštajnová, A. *Tiché roky*. Brno: Host, 2019, 296 p.

Přehled literárních cen, archiv ocenění, <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller>. Accessed 23 July 2021.

Zelinková, L. “RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka”. *Novinky.cz*, 27 July 2015, <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578>. Accessed 15 August 2021.

**The socio-psychological novel on the modern Czech book market
(based on Alena Mornštajnová's works)**

Svetlana A. Kozhina

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation

Kozhina S. A. The socio-psychological novel on the modern Czech book market (based on Alena Mornštajnová's works) // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 296–310 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03

Received: 28.08.2021.

Abstract

The modern Czech literary market (after 1989) has undergone significant changes. Its development was influenced, in particular, by the commercialization of the cultural sphere. The article describes the current (since 1989) literary process in the Czech Republic, presents the most successful — primarily from a commercial point of view — works in order to trace the most striking trends in modern Czech literature. The article provides an overview of contemporary Czech literary awards, nominations, as well as participating works. Particularly emphasized is the phenomenon of the growing popularity of works reflecting the events of recent history (the second half of the 20th century). An example of these trends are Alena Mornštajnová's works — *The Blind Map* (2013), *The Little Hotel* (2015), *Hana* (2017) and *Years of Silence* (2019). When characterizing the novels, special attention is paid to the role of historical plots and motives, as well as their influence on the modification of the genre of the socio-psychological novel in modern Czech literature. Moreover, the article dwells upon on Mornštajnová's artistic processing of historical material. She uses it as a method to depict psychological transformations of the characters, thus creating an effect of reader's involvement (through "recognizing" oneself and one's life story in the life story of the character).

Keywords

Contemporary Czech literature, bestseller, Alena Mornštajnová, psychological fiction.

Транскультурность в творчестве Йосипа Ости

Красовец Александра Николаевна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9500-1767

Цитирование

Красовец А. Н. Транскультурность в творчестве Йосипа Ости // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 311–329. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Йосип Ости (1945–2021) — поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор, автор свыше двадцати поэтических сборников. Родился в Сараево, с 1990 г. жил и работал в Словении. Являясь признанным поэтом у себя на родине, пишущим по-сербохорватски, одним из крупнейших переводчиков словенской литературы на сербохорватский язык, с 1997 г. он начинает писать по-словенски, тут же удостаиваясь наиболее престижных наград в Словении. Транскультурные аспекты литературных произведений Йосипа Ости, как поэтических сборников, так и романов, представляют собой особое явление. Автор не только лирически рефлексирует свой переход с одного языка на другой, каким был этот процесс, что оказало на него влияние, находя выражение в запоминающихся художественных образах, но и дает оценку своему литературному билингвизму в прозаических текстах и интервью. Анализ его стихов, в частности, обращение к жанру хайку, позволяет также понять особенности поэтического функционирования Ости на неродном ему словенском языке. Другая важная составляющая транскультурности творчества Ости — осмысление пространств Боснии и Словении и их уникальной взаимосвязанности.

Ключевые слова

Йосип Ости, современная словенская литература и поэзия, литература Боснии и Герцеговины, иммигрантская литература, транскультурность.

Памяти Й. Ости

Йосип Ости — поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор, родился в 1945 г. в Сараево и умер в июне 2021 г. в Томае, в Словении. В родном городе он окончил философский факультет Сараевского университета по специальности «История южнославянских литератур и сербохорватского языка», после чего также изучал философию и социологию. Был редактором студенческой газеты «Наши дани» (*Naši dani*), которая была закрыта в 1969 г., в годовщину студенческих протестов 1968 г., из-за двух текстов и стихотворения Ости «Третье лицо множественного числа» («*Tretja oseba množine*»); последнее в переводе Драго Янчара наряду с письмом в поддержку сараевских студентов вскоре увидело свет в мариборской газете «Катедра» (*Katedra*)¹. С 1973 г. он работал редактором, отвечающим за отечественную и иностранную литературу, а также исполняющим обязанности главного редактора в издательстве Veselin Masleša, откуда был уволен из-за несогласия с политической цензурой и запретом опубликованных книг. С 1982 г. являлся секретарем представительства писателей Сараево и директором международного литературного фестиваля «Сараевские дни поэзии» (чтобы не прерывать его тридцатилетнюю традицию, во время осады Сараево с 1992 по 1995 г. Ости организовывал проведение фестиваля в Любляне). Он также был секретарем Союза писателей Боснии и Герцеговины, редактором журнала Books в Боснии и Герцеговине, председателем Общества литературных переводчиков БиГ. В молодости Ости профессионально занимался легкой атлетикой, являлся многократным рекордсменом и чемпионом Боснии и Герцеговины в спринтерских дисциплинах, чемпионом среди юниоров в беге на 400 м, а также членом молодежной и затем взрослой сборной Югославии по легкой атлетике. С 1990 г. жил в Словении, в Любляне, где оказался во время войны, разразившейся на территории бывшей Югославии, с 1994 г. постоянно проживал в Томае — деревне в словенском регионе Крас. С 1991 по 2002 г. он являлся постоянным внештатным сотрудником литературной редакции Радио Словения, а затем в течение двух лет был колумнистом культурной рубрики газеты «Дневник» (*Dnevnik*). Был соучредителем так называемых Культурных выходных для детей из БиГ в Любляне и руководил литературными ателье для детей беженцев. Он основатель

¹ *Osti J. Tretja oseba množine; Jančar D. Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa // Katedra. 1969. Št. 14.*

и редактор книжной серии Egzil-abc, которая, располагая минимальными средствами, выходила с 1993 по 1996 г. в Любляне и в которой Ости опубликовал 160 книг, среди последних особую ценность представляют произведения авторов из осажденного Сараево, в ней также вышли тексты писателей из БиГ, проживающих в Словении и других странах, сочинения словенских авторов в переводе Ости, а также несколько его собственных книг. Эту серию многие считают настоящим издательским подвигом, совершенным в условиях военного времени на территории бывшей Югославии². Тогда же Ости предложил поэту Борису А. Новаку (р. 1953), занимающему место президента Словенского ПЕН-центра, а позднее также председателя Комитета мира или Сараевского комитета Международного ПЕН-центра, осуществить сбор и отправку денежной помощи писателям в осажденном Сараево. Эта деятельность Б. А. Новака продолжалась более трех лет и до сих пор представляет собой самую крупную акцию помощи писателям в истории этой международной писательской организации. В 1994 г. Ости в качестве члена делегации Словенского ПЕН-центра с Борисом А. Новаком, Нико Графенауэром и Драго Янчаром посетил осажденное Сараево. В 1999 г. поэт выступил составителем, редактором, автором сопроводительного слова антологии «Музы не молчали. Стихи словенских поэтов и поэтесс о войне в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине» (*Muze niso molčale. Pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini*, 1999), где собрал стихи Б. А. Новака, Йоже Сноя, Нежи Маурер, Изтока Осойника, Каетана Ковича, Эсада Бабачича, Дане Зайца, Вено Тауфера, Светланы Макарович, Нико Графенауэра, Алеша Штегера, Милана Деклевы, Андрея Розман-Розы, Алеша Дебеляка и др.

Творческая биография Ости началась в возрасте 15 лет, когда было опубликовано его первое стихотворение. Он выпустил в свет более 270 книг, среди них более 30 поэтических сборников, 9 книг прозы, 27 книг эссе, литературно-критических и публицистических текстов, книгу бесед с боснийско-герцеговинским поэтом Изетом Сарайlichem (1991), роман-переписку с сербской писательницей Бильяной Йованович *Non omnis moriar* (1996) и книгу корреспонденции с белградской переводчицей с русского языка Верой Зогович в

² *Baltić A.* Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtvsl.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.09.2021).

1994–1999 гг. «Сараево между Любляной и Белградом» (Sarajevo med Ljubljano in Beogradom. Dopisovanje 1994–1999, 2016), а также 14 антологий боснийско-герцеговинской и словенской поэзии и прозы. Перевел 136 книг, прежде всего поэзии и прозы словенских авторов, на сербохорватский, среди которых 17 пьес. Его книги вышли в более чем семидесяти переводах на различные языки. Ости получил множество наград, среди которых международная литературная премия Виленицы (1994), премия имени Отона Жупанчича (2000), специальная международная поэтическая премия Scrittura di Frontiera (Триест, 2005), международная поэтическая премия имени Аннибале Руччелло (Кастелламаре-ди-Стабия, 2016), международная литературная премия Pont (Копер, 2018) за наведение мостов между культурными сообществами и многие другие.

С 1997 г. Йосип Ости начал писать поэзию и прозу по-словенски, за свой дебютный поэтический сборник по-словенски «Нарцисс с Краса» (Kraški narcis, 1999) в 1999 г. он получил две престижные премии — Вероники и Отона Жупанчича. Всего у Ости вышло больше тридцати книг (больше двадцати из которых он написал по-словенски).

Йосип Ости — хорват по матери и словенец по отцу. Прадед отца со своей семьей в 1880-е гг. переехал из северо-восточной Италии, южного Тироля, в Боснию, оба региона в то время являлись частью Австро-Венгрии. Несмотря на то, что имена и фамилии семьи были италянизированы и по-словенски они больше не говорили, дед и отец Йосипа, которых обоих звали Нарцисс Ости, продолжали называть себя словенцами. Интерес к словенскому языку и любовь к словенской литературе возникают у Йосипа Ости во время учебы на философском факультете, там у него, однако, не было возможности изучать язык. Особенно знаменательными для поэта становятся встреча и знакомство со словенским поэтом Томажем Шаламуном (1941–2014): работая над переводом его стихов, Ости начал изучать словенский, став впоследствии, вероятно, самым плодовитым переводчиком словенской литературы на сербохорватский язык. В 1980-е гг. в Словении Ости знакомится со своей будущей женой Барбарой Шуберт, ради нее он переезжает жить в Люблян. Здесь он несколько лет работает на Радио Словения и со временем вынужден перейти к написанию рецензий на книги на словенском языке. Одним из следствий этого стало также то, что он начал создавать свои поэтические тексты по-словенски. Другим важным стимулом для этого послужила любовь к лирике словенского поэта-авангардиста Сречко Косовела (1904–1926) и желание жить в его родной деревне Томай.

Переход Ости к написанию поэзии на другом языке, по мнению Бориса А. Новака, продиктовал и определенные трансформации в его взгляде на мир. Поэзию Ости по-сербохорватски отличает нарративный характер, каждое стихотворение — это, как правило, целая история, язык же вбирает в себя наравне с архаичной, «руральной» лексикой словарь современной жизни. Так, для начального периода поэзии Ости (1970–1980-е гг.) характерны магнетический ритм, опирающийся на ритмику боснийской народной поэзии, синтаксические параллелизмы и тонкое переплетение повествовательной линии с сильными лирическими деталями, где метафорическая насыщенность придает поэтическим текстам особую смысловую многослойность³.

Серьезные изменения поэзия Ости претерпевает под воздействием переломного исторического события — войны в Боснии и Герцеговине, тогда в его текстах возникает важный элемент свидетельствования. Выходят в свет сборники «Сараевская книга мертвых» (*Sarajevska knjiga mrtvih*, 1993) и «Печать Соломона» (*Salomonov pečat*, 1995), где с ошеломляющей художественной силой находит отражение тема военного насилия. Следующий сборник, «Нарцисс с Краса», как уже было отмечено выше, написан по-словенски: так поэт в возрасте пятидесяти лет меняет язык своего творческого самовыражения. Вышедший три года спустя сборник «Скатерть Вероники» (*Veronikin prt*, 2002) автор посвятил своей матери по имени Вероника, которая не пожелала покинуть осажденное Сараево и провела всю войну в городе. Тематически и стилистически эта книга также примыкает к трем предыдущим, отражая сложный и противоречивый процесс вхождения Ости в новый для него язык; трагедия его родного края между тем все больше уступает место обретению нового дома на Красе. Все четыре книги разрабатывают ключевые для этого периода творчества Ости темы уничтоженного войной Сараево, потерянной родины и дома, умирающего вместе с ними родного языка⁴, связанных с этим беженства, бездомности, отшельничества, воспоминаний, забвения и поиска нового пристанища посредством поэтического творчества на другом языке, овладения другим культурным пространством, а также обретения любви и внутренней свободы. По-словенски поэт так же, как и по-сербохорватски, придерживается формы свободного стиха. Лирический герой во многом тождественен самому автору, поскольку как поэзия, так и проза Ости несет автобиографический характер.

3 См.: *Novak B. A. Dvojezični pesniški glas // Sodobnost. 1999. Št. 9/10. S. 840.*

4 *Osti J. Največkrat se pogovarjam z mrtvimi // Osti J. Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana, 2002. S. 84.*

Ости, прорабатывая страшную травму, не перестает сопоставлять Боснию, события в ней, и прекрасный Крас: «Где бы я ни прогуливался, я прогуливаюсь по сараевским улицам»⁵; «И в Томае, мама, меня настиг сараевский дождь»⁶. Цепляющие глаз детали заставляют думать о происходящем в Сараево, например, в стихотворении «Рухнется и рассыпается прекрасный старый дом на Кресе»:

Медленно и необратимо его подтачивает время
и превращает в развалину, похожую на развалины зданий,
в которые попали гранаты. Я сижу на каменной скамье
перед этим домом, окаменевший от ужасов, которые
происходят в моем родном городе⁷.

Последним поэтическим текстом Ости по-сербохорватски символично оказалось стихотворение «Я остался без языка». Поэт, лишившийся дома, чувствует, что его больше нет и в его родном языке. В редком для Ости указании места и времени написания текста симптоматично фигурируют сразу четыре географических названия: «Лангебройх — Любляна — Томай — Сараево 1994».

Я остался без языка, без того единственного,
что мне осталось? Всё есть в имени и нет,
я говорю на безымянном языке, которым
называю себя и всё вокруг. Или мой
язык, расщепленный острием ножа,
похож на змеиный? Разве не шепчут нежные слова
и в мертвый узел связанные змеи? И их дети,
плоды ядовитой любви, весь день греющиеся на солнце
свои красивые, нагие тела? Научиться снова
говорить или замолчать...⁸

Возникают образы раздвоенного, ядовитого змеиного языка, в таком случае поэт предпочитает умолкнуть или же освоить речь заново.

5 *Osti J.* Kjerkoli se sprehajam, se sprehajam po sarajevskih ulicah // *Osti J. Salomonov pečat: dnevnik nesаницe = dnevnik nespečnosti.* Ljubljana, 1995. S. 23. Здесь и далее перевод со словенского мой. — *А. К.*

6 *Osti J.* Še eno poslovilno pismo // *Ibid.* S. 82.

7 *Osti J.* Podira in sesipa se prelepa stara kraška hiša // *Ibid.* S. 119.

8 *Osti J.* Sem ostal brez jezika // *Ibid.* S. 123.

во. Так, обращаясь к словенскому как языку поэзии, автор неизменно приходит к удвоенному осознанию мира. Однако богатство владения двумя мирами одновременно становится и ранящей раздвоенностью. Как справедливо замечает Б. А. Новак, стихи, собранные в сборнике «Нарцисс с Краса», постоянно соотносят жизненное восприятие Сараево и Краса, войны и мира, тяжелого воспоминания и надежды, разрушенного прошлого и с трудом и любовью собранные камни Краса⁹. Прочитируем строки из стихотворения «Весна на Красе»:

Крас — это край моего повторного детства.

<...> я нашел новый дом, новый язык, новые
слова своих стихов... <...>

Нашел много того, что потерял во время страшной
войны. Друзей среди живых и
умерших поэтов. Любовь... А прежде
всего самого себя. Потерянного между реальностью
и точно такими же бессмысленными снами¹⁰.

Наравне с этим возникает важная тема повторного обретения дома:

Во время, когда в Сараево рушат дома,
мы с тобой в Томае строим маленький дом.

<...> Строим его из осколков снов,
разбитых балканской войной¹¹.

Ости обращается к теме языка как дома человека, теме дома из языка, пространству творчества как единственному дому:

Я снова строю дом. Из неартикулированных
звуков. Из цепочек гусениц. Из шипов
цветущей крапивы... Из отрезанных ногтей,
остриженных волос, высохшей спермы,
превратившейся в белую пыль. <...>

Я снова строю дом. Из ничего. Для никого.
Дом из языка¹².

9 Novak B. A. Dvojezični pesniški glas. S. 844.

10 Osti J. Pomlad na Krasu // Osti J. Kraški narcis. Ljubljana, 1999. S. 74.

11 Osti J. V času, ko v Sarajevu podirajo hiše, midva v Tomaju gradiva hišico // Ibid. S. 23.

12 Osti J. Znova gradim hišo // Osti J. Salomonov pečat. S. 121.

Отметим, что это стихотворение о природе творческого процесса, которое Ости опубликовал еще в своем предыдущем сборнике «Печать Соломона» и которое перевел на словенский язык Юре Потокар, невольно служит отсылкой к антологическому стихотворению А. Ахматовой «Мне ни к чему одические рати». Сам поэт среди огромного числа имен поэтов и писателей, с которыми он ведет диалог в форме интертекстуальности (среди них Эдвард Коцбек, Тин Уевич, Пауль Целан, Томаж Шаламун, Рене Шар, Урош Зупан, Райнер Мария Рильке, Сречко Косовел, Фернандо Пессоа, Вилем Завада, Еж Харасымович, Адам Загаевский, Георг Тракль, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Гарольд Харт Крейн и др.), не упоминает Ахматову, но посвящает стихотворение Марине Цветаевой, идентифицируя себя с ней как поэта, для которого так же, как и для нее, поэзия являлась единственным домом¹³. Транскультурность Ости, таким образом, активно проявляется и в этой включенности его текстов в литературное пространство не только Боснии, Хорватии, Сербии и Словении, но и Европы (а также Америки). Поэтов автор называет своими единственными братьями и отцами¹⁴. Крас и его пограничное положение с Италией заставляет боснийско-словенского литератора вдалеке от сараевского дома направлять свои мысли на великих обитателей здешнего культурного пространства, также невольно присвоивших его себе. В «Первом стихотворении» он упоминает Рильке в Девине, Джойса в Триесте, Бродского в Венеции; красная буря таким образом заглушает голоса из Сараево:

Сад в Томае. За домом из слов. Из
надежды. <...> посреди
зимы расцвело имя отца — Нарциса...
мать, Вероника, бдящая над мертвыми
и живыми в Сараево, где наша
семейная гробница... мой прошлый
и будущий пустой дом... <...> Стою
над бездной языка. Буря отзывается
сотнями, в том числе подземных, труб. <...>
Заглушает звуки из моего родного города.

13 *Osti J. Pesem je bila in bo tvoj edini dom, Marina Cvetajeva // Ibid. S. 79.*

14 *Osti J. Razen pesnikov drugih bratov nimam // Ibid. S. 75; Osti J. Pesnik v meni je, ljuba, vesel moje bolečine // Osti J. Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda). Maribor, 2009. S. 114.*

Любовные и предсмертные крики. Стирает воспоминания¹⁵.

По мнению Бориса А. Новака, при переходе на другой язык поэтический голос Ости пережил определенные изменения в тональности: стихи звучат мягче, будто словенский помог ему установить дистанцию по отношению к трагедии уничтожения в войне его боснийской родины. Строки, которые свидетельствуют об ужасах войны, все еще полны боли, но «эта боль чистая и просветленная, выкристаллизованная через призму языка, которого не коснулась война»¹⁶. Никогда до этого поэзия Ости не была так богата по своей образности.

Действительно, словенский язык будто дает вторую жизнь Ости как поэту, тогда он сам в шутку называет себя молодым словенским поэтом, а сборник «Нарцисс с Краса» — своей второй дебютной книгой¹⁷. Постепенно в сборнике «Скатерть Вероники» тема языка, наряду с ее сопряжением с образом «темницы» и с метафорой блуждания в «темном лесу»¹⁸, обретает дополнительные философско-экзистенциальные нюансы при помощи мотивов свободы, памяти, любви («любовь — это словарь и грамматика моего поэтического языка»¹⁹), воображения, созидания, обретения столь жизненно необходимого пристанища... Понятие родины теряет свою определяющую значимость, родным пространством становится то место, где изгнанник находит любящий прием. Строки из стихотворения «Солнце везде и всех одинаково греет» звучат почти как личный манифест поэта, Ости полемизирует с известным стихотворением сербского поэта Алексы Шантича «Оставайтесь здесь...» (1896), не соглашаясь с главным пафосом его текста о том, что не может быть лучшего дома, чем на родной земле:

Я не верю,
что человек живет ради того, чтобы умереть за

15 *Osti J. Prva pesem // Osti J. Kraški narcis. S. 26.*

16 *Novak B. A. Dvojezični pesniški glas. S. 846.*

17 *Horvat M. Josip Osti: "Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov" // Mladina. 22.12.2010. URL: <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/> (дата обращения: 17.09.2021).*

18 *Osti J. V žepu še vedno nosim ključ nekdanjega doma; Pogosto sem izgubljen v temnem gozdu jezika // Osti J. Veronikin prt. S. 15–16, 17.*

19 *Osti J. Najin vrt ljubezni, ljubezen, je slovar in slovnica mojega pesniškega jezika // Ibid. S. 30.*

родину. Особенно не за ту, которая непрерывно
 была местом битвы, истребления и пепелищем.
 Которая если и мать, то убийца собственных детей. <...>
 Поэтому
 всем, кого ты призываешь остаться здесь,
 я сообщаю, пусть они идут и останутся там, где
 они не будут спрашивать себя, кто их убьет,
 но кто их полюбит²⁰.

С середины 2000-х гг. Ости начинает писать поэзию в жанре хайку, обращаясь к классической форме японского стиха — из семнадцати слогов. По собственному признанию поэта, его словенская поэзия порой оказывается чересчур перегруженной, порой больше, чем в этом есть необходимость. Поскольку каждое словенское слово им воспринимается гораздо интенсивнее, чем другими поэтами, для которых этот язык является родным, то он решил дисциплинировать свое поэтическое выражение при помощи более короткой поэтической формы, которой и стало хайку²¹. Традиционное хайку обращено к образам природы, их соотношению с миром человека, что также отвечает образу жизни Ости на словенском Кресе, где он находится в непосредственном контакте с природой в саду своего дома. Так форма хайку, требующая от поэта выразить как можно больше, используя наименьшее количество слов, оказывается особенно подходящей для поэтического самовыражения Ости на словенском языке. Опус поэта насчитывает больше десяти сборников, написанных за последние годы. Последний из них вышел посмертно в сентябре 2021 г. и носит название «Флейта Пана» (Panova piščal, 2021)²², в нем количество сочиненных Ости хайку преодолело рубеж числа 1001, которое автор задал для себя после публикации первых книг в этом жанре. Главными темами здесь неизменно остаются любовь и смерть. Несмотря на большую долю интимности и исповедальности этой лирики, изгнанничество и война возникают в них лишь как некий углубленный фон, как полусознательный след пережитых жизненных трагедий, частью которых являются судьбы наиболее близких. Прочитируем несколько хайку из сборника «Томайский сад» (Tomajski vrt, 2007): «Зло войны меня / сблизило с природой. / Цветами и птицами»²³; а также из сборника «Утрение,

20 *Osti J.* Sonce povsod in vse enako greje. Ibid. S. 22.

21 *Horvat M.* Josip Osti: "Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov".

22 *Osti J.* Panova piščal. Ljubljana, 2021.

23 *Osti J.* Zlo vojne me je... // *Osti J.* Tomajski vrt. Ljubljana, 2007. S. 35.

вечерние молитвы» (Jutranjice, večernice, 2009): «Слышится выстрел. / И даже если нет мертвых, / В воздухе рана»; «Хотя нет войны, / домики улиток пусты. / Где беженцы?»; «Печаль беженца — / письмо с маркой из / родного края»²⁴. Свое же межкультурное положение Ости подытоживает в одном из хайку в сборнике «Маленькое стихотворение» (Majhna pesem, 2015): «Дитя Запада — / С каждым днем я все больше становлюсь / Старцем Востока»²⁵. В сборнике «Между крапивой и крестом» (Med koprivo in križem, 2007) раздвоенность лирического героя между двумя пространствами, прошлой и новой жизни, находит выражение в лаконично-пронзительных строках: «Из трамвая все / видят Триест, один / я — Сараево»; «Воображение — / моя родина. Дом — / тоска по родному краю»; «Вернусь ли / после смерти в край до / моего рождения — забытый?»²⁶. Несколько хайку Ости посвящает восприятию собственного двуязычия, возникают образ переводчика, мотивы воспоминаний и забытья: «Я переводчик. / Перевожу образы из / снов в слова»; «Один мой язык — / язык забвения, другой — / язык памяти»; «Я вспоминаю / и забываю одновременно / на двух языках»²⁷.

Наравне с поэзией Ости со второй половины 1990-х гг. также активно пишет прозу, которая несет преимущественно автобиографический характер, с чем связано желание поэта и писателя запечатлеть мир своего детства и молодости, того мультикультурного Сараево, которого больше нет. Выходят сборники рассказов «Я рос с животными» (Odgastao sam sa žvotinjama, 1996, 1997) по-боснийски, «Исчезло ледяное волшебство» (Izginula ledena čarovnija, 1998), написанный автором на родном языке и переведенный на словенский Лелой Б. Ньятин, и «Учитель любви» (Učitelj ljubezni, 2004), который Ости написал уже по-словенски, обозначив книгу как «семейный роман». Исследовательница Сильвия Боровник в отношении прозы Ости отмечает, что «ее особое достоинство заключается именно в искренней непосредственности и юморе. Язык Ости, словенский, — гибок и невероятно богат»²⁸.

24 *Osti J.* Slišati je strel...; Čeprav ni vojne...; Žalost begunca... // *Osti J.* Jutranjice, večernice. Ljubljana, 2009. S. 49, 53.

25 *Osti J.* Otrok Zahoda... // *Osti J.* Majhna pesem. Maribor, 2015. S. 114.

26 *Osti J.* Iz tramvaja vsi...; Domišljija je...; Ali se bom po... // *Osti J.* Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ. Ljubljana, 2007. S. 55, 59, 74.

27 *Osti, J.* Prevajalec sem...; En moj jezik je...; Spominjam se... // *Ibid.* S. 43, 45.

28 *Borovnik S.* Podobe medkulturnosti v literarnem delu Josipa Ostija // *Borovnik S.* Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor, 2017. S. 49.

В 2014 г., после того как у Ости было обнаружено неизлечимое онкологическое заболевание, он берется за написание трилогии биографических романов, которая в результате вылилась в четыре книги. В нее вошли романы «Призраки дома Генриха Бёлля» (Duhovi hiše Heinricha Bölla, 2016), «Перед зеркалом» (Pred zrcalom, 2016) и «Жизнь — чудовищная сказка» (Življenje je shrljiva pravljica, 2019). В 2018 г. вышел также роман в письмах, которыми автор обменивался с коллегами-писателями, в частности Борисом А. Новаком и боснийско-герцеговинским поэтом Хусейном Тахмишчичем (1931–1999), во время осады Сараево. Книга «Черный, поглотивший все остальные цвета» (Črna, ki je pogoltnila vse druge barve, 2018) — это свидетельство о той уникальной помощи, которую оказали словенские писатели коллегам в окруженном городе. Эти произведения можно назвать романами достаточно условно — сам автор называет их калейдоскопическими, мозаическими романами, которые представляют собой собранные вместе фрагменты различных историй. Это анекдоты, автобиографические зарисовки и эссе, которые ветер в доме немецкого лауреата Нобелевской премии — Генриха Бёлля, где Ости пребывал в писательской резиденции, «смял и разметал, спутав между собой». Если первый роман в трилогии обращается к жизни писательской среды, таких фигур, как Изет Сарайлич, Меша Селимович, Стеван Булаич, Данило Киш, и многих-многих других, то «Перед зеркалом» — уже полностью автобиографический и раскрывает воспоминания о женщинах в жизни писателя, начиная с бабушки, матери и тети, первых влюбленностях, мимолетных встречах и всех четырех женах, имеющих важное место в жизни Ости. Третий роман, «Жизнь — чудовищная сказка», состоит из трех переплетающихся повествовательных линий А, В, С: рассказ автора о его лечении от рака, военный дневник его матери, который она по его просьбе вела во время осады Сараево с 1992 по 1995 гг., и возникающие параллельно личные воспоминания автора из различных периодов его жизни.

Дневник, который вела мама Ости — Вероника — и посылала ему в письмах из осажденного города, где она провела все три с лишним года, своим простым фактографическим стилем и описанием ужасающей военной повседневности, полной боли и лишений, дает представление о непрекращающейся борьбе за существование пожилой женщины и других обитателей города, среди которых также и животные, в частности, оставшийся с Вероникой сиамский кот писателя по кличке Шираз. Сосуществование бок о бок дает им силы выжить, женщина также не теряет надежду однажды снова увидеть

своего сына, помогает ей в этом и присущее ей чувство юмора: «За одно только 5 января на Сараево упало 1330 гранат. Даже если бы это были арбузы, их для нас было бы слишком много»²⁹. Автор рисует мультикультурную, мультирелигиозную, мультиязычную атмосферу своей молодости, культурную и политическую жизнь своей родины, которая, к сожалению, породила и такие фигуры, как Радован Караджич, являвшийся в молодые годы поэтом и хорошим знакомым Ости. Исключительно гуманистическая позиция писателя, ставящая его вне каких-либо лагерей, позволяет отчасти понять суть трагедии, разразившейся на территории бывшей Югославии.

Сараево, его обитателям и кровавой трагедии, которую им довелось пережить, посвящен также сборник краткой прозы «Перчёный пудинг» (*Perce ro pudingu*, 2021), вышедший за месяц до смерти писателя. Его тональность, однако, сильно отличается от романа 2019 г., рассказы по своей форме напоминают анекдоты, изобилуют юмором и самоиронией. Б. А. Новак, высоко ценя мастерство Ости, классифицирует эти тексты как подлинные стихи в прозе³⁰.

Данные тексты в очередной раз раскрывают транскультурную идентичность автора, его столь существенную роль в процессе межэтнического перевода между различными культурными, языковыми и литературными моделями и пространствами. Стараясь успеть еще что-то сказать и рассказать о себе и своих близких, буквально отсрочив тем самым свою смерть, Ости невольно подводит некоторые итоги, в том числе свой переход на словенский как язык литературного самовыражения. Приходит осознание того, что это также позволило ему уклониться от так называемых «смертоносных объятий и поцелуев» между писателями БиГ в 80–90-е гг. «Тому, что важнее, кто ты (по национальности) и чей ты (из тех, кто во власти), чем то, какой ты. При этом в БиГ речь шла о столкновении не только между сербами, хорватами и мусульманами, но также и между “правильными” и “неправильными” внутри каждого из этих трех народов. Даже когда речь касается литературы»³¹. В этом же фрагменте снова возникает образ «мертвого узла», который мы встречали в стихотворении 1995 г. о потерянном языке: «Тем самым гордиев узел совместной жизни в

29 *Osti J. Življenje je srhljiva pravljica* [Elektronski vir]. Maribor, 2020. S. 354.

30 *Novak B. A. Moj brat Josip Osti // Delo: Sobotna priloga*. 10.07.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (дата обращения: 21.09.2021).

31 *Ibid.* S. 198–199.

многонациональной Боснии и Герцеговине был и остается еще более запутанным. Он даже был и остается мертвым узлом»³². Ости, не принадлежа ни к одной из трех основных наций, таким образом невольно выпал из литературного процесса родной страны: «Из этого сложного положения быть ничьим я бессознательно спасся таким образом, что начал писать поэзию по-словенски. Хотя до этого я был глубоко убежден, что никогда не смогу написать ни одной строчки на каком-либо другом языке. Так же как я никогда не желал жить где-то еще, кроме Сараево, в котором я родился»³³. Чуть далее Ости продолжает размышления о своей гибридной идентичности: «Я всегда считал и продолжаю считать себя сараевцем <...>. Не только тем, кто родился в Сараево, но еще больше тем, кто одновременно хорват, словенец, серб, мусульманин, еврей и представитель всех других народов и национальностей в нем»³⁴. Ости считает абсолютно бесценным опыт сосуществования стольких культур, обычаев, религий, который обогащал его с первых лет жизни.

Лишь одно сожаление связано с его переходом на другой язык — это то, что его мать больше не могла читать его книг (об этом он упоминает в предисловии к сборнику «Скатерть Вероники», эти же слова мы находим позднее в романе «Перед зеркалом»): «Хотя она знала, что я их писал, чтобы выжить, и что я выжил лишь потому, что написал их. Она точно так же не переставая вязала свою скатерть, на которой, как и в моем саду и в моих стихах, рифмуются лишь жизнь и смерть»³⁵. Здесь Ости отсылает к средневековому преданию о плате Вероники, которым женщина отерла лицо Иисуса Христа во время Крестного пути на Голгофу.

Йосип Ости — уникальный пример в словенской литературе, его словенское творчество уже давно превысило все написанное им по-боснийски (по-сербохорватски) и стало важным вкладом в словенское культурное пространство, обладающее благодаря таким авторам-космополитам международного формата, как Ости, существенной транскультурной составляющей. Более того, на данном пути он оказался первопроходцем: как справедливо отмечает литературовед Яня Житник-Серафин в монографии «Мультикультурная Словения» (*Večkulturna Slovenija*, 2008), идентичность писателей и писательниц-иммигрантов

32 Ibid. S. 199.

33 Ibid. S. 244.

34 Ibid. S. 377.

35 *Osti J. Veronikin prt ali namesto predgovora // Osti J. Veronikin prt. S. 10.*

«несомненно двунациональная», но до сих пор таковым было признано лишь двуязычное литературное творчество Ости³⁶. Исследовательница Аленка Корон в статье 2020 г. «Многоязычие и мультикультурность в литературных произведениях Йосипа Ости и Горана Войновича» подтверждает, что в новейшем словенском литературоведении все же утвердилось представление о том, что «словенское культурное пространство не является монолингвальным, но что в нем граничат между собой или сосуществуют во взаимном диалоге различные языки и культуры, среди которых также языки и культуры народов бывшей Югославии»³⁷. Хотя национальные истории литератур, в том числе и словенская, на фоне культурного национализма оттесняли многоязычие и мультикультурность литературных практик на периферию или же вовсе исключали их из рассмотрения, «в сегодняшнее время межкультурности, гибридных идентичностей и глобализации, безусловно, настал подходящий момент предоставить им более подобающее место»³⁸; тем более что речь идет об особенно качественных художественных произведениях, пользующихся любовью и признанием у широкой публики, а также в интернациональном литературном сообществе.

Источники и литература

Baltič A. Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan // RTV SLO. 08.05.2016. URL: <https://www.rtv slo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354> (дата обращения: 15.09.2021).

Borovnik S. Podobe medkulturnosti v literarnem delu Josipa Ostija // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba Univerze, 2017. S. 41–52.

Horvat M. Josip Osti: “Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov” // Mladina. 22.12.2010. URL: <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/> (дата обращения: 17.09.2021).

³⁶ *Žitnik Serafin J.* Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // *Žitnik Serafin J.* Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana, 2008. S. 103.

³⁷ *Koron A.* Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča // *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu* / ur. A. Koron, A. Leben. Ljubljana, 2020. S. 175.

³⁸ *Ibid.* S. 175–176.

Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča // *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu* / ur. Alenka Koron, Andrej Leben. Ljubljana: Založba ZRC, 2020. S. 165–177.

Muze niso molčale: pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini / izbral, uredil in spremno besedo napisal J. Osti. Ljubljana; London: Mirovni komite Mednarodnega PEN-a = Writers for Peace Committee of International PEN; Ljubljana: Slovenski PEN, 1999. 161 s.

Novak B. A. Dvojezični pesniški glas // *Sodobnost*. 1999. Št. 9/10. S. 839–847.

Novak B. A. Moj brat Josip Osti // *Delo: Sobotna priloga*. 10.07.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (дата обращения: 21.09.2021).

Osti J. Kraški narcis. Ljubljana: Študentska organizacija univerze, Študentska založba, 1999. 85 s.

Osti J. Tretja oseba množine; *Jančar D.* Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa // *Katedra*. 1969. Št. 14.

Osti J. Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih). Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016. 425 s.

Osti J. Jutranjice, večernice. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2009. 87 s.

Osti J. Majhna pesem. Maribor: Založba Pivec, 2015. 119 s.

Osti J. Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2007. 87 s.

Osti J. Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda). Maribor: Litera, 2009. 124 s.

Osti J. Panova piščal. Ljubljana: LUD Literatura, 2021. 90 s.

Osti J. Poper po pudingu: (66 zgodb in zgodbic, če pa jih, draga bralca ali bralec, bereš stoji na rokah, se ti zazdi, da jih je 99). Maribor: Pivec, 2021. 152 s.

Osti J. Pred zrcalom: (beležke za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb). Maribor: Založba Pivec, 2016. 269 s.

Osti J. Salomonov pečat: [dnevnik nesanice = dnevnik nespečnosti] / prepisal in prevedel Jure Potokar. Ljubljana: Mihelač, Društvo slovenskih pisateljev, 1995. 136 s.

Osti J. Sarajevska knjiga mrtvih. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993. 207 s.

Osti J. Tomajski vrt. Ljubljana: Društvo 2000, 2007. 85 s.

Osti J. Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana: Študentska založba, 2002. 105 s.

Osti J. Življenje je srljiva pravljica [Elektronska vir]: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi nezdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, mamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletali kot ptiči Fračiška Asiškega). Maribor: Založba Pivec, 2020. 492 s.

Žitnik Serafin J. Položaj priseljenjskih avtorjev v slovenski kulturi // *Žitnik Serafin J.* Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008. S. 102–108.

References

Baltić, A. “Josip Osti, tisti dobitnik največjih slovenskih literarnih priznanj, ki je bil izbrisan.” *RTV SLO*, 08 May 2016, <https://www.rtvlo.si/kultura/novice/josip-osti-tisti-dobitnik-najvecjih-slovenskih-literarnih-priznanj-ki-je-bil-izbrisan/391354>. Accessed 15 September 2021.

Borovnik, S. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor: Univerze, 2017, 172 p.

Horvat, M. “Josip Osti: ‘Pišem in prevajam v jeziku svojih spominov.’” *Mladina*, 22. Dec. 2010, <https://www.mladina.si/52711/josip-osti-pisem-in-prevajam-v-jeziku-svojih-spominov/>. Accessed 17 September 2021.

Koron, A. “Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnoviča.” *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu*, ed. by A. Koron, A. Leben, Ljubljana: Založba ZRC, 2020, pp. 165–177.

Novak, B. A. “Dvojezični pesniški glas.” *Sodobnost*, no. 9/10, 1999, pp. 839–847.

Novak, B. A. “Moj brat Josip Osti.” *Delo: Sobotna priloga*, 10 July 2021, <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/>. Accessed 21 September 2021.

Osti, J. “Tretja oseba množine; Jančar D. Ob prvem maju: zopet zaplemba študentskega časopisa.” *Katedra*, no. 14, 1969.

Osti, J. *Sarajevska knjiga mrtvih*. Ljubljana: Slovenian State Publ., 1993, 207 p.

Osti, J. *Salomonov pečat: [dnevnik nesanice = dnevnik nespečnosti]*. Ljubljana: Mihelač, 1995, 136 p.

Osti, J. *Kraški narcis*. Ljubljana: University Student Organization, 1999, 85 p.

Osti, J., editor. *Muze niso molčale: pesmi slovenskih pesnic in pesnikov o vojni v Sloveniji, na Hrvaškem in v Bosni in Hercegovini*, Ljubljana, London: Writers for Peace Committee of International PEN, 1999, 161 p.

Osti, J. *Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije*. Ljubljana: Student Publ., 2002, 105 p.

Osti, J. *Med koprivo in križem = Between Kopriva in Križ*. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2007, 87 p.

- Osti, J. *Tomajski vrt*. Ljubljana: Društvo 2000, 2007, 85 p.
- Osti, J. *Jutranjice, večernice*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2009, 87 p.
- Osti, J. *Na križu ljubezni (ljubezenske, spet... žalostinke, seveda)*. Maribor: Litera, 2009, 124 p.
- Osti, J. *Majhna pesem*. Maribor: Založba Pivec, 2015, 119 p.
- Osti, J. *Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih)*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016, 425 p.
- Osti, J. *Pred zrcalom: (beležke za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb)*. Maribor: Založba Pivec, 2016, 269 p.
- Osti, J. *Življenje je srhljiva pravljica [Elektronska vir]: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi neozdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, mamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletavali kot ptiči Fračiška Asiškega)*. Maribor: Pivec, 2020, 492 p.
- Osti, J. *Panova piščal*. Ljubljana: LUD Literatura, 2021, 90 p.
- Osti, J. *Poper po pudingu: (66 zgodb in zgodbic, če pa jih, draga bralka ali bralec, bereš stoje na rokah, se ti zazdi, da jih je 99)*. Maribor: Pivec, 2021, 152 p.
- Žitnik Serafin, J. *Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru*. Ljubljana: ZRC SAZU, 2008, 314 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Krasovets A. N.

The transculturality in the artwork of Josip Osti

Aleksandra N. Krasovets

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9500-1767

Citation

Krasovets A. N. The transculturality in the artwork of Josip Osti // Slavic Almanac. 2021. No. 3–4. P. 311–329 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04

Received: 28.08.2021.

Abstract

Josip Osti (1945–2021) was a poet, a novelist, an essayist, a literary critic, a translator and an editor. He also wrote over twenty poetry collections. Born in Sarajevo, since 1990 he lived and worked in Slovenia. After he became a recognized poet in his homeland and one of the most important translators of Slovenian literature into Serbo-Croatian, since 1997 he began to write in Slovenian. Soon after, he receives most prestigious awards in Slovenia. The transcultural aspects of Josip Osti's literary works, both poetry collections and novels, are in the scope of our attention. The author not only lyrically reflects on his transition from one language to another, what this process was like, what influenced him and found its expression in memorable artistic images, but also assesses his literary bilingualism in his prose texts and interviews. Our analysis of his poetry, especially taking into analysis his haikus, makes it possible to understand the peculiarities of Osti's poetic work in a non-native language, that is, Slovenian. Another important component of the transculturality of Osti's work is his comprehension of the spaces of Bosnia and Slovenia and of their unique interconnection.

Keywords

Josip Osti, contemporary Slovenian literature and poetry, literature of Bosnia and Herzegovina, immigrant literature, transculturality.

**Романы о «вычеркнутых»:
социально-критический дискурс в словенской прозе
2010-х гг.**

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Романы о «вычеркнутых»: социально-критический дискурс в словенской прозе 2010-х гг. // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 330–343. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Усиление писательского внимания к последствиям кардинальных политических и социокультурных изменений в жизни Словении — одна из тенденций, наблюдающихся в национальной прозе первых десятилетий XXI в., свидетельствующая о постепенном возвращении в литературу социально-критического дискурса. В это время в поле зрения прозаиков попадает одна из самых злободневных проблем независимой Словении — судьба так называемых вычеркнутых, лиц с югославскими паспортами, на момент провозглашения суверенитета живших и работавших в Словении и в силу политических и бюрократических причин исключенных из реестра ее постоянных жителей. В 1992 г. только что провозглашенное демократическое государство лишило статуса гражданина, по сути подвергло этнической чистке, свыше 25 тысяч таких людей. Правда об этом «неудобном» эпизоде годами замалчивалась или фальсифицировалась. Прозаики М. Маццини, П. Главан и Д. Баук в своих романах «Вычеркнутая» (2014), «Не важно как» (2014) и «Конец. Опять» (2015) стремятся использовать этический потенциал художественного слова для передачи опыта эмпатического переживания. Несмотря на несовпадение жанровых разновидностей (триллер, социальный роман, роман с элементами сюрреализма), все три рассматрива-

емых текста объединяет предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью художественного высказывания. Привлекая внимание читателей к актуальному социальному конфликту, писатели, каждый по-своему, стремятся разрушить существующие в обществе стереотипы его восприятия.

Ключевые слова

Современный словенский роман, социально-критическая проблематика, тема «вычеркнутых», эмпатическое переживание, коллективная вина.

Остаться, распрощавшись, — есть ли горше доля?
Все тот же город. Те же улица и дом.
Стоять перед дверью, запертой ключом
от нового замка, стать поневоле
соседом-призраком среди гомона столицы.
Себя лишаешь, в изгоя превратиться.
Всем ясно — только не ему — за что
мир оградили от него чертой.
Родное всё вокруг — а все твердят: чужой.
Исторгнутый, он странствует душой.
Изгнание в себя — невыносимо.
Скорей всего, он с места обжитого
подхватится и где-нибудь, не здесь,
найдет опору, новый край родимый.
Не так прочна, как кажется, граница —
преодолев ее, расскажет все, как есть.
Все в нем — и немота его и слово¹.

Борис А. Новак «Вычеркнутые», перевод Ж. Перковской

Усиление писательского внимания к последствиям кардинальных политических и социокультурных изменений в жизни общества — одна из тенденций, наблюдающихся в современной словенской литературе. В середине 2010-х гг. в поле зрения авторов попадает тема так

¹ Текст оригинала: URL: <https://forumzademokracijo.net/2020/12/14/boris-a-novak-izbrisani/> (дата обращения: 31.08.2021).

называемых вычеркнутых², на протяжении многих лет в Словении замалчиваемая. Весьма показательны здесь три романа: «Вычеркнутая» (2014) М. Маццини, «Не важно как» (2014) П. Главан и «Конец. Опять» (2015) Д. Баука.

Еще в 1970-е гг. в Словению, самую экономически благополучную и развитую республику СФРЮ, начинают мигрировать выходцы с юга. Многие из них, менее образованные, плохо говорящие словенски, не привыкшие к городской жизни, трудно адаптировались к новым «европейским» условиям и вызывали раздражение у коренного населения. Согласно соцопросам, проведенным в 1990 г., более половины респондентов-словенцев (57,5 %) видели в южанах-мигрантах угрозу для себя³. Для многих из переселенцев выход Словении из состава Югославии в 1991 г. стал утратой «большой родины», потому что, живя и работая в одной из республик СФРЮ, они ощущали себя гражданами мощного многонационального государства. Неудивительно, что большинство из этих людей провозглашения суверенитета не поддерживало. В независимой Словении статус гражданина СФРЮ перестал быть легитимным. Решить этот вопрос можно было, подав заявление на получение словенского гражданства в течение полугода со дня провозглашения независимости. Большинство переселенцев, а это около 172 тыс. человек, так и сделало, однако были и те, кто по разным причинам не успел или не захотел так поступить, поэтому 26 февраля 1992 г., когда регистрация документов на ПМЖ в Республике Словения была прекращена, их данные были удалены из реестра постоянного населения, а они лишены возможности получить статус гражданина Словении и всех соответствующих гражданских прав. Таких «вычеркнутых» оказалось чуть больше 25 тысяч, все они, согласно исследованию Я. Дедиц «Дискриминация в процессе получения словенского гражданства», были «этническими представителями других югославянских народов или родились в смешанных браках словенцев с несловенцами»⁴. Таким образом, эти обладатели югославских паспортов, включая и тех выходцев из других социалисти-

2 Поскольку слово «izbrisani» — «стертые» в русском языке омонимично, автор статьи в своих работах использует выражение «вычеркнутые».

3 *Medvedšek M. Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi // Priseljenci. Ljubljana, 2007. S. 195.*

4 *Dedić J. Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja. Ljubljana, 2003. S. 27.*

ческих республик СФРЮ, кто имел в Словении постоянную работу и постоянное зарегистрированное место жительства, в один момент оказались не только вне гражданско-правового поля, но и вне системы социального обеспечения — здравоохранения, страхования, пенсий, потеряли приобретенное право на постоянное проживание и работу, фактически став апатридами, иностранцами-нелегалами. Причины здесь были различными. Кому-то из подавших документы на гражданство отказали, мотивируя решение сотрудничеством соискателей с Югославской народной армией (ЮНА) во время военной агрессии против Словении со стороны Белграда в июне 1991 г. («десятидневная война»). Большинство же «вычеркнутых», не зная о юридических последствиях, за гражданством просто не обратились. Почти десять лет тема «вычеркнутых» оставалась на периферии общественного внимания и вне поля зрения официальных властей и СМИ, а сами «вычеркнутые» оказались в выбравшей демократической путь Республике Словении людьми второго сорта. Только в два подхода, сначала в 1999 г., а затем в 2003 г., Конституционный суд Республики Словении признал аннулирование права неграждан Словении на постоянное место жительства антиконституционным. В 2002 г. «вычеркнутые» создали общественную организацию и стали активно бороться за свои права, их гражданские акции способствовали тому, что проблема получила международный резонанс. Словенские социологи начали изучать правовые, социальные и политические аспекты феномена «вычеркнутых», собирать документальные материалы. В феврале 2004 г. парламентское большинство приняло так называемый «Технический закон о вычеркнутых», возвращающий им права, отнятые в 1992 г., однако два месяца спустя закон был отменен в результате проведенного референдума (95 % его участников высказались против при явке в 31,45 %). Даже после решения Европейского суда по правам человека в Страсбурге от 26 июня 2012 г., признавшего акт удаления физических лиц из реестра постоянного населения нарушением Европейской конвенции по правам человека и обязавшего государство исправить его последствия, в словенском обществе все еще сильно негативное восприятие «вычеркнутых» и отрицание вины по отношению к ним (сами, мол, отказались от гражданства, а теперь этим спекулируют, требуют компенсации, угрожая благополучию законопослушных словенцев).

По сравнению с другими актуальными темами, отражающими последствия политических и социокультурных перемен на постъюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991–2001 гг. на

Балканах, феномены «югостальгии», «титостальгии» и пр.), к рассматриваемому эпизоду истории независимой Словении писатели обратились не по горячим следам, а с некоторой задержкой. В целом это отвечало вектору общественных настроений 2000–2010-х гг., общему дискурсу «организованной невинности»⁵ в целях пропаганды идеи непогрешимости словенской демократии, которой чуждо балканское насилие. М. Юван связывает такое запаздывание с «амбивалентным положением словенского писателя, который исторически является носителем национальной идеи <...> и в то же время традиционно дистанцируется от любой господствующей идеологии»⁶. Выступая с критикой демократической власти, всячески скрывающей, что она встала на путь национализма, писатель рискует выйти за рамки привычной национально-охранительной идеи и быть не понятым читателем, привыкшим за годы суверенитета к замалчиванию или отрицанию острых проблем. К тому же, в отличие от войны на Балканах, проблематика «вычеркнутых» превращает словенского читателя из стороннего наблюдателя в соучастника.

Первым тех, кто в независимой Словении оказались заложниками внутренней политики и административной системы, поддержал поэт Борис А. Новак: в знак протеста против результатов референдума 2004 г. он написал сонет «Вычеркнутые», впоследствии затронул эту тему в третьем томе своего эпоса «Врата безвозвратности» (2015–2017). Проблем «вычеркнутых» касаются в своих романах Б. Градишник — «Рука вода камень» (2007), Г. Войнович — «Чефуры, вон!» (2008) и «Инжир (2016)»; важной для словенского культурного пространства книгой стал переведенный с боснийского языка автобиографический роман Мехмедалии Алича «Никто» (2013), в центре которого драма лишённого гражданства переселенца и трагедия Сребреницы. В этом же году в театре Прешерна в Кране О. Фрлич поставил спектакль «25 671»⁷, раскрывающий всю неприглядную изнанку бытового этнонационализма словенского общества.

Несмотря на несовпадение жанровых разновидностей (триллер, социальный роман, роман с элементами сюрреализма), все три рассматриваемых текста объединяет не только предмет изображения —

5 *Jalušič V.* Organizirana nedolžnost // Izbrisani: organizirana nedolžnost... S. 7.

6 *Juvan M.* Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3. S. 27.

7 Цифра, соответствующая точному числу «вычеркнутых».

судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним в словенском обществе, но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью эстетического дискурса. Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Маццини, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся разрушить существующие в обществе стереотипы его восприятия — все три авторские трактовки образов «вычеркнутого/ой» построены на эмпатии. Также для всех авторов характерно использование хронотопа мультикультурного пространства, обуславливающего поступки, взгляды, высказывания героев. Еще одна общая черта — присутствие в произведениях персонажей-иностранцев в роли возлюбленных главных героев/героинь (американец Марк у Маццини, американка Мэри у Баука и ирландец Дэвид у Главан), которым отводится роль внешних наблюдателей за общественной жизнью Словении и которые олицетворяют собой наступление глобализации во всех сферах жизни, в том числе в интимной.

Остросюжетный, с элементами триллера и детектива роман Мими Маццини «Вычеркнутая» знакомит с историей матери-одиночки Залы Йованович (с мягким «ч» на конце, что свидетельствует о сербском происхождении фамилии), дочери серба и словенки, которая выросла в Любляне и ощущает себя словенкой. После выхода Словении из состава Югославии и провозглашения государственной независимости она оказывается заложницей непродуманных политических решений и бюрократических катаклизмов и неожиданно для себя становится лицом без гражданства. Ее история начинается 30 апреля 1992 г., в четверг, и заканчивается 15 мая 1992 г., в пятницу, — за эти две недели героине ценой огромных усилий удается восстановить справедливость, вернуть гражданство себе и своему новорожденному сыну, которого ей, как отсутствующей в базе данных МВД Республики Словении, отказались отдать в роддоме. Счастливый финал только оттеняет остроту и болезненность реальной проблемы: роман заканчивается фразой «29 февраля 1992 г. Министерство внутренних дел Республики Словении лишило гражданства 25 671 человека. Гражданский статус большинства из них до настоящего времени не определен»⁸. Зала работает воспитательницей в детском саду, разведена. Ее случайный роман с женатым американским кризисным менеджером Марком приводит к беременности, и, несмотря на то что партнер не хочет детей, женщина принимает решение оставить ребенка. В роддоме выясняет-

⁸ *Mazzini M. Izbrisana. Novo mesto, 2014. S. 257.*

ся, что сведений о З. Йованович «нет в компьютере»⁹, и молодой матери настоятельно советуют отдать сына в приемную семью. Героиня вынуждена обратиться за помощью к отцу новорожденного, который, понимая значение общественного резонанса, устраивает ей встречи с представителями прессы, телевидения, писателями. Это привлекает к женщине внимание органов госбезопасности, за ней начинают следить, прослушивать телефон. Марк провоцирует спецслужбы — сообщает Зале по телефону, что якобы устроил ей интервью с CNN, и теперь всё случившееся получит международную огласку. Власти сдаются — героине дают гражданство, так что в интервью теперь нет необходимости. В ходе своих мытарств она знакомится со многими другими пострадавшими и убеждается, что все они абсолютно бесправны, их можно убить, обокрасть, избить совершенно безнаказанно. Зала сталкивается с бездушием и формализмом чиновников, бесцеремонностью журналистов, конформизмом и демагогией общественных деятелей. Приведенный ниже диалог с инспектором иммиграционной службы высвечивает всю абсурдность сложившейся ситуации:

<...> он взял анкету, которую Зала заполнила, и долго ее изучал.

— Зала Йованович, место рождения — Крагуевац, Сербия.

— Югославия, — поправила она.

— Югославии больше не существует. Она распалась. Словения уже целый год имеет статус независимого государства. <...>

— Отец там работал, я там только родилась. Мы уехали, когда мне было три месяца, — произнесла она.

Инспектор кивнул.

— Когда вы пересекли границу? <...>

— Что вы имеете в виду? В последний раз? Зимой. Я ездила в Триест за джинсами для беременных, а до этого в августе была на море, на хорватском побережье.

— Не морочьте мне голову! Это серьезное дело, знаете ли. С властями не шутят. Пожалуйста, отвечайте ясно, без обиняков. Я ничего не выдумываю, я задаю вопросы, следуя процедуре, вы должны на них отвечать, и тогда мы подпишем бумаги. Когда вы пересекли границу? <...>

— О чем вы говорите? Вы же знаете, что я была в роддоме!

Он взял другой листок и начал его разглядывать.

⁹ Ibid. S. 27.

— Да, в роддоме. Вы ведь рожали в Словении, не так ли? Наше здравоохранение намного лучше вашего в Крагуеваце, неудивительно, что вы пересекли границу <...>. Вы в нашей стране нелегально, проходите стандартную процедуру, я призываю вас к сотрудничеству.

— Вы меня понимаете? — она стукнула кулаком по столу так, что из набухших грудей брызнуло молоко. Да, я родилась не в Словении! Это так! Но моя мать словенка! Я здесь училась в педучилище, у меня здесь работа!

— У вас нет гражданства и постоянного места жительства¹⁰.

Маццини фокусирует внимание на борьбе героини с бюрократической государственной машиной, его претензии адресованы политикам и чиновникам, но не гражданскому обществу, с молчаливого согласия которого совершаются описываемые беззакония. Такая односторонность подхода стала причиной упреков со стороны некоторых критиков, отметивших, что писателю «не удалось полностью реализовать потенциал социальной проблематики»¹¹, что его «социально-критический месседж недостаточно эффективен»¹².

Этого нельзя сказать о книге Полоны Главан «Не важно как», в которой акцент сделан как раз на проблеме соучастия и СОВины простых граждан Словении в драме «вычеркнутых». Роман построен на двух параллельно развивающихся сюжетных линиях, юные героини которых при трагических обстоятельствах встречаются в финале. Каждая из них ведет свой рассказ от первого лица, главы чередуются. Девушки близки по возрасту, но принадлежат к разным социальным группам, о чем свидетельствует тип социолекта. Так, в речи семнадцатилетней школьницы Лили соединяются подростковый сленг и речевые обороты городской периферии, отмеченные маркерами ксенофобской нетерпимости. Другая героиня, студентка английской кафедры Люблянского университета Аля (в чем-то alter ego самой Главан), говорит «культурно», толерантно, подчеркнуто вежливо. У Лили есть взрослый парень, Марс, она беременеет от него и хочет сделать аборт, но тому удается ее отговорить. Действие романа длится около девяти месяцев — срок вынашивания ребенка. За оскорбление иммигранта Марса увольняют

¹⁰ Mazzini M. Izbrisana ... S. 56–57.

¹¹ Pišek M. Miha Mazzini: *Izbrisana* // Sodobnost. 2014. Let. 88. Št. 10. S. 1432.

¹² Virk T Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, 2021. S. 158.

с работы, он в бешенстве: «Эти пришлые с юга нашей бывшей страны могут позволить себе все, а простой словенский рабочий получает пинок под зад за одно-единственное замечание»¹³. После увольнения героя, не скрывающего своих симпатий к скинхедам, окончательно захлестывают ксенофобские настроения, он присоединяется к фашиствующим группировкам. Лили полностью на его стороне.

Устав от виртуального романа по Skype с Дэвидом, в которого влюбилась, путешествуя по Ирландии, Аля пытается отвлечься. Она случайно знакомится с тринадцатилетним боснийским мальчиком-иммигрантом Сенадом, семья которого живет в крайне стесненных условиях, и начинает помогать ему с учебой. Помощь способному ребенку постепенно перерастает в социальное кураторство, в итоге героиня присоединяется к левым активистам люблянского сквота Rog, выступающим за права национальных меньшинств и «вычеркнутых». На одной из акций, в которой принимает участие Аля, на их мирное шествие нападают радикально настроенные правые националисты, Марс и Лили в их рядах. Так не знакомые друг с другом девушки оказываются лицом к лицу по разные стороны баррикады. Во время потасовки Марс смертельно ранит отца Сенада, тоже находившегося среди демонстрантов. Для обеих героинь гибель иммигранта-инвалида становится потрясением: Лили порывает с Марсом, после родов не хочет видеть свою новорожденную девочку, потому что ее отец — убийца; Аля испытывает чувство вины за то, что позвала Нихада, отца своего подопечного, принять участие в акции и тем самым невольно подтолкнула его к смерти.

Любовные истории обеих героинь, несмотря на все различие контекста, деталей, партнеров, не лишены мелодраматичности, изображение их жизненных установок и мотиваций — «черно-белой оптики»¹⁴. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения Лили и Али с их социальным происхождением, подчеркивая, что националистическим настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества.

Дино Баук в романе «Конец. Опять» встраивает отдельно взятую трагическую судьбу в историю выживания поколения 1990-х, показывая фатальные для жизни людей последствия государственных политических и бюрократических решений. Главные герои романа — трое подростков, которых на излете социалистической эпохи связа-

13 *Glavan P.* Kakorkoli. Ljubljana, 2014. S. 347.

14 *Vrščaj T.* Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov. Ljubljana, 2020. S. 165.

ла дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый — Денис, романтик и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства: триггером становится несловенское происхождение его отца, усугубленное званием офицера ЮНА: вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, его высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют в Боснию, где он и погибает. Второй, Горан, с юных лет отличавшийся особой оборотистостью, в независимой Словении становится беспринципным и жадным бизнесменом; третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в озлобленного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертый член этой компании — американка Мэри, девушка Дениса, в свое время оказавшаяся в Европе в качестве мормонской миссионерки. Повествование ведется от третьего лица и строится на реминисценциях: Питер, Горан и Мэри, которым уже за сорок, вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается мозаика короткой жизни Дениса. Все трое подсознательно испытывают чувство вины перед ним: Горан и Петер — потому что они были «чистокровными» словенцами и маховик националистических репрессий их не коснулся, Мэри — потому что расставание с возлюбленным произошло внезапно, они даже не простились (за нарушение строгих правил мормонского поведения она была экстренно отправлена в Австрию). В эти воспоминания вплетается рассказ повествователя о пребывании Дениса в Боснии, отдельные его эпизоды носят вполне сюрреалистический характер. Так, в каком-то боснийском городе герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотекарей. Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими авторами — Александром Хемоном, Давидом Албахари, Игорем Штиксом, Борисом Дежуловичем, Миленко Ерговичем — уже после окончательного распада Югославии, т. е. после смерти самого Дениса. Вообще для тональности романа характерна нота ностальгии по югославскому культурному пространству, «югосфере»¹⁵, с ее мультикультурностью и стремлением к диалогу, причем Баук касается не только литературы, но и музыкальной культуры СФРЮ, включает в текст слова песен популярных югославских рок- и панк-групп, на которых росли его герои.

15 *Djokić D. The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century // After Yugoslavia. Stanford, 2013. S. 74.*

В кульминационной сцене романа в воображении автора все четверо друзей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис. Последней к этому нарративу памяти присоединяется Мэри:

Когда она шагнула в пустое пространство, все трое уже были там: Денис, Питер и Горан. Дениса она узнала сразу, он ничуть не изменился, может быть, выглядел на год старше и лицо чуть серьезнее... Только военная форма смотрелась нелепо. Непохоже, что он надел ее добровольно. Горан постарел, но не настолько, чтобы она его не узнала. Ну а относительно Петера включилась логика — только он мог быть третьим в этой компании. Они стояли так же, как на той репетиции группы, когда она в последний раз слышала их игру... Тишина в этом пустом пространстве казалась невообразимо громкой. Пока Мэри шла к ним, в ее голове звучала мелодия песни, которую они тогда играли. Еще один шаг, и они оглянулись, словно тоже услышав эту мелодию. Она была совсем близко от того, чего так и не произошло¹⁶.

Сюрреалистические зоны произведения — литературный троп, с помощью которого Баук стремится образно воплотить реальность фантазий, галлюцинаций, ностальгии, выражающих стремление героев к чему-то иному. Это их способ убежать от себя, от чувства вины и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом и того, что случилось, и того, чего не произошло. Ведь это непроизошедшее могло произойти, если бы герои в определенный момент действовали иначе, принимали другие решения.

Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути этническая чистка с применением административного ресурса, — безусловно, один из самых болезненных и резонансных эпизодов в недавнем прошлом демократической Словении. Авторы рассмотренных романов реализуют социально-критический дискурс и этический потенциал литературы для привлечения внимания читательской аудитории к одной из социальных аномалий, правда о которой годами их собратьями по перу замалчивалась, потому что «не шла на пользу новому обществу»¹⁷. С помощью вербализации эмпатического переживания Маццини, Главан и Баук пытаются разрушить существующие в словенском обществе стереотипы вос-

¹⁶ *Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana, 2015. S. 178.*

¹⁷ *Vrščaj T. Kritičarka na drevesu... S. 9.*

приятия проблемы в целом и образа «вычеркнутого» в частности. Первый шаг к осмыслению травматического опыта сделан, но до окончательного преодоления коллективной травмы и искупления коллективной вины еще далеко. Литература независимой Словении, как справедливо замечает автор монографии «Под сенью Прешерна. Словенская литература и общественные трансформации: национальное государство, демократия и противоречия переходного времени» (2021) Т. Вирк, еще «недостаточно эффективно выявляет латентные общественные патологии и не стремится выступать в роли обличителя тех фактов социальной несправедливости, о которых общество предпочитает молчать»¹⁸.

Источники и литература

Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana: Beletrina, 2015. 184 s.

Dedić J. Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja / ur. J. Dedić. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2003. S. 23–84.

Djokić D. The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century // After Yugoslavia / ed. by R. Gorup. Stanford: Stanford UP, 2013. P. 55–74.

Glavan P. Kakorkoli. Ljubljana: Beletrina, 2014. 471 s.

Jalušič V. Organizirana nedolžnost // Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja / ur. J. Dedić. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2003. S. 7–22.

Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplarnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3. S. 23–42.

Mazzini M. Izbrisana. Novo mesto: Goga, 2014. 270 s.

Medvedšek M. Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi // Priseljenci / ur. M. Komac. Ljubljana: Inštitut za narodnostna vprašanja, 2007. S. 187–217.

Pišek M. Miha Mazzini: Izbrisana // Sodobnost. 2014. Let. 88. Št. 10. S. 1428–1432.

Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2021. 222 s.

Vrščaj T. Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov. Ljubljana: LUD Literatura, 2020. 173 s.

¹⁸ *Virk T.* Pod Prešernovo glavo... S. 161.

References

- Bauk, D. *Konec. Znova*. Ljubljana: Beletrina, 2015, 184 p.
- Dedić, J. “Diskriminacija v postopkih pridobivanja slovenskega državljanstva.” *Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja*, ed. by J. Dedić, Ljubljana: International Institute, 2003, pp. 23–84.
- Djokić, D. “The Past as Future: Post-Yugoslav Space in the Early Twenty-First Century”. *After Yugoslavia*, ed. by R. Gorup, Stanford: Stanford UP, 2013, pp. 55–74.
- Glavan, P. *Kakorkoli*. Ljubljana: Beletrina, 2014, 471 p.
- Jalušič, V. “Organizirana nedolžnost.” *Izbrisani: organizirana nedolžnost in politike izključevanja*, ed. by J. Dedić, Ljubljana: International Institute, 2003, pp. 7–22.
- Juvan, M. “Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana.” *Primerjalna književnost*, vol. 39, no. 3, 2016, pp. 23–42.
- Mazzini, M. *Izbrisana*. Novo mesto: Goga, 2014, 270 p.
- Medvedšek, M. “Razmišljanja o pojavih nestrpnosti in etnične distance v slovenski družbi.” *Priseljenci*, ed. by M. Komac, Ljubljana: Institute for Ethnic Studies, 2007, pp. 187–217.
- Pišek, M. “Miha Mazzini: Izbrisana.” *Sodobnost*, vol. 88, no. 10, 2014, pp. 1428–1432.
- Virk, T. *Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja*. Ljubljana: Science Publ. of the Philological Faculty, 2021, 222 p.
- Vrščaj, T. *Kritičarka na drevesu. Izbrane kritike slovenskih romanov*. Ljubljana: Literatura, 2020, 173 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Starikova N. N.

Novels about the “erased”: The social-critical discourse in Slovenian prose of the 2010s

Nadezhda N. Starikova
 Doctor of Letters, head of the Department
 Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
 119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E-mail: nstarikova@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Novels about the “erased”: The social-critical discourse in Slovenian prose of the 2010s. // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 330–343 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.05

Received: 28.08.2021.

Abstract

The increasing attention that writers pay to the consequences of cardinal political and sociocultural changes in the life of Slovenia is one of the trends observed in the national prose in the first decades of the 21st century, indicating that the socio-critical discourse has been gradually returning to literature. At this time one of the most pressing problems of independent Slovenia comes to the attention of novelists' field of vision — that is, the fate of the so-called “erased”, persons with Yugoslav passports, who at the time of the proclamation of sovereignty were living and working in Slovenia and for political and bureaucratic reasons were excluded from the register of its permanent residents. In 1992, the newly proclaimed democratic state deprived them of their citizenship status, that resulted in ethnic cleansing of over 25 thousand of such people. The truth about this “inconvenient” episode has been hushed up or falsified for years. The writers M. Mazzini, P. Glavan and D. Bauck in their novels “Izbrisana” (2014), “Kakorkoli” (2014) and “Konec. Znova” (2015) seek to use the ethical potential of the artistic word to convey the practice of empathic experience. Despite the difference in genre varieties (thriller, social novel, novel with elements of surrealism), all three texts are united by the mimetic method proposed by the authors to overcome the collective trauma and collective guilt through artistic expression. Drawing the readers' attention to the actual social conflict, writers, each in their own way, seek to destroy the stereotypes of its perception existing in the society.

Keywords

Contemporary Slovenian novel, socio-critical discourse, the theme of the “erased”, empathic experience, collective guilt.

Фотография в романе сербского писателя Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире»

Шатько Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Шатько Е.В. Фотография в романе сербского писателя Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире» // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 344–352. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.06

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Дебютный роман Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире» вышел в 2014 г. и с тех пор пережил более десяти переизданий. Написанный от первого лица, по форме он напоминает дневник, описывающий определенные события из жизни героя. Роман состоит из 49 небольших глав, каждая из которых разделена на две части, первая всегда обозначена порядковым номером, а вторая тем же номером с буквой «а», например, первая глава состоит из «1» и «1а» частей. При этом первая часть каждой главы — это подробное описание одной фотографии из детства (реже — юности) героя, а вторая — глубоко интимный рассказ о жизни белградца. Если в начале романа описания фотографий несут скорее функцию лирических отступлений, пауз в основном повествовании, то впоследствии они перестают быть лишь описаниями изображения, они становятся микрорассказами, поясняющими и дополняющими основную сюжетную линию. В статье представлен анализ смены повествовательной модели в «фотографических» главах романа.

Ключевые слова: *сербская литература, Иван Токин, «Самый нормальный человек в мире», фотография и литература.*

Современный сербский писатель Иван Токин (р. 1971) с 2009 г. ведет колонку «В воздухе» для журнала *City magazin*¹. В 2014 г. он публикует свой дебютный роман «Самый нормальный человек в мире». С 2015 г. регулярно выходят сборники его рассказов: «Молекулы» (*Molekuli*, 2015), «Собака» (*Pas*, 2017), «M2 Мультиверсум» (*M2 Multiverzum*, 2018). Второй роман Токина «Нели» публикуется в 2019 г. Его герои — самые обычные люди (или собаки²), автор описывает их повседневные ритуалы, мастерски подчеркивая ценность на первый взгляд незначительных мелочей.

Роман «Самый нормальный человек в мире» пережил более десяти переизданий, получил множество восторженных отзывов в соцсетях, был переведен на словенский язык, вышел в формате аудиокниги. Написанный от первого лица, по форме он напоминает дневник, описывающий переходный период в жизни героя: конец долгой апатии и начало новой жизни. Сербский критик и колумнист Теофил Пантич так охарактеризовал «Самого нормального человека...»: «Роман Ивана Токина сдержанно нежный, элегантен, с жестким финалом. Прекрасно сочетается с вином, сыром и Майлзом Дэвисом. Хранить в сухом, защищенном от солнца месте, принимать в одиночестве, думая о ком-то дорогом, неважно, достижимом ли»³.

Главный герой романа никак не назван: от его лица ведется повествование. Он редко выходит из дома, находится в депрессивном состоянии, из которого его выводит полиция, подозревающая его в совершении некоего преступления, суть которого так и не будет раскрыта. В участке герой отказывается давать против себя показания и просит назначить ему адвоката. Им оказывается женщина, которая помогает герою выйти практически сухим из воды. В процессе «душевного выздоровления» он отказывается от предыдущих способов заработка (так и не названных), устраивается на работу поваром, влюбляется в своего адвоката, которая вскоре уедет в США, отработывает административное наказание, ухаживая за парком Освободителей Белграда, и меняет старую семейную квартиру на ту, где начнет новую жизнь, по сути уже начатую. Большинство героев романа названы по какой-то своей функции, а не по имени. Так,

1 См. подробнее: *Tokin I. Kolumne // City magazin*. URL: <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/> (дата обращения: 15.09.2021).

2 Повествование в романе «Собака» ведется от лица собаки.

3 *Pantić T. Najnormalniji čovek na svetu*. URL: https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html (дата обращения: 20.09.2021).

например, женщина-адвокат — *Pravnica* (юристка), следователь — *Šef*, его помощник — *Visoki* (Высокий), хозяин сплава⁴ — *Gazda* (сербское разговорное «хозяин»), девочка-соседка, выгуливающая собаку героя, — *mala prijateljica* (маленькая подруга), собака — *pas* (собака) и т. д. Это перекликается с видением героя самого себя как самого нормального, читай — обычного, человека в мире. По имени названо всего несколько персонажей. Это Тияна, сообщившая герою о его наказании; Никола, таксист, обожающий собаку героя; Родна, женщина, отвечающая за работу по поддержанию парка. Имя есть также у Милены, дочери женщины, которая узнала героя в полицейском участке, но не выдала его при опознании. Позже выяснится, что она так поступила, чтобы дать герою шанс спастись, поскольку он заставлял ее дочь, подрабатывавшую в доме его родителей, помогая с уборкой, есть овощи.

Роман состоит из 49 небольших глав, каждая из которых разделена на две части: первая всегда обозначена порядковым номером, а вторая тем же номером с буквой «а», например, первая глава состоит из «1» и «1а» частей. При этом первая часть каждой главы — это подробное описание одной фотографии из детства, юности и — реже — взрослой жизни героя, встречаются также фотографии членов его семьи, а вторая — глубоко интимный рассказ о жизни белградца, сопровождаемый его размышлениями, чувствами, сомнениями и решениями, которые занимают значительно более важное место в тексте, нежели сюжетные повороты, отошедшие на второй план.

В данном исследовании мы обратимся в первую очередь к «фотографическим» частям глав, занимающим значительно меньший объем произведения, чем «сюжетные». Первые описания изображений имеют единую структуру. Это небольшие фрагменты текста (от одного абзаца до страницы), достаточно подробные, чтобы читатель мог себе представить фотографию: «Мама и сын на лугу. Со стороны мамы дует сильный ветер, трава гнется, волосы у нее растрепались. Сыну два года, сидит на корточках, спрятался за матерью от ветра. Она опустилась рядом с ним на колени и правой рукой показывает ему что-то вдалеке. Что-то говорит, это видно. Он смотрит в том направлении, куда указывает мама, хмурится и, насколько может, телом поворачивается к тому, на что смотрит. Он как будто не может сдвинуться с места, но то, что он видит оттуда, с того места рядом с ней, — его»⁵.

4 Ресторан, кафе или клуб, расположенный на пришвартованном судне.

5 *Tokin I. Najnormalniji čovek na svetu*. Beograd, 2017. S. 47. Далее страницы указаны в тексте статьи. Здесь и далее перевод автора статьи.

В описании фотографий Токин всегда большое внимание уделяет позе, трактуя ее как незавершенное движение («Смотрит вдаль, расстрепанный, смертельно серьезный, прикидывает, кто из игроков в лучшей позиции, пытается понять, куда бросать мяч», s. 43) или как отражение внутреннего состояния («Мама стоит, удерживая равновесие на мягком постаменте, и испуганно, с недоверием смотрит перед собой», s. 31). С развитием действия структура фотоглав меняется: к тестовому описанию изображения сначала добавляются личные местоимения, указывающие (или подтверждающие догадку читателя), тем самым, что это фотографии из личного архива героя: «Мама смотрит влево от себя, вниз на ребенка, который не виден на фотографии, но по взгляду мамы видно, что она смотрит на ребенка, или на собаку, или кошку, но я знаю, что она смотрит на ребенка, она смотрит на меня» (s. 13) [курсив наш. — *Е. III.*], «Как будто он [ребенок на фото] хочет именно этот лист бумаги, и вот он — в руке, осталось только вытянуть. И опять, я знаю, что он понятия не имел, что схватил, уцепился за что-то со дна [ящика]» (s. 26), «Это фотография 1938 г. На ней мама мальчика, моя мама» (s. 31). Затем герой постепенно все чаще переходит от простого описания изображения к размышлению об увиденном: «Малыш наклонился и смотрит. Я бы хотел знать, о чем. На что он смотрит? Кажется, что он что-то планирует, а я не могу вспомнить, что» (s. 47), «Я смотрю прямо в объектив, и снова как будто мимо него. Я поражен. Как будто я увидел себя, смотрящего на фотографию. Как будто я увидел себя, тридцатипятилетнего, не знающего, как жить дальше» (s. 63).

Начиная с 11 главы герой все чаще начинает говорить с людьми из прошлого, запечатленными на фотографиях. На 11-й фотографии мальчик держит отцовскую курительную трубку как телефонную: «Говорит мне что-то в отцовскую трубку. Я его совсем не слышу. <...> он смотрит прямо в объектив, смотрит на меня, <...> будто ждет, что вот-вот что-то услышит, как будто я ему должен что-то сказать. Я спрашиваю: — На что ты смотришь этими своими глазами? О чем думаешь? Какие у тебя планы? <...> Он меня намеренно не слышит» (s. 51). В 16-й главе состоится первый успешный диалог — героя и его отца. На фотографии бабушка, дедушка, отец и дядя героя, перед отцом стоит нетронутый кусок торта, а кажется, что он что-то жует: «Отец меня спрашивает: “На что ты смотришь?” Я ему говорю: “Смотрю, что ты жуешь, если у тебя во рту ничего нет”. — “Что я жую, мое дело”. — “Опять ты грубишь”. — “Я грублю, потому что ты не думаешь. Думай”» (s. 86). Далее по тексту романа герой будет черз

фотографии говорить с матерью, отцом, другом детства, с собой и даже костью. Только одна глава, 41-я, описывает не фото, а рентгеновский снимок, что, однако, не меняет общей структуры: описание изображения плавно переходит в диалог: «“Ты лопнула?” — “Лопнула”. — “Тебе больно?” — “Мне не больно, я просто делаю свою работу. Больно тебе”. — “Было очень больно”. — “Я ничего об этом не знаю. Ты должен следить за собой”. — “Я не умею”. — “Значит, будет больно”» (s. 205). Интересна также 13-я глава, в которой описываются сразу три фотографии: «Когда я хотел достать тринадцатую фотографию из коробки, я вынул три, склеились» (s. 63). Мальчик с третьей фотографии спрашивает героя: «Это лучшее, что ты можешь?» (s. 64). Тот отвечает отрицательно, добавляя, что не знает, чего хочет, что хорошо понимает, чего не хочет. И с этого разговора в основной сюжетной линии романа происходит практически невидимый поворот: герой начинает жить так, как ему кажется правильным. Признаваться в своих чувствах, не будучи уверенным во взаимности, принимать верные решения, слушать и слышать себя и других, заботиться об окружающих людях — жить, как самый нормальный человек в мире.

Из 49 описаний фотографий 23 сопровождаются внутренним диалогом, который иногда подается как разговор с собой прошлым, 26 глав содержат беседы с людьми на фотографиях. Из этих оживающих изображений становятся известны факты из жизни семьи героя: что отец был сильно старше матери, что после рождения сына она чуть было не ушла из семьи, что старший брат героя умер, что сам он служил и др. На первый взгляд, эти главы мало связаны с основным повествованием, они будто лишь более подробно раскрывают образ героя. Так, например, в главе 36 происходит такой диалог между пятилетним и тридцатипятилетним «я»: «“Тебе уже мала эта куртка”. — “Мала, но в самый раз”. — “У тебя всю жизнь так”. — “Куртка?” — “Нет, то, что мало, тебе в самый раз”. — “Это хорошо?” “Это отлично!”» (s. 181). Однако сразу за этим диалогом герой меняет работу поваром на отработку своего наказания, т. е. на работу в парке, которая не приносит ему денег, но дарит спокойствие и понимание ценности простой жизни. Так же связаны, например, главы 8а и 9: в первой героя бьет сотрудник полиции, а затем его спасает женщина-юрист, во второй описано фото с мальчиком в возрасте двух лет — «футбольный нападающий готов нанести удар» (s. 43), и да, в продолжение романа герой нанесет своего рода удар, он больше не позволит полиции давить на себя. За главой 37а, в которой производится генеральная уборка квартиры, следует 38-я фотография — мама с пылесосом. Главе 45а,

в которой герой проводит ночь с женщиной-юристом, будто вторит настроению из описания 46-й фотографии: «Я лежу на траве. Мне тринадцать лет и девятнадцать дней. Я улыбаюсь. <...> я готов всем телом обнять вселенную» (s. 229). Связанные по смыслу главы necessarily идут в романе друг за другом: в 2а герой говорит о своей любви к женщинам, что он любит за ними наблюдать и просто находиться рядом, а в 31-й главе он описывает фотографию, где его отец именно так смотрит на свою жену.

Диалоги, представленные в рассматриваемых главах, заметно меняют настроение от первых неудачных попыток поговорить с самим собой, через взаимные претензии (см. разговор с отцом, приведенный выше), к принятию себя: «Я голый, и растрепанный, на пляже, мне два года. <...> Я смотрю спокойно, как будто я почти ничего не знаю или как будто мне все ясно. Смотрю прямо на себя, в свои глаза, сейчас: “Что мне делать?” — “Все в порядке”. — “Все то, что я сделал, и эта женщина, и все?” — “Все в порядке”. — “Значит, я хороший и не нужно волноваться?” — “Ты не хороший, нужно волноваться, но все в порядке”» (s. 215). На 48-й фотографии диалог с собой еще более жизнеутверждающий: «“Тебе хорошо?” — “Да”» (s. 239).

Финальный фото-диалог, однако, нарушает это движение: «“Ты закончил?” — “Еще немного, и да”. — “Ты осмелишься закончить?” — “Вчера вечером мне пришлось в голову покончить с собой, но пока не закончил”. — “Так я именно об этом”. — “Я не покончил с собой. Закончу”. — “А что потом?” — “Посмотрю немного, как оно — на свободе”» (s. 243). Тема самоубийства впервые встречается в романе именно внутри последней фотоглавы, нарушающей видимое до того движение от непонимания и неприятия себя к примирению героя с действительностью. Эта глава оставляет финал открытым и не столь однозначным.

Если в начале романа фотографии несут скорее функцию лирических отступлений, пауз в основном повествовании, то впоследствии они перестают быть лишь описаниями изображения, а становятся микрорассказами, поясняющими и дополняющими основную сюжетную линию, на уровне мотивов и композиционного расположения глав они переплетаются с основным сюжетом романа, становясь его неотъемлемой частью.

Использование фотографии как дополнительного медиума в романе «Самый нормальный человек в мире» можно воспринимать как явление интерсемиотичности, используемое в понимании Л. П. Прохоровой — то есть в значении вербализации других семиотических

систем (а данном случае фотографии) в литературном тексте⁶. В данном случае художественный текст, стремясь передать фотографическое изображение в чистом виде, насыщен определенными приемами, отсутствующими в главах, обозначенных буквой «а». Так, например, эти фрагменты более подробно описывают внешность людей. Сравним описание женщины при первом упоминании из главы 4а: «Блондинка отлично выглядит, у нее длинные ноги, худая, как Ким Гордон в лучшие годы» (с. 19) — и первое описание матери, запечатленной на фото в главе 2: «Мама в летнем платье на бретельках, хотя сейчас декабрь, так написано сзади на фотографии. <...> У мамы большие, широко распахнутые глаза. Короткие волосы, аккуратно выщипанные брови, нос немного крупнее того, что сегодня разрешено для моделей, соблазнительные губы, выраженные клыки и полуулыбка. Сына держит под мышки. У нее не видны ногти на руках. Она смотрит в объектив фотоаппарата» (с. 9). Такое различие в описании людей сохранится на протяжении всего романа, однако отсутствие деталей при описании персонажей в «текстовых» главах компенсируется авторским вниманием к их движениям: «<...> одна девушка переходит улицу. То, как она переходит улицу, это песня о любви. Косуля в розовом платье, платье на бретельках, розовый в цветок, на ногах вьетнамки, вот и пальцы, работают, следят за равновесием, большой палец в главной роли, ногти красные, пакет из магазина в левой руке, телефон — в правой. Платье свободно обвивает ее бедра, живот, и едва ли грудь, каждый шаг — безошибочный, если ошибка вообще возможна в таких эпизодах» (с. 23).

Также в фотоглавах большее внимание уделяется окружающему людям пейзажу или интерьеру: «На заднем фоне доминирует белый каменный дом. Две лодки привязаны перед входом в дом. <...> На столе только большая пепельница и мамины красивые кисти...» (с. 13); «Она стоит на чем-то мягком, на каком-то матрасе, будто на кровати без постельного белья. За ней ограждение. За ним занавес, как в театре» (с. 31); «Вокруг него только луг, нет ни знака чего бы то ни было другого. И мяч. Темный, с белыми шестиугольниками» (с. 37). По полному описанию каждой фотографии можно воссоздать полную картину изображения. Но лишь для некоторых фотографий указано, в цвете она или черно-белая (прямо или используя цветовой акцент), насколько контрастен свет, где источник света, что в тени и где пересвет. Однако такие сугубо фотографические детали встречаются едва ли в четверти фотоглав.

⁶ Прохорова Л. П. Синкретическая интертекстуальность в литературной сказке // Текст: восприятие, информация, интерпретация. М., 2002. С. 110.

Роман «Самый нормальный человек в мире» имеет своеобразную структуру: И. Токин использует вербализацию изображений как своего рода водоразделы внутри основной сюжетной линии, которая благодаря этому приобретает бóльшую глубину и полноту, а средства, используемые автором, чередующим статичность фотокадра и динамичность описания движения, придают тексту неповторимый прерывистый ритм. Воображаемые диалоги с родителями или с самим собой, сопровождающие значительную часть описаний карточек, на протяжении всего произведения трансформируются, меняют свою тональность и отражают внутренние изменения героя, наравне с его размышлениями, поступками и решениями, описанными в «текстовых» главах. Мотивные переключки между двумя типами повествования в романе также способствуют созданию единого, пусть и фрагментированного, целого.

Источники и литература

Прохорова Л. П. Синкретическая интертекстуальность в литературной сказке // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сб. докл. I Междунар. конф. Российского Нового Университета. М.: РосНОУ, 2002. С. 110–119.

Token I. Kolumne // City magazin. URL: <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/> (дата обращения: 15.09.2021).

Token I. Najnormalniji čovek na svetu. Beograd: Samizdat, B92, 2017. 248 s.

Pantić T. Najnormalniji čovek na svetu. URL: https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html (дата обращения: 20.09.2021).

References

Pantić, T. *Najnormalniji čovek na svetu*, https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html. Accessed 20 September 2021.

Prokhorova, L. P. “Sinkretičeskaia intertekstual'nost' v literaturnoi skazke.” *Tekst: vospriiatie, informatsiia, interpretatsiia: sb. dokl. I Mezhdunar. konf. Rossijskogo Novogo Universiteta*, ed. by N. A. Zbrueva, O. Iu. Ivanova, Moscow: RosNOU, 2002, pp. 110–119.

Token, I. *Najnormalniji čovek na svetu*. Beograd: Samizdat, 2017, 248 p.

Token, I. “Kolumne.” *City magazin*, <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/>. Accessed 15 September 2021.

**The photography in the novel by Serbian writer Ivan Tokin
“The Most Normal Man in the World”**

Yevgeniya V. Shatko

Candidate of Letters, minor research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Shatko Ye. V. The photography in the novel by Serbian writer Ivan Tokin “The Most Normal Man in the World” // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 344–352 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.06

Received: 28.08.2021.

Abstract

I. Tokin’s debut novel “The Most Normal Man in the World” was released in 2014 and has gone through more than ten reprints. Written in the first person, it resembles a diary describing certain events in the life of the main character. The novel consists of 49 small chapters, each of which is divided into 2 parts, the first is always designated by a sequential number, and the second with the same number with the letter “a”, for example, the first chapter consists of the parts “1” and “1a”. At the same time, the first part of each chapter is a detailed description of one photograph from the childhood (less often youth) of the hero, and the second is a deeply intimate story about the life of a Belgrade citizen. While at the beginning of the novel the photographs rather carry the function of lyrical digressions, or pauses in the main narrative, later they cease to be only descriptions of the images. They become micro-stories, explaining and complementing the main plot line. The article presents an analysis of the change in the narrative model in the “photographic” chapters of the novel.

Keywords

Serbian literature, Ivan Tokin, “The Most Normal Person in the World”, photography and literature.

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Стыкалин А. С.

Судьба одного университета в контексте изменения границ в Средней Европе (Коложвар — Клуж — Сегед)

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Судьба одного университета в контексте изменения границ в Средней Европе (Коложвар — Клуж — Сегед) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 353–385. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Статья поступила в редакцию 06.05.2021.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 21-59-23002.

Аннотация

Примером того, как эпохальные исторические события в Центральной Европе сказались на судьбе элитного учебного заведения, может послужить судьба второго венгерского университета, основанного в 1872 г. в главном городе Трансильвании Коложваре. Этот университет был вынужден покинуть Трансильванию вследствие ее воссоединения с Румынским королевством в декабре 1918 г. по итогам Первой мировой войны. В построенные в эпоху австро-венгерского дуализма университетские корпуса теперь уже не Коложвара, а города Клужа въезжает румынская профессура из «Старого королевства», перед которой была поставлена новыми властями задача — содействовать интеграции края в Румынию. Венгерский университет переселяется в пределы новых границ Венгрии, в г. Сегед. Создание в этом городе мощного центра элитарной венгерской культуры стало одним из существенных направлений культурной политики консервативного режима, видевшего в превращении Венгрии в бастион высокой европейской культуры в преддверии Балкан

один из способов компенсации того огромного национального ущемления, каким явился для миллионов венгров Трианонский мирный договор 1920 г.

Переселение в Сегед, однако, отнюдь не поставило точки в истории венгерского университета Трансильвании. После второго венского арбитража о передаче Венгрии Северной Трансильвании (август 1940 г.) венгерский университет в Клуже был восстановлен, а румынский переселился в пределы сузившихся границ Румынии. В послевоенной Румынии при левых властях, а затем и коммунистическом режиме, не заинтересованном в обострении венгерско-румынских противоречий, в Клуже на протяжении полутора десятилетий функционировали рядом румынский и венгерский университеты, пока в 1959 г., в условиях подъема румынского национализма, самостоятельный венгерский университет не был ликвидирован.

Ключевые слова

Трансильвания, Клуж, Клужский университет, Австро-Венгрия, Великая Румыния, социалистическая Румыния, Версальская система, мировые войны, передел границ в Центральной Европе.

В XX в. эпохальные исторические события (и прежде всего две мировые войны) настолько сильно «перепахивали» карту Центральной и Восточной Европы, что это не раз приводило не только к миграциям миллионов людей, но и к перемещениям государственных и культурных институций, в том числе университетов. Таких примеров было не так уж мало в отечественной истории¹. Их знала и история Габсбургской монархии, а также государств, образовавшихся или утвердившихся в новых границах на ее развалинах в 1918–1920 гг.

Особенно непростой оказалась в XX в. судьба второго венгерского университета, основанного в эпоху австро-венгерского дуализма,

¹ Если оставить за скобками эвакуацию многих вузов Москвы и Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, а обратиться только к более ранней истории, то самый хрестоматийный пример — перемещение Императорского Варшавского университета в Ростов-на-Дону в 1915 г. в условиях Первой мировой войны. В начале 1918 г., уже после взятия власти большевиками, начинается эвакуация Юрьевского университета в Воронеж с возникновением угрозы захвата г. Юрьева (до 1893 г. Дрепт, а ныне Тарту, Эстония) германской армией.

в 1872 г., в главном городе Трансильвании Коложваре (ныне Клуж-Напока, Румыния)². Это довольно элитное для Венгрии учебное заведение было перемещено по окончании Первой мировой войны в пределы нового венгерского государства с его резко сократившейся вследствие Трианонского мирного договора территорией и продолжило свою деятельность в г. Сегеде в иных условиях, вместе с тем и далее оставаясь одним из центров венгерской науки. А созданный в том же Клуже властями королевской Румынии новый университет, с преподаванием на румынском языке, сыграл и до сих пор играет существенную роль в развитии румынской культуры и науки. Богатая и многогранная история (и трехвековая предыстория) коложварского (клужского) университета неотделима от истории духовной жизни обширной области на востоке Средней Европы — Трансильвании — в течение ряда столетий и дает многочисленные примеры как взаимодействия, так и взаимоотталкивания культур разных народов, населявших край, — венгров, румын, немцев. Сильный отпечаток на судьбу университета в XX в. наложили события Второй мировой войны, сопровождавшиеся новыми изменениями границ и сопутствовавшими им перемещениями целых институций³. Предпринятое в статье обращение к истории этого учебного заведения позволяет на конкретном венгерско-румынском материале проследить, *как* могли меняться с изменением межгосударственных границ функции одного отдельно взятого университета, поставленные перед ним каждым новыми властями задачи, *как* значительные геополитические трансформации вели к искусственному разрыву сложившихся традиций в развитии науки и образования и *как* попытки (подчас довольно успешные) восстановления нарушенной преемственности, возрождения утраченного потенциала происходили на новом месте, в иных исторических условиях.

Первый университет на землях исторической Венгрии был основан при правлении Анжуйской династии еще в XIV в., в 1367 г., в

2 В дальнейшем мы, и это оправданно в конкретно-историческом плане, используем то название города, которое было официальным в тот исторический момент, о котором идет речь: Коложвар при венгерских властях, Клуж при румынских. Немецкое название города Клаузенбург (тоже в некоторые периоды истории официальное) используется, если речь заходит о германизаторских видах и планах венского двора.

3 В литературе по истории клужского университета выделяется обобщающее издание: Istoria Universităţii “Babeş-Bolyai” / ed. O. Ghitta. Cluj-Napoca, 2012.

г. Печ и просуществовал несколько десятилетий. В 1635 г. университет возник в г. Надьсомбат (ныне Трнава, Словакия) при поддержке венского двора, став важным центром католической контрреформации. В 1770-е гг., в эпоху «просвещенного абсолютизма» Марии Терезии и Иосифа II, университет переместился сначала в Буду, а вскоре в Пешт и оставался единственным университетом на венгерских «коронных землях» вплоть до эпохи австро-венгерского дуализма. С заключением в 1867 г. соглашения дома Габсбургов с лидерами венгерского национального движения о преобразовании Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию актуализировались задачи государственного и культурного строительства в венгерской половине двуединой державы. В силу этого сразу ставилась в повестку дня задача создания второго венгерского университета, причем именно в Трансильвании, которую нужно было интегрировать в создаваемое венгерское унитарное государство, — задача эта являлась непростой, учитывая трехвековые и богатые традиции трансильванской государственности⁴. Университету предстояло стать важным инструментом такой интеграции, ведь в его цели входило формирование управленческого слоя и новых поколений венгерской интеллигенции Трансильвании. Местом создания университета был избран, и совсем не случайно, Коложвар, важнейший центр высокой венгерской культуры Трансильвании, где уже в эпоху позднего Средневековья образуются элитные учебные заведения, связанные с католическими и реформатскими церковными кругами. Университет создавался на базе ранее существовавшего лицея⁵.

История университета в Коложваре восходит своими истоками к 1579–1581 гг., когда при князе Криштофе Батори (брате польского короля Стефана Батория) в городе основали иезуитский колледж со своей библиотекой. Это было учебное заведение, созданное по модели современных итальянских иезуитских колледжей; в нем преподавалась не только католическая догматика, но также философия, право, риторика, греческий язык, история, и, таким образом, его программа предусматривала подготовку как священнослужителей, так и светских

4 The History of Transylvania / ed. by I.-A. Pop, T. Năgler, A. Magyari. Cluj-Napoca, 2005–2010. Vol. I–III.

5 Идея создания университета была впервые озвучена при посещении Коложвара в 1869 г. одним из крупных деятелей и идеологов венгерского национального движения Йозефом Этвёшем, первым министром просвещения в Венгрии эпохи дуализма.

чиновников⁶. На открытии колледжа присутствовал сам князь Криштоф Батори, а в 1582 г. указом римского папы Григория XIII статус колледжа был повышен до уровня академии, он получил, в частности, право присваивать степени бакалавров, магистров и докторов. Среди профессоров имелись люди разных национальностей, получившие образование в университетах Италии, а также в Вене и Кракове. Среди тех, кто выступал здесь с лекциями, был известный деятель ордена иезуитов Антонио Поссевино (1534–1611), ректор Падуанского университета и папский легат в Восточной Европе, в 1581–1582 гг. ставший первым иезуитом, посетившим Московию, где пытался склонить Ивана Грозного к унии с католицизмом (по итогам поездки оставил записки)⁷. Посещал колледж и знаменитый польский проповедник Якуб Вуек (1541–1597), ректор Виленской академии, переводчик Библии на польский язык.

Расцвет иезуитского колледжа продолжался недолго: уже в 1586 г. занятия приостановились в связи с эпидемией чумы, а в 1588 г. деятельность иезуитского ордена была запрещена в Трансильванском княжестве, где среди правящей венгерской элиты возобладали приверженцы кальвинистской веры⁸. Тем не менее сильное влияние при трансильванском дворе польских католических придворных кругов (не только при жизни Стефана Батория, но в определенной мере и после его смерти в 1586 г.) поддерживало существование этого высшего церковного учебного заведения вплоть до 1603 г., что стало возможным в условиях редкой для второй половины XVI в. веротерпимости, существовавшей в Трансильванском княжестве благодаря определенному раскладу сил между различными группировками элиты — венгерского дворянства, секейской⁹ знати и верхушки немецкого бюргерства ряда трансильванских городов¹⁰.

6 *Pop I.-A. Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. P. 15–29.*

7 *Поссевино А. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / сост. и предисл. И. В. Курукина. М., 2005.*

8 Первые планы создания в Коложваре реформатского колледжа относятся еще к 1560-м годам: *Pop I.-A. Începuturile... P. 18.*

9 Секеи (нем.: секлеры; рум.: секуи) — отличающаяся выраженным культурным своеобразием венгероязычная этническая группа в горных районах Восточной Трансильвании.

10 Принятый в 1558 г., во времена правления Яноша II Жигмонда Запольяи, Тордайский эдикт был первым в Европе законом о веротер-

Попытка возродить в Коложваре высшее образование (не только богословское) была предпринята, уже в русле протестантизма (кальвинизма), Яношем Апацаи Череш (1625–1659), первым венгерским ученым-энциклопедистом, внесшим особенно большой вклад в развитие педагогики. Апацаи Череш, получивший образование и степень доктора теологии в Голландии (Лейдене, Утрехте), по возвращении в 1653 г. на родину сначала преподавал в Дюлафехерваре (рум.: Алба Юлия), где с 1629 г. существовал реформатский (кальвинистский) колледж, а затем возглавил реформатскую школу в Коложваре, после также преобразованную в колледж. В 1658 г. он представил трансильванскому князю Акошу Барчаи проект создания на базе этого колледжа полноценного университета по голландским образцам. План этот получил поддержку при княжеском дворе, однако так и не был реализован, в том числе из-за безвременной кончины Апацаи Череш¹¹.

Вследствие поражения османов в длительной войне, в соответствии с Карловацким миром 1699 г. Трансильвания входит в состав владений Габсбургов. Мощное антигабсбургское движение князя Ференца II Ракоци (1703–1711), хотя и завершилось поражением его войска (так называемых куруцев), обеспечило сохранение по Сатмарскому миру 1711 г. сословных прав венгерского дворянства. Тем не менее возможности развития элитного образования в рамках кальвинистской церкви в последующие десятилетия сужаются. Так, значительная часть собственности коложварского реформатского колледжа была конфискована, а к началу 1730-х гг. в нем осталось всего лишь три преподавателя¹². С другой стороны, при содействии ордена иезуитов происходит оживление католического образования. Еще в 1701 г., до начала боевых действий между габсбургской армией и войском Ракоци, император Леопольд I подписывает указ о выделении из государственной казны средств на восстановление в Клаузенбурге (т. е. в Коложваре), уже контролируемом Габсбургами, иезуитского колледжа¹³. В 1753 г. это учебное заведение повышается в статусе, преобразуется в университетский академический колледж, в про-

пимости. В княжестве уравнивались в правах католики, кальвинисты, лютеране и унитарии (но не православные).

11 *Radosav D.* Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea // *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*. P. 31–41.

12 *Costea I.* Învățământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea // *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*. P. 45.

13 *Ibid.* P. 47.

грамме которого все больший удельный вес приобретает преподавание светских дисциплин (в том числе права, истории, философии), а на рубеже 1770–1780-х гг. возникают естественнонаучные кафедры, включая медицинские. В 1750–1760-е гг. для колледжа возводится новое здание, а в 1787 г. декретом просвещенного монарха Иосифа II он получает высокий статус королевского академического лицея (*Lycæum Regium Academicum*), находившегося в ведении ордена пиаристов¹⁴. При лицее существовала богатая библиотека, формировавшаяся в течение всего XVIII в. и впоследствии послужившая основой клужской университетской библиотеки¹⁵. В ней были представлены книги на разных языках, причем пропорции менялись от преобладания книг на латыни к преобладанию книг на немецком и венгерском языках. С 1727 г. при учебном заведении функционировала лучшая в Трансильвании типография, в 1773 г. перешедшая в ведение имперских властей (трансильванского Губерниума). Среди опубликованных ею в XVIII в. книг были и учебные пособия, не только по гуманитарным наукам, но также по математике, минералогии. Большое значение имело создание в структуре лицея уже в эпоху просвещенного абсолютизма императора Иосифа II юридического и медицинского факультетов, что по сути стало первым шагом к преобразованию его в учебное заведение университетского типа. Среди преподавателей были представлены как немцы, так и венгры, а в качестве доминирующего языка обучения в условиях германизаторской политики Иосифа II утверждается немецкий, вытеснив на вторые роли латынь. Среди студентов преобладали венгры и трансильванские немцы, но в разные десятилетия с лицеем оказывались связаны и румыны, в том числе оставившие заметный след в национальной истории и культуре, — униатские епископы И. Мику-Клейн, П. П. Арон, А. Редник, Г. Майор, И. Лемени, православный епископ В. Мога, один из видных представителей «трансильванской» (латинизаторской) школы в румынской филологии и историографии Г. Шинкай, педагог Г. Лазэр¹⁶. Возникновение с конца XVIII в. трансильванской школы в румынском гуманитарном

14 Орден иезуитов был упразднен Ватиканом в 1773 г. и восстановлен в 1814 г.

15 *Costea I. Învățământul academic la Cluj...* P. 49.

16 Вместе с тем некоторые виднейшие деятели румынского национального движения и культуры учились в Пештском университете. Среди них многолетний глава румынской православной церкви Трансильвании епископ Андрей Шагуна.

знании стало знаком эволюции духовной культуры румын Габсбургской монархии к некоему новому качеству: испытывая многообразные западные культурные влияния, она все более ориентировалась на расширение связей с латинским миром, осознание культурно-языкового родства румын с другими романоязычными народами.

С принятием в 1780-е гг. в Габсбургской монархии законов о веротерпимости создаются более благоприятные условия для развития школ под эгидой всех церквей, относившихся к «терпимым». В первой половине XIX в. в Коложваре существовали и успешно развивались высшие и элитные средние учебные заведения (лицеи, колледжи), связанные с тремя конфессиями (католической, реформатской и унитарной). Среди получивших образование в клужских учебных заведениях были и румыны греко-католического и православного исповедания, глубоко восприимчивые к национальным ценностям и способствовавшие их утверждению в общенациональном масштабе. Как комментировал в сентябре 1903 г. в одной из своих депеш вклад некоторых из них в развитие румынской национальной культуры тогдашний посланник Российской империи в Бухаресте М. Н. Гирс, в 1830-е гг., «когда в княжествах Молдавии и Валахии стали пробуждаться стремления к чисто национальной румынской культуре», их правители, не имея возможности бороться против чуждых, инонациональных влияний исключительно местными силами, «стали обращаться к содействию закарпатских (т. е. трансильванских. — А. С.) румын, выписывая из их среды наставников и руководителей для гражданских и духовных учебных заведений княжеств». Со временем к этому «более умственному воздействию» присоединилось «и некоторое политическое влияние» в национальном духе¹⁷.

В период венгерской революции 1848 г. витала в воздухе идея создания в Коложваре на базе уже существующих учебных заведений (и прежде всего пиаристского лицея) полноценного университета. Вопрос этот обсуждался в созванном трансильванском государственном собрании, где доминировало венгерское дворянство, в качестве главного языка обучения предполагался венгерский. К этому времени, однако, в крае активизировалось и румынское национальное движение, наряду с православной и униатской церквами его движущие силы составляли формирующаяся национально ориентированная светская интеллигенция и средние слои ряда трансильванских городов. На ру-

17 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 671. Л. 266–267.

мынском национальном собрании в Блаже был поставлен вопрос о создании в Трансильвании университета с преподаванием на румынском языке, однако отсутствие должной материальной базы и недостаток кадров по многим дисциплинам делали эту идею мертворожденной¹⁸. В 1860-е гг., когда эпоха жесткого неонабсолютизма, последовавшая за подавлением венгерской революции, сменилась временем расширения демократических свобод и ограниченных конституционных экспериментов, возникают и новые проекты создания высших учебных заведений. На этот период приходится заметное оживление не только венгерской, но и румынской культуры в крае, в 1861 г. было основано культурное общество ASTRA (*Asociația Transilvănească pentru Literatură Română și Cultura Poporului Român*) с отделениями во всех трансильванских городах. Однако в системе среднего и высшего образования гораздо больше возможностей для реализации получили проекты, поддержанные политически и экономически более сильной венгерской знатью. Так, в 1863 г. в Коложваре была основана юридическая академия с 4-годовалным курсом обучения преимущественно на венгерском (а не на немецком) языке, прежде всего для подготовки квалифицированной бюрократии для комитатской системы управления. Ежегодный набор в нее составлял около 200 человек — очень внушительная по меркам тогдашней Трансильвании цифра. В 1872 г., с созданием университета, академия интегрировалась в него в качестве юридического факультета.

В Коложваре сразу был создан полноценный университет, в его составе имелось 4 факультета — юридический; философский (по сути гуманитарный, где преподавали также историки и филологи); математики и естественных наук; медицинский¹⁹. Общее количество студентов первого набора в 1872 г. составило всего 258 человек, но с каждым годом увеличивалось. Университету передали здания Губерниума и других административных органов, которые прекратили существование с ликвидацией автономии Трансильвании и ее интеграцией в унитарное венгерское государство. В конце XIX — начале XX вв. по проектам ведущих архитекторов Венгрии возводятся около 10 новых университетских корпусов, включая библиотечный, а также ряд клиник.

18 *Pál J. Perioda 1800–1872 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. P. 64.*

19 Высшие учебные заведения теологического профиля разных конфессий существовали в Клуже в эпоху дуализма отдельно, они не были включены в структуру университета.

Это был с самого начала университет с абсолютной доминанцией венгерского языка в учебном процессе в силу той значимости, которую придавали будапештские власти подготовке чиновников, юристов, педагогов и других профессиональных кадров, способных внести свой вклад в модернизацию Трансильвании в составе унитарной Венгрии. Среди студентов явно преобладали венгры. Так, из 40 тыс. человек, учившихся в коложварском университете в 1872–1919 гг., было всего 2635 румын²⁰. При этом наблюдалась тенденция к постепенному увеличению количества студентов-румын — с 8–10% в 1870-е гг. (на 80% венгров) до 18% в 1912 г.²¹ В этом находило отражение изменение социальной структуры, ускорившееся формирование в румынской среде Трансильвании слоя интеллигенции, предпринимателей, лиц свободных профессий (в том числе адвокатов и журналистов). Большинство студентов-румын училось на юридическом и медицинском факультетах.

Соглашение 1867 г. дома Габсбургов с венгерской элитой о трансформации Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию нанесло довольно сильный удар по румынскому национальному движению Трансильвании именно в тот момент, когда оно находилось на подъеме и в условиях оживления культурной и общественно-политической жизни в румынской среде проявлялась потребность в формировании не только элиты, но и просто квалифицированных национальных кадров для работы на местном (комитатском, городском и сельском) уровне. Созданный коложварский университет с венгерской доминанцией никак не мог стать «своим домом» для румын, живших собственными национальными чаяниями, тем не менее определенные усилия ради улучшения положения предпринимались. Уже в 1872 г. в университете была образована кафедра румынской филологии. Возглавил ее теолог и филолог Г. Силаши (позже член Румынской академии), не воспрепятствовавший тому, чтобы кафедра стала в 1880-е гг. объектом притяжения для учившихся в универ-

20 *Csucsujá I. Universitatea “Ferenc József” între anii 1872–1919 // Istoria Universității “Babeş-Bolyai”*. P. 126.

21 *Ibid.* P. 122–123. Согласно переписи населения 1910 г., в Трансильвании и на смежных с ней территориях тогдашней Венгрии, отошедших к Румынии по Трианонскому мирному договору 1920 г., румыны составляли 53–55%, а венгры примерно 32% населения. См.: *Varga E. Á. Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében // A Magyarországtudató Intézet évkönyvé. 1988. Budapest, 1988. 37–65 old.*

ситете, на его разных факультетах, этнических румын. Это вызвало недовольство венгерских властей, вынудивших Силаши уйти из университета. Сменивший его в 1886 г. более лояльный правительству Г. Молдован не допускал внеклассной общественной активности, в силу этого он дважды избирался деканом философского факультета и в течение короткого времени был даже ректором, что, однако, ни в коей мере не подрывало монопольного положения венгерского языка в университете. С новой активизацией в 1890-е гг. в крае румынского национального движения власти все более энергично ставили препоны для формирования в стенах университета национально ориентированного румынского сообщества.

Политика масштабной мадьяризации в системе образования Трансильвании²² проявилась в создании в коложварском университете среды, неблагоприятной для объединения румынской интеллигенции на национальной почве. Показательно, что среди видных деятелей румынского национального движения в крае и — шире — выходцев из Трансильвании, оставивших заметный след в румынской истории и культуре, в рассматриваемый период лишь немногие были связаны с этим университетом. Такие значимые и очень разные в политическом плане фигуры, чья деятельность, особенно после 1918 г., возымела общенациональное значение, как Ю. Маниу, А. Вайда-Воевод, О. Гога, П. Гроза и др., получили законченное высшее образование не в Коложваре, а в Будапештском университете, а также в Вене и в германских университетах²³. Учиться в университетах Германии предпочитали посылать своих детей и представители элиты и даже средних слоев трансильванских немцев (саксов), относившихся преимущественно

22 Эта политика проявлялась в эпоху дуализма на всех уровнях системы образования. Если говорить о средней школе, то в начале XX в. из 50 трансильванских гимназий только в пяти велось обучение на румынском языке. В 1907 г. принимается известный закон *Lex Arponyi*, названный так по имени министра образования и культов А. Арпони. Он привел к переводу многих национальных школ (включая начальные) на преимущественно венгерский язык обучения, сократил государственную поддержку иноязычных школ, поставил перед их педагогами новые требования с точки зрения уровня владения венгерским языком.

23 Так, крупный политик Юлиу Маниу (1873–1953), уже в конце эпохи дуализма выдвинувшийся на роль одного из лидеров румынского национального движения Трансильвании, в молодости, в 1890-е гг., отправился учиться в Будапешт после не слишком продолжительного пребывания в коложварском университете.

к лютеранскому вероисповеданию (в отличие от немцев-католиков Баната, в культурном плане более ориентированных на Вену).

В противоположность трансильванским немцам, образованные румыны, в том числе учившиеся в Коложваре, все более связывали свою деятельность отнюдь не с улучшением и совершенствованием системы дуализма, а с ее радикальным пересмотром с учетом интересов румын, а в более отдаленной перспективе — с национальным объединением. Как комментировал в 1903 г. ситуацию посланник Российской империи в Бухаресте М. Н. Гирс, с образованием Австро-Венгрии по мере «усиленной мадьяризации земель, подпавших исключительной власти венгерской короны, многие из закарпатских румын, не мирившихся с тяжелым венгерским ярмом, переходили в придунайские княжества и находили в них подходящую для себя деятельность, как на государственном, так и на общественном поприще», только подогревая тем самым «национальные чувства в самом Румынском королевстве». При этом «они, конечно, не прерывали связей со своими сородичами, оставшимися в венгерских пределах», и через них Королевство Румыния, благодаря своей независимости, «само уже оказывает на родные ей провинции, находящиеся еще под венгерским гнетом, то влияние, которое прежде воспринимало от них»²⁴.

Между тем на рубеж XIX–XX вв., хотя и без существенного участия численно доминирующей в крае румынской народности, но все же пришелся несомненный подъем в развитии коложварского университета, получившего имя живущего императора Франца Иосифа, дважды посетившего это учебное заведение (в 1887 и в 1895 гг.). Здесь формируются венгерские научные школы в целом ряде областей как естественных, точных, так и гуманитарных наук, включая даже некоторые направления востоковедения²⁵. Их основоположниками были профессора, получившие образование, главным образом, в лучших германских университетах. Что касается гуманитарных дисциплин,

24 По оценке посланника, «ни одна из политических партий молодого королевства не пренебрегает этим влиянием. Каждая из них настойчиво работает над его усилением, имея <...> конечной целью подготовить почву к воссоединению этих провинций с Румынией» (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 671. Л. 268–269).

25 По естественным и точным наукам см. подробный обзор: *Csucsuja I. Universitatea "Ferenc József" între anii 1872–1919*. Международную известность получили труды математиков Ф. Риеса, Л. Фейера, биолога И. Апати, некоторых физиков, геологов и т. д.

здесь развивалась такая новая для рубежа веков наука, как социология, в духе позитивизма и эволюционизма Г. Спенсера. Работали авторитетные профессора, имевшие большое влияние на либеральную интеллигенцию в масштабе всей Венгрии. Наиболее ярким из них был Бодог Шомло, близкий к кругу Оскара Яси, уроженца Трансильвании, виднейшего венгерского леволиберального мыслителя и политика, а впоследствии основателя американской школы австро-венгерских исследований²⁶. Именно под руководством Б. Шомло в октябре 1906 г. защитил в Коложваре диссертацию по юридическим наукам молодой Дьердь Лукач, впоследствии один из крупнейших философов-марксистов XX в.²⁷ Значение Коложвара как центра венгерской науки и культуры в немалой мере обуславливалось тем, что вплоть до начала 1910-х гг. он оставался единственным кроме Будапешта университетским городом в Королевстве Венгрия, составлявшем одну из двух системообразующих составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии. Только незадолго до Первой мировой войны, в 1912 г., были созданы, не успев в мирное время получить полноценное развитие, еще два университета — в Дебрецене и в Пожони (ныне Братислава; с изменением границ Венгрии этот университет переместился в начале 1920-х гг. в г. Печ). Начало войны внесло существенные перемены в университетскую жизнь. С призывом в армию основной массы студентов и части преподавательского состава учебный процесс приостанавливается. Университетские клиники — лучшие в Трансильвании — переходят в распоряжение действующей армии. Некоторые из молодых интеллектуалов, оставивших след в истории университета, не вернулись с фронта. Так, многообещающий философ Бела Залаи из круга Д. Лукача (предвосхитивший ряд положений общей теории систем), оказавшись в русском плену, скончался в 1915 г. от тифа в омском госпитале.

Поражение Германии и ее союзников в Первой мировой войне приводит к распаду как монархии Габсбургов в целом, так и исторической Венгрии. 1 декабря 1918 г. Великое национальное собрание румын, созданное в г. Алба Юлии, провозгласило воссоединение Трансильвании с королевской Румынией, что нашло международно-правовое закрепление в Трианонском договоре 1920 г. Город Коложвар 24 декабря 1918 г. оказался под румынской властью, получив официальное название Клуж. С переходом края под румынскую юрисдикцию университет подлежал коренной реорганизации, что означало с

26 Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

27 См.: *Bendl J. Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig.* Budapest, 1994.

возобновлением его полноценной деятельности перевод преподавания на румынский язык, а следовательно оставляло по сути вне стен этого учебного заведения как венгерский профессорско-преподавательский состав, так и тех молодых венгров, которые рассчитывали на поступление в университет либо возвращение с окончанием войны к занятиям на родном языке. Для подготовки создания в Клуже румынского университета в город уже в 1919 г. прибывают полномочные представители румынского королевского правительства, прорабатывается проект организации учебного заведения²⁸, начинается комплектация будущего профессорско-преподавательского состава, в немалой мере из лиц, изъявивших желание переселиться в Трансильванию из так называемого «Старого королевства» (т. е. Румынии в ее довоенных границах). С подписанием 4 июня 1920 г. Трианонского договора, перечеркнувшего все надежды на сохранение края за Венгрией, начинается отток прежней коложварской профессуры в сузившиеся пределы нового венгерского государства, он принял довольно организованный характер ввиду санкционированного будапештским правительством решения возобновить деятельность бывшего коложварского университета в г. Сегеде. До подписания «Трианона» мало кто из венгров мог предположить, что территория венгерского государства сократится более чем втрое и почти 3 млн этнических венгров окажутся подданными соседних государств либо лицами без гражданства. С тем большим драматизмом было воспринято случившееся. Для многих профессоров утрата Трансильвании, которую привычно воспринимали как одну из исконных венгерских земель, стала личной трагедией. Это касалось не только консервативной, но и либеральной профессуры, до 1914 г. много делавшей для поступательного развития страны по пути прогресса и критически относившейся к политике официального Будапешта по дискриминации национальных меньшинств. В 1920 г. покончил жизнь самоубийством Б. Шомло, один из основателей венгерской научной социологии. На новом месте, в Сегеде, университет возобновляет учебный процесс 9 октября 1921 г., в последующие годы начинается закладка для него новых корпусов, субсидированию этого проекта правительством придавалось приоритетное значение²⁹.

28 Одним из разработчиков концепции был видный румынский историк В. Пырван.

29 Во главе венгерских правительств в этот период стояли два выходца из трансильванской венгерской аристократии, связанные с этим краем тесными узами, — граф Пал Телеки (европейски известный уче-

Торжественное открытие румынского университета состоялось раньше, уже в 1920 г., в присутствии короля Фердинанда (чьим именем после его смерти в 1927 г. будет назван университет), и это лучше всего свидетельствует о том, сколь большое общегосударственное значение придавалось бухарестскими властями скорейшему созданию в Трансильвании элитного высшего образования на румынском языке, способного стать достаточно эффективным противовесом традиционной венгерской культурной доминации в крае и в то же время кузницей румынских национально ориентированных и при этом высокообразованных кадров. Процесс создания кафедр и формирования профессорско-преподавательского состава растянулся на несколько лет³⁰. В построенные на рубеже веков университетские корпуса теперь уже не венгерского Коложвара, а города Клужа въезжает румынская профессура из «Старого королевства», перед которой была поставлена бухарестскими властями важнейшая стратегическая задача — содействовать всеми усилиями румынизации высокой культуры Трансильвании в интересах интеграции в румынское государство этого обширного и экономически самого развитого по меркам Румынии края³¹. Ряд

ный-географ) и сменивший его выдающийся консервативный политик хортистской эпохи граф Иштван Бетлен, принадлежавший к роду трансильванских князей XVII в.

30 В связи с явной нехваткой в самой Трансильвании достаточного количества высокообразованных ученых, способных составить костяк румынской профессуры, выдающийся историк Н. Йорга предлагал не форсировать вытеснение венгерского языка (и соответственно венгерской профессуры) во избежание упадка науки, считал возможным довольно длительное сосуществование преподавания на двух языках. На практике, однако, получилось иначе. Сыграло роль и то, что почти никто из преподавателей-венгров не подчинился требованиям новых властей присягнуть на верность румынскому государству.

31 С образованием Великой Румынии с ее резко расширившимися границами к двум существующим университетам (в Бухаресте и Яссах) прибавились еще два университета на территориях, перешедших к Румынии от распавшейся Габсбургской монархии (в Клуже и Черновицах). Применительно к этим двум последним речь шла о переводе на румынские национальные рельсы венгерского (в Трансильвании) и немецкого (в Буковине) университетов с использованием уже сформированной институциональной базы (учебных корпусов, библиотек, клиник). Каждый из 4 университетов, согласно принятой концепции, должен был иметь не только региональное, но и общенациональное значение.

румынских ученых, работавших во Франции (в их числе европейски известный спелеолог Э. Раковицэ), откликнулся на предложение переехать в Клуж, где для их полноценной научной деятельности при государственной поддержке создавались хорошие условия.

Хотя венгерская профессура за единичными исключениями покинула университет, в чем проявился очевидный разрыв с предшествующей научно-образовательной традицией, нет оснований говорить об упадке науки в Клуже в межвоенное десятилетие. Продолжалось строительство новых корпусов университета, клиник, была основана астрономическая обсерватория, гордостью университета и всего города стал заложенный именно в этот период ботанический сад, тесно связанный с ботаническим институтом при университете. Из естественных наук получают особое развитие биологические, а также науки о Земле. Исследования в области геологии, спелеологии, физической географии составляют фундамент предпринятого румынскими учеными комплексного изучения горной системы Карпат. В международных связях университета акцент в сравнении с довоенным временем со всей очевидностью переносится с немецких на французские. Из представителей научной элиты Франции особый вклад в развитие клужского университета внес его почетный доктор Эммануэль де Мартонн, всемирно известный географ, с 1938 г. председатель и почетный председатель Международного географического союза, в круг научных интересов которого неизменно входили физическая география и климатология Карпатского региона³². С университетом поддерживал связи и Роберт Сетон-Уотсон, крупный британский эксперт-международник, историк, специалист по проблемам Центральной и Юго-Восточной Европы, в будущем глава Королевского исторического общества Великобритании. Он также был избран почетным доктором клужского университета. Представители клужской профессуры, особенно гуманитарной, входили не

32 Своей последовательно прорумынской позицией в качестве эксперта-географа при определении на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. новых венгерско-румынских границ Мартонн завоевал особое доверие румынской политической элиты и вместе с тем недоверие венгерской, дав основания для критики своего подхода, при проведении границ придававшего этническому составу населения меньшее значение в сравнении с экономическими, транспортными аргументами. См.: *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: факты, легенды, домыслы. М.; СПб., 2020. С. 84–86.

только в академическую, но и в политическую элиту Румынии (историк А. Лапедату стал президентом Румынской академии и председателем сената Румынии, историк С. Драгомир занимал в 1930-е годы министерский пост). Если в первом поколении клужской румынской профессуры имелось не так уж мало выходцев из «Старого королевства», не сильно укорененных в специфических трансильванских культурных традициях, то в следующих поколениях возобладали уже коренные трансильванцы, тонко чувствовавшие региональную специфику этого поликультурного края, что находило проявление и в выборе тематики научных исследований. С другой стороны, на функционировании университета сказывались те политические зигзаги, которыми сопровождалось развитие межвоенной Великой Румынии. Так, в конце 1930-х гг. университет не обошло стороной усиление крайне правых тенденций во внутривнутриполитической жизни страны (преследования евреев, покушения на жизнь либерально настроенных профессоров).

Что касается переселившегося в пределы трианонских границ венгерского университета, то создание в г. Сегеде, на берегах Тисы, в преддверии Балкан, мощного центра элитарной венгерской культуры и науки стало одним из существенных направлений культурной политики правительства графа И. Бетлена с его бессменным министром культуры графом К. Клебельсбергом. Программа культурной политики режима, в немалой мере осуществленная в условиях экономической консолидации середины — второй половины 1920-х гг., была направлена на формирование в стране мощной инфраструктуры отвечающих современным европейским стандартам элитарных культурных институций (университетов, научных лабораторий, библиотек, музеев и т. д.). Превращение Венгрии в главный «бастион» высокой европейской культуры в Дунайско-Карпатском регионе было призвано стать в глазах миллионов венгров хотя бы частичной компенсацией того огромного ущемления национального достоинства, каким явился для них Трианонский договор. По политико-идеологическим мотивам большое внимание в программе Клебельсберга уделялось культурному строительству в Сегеде: этот город, на который в 1919 г. так и не смогла распространить свою власть Венгерская советская республика и где, напротив, функционировало альтернативное контрреволюционное правительство с участием будущего регента адмирала Хорти в качестве министра обороны, рассматривался консервативной идеологией режима как центр исконно венгерской национальной духовности, не подавляемой чуждым разрушительным веянием. При этом

сегедский университет предполагалось сделать одним из главных средоточий не только гуманитарных, но также точных и естественных наук в Венгрии — ради этого правоавторитарный режим не жалел финансовых вливаний. На прежнем международном уровне вела научную деятельность кафедра высшей математики, развивая традиции, заложенные в Коложваре эпохи дуализма (как и некоторые другие кафедры). А в 1928 г. Клебельсберг, заслушав об успехах в Кембридже 35-летнего венгерского биохимика Альберта Сент-Дёрди, направил ему персональное приглашение возглавить создаваемый институт биохимии в сегедском университете.

Сент-Дёрди воспользовался этим предложением, правда, с некоторой задержкой, вернувшись на родину в 1930 г. Хотя мировой экономический кризис нанес сильнейший удар по Венгрии, заставив свернуть ряд не успевших воплотиться проектов Клебельсберга в области элитного культурного строительства, поддержка фонда Рокфеллера позволила венгерскому биохимику продолжить научные исследования в Сегеде на столь же высоком, «кембриджском» уровне. Человек леволиберальных убеждений, Сент-Дёрди никогда не скрывал своего презрения к глубоко консервативному истеблишменту хортистской Венгрии, сами манеры и стиль его поведения в высшем венгерском обществе тех лет были до некоторой степени вызывающими и фрондёрскими³³. Тем не менее в 1935 г., учитывая международную известность работ Сент-Дёрди, его скрепя сердце избрали членом Венгерской академии наук, продолжавшей оставаться одним из оплотов консерватизма. А в октябре 1937 г. в Швеции было объявлено о присуждении сегедскому биохимику Нобелевской премии по биологии и медицине. В венгерском (особенно интеллигентном) обществе, переживавшем тяжелейший посттрианонский синдром, с трудом осваивавшемся в непривычно узких новых границах страны и очень мало избалованном знаками благорасположения со стороны Запада, это восприняли как пусть и ограниченный по своему масштабу, но все-таки настоящий национальный триумф. Хотя явно леволиберальные убеждения Сент-Дёрди были в хортистской Венгрии не очень уместны, вызывая сильнейшее раздражение в высших политических кругах страны, где начиная с 1932 г. усилилось влияние правых радикалов на власть, его как единственного в Венгрии лауреата престижнейшей в мире премии ввели в 1939 г. в высшую палату парламента³⁴. Еще в середине 1930-х гг.

33 См. воспоминания о нем: In Memoriam Albert Szent-Györgyi. Szeged, 1987.

34 Власти сделали это отчасти в стремлении заручиться более широкой поддержкой венгерской интеллигенции, недовольной продолжающим-

Сент-Дёрди впервые побывал в СССР, а после Второй мировой войны его советские связи возымели продолжение. В начале лета 1945 г. он присутствовал в составе венгерской делегации в качестве гостя на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 220-летию Российской академии наук, а в общей сложности провел в Советском Союзе более 2 месяцев, посетив многие научные учреждения Москвы и Ленинграда. По возвращении на родину он предложил положить советский опыт в основу реформ институциональной системы венгерской науки³⁵, что вызвало в Венгрии дискуссии, но в конечном итоге все же было реализовано начиная с 1949 г. уже коммунистическим режимом Ракоши и сопровождалось вытеснением «идейно чуждых» венгерских гуманитариев. Сент-Дёрди к этому уже не имел никакого отношения, поскольку в 1947 г. он принял приглашение возглавить лабораторию в одном из американских университетов, где для его научной работы были созданы более благоприятные условия, нежели могла себе позволить полуразрушенная в результате Второй мировой войны Венгрия. Пройдя как человек политически слишком левый полосу преследований в годы маккартизма, он адаптировался со временем к американской университетской жизни и работал в США вплоть до кончины в 1981 г. В эпоху Кадара он возобновил связи с венгерской наукой и дважды побывал в Венгрии. Сент-Дёрди поддерживал регулярные контакты и с советскими учеными, в частности академиком В.А. Энгельгардтом, с которым сблизился во время своего длительного пребывания в СССР в 1945 г.

Переселение в 1921 г. в Сегед, однако, отнюдь не поставило точки в истории венгерского университета Трансильвании. Хортистская Венгрия ожидала благоприятной внешнеполитической конъюнктуры для предъявления реваншистских претензий на этот край и дождалась своего. Осенью 1940 г., через считанные недели после второго венского арбитража о пере-

ся дрейфом Венгрии к открытому фашизму, а с другой стороны, это стало жестом, адресованным западным демократиям, между которыми и Третьим рейхом приходилось вплоть до весны 1941 г. балансировать хортистской Венгрии. Именно желанием придать чуть больше блеска своей совсем потускневшей витрине в глазах либерального Запада было мотивировано и назначение Сент-Дёрди в 1940 г. ректором сегедского университета.

35 См. подробно: *Стыкалин А. С.* «Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление». К истории поездки в СССР в 1945 г. венгерского нобелевского лауреата Альберта Сент-Дёрди // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории.* Ставрополь; Капошвар; М., 2018. Вып. III. С. 148–181.

даче под юрисдикцию Будапешта Северной Трансильвании (30 августа 1940 г.), правительством было принято решение о восстановлении венгероязычного университета в оказавшемся вновь в составе Венгрии Коложваре. Торжественное открытие состоялось 24 октября. В Трансильванию переехала часть сегедской профессуры, хотя и в Сегеде университет (с Сент-Дёрди в качестве ректора) продолжал функционировать. Иными словами, осенью 1940 г. сегедский университет по сути разделился надвое³⁶. Что же касается румынского университета, то вследствие утраты Румынией Северной Трансильвании он был вынужден той же осенью 1940 г. эвакуироваться на территории, над которыми сохранялась румынская юрисдикция, — в г. Сибиу (традиционно важный культурный центр Южной Трансильвании) и в главный город Баната Тимишоару.

О высоком уровне преподавания в воссозданном в Трансильвании венгерском университете говорит тот факт, что не менее 10 его профессоров являлись действующими или стали впоследствии членами Венгерской академии наук по разным дисциплинам³⁷. Это сразу позволило наладить выпуск университетских периодических изданий по целому ряду наук, при государственной поддержке возник также связанный с университетом комплексный научно-исследовательский институт по изучению Трансильвании. Среди его руководителей был Иштван Кнежа, известный филолог-славист, возглавивший в 1940 г. в Коложваре кафедру славянской филологии. После Второй мировой войны, работая в Будапештском университете, он поддерживал тесные связи с советскими коллегами.

Более половины студентов первого потока (в том числе прибывших из «трианонской» Венгрии) оказались зачислены на факультет права и

36 Венгерский университет, восстановленный осенью 1940 г. в Коложваре, ставшем административным центром территорий, вернувшихся от Румынии к Венгрии, получил прежнее название «Королевский университет Франца Иосифа», чем была подчеркнута преемственность традиций эпохи дуализма, хотя из профессоров, служивших в нем в то время, в новом преподавательском составе уже никого не осталось.

37 Часть профессоров была командирована в возрожденный венгерский университет не из Сегеда, а из Будапешта, Дебрецена, Печа, некоторые преподавательские места заняли представители венгерской интеллигенции самой Трансильвании. О функционировании университета в годы войны вплоть до прихода в Клуж советских войск осенью 1944 г. см.: *Hunyadi A. G. Universitatea regală maghiară "Ferenc József" din Cluj (1940–1944) // Istoria Universităţii "Babeş-Bolyai". P. 185–199.*

государственного управления, поскольку особо актуальной считалась задача формирования венгерского бюрократического слоя новой генерации для управления возвращенной территорией (а будапештская правая элита питала надежды на возвращение Венгрии со временем всей Трансильвании)³⁸. Оживлению экономического развития края было призвано способствовать создание экономического факультета, которого ранее в Клуже в структуре университета никогда не существовало (функционировало высшее коммерческое училище).

Введение в хортистской Венгрии еще перед войной антисемитских законов и их дальнейшее ужесточение делало фактически невозможным зачисление евреев в профессорско-преподавательский состав, а студенты-евреи подвергались нападкам крайне правых элементов. Оккупация Венгрии (в том числе Северной Трансильвании) вермахтом в марте 1944 г., вызванная опасениями ее разрыва с нацистской Германией, привела к массовым депортациям евреев. В этих условиях ряд профессоров-медиков, рискуя собственными жизнями, спасли десятки евреев, укрыв их в университетских клиниках Коложвара. В апреле 1944 г. решением крайне правых властей занятия в университете были приостановлены, попытки возобновить учебный процесс предпринимались осенью, в те недели, когда вместе с Красной армией в город вернулись представители румынской администрации, которой, однако, советская военная администрация передала реальные полномочия только в марте 1945 г., с установлением в Румынии левого правительства П. Грозы, приемлемого для СССР.

Стремление послевоенного венгерского левоцентристского правительства добиться небольшой корректировки в пользу Венгрии ее границ с Румынией не было поддержано западными союзниками, на что надеялись в Будапеште, зная о твердой позиции Москвы в вопросе о сохранении за Румынией всей Трансильвании и смежных с ней территорий (Баната, Кришаны, Марамуреша), переданных Бухаресту в соответствии с Трианонским договором 1920 г. Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил венгерско-румынские границы, установленные по «Трианону». Что касается города Клужа, расположенного в самом центре края, то уже в 1945 г. можно было предвидеть, что он окажется в составе Румынии. Это не означало, однако, выселения венгерского университета. По решению левых властей, с возвраще-

38 Количество принятых на учебу в первом семестре студентов превысило 2000 человек, что говорит о большом значении, которое правительство придавало возрождению университета.

нием румынского университета в Клуж из Сибиу и Тимишоары ему предстояло сосуществовать в одном городе с продолжавшим функционировать венгерским университетом. Хотя в первые месяцы после его возвращения возникли определенные проблемы с размещением в относительно небольшом, в то время примерно 100-тысячном городе двух университетов, вопрос уже весной 1945 г. был решен в пользу румынского университета за счет венгерского, поставленного в более тяжелые условия. Как комментировал ситуацию А. Сент-Дёрди в беседе с представителем венгерской компартии при ЦК ВКП(б) при посещении в мае 1945 г. Москвы, «в Трансильвании румынско-венгерское равноправие существует только на бумаге. Примером может служить случай с Клужским университетом. На бумаге дело обстоит так, что в Клуже должны были бы существовать два университета: румынский и венгерский. Действительное положение таково, что старый университет со всем его оборудованием был передан для целей румынского университета. Венгерскому университету передали пустое здание венгерской гимназии, где, например, медицинского факультета при теперешних условиях создать совершенно невозможно. Таким образом, — говорит Сент-Дьерди, — венгерского университета нет, зато венгерскую гимназию этим способом удалось убить»³⁹. Тем не менее вопрос с помещением решился, и венгерский университет возобновил свои занятия. Вследствие чисток были удалены профессора, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с крайне правыми партиями, на их места пришел ряд представителей трансильванской венгерской левой интеллигенции. Часть профессоров и преподавателей венгерского университета Клужа, отказавшись принять румынское гражданство, в 1945–1948 гг. выехала в Венгрию.

Румынский и венгерский университеты как два самостоятельных высших учебных заведения сосуществовали в одном городе вплоть до конца 1950-х гг. Румынский университет, прежде носивший имя короля Фердинанда, в 1947 г. был назван в честь выдающегося микробиолога румына В. Бабеша, а венгерский (в прошлом имени Франца Иосифа) получил имя уроженца Коложвара математика Я. Больяи, внесшего вклад в неевклидову геометрию. Немалую роль в сохранении венгерского университета сыграл внутривосточный фактор. Партия, защищавшая интересы венгров как национального меньшинства, Венгерский народный союз, выступала во второй половине 1940-х гг. попутчиком

³⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 35–36.

коммунистов в их противоборстве с правонационалистическими партиями, и этот альянс руководство компартии не было заинтересовано разрушать, отталкивая консолидированное венгерское сообщество Трансильвании попытками закрытия университета. Однако не меньшее значение имел и внешнеполитический фактор. В Москве не были заинтересованы ни в обострении межнациональных противоречий в странах своей сферы влияния, ни тем более в конфликтах между этими странами и прилагали усилия по предотвращению потенциальных споров. В силу этого именно советское руководство предложило в начале 1950-х гг. румынским коммунистическим лидерам создать в Восточной Трансильвании венгерскую территориальную автономию, при этом были использованы советский опыт и конкретные образцы решения национального вопроса в СССР⁴⁰. В ту же стратегию вписывалось и существование самостоятельного, хотя и небольшого венгерского университета; он функционировал не в административном центре этой автономии г. Тыргу-Муреш (венг.: Марошвашархей), где находился только его медицинский факультет, а в основном за ее пределами, в важнейшем культурном центре Трансильвании Клуже, и обладал весьма высоким научным потенциалом, не в последнюю очередь в области филологических и исторических наук⁴¹. Сам факт существования в Румынии венгерского университета призван был символизировать разрешенность в «народно-демократической» стране внутренних межнациональных споров, приобретая, таким образом, политико-пропагандистское звучание как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане. Между университетами Бабеша и Больяи существовала связь (ряд общих научных изданий и учебных баз).

Вместе с тем внутривнутриполитические изменения, сопутствовавшие установлению в Румынии к концу 1947 г. жесткой однопартийной коммунистической диктатуры, сопровождалась ликвидацией университетской автономии, насаждением цензуры, утверждением догмати-

40 См.: *Боттони С.* Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 206–230.

41 *Lönhárt T.* Universitatea “Bolyai” din Cluj (1945–1959) // *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*. P. 231–259. За 14 лет существования университета Больяи его дипломы получили около 10 тыс. студентов разных специальностей, составивших костяк венгерской интеллигенции Трансильвании.

зированной марксизма и жесткими идеологическими чистками как в румынском, так и в венгерском университетах. Уже в 1946–1947 гг. приняли меры против вожаков студенческих волнений, проходивших под лозунгами сохранения демократических университетских традиций. В 1950 г. был арестован и через несколько месяцев умер в заключении бывший президент Румынской академии 74-летний А. Лапедату. Был арестован в 1949 г. и до 1955 г. находился в тюрьме (в г. Сигету-Мармациеи на советско-румынской границе) известный историк академик С. Драгомир, оставивший след и в истории русско-румынских гуманитарно-научных контактов (в начале 1910-х гг. он вел исследования в архивах и книгохранилищах Москвы, занимаясь церковными связями Московского царства с Румынскими княжествами в XVII в.). Та же судьба постигла известного историка И. Лупаша. Более длительное время (15 лет с 1948 по 1963 гг.) провел в заключении психолог Н. Мэргиняну, в 1930-е гг. работавший в США в качестве стипендиата Фонда Рокфеллера. Были лишены права преподавания и подвергались гонениям педагог и влиятельный общественный деятель, один из основателей и первых профессоров клужского румынского университета О. Гибу, философ и выдающийся поэт, классик румынской литературы XX в. Лучиан Блага, философ Д. Рошка, переводчик Гегеля и Кьеркегора на румынский язык (при том что в годы Второй мировой войны и Рошка, и Блага преследовались режимом Антонеску как представители духовной оппозиции крайне правой власти). Репрессии не обошли стороной и целый ряд профессоров и преподавателей венгерского университета Клужа.

Позиция румынских властей относительно венгерского университета изменилась после 1956 г. Коммунистическая элита Румынии была очень сильно напугана мощнейшим восстанием осени 1956 г. в соседней Венгрии, в ходе которого в течение нескольких дней пала вся система власти — как в центре страны, так и на местах. Опасаясь, что эти события воодушевят трансильванских венгров на проявления солидарности с восставшими соплеменниками, а оппозиционно настроенных румын подвигнут на выдвижение по венгерскому примеру далеко идущих политических (в том числе о выводе советских войск, расширении свободы печати и собраний, разрешении новых общественных организаций и т. д.) и социальных требований, власти применяют целый ряд превентивных мер, включая приостановку занятий в университетах⁴². Поводом для это-

42 *Гладышева А. С.* Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 8–14.

го послужили реально проявившиеся в университетской среде Бухареста, Клужа, других городов (и отнюдь не только среди этнических венгров) оппозиционные брожения, высказывания на студенческих собраниях мыслей о необходимости внутренней либерализации, расширения университетской автономии. Призывы к ревизии трианонских границ в дни венгерской революции вообще не звучали, а обращения к властям соседней Румынии принять меры по улучшению положения венгерского меньшинства заняли периферийное положение в обнародованных программах тех политических сил, которые проявили себя в Венгрии осени 1956 г. В Румынии в среде трансильванских венгров имели некоторое хождение идеи независимой Трансильвании, а что касается призывов присоединить край к Венгрии, иногда фигурировавших в следственных и судебных делах, то они скорее всего были просто продуктами фабрики спецслужб. Отнюдь не это определяло суть протестных выступлений в Румынии под лозунгами реформ и десталинизации. Вместе с тем в силу пережитого в первой половине XX в. исторического опыта реальная настроенность румын в отношении венгерского ирредентизма существовала. Поэтому любого рода оппозиционные проявления в самой Румынии, имевшие место под влиянием венгерских событий, были использованы властями для устрашения румынского общества угрозой великомадьярского национализма и ревизионизма. Иногда это приносило эффект, позволило, в частности, внося определенный раскол в молодежную среду Клужа, утихомирить (не без помощи также и превентивных арестов) студенческие брожения в главном городе Трансильвании, где в силу специфики исторической памяти острота противоречий между венграми и румынами ощущалась достаточно сильно⁴³. По-иному обстояло дело в главном городе Баната Тимишоаре, самом интернациональном городе Румынии, где в силу исторических условий, напротив, сложилась давняя традиция бесконфликтного сожительства румын, немцев, сербов и венгров. Там молодежные (прежде всего студенческие) выступления солидарности с восставшей Венгрией приобрели самый массовый характер, заставив власти прибегнуть к жесткому силовому подавлению⁴⁴.

43 Даже самодетельные студенческие вечера памяти выдающихся деятелей венгерской культуры интерпретировались как опасные проявления национализма. О настроениях трансильванских венгров в свете венгерской революции и о мерах властей в целях стабилизации положения дает представление сборник документов: *Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959) / Főszerk. St. Bottoni. Csíkszereda, 2006.*

44 *Sitariu M. Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași, 2004.*

Студентами Тимишоары среди прочего было озвучено требование вывода советских войск из Румынии.

Жесткие преследования тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции⁴⁵, и — шире — всех потенциальных оппонентов коммунистической власти были призваны не только запугать недовольных, но и укрепить доверие советских лидеров, убедить их в том, что положение в Румынии стабильно, за эту страну они могут быть спокойны: здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего подобного венгерским событиям осени 1956 г. А значит, ее руководство не нуждается в мелочной кремлевской опеке, на него можно положиться в принципиальных вопросах и, следовательно, предоставить несколько больше самостоятельности в выработке курса на строительство социализма в соответствии со специфическими условиями страны. Этот фактор сыграл свою роль в принятии в 1958 г. в Москве решения о выводе советских войск из Румынии. Именно в венгерских событиях осени 1956 г. следует искать один из важнейших истоков особой линии Румынии в рамках советского блока, все сильнее проявлявшейся в 1960-е гг.⁴⁶

После 1956 г. венгерская революция была использована как повод для ужесточения внутренней политики, что затронуло и систему высшего образования. Жестоко пресекаются любые неформальные объединения как в венгерской, так и в румынской студенческой и интеллигентской среде Трансильвании. Некоторые проявления в среде студентов и преподавателей университета Больши солидарности с венгерской революцией, в определенной мере высветив настроения венгероязычного сообщества коммунистической Румынии и указав властям на неэффективность политико-идеологического контроля над ним, стали одним из стимулов такой реорганизации системы высшей школы, в которой не находилось места самостоятельному венгероязычному университету — на него в свете венгерских событий смотрели как на гнездо неблагонадежной и потенциально опасной интеллигенции. Решение о закрытии самостоятельного венгерского университета

45 Так, из университетов Румынии за проявления общественной активности было удалено около 5000 студентов, против более 1000 из них возбуждены уголовные дела. Между тем в Клуже студенческие волнения вспыхивали вплоть до января 1959 г., что приводило к новым арестам.

46 См.: *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года и начало формирования румынской национальной модели коммунизма // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 89–103.

было проведено в жизнь в 1959 г. на волне официального патриотизма, связанной с широким празднованием 100-летия объединения румынских дунайских княжеств — Молдовы и Валахии⁴⁷. Интеграция его структур в единый университет обосновывалась необходимостью преодоления изолированности венгерского населения Румынии от мажоритарного румынского. Этот единый университет получил теперь двойное название — Бабеша-Больяи, чем подчеркивалось уважение к венгерским традициям. Между тем в реальности происходил процесс поглощения венгерского университета румынским, сопровождавшийся сокращением кафедр и увольнением преподавателей. Он был воспринят в среде трансильванской венгерской интеллигенции столь же драматически, как и события 1920 г. Ведущий профессор университета филолог Л. Сабеди (1907–1959) покончил жизнь самоубийством, за ним последовал и один из молодых коллег. Румынский коммунистический режим, заинтересованный в расширении своей внутренней социальной поддержки, приобретал в 1960–1970-е гг. все более ярко выраженную националистическую окраску, и хотя клужский университет продолжал оставаться одним из важнейших научно-образовательных центров Румынии, масштабы преподавания на венгерском языке в его стенах резко сокращаются. Возрождение системы высшего образования на венгерском языке в рамках единого клужского университета происходит только после падения режима Чаушеску, в 1990-е гг.

Таким образом, история университета, созданного в полиэтничной и поликультурной Трансильвании, дает нам яркие примеры влияния геополитических факторов и национально-территориальных споров на судьбы отдельных культурно-образовательных институций и связанных с ними национальных научных элит. Изменение границ вследствие войн вело не только к разрушениям сложившихся инфраструктур, но и к масштабным (иногда неоднократным) перемещениям отдельных их элементов и возрождению на новом месте традиций, прерванных в результате политических катаклизмов. Переезды целых университетов в другие города, в пределы новых государственных образований лишь подчеркивали остроту межгосударственных противо-

47 Оно вызвало негативный международный отклик, причем не только в Венгрии и на Западе. Так, ведущий польский философ-марксист А. Шафф в беседе с советским дипломатом, говоря об усилении в Румынии национализма, привел в качестве показательного примера именно закрытие венгерского университета в Клуже: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 127.

речей и углубляли разногласия между духовными элитами соседних народов, затрудняли их диалог. Система австро-венгерского дуализма, создав условия для функционирования полноценного венгерского университета в Трансильвании, вместе с тем ограничивала возможности развития румынской национальной культуры на институциональном уровне. Ситуация изменилась в пользу румынского национального сообщества лишь с переходом края под юрисдикцию королевской Румынии, но изменилась за счет вытеснения венгерских культурных, научных, интеллектуальных традиций, по которым был нанесен существенный удар. Искусственно прерванная вследствие поражения в войне традиция была, однако, возобновлена и получила развитие на новом месте, в пределах сузившихся границ Венгрии.

При всех режимах и при любой государственной принадлежности края расположенный в городе Клуже университет оставался наиболее значительным учебным заведением Трансильвании. Его сохранение и поддержание оставалось делом чести с точки зрения репрезентации на международной арене стран, в состав которых с последней трети XIX в. входила Трансильвания на различных отрезках своей истории. Кроме того, как и в Венгрии 1867–1918 гг. и 1940–1944 гг., так и в Румынии 1918–1940 гг., а также после Второй мировой войны, властями ставились перед коложварским (клужским) университетом прагматические задачи подготовки высокообразованных и национально ориентированных кадров, способных внести свой вклад в дело лучшей интеграции Трансильвании в унитарное венгерское либо румынское государство. За этой своеобразной конкуренцией стояли перипетии острых венгерско-румынских споров XX в. вокруг Трансильвании, которые не могли не сказаться на судьбе университета, заставляя не раз менять пристанища как венгерскую, так и румынскую профессуру, связанную с Клужем.

История сложных взаимоотношений двух соседних народов знала и случаи принятия компромиссных решений — при том что не все воплощенные проекты оказывались долговечными. Так, сосуществование в одном городе двух университетов в условиях становления коммунистического режима, под бдительным оком Москвы, продолжалось не более полутора десятилетий, поскольку торжество румынского национал-коммунизма вплоть до падения режима Чаушеску почти не оставляло места в новой системе высшего образования на венгерском языке.

Ситуация изменилась после 1989 г. Наличие некоторых нерешенных проблем в румынско-венгерских межэтнических отношениях в

Трансильвании не мешает нормальному функционированию университета, где преподают и проводят научные исследования под одной крышей специалисты разных национальных школ, а в августе 2011 г. удалось успешно провести международный конгресс унгарологических исследований. Сегодня в Клуж-Напоке работает крупнейший в Румынии университет во главе с президентом Румынской академии историком И.-А. Попом: подчеркивая до известной степени преемственность в том числе и венгерских университетских традиций, идущих с габсбургских времен, он является важнейшим полем непростого, но продуктивного диалога высоких культур двух соседних, живущих рядом на протяжении тысячелетия народов — венгров и румын.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года: факты, легенды, домыслы. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с. DOI: 10.31168/4469-1779-2.

Боттони С. Создание Венгерской автономной области в Румынии (1952 г.): предпосылки и последствия // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 206–230.

Гладышева А. С. Венгерская революция 1956 г. и некоторые аспекты внутренней политики коммунистического режима в Румынии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 8–14.

Поссевино А. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве / сост. и предисл. И. В. Курукина. М.: Аграф, 2005. 256 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года и начало формирования румынской национальной модели коммунизма // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 89–103. DOI: 10.31857/SO13038640004841-3.

Стыкалин А. С. «Мир, который я здесь встретил, произвел на меня очень глубокое впечатление». К истории поездки в СССР в 1945 г. венгерского нобелевского лауреата Альберта Сент-Дёрди // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь; Капошвар; М.: Изд-во СКФУ, 2018. Вып. III. С. 148–181.

- Ясу О.* Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 610 с.
- Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959) / Főszerk. St. Bottoni. Csíkszereda: Pro-Print, 2006. 432 old.
- Bendl J.* Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig. Budapest: Scientia Humana, 1994. 242 old.
- Costea I.* Învățământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 43–57.
- Csucsujá I.* Universitatea “Ferenc József” între anii 1872–1919 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 69–126.
- The History of Transylvania / ed. by I.-A. Pop, T. Nágler, A. Magyar. Cluj-Napoca: Center for Transylvanian Studies, 2005–2010. Vol. I–III.
- Hunyadi A. G.* Universitatea regală maghiară “Ferenc József” din Cluj (1940–1944) // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 185–199.
- In Memoriam Albert Szent-Györgyi. Szeged: s.n., 1987. 410 old.
- Lönhárt T.* Universitatea “Bolyai” din Cluj (1945–1959) // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 231–259.
- Pál J.* Perioada 1800–1872 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 59–68.
- Pop I.-A.* Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581 // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 15–29.
- Radosav D.* Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea // Istoria Universității “Babeș-Bolyai”. Cluj-Napoca: Mega, 2012. P. 31–41.
- Sitariu M.* Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956. Iași: Polirom, 2004. 216 p.
- Varga E. Á.* Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében // A Magyarországtudató Intézet évkönyvé. 1988. Budapest: Akadémiai, 1988. 37–65 old.

References

- Ablonczy, B. *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 goda: fakty, legendy, domysly*. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriia, 2020, 168 p. DOI: 10.31168/4469-1779-2.
- Bendl, J. *Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig*. Budapest: Scientia Humana, 1994, 242 p.
- Bottoni, St. “Sozdanie Vengerskoï avtonomnoï oblasti v Rumynii (1952 g.): predposylki i posledstviia.” *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: istoricheskii opyt i sovremennoe polozhenie*, ed. by

E. P. Serapionova, Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 206–230.

Bottoni, St., editor. *Az 1956-os forradalom és a romániai magyarság (1956–1959)*. Csíkszereda: Pro-Print, 2006, 432 p.

Costea, I. “Învățământul academic la Cluj în secolul al XVIII-lea.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 43–57.

Csucsuj, I. “Universitatea ‘Ferenc József’ între anii 1872–1919.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 69–126.

Gladysheva, A. S. “Vengerskaia revoliutsiia 1956 g. i nekotorye aspekty vnutrennei politiki kommunisticheskogo rezhima v Rumynii.” *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, no. 4, 2017, pp. 8–14.

Hunyadi, A. G. “Universitatea regală maghiară ‘Ferenc József’ din Cluj (1940–1944).” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 185–199.

In Memoriam Albert Szent-Györgyi, Szeged: [s.n.], 1987, 410 p.

Jászi, O. *Raspad Gabsburgskoï monarkhii*, Moscow: Tri kvadrata, 2011, 610 p.

Lönhárt, T. “Universitatea ‘Bolyai’ din Cluj (1945–1959).” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 231–259.

Pál, J. “Perioda 1800–1872.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 59–68.

Pop, I.-A. “Începuturile: colegiul iezuit din 1579–1581.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 15–29.

Pop, I.-A., Nágler, T., Magyari, A., editors. *The History of Transylvania*. Cluj-Napoca: Center for Transylvanian Studies, 2005–2010, 3 vol.

Possevino, A. *Ivan Groznyi i iezuity. Missiia Antonio Possevino v Moskve*. Moscow: Agraf, 2005, 256 p.

Radosav, D. “Repere ale învățământului superior din Cluj în secolul al XVII-lea.” *Istoria Universității “Babeș-Bolyai”*, ed. by I.-A. Pop, D. Radosav, I. V. Costea, O. Ghitta, Cluj-Napoca: Mega, 2012, pp. 31–41.

Sitariu, M. *Oaza de libertate. Timișoara, 30 octombrie 1956*. Iași: Polirom, 2004, 216 p.

Stykalin, A. S. “‘Mir, ktorýi ia zdes' vstretil, proizvel na menia ochen' glubokoe vpechatlenie’. K istorii poezdki v SSSR v 1945 g. vengerskogo nobelevskogo laureata Al’berta Sent-Děrđi.” *Rossii i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*, ed. by I. V. Kriuchkov. Iss. 3. Stavropol, Kaposvár, Moscow: SKFU Publ., 2018, pp. 148–181.

Stykalin, A. S. “Vengerskii krizis 1956 goda i nachalo formirovaniia rumynskoi natsional’noi modeli kommunizma.” *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, 2019, pp. 89–103. DOI: 10.31857/SO13038640004841-3.

Varga, E. Á. “Az erdélyi magyarság főbb statisztikai adatai az 1910 utáni népszámlálások tükrében.” *A Magyarágkutató Intézet évkönyvé. 1988*, Budapest: Akadémiai, 1988, pp. 37–65.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Stykalin A. S.

**The fate of one university in the context
of changing borders in Central Europe (Kolozsvár — Cluj — Szeged)**

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The fate of one university in the context of changing borders in Central Europe (Kolozsvár — Cluj — Szeged) // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 353–385 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01

Received: 06.05.2021.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no 21-59-23002.

Abstract

An example of how epoch-making historical events in Central Europe affected the fate of an elite educational institution is the history of the second Hungarian university, founded in 1872 in the main city of Transylvania, Kolozsvár. This university was forced to leave Transylvania as a result of its reunification with the Kingdom of Romania in December 1918 following the First World War. Romanian professors from the “Old Kingdom” entered the university buildings built in the era of Austro-Hungarian dualism, located in the same city that changed its name from

Kolozsvár, to Cluj. They were tasked by the new authorities to facilitate the integration of the region into Romania. The Hungarian University moves within the new borders of Hungary, to the city of Szeged. The creating of this powerful center of elite Hungarian culture became one of the essential directions of the cultural policy of the conservative regime. Its representatives saw the transformation of Hungary into a bastion of high European culture on the threshold of the Balkans as one of the ways to compensate for the enormous national infringement that the Trianon Peace Treaty of 1920 was for millions of Hungarians.

The resettlement to Szeged, however, by no means put an end to the history of the Hungarian University of Transylvania. After the second Vienna arbitration for the transfer of Northern Transylvania to Hungary (August 1940), the Hungarian university in Cluj was restored, and the Romanian one moved within the narrowed borders of Romania. In the post-war Romania, under the left-wing authorities, and later the communist regime, which was not interested in aggravating the Hungarian-Romanian contradictions, both Romanian and Hungarian universities functioned in Cluj for a decade and a half, until in 1959, amid the rise of Romanian nationalism, an independent Hungarian university was closed.

Keywords

Transylvania, Cluj, University of Cluj, Austria-Hungary, Greater Romania, socialist Romania, the Versailles system, world wars, redistribution of borders in Central Europe.

**В. М. Площанский — исследователь истории Галицкой Руси
и Руси Холмской
(обзор непубликованных материалов
вильнюсских рукописных собраний ученого)**

Лабынцев Юрий Андреевич
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: slaviabel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7900-6143

Цитирование

Лабынцев Ю. А. В. М. Площанский — исследователь истории Галицкой Руси и Руси Холмской (обзор непубликованных материалов вильнюсских рукописных собраний ученого) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 386–406. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.02

Статья поступила в редакцию 20.04.2021.

Аннотация

В статье дан общий обзор обширного рукописного наследия одного из самых заметных деятелей Восточной Галиции из числа переселившихся в XIX в. в Российскую империю — Венедикта Михайловича Площанского (1834–1902). Вынужденный из-за политических преследований покинуть с семьей Львов, он весной 1888 г. становится членом Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. Здесь, в Вильно, проходят последние 14 лет его жизни, насыщенные активной научной работой, осуществлявшейся в том числе на основе источников, собранных им на территории Австро-Венгерской империи. Все эти многочисленные материалы, а также личный архив ученого после его кончины расходятся по ряду местных хранилищ. Основная их часть сразу же попадает в Виленскую публичную библиотеку, правда, в разрозненном виде. В течение весьма длительного времени, начиная с 1970-х гг., мы постепенно разыскивали и анализировали рукописные документы, собранные и составленные В. М. Площанским, в том числе и обширные собственноручные записки и дополнения ученого на страницах книг из его библиотеки, оказавшиеся в различных государственных и частных собраниях.

Ключевые слова

Австро-Венгерская империя, Восточная Галиция, В. М. Площанский, Галицкая Русь, Холмская Русь, Виленская комиссия для разбора и издания древних актов.

Имя Венедикта Михайловича Площанского, уроженца северо-восточной славянской окраины Австро-Венгерской империи, активнейшего участника национальных движений в Галиции середины — второй половины XIX в., чаще всего упоминается именно в связи с ними. Оценок его сугубо научной работы в общем-то немного, и все они весьма положительные. Правда, при этом, по мнению такого искушенного в обстоятельствах его национально-политической жизни многоопытного исследователя, как Н. Н. Улащик, В. М. Площанский «по происхождению галичанин»¹, а вот Я. Р. Дашкевич именовал Венедикта Михайловича, которого называл «Вениамином», «украинским историком»². Собственно, каких-либо специальных работ о В. М. Площанском не существует, уже в наши дни о нем иногда даже говорится как о «малоизвестном украинском публицисте»³, хотя ссылки на него и разбор общественной и журналистской деятельности В. М. Площанского, например в монографиях А. Н. Сухого⁴ и А. В. Вендланд⁵, противоречат подобной констатации. В переведенной с немецкого и отчасти дополненной во львовском издании объемной книге А. В. Вендланд, хорошо знающей украинский язык, очень верно отмечено, что «и в его случае в Галичине», как и с Я. Ф. Головацким, «поговаривали (“подейкували”), что он

1 Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 116.

2 Дашкевич Я. Р. Украинские историки в Литве (XIX — начало XX в.) // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс, 1978. С. 79.

3 Письменники Прикарпаття. Площанський Венедикт // Хата-читальня Прикарпаття. URL: <https://sites.google.com/site/xatachytalnya1/pismenniki-prikarpatya/plosanskij-venedikt> (дата обращения: 17.09.2021).

4 Сухий О. Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів, 2003.

5 Wendland A. V. Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland. 1848–1915. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Vienna, 2001. Vol. 27.

так и не сумел прижиться в России»⁶. Именно «поговаривали» — в кругу идейных противников из числа современников В. М. Площанского и их ближайших потомков, среди которых наиболее активно с подобным толкованием выступал Н. Г. Андрусак (1902–1985)⁷. На самом деле все было совершенно иначе.

Продолжая тесные контакты с родиной, Я. Ф. Головацкий и В. М. Площанский немало сделали для нее в российский период своей жизни. Один факт переписки В. М. Площанского с Иваном Франко, казалось бы, давним противником, говорит о многом⁸. Иван Франко высоко ценил моральные качества В. М. Площанского, называл его «честнейшим человеком»⁹, правда, не слишком умелым руководителем такого известного русофильского издания, как газета «Слово». По его мнению, «Венедикт Площанский, человек, без сомнения, — доброй воли, скрупулезный собиратель ценных топографических материалов для топографии Восточной Галиции, но как редактор слабохарактерный, спокойно оставлял своим сотрудникам определять газете направление, какое им хотелось»¹⁰. Причиной отъезда В. М. Площанского в Россию Иван Франко считал жесткое политическое преследование властями редактора «Слова», масштабным началом которого стал громкий процесс над русофилами 1882 г., получивший название «процесс Ольги Грабарь»¹¹ по имени одной из главных его фигурантов — матери известного русского художника и историка искусства академика И. Э. Грабаря.

Осенью 1887 г. В. М. Площанский со всем своим семейством отправляется на жительство в Россию и через несколько месяцев поселяется в Вильно, где служит в Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. Перевезенный в 1886–1887 гг. из Люблина в Вильно при непосредственном участии Я. Ф. Головацкого богатейший

⁶ Вендланд А. В. Русофіли Галичини: Українські консерватори між Австрією та Росією. 1848–1915. Львів, 2015. С. 500.

⁷ Андрусак М. Нариси з історії галицького москвофільства (з портретами москвофільських діячів). Львів, 1935.

⁸ См., напр.: Институт літератури ім. Т. Г. Шевченка. Відділ рукописів. Ф. 3. Ед. хр. 1605. Л. 411.

⁹ Франко І. Зібрання творів у 50 т. Київ, 1986. Т. 48: Листи (1874–1885). С. 373.

¹⁰ Франко І. Зібрання творів у 50 т. Київ, 1984. Т. 41: Літературно-критическіе произведения (1890–1910). С. 349–350.

¹¹ Там же.

Люблинский центральный архив древних судебных книг¹² становится основной источниковой базой для целого ряда фундаментальных археографических и исторических трудов В. М. Площанского, посвященных Холмской Руси¹³, «сохранивших до наших дней весьма существенную научную и источниковедческую ценность»¹⁴. В российский период жизни В. М. Площанский неоднократно пытается возвратиться к своему давнему большому начинанию по историко-топографическому описанию различных местностей родной Восточной Галиции. Все это нашло отображение в оставшихся после его кончины материалах личного архива, комплексах различных исторических документов, собранных им на территории Австро-Венгерской империи и привезенных в Вильно, а также в материалах собственной библиотеки ученого, книги из которой в конце концов разошлись по многим, в основном виленским, собраниям, в том числе и частным. Именно книги из библиотеки В. М. Площанского с его обширными маргиналиями впервые заставили нас еще в 1970-е гг. заинтересоваться судьбой рукописных собраний этого выдающегося исследователя польско-восточнославянского пограничья. В течение весьма длительного времени мы постепенно разыскивали и анализировали эти материалы, которые можно выделить в следующие основные группы: личные документы В. М. Площанского; собрание различных документальных источников, накопленное им в Галиции; архивный комплекс, связанный с работой

12 Пятидесятилетие службы Ивана Яковлевича Спрогиса. Вильна, 1914; *Mienicki R.* Archiwum akt dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku: Rys historyczny. Warszawa, 1923. S. 54.

13 *Площанский В. М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII в. и др. источникам. Т. 1. Духовенство. А. Холмская епархия православной и б. униатской церкви. 1428–1630. Вильна, 1899; Т. 2. Б. Холмская епархия православной и б. униатской церкви. 1630–1730. Холмская епархия римско-кат. церкви. 1418–1733. Вильна, 1901.

Исключительное значение сохраняют единолично подготовленные В. М. Площанским три тома «Актов, издаваемых Виленскою Археографическою комиссиею»: Т. XIX. Акты, относящиеся к истории бывшей Холмской епархии. Вильна, 1892; Т. XXIII. Акты Холмского гродского суда. Вильна, 1896; Т. XXVII. Акты Холмского гродского суда. Вильна, 1900. Коллеги ученого уже тогда оценили их как крупное научное достижение, позволяющее «значительно поднять завесу прошлого Холмской Руси» (см.: Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864. 17/IV. 1914. Юбилейная записка. Вильна, 1914. С. 21).

14 *Gil A.* Prawosławna eparchia chełmska do 1596 roku. Lublin; Chełm, 1999.

над историко-топографическим описанием местностей Восточной Галиции; архив газеты «Слово»; документальные материалы для работы над темой «Холмская Русь»; книги из личной библиотеки со всевозможными, вплоть до весьма объемных, маргиналиями ученого.

Через непродолжительное время после кончины В. М. Площанского, последовавшей в феврале 1902 г.¹⁵, основная часть архивно-библиотечного наследия ученого попадает в Виленскую публичную библиотеку, где в силу множества объективных причин утрачивает форму единого целого, сразу же по поступлении начинает дробиться и распадаться. Видимо, более-менее полно из числа переданного сохранился только комплекс личных документов В. М. Площанского, впервые упомянутый в печатном перечне состава «рукописного отделения Виленской публичной библиотеки как “пакет с автобиографическими данными”» ученого¹⁶. В нем находился «Curriculum vitae» В. М. Площанского и ряд иных документов, сберегающихся ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских¹⁷. Из этих бумаг мы узнаем, что В. М. Площанский — «сын грамотного гражданина в Рожнятове, родился в уездном г. Калуше Галицкой Руси 11 марта 1834 г., крещен и миропомазан по греко-русскому обряду»¹⁸. В семье было 10 детей. Во время учебы во Львовском университете он сблизился с Я. Ф. Головацким. В 1873 г. избран действительным членом Московского археологического общества, а в 1885 г. — почетным членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. «Когда оказалось невыносимым положение его и семейства в Австрии, он отправился в начале октября мес[яца] 1887 г. в Россию для приискания себе подходящего места»¹⁹. Явился в Петербург и 24 марта 1884 г. был утвержден к «причислению его к Виленской комиссии». Получил пособие для переезда и 19 апреля 1888 г. прибыл в Вильно. Женат с августа 1868 г. В семье, помимо жены, трое детей и мать жены — вдова адвоката Кастановича из Румынии. Согласно утверждению В. М. Площанского, его род — «искони русские жители

15 Литовские епархиальные ведомости (далее — ЛЕВ). 1902. № 7. С. 53–57; № 8. С. 63–64; Виленский календарь на 1903 г. (простой). Вильна, 1902. С. 338–346.

16 Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1903. Вып. 4. С. 18.

17 Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyriaus (далее — LMAVB. RS). F. 16/B2-255.

18 Там же. Л. 1–2.

19 Там же. Л. 2об.

Подкарпатской Руси»²⁰. К моменту написания своего «Curriculum vitae», составленного по переезде в Вильно, В. М. Площанский побывал членом и руководителем около 30 различных организаций и обществ, список которых приведен на нескольких страницах²¹. Среди иных документов в данной единице хранения находится и очень важное письмо Б. А. Дедицкого от 5 мая 1888 г., отправленное В. М. Площанскому из Львова в связи с кончиной Я. Ф. Головацкого. В нем автор восклицал, говоря о Якове Федоровиче: «Он один из всех других галичан, выселившихся в Россию, постоянно помнил о нас, постоянно жил духом посреди нас, да и был для нас средоточием литературных сообщений... Дай Бог, чтобы теперь Вы старались занять для нас его место»²².

Различные документальные источники, собранные В. М. Площанским на территории Австро-Венгерской империи, могут быть объединены в несколько тематических групп, но они как никакие другие подвергались перераспределению по местам хранения или же даже оказались утрачены. В огромной степени это касается и документальных материалов, имеющих отношение к «процессу Ольги Грабарь», на основе которых В. М. Площанским была написана книга, посвященная «памяти протоиерея Иоанна Григорьевича Наумовича»²³, — очень важный источник по истории национальных движений в Восточной Галиции во второй половине XIX в. В книге, в частности, ссылаясь на свои неопубликованные работы, В. М. Площанский подчеркивал, что не является создателем «русской партии, потому что она уже была; от убеждений же моих, основывающихся на правде, истории и этнографии, насчет одного литературного русского языка, я никогда не откажусь»²⁴. Подобные материалы единомышленников по поводу языка особенно интересовали В. М. Площанского, примером чего служит весьма характерная записка-призыв, которую можно даже назвать манифестом, «Еден русскій народ, еден русскій язык, едная святая Русь», составленная «15.6.1866» галицким греко-католическим священником Иосифом Грабовичем в селе Балучин, расположенном в 10 км к югу от г. Буско²⁵. Примечательно, что он служил в глухой австро-венгерской провинции

20 Там же. Л. 5.

21 Там же. Л. 3–4.

22 Там же. Л. 12.

23 *Площанский В. М.* Политический процесс русских галичан вообще, редактора «Слова» в особенности. Вильна, 1892.

24 Там же. С. 92.

25 LMAVB. RS. F. 16/B2–241.

и, таким образом, отображал взгляды рядового духовенства, как оказывается, чрезвычайно вовлеченного тогда в развивавшиеся национальные движения. Перу И. А. Грабовича принадлежит несколько бывших в пользовании В. М. Площанского разного объема текстов, связанных с проблемами языков и письма в Галиции середины — второй половины XIX в., так называемой «Азбучной войной» — попыткой повсеместного введения здесь, в восточнославянской среде, латиницы, против чего горячо тогда восстали не только лидеры, но и рядовые представители местного грекокатолического населения. И. А. Грабович призывал к единению всех восточнославянских («русских») народов: «Всякому должно быти понятно, що теперешный дух часу стремится до едноты, а то не токмо народной но даже и племенной, бо не только влоская и немецкая народность соединяются, но даже все народы племени романского стремят до соединения»²⁶. Собственные названия различных частей Руси суть лишь именованя, не препятствующие общему объединению: «Названия розличніи частей Руси, ако белая, червоная, черная, галицкая, московская, венгерская... суть местнія названія, и не мешают едноти народной и не препятствуют соединению в одинокій народ»²⁷. Правда, на таком объединительном пути немало трудностей и антирусских противников: «До якого absurdum тенденційній в ненависти своей против рода русского псевдо историческій исследование историков польских и перевертнов русских доходит, доказом есть, що на подставе Духиньского, Шмедта, а знову Русь над Днепром и Днестром и Бугом есть польскае земли, и летописец Нестор есть ведля них польскій летописец, “Слово о полку Игоря” есть сочинение старопольское. Отож маете самую настоящую правду историческую (польскую), а то: що негде и неколи не было и днесь нема Руси на свете Божом... За тую неколи и нечим не оправданную и непростительную грубую несправедливость против родной крови, и пренебрежение ей, наказанная бывает восточная Русь довольно, бедствиями через ляцкую стихию на ню наносимыми. Тож самое пренебрежение стихій русской в западной Руси воскликано сепаратизм стихій западнорусской од восточнорусской»²⁸. Необходимо создать единый книжный русский язык для всех восточных славян: «Для всего русского, то есть для всей Руси, должен есть оден быти язык книжный, але не московский, не украинский, не галицкий, не белорусский, бо то все были бы наречия провинциальніи, то

26 Там же. Л. 3.

27 Там же. Л. 3об.

28 Там же. Л. 4.

была бы повятовщина. Язык для всей Руси должен быти только русским языком, тое делается тим способом, али через совокупное уживане одного русского языка, будемо так ми як и восточніи русскій выделивати и позбувати свой местній, необще русскій но враждебною стихією нам накиненній страннію, изреченія, а то именно: западній будут выменяти свой поліонизма и испорченную правопись за твердо и исконнорусскій изреченія и правопись восточно русскіх, а знову восточнорусскій будут од нас брати примеры позбуватись своих робких германизмов и франконизмов... Що ся касається, чи народ будет розуметь той книжно русскій язык, то народ власне будет по большей части розуметь такій общерусскій язык... Розумети будет повсюду той книжный язык простолюдин несколько, но негде не будет простолюдин точно этим книжным языком мовити, так як то новий немечин не книжном немецким языком простолюдин мовити, як також и в целой Польше простолюдин языком книжным не розмавляєт»²⁹.

Польше в манифесте И. А. Грабовича отводится особое место: «Польша своих подданных русских православных не только полетично, народово и религийно переследовала, но даже их за сотвореня Божій, то есть за людей не уважала»³⁰.

В 1960-е гг., заинтересовавшись архивными богатствами Литвы, известный в будущем украинский историк и археограф Я. Р. Дашкевич обратил внимание и на отдельные документы, принадлежавшие В. М. Площанскому, о которых очень кратко упомянул среди иных многочисленных источников в небольшой источниковедческой статье³¹. В ней, в частности, Я. Р. Дашкевич указывает и на материалы И. А. Грабовича, которого называет «политическим эмигрантом», что является полной фантазией, упроченной еще более его учениками в объемном сборнике статей ученого, изданном вскоре после его кончины³². В данной книге не только перепечатавают без какого-либо комментария слова Я. Р. Дашкевича о том, что среди «матеріалів фонду є полемічні твори іншого політичного емігранта — Й. А. Грабовича»³³, а еще более усили-

29 Там же. Л. 4об.

30 Там же. Л. 9.

31 Дашкевич Я. Р. Документальні матеріали з історії України в Центральній бібліотеці Академії наук Литовської РСР // Архіви України. 1967. № 1. С. 79–83.

32 Дашкевич Я. Майстерня історика: Джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Львів, 2011.

33 Там же. С. 573.

вают сенсационность факта открытия нового «политического эмигранта», переводя его в именном указателе к сборнику в разряд «вч», то есть «вчених» (ученых)³⁴. На самом деле грекокатолический священник-полемист, убежденный русофил И. А. Грабович — он же И. Грабинский (Josephus Grabinski) — никаким новым «политическим эмигрантом» не был. Родился он в 1832 г., будучи молодым священником, принял самое деятельное участие в национальном движении, которое тогда охватило всю Галицию. Взаимоотношения его с иерархией, местным клиром и прихожанами поначалу не были простыми, что подтверждают документы Центрального государственного исторического архива Украины в г. Львове³⁵. В дальнейшем он весьма уважаемый и ценимый представитель священнического сообщества Львовской архиепископии — «вицедекан и комисар... для справ сервитутовых», награжденный «отзнаками крылошаньскими»³⁶. Скончался о. Иосиф 22.XI.1893³⁷.

Большой интерес не только у ученых, но и у всех любителей украинской истории всегда вызывали и вызывают монографические описания отдельных местностей Галицкой Руси, составленные В. М. Площанским. Более века назад Иван Франко назидательно писал, что его, В. М. Площанского, «сто статей про разные местности Восточной Галиции стоят того, чтобы собрать их и издать отдельной книгой»³⁸. Подобную книгу пока никто не собрал, но переиздания некоторых таких статей стали в последнее время появляться³⁹. Впрочем, сам их автор признавался, что большая часть его историко-топографических материалов «еще не обнародована»⁴⁰. Многие из этого неопубликованного сберегаются сейчас в Вильнюсе, частично сохраняя и значение первоисточника, ибо исторические документы, в том числе самые древние, использованные В. М. Площанским, позднее были безвозвратно утрачены. При поступлении в Виленскую публичную библиотеку многие

34 Там же. С. 734.

35 Центральний державний історичний архів України, м. Львів (далее — ЦДІАУЛ). Ф. 201. Оп. 2. Ед. хр. 728.

36 Шематизм Всечесного клира Гр. Кат. Митрополитальнои Архидієцезіи Львовскои на рок 1893. Львов, 1892. С. XIII, 151, 153.

37 Шематизм Всечесного клира Гр. Кат. Митрополитальнои Архидієцезіи Львовскои на рок 1894. Львов, 1894. С. 187.

38 Франко І. Зібрання творів у 50 т. Т. 41. С. 349.

39 См., напр.: *Площанський В.* Галицько-руське місто Станиславів з достовірних джерел. Івано-Франківськ, 2009.

40 *Площанский В. М.* Политический процесс... С. 25.

документальные материалы В. М. Площанского находились в тематических папках. Подобное деление кое-где осталось и по сей день⁴¹, хотя многое оказалось измененным и утраченным. Отдельные документальные подборки посвящены наиболее значимым историческим местностям Восточной Галиции, как уже имеющим опубликованное описание В. М. Площанского, так и тем, сведения о которых лишь готовились им к изданию. В первом случае они содержат обширные дополнения, озаглавленные, например, «Прибавленія к монографіи гор. Дрогобичи» или «Дополненіє к монографіи мон. Лаврова». Впрочем, собранное В. М. Площанским в качестве дополнения к уже опубликованному зачастую по объему и значению даже превосходит первое. Собиратель-археограф приводит, иногда полностью, тексты архивных документов, каталогов всевозможных архивных и библиотечных собраний, дает подробные описания различных урочищ, выдающихся местных событий и многого другого. Примечательно, что в планах В. М. Площанского было создать и описание селений «Сяноцкого О.», т. е. Сяноцкого округа — самой западной территории распространения восточнославянского населения. Соответствующая подборка-заготовка находится в общем комплексе, позднее разделенном, который при поступлении именовался «связкой бумаг, представляющих собою материалы для исторического и статистического описания Галиции»⁴². От этого комплекса до наших дней сохранилось более полутысячи листов, находящихся в двух единицах хранения⁴³.

В качестве примера приведем дополнения к уже опубликованной монографии «Лавров село и Монастырь в Самборском округѣ»⁴⁴, составляющие более двух десятков больших листов и содержащие массу новых сведений⁴⁵. Так, В. М. Площанский воспроизводит прочитанные им записи на пяти колоколах монастырской церкви св. Онуфрия: «1) “С изволенієм Отца и поспѣшенієм Сна и дѣйством Стаго Духа соорудился сей кимвал в Обители Лавровской року Божия „аѣз“ (1707)»⁴⁶, дает дополнение к описанию «книгохранительницы» Лавровского

41 См., напр.: LMAVB. RS. F. 16/B2-248/1.

42 Описание рукописного отделения... С. 17; LMAVB. RS. F. 16/B2-248/1.

43 LMAVB. RS. F. 16/B2-248/1, 248/2.

44 *Площанский В. М.* Лавров село и монастырь в Самборском округе // Науковий збірник, издаваний літературним обществом Галицко-Русской матици. Львов, 1866. Вып. I–IV. С. 318–339.

45 LMAVB. RS. F. 16/B2-248/1. Л. 117–142.

46 Там же. Л. 134.

монастыря⁴⁷, сделанное по «списку... за темчасового управления... о. Модеста Гриневецкого», одного из самых образованных монахов-базилиан (василиан) своего времени, пробудившего в среде тогдашних галичан интерес к наследию русского и украинского первопечатника Ивана Федорова⁴⁸. Тут же В. М. Площанский дает такое пояснение-дополнение об о. Модесте: «1803. Игуменом поставлен проф. депутат о. Мод. Гриневецкий (Procurator cantorum prov. S. Salvatori: и проф. догматики на Льв. университете)»⁴⁹. Необходимо упомянуть и о весьма значительных дополнениях к «монографии» о Лаврове, сделанных В. М. Площанским на страницах экземпляра ее печатного варианта, имевшегося в личной библиотеке ученого, ныне хранящегося в фондах научной библиотеки Вильнюсского университета. Помимо обстоятельной авторской правки, он содержит также огромное количество ссылок на различные архивные документы, включая монастырские хроники. Под годом «1681. О. Макарий Святогорец родом из Суд. Вишни выпросил часть креста св. и др. вещи у Константина Господаря Волошского», в 1815 г. «икона Введенія Богор. справлена... Иоанном Шведом и освящена», а в году «1823, 1 апрѣля упокоился о. Модест Гриневецкий»⁵⁰. Большой интерес представляют сделанные В. М. Площанским ссылки на различные финансовые документы, а также завещания, как, например, «Анка Гулянецкая завѣщала» в 1689 г. «на имени Писаровци 1000» злотых⁵¹.

Перемышльская земля стала привлекать внимание В. М. Площанского уже в самом начале его работы над серией «монографий» о посе-

47 Там же. Л. 142.

Судьба одной из самых древних и богатых монастырских библиотек Восточной Галиции, принадлежавшей Лаврской обители, всегда интересовала исследователей. К сожалению, сейчас оказывается слишком многое утраченным, даже если сравнивать только с имевшимися в первой половине XX в. в наличии по свидетельству ученых монахов-базилиан Иосафата (Скрутеня) и Романа (Луканя) рукописями из библиотеки Лавровского монастыря (см.: ЦДІАУЛ. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 44–47 и др.).

48 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Профессор М. Гриневецкий — исследователь жизни Ивана Федорова и его издательской деятельности // Славянское книгопечатание и культура книги: Материалы Международной научной конференции (Минск, 16–18 сентября 2009 г.). М., 2009. С. 43–44.

49 LMAVB. RS. F. 16/B2–248/1. Л. 123.

50 Научный сборник... С. 330–337 (этот экземпляр номера хранится в фонде научной библиотеки Вильнюсского университета).

51 Там же. С. 339.

лениях в Восточной Галиции. В его записках указывается и точная дата, когда он бывал в той или иной местности. Среди почти законченных, но не опубликованных описаний многие касаются львовско-перемышльского пограничья. Например, село Скло⁵², ныне поселок городского типа Шкло Львовской области Украины, у населения которого язык был «руский», а само «народонаселение» именовалось «руске»⁵³. В. М. Площанскому в работе значительно помогали местные грекокатолические священники, снабжавшие его различными письменными и устными сведениями о своем приходе и жителях данной местности. Почти весь интересующий В. М. Площанского регион населен «народом питомым руским» грекокатолического обряда, а «беседа» тут «загальна русская», и даже местные поляки и евреи «вся говорит по русски; — одежду носят русскую». Последние слова — из реляции священника Иакова Леловича, жительствовавшего в селе Чернилява, что неподалеку от г. Яворова⁵⁴. То же подтверждал В. М. Площанскому в 1865 г. и «парох» о. Антоний Пашкевич из «села Язков старый»: «Народонаселение есть руске» грекокатолического обряда⁵⁵.

В. М. Площанский сберегал у себя и значительную часть архива газеты «Слово»⁵⁶, язык которой он определял как «малорусский, примененный к понятиям интеллигенции»⁵⁷. Об этом очень важном в истории Восточной Галиции издании, основанном в 1860 г. Б. А. Дедицким, как и о нем самом, написано немного⁵⁸, хотя публикации в «Слове» всегда активно цитировались с момента выхода в свет и цитируются по сей день. В. М. Площанский утверждал, что «“Слово” в простонародном кругу мало обращается», «на то есть другие газетки, пишущиеся простонародным языком и слогом»⁵⁹. Архив «Слова» многоязычный, в нем есть даже документы на тогдашнем своеобразном местном львовском городском наречии, написанные латиницей: «Akt obwynytelnyj... Prokuratorja wo Lwowi, obwyniaje Pana Wenedykta Ploszczańskoho społredaktora czasopysy

52 LMAVB. RS. F16/B2–248/2. Л. 211–214.

53 Там же. Л. 211.

54 Там же. Л. 263.

55 Там же. Л. 281.

56 LMAVB. RS. F16/B2–246/1, 246/2.

57 Площанский В. М. Политический процесс... С. 67.

58 См., напр.: Качкан В. Дідицький Богдан (Теодосій) Андрійович // Українська журналістика в іменах. Матеріали до енциклопедичного словника. Львів, 1996. Вип. 3. С. 104–108.

59 Площанский В. М. Политический процесс... С. 67.

“Słowo” — o prowynu... czerez pomiszczenie w cz. 78 toj czasopysy artykułu wstupnoho “Polityczeskoje obozrinije” (Lwiv, 28.I.1870)»⁶⁰. Подобных по содержанию документов в архиве «Слова» множество, как и ордеров на обыски и т. д.: «Nakaz zrobienia rewizyi domowej» от 4.IX.1871⁶¹. Судебные повестки и судебные решения, хранящиеся в архиве «Слова», — правдивая и беспощадная история его борьбы за существование. «4 февруалія 1873» г. «Митрополитальный гр. Кат. Ординариат» за подписью митрополита Иосифа шлет В. М. Площанскому следующее послание:

Газета «Слово» часто приносила статіи дражнечи наше чувство религиозное, которое вмѣняются нашему Духовенству так же в подозрѣваніе нашей политической лояльности. Митрополитальный Ординариат не залишал Г. Редактора сей газеты посредством ВЧ. Крылошан и также непосредно остерегати, щобы дал своей газетѣ такое направлєніе, которое бы не подавало ону в подозрѣваніе, и которое бы не ставило ей читателей в некорыстном светлѣ мимо того, що читают ону только для недостатку лучших газет, и находячи там попри неуданных статіях нѣкоторы удачны, и лояльно писаны относячися истинно до интересов наших. Понеже однако Г. Редактор не всхотѣл благонамѣренных представлений Митрополитального Ординариата оцѣнити, и от помѣщенія статіи стрыматися, которы переходят на поле церковное и то так, що некорыстно выражаются о престолѣ Римском, с которой то причины сей престол на сих днях для той газеты навѣт письменно изьявил свое негодованіе, с увагою, що такую газету клир читает, и понеже для статіи в чистом понятіи католическом написанных Митрополитальный Ординариат постарался уже о газету: «Сіон рускій»: то Митрополитальный Ординариат усмотрил, всечестное Архідієцезельное Духовенство остеречи от читаня газеты «Слово», ибо само Духовенство повинно свои чувствованія лояльны так церковны як и политичны высоко оцєняти, хоронячи их всяких подозрєній⁶².

Наполненные особым драматизмом события в судьбе «Слова» нашли свое отражение в материалах его архива за 1881–1887 гг.⁶³ В нем есть подробные сведения о попытках В. М. Площанского лю-

60 LMAVB. RS. F16/B2–246/1. Л. 4–4 об.

61 Там же. Л. 16.

62 Там же. Л. 46.

63 LMAVB. RS. F16/B2–246/2.

быми способами не прекращать выпуск «Слова», начать издание в 1884–1885 гг. «историческо-литературной газеты под заглавием “Прикарпатская Русь” в объёмъ 2–3 печатных листов, яко ежемѣсячное приложение к “Слову”, под своею собственною отвѣтственностію»⁶⁴. Наконец, здесь же содержатся и свидетельства последних дней «Слова» с перечислением «понесенных издержок»⁶⁵.

Комплекс рукописных материалов В. М. Площанского, отложившийся за более чем десятилетний период его работы над историей Холмской Руси, сгруппирован в нескольких объемных тетрадах⁶⁶, каждая из которых представляет собой отдельную единицу хранения. Некоторые из них насчитывают около 300 листов⁶⁷. Например, в свое время В. М. Площанский озаглавил одну из них как «III Выписки из Красноставских, Люблинских, Дрогичинских, Городельских, Грабовецких и др. акт. книг с 1414го»⁶⁸. В этой тетради, в частности, отмечено: «Люблин. Прав. церкви: Спасо-Преображенский храм осн. в 1447 г. (поп Григорій в 1509 г.) дерев. храм сгорел в 1587 г., на его мѣсто постр. кам. 1607–1623. Братство при церкви осн. 15 янв. 1586 г.»⁶⁹ Будучи деятельным членом православного Холмского Свято-Богородицкого братства, В. М. Площанский фиксирует в рукописных тетрадах и многие события, связанные с ним, начиная с момента его учреждения в 1879 г.⁷⁰ В. М. Площанскому — признанному исследователю истории Холмщины и Подляшья — дают на отзыв свои работы молодые и начинающие ученые, как это было, например, с преподавателем православной Холмской духовной семинарии Г. А. Ольховским, автором рукописи «О судьбах Русского Забужья, Холмской земли и гор. Холма»⁷¹.

К сожалению, сохранились далеко не все ценные указатели к различным актовым сборникам, составленные В. М. Площанским, как, например, тетрадь № VI «Холмские городские акты. №№ акт. книг 20240–20254, 20255–20259, 20260, 20261. Гг. 1757–1770, 1771, 1773, 1774, 1776, 1777, 1778, 1779»⁷².

64 Там же. Л. 194–195.

65 Там же. Л. 127 и др.

66 LMAVB. RS. F16/B2–252.

67 Там же. 252/4 — Тетрадь под № V.

68 Там же. 252/3 — Тетрадь под № III.

69 Там же. Л. 2.

70 LMAVB. RS. F16/B2–252/4. Л. 53об.

71 LMAVB. RS. F16/B2–255. Л. 7–8.

72 LMAVB. RS. F16/B2–252/6.

Книги из личной библиотеки В. М. Площанского, также содержащие, как мы уже показали, очень важные, а порой уникальные, почерпнутые из утраченных исторических источников сведения, не находятся в каком-либо одном хранилище. Больше всего этих книг сейчас в различных библиотеках Вильнюса, где выявить их не так просто⁷³. Вместе с тем такие поиски возможны, и необходимость их определяется вероятностью отыскать совершенно новые исторические материалы, в том числе собственные свидетельства и толкования тех или иных знаменательных событий, участником которых был сам В. М. Площанский, а также описания тех или иных важных фактов в судьбах его родной Восточной Галиции. Так, например, появляется несколько существенных рукописных примечаний автора в его «монографии», посвященной г. Ярославу⁷⁴, что ныне в Подкарпатском воеводстве Польши. Экземпляр В. М. Площанского, состоящий из нескольких таких «монографий» в виде отдельного оттиска, найти в фондах научной библиотеки Вильнюсского университета нелегко⁷⁵. Автор дополняет свою работу в том числе такими сведениями: «Раньше существовала в Ярославль деревянная церковь Успенія Пр. Богор., на мѣстѣ которой (на русском кладбищѣ) находится литургическая часовня»⁷⁶. При церкви с XVI в. существовало православное Свято-Онуфриевское братство; в наши дни на месте «русского кладбища» разбит парк с римскокатолической часовней, являющейся в основе своей частью каменной церкви, построенной в XVII в. православными «ярославскими гражданами», «наидольше» сохранявшими верность религии предков и «русскому миру», вместе с прихожанами «Львовской Успенской» церкви, где «имѣло православіе послѣдніи свои крѣпости»⁷⁷. В рукописных тетрадях В. М. Площанский отмечает и собственный конкретный материальный вклад в это общее национально-религиозное дело, например, указывает сотни книг, переданных им в львовский «Народный дом», «Бурсу Ставропигийского Института» и другие организации; упоминает задачу множества экземпляров народных изданий и иконок местным

73 На некоторых таких книгах имеется владельческая печатка с надписью: «Венедиктъ Михайловичъ Площанскій».

74 *Площанский В. М.* Ярославль, город // Науковий сборник... Львов, 1869. Вып. III–IV. С. 198–221.

75 Экземпляр оттиска можно найти по шифру: R5-5/149.

76 Там же. С. 207.

77 Там же. С. 208.

галицким крестьянам («1863. В Рожнятове роздано... селяном 38... галицких изданий и 100 образков»)⁷⁸, жертвование церквям дорогих икон («1881. 25/7. Кривицкой церкви пожертвовал 1. Образ большой в зол. раме»)⁷⁹. Традицию распространения народных религиозных изданий в крестьянской среде он продолжит и в виленский период своей жизни как член православного Виленского Свято-Духовского братства⁸⁰, одного из самых крупных и активных издателей подобной литературы⁸¹. Публикации братства расходились преимущественно среди белорусов, не только западных, но и восточных, там, где в Могилевской губернии было имение Я. Ф. Головацкого⁸², а также среди других православных народов, в том числе на Холмщине и даже в небольшом числе в Восточной Галиции.

В самые последние годы в освещении истории национальных движений в восточнославянской среде Восточной Галиции стала все чаще использоваться формула-конструкт *gente Rutheni, natione Poloni*, вошедшая недавно и в заглавие монографии молодого краковского ученого А. Щвѣнтка «*Gente Rutheni, natione Poloni: Z dziejów Rusinów narodowości polskiej w Galicji*» (Kraków, 2014). В 2019 г. его книгу перевели на английский язык и издали в Торонто в издательстве *Canadian Institute of Ukrainian Studies*⁸³ как, несомненно, одно из лучших исследований по данной тематике. Правда, в названии книги и в самой этой формуле-конструкте заложено большое противоречие. Принадлежность именно к *Gente Rutheni, natione Poloni* исповедовали здесь очень немногие из русинов, в массе своей оставшиеся вплоть до начала XX в. приверженцами самоощущения «австро-венгерской Руси»⁸⁴, в их числе был и В. М. Площанский, в деятельности которого всегда присутствовало заметное антипольское начало.

78 LMAVB. RS. F16/B2–252/1. Л. 4–4об.

79 Там же.

80 ЛЕВ. 1902. № 7. С. 54.

81 *Лабынцев Ю. А.* Возрожденное виленское Свято-Духовское братство (конец XIX — начало XX вв.) и издание народной литературы // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве.* М., 2009. С. 386–394.

82 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Белорусское имение Я. Ф. Головацкого // *Славянский альманах.* 2020. № 3–4. С. 444–450.

83 *Swiętek A.* *Gente Rutheni, natione Poloni: The Ruthenians of the Polish Nationality in Habsburg Galicia.* Edmonton; Toronto; Cracow, 2019.

84 *Площанский В.* Предисловие // *Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов.* Вильна, 1896. С. XXIV.

Источники и литература

Институт літератури ім. Т. Г. Шевченка. Відділ рукописів.
Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ).
Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyriaus
(LMAVB. RS.).

Андрусяк М. Нариси з історії галицького москвофільства (з портретами москвофільських діячів). Львів: Просвіта, 1935. 78 с.

Вендланд А. В. Русофіли Галичини: Українські консерватори між Австрією та Росією. 1848–1915. Львів: Літопис, 2015. 688 с.

Виленский календарь на 1903 г. (простой). Вильна: Электро-тип. «Рус. почин», 1902. 386 с.

Дашкевич Я. Майстерня історика: Джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Львів: Піраміда, 2011. 792 с.

Дашкевич Я. Р. Документальні матеріали з історії України в Центральній бібліотеці Академії наук Литовської РСР // Архіви України. 1967. № 1. С. 79–83.

Дашкевич Я. Р. Украинские историки в Литве (XIX — начало XX в.) // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс: [б. и.], 1978. С. 75–80.

Качкан В. Дідицький Богдан (Теодосій) Андрійович // Українська журналістика в іменах. Матеріали до енциклопедичного словника. Львів: [б. и.], 1996. Вип. 3. С. 104–108.

Лабынцев Ю. А. Возрожденное виленское Свято-Духовское братство (конец XIX — начало XX вв.) и издание народной литературы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 386–394.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусское имя Я. Ф. Головацкого // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 444–450. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.01.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Профессор М. Гриневецкий — исследователь жизни Ивана Федорова и его издательской деятельности // Славянское книгопечатание и культура книги: Материалы Международной научной конференции (Минск, 16–18 сентября 2009 г.). М.: Наука, 2009. С. 43–44.

Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 7, 8.

Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна: Типография «Русский Почин», 1903. Вип. 4. XXVI, 43, 143 с.

Письменники Прикарпаття. Площанський Венедикт // Хата-читальня Прикарпаття. URL: <https://sites.google.com/site/xatachytalnya1/pismenniki-prikarpattia/plosanskij-venedikt> (дата обращения: 17.09.2021).

Площанский В. М. Лавров село и монастырь в Самборском округе // Научный сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-Русской матицы. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та под упр. М. Мацана, 1866. Вып. I–IV. С. 318–339.

Площанский В. М. Политический процесс русских галичан вообще, редактора «Слова» в особенности. Вильна: [б. и.], 1892. 102 с.

Площанский В. М. Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII вв. и др. источникам. Т. 1. Духовенство. А. Холмская епархия православной и б. униатской церкви. 1428–1630. Вильна: Тип. А. А. Зака, 1899. VIII, [2], 285 с.; Т. 2. Б. Холмская епархия православной и б. униатской церкви. 1630–1730. Холмская епархия римско-кат. церкви. 1418–1733. Вильна: Типо-лит. Н. Маца, 1901. XII, 240 с.

Площанський В. Галицько-руське місто Станіславів з достовірних джерел. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2009. 44 с. (Серія «Мое місто». № 12).

Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864. 17/IV. 1914. Юбилейная записка. Вильна: [б. и.], 1914. 47 с.

Пятидесятилетие службы Ивана Яковлевича Спрогиса. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1914. 42 с.

Сухий О. Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2003. 498 с.

Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М.: Наука, 1973. 303 с.

Франко І. Зібрання творів у 50 т. Київ: Наукова думка, 1984. Т. 41: Літературно-критическіе произведенія (1890–1910). 685 с.; 1986. Т. 48: Листи (1874–1885). 767 с.

Шематизм Всечесного клира Гр. Кат. Митрополитальної Архидієцезії Львовської на рік 1893. Львов: Из Типографії Ставропигійського інститута, 1892. 246 с.

Шематизм Всечесного клира Гр. Кат. Митрополитальної Архидієцезії Львовської на рік 1894. Львов: Из Типографії Ставропигійського інститута, 1894. 223 с.

Gil A. Prawosławna eparchia Chełmska do 1596 roku. Lublin; Chełm: Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska, 1999. 260 s., (1) отд. л. карт.

Mienicki R. Archiwum akt dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku: Rys historyczny. Warszawa: Nakł. archiwow państwowych, 1923. VIII, 138 s. с илл., 1 л. план.

Świątek A. Gente Rutheni, nazione Poloni: The Ruthenians of the Polish Nationality in Habsburg Galicia. Edmonton; Toronto; Cracow: Księgarnia Akademicka, 2019. 633 s.

Wendland A. V. Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland. 1848–1915. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001. Vol. 27. 644 s.

References

Andrusiak, M. *Narysy z istorii halyts'koho moskvofil'stva (z portretamy moskvofil's'kykh diiachiv)*. Lviv: Prosvita, 1935, 78 p.

Dashkevych, Ia. *Maïsternia istoryka: Dzhereloznavstvo to spetsial'ni istorychni dystsypliny*. Lviv: Piramida, 2011, 792 p.

Dashkevych, Ia. R. “Dokumental'ni materialy z istorii Ukraïny v Tsentral'niï bibliotetsi Akademiï nauk Lytovs'koï RSR.” *Arkhivy Ukraïny*, no. 1, 1967, pp. 79–83.

Dashkevych, Ia. R. “Ukrainskie istoriki v Litve (XIX — nachalo XX v.)” *Materialy mezhrespublikanskoï nauchnoï konferentsii po istochnikovedeniiu i istoriografii narodov pribaltiïskikh respublik Soiuza SSR: Istoriografiia*. Vilnius, s. n., 1978, pp. 75–80.

Gil, A. *Prawosławna eparchia Chełmska do 1596 roku*. Lublin, Chelm: Orthodox Diocese Of Lublin-Chelm, 1999, 260 p.

Kachkan, V. “Didyts'kyï Bohdan (Teodosii) Andriïovych.” *Ukraïns'ka zhurnalistyka v imenakh. Materialy do entsyklopedychnoho slovnyka*, vol. 3, ed. by M. M. Romaniuk, Lviv: s. n., 1996, pp. 104–108.

Labyntsev, Yu. A. “Vozrozhdennoe vilenskoe Sviato-Dukhovskoe bratstvo (konets XIX — nachalo XX vv.) i izdanie narodnoï literatury.” *Slavianskii mir v tret'em tysiachetii. Rossiia i slavianskie narody vo vremeni i prostranstve*, 2009, pp. 386–394.

Labyntsev, Yu. A., Shchavinskaia, L. L. “Professor M. Grinevetskiï — issledovatel' zhizni Ivana Fedorova i ego izdatel'skoï deiatel'nosti.” *Slavianskoe knigopечатanie i kul'tura knigi: Materialy Mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii (Minsk, 16–18 sentiabria 2009 g.)*, ed. by L. A. Avhul', Moscow: Nauka, 2009, pp. 43–44.

Labyntsev, Yu. A., Shchavinskaia, L. L. “Belorusskoe imenie Ia. F. Golovatskogo.” *Slavianskii al'manakh*, no. 3–4, 2020, pp. 444–450. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.01.

Mienicki, R. *Archiwum akt dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku: Rys historyczny*. Warsaw: People's Archives Publ., 1923, 138 p.

Ploshchans'kyï, V. *Halyts'ko-rus'ke misto Stanyslaviv z dostovirnykh dzherel*. Ivano-Frankivsk: Lileia-NV, 2009, 44 p.

“Pys'mennyky Prykarpattia. Ploshchans'kyi Venedykt”. *Khata-chytal'nia Prykarpattia*, <https://sites.google.com/site/xatachytalnya1/pismenniki-prikarpatta/plosanskij-venedikt>. Accessed 17 September 2021.

Sukhyi, O. *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva (rosiis'kyi chynnyk u hromads'kiï dumtsi ta suspil'no-politychnomu zhytti halys'kykh ukraïntsv u XIX stolitti)*. Lviv: Lviv National University named after I. Franko, 2003, 498 p.

Świątek, A. *Gente Rutheni, natione Poloni: The Ruthenians of the Polish Nationality in Habsburg Galicia*. Edmonton, Toronto, Cracow: Księgarnia Akademicka, 2019, 633 p.

Ulashchik, N. N. *Ocherki po arkheografii i istochnikovedeniiu istorii Belorussii feodal'nogo perioda*. Moscow: Nauka, 1973, 303 p.

Vendland, A. V. *Rusofily Halychyny: Ukraïns'ki konservatory mizh Avstriieiu ta Rosiieiu. 1848–1915*. Lviv: Litopys, 2015, 688 p.

Wendland, A. V. *Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Rußland. 1848–1915. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001, 644 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.02

Labyntsev Yu. A.

**V. M. Ploshchansky — researcher of the history of Galician Rus
and Kholm Rus (a review of unpublished materials
from the manuscript collection of the researcher in Vilnius)**

Yuriy A. Labyntsev

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: slaviabel@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7900-6143

Citation

Labyntsev Yu. A. V. M. Ploshchansky — a researcher of the history of Galician Rus and Kholm Rus (a review of unpublished materials from the manuscript collection of the researcher in Vilnius) // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 386–406 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.02

Received: 20.04.2021.

Abstract

The article provides a general overview of the extensive manuscript heritage of one of the most prominent figures of Eastern Galicia who migrated to the Russian Empire in the XIX century — Venedikt Mikhailovich Ploshchansky (1834–1902). After being forced to leave Lviv with his family in fear of political persecution, in the spring of 1888 he became a member of the Vilna Commission for the Analysis and Publication of Ancient Acts. Here, in Vilna, he spent the last 14 years of his life, actively working, among other things, on the basis of the sources that he had collected on the territory of the Austro-Hungarian Empire. All these numerous materials, as well as the personal archive of the researcher, were apportioned after his death by a number of indigenous repositories. The main part of them immediately end up in the Vilna Public Library, although in scattered form. For a very long time, starting from the 1970s, we have been searching and analyzing the handwritten documents collected and compiled by V. M. Ploshchansky, including extensive handwritten notes and additions left by the researcher on the pages of books from his library, which appeared in various public and private collections.

Keywords

Austro-Hungarian Empire, Eastern Galicia, V. M. Ploshchansky, Galician Rus, Kholm Rus, Vilna Commission for the Analysis and Publication of Ancient Acts.

**Проблемы истории Польши и России
в первой половине XIX в.
в методологических дискуссиях советских и польских
историков второй половины 1950-х гг.
(Из истории Института славяноведения РАН)**

Носов Борис Владимирович
Доктор исторических наук, заведующий отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnossov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Марней Людмила Петровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mlss@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6770-959X

Цитирование

Носов Б. В., Марней Л. П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 407–440. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Статья поступила в редакцию 09.07.2021.

Аннотация

В статье рассматривается дискуссия советских и польских историков по проблемам истории Польши и России Нового времени. Эта дискуссия нашла конкретное выражение в обсуждении в Институте славяноведения АН СССР в апреле 1957 г. подготовленного польскими учеными в Институте истории ПАН второго тома «Истории Польши». В дискуссии в контексте фундаментальных проблем истории Нового времени нашли отражение вопросы кризиса феодально-крепостнической

системы и генезиса капитализма, вопросы формирования польской нации, истории польского освободительного движения и польской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. Указанная дискуссия была полезна как для российской, так и для польской исторической науки, поскольку способствовала расширению методологических возможностей и сферы конкретно-исторических исследований в обеих странах.

Ключевые слова

Россия, Польша, история Нового времени, методологические проблемы, Институт славяноведения АН СССР, второй том «Истории Польши» (Варшава, 1958), кризис феодально-крепостнической системы, генезис капитализма, польское освободительное движение, польская культура конца XVIII — первой половины XIX в.

Важные для советской и польской исторической науки содержательные дискуссии по существенным методологическим проблемам и конкретным вопросам исторической науки берут начало уже в конце 1940 — начале 1950-х гг. Об этом имеется достаточно обширная научная литература, как в Польше, так и в России¹. При этом в новейшей польской историографии преобладает мнение о «политико-идеологическом контроле» со стороны СССР» над исторической наукой в странах народной демократии, в том числе — над польской наукой. В частности, один из современных исследователей связей СССР и ПНР в области исторической науки, Ян Шумский, в русле этой концепции указал на важное политическое значение обобщающих трудов, в которых была бы сформулирована общая для обеих стран польская и советская версия истории Польши на основе марксистской теории смены общественно-экономических формаций. Создание таких трудов в обеих странах, подчеркнул Шумский, осуществлялось под контролем высших партийных инстанций². В российской литературе,

1 См.: Rutkowski T. P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007.

2 Szumski J. Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016; *Idem*. Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej «Historii Polski» w latach 1950–1958 // Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / red. L. Zasztowt. Warszawa, 2013. С. 245–262. См. также: Горизонтов Л. Е. «Ме-

напротив, отмечается, что развитие марксистской методологии и формирование общих подходов к изучению исторического процесса было обусловлено не столько директивами властей, сколько общностью социально-политического строя в СССР и в ПНР и потребностями развития самой исторической науки в новых общественно-политических условиях после окончания Второй мировой войны. Таким образом, развитие марксистской методологии в исторической науке отнюдь не может быть сведено к примитивному и, очевидно, политизированному тезису о так называемом «советском контроле».

В полной мере эти общие подходы применимы и к советско-польским дискуссиям 1950-х гг. по истории Польши и России первой половины XIX в., что нашло отражение в подготовке советской трехтомной «Истории Польши», вышедшей из печати в 1954–1956 гг. Дискуссии по поводу этого издания уже были ранее рассмотрены в польской историографии в духе изложенной выше концепции³.

В то же время, в 1950-е гг., в ПНР в Институте истории Польской академии наук проходила работа по созданию многотомной «Истории Польши». Это издание, с точки зрения ПАН и государственного руководства ПНР, должно было представлять собой основанное на марксистских принципах материалистического понимания истории и одобренное на государственном уровне изложение истории Польши с древнейших времен. Одновременно этот труд, что немаловажно, должен был послужить учебником для университетов по гуманитарным специальностям и, следовательно, сыграть важную роль в формировании мировоззрения и социалистического сознания среди студенчества, ученых и педагогов, а опосредованно и в польском обществе в целом.

Подготовка этого издания широко обсуждалась в Польше, прежде всего в научном сообществе. В этих дискуссиях принимали участие и советские историки, чему придавалось особое значение и в СССР, и в ПНР, о чем свидетельствуют как масштабы соответствующих ме-

тодологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 50–66; *Он же*. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая наука // W kręgu historii historiografii i polityki. Łódź, 1997. S. 103–126.

3 Szumski J. Polityka a historia. S. 241–271; Romek Z. Polsko-radzieckie dyskusje o «Istorii Polski v trzech tomach» w latach 1950–1959 // Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej / red. A. Wierzbicki. Warszawa, 2004. S. 169–191.

роприятий, так и форма их организации (специальные научные конференции). Одна из таких конференций состоялась в начале апреля 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР. Проведение этого мероприятия в Москве объяснялось тем, что в этом случае можно было привлечь к обсуждению более широкий круг советских исследователей, в том числе и ученых союзных республик: Белоруссии (БССР), Литвы (Лит ССР) и Украины (УССР). В конференции приняли участие только советские ученые. Стенограммы их рецензионных докладов и выступлений были направлены в Польшу, где в дальнейшем стали предметом рассмотрения со стороны польских коллег. Такая специфическая форма работы позволяла более точно и обоснованно сформулировать и изложить обсуждаемые проблемы и преодолеть понятный языковой барьер, а также сгладить возможные в ходе непосредственной дискуссии импульсивные или не вполне корректные высказывания. Разумеется, такая форма была более удобна и с точки зрения идеологического контроля, что также не стоит сбрасывать со счетов. На идейную атмосферу и характер данной дискуссии существенное влияние оказала общественно-политическая «оттепель», установившаяся в обеих странах под влиянием XX съезда КПСС и политического кризиса в ПНР 1956 г.

Дискуссия 4–5 апреля 1957 г. в Институте славяноведения была посвящена подготовленному польскими коллегами и выпущенному в 1956 г. специально для этого обсуждения тиражом в несколько десятков экземпляров макету второго тома «Истории Польши», который охватывал период с 1764 по 1864 г.⁴ Редакторами второго тома были выдающиеся польские историки Стефан Кеневич и Витольд Куля. Кеневич в дальнейшем многие годы входил в состав Комиссии историков России и Польши, внес выдающийся вклад в развитие научного сотрудничества двух стран⁵. В соответствии с содержанием тома дискуссия была посвящена в основном проблемам истории Нового времени и хронологически охватывала период последней трети XVIII — первой половины XIX в.

4 См.: *Королюк В. Д., Митина Н. П.* Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // *Вопросы истории.* 1957. № 7. С. 207–210.

5 См.: *Носов Б. В.* Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения // *Столица и провинция в истории России и Польши* / отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2008. С. 23–30.

Подробная стенограмма упомянутой дискуссии в Институте славяноведения находится в Архиве РАН⁶. К сожалению, она зафиксировала только доклады советских коллег. О позиции польских исследователей можно получить представление, с одной стороны, на основе содержания самого макета издания и его обсуждения в ПНР, а с другой — на основе реакции на него советских ученых, зафиксированной в стенограмме. Стенограмма как памятник исторической мысли времен «оттепели» и как исторический источник заслуживает специального исследования. В настоящей статье мы только кратко остановимся на отдельных, наиболее существенных, вопросах, имевших значение для выработки в дальнейшем подходов Комиссии историков России и Польши к разработке проблематики истории двух стран первой половины XIX в.

В дискуссии 4–5 апреля в Институте славяноведения приняли участие сотрудники института И. А. Хренов, И. С. Миллер, В. Д. Корольков, Б. Ф. Стахеев, а также ученые из Московского и Львовского университетов, Института истории АН СССР, Института истории АН Литовской ССР и Института истории АН БССР. Ядро участников дискуссии составляли авторы опубликованной в СССР в середине 1950-х гг. трехтомной «Истории Польши».

Обсуждение тома указанного польского издания началось с вопросов о периодизации. Соответствующие дискуссии были характерной чертой развития историографии в СССР. Рассмотрение проблем периодизации было связано с важным в методологическом отношении представлением о единстве и непрерывности исторического процесса, в котором реализуются как эволюционные, так и революционные процессы, а сам характер развития носит неравномерный характер, сочетая в себе прогрессивные и реакционные тенденции. В этом отношении подход к периодизации в марксистской исторической науке принципиально отличался от формальных методов периодизации, применяемых иными направлениями исторического знания. При этом все советские участники обсуждения польского труда высказали те или иные критические замечания в отношении примененной в нем периодизации. В предисловии к опубликованному в 1958 г. тому было отмечено, что принципы периодизации были сформулированы в 1953–1954 гг., а основные периоды определены следующим образом:

6 Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Стенограмма совещания, посвященного обсуждению макета второго тома «Истории Польши», 4–5 апреля 1957 г.

1764–1795, 1795–1831, 1831–1864 гг. Таким образом, польские авторы косвенным образом выразили несогласие с замечаниями советских коллег и настаивали на собственном подходе к методике периодизации. В ее основу ими были положены этапы борьбы польского народа против политики разделов Польши со стороны абсолютистских режимов Пруссии, Австрии и России и за независимость страны. При этом в предисловии подчеркивалось, что концепция истории Польши основывается на истории народа и на исторически сменяющихся общественно-экономических формациях⁷.

Говоря в ходе дискуссии 1957 г. о примененной в томе периодизации, И. С. Миллер называл ее «в целом удачной», хотя и отмечал ее очень сложную конструкцию, «в которой некоторые подпериоды» имели, по его мнению, «скорее композиционный характер, а не строго периодизированный» (например, время Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., период кануна Январского восстания 1863 г. и повстанческий период 1850–1864 гг.). Он также подчеркивал обоснованность внутренней границы 1795 г. (поскольку потеря независимого государства существенно меняла условия развития капитализма)⁸. Д. Л. Похилевич (Львовский университет) и Е. И. Корнейчик (Институт истории АН БССР) высказали мнение, что примененные в томе хронологические рубежи не соответствуют принятым представлениям об этапах капиталистического развития страны⁹. Аналогичные суждения, но с точки зрения истории культуры, высказал и Б. Ф. Стахеев¹⁰. Особого мнения придерживались представлявшие Львовский университет историки Г. Ю. Гербильский и И. М. Нефедов, аргументируя свои замечания указаниями на специфику развития Галиции¹¹.

Очевидно, что высказанные советскими историками соображения не повлияли в итоге на примененную в томе периодизацию. А это в свою очередь свидетельствует, что методологические расхождения между польскими и советскими историками сохранялись, а их обсуждение носило творческий характер и позитивно влияло на развитие науки. Вместе с тем зафиксированные в стенограмме концепции и теоретические воззрения никак не могут быть истолкованы как якобы директивные. Высказанные мнения, напротив, в большей степени

7 Historia Polski. Warszawa, 1958. T. 2. Cz. 1. S. 1.

8 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 5–8.

9 Там же. Л. 34–38, 93.

10 Там же. Л. 201.

11 Там же. Л. 146, 157.

отражали напряженные дискуссии в советской исторической науке о периодизации Новой истории применительно ко всеобщей истории, к истории России и к истории Польши. Эти дискуссии в советской исторической науке продолжались, хотя и с разной степенью интенсивности, вплоть до конца 1980-х гг.

Немаловажную роль в ходе обсуждения сыграли вопросы исторической географии, вернее, ее политические и этнополитические аспекты, а именно проблема определения территориальных рамок Польши как субъекта исторического процесса и предмета изложения истории Польши как научного повествования. Так, участвовавшие в дискуссии историки из БССР, УССР и ЛитССР связали ее с определением своего рода исторической принадлежности и территориальных границ входивших в состав шляхетской Речи Посполитой белорусских, литовских и украинских земель. Например, Е. И. Корнейчик поставил вопрос, какие территории имели в виду авторы тома, когда писали о «национальном рынке» применительно к XVIII столетию и особенно к последующим периодам и как в этом случае следует рассматривать этот вопрос применительно к белорусским землям, имея в виду и определение их территориальных границ?¹² В этом же духе высказался И. М. Нефедов, говоря о «чисто украинских» городах», таких как Львов. По его мнению, в период после разделов Польши «нельзя таким способом отождествлять украинские земли с польскими»¹³. Аналогичным образом рассуждал Е. И. Корнейчик, предлагая исключить из тома раздел, посвященный экономическому развитию Литвы и Белоруссии в 1850–1860 гг., поскольку они входили тогда в состав России¹⁴. В связи с проблемой разделов Польши Ю. И. Жюжда (Институт истории АН ЛитССР) отметил как позитивный факт указание в обсуждаемом томе на «особый характер» (по национальной принадлежности) отторгнутых Россией территорий, а именно, что в область российского «захвата» не были включены исконные (этнические) польские земли¹⁵.

Примеры подобного рода «придинок» украинских, белорусских и литовских историков к польским авторам можно было бы продолжить. Разумеется, в них можно усмотреть довольно характерный для представителей советских союзных республик «национальный уклон». Однако нельзя признать справедливым и тем более обоснованным

12 Там же. Л. 94, 96.

13 Там же. Л. 167–168.

14 Там же. Л. 108.

15 Там же. Л. 125–126.

ванным вывод ссылавшихся на такого рода примеры ряда новейших польских исследователей, что анализ исторического процесса в историографии СССР и ПНР 1940–1950-х годов якобы основывался на методологии презентизма. При этом под презентизмом они понимают перенос в прошлое границ СССР и ПНР, что якобы создавало искаженную картину «литовско-русских территорий бывшей Речи Посполитой»¹⁶. Это явление, по их мнению, может трактоваться как проявление «этнического национализма», парадоксально сочетавшегося с «империалистическим национализмом» в принципе «интернационалистической» советской историографии¹⁷.

Следует подчеркнуть, что приведенные рассуждения не имели ничего общего с методологией как советской историографии, так и историографии ПНР. Историческая наука в СССР изучала все исторические общности в их взаимосвязи и историческом развитии, существовавшие на той территории, которая в дальнейшем была очерчена границами СССР. Таким образом, предметом изучения советской историографии был исторический процесс с древнейших времен и до наших дней, что не имеет ничего общего ни с презентизмом, ни с прочими упомянутыми «измами». Вместе с тем применение указанного принципа для польской историографии имело немаловажное значение, в частности и потому, что исторические границы Польши претерпели на протяжении веков кардинальные изменения. Поэтому примененные в исследуемом обобщающем труде, в том числе и во втором томе, принципы непрерывности и преемственности исторического процесса в полной мере распространялись и на польскую историю независимо от содержания отдельных периодов и установленных для них пространственных рамок или географических и политических границ.

В отличие от вопросов периодизации и пространственных характеристик исторического процесса, главное внимание при обсуждении макета второго тома со стороны советских историков было уделено социально-экономической проблематике. В центре обсуждения стояли вопросы разложения феодально-крепостнических отношений, генезиса и развития капитализма. Советские участники обсуждения единодушно одобрили принципиальную позицию польских коллег, положивших

16 *Stobiecki R.* Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce: (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych). Łódź, 1993. S. 67–75.

17 *Stobiecki R.* Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice. Warszawa, 2007. S. 69–85.

в основу представленной в томе концепции истории Польши XVIII–XIX вв. марксистскую теорию общественно-экономических формаций и диалектического процесса перехода от феодализма к капитализму. Вместе с тем, по мнению некоторых советских коллег, социально-экономическая проблематика была представлена в обсуждаемом томе «наиболее слабо» (прежде всего — в области аграрных отношений), и требовала «более или менее значительного расширения»¹⁸. Конкретные замечания были высказаны по целому ряду существенных вопросов. Так, Д. Л. Похилевич (Институт истории)¹⁹ расценил как «весьма проблематичное» утверждение польских историков о начале развития капитализма в сельском хозяйстве на территории Речи Посполитой уже во второй половине XVIII в. По его мнению, развитие денежной ренты и отмеченные факты применения наемного труда (особенно кабальный характер найма) не свидетельствовали сами по себе о капиталистическом развитии. Тем более что указанные явления в достаточно значительных масштабах наблюдались и ранее на польских землях, уже в XVI–XVII вв. Похилевич настаивал, что решающим признаком развития капитализма в сельском хозяйстве является социальное расслоение деревни и появление сопутствующих этому процессу форм классовой борьбы, чего явно не наблюдалось на польских землях, по меньшей мере, до 1820–1830-х гг.²⁰

Проблему развития товарно-денежных отношений в деревне затронул также Е. И. Корнейчик, однако он в духе классического марксизма рассматривал его как универсальный процесс, составлявший фундамент буржуазного развития²¹ без учета специфики участия помещичьего (шляхетского) хозяйства в сфере товарного производства. При этом белорусский историк справедливо полагал, что изучение процесса разложения феодализма и генезиса капитализма требует более глубокого обоснования, т. е. расширения источниковой базы исследования и применения статистических методов анализа конкретного исторического материала²². Заметим, что этот тезис ученого во многом предвосхитил дискуссию 1960–1970-х годов и появление в СССР направления и школы количественных методов в исторических исследованиях.

18 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 33, 92, 159.

19 Там же. Л. 36–54.

20 Там же. Л. 33, 92.

21 *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 440–450.

22 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 92.

Говоря о конкретных проблемах развития товарно-денежных отношений на польских землях, Корнейчик, помимо аграрной сферы, особое внимание уделил развитию городов как центров ремесла и торговли, что, с точки зрения материалистического понимания истории, было главным условием генезиса капитализма. Вопросы буржуазных тенденций развития польских городов затронул Д. Л. Похилевич в связи с упоминанием в польском труде мануфактур Антони Тизенгаузена. По мнению советского историка, появление такого рода предприятий не свидетельствовало о развитии капиталистических отношений, а напоминало попытку «наливания нового вина в старый бурдюк», то есть приспособления новых форм организации производства к феодальной системе²³. При этом, по его мнению, быстрый упадок такого рода мануфактур свидетельствовал, что феодальная система в целом была еще достаточно сильна, чтобы подавить ростки новых производственных отношений. Вместе с тем Похилевич поддержал позицию авторов тома, относивших зарождение капиталистических отношений ко второй половине XVIII в., предложив уделить больше внимания характеристике именно этого периода, «чтобы изменения в сельском хозяйстве рассматривать на фоне развития городов и промышленности», которые «на самом деле инициировали развитие капитализма». Он также рекомендовал «вслед за советскими историками этот процесс растянуть до середины XIX в.». При этом следует заметить, что последнее высказывание было адресовано в большей степени советским ученым, поскольку польские авторы придерживались в обсуждаемом томе именно изложенной концепции. Продолжая эту дискуссию, Похилевич привел целый ряд возражений против направления в советской историографии, отстаивавшего тезис о «раннем генезисе капитализма» в России и на востоке Европы. В подтверждение своих рассуждений он, в частности, ссылаясь на данные об экспорте зерна в XVII–XVIII вв., усомнившись в распространенном в советской историографии тех лет тезисе об «экономическом феодально-крепостническом кризисе в конце XVII в.»²⁴.

Обращает на себя внимание, что поставленные советскими историками в ходе обсуждения труда польских коллег вопросы отражали не столько замечания к представленному тексту, сколько дискуссии, развернувшиеся в советской исторической науке начиная со второй половины 1950-х гг. Прежде всего это вопрос о феодализме как обще-

23 Там же. Л. 41.

24 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 42–43.

ственно-экономической формации и о его особенностях в Восточной Европе («к востоку от Эльбы»). Марксистская историография по проблемам перехода от феодализма к капитализму опиралась на данную Ф. Энгельсом характеристику крестьянской войны в Германии как попытки буржуазной революции, на его концепции формирования национальных связей и национальных (централизованных) государств на основе развития товарно-денежных отношений, роста городов, эволюции городского сословия и формирования классов буржуазного общества. Марксистские представления о формировании буржуазных связей и национального рынка применительно к истории России были в концентрированном виде сформулированы В. И. Лениным в его известном высказывании о начале «нового периода русской истории примерно с XVII века»²⁵. Именно в 1950-е гг. соответствующие труды Энгельса, впервые публиковавшиеся на русском языке с конца 1930-х гг., и высказанные им идеи стали предметом широкого обсуждения историков-марксистов в СССР и в станах народной демократии, в частности и среди польских историков.

Применительно к истории России и Польши XVIII–XIX вв. указанные концепции вызвали дискуссию об особенностях политической централизации государств XV–XVII вв. в Восточной Европе, где единые государства создавались на основе централизации феодального землевладения и где централизация в Польше так и осталась незавершенной, что привело в итоге к господству магнатории в шляхетской республике (в Речи Посполитой). Еще одним направлением упомянутых дискуссий стал так называемый «спор» о раннем или позднем формировании национального рынка (генезисе капитализма) в России и в Польше. Сторонники второго подхода полагали, что «капиталистический уклад» как более или менее устойчивая и воспроизводящая себя система производственных отношений формировалась в обеих странах при условии господства феодализма («крепостничества») не ранее второй половины XVIII в. С этой точки зрения рассматривался вопрос о характере аграрных отношений, в частности «расслоения крестьянства», т. е. формирования в крестьянской среде классов буржуазного общества. Сторонники «позднего» развития капитализма относили этот процесс только к пореформенному времени, т. е. к периоду после отмены крепостничества в 1860-е гг. и завершения крестьянских реформ на польских землях. Как

25 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153–154.

свидетельствует содержание обсуждаемого тома, его редактор Витольд Куля и его соавторы были сторонниками концепции «позднего» развития капитализма в Польше, хотя и отмечали особенности (в том числе и по хронологии) для областей, захваченных Пруссией, Австрией и Россией. К концепции «позднего» формирования капитализма склонялись и выступившие советские ученые. В этом же духе развивалась в ходе обсуждения и дискуссия о польской мануфактуре XVIII в. Она вполне соответствовала аналогичной дискуссии, проходившей в 1950–1970-е гг. в СССР. Одна точка зрения, основанная на принципе технологического детерминизма, представленная тогда в трудах академика С. Г. Струмилина, сводилась к утверждению, что «мануфактура не может не быть не капиталистической»²⁶. Оппоненты этой концепции, основываясь на социальном анализе, указывали, что мануфактура, применявшая труд крепостных и работавшая для удовлетворения потребностей государственной казны, королевского двора или двора крупного магната, с точки зрения производственных отношений представляет собой феномен феодального, а не буржуазного общества. Сторонники этой концепции доказывали, что возникшая в феодальном обществе мануфактура компенсировала относительную неразвитость ремесленного производства и по своей функции в системе общественного разделения труда по типу подразделялась на казенную (государственную), вотчинную, купеческую и крестьянскую. Только в рамках двух последних форм, и то не ранее второй половины XVIII в., по их мнению, формировались элементы капиталистической эволюции, связанные с «работой на рынок» и с использованием наемной рабочей силы.

Таким образом, характер дискуссии по социально-экономическим проблемам между польскими авторами второго тома Истории Польши и его советскими рецензентами отражал актуальные вопросы и для советской, и для польской исторической науки, соответствовал общим задачам научного поиска и в теоретическом плане (в рамках данной проблематики) находился на передовых рубежах исторической науки своего времени. Во всяком случае, данное обсуждение никак не может рассматриваться как пример директивного внедрения некоего догматического подхода, хотя бы потому, что в 1950–1970-е гг. все эти вопросы представляли собой предмет острых теоретических дискуссий, находивших выражение в монографических исследованиях по конкретным историческим вопросам и обобщающих научных трудах.

26 Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет. М., 1935.

Эта традиция свободной научной дискуссии получила в дальнейшем развитие и в деятельности созданной в 1965 г. Комиссии историков СССР (России) и Польши.

Особое место в выступлениях советских рецензентов в ходе апрельской конференции в 1957 г. в Институте славяноведения занял вопрос о кризисе феодально-крепостнической системы в Польше в первой половине XIX в. При этом речь шла не только о проявлениях кризиса, о его существенных чертах, хронологических рамках и этапах, но и, что немаловажно, об особенностях кризиса крепостничества в разделенной на части Польше. Так, по мнению Е. И. Корнейчика, авторы польского труда не привели достаточных обоснований выдвинутого ими тезиса о «кризисе феодального строя в 1830–1840-е гг.», не показали на конкретных примерах, «как развитие производительных сил сковывалось производственными отношениями». Он также полагал, что «очень мало и неубедительно написано о крестьянском движении» этого периода, и в целом предлагал уделить больше внимания «социальным переменам, произошедшим в деревне и в городе под влиянием капитализма»²⁷. В том же духе высказался и И. М. Нефедов, приведя обширный перечень разного рода замечаний научно-редакционного характера по социально-экономической проблематике²⁸. В частности, по его мнению, польские авторы «недооценили» значения «обезземливания крестьянства», в чем Нефедов усмотрел «уступку шляхетско-буржуазной историографии»²⁹.

Рассматривать детально замечания советских историков по вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы в первой половине XIX столетия (в преддверии революции 1848–1849 гг.) едва ли целесообразно. Если отвлечься от применяемых и в СССР, и в ПНР разными исследовательскими школами методологических подходов и соответствующей терминологии, то сам факт кризиса единодушно признавался в обеих странах. Как тогда говорили, о «кризисе крепостничества» неопровержимо свидетельствует, по мнению всех исследователей, политика в крестьянском вопросе властей Австрии, Пруссии и России, в состав которых входили и земли разделенной Польши. Однако по вопросу о конкретных проявлениях этого кризиса и его хронологических рамках в советской историографии и в историографии ПНР в 1950-е гг. развернулась широкая дискуссия, продолжавшаяся практически до

27 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 92–108.

28 Там же. Л. 159–180.

29 Там же. Л. 159–160.

рубежа 1970–1980-х гг. Она и нашла отражение в рефератах советских участников обсуждения макета второго тома. Эта дискуссия, в частности, показала, что политика абсолютистских монархий Австрии, Пруссии и России, направленная на консервацию крепостнических и полукрепостнических отношений в интересах сословного господства дворянства и сохранения дворянского землевладения, в 1830–1840-е гг. предполагала также проведение ряда более или менее паллиативных реформ, направленных на недопущение пауперизации крестьянства, то есть на смягчение негативного влияния на него капиталистического рынка, на поддержку крестьянского хозяйства, в том числе и для сохранения платежеспособности последнего как податного сословия. Проводя в интересах казны покровительственную политику в отношении отечественной промышленности и торговли, власти трех держав вместе с тем противодействовали обнищанию и пролетаризации сельского населения и городских низов. Сознвая отставание своих государств в научно-техническом и технологическом отношении от передовых стран Западной Европы, они содействовали развитию народного просвещения и внедрению передовой техники. Разумеется, отмеченные тенденции тормозились в условиях полуфеодальной организации общества, однако, с другой стороны, развивающиеся и нарастающие противоречия капиталистической системы на востоке Европы были относительно сглажены и проявились не столь ярко, как, например, в Англии XVI — начала XIX в., на историческом опыте которой строили свои теории Маркс и Энгельс. В развернутом виде противоречия капитализма проявились в России и в Польше значительно позже, только во второй половине XIX столетия, когда для обеих стран стал центральным вопрос о судьбах капитализма и в России, и на польских землях.

Отдельно стоит остановиться на замечании советских коллег по вопросу о развитии крестьянского движения в XIX в. в России и в Польше. Этой проблеме и в СССР, и в ПНР было посвящено значительное число научных трудов, творчески и новаторски продолживших традиции классической российской и польской историографии. Среди них выделяется фундаментальный исследовательский проект под руководством Н. М. Дружинина. Задачей подготовленного под его редакцией 10-томного издания исторических источников было собрать в едином корпусе все свидетельства «антикрепостнических» крестьянских выступлений в России³⁰. Однако и в этом случае полученный ре-

30 См.: Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. / под ред. Н. М. Дружинина. М., 1959–1968. Т. 1–10.

зультат свидетельствовал только о том, что в первой половине XIX в. (с 1796 г. до конца 1860-х гг.) максимальный подъем крестьянского движения в стране приходится на 1861 г., когда была провозглашена отмена крепостного права. Вместе с тем следует отметить, что история крестьянства, крестьянского движения и в целом аграрного вопроса в истории России и Польши XIX — начала XX в. имеет богатую традицию в российской и польской историографии. Указанные проблемы глубоко изучались, начиная с 1870-х гг. и на протяжении всего XX века, не только историками, но также экономистами и юристами, не говоря уж об обширном публицистическом наследии. Эти многочисленные исследования создавались с различных классовых и политических позиций, под влиянием различных научных школ, а также политических движений и партий. Одни авторы рассматривали крестьянский вопрос через призму интересов крупных помещиков (землевладельцев), другие — в духе идеологии народничества. Даже среди марксистов можно выделить по меньшей мере три различных подхода к проблемам аграрной эволюции России и Польши в XIX в. Лучшие из этих трудов, в том числе и созданные авторами правых общественно-политических взглядов, оказали существенное влияние на воззрения историков СССР и ПНР, поэтому не вызывает удивление замечание И. М. Нефедова, отметившего это влияние, хотя и расценившего его как «уступку шляхетско-буржуазной историографии»³¹.

Проблема развития капитализма и формирования национального рынка была, с точки зрения советских рецензентов второго тома труда польских коллег, самым тесным образом связана с вопросом о формировании польской «буржуазной нации». Процесс этот, подчеркивали советские ученые, нуждается в более детальном и глубоком рассмотрении, что, по словам Е. И. Корнейчика, «лучше всего провести с опорой на наиболее ценные результаты советской науки»³². Развивая выдвинутый тезис, белорусский историк предложил дополнить соответствующий раздел второго тома текстом о «главных чертах национального характера поляков». При этом он констатировал, что польская шляхта оказывала сильное влияние на формирование национального сознания, а следовательно, и на сознание «народных масс». По мнению Корнейчика, хотя и выраженному в стенографической записи достаточно сумбурно, национальное сознание представляло собой диалектический синтез различных, порой противоположных

31 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 159–160.

32 Там же. Л. 111–112.

классовых тенденций, однако, по его словам, «шляхетский отпечаток ни в коей мере не порочит национальный характер народных масс», поскольку у господствующих классов и угнетенных масс «разные психические черты»³³.

Суждения советских историков по поводу формирования польской «буржуазной нации», высказанные при обсуждении макета второго тома, показывают, что существенных разногласий по этому вопросу с польскими коллегами у них не возникло. Возможно, что общая точка зрения была выработана советскими и польскими исследователями ранее. Однако важно отметить, что в этом вопросе и в советской, и в польской историографии начиная со второй половины 1950-х гг., что нашло отражение и в ходе описанной дискуссии, проявилось стремление отойти от догматического толкования определения нации, данного И. В. Сталиным. Новые подходы обозначились в расширении спектра социокультурных явлений, характеризующих нацию как историческую общность, в более сложном представлении о диалектике сочетания сословных и национальных форм организации общества, наконец, в существенном расширении хронологических рамок процессов и движущих сил формирования наций и соответственно — национальной культуры³⁴. Примечательно, что эта дискуссия относилась не только к польской нации, но и к русской нации, и к другим нациям Центральной и Восточной Европы. Свою роль в развитии упомянутой дискуссии сыграл и выдвинутый во второй половине 1940-х гг. тезис Сталина о «народах — творцах истории». Тезис этот, политически направленный на теоретическое обоснование системы народной демократии, прозвучал неожиданно для советских философов и историков. Последние оказались в затруднении, как согласовать его с марксистскими воззрениями, что в основе исторического процесса лежит борьба классов, и с марксистской теорией классовой структуры общества. Выход был найден в противопоставлении «народных масс» и «правлящих верхов», при этом из среды последних к народным массам причислялись и те социальные группы, которым в конкретных исторических условиях принадлежала так называемая «прогрессивная роль».

33 Там же. Л. 111–112.

34 См.: *Фрейдзон В. И.* Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (Историографические заметки) // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991. С. 7–34.*

В духе такой диалектики взаимоотношений народных масс и правящих верхов советские участники дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения высказались о трактовке польскими авторами разделов Польши. В самом начале И. С. Миллер с одобрением констатировал, что представленное в томе понимание разделов Польши «свободно от националистических влияний»³⁵. В дальнейшем В. А. Голобуцкий (Институт истории АН УССР) и Е. И. Корнейчик подчеркивали, что разделы стали возможны вследствие предательства «феодалной аристократии»³⁶.

Особое место в выступлениях советских рецензентов занял вопрос о революционном качестве восстания Тадеуша Костюшко. Они единодушно поддержали польских коллег, характеризовавших восстание как акт освободительного движения революционной эпохи, в котором восставшая шляхта повела за собой народные движения горожан и крестьян, и вместе с тем указали на классовую ограниченность дворянской революционности³⁷, подчеркнув «неуместность» признания магнатов такими же патриотами, как и «тысячи настоящих патриотов из народа» (Е. И. Корнейчик)³⁸. Однако в ряде случаев советские рецензенты отступали от этой универсальной схемы. Так, В. А. Голобуцкий, рассуждая о деятельности магнатской группировки Чарторыских («фамилии»), высказал мысль, что в отличие от «настоящих магнатов» (Потоцких и Радзивиллов), Чарторыские в середине и во второй половине XVIII в. выступили сторонниками «прогрессивных реформ», за преодоление шляхетской анархии, что в своей политике «фамилия» и ее сторонники ориентировались на поддержку России — все это, по мнению Голобуцкого, заслуживало более позитивной оценки³⁹. В этой позиции нашло отражение распространенное в советской историографии начиная с 1940-х гг. представление о прогрессивном содержании в России централизаторской политики царской власти XVI–XVIII вв. (и в Европе в целом — королевской власти), ориентированной на установление абсолютизма и подчинение ей феодальной (боярской) аристократии. Этот подход, по мнению Голобуцкого, можно было бы распространить и на сторонников политической централизации в рамках шляхетского республиканизма.

35 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

36 Там же. Л. 77–78, 90.

37 Там же. Л. 98.

38 Там же. Л. 109.

39 Там же. Л. 80–81.

Центральным вопросом в выступлениях советских рецензентов макета второго тома «Истории Польши» стала проблема «роли сословий и классов в освободительном движении» России и Польши. Мы не случайно поместили эту формулу в кавычках, ибо она текстуально повторяет заглавие известной статьи В. И. Ленина⁴⁰, в которой, так же как в ряде других его работ, были изложены основы концепции истории русского освободительного движения, дан анализ его программных установок, движущих сил и периодизации. Начиная именно со второй половины 1950-х гг. выдвинутые Лениным положения послужили основой для широкой дискуссии в советской историографии об истории революционного и общественного движения в России со времени восстания декабристов. В ходе этой дискуссии был отвергнут ряд сталинских установок, а главное — создана широкая картина противостояния царизма и русского освободительного движения. Применительно к рассматриваемым нами вопросам наиболее существенное значение имеет анализ дворянского (1825–1861 гг.) и революционно-демократического (1861–1895 гг.) этапов. Именно вокруг содержания этих этапов применительно к истории Польши и развернулась дискуссия в Институте славяноведения в связи с обсуждением макета второго тома.

В центре внимания советских рецензентов были события Краковского восстания 1846 г. и Январского восстания 1863 г., в последнем случае — прежде всего на землях Литвы и в Белоруссии. Говоря об описании во втором томе восстания в Кракове (авторства С. Кеневича), И. М. Нефедов с одобрением отозвался о преодолении «прежних ошибок шляхетско-буржуазной историографии, которая принижала самостоятельную роль польского крестьянского движения и приписывала его начало интригам австрийской бюрократии». Однако, конкретизируя тезис о провокационной тактике австрийских властей, использовавших крестьянское движение для разгрома шляхетских повстанческих отрядов, советский историк упрекнул Кеневича, что тот, якобы следуя «старому мышлению», воспроизвел имевшее хождение в буржуазной историографии мнение, что австрийская администрация Галиции намеренно не арестовала шляхтичей-заговорщиков, чтобы использовать подготавливаемое восстание для разгрома освободительного движения и для ликвидации Краковской республики⁴¹. К проблемам истории Краковского восстания Нефедов обратился также в связи с оценкой деятельности одного из его

40 Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 397–399.

41 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 183, 186.

организаторов — Эдварда Дембовского, которого советский историк характеризовал как революционера-демократа и противопоставлял повстанцам из шляхетского лагеря⁴². В этих суждениях нашли отражение дискуссии в советской исторической науке о генезисе революционно-демократического направления в рамках дворянского этапа освободительного движения и о месте крестьянского вопроса в программах дворянских революционных организаций как среди декабристов, так и в студенческих организациях 1830–1840-х гг. Именно в этой проблеме коренилось расхождение во мнениях С. Кеневича и И. М. Нефедова. Советский историк отказывался признать «шляхетские элементы» Краковского восстания «прогрессивными» и, напротив, утверждал, что шляхта осознанно «демобилизвала прогрессивных деятелей», дойдя на этом пути «аж до простого предательства», тогда как, по мнению Кеневича, к участию в восстании шляхту побудили, с одной стороны, страх перед террором австрийских властей в Галиции и «стремление предотвратить начало аграрной революции» — с другой⁴³.

Обращает на себя внимание, что существенных расхождений между тезисами Нефедова и Кеневича не было. И тот и другой выдвинули на первый план проблему крестьянской революции, что само по себе уже знаменовало переход от эпохи дворянской революционности к революционно-демократическому периоду освободительного движения. Проблема же сущности этого перехода и его протекания во времени остается и после 1957 г. почти на три десятилетия дискуссионной и в советской, и в польской историографии.

Проблемы истории Польского восстания 1863–1864 гг. в выступлениях советских участников дискуссии были сосредоточены главным образом вокруг повстанческого движения на землях Литвы и Белоруссии и были связаны преимущественно с оценкой роли в восстании шляхты (дворянства) и крестьянства. Этим вопросам на апрельском обсуждении 1957 г. Ю. И. Жюгжда посвятил доклад, в основу которого была положена его же статья 1954 г. о «демократическом движении в Литве» в 1860-е годы. Движущую силу повстанческого движения, по мнению автора, составляли «крестьянские массы, выступавшие “против царизма” и “польских феодалов”»⁴⁴. Говоря о

42 Там же. Л. 183–189.

43 Там же.

44 См.: *Жюгжда Ю. И.* Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения // *Исторические записки.* 1954. Т. 45. С. 183–200.

макете второго тома «Истории Польши», Жюгжда настойчиво возражал против тезиса польских авторов о национально-освободительном характере восстания шляхты в Литве, поскольку дворянство и аристократия провинции, подчеркивал советский историк, не выдвигали иных требований, помимо объединения Литвы с Царством Польским, а следовательно, руководствовались исключительно «классовыми» (сословными) интересами⁴⁵. Вместе с тем он не устал возвращаться к тезису, что самостоятельную и решающую роль в восстании сыграло крестьянское движение, правда, не отрицая позитивной, хотя и непоследовательной, политики повстанческого правительства в крестьянском вопросе⁴⁶. Вместе с тем Жюгжда постоянно настаивал на недопустимости впечатления, что царское правительство якобы проводило политику крестьянского цезаризма, а в среде крестьянства будто бы сохранялись «царистские иллюзии».

В оценках участниками дискуссии 1957 г. восстания 1863–1864 гг. проявились те же тенденции, что и в характеристике Краковского восстания 1846 г., и вместе с тем осознание необходимости глубокого изучения кризиса конца 1850 — начала 1860-х гг. в России и в Польше, что нашло отражение в целом ряде фундаментальных работ в советской и польской историографии 1960-х и 1970-х гг. В частности, в рамках соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской академией наук 1957 г. была предусмотрена многотомная публикация документов и материалов Польского восстания 1863–1864 гг.⁴⁷

Принципиальное значение в рассматриваемой дискуссии приобрели проблемы истории культуры. Надо сказать, что в 1950-е годы в обобщающих трудах советской и польской историографии, в которых явно преобладала социально-экономическая и социально-политическая проблематика, разделы по истории культуры выглядели как некое хотя и обязательное, но явно стоящее особняком по отношению к основному тексту приложение. Так было и в случае с рецензируемым макетом второго тома «Истории Польши». Однако с точки зрения марксистской концепции исторического процесса вопросы культуры имели принципиальное значение, поскольку феномены культуры, в

45 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 123.

46 Там же. Л. 132–142.

47 Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в СССР и Польше). М., 2011. С. 41.

отличие от иных явлений общественной жизни, не исчезают в процессе исторического развития, а, приобретая новые формы, составляют культурный (ценностный) потенциал человечества. Вместе с тем, согласно марксистским воззрениям, культура играет важнейшую роль в функционировании надстройки в системе общественно-экономической формации, и, главное, последняя обладает важной способностью существенного обратного влияния (как и надстройка в целом) на систему производственных отношений (способа производства). Указанные обстоятельства свидетельствуют о принципиальной важности проблем истории культуры в материалистическом понимании истории и в марксистской историографии, о чем, в частности, свидетельствуют и развернувшиеся начиная с 1950-х гг. дискуссии по проблемам истории культуры и в СССР, и в Польше.

Говоря об освещении истории культуры в макете второго тома, Е. И. Корнейчик подчеркивал «особую сложность» обсуждаемых проблем и вместе с тем настоятельно рекомендовал отразить в книге «классовые позиции» отдельных представителей культуры и искусства⁴⁸ с точки зрения ленинской концепции «двух культур» — демократической культуры и культуры господствующего класса — в классовом обществе. Высказанные по разным поводам ленинские суждения по вопросам культуры отличаются значительной противоречивостью, что, помимо политической конъюнктуры, объясняется в первую очередь глубокой внутренней противоречивостью самого феномена культуры. Не вдаваясь в анализ тех или иных тезисов Ленина, укажем только, что конкретный анализ явлений культуры и процессов ее развития вызвал к жизни, начиная со второй половины 1950-х годов, дискуссию среди самого обширного круга специалистов и в СССР, и в Польше. О напряженности этой дискуссии свидетельствовало хотя бы то, что только определений понятия «культура» в 1960–1970-е годы насчитывалось проводившими такого рода подсчеты специалистами — более сотни. Возвращаясь же к ленинской концепции «двух культур», можно констатировать, что в процессе культурного развития эта двойственность проявилась как более или менее выраженная диалектическая тенденция. Поэтому требование безусловного «классового» размежевания применительно к явлениям и деятелям культуры можно расценить как проявление догматизма, но проявление объяснимое в контексте упомянутой развернувшейся дискуссии по проблемам истории культуры. К тому же требование

48 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 112–113.

Корнейчика не нашло поддержки в выступлениях других советских участников дискуссии.

Так, Б. Ф. Стахеев сосредоточил внимание на проблемах трактовки в макете таких категорий культуры, как классицизм, сентиментализм и романтизм. При этом советский литературовед, как и польские авторы, исходил из принципиального тезиса, что названные категории, будучи в исходном своем значении обозначением творческого метода художественного творчества, одновременно характеризовали соответствующую историческую эпоху. Так, например, классицизм и сентиментализм соответствовали веку Просвещения и через эпоху «Бури и натиска» проложили дорогу романтизму как творческому методу и форме мировоззрения, соответствующим исторической эпохе, начало которой было положено Великой французской революцией. Таким образом, творческий метод и эпоха развития культуры естественным образом выступали в единстве с исторической эпохой крушения «старого порядка» (феодального строя). Рассматривая романтизм как явление культуры и мировоззренческую форму революционной эпохи, Стахеев указывал на его ярко выраженные революционную и консервативную тенденции. Вопреки мнению польских авторов труда, полагавших, что обе эти тенденции в равной мере нашли отражение в польской культуре, Стахеев пришел к заключению, что польский романтизм носил преимущественно реакционный характер⁴⁹. Однако этот вывод советского ученого основывался главным образом на свойственном польским романтикам мистицизме, что представляется все же хотя и существенным, но односторонним суждением.

Мировоззренческие проблемы эпохи романтизма были в центре внимания философа, представлявшего в дискуссии Московский университет, — И. С. Нарского. Свое выступление он начал словами об отказе от догматических установок предшествующего десятилетия и констатировал, что проблемы истории общественной мысли в рассматриваемом труде польских ученых представлены на более высоком уровне, нежели это было, например, в изданной в СССР «Истории Чехословакии», работа над которой была начата еще в конце 1940-х гг.⁵⁰ Вместе с тем, говоря об историческом развитии общественной мысли и философии как научного знания, он не только одобрил исторический подход польских авторов в описании явлений и тенденций общественной мысли, но и настаивал на классификации последних

49 Там же. Л. 200–208.

50 Там же. Л. 55.

как «прогрессивных» и «реакционных» в контексте марксистского разрешения «основного вопроса философии», то есть с точки зрения противостояния материализма и идеализма, а также диалектики и метафизики. Развивая эту мысль, И. С. Нарский критиковал польских коллег за то, что в макете второго тома «не представлены противники прогрессивных мыслителей»⁵¹. Это замечание советского философа можно трактовать только в пользу исторического подхода к истории философии, в рамках которого должны изучаться все течения научной и общественной мысли, разумеется, с учетом их корректной научной оценки. Вместе с тем Нарский позитивно оценил критику польского мессианства, данную авторами тома в разделе «Польская культура в 1832–1849 гг.». По его словам, «содержание раздела существенно отличается в лучшую сторону от прежних очерков истории польской философии»⁵².

В выступлении Нарского особое место принадлежало Эдварду Дембовскому, вероятно потому, что за несколько лет до описываемой дискуссии он опубликовал посвященную Дембовскому монографию⁵³. Советский историк общественной мысли полагал, что его герою уделено в макете второго тома недостаточно внимания. В частности, он считал, что Дембовский не только преодолел идеализм, как писал польский автор Е. Едлицкий, но и «стихийно, несознательно развивался в направлении материализма»⁵⁴. Также достаточно путано и противоречиво рассуждал Нарский о воззрениях и идейной эволюции Хенрыка Каменьского, Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого. Поэтому некоторые из его высказываний даже встретили возражения со стороны других советских участников дискуссии. Не останавливаясь в деталях на этой преимущественно схоластической полемике, отметим только, что обсуждение вопросов развития общественной мысли проходило хотя и в рамках марксистской методологии, но все же, что принципиально важно, в обстановке свободной и открытой дискуссии.

Обращает на себя внимание, что в ходе дискуссии в Институте славяноведения участвовавшие в ней сотрудники института держались в тени, предоставляя первые роли ученым из Белоруссии, Литвы, Украины, а также представителям Московского университета и Института истории АН СССР. Славяноведы В. Д. Королюк и И. С. Миллер вы-

51 Там же. Л. 56.

52 Там же. Л. 66–70.

53 Нарский И. С. Мировоззрение Эдварда Дембовского. М., 1954.

54 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 61–65.

ступили в конце обсуждения и сосредоточили внимание на вопросах, поставленных другими участниками. В. Д. Королук, говоря об отмеченном в ходе обсуждения «влиянии» на польских авторов «шляхетско-буржуазной историографии» (классической польской историографии XIX в. и историографии 1920–1930-х гг.), подчеркивал, что такое впечатление могло сложиться вследствие «перевеса» в томе политической истории в сравнении с социально-экономической проблематикой, что, по его словам, обусловлено спецификой польской историографии на протяжении всей истории ее развития. Королук указывал, что эта черта свойственна «историческому сознанию малых народов, придающих особое, иногда преувеличенное значение героическим страницам своей истории». К чувствам такого рода, констатировал советский историк, специализировавшийся в области истории Средних веков и раннего Нового времени, следует относиться с пониманием и «спокойно смотреть на наличие этих традиционных элементов в марксистском видении истории — другое отношение было бы ошибкой»⁵⁵.

В. Д. Королук говорил также, что «чувствует себя несколько смущенно» в связи с излишне критичной оценкой исторической роли польской магнатории. Это, по его словам, вело к «чрезмерному упрощению исторической реальности». Он указывал на участие ряда представителей магнатских родов в движении в пользу политических реформ, а также, «что особенно важно», на то, что они «инициировали прогрессивные экономические перемены». Таким образом, полагал Королук, «не вся магнатория была реакционной»⁵⁶. В этом высказывании нашло отражение не только стремление советского ученого к созданию многогранной картины исторического прошлого, но и применение важного методологического принципа «восхождения от абстрактного к конкретному», что позволяло раскрыть диалектическое взаимодействие между обобщенными теоретическими (абстрактными) представлениями и уникальной многообразной исторической действительностью, картина которой формируется в конкретно-исторических исследованиях. Об этом также шли активные дискуссии в советской исторической науке начиная с рубежа 1950–1960-х гг.

Подчеркнуто умиротворяющие ноты звучали в рецензионном докладе и в заключительном слове И. С. Миллера. Он указывал, что те или иные высказанные критические замечания не влияют на общую положительную оценку труда польских коллег, что рассмотренный

55 Там же. Л. 190–191.

56 Там же. Л. 194–196.

том отличает «новаторский характер». При этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство, что те же самые спорные вопросы, поставленные в ходе обсуждения второго тома, характерны и для советской историографии и что в вопросах, касавшихся российской истории, польские коллеги опирались на труды советских авторов⁵⁷. И. С. Миллер призывал избегать поспешной и неконструктивной критики, которая была, по его словам, «следствием прочтения макета за короткое время». Возражая И. М. Нефедову, он утверждал, что, указывая на отмеченные рецензентами ошибки, следует сослаться на результаты собственных исследований, которые опирались бы на более обширный и верифицированный конкретный материал исторических источников, что послужило бы развитию наших общих знаний и совершенствованию научных концепций. Именно так, по словам Миллера, поступили польские коллеги, оказав помощь советским историкам — авторам изданной в СССР «Истории Польши»⁵⁸. Из этого высказывания можно заключить, что обсуждаемые проблемы ранее неоднократно уже были рассмотрены сотрудниками Института славяноведения и Института истории ПАН. Это способствовало как взаимопониманию советских и польских коллег, так и выработке предварительно в определенной мере общих позиций ко времени апрельской дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения.

Надо также сказать об особой позиции И. С. Миллера и его школы в отношении польской исторической науки и польской историографии. Он обоснованно считал, что польская историческая наука, наряду с классической российской и продолжившей ее традиции советской наукой, принадлежит к числу наиболее развитых и передовых национальных историографических школ, что польской науке в области изучения истории Польши по объективным причинам принадлежит несомненный приоритет. Признание этого неоспоримого факта должно было стать, по его мнению, основанием взаимообогащающего сотрудничества между советскими и польскими историками с выстраиванием позитивных личных отношений. Эта его позиция проявлялась, в частности, в таких, казалось бы, малозначительных шагах, как внедренное по его настоянию использование польской терминологии и в отказе от традиционно принятых в российской и советской историографии терминов в случае, если они не совпадали с польскими. Например, Миллер установил традицию в Институте славяноведения

57 Там же. Л. 215.

58 Там же. Л. 211–212.

употребления названия Королевство Польское вместо традиционного Царства Польского. Он настаивал на написании польских собственных имен, руководствуясь фонетическими нормами польского языка, даже вопреки традициям, сложившимся в отечественной историографии. Причем этим отнюдь не ограничивались признанные им и внедряемые в отечественную историческую науку приоритеты польского исторического знания. Эта особенность подходов Миллера к исследованиям была, разумеется, известна его польским коллегам и встречена ими с признательностью. Надо сказать, что такая своего рода тактичность видного советского ученого и организатора науки способствовала решению многих важных и принципиальных вопросов. Свидетельство такого подхода Миллера мы встречаем и в исследуемой стенограмме апрельской дискуссии, когда он, говоря о выступлении Ю. И. Жюгжды, высказался против «попыток навязывания польским товарищам советской терминологии»⁵⁹.

Выступая с заключительным словом, И. С. Миллер заявил, что высказанные им замечания должны лечь в основу редактирования итоговой стенограммы, которая нуждается «в пересмотре и исправлении», прежде чем она будет отправлена в Польшу⁶⁰. Об этом говорил и И. А. Хренов — в то время заместитель директора Института славяноведения⁶¹. В этих словах председательствовавшего на обсуждении И. С. Миллера прозвучало не только намерение смягчить некоторые, возможно, неприятные для польских коллег высказывания, но и стремление его самого провозгласить себя неким главным арбитром среди советских специалистов по польской истории и в отношениях советских ученых с польскими коллегами. В каком виде в итоге стенограмма была отправлена в Польшу, нам неизвестно. Однако некий ее экстракт лег в основу публикации на страницах журнала «Вопросы истории» — официального правительственного органа СССР. Надо отметить, что сообщение В. Д. Королюка и Н. П. Митиной «Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома “Истории Польши”, подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук»⁶²

59 Там же. Л. 219.

60 Там же. Л. 210.

61 Там же. Л. 223.

62 *Королюк В. Д., Митина Н. П.* Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 207–210.

вышло из печати в июльском номере журнала, уже после итогового обсуждения второго тома «Истории Польши» польскими историками 14–17 апреля 1957 г. на конференции в Сулеюевке. Дискуссия на этой конференции заслуживает специального исследования, поскольку, по единодушному мнению польских историков, она проходила под влиянием общественного движения и общественных настроений в Польше периода кризиса 1956 г. и сыграла выдающуюся роль в преодолении негативного наследия сталинизма для польской исторической науки⁶³. На конференции присутствовала делегация советских историков в составе И. С. Миллера, В. А. Голобуцкого, В. К. Яцунского. Судя по упомянутой публикации в «Вопросах истории», никаких существенных разногласий между советскими и польскими историками по содержанию второго тома «Истории Польши» тогда не возникло. В противном случае это сообщение на страницах ведущего советского исторического журнала не было бы опубликовано. Не выявлено и каких-либо принципиальных изменений в структуре и содержании упомянутого тома, хотя польские авторы в редакционном порядке и учли ряд замечаний советских рецензентов.

Таким образом, можно заключить, что поднятые советскими и польскими учеными вопросы истории как Польши, так и России эпохи Нового времени (до периода великих реформ 1860-х гг.), прозвучавшие в ходе апрельской дискуссии 1957 г. в Москве в Институте славяноведения, отражали общие для польской и советской исторической науки направления научного поиска и не имели ничего общего с идеологическим или политическим контролем «советских товарищей» в отношении польских коллег, как это иногда изображается в новейших работах польских авторов по истории польской исторической науки. Вместе с тем среди польских историков, специализирующихся в области польской историографии и истории науки, получила распространение точка зрения, согласно которой определяющее влияние советских идеологических концепций на польскую историческую науку было реализовано опосредованно через внедрение в польскую историографию так называемого «интерпретационного канона». Применительно к описанной апрельской дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения, посвященной периоду 1760–1860-х гг., упомянутый канон нашел выражение, в частности, в замечаниях советских историков, что движения народных масс имманентно играли

63 См.: *Czyżewski A. Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku. Warszawa, 2007.*

«прогрессивную» роль в истории, напротив, шляхта, а в особенности — магнатерия, защищая эгоистические сословные и классовые интересы, выступали как оплот реакции и проводили антинародную политику⁶⁴. Якобы в силу этого интерпретационного канона, согласно воззрениям новейшей польской историографии, национально-освободительное движение на польских землях трактовалось как «прогрессивное», «антифеодалное», самостоятельное крестьянское движение, направленное как против царизма, так и против «феодализма». Поражение же польского национально-освободительного движения на польских землях, захваченных как Россией, так, и Австрией и Пруссией (от восстания Тадеуша Костюшко и до Январского восстания 1863 г.), якобы стало следствием «национального предательства» шляхты и магнатерии.

Что же скрывается за понятием «интерпретационный канон» и какое значение обозначенные этим понятием явления имели для исторической науки? С одной стороны, согласно марксистскому материалистическому пониманию истории, внутреннее самодвижение исторического процесса обусловлено классовыми противоречиями в обществе. Последние, в конечном счете (хотя в разной степени и форме), определяют содержание всех явлений материальной и духовной жизни общества. На этих основаниях перед историком-исследователем встает задача на основе изучения конкретного исторического материала описать процессы развития, обусловленные иерархической системой противоречий, сущность которой определяется фундаментальным антагонистическим противоречием, лежащим в основе развития общества (данной общественно-экономической формации). Разумеется, перед отдельным историком не стоит задачи всеобъемлющего и полного изучения данной системы. Как правило, отдельный исследователь делает предметом своего изучения некий более или менее значительный фрагмент указанной системы. Однако, работая над разрешением отдельной (частной) проблемы, он не может не иметь в виду систему в целом и не опираться на общую теорию ее функционирования. В этом заключается, говоря упрощенно, марксистский метод исторического познания. Если исходить из того, что в этом и заключается содержание «интерпретационного канона», то ничего канонического в марксистской методологии нет. Она не привнесена в науку извне и не обусловлена никакими иными основаниями, кроме оснований в самой науке. В частности, с этой точки зрения не со-

64 *Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2010. S. 211–212.*

ставляет серьезных затруднений ответить на вопрос о «прогрессивности» крестьянских движений в эпоху феодализма. Какие бы конкретные проявления и формы ни принимали крестьянские «бунты, бессмысленные и беспощадные», они побуждали господствующие сословия к совершенствованию форм классового господства (классовой эксплуатации), что в целом в первой половине XIX в. привело к формированию на востоке Европы крестьянского вопроса, ставшего фундаментальной общественно-политической проблемой.

С другой стороны, всякой научной школе свойственно явление научного авторитета и сопровождающих его эпигонов. Это явление не обошло и национальные историографии, и отдельные научные направления исторических знаний. Как правило, именно особенности методологии и послужили основой формирования таких школ. Их адепты, стремясь зафиксировать свою принадлежность к данному направлению или школе, нередко прибегают к цитированию авторитетов (классиков), к использованию характерной терминологии, не заботясь о методологической последовательности собственных позиций. Такого рода догматические проявления были присущи марксизму в равной мере, как и другим фундаментальным теориям и направлениям исторической мысли. С этой точки зрения рассматривать «интерпретационный канон» как проявление некой догматической тенденции в марксистской историографии вполне допустимо. Однако очевидно, что он не был директивно навязан польским историкам со стороны их советских коллег. И тем более он не определял характер дискуссии в Институте славяноведения по проблемам истории Нового времени Польши и России, хотя в некоторых случаях и нашел в ней отражение.

Источники и литература

Архив Российской академии наук (Архив РАН).

Горизонтов Л. Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 50–66.

Горизонтов Л. Е. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая наука // *W kręgu historii historiografii i polityki*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. S. 103–126.

Жюгжда Ю. И. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения // Исторические записки. 1954. Т. 45. С. 183–200.

Королюк В. Д., Митина Н. П. Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 207–210.

Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. / под ред. Н. М. Дружинина. М.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэгиз), 1959–1968. Т. 1–10.

Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 397–399.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125–347.

Нарский И. С. Мироззрение Эдварда Дембовского / под ред. И. С. Миллера. М.: Изд-во Московского университета, 1954. 291 с.

Носов Б. В. Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 23–30.

Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в СССР и Польше) / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Институт славяноведения РАН, Комиссия историков России и Польши, 2011. С. 13–52.

Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935 (Труды Института истории науки и техники. Сер. II. Вып. 4). 322 с.

Фрейдзон В. И. Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (Историографические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 7–34.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 440–450.

Czyżewski A. Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 120 s.

Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. 277 s.

Historia Polski: opracowanie zbiorowe. T. 2, 1764–1864. Cz. 1, 1764–1814 / pod red. Stefana Kieniewicza i Witolda Kuli; [oprac. C. Bobińska et al.]; Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. 570 s. – (Макет)

Historia Polski: opracowanie zbiorowe. T. 2, 1764–1864. Cz. 2, 1814–1864 / pod red. Stefana Kieniewicza i Witolda Kuli; oprac. C. Bobińska [et al.]; Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. 861 s. – (Макет)

Romek Z. Polsko-radzieckie dyskusje o «Istorii Polzhi v trech tomach» w latach 1950–1959 // *Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej* / red. A. Wierzbicki. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2004. S. 169–191.

Rutkowski T. P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 630 s.

Stobiecki R. Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce: (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1993. 147 s.

Stobiecki R. Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2007. 361 s.

Szumski J. Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej “Historii Polski” w latach 1950–1958 // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki : polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* / red. L. Zasztowt. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2013. S. 245–262.

Szumski J. Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016. 429 s.

References

Bobińska, C. et al., editors. *Historia Polski: opracowanie zbiorowe. Vol. 2. 1764–1864. Pt. 1. 1764–1814.* Warsaw: National Scientific Publishing House, 1956, 570 p.

Bobińska, C. et al., editors. *Historia Polski: opracowanie zbiorowe. Vol. 2. 1764–1864. Pt. 2. 1814–1864.* Warsaw: National Scientific Publishing House, 1956, 861 p.

Czyżewski, A. *Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku.* Warsaw: Scientific Publishing House of the PAS, 2007, 120 p.

Druzhinin, N. M., editor. *Krest'ianskoe dvizhenie v Rossii v XIX — nachale XX v.* Moscow: Sotsëgiz, 1959–1968. 10 vols.

Èngel's, F. "O razlozhenii feodalizma i voznikovenii natsional'nykh gosudarstv." *Sochineniia* by K. Marks, F. Èngel's, vol. 16, p. 1, Moscow: Publishing House of Political Literature, 1937, pp. 440–450.

Freïdzon, V. I. "Izuchenie protsessa skladyvaniia natsii v Tsentral'noi Evrope v Institute slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR v 70–80-e gody (Istoriograficheskie zametki)." *Natsiia i natsional'nyi vopros v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of USSR AS, 1991, pp. 7–34.

Gorizontov, L. E. "'Metodologicheskii perevorot' v pol'skoï istoriografii na rubezhe 1940–1950-kh godov i sovetskie istoriki." *Slavianovedenie*, no. 6, 1993, pp. 50–66.

Gorizontov, L. E. "'Metodologicheskii perevorot' v pol'skoï istoriografii rubezha 40–50-kh gg. i sovetskaia istoricheskaia nauka." *W kregu historii historiografii i polityki*. Łódź: Łódź University Publ., 1997, pp. 103–126.

Grabski, A. F. *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań: Poznań Publ., 2010, 277 p.

Koroliuk, V. D., Mitina, N. P. "Obsuzhdenie v Institute slavianovedeniia maketa II toma 'Istorii Pol'shi', podgotovlennogo Institutom istorii Pol'skoï Akademii Nauk." *Voprosy istorii*, no. 7, 1957, pp. 207–210.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniï*, vol. 1. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1953, 513 p.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniï*, vol. 23. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1961, 620 p.

Makarov, N. A., editor. "Soglashenie 1957 goda o nauchnom sotrudnichestve mezhdu Akademiei nauk SSSR i Pol'skoï akademiei nauk". *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy (Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v SSSR i Pol'she)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2011, pp. 13–52.

Narskiï, I. S. *Mirovozzrenie Èdvarda Dembovskogo*. Moscow: Moscow State University Publ., 1954, 291 p.

Nosov, B. V. "Stefan Kenevich (1907–1992). K 100-letiiu so dnia rozhdeniia". *Stolitsa i provintsiia v istorii Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Nauka, 2008, pp. 23–30.

Romek, Z. "Polsko-radzieckie dyskusje o 'Istorii Polshi v trzech tomach' w latach 1950–1959". *Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej*, ed. by A. Wierzbicki. Warsaw: Neriton, 2004, pp. 169–191.

Rutkowski, T. P. *Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne*. Warsaw: Warsaw University Publ., 2007, 630 p.

Stobiecki, R. *Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych)*. Łódź: Łódź University Publ., 1993, 147 p.

Stobiecki, R. *Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice*. Warsaw: Trio, 2007, 361 p.

Strumilin, S. G. *Chernaia metallurgiiia v Rossii i v SSSR: tekhnicheskii progress za 300 let*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1935, 322 p.

Szumski, J. "Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej 'Historii Polski' w latach 1950–1958." *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-ro-syjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.*, ed. by L. Zasztowt, Warsaw: Institute of History of Science of the PAS, 2013, pp. 245–262.

Szumski, J. *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964*. Warsaw: Institute of History of Science of the PAS, 2016, 429 p.

Zhiugzhda, Iu. I. "Razvitie demokraticeskogo dvizheniia v Litve v 60-kh godakh XIX v. i vliianie na nego russkogo revoliutsionno-demokraticeskogo dvizheniia." *Istoricheskie zapiski*, vol. 45, 1954, pp. 183–200.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Nosov B. V., Marney L. P.

**Methodological discussions of Soviet and Polish historians
in the second half of 1950s
on problems of history of Russia and Poland
in the first half of 19th century: An Episode from the history
of the Institute of Slavic studies of Russian Academy of Sciences**

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Lyudmila P. Marney

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Citation

Nosov B. V., Marney L. P. Methodological discussions of Soviet and Polish historians in the second half of 1950s on problems of history of Russia and Poland in the first half of 19th century: An Episode from

the history of the Institute of Slavic studies of Russian Academy of Sciences // Slavic Almanac. 2021. No. 3–4. P. 407–440 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Received: 09.07.2021.

Abstract

The paper focuses on discussions of Soviet and Polish historians on problems of history of Poland and Russia in the Late modern period. It was exemplified in the debate that took place in the Institute of Slavic Studies in April, 1957 over the second volume of the “History of Poland”, that had been prepared by Polish historians. The discussion reflected some fundamental problems: the crisis of the feudal serfdom system, the genesis of capitalism, the Polish nation-building process, the history of Polish liberation movement and Polish culture in the end of the 18th — the first half of the 19th centuries. The whole discussion was very productive both for Russian and Polish historical science, as it contributed to the elaboration of new methods and theories of studies of history.

Keywords

Russia, Poland, Late modern period, methodological problems, Institute of Slavic Studies, second volume of “History of Poland”, crisis of feudal serfdom system, genesis of capitalism, Polish nation-building process, Polish liberation movement and Polish culture in the end of the 18th — the first half of the 19th centuries.

УДК 94(477/478)
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.01

Кочегаров К. А.

Неизвестная грамота сучавского митрополита Досифея о расторжении брака гетмана правобережных казаков Стефана Куницкого (1683 г.)

Кочегаров Кирилл Александрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. Неизвестная грамота сучавского митрополита Досифея о расторжении брака гетмана правобережных казаков Стефана Куницкого (1683 г.) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 441–450. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.01

Статья поступила в редакцию 21.04.2021.

Аннотация

Публикация представляет собой текст грамоты сучавского митрополита Досифея, которая была выдана, по-видимому, в ноябре 1683 г. предводителю правобережных казаков Стефану Куницкому. Он, будучи назначен казацким гетманом польским королем Яном III Собеским, осенью — зимой 1683 г. организовал вторжение в Молдавию и набег на территории Буджацкой орды. В грамоте Досифей давал разрешение Куницкому на развод с его женой, Еленой, которая была значительно старше его, и, соответственно, — позволение на второй брак. Елена была вдовой Г. Лесницкого, влиятельного казацкого старшины 1650–1660-х годов, и брак с ней несомненно помог Куницкому в повышении его социального статуса: он входил в окружение правобережного гетмана П. Д. Дорошенко, позднее стал казацким полковником под властью Османской империи и, наконец, сумел добиться получения гетманского звания от польского короля. Публикуемый документ является уникальным источником, не только характеризующим политический аспект казако-молдавских отношений в 1683 г., но и проливающим свет на малоисследованную проблему карьерных стратегий и личных интересов отдельных представителей украинского казачества

в эпоху Руины (1660–1680-е гг.), для реализации которых они использовали свои военно-политические успехи.

Ключевые слова

Гетман Стефан Куницкий, сучавский митрополит Досифей, казацкая старшина, Речь Посполитая, Украина, Молдавия.

Биография Стефана Куницкого, бывшего гетманом правобережных казаков чуть более полугодом — с августа 1683 по март 1684 г. и прославившегося военным походом в Молдавию и на Буджацкую орду (Буджак — самая южная территория междуречья Дуная и Днестра, обмываемая Черным морем, населенная ногайцами), до недавнего времени была практически неизвестна историкам. Лишь в начале 2000-х гг. украинский историк Т. Чухлиб представил в историографии относительно целостный образ этого любопытного деятеля казацкого движения эпохи Руины, собрав воедино множество данных из архивных и опубликованных источников¹. Между тем в биографии Куницкого до сих пор остается и будет, видимо, оставаться еще немало белых пятен в силу узости источниковой базы и отсутствия даже некоего подобия его личного архива, как, впрочем, и архива любого из более-менее крупных предводителей Запорожского казачества раннего Нового времени. Это касается, в том числе, формальных и неформально-семейных связей Куницкого с другими представителями казацкой старшины, которые обуславливали среди прочего и изменение его социального статуса.

Происхождение С. Куницкого остается туманным, а попытки украинских историков связать его фамилию с одним из шляхетских родов Куницких Речи Посполитой выглядят несколько натянуто² на фоне достоверных известий о нобилитации будущего гетмана польско-литовским сеймом в 1673 г.³ При этом, как установил еще А. М. Лазаревский, Куницкий породнился с достаточно влиятельной в старшинской среде

¹ Чухліб Т. Мінлива доля рятівника Європи. Степан Куницький. 1683–1684 // Чухліб Т. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи. Київ, 2004. С. 172–188.

² См., например: Там же. С. 172; *Оглоблин О.* Гетьман Иван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 232.

³ *Volumina legum. Przedruk zbioru praw, staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg, 1860. T. 5. S. 79.*

семьей Лесницких, взяв в жены вдову Григория Лесницкого, бывшего миргородским полковником, генеральным судьей, а в 1657 г., после смерти Богдана Хмельницкого, даже претендовавшего на гетманство. После гибели Лесницкого в 1664 г. (расстрелян поляками) осталась вдова Елена с тремя сыновьями — Данилом, Дмитрием и Иваном. Она-то, как писал Лазаревский, «вышла вторично замуж за какого-то Степана Куницкого, служившаго у Дорошенка», гетмана Правобережной Украины. Известно, что Куницкий вывез в 1672 г. жену и пасынка Данила на Правобережье из Миргородского полка. Данило (ум. в 1695 г.) впоследствии вернулся в родные места, сохранив за собой имение родного отца и даже получив новые владения от гетмана И. С. Мазепы⁴.

Брак с вдовой Лесницкого несомненно способствовал повышению социального статуса Куницкого в старшинской среде и, видимо, обеспечил дальнейшую карьеру. С 1677 г. Куницкий упоминается как «староста» (правильнее «подстароста», то есть управляющий) г. Немирова, назначенный, судя по всему, великим коронным гетманом Дмитрием Вишневецким⁵, затем около 1682 г. становится полковником под османской властью, наконец, как уже было сказано, в 1683 г. достигает карьерных высот, получив от польского короля звание казацкого гетмана⁶.

К этому времени в источниках вновь появляются сведения о деятельности Елены Куницкой (ранее Лесницкой), которая осенью 1683 г. расположилась с небольшим отрядом в Богуславе, собирая пошлины с проезжих купцов и принимая казаков — выходцев с Левобережья, чтобы направить их в Немиров, где формировалось войско для похода на Молдавию и Буджак и где находился ее муж. Елену и ее многочисленных спутников пытались пленить татары, переяславский полковник Леонтий Полуботок строил планы захватить Куницкую и вывезти на Левобережную Украину, но в итоге супруга гетмана прибыла в Немиров целой и невредимой⁷.

Однако отношения Елены с мужем к этому времени были далеко не

⁴ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии // Киевская старина. 1886 г. Т. 15. Июль. С. 453–454.

⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678 / [под ред. Н. И. Костомарова]. Стб. 103, 125.

⁶ Кочегаров К. А. Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005. Вип. 5. С. 634–635.

⁷ Там же. С. 639.

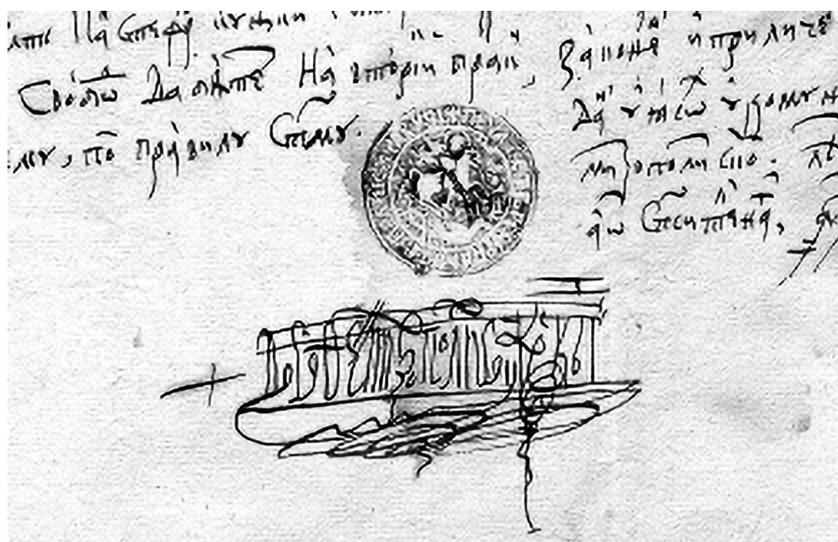

Рис. 1. Фрагмент грамоты сучавского митрополита Досифея гетману С. Куницкому.

безоблачными. Бесценные подробности об этом мы узнаем из уникального источника — грамоты, выданной в Яссах сучавским митрополитом Досифеем⁸, о расторжении брака Стефана и Елены Куницких.

Грамота не имеет точной даты, она выдана в Яссах, в «митрополитском» доме Досифея, только лишь с указанием года — 7192 от сотворения мира и 1683 от Рождества Христова. Это позволяет более точно определить время выдачи, поскольку 7192 год начался с 1 сентября, а 1683-й — закончился в декабре. Наиболее вероятное время ее изготовления — первая половина ноября 1683 г., когда Куницкий со своими войсками встретился в Кишиневе с молдавскими отрядами, чтобы дальше двинуться на юг, на Тягину (совр. Бендеры), Килию и Измаил. По пути в Кишинев он вполне мог остановиться в Яссах. Достоверно известно, что он посещал их, когда отступал после разгрома своего войска в начале января 1684 г.

Встретившись в Яссах с митрополитом Досифеем, казачий гетман горячо просил дать ему развод с супругой. Обращение к Досифею вполне допустимо — в Киеве к тому времени митрополита не было уже несколько лет. Из объяснения Куницким причин раз-

⁸ См. о нем: *Гросул В. Я. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 50–51.*

вода выясняются любопытные подробности его совместной жизни с вдовой Г. Лесницкого. Они состояли в браке 16 лет (то есть он был заключен в 1667 г.); Елена была более чем на 20 лет старше Куницкого, который должен был опекать также ее пятерых детей от Г. Лесницкого — троих сыновей и двух дочерей. За все время брака собственного ребенка супругам родить не удалось. Куницкий, который хотел иметь наследника, полагал, что жена утратила способность к деторождению в силу возраста. К этому добавлялись постоянные ссоры между Стефаном и Еленой: «И еще же между ними и пребивание не живителное и нестроение велико». Досифей, разыскивавший якобы в церковных правилах упоминание, что жена не может быть старше мужа, разрешил развод и второй брак Куницкому, при условии, что Елена уйдет в монастырь.

Приведенные в грамоте Досифея цифры, касающиеся длительности брака и возраста Елены, позволяют примерно вычислить и дату рождения самого Куницкого, для расчета которой до сего момента не было вообще никаких данных. Итак, если предположить, что в момент заключения брака с вдовой будущему гетману было 16–20 лет, то, следовательно, датой его рождения могли быть 1647–1651 гг., а сам он к моменту выдачи грамоты был сорокалетним мужчиной, вполне, по мнению сучавского митрополита, «будучи у възрасть съвершеннаго мужьства».

Судьба, однако, распорядилась так, что через несколько месяцев после получения развода Куницкий был убит собственными казаками, тогда как супруга его прожила как минимум до 1693 г. В этом году она с согласия троих сыновей передала половину так называемого Толстого леса в вечное владение Мгарскому Лубенскому монастырю⁹.

Свидетельство грамоты Досифея скорее подтверждает тезис, что в свое время Куницкий женился на вдове Лесницкого, чтобы утвердиться в казачье-старшинской среде, возможно, именно это как раз обеспечило ему более прочные позиции в окружении гетмана П. Д. Дорошенко. По мере укрепления социального статуса, а особенно после получения гетманства, указанный брак по расчету окончательно потерял для него свою привлекательность. Вряд ли можно утверждать, что Куницкий специально решил на поход в Молдавию и на Буджак с целью избавиться от уз опостылевшего брака с престарелой вдовой, однако возможность реализации личных планов, особенно на волне первых успехов казацкого войска, при-

⁹ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии... С. 453–454.

дававших гетману уверенность в себе, несомненно принималась им во внимание. Полагая, что после побед над белгородскими татарами ему удастся удержаться на гетманстве достаточно длительный срок, Куницкий желал отправить надоевшую жену в монастырь, не считаясь с возможным протестом ее родственников и покровителей из числа старшины. После этого он, видимо, намеревался заключить более выгодный с точки зрения его нынешнего положения брак и завести собственное потомство, которое в перспективе могло бы по крайней мере частично воспользоваться выгодами его социального положения.

Грамота Досифея сохранилась в деле № 47 Публичного архива Потоцких в составе Главного архива древних актов в Варшаве, среди бумаг в основном конца 1690-х гг. (вплетена в т. 4). Видимо, поэтому она не привлекала внимание исследователей гетманства Куницкого, искавших материалы о нем среди документов 1680-х гг. того же дела (т. 1–2). Как известно, указанное дело является частью архива польского короля Яна III Собеского и хранилось первоначально в составе Вилянувского архива (Вилянув — резиденция Собеских, которая впоследствии неоднократно меняла владельцев, среди которых были Потоцкие — отсюда название архива). В архив Яна Собеского указанный источник мог попасть двумя путями. Во-первых, после убийства Куницкого на казацкой раде часть его документов могла быть выслана к королевскому двору новым гетманом, Андреем Могилой. Во-вторых, Куницкий мог договориться с митрополитом Досифеем о выдаче грамоты, но по каким-то причинам не успел получить ее. В этом случае она могла быть привезена в Польшу самим Досифеем в составе митрополичьего архива, после того как он в 1686 г. был вынужден эмигрировать из Молдавии. Митрополит прожил в Речи Посполитой до самой смерти в 1693 г., причем Собеский предпринимал различные усилия, чтобы удержать его от возвращения в Молдавию, и в том числе отдал распоряжение о конфискации митрополичьих ценностей¹⁰. Возможно, уже после смерти владыки грамота вместе с другими документами его архива была изъята, осев в архиве Собеского.

Грамота Досифея публикуется согласно рекомендациям румынских археографов касательно издания кириллических текстов, которые предусматривают сохранение оригинального правописания с

¹⁰ *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 67–68, 148.

использованием вышедших из употребления литер¹¹. Сокращения, обозначенные титлом, раскрыты в круглых скобках.

† Досодеѣ, архієп(ис)к(о)пѣ и митрополит сучавскый, знаменитѣ чиним с(вѣ)тои ц(є)рк(в)и Христовоѣ, сущио повскдѣ православноѣ. Уже приде къ смеренію нашему егѣ м(и)л(ос)тѣ пан Стефан Кунцикый, гетман егѣ кворолевской м(и)л(ос)ти Войска Запоровзкагѣ, жалувчисѣ¹² з великую жалобю на ей м(и)л(ос)тѣ пани Елена, с(вѣ)то почившагѣ пана Григоріа Лесницкого, гл(аго)лющи, тако сѣщи ей сирѣтою, съ патма чадми, ꙗ сѣни и бѣ дщери, мжжатои¹³. Я егѣ м(и)л(ос)тѣ пан Стефан, гетман, тогда будучи менши, болше неже ꙗ лѣт ѡт немѣ, и побралисѣ швое, и се уже ꙗ лѣт ест ѡтнели, же живутъ въкупѣ и чада не сътвориша, да будѣт и єму наслѣдници по немѣ. И время уже минуша ей, заматорѣвши въ старѣсти. И еще же между ними и пребиваніе не живителное и нестроєніе велико. Тогѣ ради умоли наше смерєніе да сѣ разлучат. Тѣм же и мы, усмотривше ѣ правилѣ ц(є)рковном на початку степеніи съродствам, идеже гл(аго)лет, да не будєт жена болша лѣтми от мжжа. Яще ѣбѣ тако ест, тако сѣ жалует, даєм им свобожденіе, да сѣ разлучат. И да идетъ въ монастыр ей м(и)л(ос)тѣ пани Елена, такѣ же достоитъ сущи ей въ толницѣ старѣсти. Я егѣ м(и)л(ос)тѣ пан Стефан Кунцики, гетман, будучи ѣ възрастѣ съвершеннаго мужѣства, свобѣд да бѣтет¹⁴ на второй брак, законен и приличен възрасту своему, по правилу с(вѣ)т(о)му. Дан ѣ Исѣх ѣ дому нашем митрополитском лѣтъ ̄Зрчѣ а ѡт Еп(а)сительнаго ̄ахпѣ.

Досодеѣ, митрополит соучавскый.

Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Rękopis 47. T. 4. K. 240. Подлинник с печатью и подписью (см. рис. 1).

11 Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I (1384–1448) / volum întocmit de C. Cihodaru, I. Caproșu, L. Șimanschi. București, 1975. P. VIII–IX. Приношу благодарность за консультацию коллеге Валентину Константинову.

12 Литера «у» в слове, возможно, исправлена из «о».

13 Литера «о» в слове исправлена из «р».

14 Так в рукописи.

Источники и литература

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография А. М. Котомина и К°, 1884. Т. 13. 1677–1678 / [под ред. Н. И. Костомарова]. [2 стр.] + 766 стб. + 18 с.

Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев: Штиница, 1980. 166 с.

Гросул В. Я. Досифей // Православная энциклопедия. Т. 16 / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 50–51.

Кочегаров К. А. Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // Украина в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005. Вип. 5. С. 623–664.

Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии // Киевская старина. 1886. Т. 15. Июль. С. 443–455.

Оглоблин О. Гетьман Иван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. 464 с.

Чухліб Т. Мінлива доля рятівника Європи. Степан Куницький. 1683–1684 // Чухліб Т. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи. Київ: Видавничий дім «Кієво-Могилянська Академія», 2004. С. 172–188.

Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. I (1384–1448) / volum întocmit de C. Cihodaru, I. Caproșu, L. Șimanschi. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1975. LV + 606 p.

Volumina legum. Przedruk zbioru praw, staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. Т. 5. 463 + XVI s.

References

Chukhlib, T. *Het'many Pravoberezhnoi Ukrainy v istorii Tsentral'no-Skhidnoi Evropy*. Kyiv: Kyievo-Mohylians'ka Akademiia, 2004, 288 p.

Cihodaru, C., Caproșu, I., Șimanschi, L., editors. *Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. 1 (1384–1448)*. Bucharest: Academy of the Romanian Republic Publ., 1975, 606 p.

Grosul, V. Ia. “Dosifei.” *Pravoslavnaia èntsiklopediia*, vol. 16, ed. by Aleksii II, Moscow: Pravoslavnaia èntsiklopediia, 2007, pp. 50–51.

Kochegarov, K. A. “Uchastie ukrainskogo kazachestva v kampanii 1683 goda protiv Osmanskoï imperii.” *Ukraina v Tsentral'no-Skhidnii Ievropy*, iss. 5, 2005, pp. 623–664.

Lazarevskii, A. M. "Liudi staroi Malorossii." *Kievskaiia starina*, vol. 15, 1886, july, pp. 443–455.

Ohloblyn, O. *Het'man Ivan Mazepa ta ioho doba*. New York, Kyiv, Lviv, Paris, Toronto, 2001, 464 p.

Vlasova, L. V. *Moldavsko-pol'skie politicheskie sviazi v poslednei chetverti XVII — nachale XVIII v.* Kishinev: Shtinitsa, 1980, 166 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.01

Kochegarov K. A.

**An unknown letter of the Suceava Metropolitan Dositheus
on the dissolution of the marriage of the hetman of the right-bank
Cossacks Stefan Kunitsky (1683)**

Kirill A. Kochegarov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. An unknown letter of the Suceava Metropolitan Dositheus on the dissolution of the marriage of the hetman of the right-bank Cossacks Stefan Kunitsky (1683) // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 441–450 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.01

Received: 21.04.2021.

Abstract

This is a publication of the letter of the Suceava Metropolitan Dositheus, apparently written in November, 1683. It was addressed to the leader of the Right-Bank Cossacks, Stefan Kunitsky. After being appointed hetman of the Cossacks by the Polish king Jan III Sobieski, he organized an invasion of Moldavia and a raid on the territory of the Budzhak horde in the autumn or winter of 1683. In the letter, Dositheus gave his permission to Kunitsky to divorce his wife, Elena, who was much older than him, and, accordingly, allowed a second marriage. Elena was the widow of G. Lesnitsky, an influential Cossack foreman of the 1650–1660s, and the marriage with her undoubtedly helped Kunitsky in raising his social status: he was part of the entourage of the Right-

Bank hetman P. D. Doroshenko, later became a Cossack colonel under the rule of the Ottoman Empire, and finally managed to get the hetman title from the Polish king. The published document is a unique source that characterizes not only the political aspect of the Cossack-Moldovan relations in 1683, but also sheds light on the little-studied problem of career strategies and personal interests of individual representatives of the Ukrainian Cossacks in the era of Ruina (1660–1680s), for the implementation of which they used their military and political successes.

Keywords

Hetman Stefan Kunitsky, the Metropolitan of Suceava Dositheus, Cossack foreman, Rzeczpospolita, Ukraine, Moldova.

**«Так он остался только нашим и только своим...»:
Драголюб Йованович о Федоре Махине**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. «Так он остался только нашим и только своим...»: Драголюб Йованович о Федоре Махине // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 451–461. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.02

Статья поступила в редакцию 09.06.2021.

Аннотация

Публикация фрагмента воспоминаний югославского политического деятеля и ученого Драголюбa Йовановича о знакомстве и совместной работе с видным русским эмигрантом в Югославии Федором Евдокимовичем Махиным. Основное внимание в публикуемом очерке уделено организации помощи республиканской Испании в период Гражданской войны 1936–1939 гг., а также антифашистскому движению в Европе.

Ключевые слова

Югославия, русская эмиграция, Ф. Е. Махин, Гражданская война в Испании.

Удивительная биография югославского генерала и полковника русской армии Федора Евдокимовича Махина (1882–1945) уже исследована достаточно подробно¹. На долю этого человека выпали не-

¹ Подробнее о нем см.: *Ганин А. В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332. Уточненные данные по периоду Второй мировой во-

легкие испытания — две мировых войны, революции, Гражданская война, вынужденная эмиграция.

Простой оренбургский казак по происхождению, Махин закончил свой жизненный путь генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии Югославии. При этом он прошел довольно нестандартный для русского офицера-эмигранта путь. До революции получил высшее общее военное образование, стал подполковником, в 1917 г. вступил в партию эсеров, по заданию которой затем пошел на службу в Красную армию и вел подрывную работу. Летом 1918 года, сдав Народной армии Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) город Уфу, перешел на сторону антибольшевистских сил. Командовал группой войск Народной армии. Однако, не смирившись с приходом к власти на Востоке России адмирала А. В. Колчака в ноябре 1918 г., участвовал в заговоре против него и атамана А. И. Дутова в Оренбурге. Был разоблачен и выслан за границу. За рубежом курировал разведывательную работу эсеров против Советской России и руководил Объединением российских земских и городских деятелей в Югославии. В 1930-е гг. стал тайным агентом советской внешней разведки, а в 1939 г., порвав с эсерами, вступил в Компартию Югославии, находившуюся в подполье. В годы Второй мировой войны участвовал в антифашистском сопротивлении, стал приближенным генерального секретаря ЦК Компартии Югославии И. Б. Тито и генералом Народно-освободительной армии Югославии. Умер в Белграде.

Эмигрантский период жизни Махина в ряде аспектов остается малоизвестным. Прежде всего это касается его нелегальной деятельности как агента советской внешней разведки. Однако активная работа Махина не могла остаться незамеченной современниками. В этой связи существует надежда на обнаружение новых, ранее не учтенных в его жизнеописании свидетельств.

Одни из таких воспоминаний о Махине оставил Драголюб Йованович (1895–1977) — югославский ученый и политический деятель, лидер созданной в 1940 г. Народной крестьянской партии (партии, очевидно близкой Махину по взглядам). Йованович был убежденным сторонником парламентской демократии, за что был арестован и в 1947 г. осужден на девять лет тюремного заключения.

Йованович написал многотомные воспоминания, которые неоднократно издавались в Сербии, однако русскому читателю практически

неизвестны. На наш взгляд, представляется целесообразной публикация фрагмента воспоминаний, который посвящен Ф. Е. Махину, на русском языке с необходимым научным комментарием.

О Махине Йованович отзывается как о единственном русском эмигранте, с которым он поддерживал общение, тогда как белую эмиграцию воспринимал отрицательно. Мемуарист отметил высокую осведомленность Махина о югославских политических деятелях, вспоминал о том, что его с героем очерка сблизила работа по оказанию помощи республиканской Испании. В этой работе Махин сотрудничал и с немецкими социал-демократами, и с югославскими политическими деятелями, и с болгарскими эмигрантами. Эти сведения применительно к биографии Махина ранее отечественным исследователям известны не были. Впрочем, вряд ли можно доверять всем суждениям-мемуариста. Например, он предполагал, что книгу, прославлявшую Красную армию, Махин писал по заданию югославского Генштаба, что едва ли соответствует действительности, в особенности принимая во внимание сотрудничество Махина с советской внешней разведкой.

Публикуемый отрывок в большей степени характеризует не самого Ф. Е. Махина, которому посвящен, а общую обстановку второй половины 1930-х гг. в Белграде и роль югославских политических деятелей в поддержке республиканцев в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Перед читателями проходит целая галерея портретов различных деятелей левого направления, пытавшихся противостоять нацизму в межвоенной Европе. Любопытны наблюдения мемуариста и о друге Махина В. И. Лебедеве.

Среди других свидетельств мемуариста обращает на себя внимание упоминание в воспоминаниях контактов с Земгором и Махиным югославского дипломата, сторонника сближения с СССР, а в дальнейшем посланника в СССР и возможного агента советской внешней разведки М. Гавриловича². Дело в том, что Махин, как уже отмечено выше, как раз сам являлся таким агентом. Возможно, дальнейшее введение в научный оборот новых источников позволит более предметно реконструировать тайную сторону деятельности Махина и его окружения.

² Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998. С. 178. По оценке А. Ю. Тимофеева, вербовка Гавриловича если и произошла, то вряд ли этот экстравагантный человек, не исполнявший даже прямые распоряжения югославских властей, был подходящим агентом. См.: Тимофеев А. Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 175–179.

Выражаю искреннюю признательность к.и.н. А. А. Силкину, любезно предоставившему текст воспоминаний Д. Йовановича и осуществившему перевод публикуемого фрагмента с сербского языка.

В комментариях все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Драголюб Йованович

Федор Махин

Русский, ставший белградцем. Единственный русский эмигрант, которому удалось завести друзей среди нас. Единственный, во всяком случае, с кем я поддерживал отношения. Мы, левые, ни в грош не ставили тех, кого называли белогвардейцами или белыми русскими. Нас не привлекали даже социалисты-революционеры, которые были ближе всех к крестьянскому движению на Балканах. Я познакомился, но не сблизился с Владимиром Лебедевым³, хотя он был со Стамболийским⁴ и написал хорошую книгу «Страна роз и крови»⁵. Отвращало меня то, что во время Гражданской войны в России он занимал пост военного министра⁶, а здесь я видел, как им посреди улицы жена помыкает. Они проходили мимо гостиницы «Москва»⁷, жена извергала пламя на мужа, который спокойно держал ее под руку. Это еще было сдержанно по сравнению с тем, что в Белграде рассказывали о супружеских взаимоотношениях между мужчинами-эмигрантами, перебивавшимися поденной работой, и их «графинями». Из-за них мы стали охладевать в отношении русских в целом. Люди

3 Лебедев Владимир Иванович (13.01.1883–30.03.1956) — член партии эсеров, управляющий Морским министерством Временного правительства. Один из организаторов Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) в Поволжье летом 1918 г. Один из руководителей Объединения земских и городских деятелей за границей (Земгор).

4 Стамболийский Александр Стоименов (01.03.1879–14.06.1923) — премьер-министр Болгарии в 1919–1923 гг., один из лидеров Болгарского земледельческого народного союза.

5 Речь идет о книге воспоминаний В. И. Лебедева «В стране роз и крови» (Париж, 1935), посвященной Болгарии при А. Стамболийском.

6 В действительности В. И. Лебедев был товарищем главы военного ведомства Комуча.

7 Гостиница «Москва» расположена в центре Белграда на площади Терзие.

из «Земгора»⁸ производили более благоприятное впечатление. У них имелась большая библиотека с абонементом, они издавали «Русский архив»⁹ и получали советские газеты. Я заходил к ним еще до того, как они перебрались на Теразие¹⁰. С ними больше общался Милан Гаврилович¹¹, а самые близкие отношения поддерживали болгарские эмигранты, особенно Коста Тодоров¹².

Когда мы познакомились, бывший офицер царской армии Федор Махин, эсер по убеждению, знал все о каждом нашем политике, и в первую очередь о земледельцах. Мы двое сблизились, только когда началась организация отправки добровольцев в Испанию в 1938 г.¹³ Тогда он уже серьезно сочувствовал Советам, может, и работал на них. Удостоверился к этому времени, что от эмиграции толка не будет, а в России создается мощная армия. Именно этого он горячо желал своей великой родине. В те дни он заканчивал книгу о Красной армии¹⁴. Не исключено, что работал он над ней по заказу нашего Генштаба. Быв-

8 Речь идет об Объединении российских земских и городских деятелей в Югославии. Белградский Земгор возглавлял Ф. Е. Махин.

9 «Русский архив» («Руски архив») — «толстый» сербско-русский журнал, издававшийся на сербском языке научным отделением белградского Земгора при поддержке МИД Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 по 1941 г. Королевство Югославия). Издание было посвящено политике, культуре и экономике России. Главный редактор — В. И. Лебедев. В 1928–1937 гг. вышло 42 выпуска журнала.

10 Теразие — центральная площадь и одноименный микрорайон в центре Белграда.

11 Гаврилович Милан (23.11.1882–01.01.1976) — вице-президент сербской Аграрной партии (1921–1938), югославский дипломат, посланник Югославии в СССР (июнь 1940 — апрель 1941).

12 Тодоров Коста Василев (13.07.1889–11.01.1947) — болгарский революционер, дипломат, политик и журналист. После военного переворота в Болгарии 9 июня 1923 г., в результате которого было свергнуто правительство А. Стамболийского, эмигрировал из страны, но позднее вернулся, а затем вновь эмигрировал. Член Болгарского земледельческого народного союза (1923–1933). Сотрудничал с СССР. Странник сближения Болгарии с Югославией. В 1937 г. побывал в республиканской Испании.

13 Речь идет о событиях Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. и о помощи республиканцам.

14 Речь идет о книге Махина «Красная армия: военная мощь СССР», вышедшей в Париже в 1938 г. (*Makhine Th., colonel. L'Armée Rouge: la puissance militaire de l'URSS. Paris, 1938*).

шему противнику большевиков не претило, что я «вне парламента» требовал установления отношений с Советским Союзом¹⁵. Наоборот. С гордостью показал мне свою рукопись. Гарантией ему служило и то, что я его старому знакомому Якобу Альтмайеру¹⁶ — секретарю Германа Венделя¹⁷ — пообещал отправиться с ним в Испанию. Не было ничего удивительного в том, что немец и русский решали задачу, как двух югославов и одного болгарина перебросить в государство, где у власти находился Народный фронт¹⁸: в то время на поле боя активно действовала Международная бригада¹⁹.

Однажды вечером мой земляк и друг Станко Йованович-Славински²⁰ неожиданно привел ко мне немецкого эмигранта, который за несколько лет до этого сопровождал в поездке по Югославии депутата от социал-демократов и большого друга нашей страны Германа Венделя. Они прибыли по приглашению правительства и газеты «Политика», в которой Гаврилович был царь и бог. Тогда я не встретился ни с Венделем, ни с его спутником. Приехав в Белград на этот раз, Альтмайер сразу обратился к Милану с просьбой назвать трех югославских депутатов-оппозиционеров, которые захотели бы поехать в Испанию, дабы присутствовать при открытии Кортесов²¹ в Барселоне. Туда перебралось республиканское правительство под давлением объединенных сил Франко, Муссолини и Гитлера. Сам Альтмайер

15 Дипломатические отношения Королевства Югославия и СССР были установлены 25 июня 1940 г.

16 Альтмайер Якоб (23.11.1889–08.02.1963) — немецкий журналист и политик, член Социал-демократической партии Германии, участник движения Сопротивления.

17 Вендель Герман (08.03.1884–03.10.1936) — германский политический деятель, публицист, член Социал-демократической партии Германии, немецкий эмигрант.

18 Народный фронт — союз левых и либеральных партий Испании, созданный в 1936 г. и противостоявший коалиции правых партий — Национальному фронту.

19 По-видимому, речь об интернациональных бригадах республиканской армии Испании — вооруженных формированиях иностранных добровольцев левых взглядов, участвовавших в Гражданской войне в Испании. Всего через такие формирования прошло около 30 000 человек, из которых 5000 погибли.

20 Йованович Славинский Станимир-Станко — югославский коммерсант и журналист.

21 Кортесы — испанский парламент.

поначалу бежал во Францию, а затем перешел в Испанию. Судя по имени и смуглой коже, можно было подумать, что он еврей, однако на иностранных языках он говорил скверно, как настоящий шваб²². Станко дал Альтмайеру самому изложить, какую миссию ему поручил председатель правительства Хуан Негрин²³. На просьбу назвать трех оппозиционеров лидер земледельцев Гаврилович по обычаю нахмурился, а затем произнес: «Знаю только одного, кто согласился бы отправиться *туда теньер*». Каждый день газеты сообщали о боях, о бомбардировках Барселоны и Валенсии, о тяжелом положении республиканцев. Чтобы связать Альтмайера со мной, Гаврилович направил его к Станко, полагая, что мы родственники.

Я поначалу сразу согласился. Дана²⁴ также ничего не имела против. Опасность была немалая, однако дело казалось еще более значимым и важным. Я все-таки попросил день-два, чтобы посоветоваться с исполкомом Земледельческой левицы²⁵. Нужно было еще удостовериться, выдаст ли мне полиция паспорт для поездки во Францию, потому что на всех паспортах стояло: «Недействительно для поездок в СССР и Испанию». Так как я осенью 1937 г. «хорошо себя вел» в Чехословакии и во Франции, Драги Йованович²⁶ разрешил мне отправиться в Париж по делам второго издания моей диссертации, или, как я уже объяснил, имел резон меня выпустить. Когда удалось покончить с этим, мне сказали по поводу билета обратиться к Махину. У него, помимо Альтмайера, я встретил и второго югославского депутата, который, не будучи оппозиционером, тем не менее не боялся отправиться в Испанию. Это был Воислав Гачинович²⁷ — брат революционера Владимира Гачиновича²⁸. Он принадлежал к правому крылу

22 Немец. Швабами именовали жителей земли Баден-Вюртенберг, однако Я. Альтмайер был выходцем из земли Гессен.

23 Негрин Хуан (03.02.1892–12.11.1956) — испанский политический деятель, премьер-министр Испании (1937–1939).

24 Супруга мемуариста.

25 Земледельческая левица — левое крыло Земледельческой партии, преобразованное в 1940 г. в Народную крестьянскую партию.

26 Йованович Драгомир (27.07.1902–17.07.1946) — югославский политический деятель, руководитель полиции Белграда. Сотрудничал с германской политической полицией гестапо с 1936 г.

27 Гачинович Воислав (1896–1980) — югославский политический деятель, священник, член «Млады Босны».

28 Гачинович Владимир (25.05.1890–11.08.1917) — сербский революционер, организатор и идеолог «Млады Босны».

земледельцев, но на выборы пошел по списку Евтича²⁹ и победил в своей Герцеговине. Третьего ожидали из Болгарии, откуда его Махин вызвал по телефону. Там этому человеку с готовностью выдали паспорт, потому что правительство предпочитало, чтобы он был за границей, а не в стране. В нашем исполнительном комитете проблемы создавали Нинко и Никола Чопич³⁰, полагавшие, что движение пропадет в случае моей смерти. Душан Богданович³¹ с энтузиазмом отнесся к поездке, невзирая на то, что она могла стоить мне головы: «Пускай погибнет! Дело того стоит!» Света Живкович³² после долгого молчания высказался «за». Позднее он объяснил это тем, что увидел: я уже решил ехать.

До отъезда я пообещал другу Милану Дурману³³ — редактору загребского «Книжевника»³⁴, — что напишу для него первую статью о поездке. За это он авансом выплатил мне гонорар в 500 динар. Впоследствии Вук издал эту статью в Крагуеваце в виде брошюры «Я был в Испании»³⁵. По возвращении моей первой заботой было обо всем проинформировать Федора Махина, который больше всего интересовался соотношением военных сил франкистов и республиканцев. Пришлось сказать ему, что фашисты намного сильнее. О том же я поведал молодежной организации Самостоятельной демократической партии и левым активистам, собравшимся в помещении «Новой речи»³⁶ в Загребе, а также нашим товарищам и коммунистам, которые дважды устроили «аншлаг» в нашем доме и дворе, чтобы услышать новости с той стороны Пиренеев.

29 Евтич Боголюб (24.12.1886–07.06.1960) — югославский дипломат и политический деятель, премьер-министр Югославии в 1934–1935 гг.

30 Чопич Никола — член Земледельческой левицы и Народной крестьянской партии. Позднее — член Коммунистической партии Югославии.

31 Богданович Душан (20.10.1885–07.09.1944) — публицист и политический деятель.

32 Живкович Светислав — врач, член Земледельческой левицы и Народной крестьянской партии, соратник Д. Йовановича.

33 Дурман Милан (18.10.1902–13.04.1941) — журналист, переводчик, издатель.

34 «Книжевник» («Књижевник») — журнал, издававшийся в Загребе в 1930–1939 гг. под редакцией М. Дурмана.

35 Д. Йованович ездил в Испанию на открытие Кортесов в Барселоне в феврале — марте 1938 г. по приглашению премьер-министра Испании Х. Негрина.

36 «Новая речь» («Нова рјеч») — журнал, издававшийся в Загребе в 1936–1940 гг.

Махина я снова и в последний раз встретил только по возвращении из Боснии в первые дни 1945 года. Как только война пришла в Югославию, он оставил дорогой его сердцу Белград и пробился через Боснию в Котор, чтобы, возможно, перебраться в Италию или еще дальше. В Черногории он встретился со многими из тех, с кем сживал в белградских питейных заведениях. Самые известные — Васа Срзентич³⁷ и Бора Проданович³⁸. Общался он и с историками Василем Поповичем³⁹ и Васой Чубриловичем⁴⁰, которых снабжал книгами и сведениями. В Которе Махин познакомился и со Стеваном Мольевичем⁴¹, который рассказывал мне об этом в Митровице⁴². Позднее Махин присоединился к партизанам, которым он оказался весьма полезным благодаря своим знаниям из области военной стратегии и тактики. Он пользовался доверием как русский, придерживавшийся прогрессивных взглядов, и как большой друг Югославии. В освобожденный Белград он прибыл в звании генерала нашей армии. Он чем-то болел и вскоре умер, не пережив даже 1946 года. Коммунисты его похоронили как своего товарища. Весьма вероятно, что он вступил в партию. На его счастье, он не дожил до 1948 г., когда ему пришлось бы выбирать между новой партийной принадлежностью и

37 Срзентич (Глуви) Василие Васо (1895–1959) — югославский журналист и переводчик, член Коммунистической партии Югославии.

38 Проданович Борислав Бора (23.12.1892–13.06.1943) — адвокат, издатель и журналист. Участник партизанского движения в Югославии. Погиб на фронте.

39 Попович Василь (25.01.1887–25.08.1941) — сербский историк. Покончил жизнь самоубийством.

40 Чубрилович Васо (Васа) (14.01.1897–11.06.1990) — югославский историк, участник покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда. За антифашистскую пропаганду в годы Второй мировой войны был арестован, находился в концлагере. Освобожден. Академик Сербской академии наук и искусств, директор Института балканистики.

41 Мольевич Стеван (06.01.1888–15.11.1959) — адвокат, политический деятель. Главный идеолог движения четников в годы Второй мировой войны. В 1946 г. осужден на Белградском процессе на 20 лет заключения и умер в тюрьме.

42 Речь идет о тюрьме в Сремске-Митровице. Тюрьма приобрела известность в связи с тем, что ночью 22 августа 1941 г. тридцать два содержащихся в ней югославских коммуниста совершили побег. Восемь участников побега позднее стали Народными героями Югославии. Стеван Мольевич содержался в тюрьме уже после Второй мировой войны.

своим прирожденным либерализмом, между Москвой и Белградом! Так он остался только нашим и только своим. Наш, хоть и иностранец; свой, хоть и поменял партию.

Јовановић Драгољуб. Политичке успомене. Т. 15. Медаљони. Књ. III / [приредили: Н. Јовановић, Г. Бабић, С. Гавриловић]. Београд: Службени гласник, 2008. С. 237–239. Перевод с сербског језика к.и.н. А. А. Силкина.

Источники и литература

Ганин А. В. Генерал Ф. Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии // Славяноведение. 2021. № 3. С. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5.

Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020. 800 с.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-пресс, 1998. 686 с.

Тимофеев А. Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. 400 с.

Јовановић Драгољуб. Политичке успомене. Т. 15. Медаљони. Књ. III / [приредили: Н. Јовановић, Г. Бабић, С. Гавриловић]. Београд: Службени гласник, 2008. 643 с.

Makhine Th., colonel. L'Armée Rouge: la puissance militaire de l'URSS. Paris: Payot, 1938. 356 p.

References

Ganin, A. V. *Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoĭ armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoĭ voĭny v Rossii 1917–1922 gg.* Moscow: Piatyĭ Rim, 2020, 800 p.

Ganin, A. V. “General F. E. Makhin v gody Vtoroĭ mirovoĭ voĭny v Iugoslavii.” *Slavianovedenie*, no. 3, 2021, pp. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5.

Jovanović, D. *Političke uspomene. Vol. 15. Medaljoni, iss. 3*, ed. by N. Jovanović, G. Babić, S. Gavrilović, Beograd: Službeni glasnik, 2008, 643 p.

Makhine, Th., colonel. *L'Armée Rouge: la puissance militaire de l'URSS.* Paris: Payot, 1938, 356 p.

Sudoplatov, P. A. *Spetsoperatsii. Lubianka i Kreml' 1930–1950 gody.* Moscow: OLMA-press, 1998, 686 p.

Timofeev, A. Iu. *Russkiĭ faktor. Vtoraia mirovaia voĭna v Iugoslavii. 1941–1945.* Moscow: Veche, 2010, 400 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.02

Ganin A. V.

**“So he remained only ours and only his own...”:
Dragoljub Jovanović about Fyodor Makhin**

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. “So he remained only ours and only his own...”: Dragoljub Jovanović about Fyodor Makhin // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 451–461 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.6.02

Received: 09.06.2021.

Abstract

This is a publication of a fragment of memoirs of the Yugoslav politician and scientist Dragoljub Jovanović that describes his meeting and working together with a prominent Russian emigrant in Yugoslavia, Fedor Yevdokimovich Makhin. The main focus of the published essay is on the organization of assistance to Republican Spain during the Civil War of 1936–1939, as well as to the anti-fascist movement in Europe.

Keywords

Yugoslavia, the Russian emigration, F. E. Makhin, Spanish Civil War.

УДК 94

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.01

Крафл П.

Ободриты и лютичи в современной польской и чешской научной литературе

Крафл Павел

Профессор, доктор

Университет им. Константина Философа

949 74, Hodžova 1, Nitra, Slovakia

E-mail: pkrafl@ukf.sk

ORCID: 0000-0003-0595-7904

Цитирование

Крафл П. Ободриты и лютичи в современной польской и чешской научной литературе // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 462–474.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.01

Обзор поступил в редакцию 30.09.2020.

Аннотация

В публикации проанализированы важнейшие монографии по средневековой истории ободритов и лютичей, опубликованные в Польше и Чехии в течение первых двух десятилетий XXI в. Научный интерес к этой теме за последние двадцать лет достиг своей кульминации, принеся ценные результаты, самые значительные из которых представлены в данном книжном обзоре. Большинство специалистов, интересующихся в настоящее время ободритами и лютичами, происходят из рядов польских медиевистов. В чешской историографии история полабских славян находится на периферии исследовательских интересов.

Ключевые слова

Полабские славяне, ободриты, лютичи, Средневековье, монографии.

Исчезнувшие славянские этносы — благодарная тема в контексте историографии отдельных стран Центральной Европы. Наша цель — представить наиболее важные книжные публикации по средневековой истории полабских славян, вышедшие за последние два десятилетия в Польше и в Чехии. Нас интересуют ободриты и лютичи, проживавшие в Средние века в низовьях Эльбы и на острове Рюген. Ободриты

создали княжество, которое располагалось на территории сегодняшнего германского региона Мекленбург. Несколько меньшие княжества создали лютичи на острове Рюген и племя гавелян на территории сегодняшней земли Бранденбург. Союз лютичей составили четыре главных племени. При этом мы не будем касаться темы кашубов, живших в низовьях Одера и Вислы, потомки которых до сих пор проживают в Польше, прежде всего в окрестностях Гданьска. Также мы обойдем вниманием и публикации о сербских племенах, проживавших южнее — в среднем течении Эльбы.

В 2000 г. вышло очередное переиздание монографии польского исследователя Казимежа Ваховского (1873–1943) «Западнославянские народы». К. Ваховский исследовал полабских и померанских славян, а также поморянско-датские отношения. Указанная монография вышла в 1903 г. и впервые была переиздана в 1950 г. Актуальное, уже третье, издание книги вышло при поддержке Познаньского общества друзей науки (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk) в рамках специальной серии, посвященной переизданию важных научных работ. Книгу включает послесловие ведущего польского эксперта по истории Восточного Поморья и кашубов Герарда Лябуды. Известно, что в свое время работу К. Ваховского по теме, не пользовавшейся в польской историографии популярностью, приняли положительно. Особенно ценили его исследования славяно-германских отношений и государственного устройства у славян (хотя этот ученый считал, что полабские славяне были недостаточно активны на ниве государственности). Монография состоит из трех частей. В первой автор рассматривает отношения славян и германцев на пороге Средневековья, во второй — отношения западных и южных славян с Западной Европой в 596–814 гг., а в третьей части — государственное устройство полабских и померанских славян в VIII–XII вв.¹

Посмертно была издана монография об ободритах другого польского исследователя — Адама Турасевича (1918–1978). Книгу «Политическая история ободритов с IX в. до потери независимости в 1160–1164 гг.» он завершил незадолго до своей кончины. Издание предваряют статьи Богумила Гротта об авторе и его научной деятельности и Ежи Стржельчика о значении издаваемого труда. Турасевич разделил свою книгу на четыре раздела. Первый раздел он посвятил перио-

¹ Wachowski K. Słowiańszczyzna Zachodnia / posłowieм zaopatrzył G. Labuda. Poznań, 2000 (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wznowienia. T. 6).

ду древнего ободритского государства (конец VIII — начало X в.), рассмотрев общество ободритов, развитие государства, отношения с соседями. Второй раздел книги посвящен X столетию, ознаменовавшемуся серией восстаний полабских славян против нового немецкого господства. Необходимо подчеркнуть, что в указанный период история ободритов и лютичей переплетается настолько, что Турасевич уделил внимание также лютичам и их племенному союзу. В третьем разделе представлен период нового объединенного ободритского государства. Его ключевыми фигурами были князь Готшалк, после него Крут и сын Готшалка Генрих. В четвертом разделе автор описывает упадок Западноободритского государства, обстоятельства крестового похода 1147 г. и проигранную войну за независимость².

Серьезным вкладом в историографию является монография Станислава Росика «Христианская интерпретация религии языческих славян в свете немецких хроник XI–XII вв. (Титмар, Адам Бременский, Гельмольд)». В первую очередь автор анализирует исследования по язычеству полабских славян своих предшественников: Александра Брюкнера, Эрвина фон Винеке, Станислава Урбанчика, Хенрика Ловминьского и Лешека Мошиньского. По отдельной главе посвящено хронистам Титмару, Адаму Бременскому и Гельмольду. В главе о Титмаре С. Росик повествует о святом источнике племени гломачей и понимании славянами посмертной жизни. Автор знакомит с миссией епископа Бозона Мерзебургского (ум. 954), восстанием полабских славян 983 г., описывает соперничество польского князя Мешко I и чешского князя Болеслава II. Обширно рассказывает о боге Радегасте, а также о Святом Боре, который, по мнению Л. Мошиньского, являлся первичным божеством древних славян, интерпретируя его как «бор святого Бога». Росик упоминает культы горы Сленга и домашнего божка Хеннила. Отдельное внимание уделено Райберну, епископу из Колобжега, который был противником языческой реакции. Приблизительно описаны погребальные ритуалы славян. Упоминаются взаимосвязи восстания ободритов 1018 г. с язычеством. В главе об Адаме Бременском автор описывает священное городище Ретра. Загадкой было указанное хронистом место «Юмне», о котором мнения историков расходятся. Согласно С. Росику, речь шла о городе Волин. Автора также волнует личность ободритского князя Готшалка и восстание славян 1066 г. Кроме этого автор проанализировал понимание

² *Turasiewicz A. Dzieje polityczne Obodryców od IX wieku do utraty niepodległości w latach 1160–1164. Kraków, 2004.*

Гельмольдом славянского язычества. Росик описывает первую волну христианизации, период правления князя Готшалка, последний мятеж 1066 г., а также расцвет и упадок полабской христианской миссии. Особое внимание автор уделил культуре славян Рюгена. Перечень использованных Росиком источников и литературы занимает 19 страниц³. Через двадцать лет после польского издания монография С. Росика вышла на английском языке⁴.

Проблематика религии полабских славян представлена в монографии Дариуша Анджея Сикорского «Религия древних славян»⁵ и переизданном труде Александра Гейштора «Мифология славян»⁶. Книга А. Гейштора была также издана на русском языке⁷.

Павел Бабий опубликовал объемную монографию «Военное дело полабских славян». Автор представил обзор исследований письменных источников и археологического изучения темы. Здесь содержится подробное перечисление польских и немецких работ. Обширная глава повествует о письменных источниках, прежде всего хрониках, и об археологических памятниках материального и полевого характера. Под материальными памятниками подразумеваются прежде всего вооружение славянских воинов, защитные элементы их одежды и упряжи коней. Памятники полевого характера — это останки крепостных укреплений и сторожевых башен. Представлено также историко-географическое описание региона с перечислением задокументированных племен (ободритские вагры, варны и сами ободриты; из лютичских племен — хижане, чрепняне, доленчане и ратары). Отдельно П. Бабий рассматривает остальные племена, часть которых относятся к лютичам. Далее следует обзор военно-политической истории Полабья. Автор описывает войны ободритов с саксонцами, датчанами и лютичами. Размышляет о форме обращения к правителям полабских славян: непо-

3 *Rosik S.* Interpretacja chrześcijańska religii pogańskich Słowian w świetle kronik niemieckich XI–XII wieku (Thietmar, Adam z Bremy, Helmhold). Wrocław, 2000 (Acta Universitatis Wratislaviensis. No. 2235).

4 *Rosik S.* The Slavic Religion in the Light of 11th- and 12th-Century German Chronicles (Thietmar of Merserburg, Adam of Bremen, Helmhold of Bosau). Studies on the Christian Interpretation of Pre-Christian Cults and Beliefs in the Middle Ages / transl. by A. Tyszkiewicz. Leiden; Boston, 2020 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 60).

5 *Sikorski D. A.* Religie dawnych Słowian. Poznań, 2018.

6 *Gieysztor A.* Mitologia Słowian. Warszawa, 2006.

7 *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014.

нятно, как сами славяне называли своих правителей, ведь их титулатура (*principes, reguli, subreguli*) известна нам от хронистов из соседних стран, которые писали по-латински. Положение ободритов в период Франкской империи зависело от их отношения к франкской восточной политике. Автор описывает двойственный подход славян к новой христианской религии: ее принятие ободритами и отторжение лютичами. Приверженность лютичей язычеству послужила предпосылкой к исчезновению славян в регионе. Один из разделов книги посвящен военной организации общества померанских славян. В частности, рассмотрено, какую роль играли пехота и конница, военная дружина князя как постоянное войско и община защищаемого городища. Для защиты окраин существовали наемные военные подразделения. Автор находит параллели с организацией обороны в Дании. Отдельная глава посвящена войскам лютичского союза племен. П. Бабий рассматривает военные затраты, вербовку воинов, территориальную организацию войска и флотилии. Книгу завершает обширный перечень опубликованных источников и литературы⁸.

Из изданий польских археологов необходимо отметить книгу Марека Дулинича. В 2001 г. он опубликовал монографию «Формирование северо-западного славянства. Археологические исследования». Автор представил обзор археологических исследований в Мекленбурге, Бранденбурге, Померании и Великой Польше. Далее следует краткое повествование о печатных источниках по ранней истории указанных территорий. Присутствует отдельная глава об использовании дендрохронологии и метода углеродного анализа. Наиболее обширный раздел книги посвящен анализу материальных памятников. Последовательно рассмотрены сохранившаяся славянская и привезенная керамика, а также украшения. Далее автор рассматривает оружие и снаряжение воинов, конкретно мечи, копья, топоры и шипы. Одна из глав описывает сохранившиеся украшения, прежде всего предметы франкского, аварского, балтийского и скандинавского происхождения, а также памятники с англо-каролингскими орнаментами. Уделено внимание предметам ежедневного пользования: ножам с рукоятями, гребням, монетам. Следующий крупный раздел посвящен жилищу и связанным с ним объектам. Не забыты и погребальные ритуалы, захоронения и их типология. В качестве приложения приведен каталог наиболее важных мест, в которых проводились археологические ис-

⁸ *Babij P.* Wojskowość Słowian Połabskich. Wrocław, 2017. Т. 1 (Wrocławskie Studia z Historii Wojskowości. Т. 5).

следования. Книгу завершает обширный перечень использованной литературы⁹. Монография М. Дулинича была также опубликована в немецком переводе¹⁰.

Исчезновение славянского сообщества было сопряжено с колониционными волнами с территории нынешней Северной Германии и Нидерландов. Ян М. Пискорский опубликовал работу «Сельская колонизация Западного Поморья в XIII — начале XIV вв. на фоне колониционных процессов в средневековой Европе». Предметом рассмотрения в ней является немецкая колонизация территории, основанная на вещном наследуемом отчуждаемом праве. Автор представил обзор бытующих в историографии мнений о колонизации Поморья и Мекленбурга. Пискорский описывает устаревшие положения немецкой историографии о культурном значении колонизации и противоположные им положения историографии польской. Основное изложение предваряется описанием процессов колонизации в древнем Риме, Византии и раннесредневековой Западной Европе. Начало колониционных процессов применительно к Поморью связано с перенаселением германских территорий. Описано начало немецкой и голландской колонизации в области средней Эльбы, Зале и Шпрее в X–XI вв. Я. Пискорский коснулся покорения областей Мекленбург и Бранденбург, начиная с организации похода против славян в 1108 г. и упадка после крестового похода 1147 г. Он рассматривает ход колонизации и германизации в отдельных частях Мекленбурга, ранее бывшего земель ободритов. На вещное наследуемое отчуждаемое право переводились и существовавшие славянские деревни. Автор описывает различия между колонизацией на западе Бранденбурга, где было сильное славянское население, и на востоке этой области. Разбирает положение подданных, как в Мекленбурге, так и в Бранденбурге. Автор рассматривает структуру населения Западного Поморья в XII–XIII вв., характеризуя формы подданства и институты частного права. Описаны и налоговые повинности жителей перед князем, в пользу управления городищ, церковная десятина, а также налоги и сборы в пользу языческих божеств. Начиная с XIII в. можно заметить также предпосылки к урбанизации. Я. Пискорский описывает сельскую колонизацию отдельных частей Западного Поморья и острова

9 *Dulinicz M.* Kształowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne. Warszawa, 2001.

10 *Dulinicz M.* Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weischel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster, 2006 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete, Bd. 7).

Рюген, упоминается роль монастырей. Обширная глава представляет правовые рамки колонизации, управление населенными пунктами и экономические отношения новопоселенных крестьян, их денежные и натуральные обязанности, а также барщину. Сравнительно с другими областями большое значение приобрело рыболовство. Процесс германизации, связанный с колонизацией, задокументирован посредством ономастики. Автор стремится идентифицировать этническую структуру некоторых профессий, например мельников и солтысов. Пискорский объясняет быстрое продвижение германизации на Рюгене, указывает на доминирование германцев в городах, а славян в предместьях. Читатель книги особенно оценит детально структурированное оглавление, что позволяет хорошо ориентироваться в томе¹¹.

Чешская исследовательница Либуше Грабова написала монографию «Следы забытого народа. Изображение истории полабских славян в историографии», которую посвятила памяти князя Готшалка Ободритского. Уже само название книги подсказывает, что в чешской среде данная тематика в течение десятилетий была на периферии. Во введении автор обзорекает развитие и изменения в историографии полабских славян, прежде всего немецкой. Основу книги составляют одиннадцать глав, разделенных на два раздела: «Борьба за свободу» и «Колокола затонувшего города». В первой главе автор размышляет о славянском присутствии западнее территории компактного расселения славян. Это были славяне, которые небольшими группами проникали на территорию Баварии и Тюрингии, где они жили в одних селениях с германским населением. На севере, в области Ганновера, славяне образовали целый анклав — Вендланд. Затем автор описывает развитие отношений между Франкской империей и славянскими племенами в VIII–IX вв. В VIII в. славянские племена еще не входили в область интересов франков, ободриты считали себя союзниками Карла Великого, который сосредоточился на завоевании германской Саксонии. Только IX в. принес начало нападений на славян. Отношения сильно изменились в X–XI вв., которым посвящена третья глава. Грабова разделила ее на части, посвященные деятельности саксонского летописца Видукинда, так называемого Баварского географа, путешественника Ибрагима ибн Якуба и хронике гамбургского епископства Адама Бременского. В отдельной главе рассматриваются конкретные славянские

¹¹ Piskorski J. M. Kolonizacja wiejska Pomorza Zachodniego w XIII i w początkach XIV wieku na tle procesów osadniczych w średniowiecznej Europie. Poznań, 2005 (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wznowienia T. 27).

племена и их городища, возникновение племенных союзов и ранних государственных образований, а также языческие культы. Главным источником по истории полабских славян является хроника Гельмольда (втор. пол. XII в.). Анализ ее содержания дан в пятой главе, в которой подробно описаны судьбы последних членов ободритской княжеской династии Местивоя. Рассмотрено радикальное изменение отношения к полабским славянам, вызванное призывом влиятельного цистерцианского аббата Бернарда Клервосского к крестовому походу против язычников (1147 г.). Изложение средневекового периода завершает краткое описание судеб славян в Померании, Бранденбурге, на Рюгене и в Лужице. Вторая часть книги начинается с биографий авторов исторических трактатов о славянских областях в XV–XVI вв.: Альберта Крантца, Иоганна Бугенхагена, Томаса Канцова и Давида Читреуса. Грабова обратила особое внимание на Вендланд, где славяне проживали до самого конца XVII в. В частности, она представила хронику крестьянина Яна Парума Шульце, который зафиксировал многое из лексики вендского языка, и коснулась истории его изучения языковедами. В заключительной части книги автор поместила небольшую главу о лужицких сербах и их судьбах вплоть до XX в. В конце каждой из глав помещен список источников и литературы. При этом в книге нет сносок. Это первый чешский монографический труд по истории полабских славян¹².

Тонкую, но тем не менее весьма ценную книгу «Полабские славяне» выпустил в 2002 г. польский автор Ежи Стржельчик. В первую очередь он дал определения понятиям *славяне*, *западные славяне* и *полабские славяне*, остановился на географии расселения племен, осветил раннюю историю славянского Полабья, период императора Карла Великого и его преемников, положение славян при династии Оттонов, борьбу за независимость и ее обретение и, наконец, немецкую экспансию. В 2013 г. данная работа была переиздана¹³. Следующую научно-популярную книгу — «Герои полабских славян» — Е. Стржельчик посвятил наиболее известным славянским князьям и другим выдающимся личностям. Речь здесь идет в основном об ободритских князьях, но также и о видных сербах и гавелянах. Последовательно представлены князья Дерван, Драговит, Тегомир, Након, Местивой, Готшалк, его сын Генрих, Пршибыслав-Генрих, Якса и

12 Hrabová L. Stopy zapomenutého lidu. Obraz dějin Polabských Slovanů v historiografii. České Budějovice, 2006.

13 Strzelczyk J. Słowianie połabscy. Poznań, 2002; 2013.

Никлот. Кроме этого в книгу Стржельчика попали польский граф Ян Потоцкий и Я. П. Шульце¹⁴.

Серию книг научно-популярного характера издал Роберт Ф. Барковский. Первой вышла работа «Полабские славяне. История гибели». Автор представил политическое развитие Полабья в контексте проходивших войн¹⁵. Следующая публикация — «Полабье 983 г.» — посвящена важному восстанию, произошедшему в указанном в названии году¹⁶. Третья книга серии — «Полабский крестовый поход 1147 г.»¹⁷. Последняя книга, вышедшая в 2017 г., называется «Перечисление славянских правителей 631–1168 гг.». Р. Ф. Барковский представил в ней всех исторически задокументированных представителей полабских славян¹⁸. Книги Барковского снабжены приложениями с иллюстрациями, краткими сносками и библиографическими справками.

Среди исследователей, которые занимаются средневековой историей Полабья, однозначно доминируют польские историки. В чешской историографии история полабских славян пользуется гораздо меньшей популярностью: рассмотренная выше книга Л. Грабловой является единственной чешской монографией по теме. Польская историография обладает широким спектром работ — от сугубо научных монографий до научно-популярных публикаций, предназначенных для широкой общественности. Появились обзорные исторические публикации, основанные на письменных источниках, а также ценные работы археологов, которые заметно увеличили познания о материальной культуре славянского населения. Исследования в Польше активизировались после Второй мировой войны, когда границы страны достигли реки Одер. Польская историография тогда устремила свой взор на недавно присоединенные территории. Вместе с этим повысился интерес исследователей к соседним территориям на запад от Польши, на которых в раннем Средневековье проживало славянское население. Речь идет прежде всего о землях, составивших области Мекленбург, Бранденбург, Западная Померания и отчасти Ганновер. В течение последних двадцати лет этот интерес к полабским славянам достиг своего апогея. Его наиболее значительные результаты в виде изданных книг были представлены нами в настоящем обзоре.

14 *Strzelczyk J.* Bohaterowie Słowian Połabskich. Poznań, 2017.

15 *Barkowski R. F.* Słowianie połabscy. Dzieje zagłady. Warszawa, 2015.

16 *Barkowski R. F.* Połabie 983. Warszawa, 2015.

17 *Barkowski R. F.* Krucjata połabska 1147. Warszawa, 2017.

18 *Barkowski R. F.* Poczet władców słowiańskich 631–1168. Warszawa, 2017.

В центре внимания современных авторов находятся политическое развитие ободритов и лютичей, взаимоотношения с германскими племенами, религия (язычество, а также процессы христианизации) и военная история. Необходимо подчеркнуть, что раннесредневековое ободритское княжество стояло на том же уровне развития, что и тогдашние государственные образования чехов и полян. Полабские славяне, прежде всего лютичи, являются ценным источником информации о языческой религии древних славян в целом, что активно используется исследователями. Из правителей, которым больше всего уделяют внимание, выделяется князь ободритов Готшалк, поддерживавший распространение христианства.

Источники и литература

- Geijuntor A.* Мифология славян. М.: Весь мир, 2014. 384 с.
- Babij P.* Wojskowość Słowian Połabskich. Wrocław: Wydawnictwo Chronicon, 2017 (Wrocławskie Studia z Historii Wojskowości. T. 5). T. 1. 335 s.
- Barkowski R. F.* Krucjata połabska 1147. Warszawa: Bellona, 2017. 211 s.
- Barkowski R. F.* Połabie 983. Warszawa: Bellona, 2015. 195 s.
- Barkowski R. F.* Poczet władców słowiańskich 631–1168. Warszawa: Bellona, 2017. 255 s.
- Barkowski R. F.* Słowianie połabscy. Dzieje zagłady. Warszawa: Bellona, 2015. 270 s.
- Dulnicz M.* Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weischel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2006 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 7). 423 s.
- Dulnicz M.* Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2001. 323 s.
- Gieysztor A.* Mitologia Słowian. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 407 s.
- Hrabová L.* Stopy zapomenutého lidu. Obraz dějin Połabských Slovanů v historiografii. České Budějovice: Veduta, 2006. 323 s.
- Piskorski J. M.* Kolonizacja wiejska Pomorza Zachodniego w XIII i w początkach XIV wieku na tle procesów osadniczych w średniowiecznej Europie. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2005 (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wznowienia. T. 27). 301 s.
- Rosik S.* Interpretacja chrześcijańska religii pogańskich Słowian w świetle kronik niemieckich XI–XII wieku (Thietmar, Adam z Bremy, Helmhold).

Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000 (Acta Universitatis Wratislaviensis. No. 2235). 368 s.

Rosik S. *The Slavic Religion in the Light of 11th- and 12th-Century German Chronicles* (Thietmar of Merserburg, Adam of Bremen, Helmhold of Bosau). *Studies on the Christian Interpretation of Pre-Christian Cults and Beliefs in the Middle Ages* / transl. by A. Tyszkiewicz. Leiden; Boston: Brill, 2020 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 60). 441 s.

Sikorski D. A. *Religie dawnych Słowian*, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2018. 352 s.

Strzelczyk J. *Bohaterowie Słowian Połabskich*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2017. 302 s.

Strzelczyk J. *Słowianie połabscy*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2002. 95 s.; Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2013. 141 s.

Turasiewicz A. *Dzieje polityczne Obodrzyców od IX wieku do utraty niepodległości w latach 1160–1164*. Kraków: Zakład Wydawniczy NOMOS, 2004. 311 s.

Wachowski K. *Słowiańszczyzna Zachodnia / posłowiem zaopatrzył G. Labuda*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2000 (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wznowienia. T. 6). 190 s.

References

Babij, P. *Wojskowość Słowian Połabskich*, T. 1 (Wrocławskie Studia z Historii Wojskowości, Tom 5), Wrocław: Wydawnictwo Chronicon, 2017, 335 p.

Barkowski, R. F. *Krucjata połabska 1147*. Warszawa: Bellona, 2017, 211 p.

Barkowski, R. F. *Polabie 983*. Warszawa: Bellona, 2015, 195 p.

Barkowski, R. F. *Poczet władców słowiańskich 631–1168*. Warszawa: Bellona, 2017, 255 p.

Barkowski, R. F. *Słowianie połabscy. Dzieje zagłady*. Warszawa: Bellona, 2015, 270 p.

Dulinicz, M. *Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weischel und Elbe. Eine archäologische Studie* (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete, Bd. 7), Neumünster: Wachholtz Verlag, 2006, 423 p.

Dulinicz, M. *Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2001, 323 p.

Gieysztor, A. *Mifologia Słowian*. Moscow: Ves mir, 2014, 384 p.

Gieysztor, A. *Mitologia Słowian*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2006, 407 p.

Hrabová, L. *Stopy zapomenutého lidu. Obraz dějin Polabských Slovanů v historiografii*. České Budějovice: Veduta, 2006, 323 p.

Piskorski, J. M. *Kolonizacja wiejska Pomorza Zachodniego w XIII i w początkach XIV wieku na tle procesów osadniczych w średniowiecznej Europie* (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wznowienia Tom 27), Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2005, 301 p.

Rosik, S. *Interpretacja chrześcijańska religii pogańskich Słowian w świetle kronik niemieckich XI–XII wieku (Thietmar, Adam z Bremy, Helmhold)* (Acta Universitatis Wratislaviensis, No. 2235), Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000, 368 p.

Rosik, S. *The Slavic Religion in the Light of 11th- and 12th-Century German Chronicles (Thietmar of Merseburg, Adam of Bremen, Helmhold of Bosau)*. *Studies on the Christian Interpretation of Pre-Christian Cults and Beliefs in the Middle Ages*. Translated by Anna Tyszkiewicz (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450, Vol. 60), Leiden; Boston: Brill, 2020, 441 p.

Sikorski, D. A. *Religie dawnych Słowian*, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2018, 352 p.

Strzelczyk, J. *Bohaterowie Słowian Polabskich*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2017, 302 p.

Strzelczyk, J. *Słowianie polabscy*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie 2002, 95 p.; Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2013, 141 p.

Turasiewicz, A. *Dzieje polityczne Obodryców od IX wieku do utraty niepodległości w latach 1160–1164*. Kraków: Zakład Wydawniczy NOMOS, 2004, 311 p.

Wachowski, K. *Słowiańszczyzna Zachodnia*, Posłowiem zaopatrzył Gerard Labuda (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wznowienia Tom 6), Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2000, 190 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.01

Kraft P.

The Obotrites and the Lutici in contemporary Polish and Czech academic literature

Pavel Kraft
Professor, Dr.
Constantine The Philosopher University
949 74, Hodžova 1, Nitra, Slovakia
E-mail: pkraft@ukf.sk
ORCID: 0000-0003-0595-7904

Citation

Kraft P. The Obotrites and the Lutici in contemporary Polish and Czech academic literature // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 462–474 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.01

Received: 30.09.2020.

Abstract

The publication analyzes the most important monographs on the medieval history of the Obotrites and the Lutici, published in Poland and the Czech Republic during the first two decades of the 21st century. The academic interest to this topic over the past two decades has culminated with valuable results, the most significant of which are covered in this book review. Most contemporary specialists who are interested in the Obotrites and the Lutici are Polish medievalists. For the Czech historiography, the history of the Polabian Slavs is on the periphery of research interests.

Keywords

Elbe Slavs, Wends, Obotrites, Lutici, Middle Ages, book monographies.

Живопись Ф. А. Малявина в чешских собраниях

Filipp Andrejevič Maljavin. Vášej pro barvu. Vědecký katalog prací F. A. Maljavina ve veřejných a soukromých sbírkách v České Republice / ed. J. Jančárková. — Praha: Integraf, 2020. — 140 s.

Серационова Елена Павловна
Доктор исторических наук, заведующая отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: seracionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серационова Е. П. Живопись Ф. А. Малявина в чешских собраниях // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 475–479.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.02

Рецензия поступила в редакцию 29.06.2021.

Аннотация

В рецензии рассказывается о вышедшем в Праге научном каталоге работ русского художника, выходца из крестьянской семьи Филиппа Андреевича Малявина, хранящихся в государственных и частных коллекциях Чешской Республики. Помимо собственно каталога работ в книгу вошли научные статьи, справочные материалы, указатели, библиография. Книга богато иллюстрирована. В статьях объясняются причины нахождения большого количества работ Малявина в Чехии, анализируется феномен русской послевоенной и послереволюционной эмиграции, раскрываются детали жизненного и творческого пути художника, его связи с Чехословакией.

Ключевые слова

Ф. А. Малявин, живопись, графика, Чехословакия, Россия, эмиграция, каталог, Чешская Республика.

В 2020 г. в Праге вышел в свет научный каталог произведений известного русского художника Филиппа Андреевича Малявина, ко-

торыми располагают частные и государственные собрания Чешской Республики. Редактором этого издания стала искусствовед Юлия Янчаркова, она же является автором статьи «Две России Филиппа Малявина (1869–1940)», нескольких переводов с чешского языка, составителем именного указателя и списка выставок Ф. А. Малявина в Чехословакии и в Чешской Республике в 1928–2019 гг. Рецензентами издания выступили Божена Вахудова (Галерея искусств в Карловых Варах) и Владимир Круглов (Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге).

Издание двуязычное — на чешском и русском языках с резюме на английском языке, что, безусловно, расширяет круг читателей. Кроме иллюстраций 27 живописных работ мастера, 33 его рисунка и 40 работ печатной графики в книгу вошли четыре научные статьи, собственно каталог произведений Малявина, находящихся в ЧР, список выставок за указанные годы, перечень использованной литературы, именной указатель и резюме на чешском, русском и английском языках. В первой статье под названием «Русская эмиграция в историческом контексте» Сергей Гаген вводит читателя в эпоху эмигрантского периода творчества Малявина, живо и интересно рассказывает о переломных исторических событиях в жизни нашей страны, причинах массового исхода из России после Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Касается он и «русской акции помощи» эмигрантам из России, организованной чехословацким правительством, 100-летие которой отмечается в 2021 г.

В статье, посвященной биографии художника, Ю. Янчаркова рисует его творческий путь, стремительный успех, признание на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., где Малявин получил золотую медаль. Она уделила особое внимание отношению художника к советской власти, его «роману с Кремлем», возможности делать портретные зарисовки лидеров большевиков В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского и др., а главное — его дерзкой идее покинуть страну с коллекцией своих картин. Малявин получил разрешение на устройство за границей выставки, доходы от которой должны были пойти в пользу голодающих в России. Для этой поездки он получил свои картины из государственных и частных коллекций, то есть смог вывезти за границу даже уже свои проданные работы. Очутившись в Берлине, он дал интервью русской эмигрантской газете «Руль», в котором резко критически и негативно высказался о советском режиме, тем самым лишив себя возможности возвращения на родину.

В эмиграции Малявин жил во Франции, был популярен как среди русских эмигрантов, так и среди европейской публики и ценителей

искусства. В 1933 г. состоялась его большая персональная выставка в Чехословакии, на которой была выставлена 121 работа и где присутствовал сам художник. В Чехословакии он встречался с русскими эмигрантами, осевшими в этой стране. Многих из них он запечатлел на портретах и рисунках, в том числе историка искусства Н. Л. Окунева, философа И. И. Лапшина. Художник и ранее бывал в Чехословакии, в 1929 г. он создал портрет покровителя русских эмигрантов первого чехословацкого премьер-министра, лидера национальных демократов, депутата парламента Карела Крамаржа. В частной коллекции в Праге находится и портрет Ф. И. Шаляпина, написанный во второй половине 1920-х гг.

Но не только портреты политиков, общественных деятелей и деятелей науки, искусства привлекают наше внимание. Одной из главных тем его эмигрантского периода стало изображение русских баб, мужиков, самоваров, троек, церквей как символов старой любимой потерянной России. Буйство красок, какая-то удаль и разухабистость отражали мощь, красоту оставленной отчизны, широту русской души, вызывали удивление европейцев и находили отзвук в сердцах русских за границей.

Д. Халоупка посвятил статью «пражским» литографиям Ф. Малявина, особенностям его техники. В 1933 г. Малявин провел в Праге несколько месяцев и создал литографии на цинковой пластине. Собрания графических листов, выполненных мастером, хранятся в Музее национальной письменности, Галерее изобразительного искусства в Остраве и Галерее изобразительного искусства в Находе.

Статья В. Токаша посвящена откликам на творчество Малявина в чехословацкой прессе, часть которой восхищалась его картинами, а часть приняла их весьма сдержано. Среди достаточно критически настроенной публики был брат писателя Карела Чапека художник Йозеф Чапек, который хоть и признавал «сильное дарование», «художественный темперамент», «великолепную непосредственность» Малявина, но вместе с тем заявлял, что его живопись броска театральными эффектами, но не изысканна, не изящна, не уравновешенна, нескладна и представляет собой скорее китч, а сам художник весьма сильный, но не великий.

В научном каталоге, составленном Ю. Янчарковой и В. Токошом, дается название каждой картины, ее описание, информация о происхождении, выставках, на которых она выставлялась. В конце издания содержатся списки использованной литературы, сокращений, именной указатель. Заключает книгу резюме, в котором отмечается,

что в 2017 г. в Галерее изобразительного искусства в Находе состоялась выставка работ Ф. А. Малявина из собраний музеев, галерей и частных коллекций. В ходе подготовки к выставке была проделана большая работа, выявлены представленные в книге картины, найдены и подделки. Авторы достаточно критичны к эмигрантскому наследию художника, но это их личное мнение. На самом деле художник в это время творил в общем авангардистском ключе, и этот его творческий период весьма показателен.

Что касается недочетов, то на с. 75 подписи не совсем коррелируют с изображением на картинах: «Тройки», а на картинах совсем не тройки; «Деревенская женщина», а изображено сразу несколько женщин. И уже претензия совсем не к авторам, а к издательству: не совсем точно и адекватно передана яркость красок на картинах Малявина — это обидно, так как из-за этого как-то теряется название «Страсть к цвету».

В целом книга получилась очень интересной и насыщенной новой информацией. Уверена, что издание, значительно углубляющее знания о жизни и творчестве Малявина, вызовет интерес как у специалистов, так и у широкой публики, интересующейся изобразительным искусством.

Источники и литература

Filipp Andrejevič Maljavin. *Vášeň pro barvu. Vědecký katalog prací F. A. Maljavina ve veřejných a soukromých sbírkách v České Republice* / ed. J. Jančárková. Praha: Integraf, 2020. 140 s.

References

Jančárková, J., editor. *Filipp Andrejevič Maljavin. Vášeň pro barvu. Vědecký katalog prací F. A. Maljavina ve veřejných a soukromých sbírkách v České Republice*, Prague: Integraf, 2020, 140 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.02

Serapionova E. P.

F. A. Malyavin's panting in Czech collections

Elena P. Serapionova

Doctor of History, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: serapionovae@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. F. A. Malyavin's panting in Czech collections // Slavic Almanac. 2021. No 3–4. P. 475–479 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.02

Received: 29.09.2021.

Abstract

The review deals with a scientific catalog of works by the Russian artist, a native of the peasant family, of Filipp Andreevich Malyavin, published in Prague, which are kept in state and private collections in the Czech Republic. In addition to the actual catalog of works, the book includes scientific articles, reference materials, indexes, bibliography. The book is richly illustrated. The articles explain the reasons for finding a large number of Malyavin's works in the Czech Republic, analyze the phenomenon of Russian post-war and post-revolutionary immigration, reveal the details of the life and creative path of the artist, his connections with Czechoslovakia.

Keywords

F. A. Malyavin, painting, graphics, Czechoslovakia, Russia, emigration, catalog, Czech Republic.

Полтора столетия истории Сербии: уроки модернизации

Никифоров К. В. От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. — М.: Индрик, 2021. — 280 с.

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Полтора столетия истории Сербии: уроки модернизации // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 480–489.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.03

Рецензия поступила в редакцию 12.06.2021.

Аннотация

В ракурсе анализа модернизационных процессов и политических трансформаций в рецензируемой монографии К. В. Никифорова рассматриваются периоды тридцатилетней истории сербского государства (1878–1918), межвоенной и военной истории (1918–1945), титовской (1945–1991) и милошевичевской (сербско-черногорской) (1991–2006) Югославии, а также постмилошевичевской Сербии. Анализируются проблемы историографии, русско-сербских отношений, специфики социалистической Югославии, сербского варианта постсоциалистической модернизации на фоне восточноевропейской трансформации.

Ключевые слова

Сербия, югославский кризис, постсоциалистическая трансформация, «бульдозерная революция», полторапартийная система, имитационная модернизация, русско-сербские отношения.

Сербия была, остается и будет страной с богатейшей, наполненной противоречивыми, а нередко драматическими и даже трагическими событиями историей. Об этом — очередная интересная монография

доктора исторических наук К. В. Никифорова, ведущего отечественного ученого-слависта. Хотелось бы отметить, что данное исследование, отличающееся оригинальностью постановок проблем, уникальностью исследовательских подходов и прогностическим потенциалом, вносит важный вклад в историческую науку. В монографии анализируются тридцатилетняя история сербского государства, титовская и милошевичевская (сербско-черногорская) Югославия, а также постмилошевичевская Сербия. Большое внимание уделено вопросам историографии, русско-сербским отношениям, специфике социалистической Югославии, сербскому варианту постсоциалистической трансформации.

К настоящему времени можно говорить о серии трудов К. В. Никифорова (они даже могут составить целую библиотеку), в которой представлены его исследования в широчайшем хронологическом и проблемном диапазоне¹. По этим трудам можно изучать историю не только Сербии/Югославии, балканского региона, но и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в целом. Характерная его черта как вдумчивого ученого — обогащение отечественной (да и зарубежной) историографии впервые вводимой в научный оборот терминологией: «трансформационные революции», «полуторапартийная система», «имитационная модернизация» — далеко не полный перечень его концептов, отражающих новаторские подходы к решению поставленных исследовательских и методологических задач, ряду же концептов он дает новые истолкования — например, концепту «бульдозерная революция». Нельзя не отметить и всестороннее исследование автором генезиса феномена современной информационной войны — неустранимого сопровождения агрессивных действий Запада в отношении Сербии сегодня и Югославии вчера. Труды К. В. Никифорова призывают тех, кто направляет подобного рода войны против России во втором десятилетии XXI в., осознать, что их контуры начали оформляться на Балканах еще в конце века XX.

Предельно важен вклад автора и в формирование документальной базы, включающей не только новый отечественный и зарубежный

¹ *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в.: (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995 (переведена на сербский язык); *Он же.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999 (переведена на сербский язык); *Он же.* Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005; *Он же.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012 (переведена на сербской язык); *Он же.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015 (переведена на сербский язык) и мн. др.

документальный материал, но и личный архив, ряд аналитических записок, рекомендаций и др., которые составлялись и активно использовались и используются им в научных трудах.

В своем новом монографическом исследовании автор пристально всматривается в вовлеченность Сербии в модернизационные процессы самой различной направленности и ее сопротивляемость разным вариантам этой вовлеченности. Его временной диапазон — с 1878 г., когда Сербское княжество по решению Берлинского конгресса стало независимым государством, и до нового появления Сербии как самостоятельного государства после ее длительного развития в рамках «трех Югославий». В книге читатель найдет детальную характеристику процессов модернизации, которые приняли сначала имитационный характер, потом — альтернативный (и даже альтернативный альтернативному), затем — вновь имитационный. Завершается исследование 2020 годом, когда в результате парламентских выборов в июне была достигнута победа Сербской прогрессивной партии А. Вучича, одержавшего за три года до этого победу на президентских выборах, набрав более 55 % голосов электората (с. 262).

Не прошло и месяца после подсчета голосов, как оппозиционные силы, в том числе и призывавшие к бойкоту выборов, 7 июля вновь вывели демонстрантов на улицы Белграда. Оценка итогов выборов при этом особым оптимизмом не отличается. «Если раньше, — читаем в книге, — оппозиция была представлена столь незначительно, что не могла реально ни на что влиять, то теперь ее нет вовсе. Роль парламентской оппозиции, скорее всего, придется брать на себя партии СПАС во главе с А. Шапичем. Одновременно отсутствие оппозиции в скупшине неизбежно увеличивает будущую активность противников режима вне стен парламента. Альтернатива здесь только одна: или, так сказать, классические институционализированные протесты, или стихия улицы. Третьего не дано» (с. 216). Тем самым автор констатирует — при всем предельно выраженном сочувствии судьбам народа и страны: Сербия входит в новое десятилетие текущего века во многом со старыми проблемами. Отягощенными пандемией коронавируса, преодоление которой при помощи России все же открывает для нее и новые возможности — страна явилась пионером в освоении наиболее эффективной вакцины против него.

Одно из достоинств монографии сводится к особой достоверности постулатов, анализа и оценок автора: в ряд процессов описываемой им истории он, можно сказать, вживался, являясь непосредственным участником событий в качестве представителя президента РФ как раз в Сер-

бии и формировавшейся Республике Сербской на территории Боснии и Герцеговины. Об этом написана рецензируемая книга, во многом об этом же и другие фундаментальные труды, в которых К. В. Никифоров выступал не только как автор ключевых статей, но и ответственный — во многих смыслах ответственный! — редактор².

К. В. Никифоров — главный редактор созданной в Институте в 2020 г. серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы». Курируемые им работы отличаются новизной поставленных и решаемых проблем. Рассмотрение процессов развития комплекса знаний о современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы представляет собой задачу историографии, решение которой имеет не только научное измерение. Системный подход и принципы ситуационной логики позволяют выявить происходившие в регионе глубинные процессы, так необходимые для выработки перспективных моделей политики России и в отношении балканских государств.

Действительно, вряд ли кто из других исследователей мог бы столь артикулированно обсудить феномен пяти самопровозглашенных государств: по одному — в Сербии и Хорватии и сразу три — в Боснии и Герцеговине, все с непростыми судьбами. «Республика Сербская Краина и Республика Западная Босния были уничтожены в ходе боев, Герцег-Босна — упразднена согласно Дейтонским соглашениям, а для Республики Сербской в тех же Дейтонских соглашениях был найден определенный статус. Наконец, албанскому населению Косово фактически был дан зеленый свет в обретении независимости, хотя юридически край остается в составе Сербии согласно резолюции СБ ООН № 1244», — утверждает автор (с. 159). Косоварам удалось во многом при содействии Запада создать свое государство, причем не

2 Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011; Между Москвой и Брюсселем / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2016; Европа. Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2018; Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб., 2020 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 1); Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб., 2021 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2) и мн. др.

без прямого военного вмешательства извне. И когда автор пишет, что нигде Запад столь открыто не поддерживал данное самопровозглашенное образование, он знает, что говорит. Это повышает достоверность излагаемых событий и обоснование авторских выводов.

Помимо прочего, указанные достоинства — аргумент в пользу востребованности историографии страны со столь непростой судьбой. Разделы по ее проблематике составляют немногим меньше половины объема книги, и для автора самоочевидно, что хотя исследователями — отечественными и зарубежными — было сделано очень много для понимания сербской истории, включая ее 40-летний период до образования Югославии и почти 30-летний период после ее распада, — работа в этом направлении крайне важна. Ибо историография Сербии — своеобразное поле сражения контрарных интерпретаций, в рамках которых некоторые спекуляции принципиально недопустимы, при этом она же — неустранимое введение к пониманию того, что со страной происходит в окровавленном вчера и мало успокаивающем сегодня. «Переписывать» же историю Сербии, как это происходит с историей других стран региона по повелению их политических элит, совершенно невозможно. Жертвы, приносившиеся и приносящиеся этим славянским народом, этого не позволяют.

Итак, первая глава монографии — о новом времени для Балкан и Сербии. Оно наступало для региона несколько раз, пронизательно замечает автор, — и на рубеже XVII–XVIII вв., когда Балканы стали освобождаться от гнета Османской империи, и в результате Первого (1804–1813) и Второго (1815) сербских восстаний, когда возникло полунезависимое Сербское княжество, и, наконец, в 1878 г. Во второй главе отмечается, что до и после этих дат русские и сербы со всей тщательностью всматривались друг в друга. Включая, помимо прочего, фиксацию весьма живых деталей: так, русские оценивали сербское православие как «веселое», а сербы говорили о женах русских эмигрантов как «ленивых» (с. 31, 47). Остается добавить, что меткими наблюдениями самого автора наполнена вся книга, что делает ее легкой для восприятия — при всей фундаментальности поднимаемых для обсуждения вопросов.

Очередные главы — о русской эмиграции в Сербии и истории общерегиональных меньшинств на Балканах, в первую очередь о сербских меньшинствах, изгнанных из Хорватии, а затем из Косово, — тоже вызывают повышенный интерес.

Глава шестая посвящена сложнейшим траекториям оценивания советской и российской историографией титовской Югославии; в ней

подчеркивается всплеск публикаторской активности отечественных и зарубежных ученых (с. 106). Тема заключительной главы первой части монографии — «особый путь» социалистической Югославии, в основном титовской.

Во второй части книги внимание концентрируется на трансформационных революциях «по-сербски» в рамках восточноевропейских трансформаций. Приведем их взвешенную характеристику, релевантную для исследовательских задач в рамках текущей истории не только Сербии и не лишь Балкан, но и региона Центральная и Юго-Восточная Европа. Автор подчеркивает: «...сама трансформация означала во многом модернизацию, вернее — смену одного типа модернизации, проходившей в странах региона, на другой. Вместо окончательно выдохнувшейся модернизации социалистической, альтернативной классической европеизации, в этих странах после “бархатных революций” начался переход к модернизации имитационной, догоняющей, копирующей западные образцы. Не случайно именно в это время был так популярен призыв “возвращения в Европу”. Сегодня уже понятно, что странам региона вновь не удалось полностью “вернуться в Европу”. По крайней мере, разрыв в развитии со “старыми европейцами” преодолеть не удалось. Повторилась ситуация как периода между двумя мировыми войнами, так и периода “социалистического строительства”» (с. 127). Остается добавить: для Югославии, и в первую очередь Сербии, преддверие и ход Второй мировой войны характеризовались особой трагичностью, связанной с нежеланием осуществлять фальшмодернизацию по нацистским образцам. И завершение «социалистического строительства», заменившее еще одну фальшмодернизацию — советскую — другой, по заемным и силой навязываемым Западом образцам, тоже несет на себе следы трагичности. Уроки которой нелишни для усвоения и другим странам региона — так, некоторые из них «добровольно» и даже надменно отказываются от российской вакцины: что-де хорошее может приходить с «отсталого» Востока? Остается надеяться, что и эта ситуация станет предметом разработок автора данного труда, который во многих отношениях характеризуется мощным прогностическим потенциалом.

В начальных главах второй части монографии вопрос об удачах и неудачах процесса модернизации в Сербии на фоне происходящих там политических процессов поставлен во всем объеме и с особой тщательностью. Что не удивительно: Сербия была и остается детонатором взрывов, преобразующих не только лишь Балканы, даже не только Европу, но и весь мир.

Автор правомерно разделяет два «издания» трансформационных революций: первые в целом именуются «бархатными», вторые — «цветными», первые начались с 1989 г., вторые — с 2000. Самая первая из «цветных» произошла как раз в Сербии 5 октября 2000 г., когда: а) на улицы вышла в основном молодежь; б) организационные функции взяла на себя политизированная структура «Опора», подчеркивавшая, что она — вне политики; в) не скрывалась помощь Запада в ее проведении. По аналогичным лекалам прошли затем революции в Грузии и на Украине. Подобное течение — похожие итоги. Один из итогов всех трех — распад государственности, экономические неурядицы, наконец, территориальные потери.

В книге данные процессы изложены с должной тщательностью и убедительностью (с. 135–136), маркируясь авторскими концептами фашизации, советизации и натоизации (с. 133). Они были направлены против всей Югославии, но особо сказывались на судьбе Сербии. Последний процесс по отношению к ней так и не завершился; он приобретает зримые эмпирические корреляции в ходе анализа того, как натоизацию отстаивают некоторые сербские «гиперевропеизаторы».

Вступление в военно-политический блок НАТО предстает в их трактовке не просто безальтернативным — экономически выгодным. Случилось же это с Черногорией, а Сербия что, хуже? Так мыслят некоторые оппозиционеры, забывшие о бомбардировках столицы государства — Белграда, им подражают уже властные структуры в тех же Грузии и Украине. Глубокое понимание сути происходящего в Сербии — тоже несомненное достоинство книги, текста в лучшем смысле этого слова политизированного.

Автор подчеркивает необходимость всматривания в ход трансформационной революции по-сербски, которую можно назвать революцией перманентной — последняя по времени ее вспышка манифестировалась через бойкот парламентских выборов оппозицией в 2020 г. (с. 270). И высокие показатели победившей на выборах Сербской прогрессивной партии, и положительная динамика отношений с Россией, и ускоренный ход вакцинации от коронавируса в стране не сдерживают амбиций оппозиционеров продолжить революции в следующем, третьем десятилетии 21 века. Все успехи страны трактуются представителями этой «гиперпроевропейской» оппозиции как «затишье перед бурей».

Никифоров возможностей ее наступления не отрицает. Он констатирует: «Одним из главных препятствий модернизации на протяжении всего рассматриваемого периода были отсутствие демократии, политической конкуренции, кумовство и коррупция. Парламентаризм

в системе государственной власти и управления или не функционировал, или функционировал плохо, в лучшем случае принимая облик полуторапартийной системы. И сегодняшний надвигающийся авторитаризм в долгосрочной перспективе может иметь разрушительные последствия для задач модернизации Сербии» (с. 275).

Более глубокое знакомство с трудом показывает, что прошлое и настоящее Сербии не дает оснований для спокойных прогнозов. Страну изучать абсолютно необходимо как разгадку возможных исходов больших геополитических игр, можно даже сказать, как модель дисгармоничной сегментации и других государств.

Но вернемся к началу книги. В ней убедительно утверждается, что «сатанизация» Сербии на Западе имеет свои пределы (с. 9) — с учетом того, что самому автору приходилось справляться с немалыми трудностями в ее преодолении — в качестве наблюдателя событий в регионе. А рассматриваемые им уже в качестве исследователя поиски «особых путей» модернизации показывают: они не только заводят в тупик, но в ряде ситуаций открывают новые перспективы — и для Сербии, и для Балкан в целом. Анализируя сложные процессы и ход зачастую кровавых событий, К. В. Никифоров остается в рамках подлинного академизма, не теряя при этом убеждений гражданина России — страны, глубинными корнями связанной и с Югославией, и с Сербией.

Монография, наполненная идеями и креативными прогнозами, — достойное продолжение линии академически выверенной и похорошему ангажированной отечественной югославистики, в рамках которой научный анализ перемежается с тревогой ученых и ее представителей за судьбы югославянских народов. К. В. Никифоров тем самым призывает продолжить работу в данном направлении, а книга выступает своего рода отправной точкой нового цикла комплексных исследований исторических судеб и будущего как сербской государственности и стран региона, так и европейского континента в целом.

Источники и литература

Европа. Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 496 с. DOI: 10.31168/0409-1.

Между Москвой и Брюсселем / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 336 с.

Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в.: (начало деятельности по объединению сербских земель). М.: Институт славяноведения РАН, 1995. 185 с.

Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.

Никифоров К. В. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005. 22 с.

Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. 176 с.

Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашианина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015. 256 с.

Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 1). 464 с. DOI: 10.31168/2712-8342.2020.1.

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2021 (Серия: Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2). 400 с. DOI: 10.31168/2712-8342.2021.2.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.

References

Nikiforov, K. V. *Serbiia v seredine XIX v.: nachalo deiatel'nosti po ob"edineniiu serbskikh zemel'*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 1995, 185 p.

Nikiforov, K. V. *Mezhdū Kremlem i Respublikoĭ Serbskoĭ (Bosniĭskiiĭ krizis: zavershaiushchiiĭ etap)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 1999, 262 p.

Nikiforov, K. V. *Samoprovozglashennye gosudarstva na territorii byvsheĭ Iugoslavii*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 2005, 22 p.

Nikiforov, K. V. *Serbiia na Balkanakh. XX vek*. Moscow: Indrik, 2012, 176 p.

Nikiforov, K. V. "Nachertanie" Ilii Garashanina i vneshniaia politika Serbiĭ v 1842–1853 gg. Moscow: Indrik, 2015, 256 p.

Nikiforov, K. V., editor. *Iugoslaviia v XX veke: Ocherki politicheskoiĭ istorii*. Moscow: Indrik, 2011, 888 p.

Nikiforov, K. V., editor. *Mezhdū Moskvoiĭ i Briusselem*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 2016, 336 p.

Nikiforov, K. V., editor. *Evropa. Evraziia. XXI vek nachinaetsia*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 2018, 496 p. DOI: 10.31168/0409-1.

Nikiforov, K. V., editor. *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Konets XX — nachalo XXI v.* Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, 464 p. DOI: 10.31168/2712-8342.2020.1.

Nikiforov, K. V., editor. *Transformatsionnye revoliutsii v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. K 30-letiiu sobytiĭ. 1989–2019 gg.* Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2021, 400 p. DOI: 10.31168/2712-8342.2021.2.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.03

Zadorozhnyuk E. G.

One and a half century of the history of Serbia: The lessons of modernization

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>

Citation

Zadorozhnyuk E. G. One and a half century of the history of Serbia: The lessons of modernization // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 480–489 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.03

Received: 12.06.2021.

Abstract

The book under review focusses on the following periods of the history of Serbia: the period between 1878 and 1918, the interwar and military history (1918–1945), Tito rule (1945–1991), and Milošević rule (1991–2006) of Yugoslavia (Serbia and Montenegro), as well as Serbia after Milošević. The following problems are addressed in the book: historiography, Russian-Serbian relations, the specific nature of Socialist Yugoslavia, the Serbian version of post-socialist modernization against the background of Eastern European transformation.

Keywords

Serbia, Yugoslav crisis, post-socialist transformation, “bulldozer revolution”, one-and-a-half-party system, imitational modernization, Russian-Serbian relations.

**Реакция балканских государств на глобальные
экономические кризисы середины XIX — середины XX в.**

Беров Х. Когато гръм удари... Балкански политики за възстановяване в ситуация на глобална икономическа криза, средата на XIX — средата на XX в. — София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. — 286 с.

Гусев Никита Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Цитирование

Гусев Н. С. Реакция балканских государств на глобальные экономические кризисы середины XIX — середины XX в. // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 490–496. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.04

Рецензия поступила в редакцию 09.09.2021.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004.

Аннотация

В рецензии обозревается книга болгарского историка Христо Берова, в которой компаративному анализу подвергнуты действия правительств балканских государств в условиях глобальных экономических кризисов — «долгой депрессии» 1873–1896 гг., спада в результате Первой мировой войны и «великой депрессии». Принимаемые меры сравниваются с мировым опытом, с ранее принимавшимися решениями и действиями соседей.

Ключевые слова

Глобальные экономические процессы, модернизация, экономические теории, Албания, Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Турция.

Сравнения в истории применялись еще Геродотом, но систематическому историческому сравнению менее ста лет, и сейчас историческая компаративистика переживает свой взлет. Остается спорным вопрос, является ли она методом или подходом¹, однако все больше историков плодотворно прибегают к сравнению тех или иных стран в различных аспектах. Балканский регион является одним из удачных объектов исследований в синхронии — языковые, культурные связи и взаимовлияния, помноженные на схожий исторический путь начиная с XIX в., делают государства Балкан сравнимыми с меньшей долей условностей, чем когда речь идет о работах, посвященных одновременно странам Европы и Азии. В то же время близость Европы и ориентация на европейские образцы местных политических элит дают возможность сравнения балканских государств с европейскими.

Оба названных потенциала были реализованы в книге доцента Софийского университета им. св. Климента Охридского Христо Беров. Она названа первыми словами заглавия драмы П. К. Яворова «Когда ударит гром...» и посвящена политике балканских государств по преодолению ряда глобальных экономических кризисов в период с середины XIX по середину XX в. Во главу угла автор поставил не экономический, а именно политический процесс и задался целью проверить гипотезу, согласно которой государственные структуры балканских стран в сфере экономики действовали схожим образом. Задачами монографии автор обозначил поиск ответов на следующие вопросы: как реагируют балканские государства в ситуации глобального экономического кризиса; насколько схожи и адекватны ситуации реакции на кризисы; налицо ли сходства реакции ведущих мировых и балканских государств; влияли ли на это политические режимы, международные связи и глобальные процессы (с. 13).

Работа имеет четкую структуру, свидетельствующую о продуманном плане сравнительного анализа — каждый из трех изучаемых кризисов рассматривается по одной и той же схеме: основные характеристики, причины определения ситуации как глобального экономического кризиса, реакция ведущих экономик мира, реакция балканских государств, «сходства, различия, выводы».

Первой подверглась анализу «долгая депрессия» 1873–1896 гг. — финансовый кризис, начавшийся с падения Венской фондовой биржи в 1873 г. Несмотря на серьезный спад в экономике ведущих держав,

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 222–223.

данный кризис всерьез не затронул Балканы. Во-первых, там отсутствовала либеральная экономика, чьи недостатки стали причиной мирового кризиса. В этой сфере было велико присутствие государства, являвшегося главным инвестором, главным заказчиком и регулятором рынка. Во-вторых, в сфере индустрии свою роль сыграл эффект низкой базы — форсированная индустриализация сгладила влияние мировых процессов. Действия правительств в той ситуации позволили их разделить на группы. К первой группе относятся Болгария, Румыния, Сербия, в полной мере пытавшиеся проводить меры, «считавшиеся адекватными для местных нужд и напоминающие политику ведущих экономик». Но в то же время многие их действия были направлены вовне — в известной степени на создание хорошего «кредитного образа» (с. 103–104). Ко второй группе относятся Греция и Османская империя. В первой не уделяли должного внимания модернизации сельского хозяйства и развитию индустрии из-за более высокой рентабельности морской торговли. Во второй же отсутствовало стремление элит к серьезным преобразованиям. В еще одну группу автор выделил Черногорию, развитие которой по сравнению с соседями шло иными темпами и в ином направлении.

Вторым автор рассмотрел экономический кризис, спровоцированный Первой мировой войной и длившийся с момента ее окончания до середины 1920-х гг. Здесь заранее очевидно, что государства оказывались в разных ситуациях: кто-то относился к победителям и получал репарации, а кто-то — к побежденным и эти самые репарации платил. Однако, если задуматься, ситуация на полуострове была более сложной. На экономику повлияло не только выступление на стороне Антанты или Центральных держав. По территории одних стран война прошла в полную силу, на территории других же боевых действий почти не было. Вдобавок возникли новые государства, причем Османская империя избавилась от композитного характера, преобразовавшись в Турцию, а Сербия приобрела его, став ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев. В такой ситуации сравнительный анализ серьезно осложнен. Но действия правительств по выходу из кризиса позволили Х. Берову разделить их на следующие группы. В первой вновь оказались Болгария, Румыния и Королевство СХС. Меры правительств названных государств соответствовали опыту ведущих экономик, хотя иногда и по другим причинам (например, как в случае с аграрной реформой), но велика оказалась их зависимость от глобальных процессов. К тому же, хотя автор и не выделил данный критерий, во всех трех случаях кризисные ситуации в поли-

тике часто затмевали экономические проблемы (с. 145, 155, 162). Во второй группе оказалась лишь Греция, позднее вступление которой в войну обусловило менее значительные потери от боевых действий и отложенный старт кризисных явлений. К третьей группе автор отнес Турцию и Албанию. Несмотря на различный исторический путь, оба молодых государства проводили политику, идентичную той, что реализовывали их соседи в XIX в., — форсированную индустриализацию в условиях преобладания аграрного сектора. В странах же первой и второй групп в 20-е гг. редко фокусировались на промышленности — «фискальная стабильность и аграрные проблемы имели намного большее социальное, политическое и, конечно, экономическое значение» (с. 190–193).

Третьим мировым кризисом, рассмотренным в книге, является «великая депрессия». Здесь в группу государств, следующих за мировой экономической практикой, включены Румыния, Королевство СХС / Югославия, Болгария и Греция. В них наблюдалось вовлечение государства в экономику, отказ от золотого стандарта, хотя в мерах в области сельского хозяйства правительства пошли даже дальше ведущих экономик (с. 260–261). В то же время усиление роли государства в югославском случае не последовало за кризисом, а предшествовало ему: переворот короля Александра 1929 г. произошел почти за год до того, как кризис всерьез ударил по стране (с. 224–225). Отдельное место занимает Турция, где признанное во всем мире необходимым вмешательство государства приобрело больший масштаб и фактически превратилось в советскую модель плановой экономики. И быстрое восстановление хозяйства дало правительству аргументы для продолжения следования этой модели (с. 254). В стороне стоит также Албания. Здесь не существовало четкой и последовательной политики по выходу из кризиса, что обуславливалось и молодостью государственных структур, и усиливавшимся влиянием Италии (с. 261). Успешный выход из кризиса и улучшения в экономике в конце 1930-х гг., как отмечает Х. Беров, стали основой для идеализации сложившихся режимов «сильной руки». «Нельзя, однако, забывать, что это произошло за счет известных ограничений политических и гражданских прав, и ценой была зависимость от германских экономических и политических интересов, что в конечном счете оказалось далеко не выигрышной стратегией в среднесрочной перспективе», — справедливо заключил автор (с. 262).

Подытоживая анализ трех кризисных ситуаций, Х. Беров пришел к следующим выводам. Во-первых, «реакции балканских политиче-

ских и экономических элит не отличались особенной оригинальностью» — ядро государств следовало мировым практикам. Все отклонения объясняются международной ситуацией, в которой оказывалось государство, или его степенью развития. Единственным серьезным сознательным отклонением является плановое начало в турецкой экономике 1930-х гг.

Второй общей чертой является слабое влияние мировых кризисов (за исключением «великой депрессии») из-за незначительной вовлеченности в глобальную экономику. Куда более серьезными оказывались внутренние проблемы, зачастую связанные с природными катаклизмами.

Третьей важной характеристикой является подражание глобальным лидерам: «Именно эта убежденность в простом следовании “работающим моделям” — главная причина применения определенных мер». Конечно, это давало свой результат, но оставался и вопрос об адекватности действий с учетом специфики региона. Примером тому является индустриализация, которую воспринимали локомотивом модернизации. За полувековую историю этого процесса доля промышленности с трудом достигла 20–25% ВВП, а доля населения, занятого в этом секторе, не превышала 10–12% (с. 265–266).

По словам Х. Берова, именно в обозреваемый период в балканских странах были заложены основы экономики и был получен опыт прохождения кризисов. Был ли он применен при преодолении последствий Второй мировой войны, кризисов 1970-х гг. и транзитов 1989 г., автор планирует рассмотреть на следующем этапе своей работы. С учетом того, что во второй половине XX в. балканские страны стали следовать разным политико-экономическим моделям, но такая пропасть между ними, как в XIX в., исчезла, исследование обещает быть перспективным.

К несомненным достоинствам книги стоит отнести наглядность экономических процессов — в ней помещены 40 графиков и 34 таблицы, что довольно редко можно встретить в исторических трудах. Естественно, в большинстве случаев информацию для графиков и таблиц автор черпал в других, прежде всего экономических, работах. В целом, конечно, зависимость от вторичной литературы — вечная проблема компаративного анализа, поскольку преодоление языковых барьеров и работа в иностранных архивах — задача далеко не самая простая. И, как объясняет автор, не самая необходимая для решения задач монографии, поскольку в данном случае важнее официальная статистика и политические решения властей, достаточно проанализированные в контексте национальных историй (с. 21).

В то же время для глубокого понимания сути процессов и для того, чтобы не оказаться в плену у «локальных псевдопричин», необходимо привлекать максимальное количество единиц сравнения². Компаративное изучение Балкан, как выше говорилось, удобнее, нежели сравнение государств из различных частей света. Однако есть и свои проблемы. При синхронном анализе одна из них заключается, например, в том, что Черногория и Албания находились в другом «историческом времени», запаздывая в своем государственном развитии за соседями, при диахроническом анализе — в изменении границ и состава государств. Однако идеальных объектов для компаративных исследований у историков, к сожалению, нет. Анализ же Балкан является хотя и сложной, но перспективной задачей будущих исследований. И справедливо, как пишет Х. Беров, покойный сербский историк Мирослав Йованович укрепил в нем «уверенность, что только через добротное изучение балканских соседей и обязательно в сравнительной перспективе (хронологической и тематической) можно по-настоящему понять регион, в котором живем, и преодолеть стереотипы, которые нас окружают» (с. 9–10).

Источники и литература

Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.

Беров Х. Когато гръм удари... Балкански политики за възстановяване в ситуация на глобална икономическа криза, средата на XIX — средата на XX в. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. 286 с.

References

Berov, Kh. *Kogato grǎm udari... Balkanski politiki za vǔzstanoviavane v situatsiia na globalna ikonomicheska kriza, sredata na XIX — sredata na XX v.* Sofia: Sv. Kliment Okhridski Publ., 2019, 286 p.

Krom, M. M. *Vvedenie v istoricheskuiu komparativistiku.* St Petersburg: European University at St Petersburg Publ., 2015, 247 p.

² Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. С. 151.

Nikita S. Gusev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: gusevns@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9573-7018

Citation

Gusev N. S. The reaction of the Balkan States to the global economic crises of the mid-XIX — mid-XX centuries // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 490–496 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.04

Received: 09.09.2021.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research and National Science Foundation of Bulgaria, project no 20-59-18004.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.04

Gusev N. S.

The reaction of the Balkan States to the global economic crises of the mid-XIX — mid-XX centuries

Abstract

The review reviews the book of the Bulgarian historian H. Berova. It provides a comparative analysis of the actions of the governments of the Balkan states in the conditions of global economic crises — the “long depression” of 1873–1896, the recession as a result of the First World War and the “great depression”. The implemented measures are compared with the world experience, with previously made decisions and actions of neighbors.

Keywords

Global economic processes, modernization, economic theories, Albania, Bulgaria, Greece, Romania, Serbia, Turkey.

**Польское присутствие на белорусских землях в XX столетии:
опыт взаимодействия историков двух стран 2017–2020 гг.**

Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku / red. T. Gawin. Warszawa, 2017–2020. Т. I. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. — 736 s.; Т. II. Polityka — społeczeństwo — kultura. — 673 s.; Т. III. Niepodległość 1918–2018: Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. — 637 s.; Т. IV. Polacy na Białorusi od Powstania Styczniowego do XXI wieku. Rok 1920 na tle przełomów politycznych XX wieku. — 736 s.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Польское присутствие на белорусских землях в XX столетии: опыт взаимодействия историков двух стран 2017–2020 гг. // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 497–509.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.05

Рецензия поступила в редакцию 21.09.2021.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-59-00001/20.

Аннотация

В 2017–2020 гг. Центр исследований Восточной Европы Варшавского университета опубликовал четыре объемистых тома серийного издания «Поляки в Беларуси» под редакцией историка Тадеуша Гавина. В книгах отражены итоги масштабного польско-белорусского научного проекта, в ходе реализации которого польские и белорусские историки сосредоточили внимание на актуальных для обеих стран проблемах истории прежде всего XX века. В частности, отдельные тома и предварявшие их научные конференции были посвящены польским и белорусским идеям

государственной независимости 1918–2018 гг. и военным действиям 1920 г. на фоне политических перемен XX века. Уникальность серийного издания в том, что в нем активно участвовали историки из белорусских государственных университетов и научных институтов; эта практика в условиях резкого ухудшения польско-белорусских политических отношений уже осталась в прошлом.

Ключевые слова

История Польши, история Беларуси, белорусские земли, польская историография, белорусская историография, Т. Гавин.

В августе 2021 г. польский дипломат Витольд Юраш, бывший временный поверенный в делах Польши в Минске, крайне жестко оценил причины глубокого кризиса польско-белорусских отношений во всех сферах. По его мнению, виноваты в современном кризисе именно польские власти, это «катастрофа по собственному желанию»: «Чего мы достигли в Беларуси, какие цели реализовали? Смею утверждать, что никаких. Мы проиграли всё, что можно было проиграть»¹. Главную ошибку политики Варшавы на белорусском направлении в течение последних двадцати лет дипломат видит в игнорировании контактов с официальными властями в Минске и «номенклатурой». На взгляд Юраша, облеченных властными и чиновничьими полномочиями белорусов нужно было перетягивать на свою сторону, выстраивать влияния, в том числе и через гуманитарные контакты. Пессимизм хорошо знакомого с ситуацией эксперта понятен, но не стоит недооценивать и предпринятые польской стороной в последние годы попытки активизации и интенсификации гуманитарных контактов с белорусским научным сообществом, в первую очередь в области исторической науки.

Важным обстоятельством подобных усилий польской стороны стало наметившееся с 2017 г. системное и достаточно плодотворное сотрудничество польских и белорусских историков в рамках исследовательского проекта «Поляки в Беларуси». Инициатива здесь принадлежала Центру исследований Восточной Европы Варшавского

¹ *Kucharczyk M.* Oficjalnie dla Białorusi Polska jest jak Blofeld dla Bondy. Czy dało się przegrać mniej? // *Gazeta. pl.* 09.08.2021. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,27424526,oficjalnie-dla-bialorusi-polska-jest-jak-blofeld-dla-bonda.html> (дата обращения: 09.08.2021).

университета и персонально одному из сотрудников входящего в его состав Центра белорусских исследований Тадеушу Гавину (р. 1951), под редакцией которого в 2017–2020 гг. ежегодно публиковались объемистые, не менее чем 600-страничные тома, отражающие результаты проходивших в Гродно с активным участием местного консульства Польши представительных научных конференций. Стоит отметить, что при достаточном разнообразии ведущих отчет с начала 1990-х гг. контактов польских и белорусских историков проект «Поляки в Беларуси» не имел себе равных и по финансовой составляющей, и по степени охвата научной общественности двух стран.

Хронологически три первых тома проекта охватывают период с конца XIX до начала XXI в., в четвертом томе временные рамки несколько расширены — от Январского восстания до XXI в. Сосредоточенность на событиях прежде всего XX столетия не случайна, она тесно связана с приоритетной тематикой исследований, которая точно отразилась в названии первого тома, увидевшего свет в 2017 г.: «Избранные проблемы польско-белорусских отношений»². Польская сторона, игравшая приоритетную роль в финансировании двустороннего проекта, неизменно задавала основные параметры мероприятий и публикаций вплоть до того характерного момента, что последняя по времени конференция в Гродно 6 ноября 2020 г. проводилась не только в удаленном формате, но и по польскому времени. Если на ежегодных конференциях рабочими языками являлись польский и белорусский, то все четыре тома публикаций, что характерно, предвалявших конференции, а не подводивших их итоги, были изданы Центром исследований Восточной Европы Варшавского университета строго по-польски с небольшими резюме на белорусском, русском и английском языках.

Двусторонний польско-белорусский формат был строго выдержан в подборе как участников конференций, так и авторов публикаций по проекту. Единственным исключением стало участие во втором и четвертом томах германского историка, сотрудника Германского исторического института в Варшаве Феликса Аккермана с текстами о германской оккупационной политике в Белостокском округе во время Второй мировой войны и Гродно в условиях «советской оккупации» 1939–1941 гг.³ (история Гродно и прилегающего региона в XX веке

2 Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku / red. T. Gawin. Warszawa, 2017. T. I. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich.

3 *Ackermann F.* Praca przymusowa, zagłada i terror. Niemiecka polityka okupacyjna w Okręgu Białostockim // Polacy na Białorusi. Od końca XIX do

является приоритетной темой его научных исследований, нашедшей отражение в немецкоязычной монографии 2010 г., в 2021 г. изданной на белорусском языке в Смоленске и в главном совпадающей со взглядом современной польской историографии⁴).

Двусторонний формат исследования избранных проблем был привлечен польскими инициаторами проекта сознательно и продуманно: они старались избежать нежелательных для них акцентов в оценке событий XX века, и прежде всего излишне пристального внимания к белорусской политике польских властей в 1921–1939 гг. Если положению поляков в межвоенной БССР в каждом из четырех томов проекта посвящены многочисленные и разнообразные по тематике тексты, то к ситуации белорусов во II Речи Посполитой обращено не более двух статей в каждой из публикаций, при этом комплексный анализ политики Варшавы на белорусских землях по большому счету содержится лишь в первом томе в статье историка из Белостока Яна Ежи Милевского «Польско-белорусские отношения на северо-восточных землях в межвоенной Польше»⁵.

Другие сюжеты, связанные с политикой польских властей 1921–1939 гг., носят локальный характер, предлагая при этом интересное и научно перспективное развитие тематики. Таковы тексты белостокского исследователя Войцеха Сълешинского «Борьба польских государственных институтов с белорусской (коммунистической) диверсионной деятельностью на северо-восточных землях II Речи Посполитой (1920–1925)» и «Польские концепции национальной ассимиляции на Полесье в 1921–1939 гг.»⁶, белорусских историков Игоря Мельникова «На линии

początku XXI wieku / red. T. Gawin. Warszawa, 2018. T. II. Polityka — społeczeństwo — kultura. S. 355–374; *Idem*. «Za pierwszych Sowietów». Grodno pod okupacją sowiecką (wrzesień 1939 — czerwiec 1941) // Polacy na Białorusi. Od Powstania Styczniowego do XXI wieku / red. T. Gawin. Warszawa, 2020. T. IV. Rok 1920 na tle przełomów politycznych XX wieku. S. 379–398.

4 *Ackermann F.* Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991. Wiesbaden, 2010; *Акерман Ф.* Гісторыя Гародні (1919–1991). Нацыяналізацыя, вынішчэнне і саветызацыя сярэднеўрапейскага места. Смаленск, 2021.

5 *Milewski J. J.* Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich w międzywojennej Polsce // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku. T. I. S. 227–248.

6 *Śleszyński W.* Walka polskich instytucji państwowych z białoruską (komunistyczną) działalnością dywersyjną na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1920–1925) // Polacy na Białorusi od końca XIX do

фронта”. История деятельности польской государственной полиции» и Александра Погорелого «Независимость и модернизация во взаимных наблюдениях поляков и белорусов в межвоенный период»⁷.

Примечательна опубликованная в первом томе статья историка из Гродно Сергея Токтя «Белорусско-польские отношения в межвоенный период в микроисторическом измерении (на основе материалов из гмин Бершты и Скидель Гродненского уезда)»⁸. Белорусский исследователь на местных архивных источниках уточняет обстоятельства противоречий между белорусским крестьянским обществом и польскими властями, подчеркивая, что в 1930-е гг. «белорусская проблема» уже не была такой острой, как в первой половине 1920-х гг., когда отмечались и вооруженные выступления против польского государства. Токть обоснованно отмечает, что в исследованном регионе Гродненского уезда не отмечалось конфликтов на этнической почве как между крестьянами православного и католического вероисповедания, так и между крестьянами и мелкой шляхтой. При этом градус крестьянского недоверия к польским властям был высок, и главные причины этого историк видит в нехватке земли и крайне ограниченных возможностях «социального лифта». В гмине Скидель не зафиксировано ни одного случая, чтобы кто-то из местных белорусов получил в межвоенные годы образование выше начального, в соседней гмине Бершты крестьянский сын Макарий Хоха все же сумел окончить учительскую семинарию, но для получения работы юноше пришлось втайне от родителей перейти из православия в католичество⁹.

początku XXI wieku. T. II. S. 133–152; *Idem*. Polskie koncepcje asymilacji narodowej na Polesiu w latach 1921–1939 // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku* / red. T. Gawin. Warszawa, 2019. T. III. Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. S. 271–290.

7 *Melnikau I.* “Na linii frontu”. Historia działalności polskiej policji państwowej w północno-wschodnich województwach II Rzeczypospolitej // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. II. S. 153–166; *Pahareły A.* Niepodległość i modernizacja — ze wzajemnych obserwacji Polaków i Białorusinów w okresie międzywojennym // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. III. S. 255–270.

8 *Tokć S.* Relacje białorusko-polskie w okresie międzywojennym w wymiarze mikrohistorycznym (na podstawie materiałów z gmin Bierszty i Skidel powiatu grodzieńskiego) // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. I. S. 249–268.

9 *Ibidem*. S. 263.

Обращает на себя внимание, что проведенный Токтем на архивных источниках анализ на уровне микроистории выглядит основательнее и достовернее, чем общие выводы Милевского, в значительной степени основывающиеся на материалах польских переписей 1921 и 1931 гг. Именно на их основе польский историк пытается опровергнуть выводы современной белорусской историографии о численности белорусов во II Речи Посполитой. Давно отмеченные исследователями недостатки упомянутых переписей, в частности их ангажированность и стремление завысить число этнических поляков в многонациональном государстве, хорошо известны, но Милевский уверен в том, что «нет лучших источников, чем итоги этих переписей, для выявления национально-вероисповедной структуры жителей интересующего нас пространства»¹⁰. В результате автор стремится снизить число межвоенных польских белорусов еще значительно, чем смогли зафиксировать итоги переписных кампаний, называя цифру «около 1,5 миллиона», одновременно полагая, что примерно таким же было число поляков на «северо-восточных землях» II Речи Посполитой, к которым автор относит Виленское, Новогрудское, Полесское воеводство полностью, а также Гродненский и Волковысский уезды Белостокского воеводства¹¹.

Информация Милевского существенно противоречит сведениям, приводимым Токтем на основании официальных отчетов польской полиции. Так, большинство населения в гминах Бершты и Скидель составляли православные белорусы, а кроме того, в отчете коменданта полиции за первый квартал 1932 г. прямо говорится, что в гмине Бершты «белорусов римско-католического вероисповедания относительно всего населения 18%»¹². Несложно подсчитать, что вместе взятые белорусы, православные и католики в этих районах составляли не менее 70% всего населения. А это именно та цифра, которая чаще всего встречается в работах современных белорусских историков. В частности, 15 сентября 2021 г. на круглом столе «День народного единства как символ консолидации белорусского народа» в Национальном историческом музее в Минске ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, историк Вячеслав Данилович подчеркнул, что западнобелорусские земли составляли «почти половину территории Беларуси размером около 113 тысяч квадратных

10 *Milewski J. J. Stosunki polsko-białoruskie...* S. 227.

11 *Ibidem.* S. 227–228.

12 *Tokć S. Relacje białorusko-polskie...* S. 249, 263.

километров с населением около 4 миллионов человек, более 70 процентов которого составляли белорусы»¹³. Таким образом, белорусов во II Речи Посполитой, по этой оценке, было не менее 2,8 миллиона, что на 1,3 миллиона превосходит оценку Милевского.

Не менее существенны и разногласия во взглядах Милевского и современных белорусских историков на общую оценку положения белорусов в межвоенной Польше. Указывая на «ошибки, совершенные польскими властями», специалист из Белостока склонен видеть позитивные моменты даже в политике денационализации белорусов: «Критически оценивая полонизационную политику, применявшуюся в отношении белорусов, нужно, несмотря ни на что, замечать ее эффекты. Посещение польских школ (а в начале II Речи Посполитой это была общность с очень большим процентом неграмотных), служба в польской армии (число случаев дезертирства солдат-белорусов было ничтожным), принадлежность к польским общественным и экономическим организациям, а также работа в учреждениях самоуправления существенным образом влияли на принятие польскости, которая для многих была синонимом культурного и материального продвижения»¹⁴. Напомним, что архивные источники статьи Токтя подобное продвижение почти не фиксируют, это идеологическая конструкция польских межвоенных властей, которая к осени 1939 г. была еще далека от серьезной практической реализации.

Пытаясь реанимировать архаические представления времен II Речи Посполитой, Милевский указывает и на то, что большинство белорусов «сохраняло тогда лояльность в отношении польского государства», а также подчеркивает незначительные размеры репрессий польского государства, применявшихся к белорусам, в частности концлагеря в Березе-Картузской, по сравнению с советскими репрессиями 1930-х гг. Эти аргументы вряд ли способны затушевать и существенно изменить давно сложившийся взгляд на процессы национального угнетения в межвоенной Польше, которые в существенной степени повлияли на настроения белорусов в сентябре 1939 г., когда приход Красной армии и избавление от польской власти очень многими реально воспринимались как «освободительный поход». Именно

¹³ Конога П. Данилович: Рижский договор исторически был обречен на неудачу // Беларусь сегодня. 15 сентября 2021. URL: <https://www.sb.by/articles/danilovich-rizhskiy-dogovor-istoricheski-by-l-obrechen-na-neudachu.html> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁴ Milewski J. J. Stosunki polsko-białoruskie... S. 242–243.

таков был итог важнейшего для всей истории польского присутствия на белорусских землях межвоенного периода, в течение которого у властей возрожденного после Первой мировой войны польского государства были все возможности адекватно подойти к решению белорусского вопроса, но эти шансы оказались не реализованы ни на практике, ни даже в области теории.

Изъятие нежелательной западнобелорусской тематики из приоритетного содержательного ряда проекта «Поляки в Беларуси» сопровождается и попытками польских историков интегрировать в белорусскую историографию удобную для них терминологию. Даже из названий многих статей четырехтомника хорошо видна аксиоматичность оценок, исключающих, к примеру, широкое упоминание Западной Беларуси как региона. Милевский и Сьлешинский, напомним, упоминают о «северо-восточных землях» межвоенной Польши или II Речи Посполитой, воспринявший этот подход белорусский историк Мельников говорит о «северо-восточных воеводствах». Польский историк Станислав Сильванович опубликовал во II томе проекта статью, в названии которой упоминаются «оккупированные северо-восточные территории Польши в 1939–1941 гг.», его коллега Станислав Цесельский более корректно выражается о «восточных землях II Речи Посполитой, включенных в Белорусскую ССР», а специалист из Белостока Даниэль Бочковский предпочитает писать о «так называемой Западной Беларуси»¹⁵. Прямо о Западной Беларуси как географическом и политическом термине пишет в своих текстах лишь гродненский историк Виталий Барабаш¹⁶. Исследовательница из Вроцлава Малгожата Рухневич тоже упоминает о послевоенной «за-

15 *Silwanowicz S.* Życie konspiracyjne na okupowanych terenach północno-wschodnich Polski w latach 1939–1941 // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. II. S. 317–336; *Ciesielski S.* Deportacje obywateli polskich z ziem wschodnich II Rzeczypospolitej włączonych do Białoruskiej SRR w latach 1940–1941 // *Ibidem*. S. 299–316; *Boćkowski D.* Polityka władz centralnych w Moskwie i Mińsku wobec ludności tzw. Zachodniej Białorusi // *Ibidem*. S. 283–298.

16 *Barabasz W.* Armia Krajowa i społeczności narodowe w Zachodniej Białorusi w latach okupacji hitlerowskiej (1941–1944) // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. II. S. 337–354; *Idem.* Armia Krajowa w walce o niepodległość Polski przeciwko radzieckiemu ruchowi oporu na obszarze Zachodniej Białorusi w okresie okupacji niemieckiej (1941–1944) // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. III. S. 453–472.

паднобелорусской деревне», но с характерным подзаголовком «Пример сталинской интеграции территорий, аннексированных в итоге Второй мировой войны»¹⁷.

Таким образом, в ходе реализации проекта «Поляки в Беларуси» выстраивается крайне любопытный терминологический ряд. Вместо Западной Беларуси польские историки предпочитают сегодня говорить о «северо-восточных землях» Польши, сначала «оккупированных», а затем аннексированных Сталиным. Последнее высказывание, если отнести к нему со всей серьезностью, означает отрицание признанных на уровне международного права итогов Второй мировой войны и современных границ Республики Беларусь. От такого вывода уже совсем недалеко и до отрицания собственно белорусской государственности. Именно такую точку зрения обосновывает в I томе проекта директор Института международных исследований Вроцлавского университета Здислав Юлиан Винницкий в статье «Рижский договор 1921 г. в оценке белорусской современной политической мысли и историографии». Автор полностью отказал в каких-либо признаках государственности провозглашенной в марте 1918 г. Белорусской народной республике: «БНР <...> государственности в смысле международного права не представляла, ибо такой государственности не было ни де-юре, ни де-факто вследствие полного отсутствия законного международного признания»¹⁸. Подобная жесткость формулировок была характерна для оценок БНР в советской и частично в белорусской историографии и в особенности в публицистике примерно до 2008 года. Современная же белорусская историческая наука, включая официальный ее сегмент, предпочитает более взвешенные оценки, вписывающиеся в общую концепцию белорусской государственности, в которой БНР представлена как «шаг к независимости»¹⁹.

17 *Ruchniewicz M.* Kolektywizacja wsi zachodniobiałoruskiej 1944–1953 ze szczególnym uwzględnieniem Grodzieńszczyzny. Przykład stalinowskiej integracji terytoriów anektowanych w wyniku II wojny światowej // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. II. S. 377–396.

18 *Winnicki Z. J.* Traktat ryski 1921 r. W ocenie białoruskiej współczesnej myśli politycznej i historiografii // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. I. S. 121.

19 Беларусь Народная Рэспубліка — крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс / рэдкалегія: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2018; Беларусь Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці / рэдкалегія: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2020.

Заметим, что в условиях, когда тома проекта «Поляки в Беларуси» выходили накануне научной конференции по заявленной тематике, у белорусских историков, не разделяющих упомянутую выше терминологию, не было никаких шансов подискутировать с подобными точками зрения в текстах статей. Не было также и возможности оспорить категоричные высказывания Т. Гавина в предисловиях к томам, где тематика присутствия поляков на белорусских землях в XX столетии выдержана исключительно в жестком антисоветском ключе, а в период после 1994 г. и до настоящего времени — в предельно критической тональности по отношению к властям Республики Беларусь. Пример такой характеристики находим в предисловии к I тому в оценке судеб поляков в межвоенной БССР: «Польское население в Беларуси лишилось аристократии, магнатории, землевладельцев, бывших царских государственных чиновников, военных, творческой и научной интеллигенции, духовенства, инженеров и других социальных групп. Остались в итоге крестьяне и рабочие, которых подвергли принудительной советизации. В результате должен был сформироваться новый тип поляка, который родиной считал бы не Польшу, а СССР, был бы готов к пропаганде (в том числе вооруженным путем) коммунистических идеалов. Когда польский эксперимент не принес ожидаемых результатов, было принято решение об уничтожении наиболее сознательной части польского населения в Беларуси»²⁰.

Однако при всех издержках терминологии и исследовательских оценок польской стороны нельзя не отметить и положительные аспекты реализованного в 2017–2020 гг. двустороннего проекта. Представители польской и белорусской научной общественности, в том числе белорусские историки из государственных вузов и научных учреждений, в течение четырех лет провели масштабную совместную работу, продвинувшую вперед исследование пусть и избранных, в значительной степени негативных, но существенно важных проблем польского присутствия на белорусских землях преимущественно в XX столетии. Нынешний межгосударственный конфликт делает невозможным продолжение проекта и в то же время открывает возможности для рассмотрения другой части избранных польско-белорусских проблем. Это прежде всего комплекс событий, связанных с межвоенным периодом и впервые отмечавшимся 17 сентября 2021 г. новым государственным праздником Беларуси — Днем народного единства. В выступлении Александра Лукашенко в этот день впер-

20 Gawin T. Wstęp // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku. T. I. S. 15.

вые на официальном уровне прозвучали слова о том, что «Белосток и Белосточчина — это белорусские земли. Что Вильно — это тоже белорусский город и земли вокруг»²¹. Исследовательская перспектива у подобной тематики весьма значительна, а накопленные результаты могут стать логичным и необходимым добавлением к реализованному Варшавским университетом проекту «Поляки в Беларуси».

Источники и литература

Акерман Ф. Гісторыя Гародні (1919–1991). Нацыяналізацыя, вынішчэньне і саветызацыя сярэднеэўрапейскага места. Смаленск: Інбелкульт, 2021. 488 с.

Беларуская Народная Рэспубліка — крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння: гістарычны нарыс / рэдкалегія: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2018. 157 с.

Беларуская Народная Рэспубліка ў гісторыі беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці / рэдкалегія: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2020. 222 с.

День торжества справедливости. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на форуме патриотических сил «Символ единства», посвященном Дню народного единства // Беларусь сегодня. 18 сентября 2021. <https://www.sb.by/articles/den-torzhestva-spravedlivosti.html> (дата обращения: 18.09.2021).

Конога П. Данилович: Рижский договор исторически был обречен на неудачу // Беларусь сегодня. 15 сентября 2021. URL: <https://www.sb.by/articles/danilovich-rizhskiy-dogovor-istoricheski-byl-obrechen-na-neudachu.html> (дата обращения 15.09.2021).

Ackermann F. Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. 372 s.

Kucharczyk M. Oficjalnie dla Białorusi Polska jest jak Blofeld dla Bonda. Czy dało się przegrać mniej? // Gazeta. pl. 09.08.2021. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,27424526,oficjalnie-dla-bialorusi-polska-jest-jak-bloefeld-dla-bonda.html> (дата обращения: 09.08.2021).

²¹ День торжества справедливости. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на форуме патриотических сил «Символ единства», посвященном Дню народного единства // Беларусь сегодня. 18 сентября 2021. URL: <https://www.sb.by/articles/den-torzhestva-spravedlivosti.html> (дата обращения: 18.09.2021).

Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku / red. T. Gawin. Warszawa: Studium Europy Wschodniej, Uniwersytet Warszawski, 2017–2020. T. I. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich. 736 s.; T. II. Polityka — społeczeństwo — kultura. 673 s.; T. III. Niepodległość 1918–2018: Polskie i białoruskie idee niepodległościowe. 637 s.; T. IV. Rok 1920 na tle przełomów politycznych XX wieku. 736 s.

References

Ackermann, F. *Palimpsest Grodno: Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt 1919–1991*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010, 372 p.

Ackermann, F. *Historyia Harodni (1919–1991). Natsyianalizatsyia, vy-nishchën'ne i savetyzatsyia siarédneëŭrapeïškaha mesta*. Smolensk: Inbelkul't, 2021, 488 p.

“Den' torzhestva spravedlivosti. Vystuplenie Prezidenta Belarusi Aleksandra Lukashenko na forumie patrioticheskikh sil ‘Simvol edinstva’, posviashchenom Dniu narodnogo edinstva.” *Belarus' segodnia*, 18 Sept. 2021, <https://www.sb.by/articles/den-torzhestva-spravedlivosti.html>. Accessed 18 September 2021.

Gawin, T., editor. *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. Warsaw: Studium Europy Wschodniej, Warsaw University, 2017–2020. 4 vols.

Kavalenia, A. A. et al., editors. *Belarускаia Narodnaia Rėspublika — krok da nezalezhnastsi: da 100-hoddzia abviashchėnnia: histarychny narys*. Minsk: Belarускаia navuka, 2018, 157 p.

Kavalenia, A. A. et al., editors. *Belarускаia Narodnaia Rėspublika ũ historyi belarускаi natsyianal'naï dziarzhaiŭnastsi*. Minsk: Belarускаia navuka, 2020, 222 p.

Konoga, P. “Danilovich: Rizhskiï dogovor istoricheski byl obrechen na neudachu.” *Belarus' segodnia*, 15 Sept. 2021, <https://www.sb.by/articles/danilovich-rizhskiy-dogovor-istoricheski-by-l-obrechen-na-neudachu.html>. Accessed 15 September 2021.

Kucharczyk, M. “Oficjalnie dla Białorusi Polska jest jak Blofeld dla Bonda. Czy dało się przegrać mniej?” *Gazeta. pl*, 09 Aug. 2021, <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,27424526,oficjalnie-dla-bialorusi-polska-jest-jak-bloefeld-dla-bonda.html>. Accessed 09 August 2021.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.05

Borisenok Yu. A.

**Polish presence on Belarusian lands in the twentieth century:
the experience of interaction between historians
of the two countries 2017–2020**

Yu. A. Borisenok

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect, 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisenok Yu. A. Polish presence on Belarusian lands in the twentieth century: the experience of interaction between historians of the two countries 2017–2020 // Slavic Almanac. 2021. No 3–4. P. 497–509 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.05

Received: 21.09.2021.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no 20-59-00001/20.

Abstract

In 2017–2020 The Center for Eastern European Studies of the University of Warsaw has published four voluminous volumes of the serial edition “Poles in Belarus” edited by the historian Tadeusz Gawin. The books reflect the results of a large-scale Polish-Belarusian scientific project, in the course of which Polish and Belarusian historians focused their attention on the problems of history that are urgent for both countries, first of all, of the twentieth century. In particular, separate volumes and scientific conferences preceding them were devoted to the Polish and Belarusian ideas of state independence in 1918–2018 and the military action of 1920 against the backdrop of political changes in the twentieth century. The uniqueness of the serial publication is that historians from Belarusian state universities and research institutes actively participated in it; this practice, in the context of a sharp deterioration in Polish-Belarusian political relations, has already become a thing of the past.

Keywords

History of Poland, history of Belarus, Belarusian lands, Polish historiography, Belarusian historiography, T. Gawin.

**Современные семантические исследования
в области сербского языка**

Драгићевић Р. Граматика у огледалу семантике. — Београд: Чигоја штампа, 2020. — 236 с.

Милошевич Стефан
Магистр филологије, асистент
Београдски универзитет
11000, Студентски трг, д. 3, Београд, Република Србија
E-mail: stefan.milosevic@fil.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0001-5007-3054

Цитирање

Милошевич Ст. Современне семантичке истраживање у области сербског језика // Славјански алманах. 2021. № 3–4. С. 510–516.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.06

Рецензија поступила у редакцију 07.09.2021.

Анотација

У рецензији разматра се нова књига сербског лингвиста Р. Драгићевића у оквиру традиције семантичких истраживања сербског језика. Аутор подвргаје анализи различите проблеме граматичке, словообразовне и лексичке организације сербског језика на основу теоретико-методолошких ставова «нејасне» лингвистике.

Кључне речи

Семантика, граматика, словообразовање, лексика, српски језик.

Истраживања у области граматичке семантике у српској лингвистици имају полувекову традицију. Уже у 60-е г. XX в. истраживачи осознају, да методе структурне лингвистике не дају потпуно задовољавајуће резултате у описивању језичке структуре и да се више пажње треба посветити значењу језичких јединица. У то време настаје низ прављења семантичких истраживања, у којима се користе различите методе и широка терминологијска база. И иако у српској језикознаници

в большинстве работ начального периода сам термин «семантика» еще не употребляется, семантический подход входит в исследования сербского и других славянских языков в первую очередь в работах Милки Ивич (падежные значения, семантика простого и сложного предложений) и Ирены Грицкат-Радулович (глагольная семантика, вопросы истории сербского языка), а потом Милорада Радовановича (семантический синтаксис и «нечеткая» лингвистика), Предрага Пипера (теория семантических локализаций) и их учеников.

В русле этой традиции написана и монография сербского лингвиста Райны Драгичевич «Грамматика у огледалу семантике» <Грамматика в зеркале семантики>. В ней автор собрал различные исследования, в которых рассматривается широкий круг вопросов грамматической, словообразовательной и лексической организации сербского языка. Методологический подход во всех исследованиях основывается на «нечеткой» лингвистике (англ. “fuzzy” linguistics). В сербском языкознании первым этот термин стал использовать Милорад Радованович, обосновывая свои суждения об организации языковых уровней при помощи терминологического аппарата нечеткой логики. Основные положения данного подхода исходят из того, что некоторые языковые явления и их категории нельзя рассмотреть в рамках одного уровня, которому они принадлежат, а для понимания их сути необходимо привлечь более широкий корпус употреблений, характеризующий данное явление с точки зрения нескольких лингвистических дисциплин. Вопреки тому, что упор делается на межуровневые отношения, содержание книги разделено на три главы именно по критерию языковых уровней. Поэтому в каждой главе аппарат «нечеткой» лингвистики приспособливается к определенному языковому уровню и основной дисциплине, изучающей его. В конце каждого параграфа дается список литературы. Рассмотрим такой методологический подход на примере нескольких параграфов из каждой главы.

Первая и самая объемная глава посвящена вопросам грамматической семантики. В ней наше внимание особенно привлекло исследование так называемых опосредованных квантификаторов. Автор выделяет их в особую лексико-семантическую группу, исходя из их системной связи на синтаксическом и семантическом уровнях: они образуют один и тот же тип количественных сочетаний и обладают регулярной полисемией. Первую группу слов представляют собой опосредованные квантификаторы (с. 15–36). К ним относятся такие слова, как *бокал вина*, *тањир супе* <тарелка супа>, *флаша ракије* <бутылка ракии>, *чаша воде* <стакан воды>, *шоља кафе* <чашка кофе>.

Для всех этих слов общей архисемой является количество, причем оно зависит от величины посуды и характера вещества, которое в нее помещается. Именно эта неопределенность значения привлекает внимание автора, который исследует метонимическое выражение количества. Если взять в качестве примера словосочетание *тањир супе* <тарелка супа> в предложении *Појео је тањир супе* <Он съел тарелку супа>, становится понятным, что оно употребляется как семантическое единство. Вопреки тому, что употребляются две словоформы, мы имеем в виду только одно понятие — суп. Носителем метонимического преобразования «посуда → количество, которое помещается в нее» является целое словосочетание, а не только квантификатор. Однако не во всех контекстах данные словосочетания реализуют метонимическое значение. Если словосочетания можно заменить квантификатором без изменения значения всего предложения, это значит, что словосочетание обладает в первую очередь неколичественным значением (например, *Купио је флашу пива*. — *Купио је пиво* <Он купил бутылку пива. — Он купил пиво>). В ходе дальнейшего анализа данного типа словосочетаний автор выделяет следующие типы квантификации, выражаемые ими: а) имплицитный (когда квантификатор, чаще всего в разговорной речи, опускается: *три пива*), б) регулярный (*три бутылки пива*) и в) квантификацию с обязательным употреблением детерминатора (когда квантификация невозможна без употребления определения: *На столу је стајала пепельара пуна опушака*. <На столе стояла полная окурков пепельница>). И пока синтаксическим центром данных словосочетаний является опосредованный квантификатор, семантический анализ оставляет возможность нескольких трактовок данных словосочетаний. Лексическим центром может считаться сам квантификатор, а его дополнение может быть семантически выделенным. Но так как речь идет о веществе, а его количество не всегда находится на первом плане, можно сказать, что лексическим центром словосочетания выступает дополнение, а квантификатор может быть семантически выделенным.

Внимание автора привлекли и опосредованные квантификаторы, обозначающие форму предмета (с. 37–47). Под данной группой лексем подразумеваются слова, которые не могут самостоятельно обозначить материю, предметы или явления, но при их помощи можно выразить форму материи, предмета или явления, и таким образом они становятся исчисляемыми (например: *нит паучине* <нить паутины>, *грудва снега* <комочек снега>, *прамен косе* <прядь волос>). Поэтому их значение и грамматические особенности рассматриваются через призму инкапсу-

ляции, под которой подразумевается понимание одного члена словосочетания на основе другого. Автор различает три уровня инкапсуляции. Наибольший уровень инкапсуляции присущ словам типа *букет*, *мрва* <крошка>, *пласт* и *прамен*, так что они почти полностью входят в значение следующего за ним слова. Ко второму уровню инкапсуляции относятся слова типа *венац*, *грудва*, *карика* <звено>, *колут* <катушка>, *млаз* <струя>. Они могут употребляться с большим числом существительных, поэтому уровень их инкапсуляции падает. Самым низким уровнем инкапсуляции обладают слова с самым абстрактным значением типа *vlakно* <волокно>, *грумен* <комок>, *гомилa* <куча, множество, уйма>, *камара* <то же>, *хрпа* <то же>, потому что существует бесконечное число существительных, которые можно с ними употребить. Важность инкапсуляции при квантификации состоит в том, что благодаря ей слово может употребляться самостоятельно без дополнения, а сами квантификаторы, выражающие форму, служат средством перечисления обозначенных существительными понятий и расширения круга существительных, которые подпадают под эту категорию. Кроме того, описываемый подход показывает нам отдельную группу неразложимых лексических единиц, не являющихся фразеологизмами. Поэтому данное направление исследований следует продолжить.

Во второй главе рассматриваются различные вопросы семантических отношений в процессе словообразования. Интересным представляется параграф «Семантический анализ отыменных предлогов в сербском языке» (с. 119–136). Предметом анализа в нем являются 7 отыменных предлогов (*врх*, *дно*, *дуж*, *крај*, *место*, *пут*, *чело*), рассмотренных на материале словарных статей и результатов ассоциативного эксперимента. При анализе примеров применяются теория прототипов и когнитивный анализ с целью выявить отношения данных предлогов и существительных, от которых они образованы путем адвербиализации. Примером анализа может послужить слово *чело*. Как существительное оно обозначает часть лица, находящуюся над глазами и под волосами, лоб. У данного существительного есть и местные пространственные значения: передняя часть чего-то, лицо, фасад. Если учесть диахронические данные, то местные значения происходят от семантики праславянского **čedlo* (рус. ‘начало’). Если бы они возникли от значения ‘верхняя часть лица’, то невозможно было бы объяснить значение выражения *доње чело* как конец определенного целого (деревни или ручья). Хотя предлог *чело* в современном сербском языке не очень частотен, автор считает, что он возник по всем правилам адвербиализации и что авторы словаря несправедливо

его обозначили как омоним одноименного существительного. Автор высказывает мнение, что все данные предлоги возникли в рамках грамматической полисемии путем переразложения первичной семантики существительного. Результатом данного процесса является не новое значение исходной лексемы, что типично для полисемии, а новая лексема. Но это нельзя считать омонимией, так как исходная и новая лексема находятся в выраженной семантической связи.

Примером теоретических рассуждений в плане словообразования может послужить параграф о статусе префиксации в сербском языкознании (с. 137–149). Поводом для данных рассуждений послужило то, что на протяжении долгого времени в науке о сербском языке приставочный способ словообразования рассматривался как вид сложения. Причину этому автор видит в диахронической основе сербской дериватологии, в которой приставки рассматриваются не как форманты, а как самостоятельные лексемы, утратившие такой статус в ходе исторического развития. И хотя такой статус сохраняется за приставками во многих грамматиках, начиная с книги «Словообразование современного сербского языка» И. Клайна (2002 г.) он изменяется и, как в остальных славянских языках, приставки относятся к словообразовательным формантам наряду с суффиксами. Диахронический аргумент автор отклоняет, утверждая, что предлоги и приставки относятся к разным уровням анализа и что существуют такие приставки, которые в истории сербского языка никогда не бывали предлогами, а те, которые возникли из предлогов, развили иные по отношению к ним значения (ср.: *помајка* : *повелик*). Хотя это изменение статуса префиксации соответствует исследованиям на материале других славянских языков, автор предлагает выделить префиксацию в отдельный способ словообразования, потому что в отличие от суффиксации приставка добавляется ко всему слову, а суффикс к основе, и тем самым производное слово не меняет своей части речи, что вполне может произойти в случае прибавления суффикса.

Последняя глава данной монографии посвящена различным вопросам лексической семантики. В большинстве параграфов данной главы автор возвращается к давно интересующей ее теме прилагательных, используемых для характеристики человека. Так, в первом разделе (с. 175–181) автор указывает на возможные толкования развития значения прилагательных *грд* и *горд*. Оба прилагательных восходят к праславянскому **gьrdь*, причем, как показывают этимологические словари, прилагательное *грд* возникло в сербском языке, а прилагательное *горд* было заимствовано сербским из русского языка

в XVIII в. И хотя этимология этих слов известна, толкование их значений в современном сербском языке вызывает затруднения. В толковых словарях сербского языка даются неоднозначные определения первичного значения данных прилагательных. Автор пытается найти объяснение тому, как могло возникнуть различное семантическое содержание у одинаковых с точки зрения этимологии лексем, и выдвигает три предположения. Во-первых, в рамках праславянского **gьrdь* могло выделиться вторичное значение ‘положительное духовное качество, подразумевающее физическую красоту’, вступая в отношения энантиосемии с первичным значением. Второе предположение подразумевает трансформацию значения прилагательного *грд* ‘большой → высокий, величественный’, которое потом заимствовало прилагательное *горд*, что можно объяснить процессом платисемии (расширения значения). В противовес данным предположениям о возникновении вторичного значения одного из анализируемых прилагательных, выдвинуто третье, согласно которому выделяется первичное значение отрицательного духовного качества, вокруг которого развивалась полисемантическая структура прилагательного *горд*. Это может свидетельствовать о том, что семы современных прилагательных *горд* и *грд* первоначально не были противопоставлены. Автор не отдает предпочтение ни одному из этих предположений, потому что в разных словарях находит противоречивые данные о первичном значении, и предостерегает исследователей от использования первичных значений в качестве опорных в историко-семантическом анализе.

В методологическом плане интересным представляется параграф «О семантике неполной спецификации (серб. *значењска подспецификованост*, англ. *semantic underspecification*) на примере лексемы *основа*» (с. 183–194). Ссылаясь на термин семантики неполной спецификации Дж. Пустейовского и М. Ивич, автор при анализе данного явления привлекает метод концептуального анализа, выделяя несколько концептуальных метафор, через которые можно понять значение существительного *основа*: 1) фундамент здания; 2) столб здания; 3) корень растения; 4) сердцевина в плоде растения; 5) источник реки. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что данный метод может успешно применяться при анализе такого рода лексики, так как нет лексем с неполной спецификацией с таким широким значением, в котором нельзя обнаружить одну или несколько сем.

В конце книги приводятся резюме всех параграфов на сербском и английском языках, библиографические данные о первых публикациях работ, включенных в книгу, а также именной указатель.

Можно сказать, что статьи, собранные в монографии, продолжают традицию семантических исследований в сербской лингвистике и расширяют круг анализируемых в ней вопросов. В них показывается взаимосвязь и взаимодействие различных языковых уровней с применением адекватного методологического подхода для рассмотрения этих связей. Помимо конкретных результатов описания семантики исследуемых языковых явлений, книга показывает, что методологические установки «нечеткой» лингвистики могут успешно применяться при рассмотрении различных языковых явлений. Благодаря этому можно прийти к новым наблюдениям в области морфосинтаксиса, словообразования и лексической семантики не только сербского, но и других славянских языков.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.06

Milošević St.

Modern Semantic Study of the Serbian Language

Stefan Milošević
MA in philology, teaching assistant
University of Belgrade
11000, Studentski trg 3, Belgrade, Serbia
E-mail: stefan.milosevic@fil.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0001-5007-3054

Citation

Milošević St. Modern Semantic Study of the Serbian Language // Slavic Almanac. 2021. No. 3–4. P. 510–516 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.7.06

Received: 07.09.2021.

Abstract

This critical review examines the new book by Serbian linguist R. Dragičević. In the book various questions of grammatical, derivational and lexical organisation of Serbian language are subject of study based on theoretical and methodological guidelines of “fuzzy” linguistics.

Keywords

Semantics, grammar, derivation, lexis, Serbian language.

УДК 94
DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.8.01

Серапионова Е. П.

Международная научная конференция «Кризис и государство»

Серапионова Елена Павловна
Доктор исторических наук, заведующая отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Международная научная конференция «Кризис и государство» // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 517–522.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.8.01

Текст поступил в редакцию 29.09.2021.

23–24 сентября 2021 г. в Праге состоялась международная конференция под названием «Кризис и государство. На примере Чехословакии в межвоенный период». Ее организаторами выступили Исторический институт Академии наук Чешской республики, Национальный архив и Философский факультет Южночешского университета. Рабочими языками конференции стали чешский, английский и русский. Включение русского языка в рабочие языки научного форума можно только приветствовать, так как в последнее время в ЧР это нечастое явление. Вероятно, данное обстоятельство помогло привлечь большое количество коллег с Украины, в частности из Закарпатья, для которых выступать на русском языке, безусловно, легче, чем на других иностранных языках.

В конференции приняли участие специалисты по истории межвоенной Чехословакии из Австрии, Чехии, Словакии, Украины и России. Среди них: научные работники, преподаватели, аспиранты, архивисты и сотрудники музеев. Мероприятие проводилось в смешанном режиме — очно в помещении Национального архива и по Интернету через платформу Zoom.

Тема конференции представляется крайне интересной и актуальной, так как любое государство на протяжении своей истории не раз сталкивается с кризисными ситуациями разного плана: политиче-

скими, экономическими, социальными, связанными с природными катаклизмами, катастрофами, эпидемиями. Кризисную ситуацию с пандемией последние два года переживают почти все страны мира. От того, насколько эффективно государственные органы могут преодолеть кризис, ликвидировать его последствия, во многом зависит дальнейшее развитие страны и благополучие ее граждан.

Организаторы этого научного мероприятия хорошо продумали его программу и постарались на примере Чехословацкой республики в период между двумя мировыми войнами показать совершенно разные стороны жизни в ЧСР, проблемы, возникавшие в то время, и пути их решения. Все выступления были разбиты на отдельные блоки, что в последнее время стало почти нормой как для иностранных, так и для российских научных форумов. Это безусловно более целесообразно, так как все участники имеют возможность выслушать друг друга (в отличие от прежней практики работы по отдельным секциям после пленарного заседания).

Конференция началась с представления участников. Затем с приветственным словом выступили: директор Национального архива Ева Драшарова, ректор Южночешского университета в Чешских Будеёвицах Богумил Йироушек, директор Исторического института АН ЧР Мартин Голлы, директор Государственного архива Закарпатской области Михаил Мисюк, представитель Баварского главного государственного архива Гельмут Дематтиа и один из организаторов мероприятия научный сотрудник Исторического института АН ЧР Эмил Ворачек. Последний ознакомил участников с реализуемым научным проектом, частью которого являлась данная конференция, а также озвучил организационные моменты.

Всего за два дня участники заслушали и обсудили в 11 блоках 33 научных доклада. Тезисы докладов участники прислали заранее, и они были доступны для ознакомления на специальной интернет-странице. Многие выступления сопровождались презентацией, что вполне оправданно и даже желательно, особенно для международных мероприятий, с целью лучшего восприятия докладов носителями другого языка. После каждого блока было предусмотрено время для дискуссии. К чести организаторов, надо подчеркнуть, что 15-минутный регламент соблюдался четко, и оставалось время для вопросов и дискуссий. Первый блок докладов был посвящен науке в межвоенный период: профессор *Зденек Р. Нешпор* из Института социологии АН ЧР выступил с оценкой развития социологии в ЧСР в XX в. Австрийский ученый *Флориан Руттнер* коснулся ранних взглядов Э. Бенеша на

послевоенный кризис. *Станислав Полнар* из Университета обороны в Брно рассказал о забытой личности в военной истории — Яне Карлике, а представлявший философский факультет Карлова университета *Томаш Банджух* — о философе К. И. Малем.

Во втором блоке речь шла о проблемах чешско-словацкого сосуществования в едином государстве. Заведующий кафедрой Ужгородского национального университета *Игорь Шницер* проанализировал идею чехословакизма как фактор дестабилизации чешско-словацких отношений. Доцент университета в Нитре *Роберт Арнаш* в своем выступлении разбирал попытки И. Дерера сохранить государственное единство в 1938 г.

Третий блок докладов касался политических кризисов. *Петер Попалены* из университета Метрополитан в Праге охарактеризовал обстановку в ЧСР от выборов 1920 г. до появления так называемой «пятерки» (то есть встреч представителей пяти влиятельных партий, на которых и решались все наиболее важные вопросы в стране). Сотрудник Исторического института АН ЧР *Петр Прокиш* остановился на политическом кризисе, вызванном попытками реставрации Габсбургов в 1921 г. Проблемы активизма и пассивной политики немецких и венгерских политических партий рассматривались в докладе двух авторов: доцента Высшей школы экономики в Праге *Андрея Тома* и доцента философского факультета Западночешского университета в Пльзне *Лукаша Новотного*. *Михаил Мисюк* и *Сергей Выскварко* подготовили доклад на основе найденного в Государственном архиве Закарпатской области документа — письма венгерского премьер-министра Пала Телеки о деятельности левых в Словакии.

В докладах четвертого блока говорилось о послевоенном государственном управлении. В докладе *Е. П. Серапионовой* анализировалась социальная политика чехословацких властей и общественных организаций в отношении возвратившихся из России репатриантов. Заведующий кафедрой истории в университете в Комарно *Аттила Симон* проследил создание системы государственного управления на юге Словакии в 1919 г., а словацкий ученый *Збышек Шустек*, рассказывая о проведении денежной реформы в Чехословакии, подчеркнул, что она сопровождалась появлением множества фальшивых купюр, и сравнил масштабы этого явления в ЧСР с подобными в Румынии и КСХС.

В пятый блок вошли доклады о социальных проблемах и проблемах здравоохранения в межвоенной Чехословакии. Широкий обзор развития системы здравоохранения представили в совместном докладе *Л. Новотны*, *А. Тот* и магистр в области технических наук *Якуб*

Драбек. Доктор *Э. Ворачек* остановился на возникновении и развитии системы социального здравоохранения как средства борьбы с такими заболеваниями, как туберкулез. Доцент Винницкого государственного педагогического университета *Александр Кравчук* посвятил свой доклад деятельности президента Т. Г. Масарика в социогуманитарной сфере в Подкарпатской Руси. Аспирантка Карлова университета *Ирина Шульц* показала на примере русских врачей, как менялось отношение к ним от позитивного к негативному.

В последний блок этого дня вошел просмотр документальной хроники межвоенной Чехословакии, связанной с кризисными моментами (пожарами, демонстрациями, политическим кризисом 1938 г.). Подготовил показ и комментарии к нему архивист Национального киноархива *Любош Марек*.

24 сентября работа конференции продолжилась. В седьмом блоке рассматривались экономические проблемы, и первые два выступления — доктора *Мирослава Шептака* из Южночешского университета в Чешских Будеёвицах и *Томаша Морица*, сотрудника кафедры международных исследований и дипломатии факультета международных отношений Высшей школы экономики, были связаны с чехословацко-австрийскими отношениями. М. Шептак показал, как повлиял кризис австрийской демократии в начале 1930-х на двусторонние отношения, а Т. Мориц проанализировал динамику развития внешнеторговых связей двух стран в 1926–1929 гг. Сотрудник Национального архива *Павел Дуфек* рассказал, что одним из средств борьбы с экономическим кризисом являлись ограничения в области предпринимательства. Ужгородец *Константин Куцов* рассмотрел вопрос о том, как сказался экономический кризис начала 1930-х гг. на деятельности карпатоукраинских студенческих объединений в ЧСР.

Восьмой блок объединил доклады о социальном положении и вопросах обеспечения населения. Доктор *Вацлав Шмидркал*, представлявший Институт и архив Масарика АН ЧР, коснулся военного ростовщичества в послевоенный период (1918–1923 гг.) и системы наказаний за экономические преступления. Архивист из Литомержице *Гинек Оберхел* рассмотрел повороты судьбы мельника Й. К. Орта, подчеркивая противоречивость его натуры и связанные с этим сложности в оценках его деятельности (он спекулировал, нарушал закон, но при этом вел огромную благотворительную работу). Сотрудник музея в Челаковицах *Мартин Долейски* и магистр *Якуб Врба*, специалист по новейшей истории чешских земель, в совместном докладе проследили, как на страницах межвоенной печати отражались слу-

чай стрельбы в демонстрантов. Магистр истории Ужгородского национального университета *Татьяна Попович* подробно обрисовала социально-бытовые условия проживания чехословацких военных на территории Подкарпатской Руси в 1919–1925 гг.

Следующий, девятый, блок был целиком посвящен вопросам отношений государства и церкви. Доцент Ужгородского национального университета *Юрий Данилец*, основываясь на документах Национального архива в Праге, рассмотрел позицию чехословацкого государства по отношению к религиозным конфликтам на Подкарпатской Руси в 1920-х годах. В докладе доцента того же учебного заведения *Виктора Кичеры* затрагивались проблемы грекокатолической церкви. Аспирант *Евгений Лунтак* сделал доклад о М. Годже и его политике в отношении православной церкви в Закарпатье.

В десятом блоке разбирались вопросы законодательства. Доклад одного из организаторов конференции, сотрудника Национального архива *Давида Губены*, был посвящен административному управлению и стихийным бедствиям в Подкарпатской Руси. Кстати, его интерес к данному региону отчасти объясняет большое количество участников из Закарпатья, тем более что у него прекрасные личные связи с украинскими коллегами. Магистр права из Института государства и права АН ЧР *Ян Кобер* анализировал закон об охране республики. Доктор *Томаш Рена* из Университета обороны в Брно объяснил цели этого закона и обозначил процесс его принятия. Проблемы, связанные с предприятиями, важными для обороны государства, поставили в своем докладе сотрудники Высшей школы экономики в Праге *Якуб Драбек* и *Радим Ечны*.

Последний блок заседаний носил название «Кризис на горизонте». В докладе сотрудника Национального педагогического музея им. Я. А. Коменского *Яна Шимека* говорилось о военной подготовке в школах межвоенной Чехословакии. Чешский историк *Михал Плавец*, представлявший Национальный технический музей, рассмотрел донесения немецкой разведки о чехословацкой армии с августа 1938 г. по март 1939 г. Аспирант Ужгородского национального университета *Мирослав Игнатоя* остановился на словацко-венгерской историографической дискуссии о так называемой «малой войне» 1939 г., в частности на вопросах терминологии в определении конфликта. Затем после небольшой дискуссии были подведены итоги конференции.

В виде стендовых докладов были представлены работы словацкого ученого *Алены Бартловой* «Мировой экономической кризис на переломе 1920–1930-х и его влияние на словацкое население (особенно

на ситуацию в Братиславе)» и директора Музея войны 1866 г. *Яна Грубецкого* «Части SOS (стражи обороны государства) в Подкарпатской Руси в период второй республики».

Не обошлось без отдельных технических сбоев со звуком и визуальной картинкой докладчиков либо презентации, хотя организаторы за два дня до конференции провели даже «репетицию» для участвовавших в отдаленном режиме. Использование Интернета, с одной стороны, облегчает участие иностранных гостей, с другой, к сожалению, ограничивает возможности непосредственного общения, но хотелось бы надеяться, что это вынужденная мера в условиях пандемии Covid-19.

В целом конференцию отличала хорошая организация и разнообразие тематики. Ценно и то, что наиболее значимые и интересные материалы будут опубликованы в следующем году в специальном тематическом номере журнала *Praginae historiae*.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.8.01

Serapionova E. P.

An International Academic Conference “Crisis and the State”

Elena P. Serapionova

Doctor of History, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: serapionovae@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. An International Academic Conference “Crisis and the State” // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 517–522 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.8.01

Received: 29.09.2021.

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2021

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
33,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87